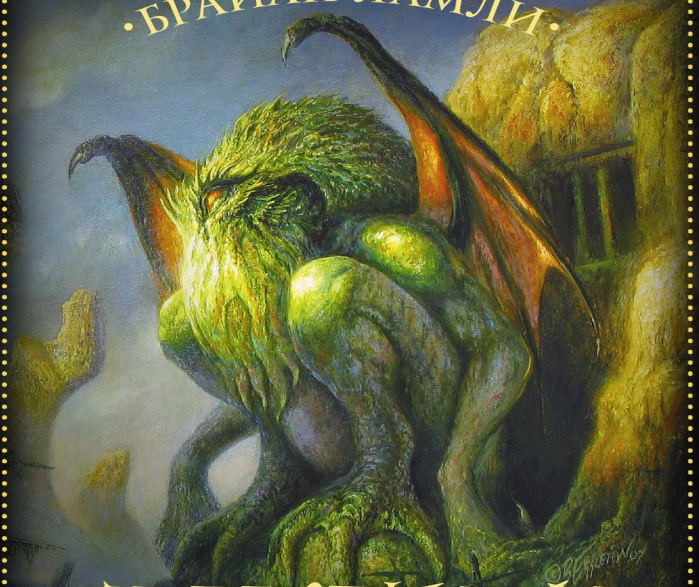
МИФЫ КТУЛХУ

БРАЙАН ЛАМЛИ



ХАГГОПИАНА

И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ

Мифы Ктулху. Хаггопиана и другие рассказы

Брайан Ламли

Аннотация
Брайан Ламли. Мифы Ктулху. Хаггопиана и другие рассказы
Предисловие
Призывающий Тьму
Хаггопиана
Цементные стены
Дом Ктулху
Ночь, когда затонула «Русалка»
Имя и число
Узнать врага
Проклятие золотых стражей
Тетушка Хестер
Поцелуй Бугг-Шаша
Часы де Мариньи
Милахрион Бессмертный
Город-побратим
Темное божество
Письмо Генри Уорси
Колокол Дагона
Тварь с пустоши у края кратера

Дилет-Лин
Зеркало Нитокрис
Второе желание
Гимн
Синхронность, или что-то в этом роде
Возвращение Черного
Сон мага

Аннотация

Мифы Ктулху. Целая вселенная, созданная величайшим писателем-визионером первой половины XX века – Говардом Филлипсом Лавкрафтом. Вселенная, где путь между миром человеческим и миром Великих Древних – непознаваемых вечных существ, проникнутых безграничной злобой (или полнейшим безразличием?) к смертным – открыт практически постоянно. Вселенная, где идет беспрестанная борьба между Светом и Тьмой. Ибо несть числа Темным Богам, и велика сила Ктулху. Прислушайтесь, и вы услышите его голос.

Этот голос звучал в ушах многих талантливых писателей – Роберта Ирвина Говарда и Кларка Эштона Смита, Огюста Дерлета и Лина Картера, Генри Каттнера и Алана Дина Фостера, Колина Уилсона и Рэмси Кэмпбелла, Роберта Блоха и Томаса Лиготти, Стивена Кинга и Нила Геймана, – однако мало кто из них смог передать услышанное столь полно, как признанный мастер литературы ужасов, лауреат Всемирной премии фэнтези и Пре-

мии Брэма Стокера за заслуги перед жанром Брайан Ламли.

Брайан Ламли
Мифы Ктулху. Хаггопиана и другие рассказы

Посвящается
светлой памяти Августа Дерлета

Предисловие

Заметки о Мифе Ктулху, Августе Дерлете и издательстве «Аркхэм Хаус»[1]

Этот сборник рассказов представляет собой парный том к вышедшему в издательстве «Солярис» сборнику моих повестей о Мифе Ктулху, и, как я уже говорил в предисловии к той книге, я вовсе не намерен давать здесь какое- либо развернутое определение Мифа, поскольку это уже сделали до меня многие другие. Кроме того, раз уж, судя по всему, вы выбрали данную книгу для чтения, вполне разумно предполагать, что вы уже знакомы с самым бессмертным и самым захватывающим творением Г. Ф. Лавкрафта. По крайней мере, он заложил основу Мифа, и с тех пор тот продолжает разрастаться в разных направлениях, подобно расширяющейся зоне зараженной земли и растительности вокруг «Выжженной пустоши» Лавкрафта, — но куда быстрее!

---

[1] notes: 1

“Foreword: Notes on the Cthulhu Mythos, August Derleth, and Arkham House”, 1988.

Плешков К. П., перевод на русский язык, © 2018.

Когда заходит речь о Мифе, большинство автоматически ассоциируют его с Лавкрафтом, что в некоторой степени справедливо, поскольку Ктулху был его творением… но сам Миф — нет. Он появился на свет, когда друзья Лавкрафта — коллеги-писатели, с которыми он постоянно переписывался, некоторые редакторы и другие, кому он сам предлагал взять за основу его литературное творчество, — начали писать собственные рассказы на ту же тему. Но более прочная основа Мифа была заложена лишь после того, как Август Дерлет создал издательство «Аркхэм Хаус» с целью обессмертить Лавкрафта, где и начал публиковать собственные «стилизации» под Лавкрафта и так называемое совместное творчество, вместе с произведениями других авторов в том же стиле. Фактически первый настоящий краеугольный камень лег в фундамент Мифа после того, как в издательстве «Аркхэм Хаус» вышла ставшая вехой в его истории антология Дерлета «Рассказы о Мифе Ктулху» — книга, наконец связавшая воедино казавшуюся нескладной конструкцию. Дерлет собрал в ней весьма удачный список произведений, некоторые из которых, благодаря их едва заметному, но манящему сходству, их темам и аллюзиям, озадачивали и захватывали меня

еще в те времена, когда я читал их по отдельности в тех или иных журналах или антологиях. Теперь во всей своей полноте они придали Мифу видимость порядка, сделав его более понятным и осмысленным.

В книге содержалось немало рассказов бывших корреспондентов и друзей Лавкрафта, таких как сам Дерлет, Роберт И. Говард, Кларк Эштон Смит, Фрэнк Белнап Лонг, Роберт Блох, Дж. Вернон Ши, и некоторых других, а также тех, кто пришел в мир Мифа относительно недавно, таких как Рэмси Кэмпбелл, Колин Уилсон и я сам. Я считаю «Рассказы о Мифе Ктулху» отличным чтением, а сделанный Дерлетом подбор материала первоклассным… но разве я мог бы сказать иначе? Все-таки это было самое первое издание в твердой обложке, где появился мой рассказ — точнее, два.

В любом случае, с исключительно личной точки зрения, я полагаю, что стоящая на втором месте лишь после «Некроскопа» моя книга-прорыв, «Рассказы о Мифе Ктулху», вероятно, была намного важнее для меня, чем любая другая; мой экземпляр давно уже зачитан почти до дыр!

Но, если говорить о Дерлете и издательстве «Аркхэм Хаус», я был отнюдь не первым (и не

последним) автором, чей первый вклад в литературу обрел воплощение в блестящем ледерине от фирмы «Холлистон Блэк» — ни в коем случае! Дерлет опубликовал первый сборник Роберта Блоха, «Открыватель пути», и первое издание в твердом переплете романа А. Э. Ван Вогта «Слэн», даже первую книгу Рэя Бредбери «Темный карнавал». Были и многие другие, а некоторым еще предстояло появиться даже после того, как в число авторов издательства вошел я, пришедший относительно поздно.

Так что однозначно следует поблагодарить за все это Августа Дерлета, особенно за сохранение работ Лавкрафта, включая пять обширных томов его писем, но, главное, за то, что он обратил внимание «Аркхэма» на Миф Ктулху. Однако получил ли он в действительности подобную благодарность?

По сути — нет. Напротив, Дерлета немало критиковали в определенных кругах с точки зрения его интерпретации Мифа, главным образом за то, что, создавая его несколько поверхностное «определение», он ввел в него религиозные элементы, параллельные христианской мифологии и внешне не слишком уживающиеся с изначальными намерениями Лавкрафта. Это и некоторые

другие мелкие «преступления», совершенные за недолгое время его редакторской деятельности (когда в числе прочих были опубликованы произведения длинного перечня авторов, которыми пренебрегали другие), создали ему славу «еретика», к чему, как ни парадоксально, приложили руку те, кто настаивал на лишенной какой-либо религиозности идеологии Мифа Лавкрафта! Порой мне на самом деле кажется, что самые фанатичные читатели Лавкрафта сделали богом или, по крайней мере, возвели в ранг идола — его самого!

Протест против «ереси» был столь силен, что критике подвергалось название антологии Дерлета, «Рассказы о Мифе Ктулху», и сам Миф. Это произошло, главным образом, потому, что другой представитель Великих Древних, Йог-Сотот, рассматривается как более значимая фигура всего пантеона. Но, как я уже отмечал, можно ли было ожидать, что Дерлет опубликует книгу под названием «Рассказы о Мифическом цикле Йог-Сотота»? Слишком длинно, сложно и даже, можно сказать, слишком смешно. В то же время название «Рассказы о Мифе Ктулху» вполне удачно не только по *краткости,* но и потому, что «звучит» столь *емко.*

Лично я считаю, что если говорить о Г. Ф. Лавкрафте, то усилия Августа Дерлета можно назвать героическими. Именно благодаря ему Миф продолжает жить. И точно так же, благодаря ему, снова с моей личной точки зрения, я стал тем, кем являюсь сейчас: относительно успешным автором книги, которую вы держите в руках, и многих других.

Все это объясняет, почему вновь я посвятил книгу — именно эту книгу — памяти Августа Дерлета…

Брайан Ламли

Призывающий Тьму[2]

Это один из первых моих рассказов, написанный в 1967 году, когда еще не была опубликована ни одна из моих работ. «Призывающий Тьму» — производное не только от работ Г. Ф. Лавкрафта, но и других авторов, в особенности Августа Дерлета. Оглядываясь назад, я полагаю, что, вероятно, это была преднамеренная хитрость; именно такие рассказы публиковал Дерлет, именно такие я читал в его сборниках и антологиях, и это был рассказ о Мифе Ктулху. Если коротко, я занимался «изучением рынков», но единственным рынком, на который вышли мои работы, оказалось издательство «Аркхэм Хаус»! В любом случае рассказ Дерлету понравился, и в конце концов он увидел свет в 1971 году в моей первой изданной в «Аркхэм Хаус» книге, под тем же самым названием «Призывающий Тьму». Кстати, Тьма с большой буквы в названии — тоже преднамеренно, поскольку, как вам предстоит узнать,

---

[2] notes: 2

"The Caller of The Black", from the collection of the same name, Arkham House, 1971.

Плешков К. П., перевод на русский язык, © 2018.

Тьма эта, можно сказать, единственная в своем роде… и слава богу!

На монолитах древние высекли предостережение:

Тем, кто использует силы ночи, чтобы они не принесли

Гибель самим себе, когда их оплакивать будут другие

Вместо них самих…

Джастин Джеффри[3]

Однажды ночью, не столь давно, я штудировал некоторые из древних книг, которыми имею удовольствие обладать. Меня побеспокоил стук в прочные двери моего жилища, Блоун-хауса. Возможно, более правильным было бы сказать, что в дверь отчаянно колотили, а не стучали. В то же мгновение я инстинктивно понял, что должно случиться нечто из ряда вон выходящее — и предчувствие меня не обмануло.

Ночь выдалась ветреной. Когда я открыл дверь, чтобы впустить стоящего на пороге худого незнакомца, порыв ветра принес вместе с ним горсть

---

[3] notes: 3

Джастин Джеффри — поэт-бодлерист, герой рассказа Р. Говарда «Черный камень», автор поэмы «Люди Монолита».

осенних листьев. Он быстрыми порывистыми движениями нервно стряхнул их с одежды и волос. От незнакомца исходила ощутимая аура страха, и я подумал о том, что могло его так напугать. Вскоре мне предстояло об этом узнать. Слегка дрожащим голосом он представился, назвавшись Кэботом Чемберсом.

Слегка успокоившись после бокала хорошего бренди, Чемберс сел перед горящим камином и рассказал историю, которую счел мало правдоподобной даже я, хотя мне доводилось слышать немало странного. Мне были знакомы некоторые легенды, в которых говорилось о существовании подобного во времена древней юности Земли. Но я был уверен, что большая часть Темного Знания погибла с началом царствования цивилизованного человечества — или, самое позднее, во времена библейского «Сожжения Книг». В моей богатой библиотеке оккультных и запретных книг есть такие работы, как «Подлинные заметки о Некрономиконе» Фири, отвратительный «Хтаат Аквадинген», перевод «Фрагментов Г'харна» сэра Эмери Уэнди-Смита (неполный и сильно сокращенный), потрепанный экземпляр «Пнакотических рукописей» (возможно, поддельный), практически бесценные «Культы упырей»

и многие другие, включая такие труды по антропологии, как «Золотая ветвь» и «Культ ведьм» мисс Мюррей. Однако мои знания о том, что описывал Чемберс, оставались крайне смутными и отрывочными.

Но я отвлекаюсь. Чемберс, как я уже говорил, был крайне напуган, и вот что он мне рассказал:

— Мистер Титус Кроу, — сказал он после того, как в достаточной степени успокоился и согрелся после ночной прохлады, — честно говоря, не знаю, почему я пришел к вам, так же как не знаю, чем вы можете мне помочь. Я обречен, обречен Черной Магией. И, хотя я сам навлек ее на себя, и мне известно, что жизнь, которую я вел, нельзя назвать *достойной подражания*, мне вовсе не хочется, чтобы для меня все закончилось точно так же, как для бедняги Саймондса!

Услышав это имя, я удивился, поскольку фамилия Саймондс совсем недавно упоминалась в прессе в контексте не слишком приятных событий. Случившийся с ним сердечный приступ или мозговой спазм был столь же неожиданным, как и необъяснимым, но теперь, возможно, Чемберс мог в некоторой степени пролить на него свет.

— Это все этот фанатик Гедни, — продолжал Чемберс. — Он уничтожил Саймондса, а теперь

преследует меня. Мы с Саймондсом, люди, можно сказать, вполне состоятельные, стали последователями дьявольского культа Гедни. Просто от нечего делать. Мы оба были холостяками, и наша жизнь превратилась в нескончаемый парад ночных клубов, спортивных клубов, мужских клубов и прочих клубов. Вам подобная жизнь может показаться не слишком скучной, но поверьте, какое-то время спустя даже самая большая роскошь и лучшие удовольствия утрачивают свой вкус, заставляя искать самые изысканные — или извращенные — ощущения. Так было и с Саймондсом, и мной, когда нас познакомили с Гедни в одном из клубов. И когда он предложил нам испытать подобные ощущения, мы с радостью стали членами его культа.

О да, это звучит смехотворно! Вы знаете, что многие считают его всего лишь очередным сумасшедшим? Мы даже не догадывались о том, чего от нас ждут, и после того, как мы прошли первый процесс инициации в загородном доме Гедни недалеко от Лондона, занявший почти две недели, мы вдруг оказались лицом к лицу с истиной. Гедни — дьявол, и один из самых отъявленных. По сравнению с ним маркиз де Сад в расцвете сил выглядит анемичным кретином. Господи, если

вы читали Коммода, вы имеете базовое представление о Гедни. Но вам следует заглянуть в труды Каракаллы, чтобы по-настоящему оценить глубины его нечестивой души. Загляните как-нибудь в колонку с объявлениями о пропавших без вести!

Естественно, мы попытались выйти из игры, и нам бы это удалось, если бы Саймондс, несчастный дурак, не оказался чересчур болтлив. Проблема с Саймондсом заключалась в том, что он любил выпить. Однажды вечером, чересчур перебрав, он открыто унизил Гедни и все его фокусы, не зная, что нас в этот момент окружали люди из команды Гедни — к тому же полноправные члены его культа! Возможно, этот дьявол специально приставил их к нам, чтобы проверить. Так или иначе, с этого все и началось. Вскоре Гедни прислал нам приглашение на ужин в клуб, который он посещал, и мы из любопытства пошли. Думаю, если бы не пошли, это тоже ничего бы не изменило. Просто все случилось бы несколько быстрее, только и всего. Само собой, Гедни уже успел выманить у нас немалую сумму денег, и мы думали, что, вероятно, он хочет еще. Но мы ошибались! За напитками, в своей обычной самоуверенной манере, он начал угрожать нам самыми страшными карами, какие только

можно вообразить, если мы когда-либо осмелимся его порочить. Ну и Саймондс, как всегда, ощетинился и намекнул на полицию. Если бы взгляды могли убивать, Гедни прикончил бы нас прямо на месте. Но вместо этого он просто встал и ушел, сказав нечто насчет «визита Тьмы». До сих пор не понимаю, что он имел в виду.

Пока Чемберс рассказывал, голос его становился все громче, едва не срываясь на истерику, но, когда я наполнил его бокал, он, похоже, взял себя в руки и продолжал уже более нормальным тоном:

— Три дня назад мне позвонил Саймондс — да, в ту самую ночь, когда он умер. С тех пор я чувствую себя словно на краю пропасти. Потом я вспомнил, что слышал что-то о вас и о том, что вы многое знаете о подобных вещах, и пришел к вам. Когда Саймондс звонил мне в ту ночь, он сказал, что нашел в почтовом ящике конверт без адреса и что ему не понравился вид лежавшей внутри карточки. Он сказал, что она напомнила ему о чем-то неописуемо зловещем и что он уверен — ее прислал Гедни. Он попросил меня приехать к нему. До его городской квартиры оставалось полмили, когда у меня сломалась машина. Сейчас, если подумать, то оно и к лучшему. Я пошел

дальше пешком, и мне оставалось пройти всего квартал, когда я увидел Гедни. Вид у него *был* такой, что достаточно повидать однажды, чтобы никогда не забыть — черные как ночь волосы, зачесанные назад, густые брови над пронизывающими глазами, какие часто можно встретить у людей с очень сильным характером. Если вы видели фильмы ужасов с Белой Лугоши[4], вы поймете, что я имею в виду. Он в точности такой же, хотя лицо у него более худое, чем-то похожее на лицо мертвеца.

Он стоял в телефонной будке, не замечая меня. Быстро попятившись, я скрылся в подворотне, откуда можно было за ним наблюдать. К счастью, он меня не видел. Похоже, он был полностью сосредоточен на своем занятии. Он говорил по телефону, склонившись над ним, словно стервятник над трупом. Господи! Никогда не забуду выражения его лица, когда он вышел из будки! Чудо, что он меня не увидел, пройдя совсем рядом с подворотней, где я стоял. Я как можно сильнее вжался в темный угол, и, хотя, как я уже сказал,

---

[4] notes: 4

Бела Лугоши — актер театра и кино, уроженец Венгрии. Славу ему принесло исполнение роли графа-вампира в фильме, ставшем классикой киноиндустрии ужасов — «Дракула». Снимался, главным образом, в амплуа злодеев.

он меня не видел, я разглядел его очень хорошо. Он смеялся — если выражение его лица можно описать подобным словом. Говорю вам, никогда не встречал кого-либо, выглядевшего столь устрашающе. А в ответ на его чудовищный смех послышался отдаленный крик!

Сначала он был едва слышен, но неожиданно стал громче, а затем внезапно оборвался, оставив после себя лишь далекое эхо. Крик доносился со стороны квартиры Саймондса.

Когда я добрался туда, кто-то уже вызвал полицию. Я был одним из первых, кто его увидел. Кошмарное зрелище. Он лежал вытянувшись на полу, в халате, мертвый. И его лицо! Говорю вам, Кроу, в ту ночь произошло нечто чудовищное.

Но — учитывая то, что я видел до этого, то, чем занимался Гедни в телефонной будке, — больше всего привлек мое внимание в этой жуткой квартире именно телефон. Что бы там ни случилось, оно произошло, когда Саймондс говорил по телефону, поскольку трубка была сброшена с рычагов, болтаясь на конце провода…

На этом рассказ Чемберса, по сути, заканчивался. Я протянул ему бутылку и новый бокал и, пока он ими занимался, воспользовался возможностью, чтобы снять с полки старую книгу, которую

мне когда-то повезло найти в Каире. Название ее мало что вам скажет, достаточно лишь того, что содержание ее составляют многочисленные заметки, суть которых касается ряда сверхъестественных заклинаний. Текст этой книги отчасти позволяет отнести ее к категории «не для слабонервных». Я знал, что в ней имеется упоминание о «Тьме», той самой, о которой Гедни говорил Чемберсу и Саймондсу, и я быстро проглядел ее. К несчастью, книга в очень плохом состоянии, хотя я и предпринял меры против ее дальнейшего разрушения, и единственная ссылка, которую я сумел найти, заключалась в словах:

Крадущая воздух, Крадущая свет…

Тень – поглоти моих врагов…

Бросался в глаза один весьма заметный факт. Независимо от того, что в действительности повлекло смерть Саймондса, в газетах отмечалось, что на его теле имелись все признаки удушья…

Меня это крайне заинтересовало. Само собой, Чемберс не мог поведать свою историю полиции, поскольку что, по сути, они могли предпринять? Даже если бы они и нашли в его рассказе нечто необъяснимое или странное и, возможно, решили бы провести расследование, сам Чемберс

был свидетелем того, что Гедни находился в телефонной будке, по крайней мере, в ста ярдах от потерпевшего в момент его смерти. Нет, вряд ли он мог пойти в полицию. Говорить с представителями закона о другой деятельности Гедни означало навлечь подозрения на себя — учитывая его «инициацию», — а ему вовсе не хотелось, чтобы об этом кто-то знал. Однако он чувствовал, что должен что-то сделать. Он опасался, что судьба, постигшая Саймондса, уготована и ему — и не ошибся.

Прежде чем Чемберс покинул мой дом, оставив меня предаваться размышлениям, я дал ему ряд указаний, сказав, что если он каким-то образом получит открытку, похожую на ту, которую упоминал Саймондс, со странным узором, он должен немедленно связаться со мной, а затем, пока мы не встретимся, запереться в своем доме и никого не впускать. Кроме того, после звонка мне он должен был отключить телефон.

После того как он ушел, я достал свою папку с необычными газетными вырезками и нашел сообщение о случившемся с Саймондсом. Поскольку это произошло недавно, мне не пришлось долго искать. Заметку о Саймондсе я сохранил потому, что меня не удовлетворило заключение короне-

ра. У меня зародилось некое подозрение, нечто вроде шестого чувства, подсказывавшего, что тут явно что-то нечисто. Память меня не подвела. Я перечитал строки, от которых мне в свое время в первую очередь стало не по себе. Полиция обнаружила в сжатом кулаке Саймондса обрывки чего-то похожего на открытку из очень тонкой бумаги. На ней виднелись странные, написанные чернилами символы, но фрагменты не удалось собрать воедино, и их оставили без внимания, сочтя несущественными.

Я знал, что среди колдунов у менее цивилизованных народов имеется обычай предупреждать намеченную жертву о ее предстоящей судьбе. Обычно с этой целью несчастному вручают некий зловещий символ, а затем, дав ему испугаться до полусмерти, колдун вызывает в присутствии жертвы — или на расстоянии слышимости — дьявола, которому предстоит выполнить грязную работу. Появляется ли дьявол на самом деле или нет — это уже другой вопрос. Но одно можно сказать наверняка — жертва почти всегда умирает… Естественно, будучи до мозга костей суеверным дикарем, он умирает от страха… Или нет?

Сначала я считал, что нечто подобное имело место и в случае с Саймондсом и Чемберсом. Один из

них, вероятно, с чьей-то помощью, уже напугался до смерти, а со вторым происходило то же самое. Нервы у Чемберса, когда я его видел, явно были не в порядке. Однако теория моя оказалась ошибочной, и вскоре мне пришлось ее радикальным образом пересмотреть. Через несколько часов после ухода из Блоун-хауса Чемберс позвонил мне, и голос его звучал на грани истерики.

— Господи, я получил это письмо! Этот дьявол прислал мне его. Послушайте, Кроу, вы должны немедленно приехать. После того как я ушел от вас, я зашел немного промочить горло и только что вернулся домой. И знаете, что я обнаружил в коридоре? Конверт, вот что, а внутри него — ту самую чертову открытку со странным узором! Она меня до смерти пугает. Он меня преследует, эта свинья! Кроу, я запер двери, как вы сказали, и могу открыть входную дверь дистанционно из своей комнаты, чтобы впустить вас, когда вы приедете. У вас ведь «мерседес», да? Кажется, да. Как только вы скажете, что приедете, я положу трубку и отключу телефон. Так вы приедете?

Я ответил, что буду через несколько минут, и повесил трубку. Быстро одевшись, я поехал прямо к его дому. Поездка заняла около пятнадцати минут, поскольку дом его находился на

окраине города, возле старой водяной мельницы. Дом стоял на отшибе, и, подъезжая к нему, я с удивлением отметил, что все огни в доме горят, а входная дверь распахнута настежь! Когда я затормозил, меня частично ослепили фары второго «мерседеса», с ревом промчавшегося мимо меня в сторону дороги. Выскочив из машины, я попытался разглядеть его номер, но меня отвлекли раздавшиеся из дома крики.

Жуткие вопли ужаса доносились откуда-то сверху, и, подняв взгляд, я увидел темную тень, падавшую на зарешеченное окно. Тень, похоже, была странным образом искажена, ибо, несмотря на человеческие очертания, выглядела крайне объемистой, больше напоминая тень гориллы. Я зачарованно смотрел, как эта черная карикатура отчаянно царапает себя — и вдруг понял, что движения ее мне знакомы! Точно такими же Чемберс сбрасывал с себя листья у меня в коридоре.

Но это явно не мог быть Чемберс — тень принадлежала намного более грузному человеку, некоему толстяку, даже с учетом необъяснимого искажения! Я в ужасе наблюдал за ней, не в силах пошевелиться, в то время как вопли становились все громче, а трясущаяся, скребущая себя тень все больше. Внезапно крики сменились бульканьем

и стихли, распухшие руки конвульсивно дернулись и поднялись вверх, словно в немой мольбе. Чудовищный силуэт продолжал увеличиваться, по мере того как его обладатель, шатаясь, двигался в сторону окна, словно не видя ничего перед собой. А потом, на несколько мгновений, когда он упал на тонкую решетку окна, я его увидел — огромное черное подобие человека, которое с треском проломило окно, со звоном разбитого стекла вышибло раму и, вывалившись в ночь с тошнотворным треском ломающихся костей, рухнуло у моих ног.

Изломанное тело, лежавшее передо мной на покрытой гравием дорожке, выглядело совершенно обычно… и принадлежало Кэботу Чемберсу!

Сумев наконец хоть как-то взять себя в руки, я осмелился разжать крепко стиснутый правый кулак трупа и обнаружил в нем то, что и предполагал. Холодеющие пальцы сжимали хрупкие обрывки того, что, как я знал, когда-то было чем-то вроде открытки. На некоторых более крупных фрагментах виднелись символы, которые, насколько мне было известно, можно было отождествить лишь с рядом клинописных надписей на Разбитых колоннах Гефа.

Я позвонил в полицию, не называя себя, и

быстро уехал, ибо весь дом теперь был пропитан запахом странной, неестественной смерти. Бедняга Чемберс, подумал я, отъезжая, — вероятно, увидев тот, второй, «мерседес», он решил, что это я. Я старался не думать о тени или о том, что она означала.

В ту ночь я плохо спал. Первое, что я сделал, проснувшись на следующее утро, — осторожно поинтересовался архивными данными о деятельности некоего мистера Джеймса Д. Гедни. У меня много друзей, занимающих посты, благодаря которым они порой бывают мне крайне полезны, когда требуется кое-какая детективная работа. Друзья помогли мне и на этот раз, значительно облегчив задачу. Я выяснил телефонный номер Гедни, которого не было в справочнике, и сделал ряд заметок о его личных предпочтениях и антипатиях, а также запомнил имена его друзей, клубов и мест, где он часто бывал, — в общем, составил свое представление об этом человеке. То, что мне удалось узнать, лишь подтверждало мнение Чемберса. Те, с кем общался Гедни, относились к людям самого худшего сорта, а места, которые он посещал, были в основном весьма сомнительного характера. У него не было никаких видимых средств к существованию, и, тем не ме-

нее, он выглядел весьма состоятельным, владея, в числе прочего, большим загородным домом, и, что самое интересное, новеньким «мерседесом». Все остальное, что я узнал о Гедни, бледнело на фоне одного лишь этого факта.

Следующим моим шагом, после завершения «досье» на Гедни, стало выяснение всех подробностей о таинственной сущности под названием «Тьма», на что я потратил почти неделю, разыскивая ряд уникальных томов в полутемных и не менее уникальных архивах Британского музея. Я так же внимательно изучил собственные книги, которые тоже нельзя было отнести к числу обычных. В музее, с разрешения куратора Отдела особых изданий, еще одного моего друга, я получил доступ к самым таинственным и внушающим ужас томам, но мне не повезло. Единственная ссылка, которую мне удалось найти — чему в свете последовавших событий я придаю особое значение, — оказалась в одной из моих собственных книг, о которой я упоминал раньше. Четыре бессвязных строчки из «Людей монолита» Джастина Джеффри — и ничего больше.

> *На монолитах древние высекли предостережение*

Тем, кто использует силы ночи, чтобы они не принесли

Гибель самим себе, когда их оплакивать будут другие

Вместо них самих…

Потом я вспомнил своего американского друга, обладавшего удивительной эрудицией в области фольклора и всего связанного с ужасами и темными силами. В прошлом он учился под руководством признанного гения в области древних преданий, Уилмарта из Мискатоникского университета[5]. Мы обменялись парой интересных телеграмм, и именно этот житель Новой Англии впервые рассказал мне о птетолитах — доисторической расе полулюдей, якобы обладавших умением призывать дьяволов, которых они насылали на своих врагов. В самом начале времен, если верить легендам о Гиперборее, птетолиты посылали подобных дьяволов против Эдрила Гамбиза и его Адских орд, укрывавшихся на донеолитическом острове Эсипиш в тогдашнем Северном море. К несчастью для птетолитов, они, похоже, забыли о своих собственных пре-

[5] notes: 5

Вымышленный университет, расположенный в вымышленном городе Аркхэм, штат Массачусетс. Придуман Говардом Лавкрафтом.

дупреждениях, ибо именно старейшины их собственного племени в еще более древние времена высекли на Разбитых колоннах Гефа:

Пусть тот, кто зовется Тьмой,
Помнит об опасности —
Жертву его может защитить
Заклятье текущей воды,
Которая обратит заклятье
Против самого, его вызвавшего…

Отсюда, как я понимаю, и выдающиеся строки Джеффри. О том, что в точности случилось с птетолитами, не сохранилось никаких сведений, или сведения эти были уничтожены, за исключением невнятных намеков в самых невразумительных книгах. Я знаю лишь, что в одном тибетском монастыре есть монахи, которые знают и понимают многое из подобных вещей. Если история и сохранила что-то, кроме самых поверхностных деталей о гибели птетолитов, то записи об этом, вероятно, сгорели во времена охоты на ведьм в шестнадцатом — семнадцатом веках, и, за исключением нескольких случаев, о которых я упоминал, от подобных знаний сегодня ничего не осталось.

За исключением этой информации из Аркхэма, остальные результаты моих исследований полностью меня разочаровали. Одно лишь можно было сказать наверняка — я полностью отказался от своей теории о самовнушенной смерти от страха. И Саймондс, и Чемберс были достаточно умны, чтобы не поддаться воздействию любого колдуна, кроме того, это не объясняло происходившего с тенью Чемберса. Более того, Гедни явно не был колдуном, и отчего-то я не сомневался, что он имеет доступ ко вполне реальному и разрушительному магическому средству. Последняя телеграмма, полученная из Америки, окончательно меня *в этом* убедила.

Я полностью доверяю Абдулу Альхазреду, которого многие называют «Безумным Арабом». И, хотя мой экземпляр «Заметок о Некрономиконе» Фири вряд ли можно назвать надежным руководством, книга самого Альхазреда, или ее перевод, сделанный в Мискатоникском университете, — совсем другое дело. Мой ученый друг нашел в «Некрономиконе» ссылку, где упоминается Тьма. В ней говорилось следующее:

«…из пространства, которое не является пространством, в любой момент, когда произнесены Слова, обладающий Знанием может вызвать Ть-

му, кровь Йибб-Тстлла, которая живет отдельно от него и пожирает души, которая удушает и которую называют Тем, кто Топит. Лишь в воде можно избежать утопления, ибо то, что в воде, уже не тонет...»

Это было все, что мне требовалось, чтобы разработать план — опасный план, но, учитывая, сколь болезненно реагировал Гедни на тех, кто ему угрожал, он наверняка должен был дать результат.

Вскоре я начал претворять план в жизнь. Сначала, притворившись пьяным, я начал посещать места, где бывал Гедни, предаваясь своим пресыщенным удовольствиям. В конце концов мне показали на него в одном из ночных клубов с сомнительной репутацией. Вряд ли это требовалось, поскольку описание Чемберса полностью ему подходило, и наверняка я и сам узнал бы этого человека, не будь там столь многолюдно и полутемно.

Затем, в разговоре с людьми, которые, как я знал, были непосредственно связаны с Гедни, я дал понять, что я бывший друг обоих погибших и что они рассказывали мне о Гедни как об омерзительном чудовище, которого, если представится такая возможность, я с радостью бы разоблачил.

Слегка заплетающимся языком я добавил, что собираю на него досье, которое намерен в конечном счете представить властям. Но, хотя я играл роль обычного пьяницы, на самом деле я еще никогда не был настолько трезв за всю свою жизнь. Я был уверен, что затеянная мною игра приведет к результатам, которые мог бы обратить в свою пользу лишь абсолютно здравомыслящий человек.

Однако прошло больше недели, прежде чем мой поступок возымел действие. Я сидел в тускло освещенном Демон-клубе, пьяно облокотившись о стойку бара. Возможно, я слегка переигрывал, поскольку, прежде чем я понял, что Гедни здесь, он уже оказался рядом со мной. Я уже знал о его способности подавлять других одним своим видом, но даже при всем при этом оказался не готов к встрече. Этот человек излучал власть. Он был настолько высок, что даже мне приходилось смотреть на него снизу вверх со своих шести футов роста. Одетый в плащ с безвкусным воротником, он смотрел на меня темными пронизывающими глазами, демонстрируя пренебрежительно-надменное отношение — которое, как я знал, было наигранным.

— Мистер Титус Кроу, как я понимаю? Стоит ли

мне представляться? Думаю, нет — вы уже меня знаете, или думаете, будто знаете. Позвольте мне кое-что вам сказать, мистер Кроу. Вы идете по очень опасному пути. Уверен, вы понимаете, что я имею в виду. Мой совет вам, мистер Кроу, — не будите спящую собаку. Я слышал о вас — вы своего рода оккультист, обычный дилетант, с которым я в другой ситуации даже не стал бы связываться. К несчастью, вы отличаетесь извращенным образом мыслей и клеветническим языком. Мой совет — прекратите совать свой нос в дела, которые вас не касаются, прежде чем мне пришлось бы принять соответствующие меры. Что скажете, мистер Кроу?

— Гедни, — ответил я, — если я не ошибаюсь, вы самое отвратительное воплощение зла, и вам доступны знания, которые в ваших руках несут угрозу душевному здоровью всего мира. Но вам меня не запугать. Я сделаю все возможное, чтобы доказать, что вы ответственны за смерть, по крайней мере, двух человек, и предать вас в руки правосудия.

Важно было дать понять Гедни, что я что-то знаю, но так, чтобы он не почувствовал подвоха. Сказав свое и не дожидаясь ответа, я протиснулся мимо него и, пошатываясь, вышел под вечернее

небо. Быстро затерявшись в толпе искателей развлечений, я добрался до своей машины и поехал в Блоун-хаус, где подготовил всю необходимую оборону.

Я живу один, и на следующую ночь, обходя Блоун-хаус перед тем, как лечь спать, я нашел брошенный в мой почтовый ящик конверт без адреса.

Я ожидал, что получу его, и точно знал, что окажется внутри, но не собирался его вскрывать. Не будучи полностью уверенным, что Гедни действительно обладает магической силой, я предполагал, что в конверте может быть какой-нибудь загадочный смертельный яд, обладающий способностью почти мгновенно разлагаться.

Несмотря на то что я точно знал, что произойдет дальше, я на мгновение замер, когда зазвонил телефон. Приподняв трубку на дюйм, я снова опустил ее на рычаг, разорвав связь. В течение следующего получаса мне пришлось повторить те же действия трижды — несмотря на ошибки, которые я совершал в прошлом, в их число не входили неосторожность, или глупость, каковой являлся бы ответ на звонок.

Саймондс умер, разговаривая по телефону, и я не знал, что стало причиной его смерти — какое-

то слово-сигнал, связанное с постгипнотическим внушением, или что-то еще, — но в любом случае у меня не было никакого желания это выяснять.

Я подождал еще двадцать минут, но телефон молчал. Пора было действовать.

Гедни наверняка уже прекрасно понимал, что я хорошо осведомлен. Достаточно было того, что я не ответил на его звонок. Если бы я просто отключил телефон, получив конверт, Гедни, слыша длинные гудки, мог подумать, что меня нет дома. Но он слышал, как снимали и бросали трубку. Он знал, что я дома, и если он потрудился навести справки обо мне, то должен был знать, что я живу один. Я надеялся, что мой отказ ответить на звонок его не отпугнет.

Затем я сделал то, что могло показаться полнейшим безумием, — открыл входную дверь Блоун-хауса! Меня вполне устраивал приход Гедни.

Примерно через полчаса снаружи послышался звук двигателя. К тому времени я был у себя в спальне, сидя в мягком кресле спиной к стене, лицом к двери в коридор. Рядом, справа от меня, лежал омерзительный конверт. На мне был халат, а слева свисала пластиковая занавеска от пола до потолка. Прямо передо мной стоял

маленький столик, на котором лежали конверт и томик стихов. Я намеревался к приходу Гедни сделать вид, будто читаю.

Блоун-хаус — довольно обширный дом-бунгало, специально приспособленный к моим своеобразным вкусам. Я воспользовался его уникальным дизайном, составляя свой план, и обеспечил себе максимум безопасности против атаки, которая, вне всякого сомнения, должна была начаться в ближайшее время.

Наконец, снова послышался шум автомобиля, который на этот раз остановился прямо возле дома. Прежде чем двигатель смолк, я услышал отчетливый хруст гравия — машина въехала на подъездную дорожку. Несколько секунд спустя во входную дверь постучали. После короткой паузы стук раздался снова, но я продолжал сидеть, не двигаясь с места. Прошло еще несколько секунд, во время которых я почувствовал, как у меня медленно поднимаются дыбом волосы. Затем входная дверь со скрипом открылась. Только сейчас я понял, что мне не хватает воздуха — я настолько сосредоточился, что на мгновение перестал дышать.

Нервы мои напряглись до предела, и хотя все огни в доме горели, я чувствовал себя так, слов-

но был окружен кромешной тьмой. В коридоре послышались медленные шаги, миновали мой кабинет и остановились прямо за дверью передо мной. Дверь распахнулась, и вошел Гедни.

Поднявшись с кресла, я положил томик стихов на стол. Я продолжал играть свою роль. Но на этот раз, хотя я и пытался изобразить подвыпившего, главной задачей было продемонстрировать неподдельное изумление.

— Гедни! Что, черт побери?.. — взорвался я, вскакивая на ноги и наклоняясь к нему через стол. — Что это значит? Кто вас сюда звал?

Сердце мое подступило к горлу, но я играл свою роль так хорошо, как только мог.

— Добрый вечер, мистер Кроу, — зловеще улыбнулся Гедни. — Кто меня звал? Что ж, вы сами, отказавшись последовать моему предупреждению и не пожелав воспользоваться телефоном. Что бы ни было вам обо мне известно, Кроу, это уже не имеет значения, ибо обречено на смерть сегодня вместе с вами. По крайней мере, можете быть довольны, что оказались правы. Мне действительно доступно иное знание, которое я намерен применить прямо сейчас. Так что повторяю: доброго вам вечера, мистер Кроу, — и прощайте!

Гедни стоял между столом и дверью. Закончив говорить, он выбросил вверх руки и начал хрипло завывать, читая столь зловещее заклинание, что одних звуков было достаточно, чтобы повергнуть в ужас душу чуть более робкую, чем моя. Я никогда прежде не слышал подобного заклинания, хотя мне доводилось слышать другие, но когда голос смолк, цель его сразу же стала ясна. Во время заклинания я был буквально парализован, не в силах пошевелиться, и теперь мне стало понятно, каким образом Саймондс был вынужден выслушать его по телефону. С самых первых слов Саймондс стоял как статуя, прижав трубку к уху, не в силах двинуться с места, пока по проводам ему подписывали смертный приговор.

Когда стихло эхо зловещих завываний, Гедни опустил руки и улыбнулся. Он увидел конверт возле моей руки, и, когда его жуткий смех начал заполнять комнату, я понял смысл слова «Тьма»…

Не заклятие колдуна, но древний, как вечность, фрагмент волшебства, прошедший сквозь бесчисленные столетия. Это пришло из тех времен в далеком прошлом Земли, когда невообразимые существа из чужой неведомой вселенной порождали странные создания в первобытной слизи.

Весь этот ужас…

На меня опустилась черная снежинка! Именно на нее она была похожа — на холодную черную снежинку, пятном расползшуюся на моем левом запястье. Но прежде чем я успел разглядеть ее внимательнее, еще одна упала мне на лоб. А потом они полетели со всех сторон, все быстрее и быстрее — кошмарные снежинки, которые садились на меня, ослепляя и душа.

Ослепляя?.. Душа?..

Перед моим мысленным взором вспыхнули фразы из Джеффри, «Некрономикона» и «Ибигиба». «Крадущий свет — крадущий воздух…» Надписи с колонн Гефа: «Заклятье бегущей воды…» Альхазред: «То, что в воде, уже не утонет…»

Приманка была схвачена; оставалось лишь спустить капкан. Но что, если я ошибался?

Быстро, пока у меня еще оставалась способность двигаться, я отодвинул в сторону занавеску слева и швырнул нераспечатанный конверт к ногам Гедни. Сбросив халат, я шагнул на кафельную плитку за занавеской и лихорадочно нашарил кран, чувствуя, как меня сжимают ледяные тиски безотчетного ужаса. Секунды, требовавшиеся воде, чтобы пройти по трубам, казались вечностью, в течение которой на меня опустились новые

тысячи чудовищных снежинок, покрывая все мое тело тусклым черным слоем.

А затем на меня хлынула милосердная вода. «Тьма» исчезла! Ее не смыло с меня — ее просто не стало. Вернее, не совсем — ибо она тотчас же появилась снова, но в другом месте!

Смех Гедни походил на лай крупной собаки, но когда я шагнул под душ и оттуда потекла вода, он перестал смеяться, раскрыв рот и выпучив глаза, и прохрипел что-то неразборчивое, делая протестующие жесты руками. Он не мог понять, что случилось, ибо все произошло слишком быстро. Его жертва вырвалась из капкана, и он не мог поверить своим глазам. Но ему пришлось поверить, когда на него начали опускаться первые черные снежинки! Под его глазами, в которых внезапно отразилось понимание, сгустились тени, а лицо посерело, когда я произнес из-под душа, где мне ничто не угрожало:

Пусть тот, кто зовется Тьмой,
Помнит об опасности —
Жертву его может защитить
Заклятье текущей воды,
Которая обратит заклятье
Против самого его вызвавшего…

Но этого мне было мало. Мне хотелось, чтобы Гедни навсегда запомнил меня, в какой бы ад он сейчас ни отправлялся, и потому, повторив предупреждение древних птетолитов, я сказал:

— Доброго вам вечера, мистер Гедни, — и прощайте…

Жестоко? Что ж, можете называть меня жестоким — но разве Гедни не готовил мне точно такую же судьбу? И сколько других, вместе с Саймондсом и Чемберсом, умерли от невообразимого колдовства этого дьявола?

Он начал кричать. Захваченный врасплох, он не двигался с места, пока тьма не окутала его почти полностью, но теперь, осознав ужасную правду, он попытался добраться через комнату до душа. Это был его единственный шанс спастись, и он, неуклюже спотыкаясь, двинулся вокруг стола в мою сторону. Но если Гедни был дьяволом, то в каком-то смысле был таковым и я сам и потому предпринял необходимые меры предосторожности. В углу душа я заранее поставил длинный шест, и теперь, схватив его, начал отталкивать от себя пронзительно вопящее человекоподобное существо.

Чем больше «Тьмы», зловещей крови Йибб-Тстлла, оседало на его теле, тем отчаяннее он

пытался отряхиваться хорошо знакомыми мне движениями, постоянно что-то бормоча и пытаясь прорваться мимо моего шеста. К этому времени темная субстанция покрывала его густым слоем толщиной в дюйм, словно черная мантия, окутавшая его с головы до пят. Оставались видны лишь один глаз и вопящий рот, и очертания его фигуры быстро начали походить на копию той раздувшейся чудовищной тени, которую я видел в ночь смерти Чемберса.

В моей комнате теперь буквально шел черный смертоносный снег, и конец был близок. Вытаращенный глаз Гедни и его кричащий, покрытый пеной рот скрылись под продолжавшей сгущаться чернотой, и звуки, которые он издавал, тотчас же смолкли. В течение нескольких секунд он, агонизируя, исполнял нечто похожее на жуткий танец, и, не в силах вынести этого зрелища, я шестом сбил его с ног. Мои мольбы о том, чтобы ему пришел быстрый конец, возымели действие. Тело его начало пульсировать! Да, только так я могу это описать — несколько мгновений оно пульсировало на ковре, а затем застыло неподвижно. Казалось, свет потускнел, и по дому пронесся порыв ветра. Вероятно, я на какое-то время лишился чувств, поскольку, очнувшись,

обнаружил, что лежу вытянувшись на ковре, все еще слыша позади шум льющейся из душа воды. «Тьма» исчезла столь же таинственным образом, как и появилась, вернувшись в породившее ее иное измерение и забрав с собой душу Гедни, от которого осталась лишь безжизненная оболочка…

Позже, основательно напившись, я открыл конверт и, как и следовало ожидать, обнаружил там обрывки тонкой бумаги. Еще позже, усадив рядом с собой быстро коченеющий труп с высунутым языком, я поехал к загородному дому Гедни. Припарковав его машину в небольшой роще в стороне от дороги, я в предрассветных сумерках отправился пешком назад в Блоун-хаус. Утренний воздух казался странно свежим.

Хаггопиана[6]

Этот рассказ написан в середине 1970-х, к тому времени мое мастерство, видимо, несколько возросло. Тогда я еще служил в армии, сержантом-вербовщиком в Лестере, и, когда дел особых не было, писал, сидя за своим столом. Я посылал экземпляр «Хаггопианы» Дерлету в «Аркхэм Хаус», но он был болен и в 1971 году умер трагически молодым, оставив зияющую дыру в издании литературы о сверхъестественном, которую, похоже, никто так и не сумел залатать. Рассказ принял к публикации Джерри Пейдж для своего журнала «Ковен-13» (позднее «Колдовство и волшебство») — который почти сразу же прекратил выходить! Наконец, через агента Кирби Маккоули, он попал в престижный «Журнал фэнтези и научной фантастики», где появился в июньском номере за 1973 год. «Хаггопиана» была и до сих пор остается одним из любимых моих рассказов.

---

[6] notes: 6
"Haggopian", from F&SF No. 265, 1973.
Плешков К. П., перевод на русский язык, © 2018.

I

Ричард Хаггопян, вероятно, крупнейший в мире авторитет в области ихтиологии и океанографии, не говоря уже о многих смежных науках, наконец, соизволил дать согласие на интервью. Я был вне себя от радости, не в силах поверить своему счастью. По крайней мере, десяток журналистов до меня, — некоторые из которых занимали столь высокое положение в литературных кругах, что воспринимали столь приземленное название своей профессии как личную обиду, — совершили бесплодное путешествие в Клетнос на берегу Эгейского моря в поисках Хаггопяна-армянина, но лишь моя заявка оказалась принята. За три месяца до этого отказ получил Хартог из «Тайма», а до него Маннхаузен из «Вельтцукунфт», и потому мое начальство не возлагало на меня особых надежд. Однако имя Джереми Белтона достаточно известно в журналистских кругах, и мне прежде не раз улыбалась удача в так называемых «безнадежных» случаях. Казалось, удача сопутствовала мне и на этот раз. Ричард Хаггопян отсутствовал, отправившись в очередное океанское путешествие, но меня попросили его подождать.

Нетрудно понять, почему Хаггопян вызывал

подобный интерес среди многих выдающихся журналистов мира — любой человек с его научными и литературными талантами, с прекрасной молодой женой, с собственным солнечным островом и (что, возможно, самое главное) с крайне отрицательным отношением к даже самой выгодной известности наверняка привлек бы точно такое же внимание. И в довершение ко всему, Хаггопян был миллионером!

Что касается меня, то я недавно завершил работу в пустыне во время последнего арабо-израильского конфликта, и у меня появилось немного свободного времени и денег. Так что мое начальство предложило мне попытать счастья с Хаггопяном. Это было две недели назад, и с тех пор я прилагал все усилия к тому, чтобы добиться интервью. Хотя попытки других закончились неудачей, мне повезло.

В течение восьми дней я ждал, когда армянин вернется на Хаггопиану — свой крошечный остров в двух милях к востоку от Клетноса, на полпути между Афинами и Ираклионом, который он купил и назвал собственным именем в начале сороковых. И когда мне уже казалось, что мои ограниченные средства подходят к концу, невероятно голубое море на юго-западе прорезала

серебристая искорка «Эхиноидеи», принадлежавшего Хаггопяну большого судна на подводных крыльях. С плоской белой крыши отеля в Клетносе я наблюдал в бинокль, как судно обходит остров по кругу, а затем, ослепительно блеснув на солнце, скрывается за белыми камнями Хаггопианы. Два часа спустя прибыл помощник армянина в изящной моторной лодке, чтобы сообщить мне, как я надеялся, новости о назначенной встрече. И удача в самом деле меня не оставляла! Я должен был встретиться с Хаггопяном в три часа дня — мне сказали, что за мной пришлют лодку.

В три я был готов, одетый в сандалии, легкие серые брюки и белую футболку — рекомендованную цивилизованную одежду для солнечного дня на Эгейском море. И когда изящная моторная лодка вернулась за мной, я уже ждал ее на естественной каменной пристани. По пути к Хаггопиане, глядя через борт лодки сквозь кристально чистую воду на скользящих под ней морских окуней и скопления черных морских ежей (по имени которых армянин назвал свое судно на подводных крыльях), я вспоминал то, что мне было известно о неприступном владельце острова.

Ричард Хемерал Ангелос Хаггопян родился в

1919 году от незаконного союза его бедной, но прекрасной матери, полукровки-полинезийки, и отца-миллионера, киприота армянского происхождения. Его перу принадлежали три самых захватывающих книги из всех, что я когда-либо читал, книги для непрофессионалов, рассказывавшие о морях мира и их многообразных обитателях простым, доходчивым языком. Он открыл впадину Туамоту глубиной почти в семь тысяч морских саженей на дне Южного Тихого океана, о существовании которой никто прежде не подозревал, и спустился в нее в 1955 году вместе со знаменитым Гансом Гейслером на глубину в двадцать четыре тысячи футов. За последние пятнадцать лет он передал величайшим аквариумам и музеям мира, по крайней мере, двести сорок образцов редких, часто только что открытых видов. И так далее, и так далее…

Хаггопян женился первый раз после тридцати, и всего был женат трижды, но, похоже, с женщинами ему не везло. Его первая жена, британка, погибла в море после девяти лет совместной жизни, таинственным образом исчезнув с яхты мужа посреди спокойного моря возле кишащего акулами Барьерного рифа в 1958 году; вторая, гречанка с Кипра, умерла в 1964 году от некоей

экзотической болезни, и ее похоронили в море; а третья — некая Клеантис Леонидес, модель из Афин, вышедшая замуж в свой восемнадцатый день рождения, — судя по всему, вела затворнический образ жизни, поскольку никто не видел ее на публике после ее замужества с Хаггопяном два года назад.

Да, Клеантис Хаггопян! Рассчитывая встретиться с ней, если мне повезет встретиться с ее мужем, я просмотрел десятки старых журналов мод с ее фотографиями. Это было несколько дней назад в Афинах, и теперь я вспоминал ее лицо на тех фотоснимках — юное и прекрасное, в классической греческой традиции. Она была красавицей, и наверняка таковой и оставалась; и, несмотря на слухи о том, что она больше не живет с мужем, я обнаружил, что с нетерпением жду нашей встречи.

Вскоре впереди появились выступающие над морем футов на тридцать белые каменистые бастионы острова, и мой штурман направил лодку влево, проведя ее между двумя изъеденными солью скалами, возвышавшимися ярдах в двадцати от северной оконечности Хаггопианы. Когда мы обогнули мыс, я увидел, что восточный берег острова выглядит куда более гостеприимно

— с белым песчаным пляжем, причалом, возле которого стояла «Эхиноидея», а чуть дальше, в роще граната, миндаля, акаций и олив, виднелось обширное бунгало с плоской крышей.

Значит, это и была Хаггопиана! Вряд ли, подумал я, она походила на «островной рай», описанный в статье Вебера в «Нейе Вельт». Похоже было, что Вебер писал свою статью семь лет назад, глядя на Хаггопиану из Клетноса — у меня всегда вызывали сомнения экзотические преувеличения немца.

На другом конце причала ждал хозяин. Я увидел его, как только лодка, слегка вздрогнув, пристала к берегу. На нем были серые фланелевые брюки и белая рубашка с закатанными рукавами, изящный нос украшали тяжелые очки с темными стеклами. Хаггопян — высокий, лысый, невероятно умный и очень, очень богатый — уже приветственно протягивал мне руку.

* * *

Вид Хаггопяна потряс меня. Конечно, я видел немало его фотографий, и меня часто удивлял странный блеск, который эти фотографии, казалось, придавали его чертам. Собственно, единственные нормальные его фотографии, кото-

рые я видел, относились к периоду до 1958 года, и я считал более поздние снимки попросту результатом неудачной съемки. Его редкие появления на публике всегда бывали весьма краткими, и о них никогда не сообщалось заранее. Так что к тому времени, когда начинали щелкать камеры, он уже обычно направлялся к выходу. Теперь же, однако, я понял, что возводил напраслину на фотографов. Кожа его действительно блестела, подчеркивая его черты и даже отчасти отражая солнечный свет. Вероятно, что-то не так было у него и с глазами — по его щекам из-под темных очков тонкими струйками стекали слезы. В левой руке он держал шелковый платок, которым то и дело промокал предательскую влагу. Все это я заметил, идя ему навстречу по причалу, и с самого начала вид его показался мне странным — и даже отталкивающим.

— Добрый день, мистер Белтон, — его хриплый голос явно диссонировал с его вежливой манерой поведения. — Прошу прощения, что заставил вас столько ждать. Я получил ваше сообщение в Фамагусте, в самом начале моей поездки, но, боюсь, у меня не было возможности отложить работу.

— Ничего страшного, сэр. Уверен, наша встреча более чем сполна вознаградит мое терпение.

Его рукопожатие потрясло меня не в меньшей степени, хотя я изо всех сил старался не подавать виду, а после того как он повернулся, направляясь к дому, я незаметно вытер руку о край футболки. Дело было не в том, что ладонь Хаггопяна была мокрой от пота, чего вполне можно было ожидать — мне скорее показалось, будто я схватил горсть садовых улиток!

Еще с лодки я заметил комплекс труб и клапанов, ведших от моря к дому, а теперь, приближаясь следом за шагавшим неуклюжей, покачивающейся походкой Хаггопяном к большому желтому зданию, я слышал приглушенный шум работающих насосов и льющейся воды. Когда мы оказались внутри огромного, полного освежающей прохлады бунгало, стало ясно, что означали эти звуки. Неудивительно, что этот человек, столь любивший море, окружил себя делом всей своей жизни. Дом представлял собой самый настоящий гигантский аквариум!

Вдоль стен тянулись массивные стеклянные резервуары, иногда длиной с целую комнату и высотой до потолка. Солнечный свет, падавший через внешние, похожие на иллюминаторы окна, отбрасывал зеленоватые тени на мраморный пол, отчего казалось, будто находишься на огром-

ной подводной лодке.

Нигде не было ни надписей, ни табличек, описывающих обитателей огромных резервуаров, и пока Хаггопян вел меня из комнаты в комнату, мне стало ясно, почему в них нет никакой необходимости. Хаггопян лично знал каждый экземпляр, комментируя на ходу, пока мы по очереди переходили из одного крыла бунгало в другое:

— Вот это — необычное кишечнополостное, с глубины в три тысячи футов. Его трудно поддерживать при жизни — давление и все такое. Я называю его *Physalia haggopia*, и оно смертельно опасно. Если одно из этих щупальцев хотя бы коснется вас… фьюить! Португальский кораблик — дитя по сравнению с ним, — сказал он, показывая на огромную пурпурную массу с длинными тонкими зеленоватыми щупальцами, покачивавшуюся в воде посреди огромного резервуара. Ловко выловив из открытого аквариума на близлежащем столе маленькую рыбку, Хаггопян бросил ее своему «необычному кишечнополостному». С плеском упав в воду, рыбка поплыла вглубь, прямо к одному из зеленых щупальцев — и тотчас же замерла! В течение нескольких секунд чудовищная медуза завладела добычей и

не спеша начала ее поглощать.

— Со временем, — заметил Хаггопян, — она сделает то же самое и с вами!

* * *

В самом большом помещении, скорее зале, чем комнате, я остановился, потрясенный размерами резервуаров и мастерством, вложенным в их создание. Здесь, в миниатюрных океанах, за толстым стеклом плавали среди кораллов акулы, и в аквариумах были установлены специальные задники, создававшие иллюзию больших расстояний и огромных подводных просторов.

В одном из аквариумов медленно курсировали туда-сюда акулы-молоты длиной два метра с лишним, жутко уродливые и на вид вдвойне опасные. К краю аквариума вела металлическая лестница, уходившая на другую сторону и в саму воду. Хаггопян, видимо, заметил мой озадаченный вид, поскольку сказал:

— Здесь я обычно кормил своих миног — с ними следовало быть осторожнее. Теперь их больше нет — я выпустил последних в море три года назад.

Три года назад? Я присмотрелся внимательнее, когда брюхо одной из акул-молотов скользнуло

вдоль стекла. На серебристо-белом животе рыбы, между жаберных щелей и вдоль брюха, виднелись многочисленные красные пятна, многие из которых образовывали четкие круги там, где отсутствовала чешуя и поработали похожие на присоски рты миног. Наверняка Хаггопян оговорился, сказав про три года, — скорее три дня! Многие из ран выглядели явно недавними, и, прежде чем армянин повел меня дальше, я успел заметить, что, по крайней мере, еще две акулы-молота носят подобные отметины.

Я перестал размышлять над оговоркой хозяина дома, когда мы вошли в еще одну комнату, при виде обитателей которой любой специалист по моллюскам издал бы радостный возглас. Вдоль стен ее так же стояли аквариумы, меньше тех, что я видел до этого, но в точности имитировавшие естественную среду обитания находившихся в них существ — живых жемчужин почти всех океанов земли. Огромные раковины из Южного Тихого океана, маленькие прекрасные *Haliotis excavata* и *Murex monodon* с Большого Барьерного рифа, похожие на амфоры *Delphinula formosa* из Китая, странные одностворчатые и двустворчатые моллюски всех форм и размеров — их были сотни. Даже окна были сделаны из раковин —

больших, прозрачных, розово просвечивающих, тонких, как фарфор, но невероятно прочных, с больших глубин, — заполнявших комнату кровавым оттенком, столь же странным, как и зеленовато-подводный свет в предыдущих комнатах. Проходы тоже были заставлены подносами и ящиками, полными пустых раковин, без каких-либо табличек и надписей; и снова Хаггопян продемонстрировал свои знания, на ходу называя каждый образец, возле которого я останавливался, и коротко описывая их обычаи и чужие глубины, откуда они были родом.

Моя экскурсия закончилась здесь, в комнате с раковинами, когда вошел Костас, грек, доставивший меня сюда из Клетноса, и пробормотал что-то своему работодателю. Хаггопян согласно кивнул, и Костас вышел, после чего вскоре вернулся вместе с несколькими другими греками, каждый из которых обменялся несколькими словами с Хаггопяном, прежде чем уйти. Наконец мы снова остались одни.

— Это мои люди, — сказал он мне. — Некоторые из них работают на меня уже почти двадцать лет, но теперь они мне больше не нужны. Я заплатил им последнее жалованье, они попрощались со мной и теперь уходят. Костас отвезет их в Клет-

нос, а потом вернется за вами. К тому времени, думаю, я уже закончу свой рассказ.

— Не вполне понимаю вас, мистер Хаггопян. Вы хотите сказать, что собираетесь остаться в одиночестве? То, что вы только что сказали, прозвучало словно прощание.

— В одиночестве? Здесь? Нет, мистер Белтон, — но насчет прощания вы правы! Я узнал о море все, что только мог, и остался лишь один этап моего просвещения. И для него мне не требуется… учиться! Вы поймете.

Увидев озадаченное выражение на моем лице, он усмехнулся.

— Вам трудно меня понять, и вряд ли этому стоит удивляться. Уверен, мало кто — если вообще кто-либо — знал прежде об обстоятельствах моей жизни. Вот почему я решил обо всем рассказать вам. Вам повезло, что вы застали меня в подходящий момент. Я никогда бы не стал рассказывать свою историю, если бы меня не преследовали кошмары, о которых вы никогда не слышали. Но, возможно, мой рассказ послужит предупреждением. Наверняка найдутся ученые, посвятившие себя знаниям о море, которые воспроизведут мои работы и открытия. Но в любом случае то, что вы наверняка считали обычным интервью, станет

моей лебединой песней. Завтра, когда остров покинут люди, Костас вернется и выпустит на свободу все живые экземпляры. Здесь есть средства, с помощью которых можно вернуть в море даже самых крупных рыб. И тогда Хаггопиана опустеет окончательно.

— Но почему? Зачем… и куда собираетесь отправиться вы? — спросил я. — Ведь этот остров — ваша база, ваш дом и крепость? Именно здесь вы написали свои прекрасные книги, и…

— Да, моя база и крепость, как вы выразились! — резко оборвал он меня. — Остров действительно был всем этим для меня, но — домом? Нет! Вот мой дом! — он выбросил дрожащую руку в сторону Критского моря и лежавшего за ним Средиземного. — Когда ваше интервью закончится, я поднимусь на скалы и взгляну еще раз на Клетнос, ближайшую сушу разумных размеров. Потом я возьму «Эхиноидею» и направлю ее от берега через пролив Касос, пока не закончится топливо. Пути назад быть не может. Есть место в Средиземном море, о котором никто не знает, где море очень глубокое и холодное и где…

Он замолчал и повернул ко мне свое странно блестящее лицо.

— Но так я никогда не сумею ничего расска-

зать. Достаточно сказать, что в свое последнее путешествие «Эхиноидея» отправится ко дну — и я вместе с ней!

— Самоубийство? — выдохнул я, едва поспевая за откровениями Хаггопяна. — Вы собираетесь… утопиться?

В ответ он рассмеялся резким смехом, отчего-то напомнившим мне лай тюленя.

— Утопиться? Разве можно утопить их? — Он развел руками, показывая на миниатюрный океан странных раковин. — Или их? — Он махнул в сторону двери, ведшей к аквариуму с экзотическими рыбами.

Несколько мгновений я ошеломленно смотрел на него, не в силах понять, здравомыслящий ли человек передо мной или?..

Он пристально посмотрел на меня сквозь темные линзы очков, и под взглядом его невидимых глаз я медленно покачал головой, отступив на шаг.

— Прошу прощения, мистер Хаггопян… я просто…

— Непростительно, — проскрежетал он, пока я пытался подобрать слова. — Мое поведение непростительно! Идемте, мистер Белтон, возможно, нам будет удобнее поговорить там.

Хаггопян повел меня во внутренний дворик, окруженный лимонными и гранатовыми деревьями. В тени стояли белый садовый стол и два плетеных кресла. Он резко хлопнул в ладоши, затем предложил мне кресло и тяжело сел напротив. Я снова заметил, насколько неуклюжими кажутся мне его движения.

На зов армянина явилась старая женщина, закутанная на индийский манер в белый шелк. Нижняя часть ее лица была закрыта платком, падавшим ей на плечи. Он произнес несколько горловых, но явно нежных слов по-гречески. Она ушла, слегка прихрамывая, и вскоре вернулась с подносом, двумя стаканами и, к моему удивлению, запотевшей от холода бутылкой английского пива.

Я заметил, что стакан Хаггопяна уже наполнен, но не мог узнать напиток. В зеленоватой жидкости плавал густой осадок, но армянин, похоже, этого не замечал. Чокнувшись со мной стаканами, он поднес свой к губам и сделал большой глоток. Я последовал его примеру, поскольку у меня пересохло в горле, а когда поставил стакан обратно на стол, увидел, что Хаггопян все еще пьет! Осушив до дна стакан неизвестной мутной жидкости, он поставил стакан и снова хлопнул

в ладоши.

Только сейчас меня удивило, почему он не снимает очки. В конце концов, мы сидели в тени, а во время экскурсии по его удивительному аквариуму света было еще меньше. Взглянув на лицо армянина, я вспомнил о его проблемах с глазами, снова увидев тонкие струйки жидкости, стекавшей из-под загадочных линз. В то же мгновение вернулась и странная блестящая пленка на его лице. Какое-то время я ее не замечал, решив, что просто привык к его виду. Теперь же я понял, что ошибался — внешность его оставалась столь же странной, как и с самого начала. Помимо воли я вновь подумал о его отталкивающем рукопожатии…

— Подобные перерывы могут быть частыми, — ворвался в мои мысли его скрипучий голос. — Боюсь, в моей нынешней стадии мне требуется весьма обильное потребление жидкости!

Я уже собирался спросить его, какую «стадию» он имеет в виду, когда женщина снова вернулась с очередным стаканом мутной жидкости для своего господина. Прежде чем она ушла, он сказал ей еще несколько слов. Когда она склонилась над столом, я заметил, насколько иссушенным выглядит ее лицо с узкими ноздрями, морщинистой

кожей и глубоко запавшими под выдающимися надбровными дугами глазами. Это явно была крестьянка с острова. И, тем не менее, в других обстоятельствах черты ее лица могли показаться аристократическими. Казалось также, будто она испытывает странное влечение к Хаггопяну, наклоняясь к нему и явно подавляя желание коснуться его каждый раз, когда оказывалась рядом.

— Она уедет отсюда вместе с вами. Костас о ней позаботится.

— Я что, слишком пристально на нее смотрел? — смущенно начал я, вновь ощутив странное чувство нереальности. — Прошу прощения, я не хотел показаться грубым!

— Неважно. То, что я собираюсь вам рассказать, может показаться полнейшим бредом. Вы показались мне человеком, которого не так-то легко… напугать, мистер Белтон?

— Меня можно удивить, мистер Хаггопян, или шокировать — но напугать? Что ж, в числе прочего я какое-то время был военным корреспондентом, и…

— Конечно, я понимаю, но бывает и кое-что похуже, чем сотворенные людьми ужасы войны!

— Возможно, но я журналист. Это моя работа. И я готов… испугаться.

— Что ж, хорошо! И, прошу вас, отбросьте все сомнения, которые, возможно, возникли у вас насчет моего душевного здоровья или могут возникнуть во время моего рассказа. В его конце вы получите достаточно доказательств.

Я начал было протестовать, но он быстро оборвал меня.

— Нет, нет, мистер Белтон! Чтобы не почувствовать здесь ничего странного, нужно быть полностью бесчувственным человеком.

Он замолчал, и в третий раз появилась старуха, поставив на стол перед ним кувшин. На этот раз она почти ластилась к нему, и он резко отодвинулся, едва не опрокинув кресло. Он бросил несколько резких слов по-гречески, и я услышал всхлипывания старухи, которая повернулась и, хромая, ушла прочь.

— Что с этой женщиной, ради всего святого?

— Все в свое время, мистер Белтон. — Он поднял руку. — Все в свое время.

Вновь осушив стакан, он наполнил его из кувшина и начал свое повествование, большую часть которого я молчал, словно загипнотизированный, а под конец ощутил неподдельный ужас.

II

— Первые десять лет своей жизни я провел на островах Кука, а последующие пять — на Кипре, — начал Хаггопян, — и все мое детство меня сопровождал шум моря. Мой отец умер, когда мне было шестнадцать, и, хотя он никогда не признавал меня при жизни, он завещал мне сумму, эквивалентную двадцати одному миллиону фунтов стерлингов! Когда мне исполнился двадцать один год, я получил право распоряжаться этими деньгами и обнаружил, что могу теперь полностью посвятить себя океану — единственной настоящей любви в моей жизни. Я имею в виду все океаны. Я люблю теплое Средиземное море и Южный Тихий океан, но не меньше, чем холодный Северный Ледовитый океан и изобильное Северное море. Даже сейчас я люблю их. Даже сейчас!

В конце войны я купил Хаггопиану и начал создавать здесь свою коллекцию. Я писал о своей работе, и к двадцати девяти годам закончил «Море-колыбель», которая стала первым плодом моей любви. За публикацию первого издания я заплатил сам, и, хотя деньги не имели для меня особого значения, последующие переиздания

с лихвой окупили все мои расходы. Столь же успешной оказалась и вторая моя книга, «Море — новые рубежи». Это подтолкнуло меня начать работу над «Обитателями глубин». К тому времени, когда у меня был готов первый вариант рукописи, я уже был пять лет женат на моей первой жене и мог издать книгу прямо здесь и сейчас, если бы не тот факт, что я стал чересчур взыскателен как к своим книгам, так и к своим исследованиям. Короче говоря, в рукописи имелись фрагменты, целые главы о некоторых видах, которые меня не удовлетворяли.

Одна из этих глав была посвящена сиренам. Дюгони и ламантины, особенно последние, уже долгое время восхищали меня своей несомненной связью с русалками и сиренами из старых легенд, по которым их биологический род и получил свое название. Однако не только одно лишь это стало для меня поводом отправиться в «Экспедицию за ламантинами», как я назвал это путешествие. Хотя в то время я даже не догадывался о том, насколько важным для меня оно окажется. Так получилось, что мои исследования впервые по-настоящему указали мне на мое будущее, дав пугающий намек на мою судьбу, хотя, конечно, я тогда этого не понимал.

Он немного помолчал.

— Судьбу? — наконец осмелился я нарушить тишину. — Литературную или научную?

— Мою окончательную судьбу!

— О!

Я сидел и ждал, не зная, что сказать — странная ситуация для журналиста! Несколько секунд спустя Хаггопян заговорил снова, и я чувствовал, что он пристально смотрит на меня через непрозрачные линзы своих очков.

— Возможно, вы знакомы с теорией континентального смещения — первоначально разработанной Вегенером и Линцем, а затем дополненной Вайном, Мэтьюзом и другими, — суть которой состоит в том, что континенты постепенно «расплываются» в стороны и что когда-то они были намного ближе друг к другу? Уверяю вас, подобные теории вполне логичны; древняя Пангея действительно существовала, и те, кто ступал по ней, не имели ничего общего с людьми. Да, на этом первом огромном континенте имелась жизнь, еще до того, как обезьяна спустилась с деревьев, чтобы стать человеком!

Но, так или иначе, я отправился в свою «Экспедицию за ламантинами» отчасти для того, чтобы продолжить работу Вегенера и других, сравнив

ламантинов Либерии, Сенегала и Гвинейского залива с ламантинами Карибского моря и Мексиканского залива. Видите ли, мистер Белтон, из всех побережий Земли эти два — единственные, где ламантины встречаются в своем естественном состоянии. Наверняка вы согласитесь, что это прекрасное зоологическое доказательство смещения континентов?

В итоге, движимый научными интересами, я оказался в Джексонвиле на Восточном побережье Северной Америки — самой северной точке, где можно обнаружить ламантинов в любом количестве. В Джексонвиле я случайно услышал о неких странных, найденных в море камнях, камнях со следами невероятно древних иероглифов, вероятно, выброшенных на берег обратным течением Гольфстрима. Не забывайте, что моей любимой темой давно были Му, Атлантида и прочие мифические затонувшие земли и города. Мой интерес к этим камням и их возможному происхождению был столь велик, что я быстро завершил свою «Экспедицию за ламантинами» и отправился в Бостон, штат Массачусетс, где, как я слышал, один собиратель подобных диковинок содержал частный музей. Как оказалось, океан тоже был его любовью, и в его коллекции имелось множе-

ство добытых в море экземпляров, в особенности из Северной Атлантики, лежавшей почти у самого его порога. Меня поразила его эрудиция в отношении всего, что было связано с Восточным побережьем. И он рассказал мне множество фантастических историй о берегах Новой Англии — том самом побережье Новой Англии, откуда, как он меня заверял, происходили те самые древние камни, несшие на себе доказательство существования древнего разума — разума, следы которого я видел в столь отдаленных местах, как Берег Слоновой Кости и острова Полинезии!

В поведении Хаггопяна чувствовалось некое странное, все нараставшее возбуждение; он сидел, заламывая руки и беспокойно ерзая в кресле.

— О да, мистер Белтон, это было самое настоящее открытие! Ибо, как только я увидел американские обломки базальта, я тут же их узнал. Да, они были невелики, но надписи на них были точно такими же, какие я видел на огромных черных колоннах в прибрежных джунглях Либерии — колоннах, давным-давно выброшенных морем на берег, вокруг которых лунными ночами плясали и пели туземцы, совершая древние обряды! И я помнил эти песнопения, Белтон,

еще со времен моего детства на островах Кука: *Иа Р'Льех! Ктулху фхтагн!*

Едва с его губ сорвались эти чуждые, бессвязные слова, армянин неожиданно вскочил на ноги, резко наклонившись вперед, так что побелели его опиравшиеся о стол костяшки пальцев. Затем, увидев выражение моего лица, когда я поспешно попытался от него отстраниться, он медленно расслабился и, в конце концов, обессиленно упал обратно в кресло, безвольно опустив руки и отвернувшись.

Хаггопян сидел так минуты три, после чего повернулся ко мне и небрежно пожал плечами.

— Прошу меня извинить, сэр. В последнее время я слишком легко перевозбуждаюсь.

Взяв со стола стакан, он сделал несколько глотков, затем снова вытер стекающие из глаз ручейки влаги и продолжил:

— Но я отвлекаюсь. Главное, что я хотел сказать — когда-то, очень давно, Америка и Африка были сиамскими близнецами, соединенными посередине полосой равнинной суши, которая погрузилась в море, когда началось смещение континентов. На этой равнине были города, понимаете? И доказательства их существования до сих пор можно найти в тех местах, где когда-

то соединялись два материка. Что же касается Полинезии, достаточно сказать, что существа, построившие древние города, — существа, сошедшие со звезд в незапамятные времена, — когда-то владели всем миром. Но они оставили и другие следы, в виде странных богов и верований и, что еще более удивительно, своих творений!

Однако, кроме этих весьма занимательных геологических открытий, у меня имелись в Новой Англии и другие интересы, связанные с моей родословной. Как вам наверняка известно, моя мать была полинезийкой, но в ее жилах текла кровь и уроженцев Новой Англии. Мою прапрабабку привез с островов в Новую Англию матрос с одного из ходивших в Восточную Индию парусников в конце 1820-х годов, а два поколения спустя моя бабка вернулась в Полинезию, когда ее муж-американец погиб при пожаре. До этого наш род жил в Иннсмуте, морском порту, пользовавшемся дурной славой в Новой Англии, где полинезийские женщины были далеко не редкостью. Когда моя бабка вернулась на острова, она была беременна, и американская кровь в немалой степени проявилась в моей матери, судя по ее внешности; но даже сейчас я помню, что у нее было что-то не так с лицом — что-то с глазами.

Я рассказываю обо всем этом потому, что… меня не оставляет мысль о том, не связано ли как-то мое происхождение с моей нынешней… стадией.

Снова прозвучало это слово, на этот раз преднамеренно подчеркнутое, и снова мне захотелось спросить, что имел в виду Хаггопян — но было уже слишком поздно, поскольку он продолжил свой рассказ:

— Еще в детстве, в Полинезии, я слышал множество странных историй, и не менее странные истории рассказывал мне мой друг-коллекционер из Бостона — о существах, которые выходят из моря, чтобы спариваться с людьми, и об их кошмарном потомстве!

В голосе Хаггопяна вновь послышалось лихорадочное возбуждение; все его тело снова задрожало, словно охваченное едва сдерживаемыми эмоциями.

— Знаете ли вы, — неожиданно выпалил он, — что в тысяча девятьсот двадцать восьмом году агенты ФБР провели в Иннсмуте чистку? Чистку от кого, спрашиваю я вас? И зачем были сброшены глубоководные бомбы с Дьявольского рифа? Именно после этих взрывов и штормов тридцатого года на берега Новой Англии выбросило множество странных золотых предметов; и в

то же самое время жители побережья начали находить те самые черные разбитые камни с жуткими иероглифами!

Иа-Р'льех! Какие чудовищные существа таятся даже сейчас в океанских глубинах, Белтон, и какие другие создания возвращаются в колыбель земной жизни?

Внезапно он встал и начал расхаживать по дворику своей покачивающейся неуклюжей походкой, издавая горловое бормотание и то и дело бросая взгляды в мою сторону. Я продолжал сидеть за столом, крайне обеспокоенный состоянием его рассудка.

Думаю, будь у меня возможность, в этот момент я с радостью отдал бы все, лишь бы оказаться подальше от Хаггопианы. Однако возможности такой у меня не было, и я лишь тревожно ждал, пока армянин в достаточной степени успокоится, чтобы снова сесть. Из-под его темных очков снова стекла струйка влаги, и он сделал еще глоток неизвестной жидкости из своего стакана, прежде чем продолжить:

— Еще раз прошу принять мои извинения, мистер Белтон, за то, что столь отклоняюсь от сути дела. Я уже говорил про свою книгу, «Обитатели глубин», и о том, что меня не удовлетворял ряд

ее глав. Когда мой интерес к побережьям Новой Англии и их тайнам наконец иссяк, я вернулся к этой книге, в частности, к главе об океанских паразитах. Мне хотелось сравнить эту специфическую разновидность морских существ с их сухопутными аналогами и привести, как я делал в других главах, примеры связанных с ними океанских мифов и легенд.

Конечно, меня ограничивал тот факт, что море не может похвастаться столь большой численностью видов паразитов, как суша. Ведь практически любое сухопутное животное, включая птиц и насекомых, имеет собственного маленького компаньона, живущего в его шерсти или перьях или питающегося за его счет тем или иным паразитическим способом.

И тем не менее, я рассматривал миксин и миног, а также некоторые виды рыбьих пиявок и китовых вшей, сравнивая их с пресноводными пиявками, ленточными червями, грибами и так далее. Может возникнуть искушение считать разницу между водными и сухопутными жителями чересчур большой, и различие, конечно, действительно есть — но если вспомнить о том, что вся известная нам жизнь изначально вышла из моря…

Сейчас, мистер Белтон, когда я думаю о вампирах из легенд, оккультных верований и литературы о сверхъестественном — о том, как монстр вызывает чудовищные изменения и разрушения у своей жертвы, пока жертва не умирает, а затем воскресает в виде такого же вампира, мне кажется безумием все то, через что мне довелось пройти. Но откуда я мог знать, как я мог предвидеть?..

Но… вы все узнаете в свое время. И вы должны быть к этому готовы, несмотря на ваши заверения, что вас не так-то легко напугать.

В 1956 году я занимался глубоководными исследованиями у Соломоновых островов на яхте с экипажем из семи человек. Мы пристали на ночь к прекрасному маленькому необитаемому острову неподалеку от Сан-Кристобаля, а на следующее утро, пока матросы сворачивали лагерь и готовили яхту к выходу в море, я бродил по берегу в поисках раковин. Я увидел застрявшую в образовавшейся после отлива луже большую акулу; жабры ее едва покрывала вода, а шершавая спина и спинной плавник выступали над поверхностью. Естественно, мне стало жаль это создание, а еще больше после того, как я заметил, что к ее брюху прицепился один из тех кровосо-

сов, которые столь меня интересовали. Миксина выглядела просто красавицей — длиной в четыре фута, и явно принадлежала к виду, которого я никогда прежде не встречал. К тому времени книга «Обитатели глубин» была почти закончена, и, если бы не та глава, о которой я уже упоминал, она давно бы уже вышла из печати.

У меня не было времени, чтобы отбуксировать акулу на более глубокое место, и все же мне было жаль большую рыбину. Я велел одному из матросов прекратить ее страдания выстрелом из ружья. Одному богу известно, как долго паразит питался ее соками, постепенно ослабляя акулу, пока та не превратилась в игрушку приливов.

Что касается миксины, то ей предстояло отправиться с нами! На моей яхте хватало резервуаров для рыбы и покрупнее, а мне, естественно, хотелось изучить ее и включить упоминание о ней в свою книгу.

Матросам удалось без особых хлопот выловить странную рыбу сеткой и поднять ее на борт, но, похоже, извлечь ее из сетки и поместить в аквариум было не так-то просто. Вам следует понять, мистер Белтон, что эти аквариумы были утоплены в палубу вровень с верхним краем. Я подошел, чтобы помочь, прежде чем рыба погибнет, и,

когда уже казалось, что мы распутали сетку, рыба начала отчаянно биться! Одним гибким движением тела она вырвалась из сетки и увлекла меня за собой в аквариум!

Конечно, матросы сначала рассмеялись, и я бы смеялся вместе с ними, если бы эта жуткая рыба в одно мгновение не прицепилась к моему телу, вонзив окаймленную зубами присоску мне в грудь и уставившись своим жутким взглядом прямо мне в глаза!

III

После короткой паузы, за время которой блестящее лицо армянина несколько раз исказила жуткая гримаса, он продолжил:

— После того как меня вытащили из аквариума, я три недели провалялся в лихорадке. Шок? Яд? Тогда я этого не знал. Теперь знаю, но уже слишком поздно, возможно, слишком поздно было уже тогда.

Моя жена была на яхте вместе с нами, в должности кока, и во время моей болезни, пока я метался в бреду на койке в своей каюте, она ухаживала за мной. Тем временем матросы поддерживали жизнь миксины, принадлежавшей к неизвестному ранее виду, снабжая ее мелкими акулами и

другой рыбой. Как вы понимаете, они никогда не позволяли ей полностью высосать свою жертву, но им хватало ума сохранять ее живой и здоровой для меня, сколь бы отвратительным ни выглядел способ ее питания.

Я помню, что пока я выздоравливал, меня осаждали повторяющиеся видения каменных подводных городов, циклопических сооружений из базальта, населенных странными существами — отчасти людьми, отчасти рыбами и отчасти амфибиями, глубоководными созданиями Дагона и последователями культа спящего Ктулху. В этих видениях меня звали к себе странные голоса, нашептывая мне разные слова о моих предках — слова, от которых я кричал в бреду во весь голос!

Придя в себя, я не раз спускался под палубу, разглядывая миксину сквозь стеклянные стенки аквариума. Вы видели когда-либо вблизи миксину или миногу, мистер Белтон? Нет? Тогда считайте, что вам повезло. Это уродливые создания, внешность которых вполне соответствует их природе, похожие на угрей и крайне примитивные. А их пасти, Белтон — ужасные, зубастые, сосущие пасти!

Два месяца спустя, под конец путешествия, начался настоящий кошмар. К тому времени мои

раны на груди в том месте, где в меня вцепилась эта тварь, полностью зажили; но воспоминание о той первой встрече до сих пор было свежо в моей памяти, и…

Я вижу, что вы хотите о чем-то спросить, мистер Белтон, но вы действительно правильно меня расслышали — я на самом деле сказал о первой встрече! О да! Впереди были другие встречи, и их было множество!

Хаггопян в очередной раз прервал свой удивительный рассказ, чтобы промокнуть стекающие из-под темных очков струйки и снова отхлебнуть мутной жидкости из стакана. Мне представился шанс оглядеться; возможно, я все еще искал путь к бегству на случай, если возникнет такая необходимость.

Армянин сидел спиной к большому бунгало, и, бросив нервный взгляд в ту сторону, я увидел чье-то лицо, мелькнувшее за одним из небольших, похожих на иллюминаторы окон. Позже, когда хозяин дома продолжил свое повествование, я смог разглядеть, что лицо в окне принадлежит старой служанке, и ее полный странного восхищения взгляд был устремлен прямо на него. Заметив, что я смотрю на нее, она скрылась.

— Нет, — наконец продолжил Хаггопян, — с

этой рыбой для меня далеко не все было покончено, далеко нет! С каждой неделей мой интерес к этому созданию перерастал в навязчивую страсть; каждую свободную минуту я проводил возле аквариума, разглядывая странные отметины и шрамы, которые она оставляла на телах своих невольных жертв. А потом я обнаружил, что жертвы эти вовсе не невольные! Удивительно, и тем не менее…

Да, я обнаружил, что, став однажды жертвой миксины, рыбы, которыми она питалась, стремились восстановить подобную связь, даже под угрозой смерти! Впервые узнав об этом странном обстоятельстве, я, естественно, провел ряд экспериментов и впоследствии точно установил, что после первого насильственного контакта жертвы миксины сами отдавались ей с неким извращенным удовольствием!

Судя по всему, мистер Белтон, я нашел в море точную параллель с вампирами из сухопутной легенды. Но я не понимал, что означает для меня это открытие, пока… пока…

Перед тем, как вернуться назад на Хаггопиану, мы причалили в Лимасоле на Кипре. Я позволил команде — за исключением одного человека, Костаса, который не захотел покидать

яхту, — провести ночь на берегу. Все они тяжко трудились достаточно долгое время. Моя жена тоже отправилась навестить друзей в Лимасоле. Я предпочел остаться на борту; общество друзей моей жены меня утомляло, к тому же я уже несколько дней ощущал странное оцепенение, похожее на летаргию.

Я рано лег в постель. Из моей каюты были видны огни города и слышался тихий плеск воды о причал, возле которого мы стояли. Костас дремал на корме с удочкой. Прежде чем заснуть, я позвал его. Он сонно ответил, что на море нет даже ряби и что он уже поймал две отличные кефали.

Очнулся я уже здесь, на Хаггопиане, три недели спустя. Миксина снова меня укусила! Мне рассказали, что Костас услышал плеск и нашел меня в аквариуме с миксиной. Ему удалось вытащить меня из воды, прежде чем я успел утонуть, но ему пришлось приложить немало усилий, чтобы оторвать чудовище от меня или, вернее, оторвать меня от чудовища!

Последствия уже начинают проявляться, мистер Белтон. Видите?

Он расстегнул рубашку, показав отметины на груди — круглые шрамы диаметром примерно в три дюйма, похожие на те, что я видел у акул-

молотов в аквариуме — и я застыл в кресле с раскрытым ртом, увидев их количество! Рубашка была расстегнута до шелкового пояса ниже груди, и неповрежденным оставалось не больше дюйма кожи — местами шрамы даже перекрывались!

— Бог мой! — наконец выдохнул я.

— Какой бог? — тотчас же прошипел Хаггопян, пальцы которого снова начали возбужденно дрожать. — Какой бог, мистер Белтон? Иегова или Оаннес — человек-Христос или существо-Жаба — бог Земли или Воды? *Иа-Р'льех, Ктулху фхтагн; Йибб-Тстлл; Йот-Сотот!* Я знаю многих богов, сэр!

Он снова наполнил стакан из графина, судорожно глотая мутную жидкость, и мне даже показалось, что он может подавиться. Когда он наконец поставил пустой стакан, я увидел, что он в очередной раз пытается овладеть собой.

— Во второй раз, — продолжал он, — все считали, что я свалился в аквариум во сне, и для этого вовсе не требовалось обладать богатым воображением, поскольку в детстве я страдал легкой степенью сомнамбулизма. Сначала даже я сам в это поверил, поскольку тогда еще не осознавал ту власть, которую имеет надо мной это создание. Говорят, будто миксины слепы, мистер Белтон, и

для более известных видов это определенно так, но моя миксина слепой не была. Более того, сколь бы примитивной она ни являлась, мне показалось, что после третьего или четвертого раза она начала меня узнавать! Я держал ее в аквариуме, где вы видели акул-молотов, запретив кому-либо другому входить в ту комнату. Я приходил к ней по ночам, когда у меня возникало соответствующее… настроение, и она была там, дожидаясь меня, прижимаясь к стеклу уродливой пастью и с предвкушением глядя на меня своими странными глазами. Она подплывала прямо к лестнице, когда я начинал по ней подниматься, ожидая, когда я спущусь к ней в воду. Я надевал маску с дыхательной трубкой, чтобы иметь возможность дышать, пока она… пока…

Хаггопян снова весь дрожал, постоянно вытирая лицо шелковым платком. Радуясь возможности отвести взгляд от его странно блестящего лица, я допил пиво и вылил в стакан остатки из бутылки. Пиво к тому времени почти выдохлось, но, понятное дело, я испытывал куда меньшую жажду, чем Хаггопян. Я сделал глоток, лишь для того, чтобы промочить пересохшее горло.

— Самое худшее заключалось в том, — помолчав, продолжал он, — что происходившее со мной

случалось не против моей воли — точно так же, как с акулами и другими рыбами-жертвами. Я наслаждался каждой чудовищной связью, как алкоголик наслаждается эйфорией от виски, как наркоман наслаждается своими галлюцинациями, и следствия моего пагубного влечения были не менее разрушительными! У меня больше не было лихорадки, как после двух первых «сеансов» с этой тварью, но я чувствовал, что мои силы медленно, но верно истощаются. Мои помощники, естественно, знали, что я болен, — нужно было быть глупцом, чтобы не заметить, как ухудшается мое здоровье или с какой скоростью я старею, но больше всего страдала моя жена.

Я мало что мог поделать, понимаете? Если бы мы вели обычную супружескую жизнь, она наверняка бы увидела отметины на моем теле, что потребовало бы объяснений, которые я не хотел — на самом деле и не мог — давать! О да, я набрался немалой хитрости, следуя своей губительной страсти, и никто не догадывался об истинных причинах странной болезни, которая медленно убивала меня, лишая жизненных сил.

Через год с небольшим, в 1958 году, когда я понял, что одной ногой стою в могиле, я позволил уговорить себя предпринять еще одно путеше-

ствие. Моя жена любила меня столь же преданно, как и прежде, и считала, что длительная морская поездка пойдет мне на пользу. Думаю, к тому времени Костас начал подозревать правду; я даже застал его однажды в запретной комнате, где он с любопытством разглядывал миксину в ее аквариуме. Подозрения его возросли еще больше, когда я сказал, что рыба отправится с нами, против чего он был с самого начала. Однако я убедил его, что еще не закончил свои исследования миксины и что намереваюсь в конечном счете выпустить ее в море. Собственно, я не верил, что переживу путешествие. С шестнадцати стоунов веса я похудел до девяти!

Мы стояли на якоре у Большого Барьерного рифа, когда моя жена застала меня с миксиной. Остальные спали после прошедшей на борту вечеринки по случаю дня рождения. Я настоял на том, чтобы все пили и веселились, так что я мог быть уверен, что никто меня не побеспокоит, но жена выпила очень мало, а я этого не заметил. Когда я ее увидел, она стояла рядом с аквариумом, глядя на меня и на… эту тварь! Никогда не забуду ее лицо, весь отразившийся на нем ужас, и ее крик, прорезавший ночь!

Когда я выбрался из аквариума, ее уже не бы-

ло. Она упала или выбросилась за борт. Крик ее разбудил команду, и Костас вскочил первым. Он увидел меня еще до того, как я успел прикрыться. Я взял троих матросов, и мы отправились на шлюпке на поиски моей жены. Когда мы вернулись, Костас прикончил миксину, несколько раз ударив ее багром. Голова ее напоминала кровавую кашу, но даже мертвая, она продолжала цепляться за пустоту своей пастью-присоской!

После этого я не видел Костаса почти целый месяц. Вряд ли ему хотелось быть рядом со мной — наверняка он понимал, что я оплакиваю не только свою жену!

Что ж, на этом заканчивается первая стадия, мистер Белтон. Ко мне быстро вернулись прежний вес и здоровье, лицо и тело вновь помолодели, и я стал почти тем же человеком, что и прежде. «Почти» — потому что, естественно, полностью прежним я стать не мог. Во-первых, я лишился всех своих волос. Как я уже говорил, эта тварь настолько истощила меня, что я одной ногой стоял в могиле. А кроме того, как напоминание о прошлом ужасе, на моем теле остались шрамы, и еще больший шрам в моей душе, который болит до сих пор, когда я вспоминаю лицо моей жены, каким я видел его в последний раз.

В течение последующего года я закончил свою книгу, но ничего не упомянул о своих открытиях во время «Экспедиции за ламантинами», а также о своих злоключениях с чудовищной рыбой. Книгу я посвятил, как вам наверняка известно, памяти моей несчастной жены, но прошел еще год, прежде чем эпизод с миксиной полностью изгладился из моей памяти. С тех пор я не мог вынести даже мысли о своей прежней жуткой привязанности.

Вскоре после того, как я женился во второй раз, началась вторая стадия…

Какое-то время я ощущал странную боль в животе, между пупком и диафрагмой, но не побеспокоился о том, чтобы обратиться к врачу. Терпеть не могу врачей. Через полгода после свадьбы боль исчезла, но ее сменило нечто куда худшее!

Зная о моем страхе перед врачами, моя новая жена хранила мою тайну, и, хотя никто из нас этого не понимал, это было самое худшее, что мы могли сделать. Возможно, если бы я сообразил раньше…

Видите ли, мистер Белтон, у меня появился… да, новый орган! Из моего живота вырос придаток, похожий на хобот, с маленькой дырочкой

на конце, словно второй пупок! Естественно, в конце концов мне пришлось встретиться с врачом, и, после того как он осмотрел меня и сказал самое худшее, я взял с него клятву — или, вернее, заплатил ему — чтобы он молчал. Он сказал, что орган невозможно удалить, так как он стал частью меня: со своими кровеносными сосудами, главной артерией и связями с моими легкими и желудком. Орган не был злокачественным образованием, но больше врач ничего объяснить не мог. Однако после ряда изнурительных анализов он все же смог сказать, что моя кровь тоже претерпела изменения. Судя по всему, в моем организме было слишком много соли. Врач сказал, что вообще не понимает, как я еще жив!

На этом все не закончилось, мистер Белтон, поскольку вскоре начали происходить другие изменения — на этот раз с самим похожим на хобот органом, когда крошечное отверстие на его конце начало открываться!

А потом… потом… моя бедная жена… и мои глаза!

Хаггопяну снова пришлось остановиться. Он сидел, раскрыв рот, словно вытащенная из воды рыба; все его тело била дрожь, по лицу стекали тонкие струйки влаги. Снова наполнив стакан,

он напился мутной жидкости и вновь вытер внушающее ужас лицо шелковым платком. В горле у меня пересохло, и даже если бы я хотел что-то сказать, вряд ли сумел бы это сделать. Я потянулся к своему стакану, просто чтобы чем-то себя занять, пока армянин пытался овладеть собой, но стакан, естественно, оказался пуст.

— Я… мне кажется… вы… — судорожно пробормотал Хаггопян и зашелся хриплым лающим кашлем, собираясь закончить свою жуткую историю. Голос его стал еще более нечеловеческим, чем прежде.

— Вы… у вас куда более крепкие нервы, чем я думал, мистер Белтон, и… вы были правы: вас не так-то легко потрясти или напугать. Собственно, это я трус, поскольку не могу рассказать все до конца. Я могу лишь… показать вам, а потом вы должны уйти. Можете подождать Костаса на причале…

С этими словами Хаггопян медленно встал и снял расстегнутую рубашку. Словно загипнотизированный, я смотрел, как он разматывает шелковую ленту на поясе, как становится видимым его… орган, слепо шаря на свету, словно хобот муравьеда! Но это был не хобот!

На конце его виднелась открытая пасть — крас-

ная и омерзительная, с рядами острых мелких зубов, — а по краям ее шевелились жаберные щели, вдыхая разреженный воздух!

Но даже на этом все ужасы не закончились. Когда я, пошатываясь, поднялся на ноги, армянин снял свои жуткие темные очки! Впервые я увидел его глаза, его выпученные рыбьи глаза без белков, словно шары из черного мрамора, сочащиеся болезненными слезами в чуждой для них среде, глаза, приспособленные к мутной воде морских глубин! Я помню звучавшие в моих ушах последние слова Хаггопяна, пока я, не разбирая дороги, бежал по берегу к причалу, слова, которые он прохрипел, сбрасывая пояс и снимая темные очки с лица.

— Не жалейте меня, мистер Белтон, — сказал он. — Море всегда было моей первой любовью, и я многое о нем не знаю даже сейчас, но еще узнаю. И я буду не одинок среди Обитателей глубин. Среди них есть та, кто уже ждет меня, и та, кто еще придет!

* * *

Во время короткого путешествия назад в Клетнос, несмотря на то что услышанное в немалой степени меня ошеломило, журналист во мне все-

таки взял верх, и я снова подумал о чудовищной истории Хаггопяна и ее столь же чудовищных последствиях. Я думал о его огромной любви к океану, о странной мутной жидкости, с помощью которой он, очевидно, поддерживал свое существование, и о тонкой пленке защитной слизи, которая блестела на его лице и, видимо, покрывала все его тело. Я подумал о его странных предках и экзотических богах, которым они поклонялись, о созданиях, выходивших из моря, чтобы спариваться с людьми! Я думал о свежих отметинах, которые я видел на брюхах акул-молотов в большом аквариуме, отметинах, сделанных не паразитами, поскольку Хаггопян выпустил своих миног в море три года назад, и о второй жене, которую упоминал армянин, по слухам, умершей от некоей «экзотической болезни»! Наконец, я подумал о других слухах, ходивших о его третьей жене, о том, что она больше не живет вместе с ним. Но лишь когда мы причалили в Клетносе, я понял, что эти слухи на самом деле не соответствуют действительности.

Ибо, когда верный Костас помогал старой женщине выйти из лодки, она наступила на тянувшийся за ней край платка. Платок и ее вуаль составляли единое целое, и из-за ее неуклюжести

на мгновение приоткрылись лицо, шея и плечо чуть выше левой груди. В тот же миг я впервые увидел целиком ее лицо… и красные шрамы, начинавшиеся чуть ниже ключицы!

Наконец мне стало ясно странное влечение, которое испытывала она к Хаггопяну, подобное омерзительной тяге, которую испытывали к жуткой миксине из его рассказа ее добровольные жертвы! Мне также стало ясно, почему меня привлекли ее классические, почти аристократические черты, ибо это были черты одной известной в последнее время афинской модели! Третьей жены Хаггопяна, вышедшей за него замуж в день своего восемнадцатилетия! А потом, снова вспомнив о его второй жене, «похороненной в море», я, наконец, понял, что имел в виду армянин, когда говорил: «Среди них есть та, кто уже ждет меня, и та, кто еще придет!»

Цементные стены[7]

За два месяца до написания «Призывающего Тьму», в июне 1967 года, я закончил «Цементные стены», которые Август Дерлет сразу же взял в готовившуюся к публикации антологию «Рассказы о Мифе Ктулху». Я взял свой гонорар (целых семьдесят пять долларов, за которые был крайне благодарен) книгами издательства «Аркхэм Хаус», что было с моей стороны вполне разумным поступком — будь эти книги у меня сейчас, они стоили бы целое состояние! Но, хоть я и могу пролить слезу по этому поводу, вряд ли мне стоит жаловаться, поскольку в нескольких случаях они спасли мою шкуру (в финансовом смысле). В любом случае в свое время «Цементные стены» действительно появились в «Рассказах о Мифе Ктулху» вместе с еще одним рассказом Ламли, а также произведениями других современных авторов. Однако для «Цементных стен» этот сборник не стал местом вечного упокоения, по-

---

[7] notes: 7

“Cement Surroundings”, from Tales of the Cthulhu Mythos, Arkham House, 1969.

Плешков К. П., перевод на русский язык, © 2018.

скольку впоследствии я использовал это название в качестве главы для моего первого романа о Мифе — «Беспощадная война».

I

Никогда не перестану удивляться тому, как некоторые, якобы считающие себя христианами, получают извращенное удовольствие от несчастий других. И окончательно я поверил в это, когда начали распространяться досужие слухи и сплетни, последовавшие за трагической гибелью самого близкого из моих родственников.

Некоторые полагали, что точно так же, как луна влияет на приливы и отчасти на медленное движение земной коры, она влияла и на поведение сэра Эмери Уэнди-Смита после его возвращения из Африки. В качестве доказательства они указывали на внезапно возникшее у моего дяди увлечение сейсмографией — наукой о землетрясениях, которая настолько его захватила, что он построил свой собственный прибор — модель, не имеющую обычного бетонного основания, но при этом настолько точную, что она способна измерять даже самые малейшие глубокие толчки, от которых постоянно содрогается наша планета. Именно этот прибор стоит сейчас

передо мной, спасенный из руин коттеджа, и я все чаще бросаю на него опасливые взгляды. До своего исчезновения дядя проводил перед ним многие часы, словно без особой цели, изучая едва заметные движения пера самописца.

Что касается меня, то я находил более чем странным неприязнь, которую сэр Эмери, какое-то время живший после своего возвращения в Лондоне, испытывал к метро, предпочитая тратить немалые деньги на такси, нежели спускаться в «черные туннели», как он их называл. Да, странно. Но я никогда не считал подобное признаком душевного расстройства.

И все же даже его немногие самые близкие друзья, казалось, были убеждены в его безумии, считая, что виной тому его жизнь в опасной близости от мертвых и давно забытых цивилизаций, столь его увлекавших. Но разве могло быть иначе? Мой дядя был одновременно любителем древностей и археологом. В своих странных путешествиях в чужие края он вовсе не ставил целью получить какую-либо личную выгоду или признание. Он предпринимал их, скорее, из любви к жизни, чем из желания снискать славу среди своих коллег, которые чаще всего от него просто отмахивались, хотя и завидовали его про-

зорливости и любознательности, которые, как я теперь начинаю понимать, были скорее его проклятием, нежели даром. Мне горько сознавать, что они отвергли его после жуткого завершения последней экспедиции. В свое время многие из них добились своего нынешнего положения благодаря открытиям дяди, но после своего последнего путешествия он предпочел не делиться с ними славой. Полагаю, что по большей части их злорадные утверждения о его помешательстве имели своей целью лишь преуменьшить величие его гения.

Последнее сафари явно приблизило его физический конец. Прежде осанистый и крепкий для человека его возраста, с черными как смоль волосами и постоянно улыбавшийся, он основательно сгорбился и сильно потерял в весе. Волосы его поседели, а улыбка стала нервной, с отчетливым подергиванием в уголке рта.

Еще до того, как с ним произошли чудовищные изменения, сделавшие его объектом насмешек для бывших «друзей», сэр Эмери расшифровал или перевел — в чем я не особо разбираюсь — несколько рассыпающихся древних осколков, известных в археологических кругах как «Фрагменты Г’харна». Хотя он никогда в полной мере

не обсуждал со мной свои находки, я знаю, что именно полученные благодаря им сведения заставили его отправиться в злополучное путешествие в Африку. Вместе с горсткой близких друзей, таких же ученых, он отправился в дебри на поиски легендарного города, который, как считал сэр Эмери, существовал за многие века до того, как были заложены фундаменты пирамид. И действительно, по его расчетам, первобытных предков человека еще не было в природе, когда впервые поднялись к небу каменные бастионы Г'харна. Заявления моего дяди об их возрасте, если они вообще существовали, подтверждались и новыми научными исследованиями «Фрагментов Г'харна», относивших их ко времени до начала триасского периода, и ничто не могло объяснить тот факт, что они не превратились в многовековую пыль.

Именно сэр Эмери, один и в ужасном состоянии, шатаясь, добрался до лагеря дикарей через пять недель после того, как экспедиция вышла из туземной деревни, где в последний раз контактировала с цивилизацией. Несомненно, нашедшие его жестокие дикари расправились бы с ним на месте чисто из суеверия. Однако их остановили его дикий вид и странный язык, на котором

он кричал. К тому же он явился с территории, считавшейся табу в легендах племени. В конце концов они кое-как вылечили его и вывели в более цивилизованные места, откуда он сумел добраться до внешнего мира. О других членах экспедиции никто с тех пор ничего не слышал, и только мне известна эта история, которую я прочитал в присланном мне дядей письме. Но об этом позже.

После возвращения в Англию сэр Эмери начал приобретать уже упоминавшиеся выше эксцентричные черты характера, и любого намека или разговора на тему исчезновения его коллег было достаточно, чтобы он начинал бессвязно бормотать о всяких необъяснимых вещах, вроде «потаенной земли, где сидит погруженный в мрачные мысли Шудде-Мьелл, замышляя уничтожить человечество и освободить из подводной темницы Великого Ктулху…». Когда его официально попросили объяснить, что стало с его пропавшими спутниками, он сказал, что они погибли во время землетрясения, и хотя, по слухам, его просили пояснить свой ответ, он больше ничего не говорил…

Так что, не зная, как он станет реагировать на вопросы о своей экспедиции, я не осмеливался

его расспрашивать. Однако в те редкие моменты, когда он считал нужным поговорить об этом сам, я жадно его слушал, не меньше других желая, чтобы тайна наконец раскрылась.

Прошло всего несколько месяцев после его возвращения, когда он неожиданно уехал из Лондона и пригласил меня составить ему компанию в его коттедже, стоявшем на отшибе среди йоркширских торфяников. Приглашение выглядело несколько странным, учитывая, что он провел много месяцев в полном одиночестве в разнообразных уединенных местах и предпочитал считать себя кем-то вроде отшельника. Я согласился, увидев в том прекрасную возможность оказаться подальше от людей, что особенно способствует творческому настроению.

II

Однажды, вскоре после того как я обустроился на новом месте, сэр Эмери показал мне пару красивых жемчужных шаров, диаметром примерно в четыре дюйма каждый. Хотя он не мог точно назвать материал, из которого они были сделаны, он смог объяснить мне, что тот представляет собой некое неизвестное сочетание кальция, хризолита и алмазной пыли. Каким образом они

были изготовлены, по его словам, можно было лишь догадываться. Он рассказал, что шары были найдены на месте мертвого Г'харна — первый намек на то, что он действительно его нашел в погребенном под землей каменном ящике без крышки, грани которого, расположенные под странным углом, украшали каменные изображения крайне чужеродного вида. Сэр Эмери не стал подробно их описывать, заявив лишь, что суть их настолько омерзительна, что он предпочитает ее не воспроизводить. Наконец в ответ на мои наводящие вопросы он сказал, что они изображали чудовищные жертвоприношения некоему неизвестному божеству. Больше он говорить ничего не стал, но отослал меня к трудам Коммода и Каракаллы. Он упомянул также, что на ящике наряду с изображениями имелось множество высеченных символов, очень похожих на клинопись «Фрагментов Г'харна» и в некоторых отношениях удивительно схожих с почти непостижимыми «Пнакотическими рукописями». Вполне возможно, продолжал он, что ящик был на самом деле своего рода коробкой для игрушек, а шары — погремушками для кого-то из детей древнего города; в той части странных надписей на ящике, что ему удалось расшифровать, опре-

деленно упоминались дети, или детеныши.

Именно в этот момент его рассказа я вдруг заметил, что глаза сэра Эмери начали стекленеть, а речь стала бессвязной — словно некая странная сила начала воздействовать на его сознание. Внезапно впав в гипнотический транс, он начал бормотать что-то о Шудде-Мьелле и Ктулху, Йог-Сототе и Йибб-Тстлле — «чужих богах, не поддающихся описанию» — и о мифических местах со столь же фантастическими названиями: Сарнат и Гиперборея, Р'льех, Эфирот и многие другие…

Как бы мне ни хотелось побольше узнать о трагической судьбе экспедиции, боюсь, именно я остановил сэра Эмери, не дав ему продолжать. Как бы я ни старался, но, слыша его бормотание, я не мог скрыть беспокойство и озабоченность, что вынудили его поспешно извиниться и скрыться в своей комнате. Позднее, когда я заглянул в его дверь, он был полностью поглощен своим сейсмографом, сопоставляя отметки на графике с взятым из библиотеки атласом мира, и при этом тихо разговаривал сам с собой.

Естественно, учитывая интерес моего дяди к проблемам антропологии и религии, неудивительно, что в его библиотеке можно было найти

работы, посвященные примитивным древним верованиям, такие как «Золотая ветвь» и «Культ ведьм» мисс Мюррей. Но что я мог сказать о других книгах, которые я обнаружил в библиотеке дяди через несколько дней после своего приезда? На его полках стояло, по крайней мере, девять томов столь возмутительного содержания, что в течение многих лет они считались заслуживающими осуждения, богохульными, омерзительными, чудовищными плодами литературного помешательства. К ним относились «Хтаат Аквадинген» неизвестного автора, «Заметки о Некрономиконе» Фири, «Либер Миракулорем», «История магии» Элифаса Леви и выцветший, переплетенный в кожу экземпляр жуткого «Культа упырей». Возможно, самое худшее, что я видел, — небольшой, защищенный от дальнейшего распада клейкой пленкой томик Коммода, который этот кровавый маньяк написал в 183 году нашей эры.

Более того, будто этих книг было мало, — что означало неразборчивое, то ли пение, то ли бормотание, которое часто доносилось из комнаты сэра Эмери посреди ночи? Впервые я услышал его на шестую проведенную в его доме ночь, когда меня вырвали из беспокойного сна отвратительные звуки языка, который, казалось, не могли

воспроизвести человеческие голосовые связки. Однако мой дядя странным образом им владел, и я записал повторявшуюся последовательность звуков, попытавшись представить ее в виде слов. Слова эти — или звуки — выглядели так:

Се'хайе еп-нгх фл'хур Г'харне фхтагн,
Се'хайе фхтагн нгх Шудде-Мьелл.
Хай Г'харне орр'е фл'хур,
Шудде-Мьелл икан-и-каникас фл'хур орр'е Г'харне...

Хотя тогда эти слова казались мне непроизносимыми, я обнаружил, что с каждым днем мне странным образом все легче их выговаривать — словно по мере приближения некоего омерзительного кошмара я обретал способность выражаться его собственными понятиями. Возможно, я просто начал произносить эти слова во сне, а поскольку во сне все дается намного проще, способность эта сохранилась и наяву. Но это не объясняет сотрясений — тех самых необъяснимых сотрясений, что так пугали моего дядю. Являются ли толчки, вызывавшие постоянную дрожь пера сейсмографа, всего лишь следами некоего обширного подземного катаклизма на глубине в тысячу миль и на расстоянии в пять ты-

сяч, или причина их в чем-то ином, столь чуждом и пугающем, что разум мой отказывается подчиняться, когда я пытаюсь детально разобраться в этой проблеме…

III

После того как я провел вместе с сэром Эмери несколько недель, наступил момент, когда стало ясно, что он быстро выздоравливает. Да, он до сих пор ходил сгорбившись, хотя, как мне казалось, уже не столь заметно, и его так называемые странности тоже никуда не делись, но в остальном он стал больше напоминать себя прежнего. Нервный тик на лице полностью исчез, щеки приобрели некоторый цвет. Я предполагал, что его выздоровление во многом связано с нескончаемым изучением данных сейсмографа — к тому времени я уже установил наличие однозначной связи между показаниями прибора и болезнью дяди. И, тем не менее, я не мог понять, каким образом внутренние движения Земли столь влияют на состояние его душевного здоровья. После того как я снова побывал в его комнате, чтобы взглянуть на прибор, он продолжил свой рассказ о мертвом городе Г’харн. Мне следовало бы отвлечь его от этой темы, но…

— В надписях на фрагментах, — сказал он, — содержались сведения о местоположении города, название которого, Г'харн, известно лишь в легендах и который в прошлом упоминался на равных с Атлантидой, Му и Р'льех. Миф, и ничего больше. Но если легенда оказывается связана с конкретным местом, значение ее усиливается. А если в этом месте обнаруживаются реликты прошлого, погибшей давным-давно цивилизации, то легенда становится историей. Ты бы удивился, узнав, сколь немалая часть мировой истории возникла именно таким образом.

Интуиция подсказывала мне, что Г'харн существовал в реальности, а после того, как я расшифровал найденные фрагменты, я обнаружил, что могу тем или иным образом это доказать. Я бывал во многих странных местах, Пол, и слышал еще более странные истории. Однажды я жил в африканском племени, заявлявшем, что им известны тайны затерянного города. И там мне поведали о стране, где никогда не светит солнце, где спрятавшийся глубоко под землей Шудде-Мьелл замышляет посеять зло и безумие по всему миру, намереваясь воскресить другие, еще худшие мерзости!

Он скрывается под землей, дожидаясь, когда

звезды займут нужное положение, когда его ужасающие орды станут достаточно многочисленными и когда он сможет наводнить мир злом, вернув в него другое, еще большее зло! Мне рассказывали истории о сказочных существах со звезд, которые населяли Землю за миллионы лет до появления человека и которые продолжали жить здесь в некоторых потаенных местах. Говорю тебе, Пол, — голос его стал громче, — они живут здесь даже сейчас — в местах, которые никто не может себе даже представить! Мне рассказывали о жертвоприношениях Йог-Сототу и Йибб-Тстллу, от которых холодеет кровь, и о странных ритуалах, практиковавшихся под доисторическими небесами еще до возникновения Древнего Египта. По сравнению с тем, что я слышал, труды Альберта Великого и Гроберта выглядят банальными, и сам де Сад побледнел бы, узнав об этом.

Речь моего дяди ускорялась с каждой фразой, но в конце концов он перевел дыхание и продолжил, уже не столь быстро и более уравновешенным тоном:

— Первое, о чем я подумал, расшифровав фрагменты, — это экспедиция. Могу сказать тебе, что кое о чем я сумел докопаться здесь, в Англии. Ты

бы удивился, узнав, что таится под поверхностью некоторых вполне мирных холмов Костуолда. Но это сразу же привлекло бы толпу так называемых «специалистов», так что я решился отправиться на поиски Г'харна. Когда я впервые упомянул об экспедиции Кайлу, Гордону и другим, мне пришлось придумать достаточно убедительный аргумент, ибо все они настаивали на том, чтобы поехать со мной. Впрочем, уверен, что некоторые из них считали мое предприятие сумасбродной затеей, поскольку, как я уже объяснял, Г'харн относится или, по крайней мере, относился к тому же миру, что и Му или Эфирот, и потому его поиски напоминали поиски подлинной лампы Аладдина. Но несмотря ни на что, они отправились вместе со мной. По-другому они вряд ли могли поступить, ибо, если Г'харн в самом деле оказался бы реальностью… Только представь, какой славы они бы лишились! Они никогда бы себе этого не простили. И потому я не могу простить себе того, что случилось — если бы не моя история с загадочными фрагментами, все они были бы сейчас здесь, да поможет им Бог…

Голос сэра Эмери снова начал звучать возбужденно, и он лихорадочно продолжал:

— Господи, меня здесь просто тошнит! Не могу

больше выдержать. Все из-за этой травы и земли, что приводят меня в содрогание! Цементные стены — вот что мне нужно, и чем толще, тем лучше… Но даже города имеют свои недостатки… Подземные туннели, и все такое… Видел «Катастрофу в метро» Пикмана, Пол? Господи, что за фильм… И та ночь…

Та ночь! Если бы ты видел их, поднимающихся с места раскопок… Если бы ты чувствовал дрожь… Да что там! Сама земля раскачивалась и плясала, когда они из-под нее поднимались… Мы побеспокоили их, понимаешь? Возможно, они даже подумали, будто мы на них напали, и вышли… Господи! Что могло стать причиной подобной жестокости? Всего за несколько часов до этого я поздравлял себя с находкой шаров, а потом… потом…

Он тяжело дышал, его глаза, как и прежде, частично остекленели. Тембр голоса странным образом переменился, став неразборчивым и чужим.

– *Се'хайе, Се'хайе…* Возможно, город и был погребен, но тот, кто назвал Г'харн мертвым, не знал и половины всего. Они были живы, живы в течение миллионов лет; возможно, они неспособны умереть… Почему бы и нет? Они ведь в

своем роде боги, верно?.. Они появились перед нами в ночи…

— Дядя, прошу тебя! — сказал я.

— Незачем так на меня смотреть, Пол, или думать о том, о чем ты сейчас думаешь… Случалось и куда более странное, поверь мне. Могу поклясться, Уилмарт из Мискатоникского университета мог бы рассказать кое-что на этот счет! Ты не читал того, что писал Йохансен! Господи, прочитай отчет Йохансена! *Хай эп фл'хур…* Уилмарт… Старый болтун… Что он знает из того, о чем никогда не расскажет? Почему ничего не слышно о находке в Безумных горах, а? Что удалось откопать из-под земли Пэйбоди? Расскажи, если сумеешь? Ха-ха-ха! *Се'хайе, Се'хайе — Г'харн иканика…*

Перейдя на крик, сэр Эмери поднялся, отчаянно жестикулируя руками. Его взгляд остекленел. Вряд ли он вообще видел меня или хоть что-либо, за исключением жуткой картины, возникшей в его воображении. Я взял его за руку, чтобы успокоить, но он стряхнул мою ладонь, похоже, не понимая, что делает.

— Они поднимаются из-под земли, словно резиновые… Прощай, Гордон… Не кричи так — от крика мутится мой разум… Слава богу, это всего

лишь сон! Кошмар, подобный остальным, что бывают у меня в последнее время… Это ведь сон, да? Прощай, Скотт, Кайл. Лесли…

Неожиданно он резко развернулся, вытаращив глаза.

— Земля расступается! Их множество… Я падаю… это не сон! Господи! Это не сон! Нет! Уходи, слышишь? А-а-а! Слизь… Беги!.. Беги! Прочь от этих — голосов? — прочь от этих звуков, от пения…

Неожиданно он сам начал петь, и чудовищный звук его голоса, не искаженный расстоянием или толстой прочной дверью, наверняка поверг бы более робкого слушателя в обморок. Звуки были похожи на те, что я слышал раньше ночью, а слова уже не казались столь зловещими, как на бумаге, даже, скорее, нелепыми, но хватало того, что они срывались с губ родного мне человека, столь плавно и непринужденно…

Эп эп фл'хур Г'харне,

Г'харне фхтагн Шудде-М'елл хьяс Негг'х…

Распевая эти невероятные слова, сэр Эмери начал перебирать ногами на месте, изображая гротескную пародию на бег. Внезапно он снова

закричал, метнулся мимо меня и со всего размаху врезался в стену. Удар свалил его с ног, и он безвольно осел на пол.

Я боялся, что мои слабые попытки помочь могут оказаться недостаточными, но, к моему нескрываемому облегчению, несколько минут спустя он очнулся, дрожащим голосом заверил меня, что «все в порядке, просто слегка переволновался!», и, опираясь на мою руку, удалился к себе в комнату.

В ту ночь я не мог сомкнуть глаз. Завернувшись в одеяло, я сел рядом с дверью в комнату дяди, на случай, если ему приснится дурной сон. Однако ночь прошла спокойно, и, как ни парадоксально, утром он, похоже, забыл о случившемся вчера и чувствовал себя намного лучше.

Современным врачам давно известно, что при определенных душевных расстройствах пациента можно излечить, заставив его заново пережить события, вызвавшие болезнь. Возможно, случившаяся с дядей прошлой ночью вспышка эмоций служила той же самой цели, или, по крайней мере, так я тогда считал, поскольку к тому времени у меня появились новые идеи насчет его ненормального поведения. Я полагал, что если у него бывали повторяющиеся кошмары, и первый из

них случился в ту роковую ночь землетрясения, когда погибли его друзья и коллеги, было вполне естественным, что его разум начал сопротивляться пробуждению из страха перед кровавым зрелищем. И если моя теория была верна, она также объясняла его навязчивый интерес к сейсмографии…

IV

Неделю спустя последовало очередное мрачное напоминание о душевном нездоровье сэра Эмери. Казалось, что состояние его улучшилось, хотя он до сих пор иногда бормотал во сне, и однажды он вышел в сад «немного подстричь кусты». Уже стояла сентябрьская прохлада, но ярко светило солнце, и дядя провел все утро с граблями и садовыми ножницами. Мы сами себя обеспечивали, и я подумал было о том, чтобы приготовить обед, как вдруг случилось нечто странное. Я отчетливо почувствовал, как земля шевельнулась у меня под ногами, и услышал отдаленный грохот. Когда это произошло, я сидел в гостиной; мгновение спустя дверь в сад распахнулась, и ворвался мой дядя. Смертельно бледный, с вытаращенными глазами он промчался мимо меня в свою комнату. Меня настолько потряс его безумный вид,

что я едва успел подняться со стула, когда он, пошатываясь, вернулся обратно. С дрожащими руками он опустился в плетеное кресло.

— Это земля… Мне на миг показалось, будто земля… — пробормотал он скорее про себя, чем обращаясь ко мне. Все его тело била ощутимая дрожь. Увидев озабоченное выражение моего лица, он попытался успокоиться. — Земля. Я был уверен, что почувствовал толчок — но ошибся. Это все из-за открытого пространства… Боюсь, мне в самом деле придется сделать над собой усилие и убраться отсюда. Здесь слишком много земли и слишком мало цемента! Цементные стены…

Я уже было собрался сказать, что тоже ощутил толчок, но, услышав, что он полагает, будто ошибся, промолчал, не желая без нужды ухудшать его и без того уже заметно пострадавшее душевное состояние.

Ночью, когда сэр Эмери ушел спать, я зашел в его кабинет — помещение, которое он считал неприкасаемым, хотя никогда об этом не говорил, — чтобы взглянуть на сейсмограф. Однако раньше самого прибора я увидел разбросанные на столе рядом с ним заметки. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что листы белой

писчей бумаги исписаны крупным почерком моего дяди. Присмотревшись внимательнее, я обнаружил, что они описывают череду внешне не имеющих между собой ничего общего, но явно как-то связанных событий, отчасти объясняющих его странные иллюзии. Записки эти впоследствии оказались в моем полном владении, и далее я воспроизвожу их содержание:

СТЕНА АДРИАНА.

122–128 г. н. э. Известняковая отмель (Гн'ях из «Фрагментов»???). Раскопки были прерваны из-за землетрясения, вследствие чего высеченные базальтовые блоки остались в незавершенной траншее, с отверстиями для клиньев.

В'ньял-Шаш (МИТРА).

У римлян были свои божества, но последователи Коммода, Кровавого Маньяка, приносили жертвы на Известняковой отмели вовсе не Митре! И именно в том же самом месте пятьюдесятью годами раньше был извлечен из земли огромный каменный блок, покрытый надписями и высеченными изображениями! Центурион Сильванус уничтожил надписи и закопал его обратно. Позднее, глубоко под землей, на том месте, где когда-то стояла таверна Викуса в форте Хаустед,

был найден скелет, однозначно принадлежавший Сильванусу, судя по кольцу с печатью на его пальце, но мы не знаем, каким образом он погиб! Столь же неосторожными оказались и последователи Коммода. Судя по словам Каракаллы, они тоже пропали без вести в течение одной ночи — во время землетрясения!

ЭЙВБЕРИ.

(Неолитический А'бии из «Фрагментов» и «Пнакотических рукописей»???) Упоминается в книге Стьюкли[8], «Храм британских друидов», невероятно…

Друиды, в самом деле… Но Стьюкли был почти прав, когда говорил о Культе Змей! Червей — так было бы точнее!

НАНТСКИЙ СОВЕТ.

(IX век) Совет не понимал, что делает, когда заявлял: «Да будут камни, которым обманутые демонами поклоняются среди руин и лесов, где приносят свои обеты и совершают жертвоприношения, вырыты из земли до самого основания и разбросаны там, где их поклонники никогда

---

[8] notes: 8

Уильям Стьюкли (1687–1765) — британский антиквар, пионер археологических исследований Стоунхенджа и Эйвбери, один из основателей полевой археологии.

не сумеют их найти…» Я перечитывал этот абзац столько раз, что выучил его наизусть! Одному богу известно, что стало с несчастными, кто пытался исполнить повеление Совета…

РАЗРУШЕНИЕ ВЕЛИКИХ КАМНЕЙ.

В XIII и XIV веках Церковь также пыталась убрать ряд камней из Эйвбери из-за местных предрассудков, заставлявших крестьян участвовать в языческих обрядах и колдовстве, совершавшихся вокруг них! Некоторые из камней были полностью уничтожены — огнем и водой — «как дьявольское орудие».

ИНЦИДЕНТ.

1920–1925 годы. Из-за чего была предпринята попытка закопать один из Великих камней? Вследствие подземного толчка камень сдвинулся, придавив рабочего.

Никто не предпринял никаких усилий, чтобы его освободить… Происшествие случилось на закате, и еще двое умерли от страха! Почему остальные землекопы сбежали? И что представляло собой выползавшее из-под земли гигантское существо, которое видел один из них? Якобы оно оставляло за собой чудовищный запах… По их запаху узнаем мы их… Не было ли оно порожде-

нием еще одного гнезда бессмертных упырей?

ОБЕЛИСК.

Почему был разрушен огромный обелиск, описанный Стьюкли? Его обломки были погребены под землей в начале XVIII века, но в 1833 году Анри Браун нашел на его месте обгоревшие остатки жертвоприношений… А рядом, на Силбери-хилл… Господи! Этот дьявольский холм! Даже среди подобных ужасов есть такие, о которых лучше не думать — и пока я еще сохраняю рассудок, пусть Силбери-хилл остается одним из них!

АМЕРИКА: ИННСМУТ.

1928 год. Что на самом деле произошло, и почему Федеральное правительство сбросило глубинные бомбы возле Дьявольского рифа у Атлантического побережья, неподалеку от Иннсмута? Почему была изгнана половина жителей Иннсмута? Какова их связь с Полинезией, и что еще погребено в морских глубинах?

ИДУЩИЙ-С-ВЕТРОМ.

(Идущий-со-Смертью, Итаква, Вендиго и т. д.), еще один кошмар — хотя и другого типа!

И какие свидетельства! Предполагаемые человеческие жертвоприношения в Манитобе. Невероятные обстоятельства, окружающие дело

Норриса! Спенсер из Квебекского университета в буквальном смысле подтвердил его юридическую силу… А в…

Но на этом записки обрываются, и, когда я читал их впервые, я был этому даже рад. Становилось ясно, что мой дядя далеко не выздоровел, и его рассудок до сих пор не в порядке. Конечно, имелась вероятность, что он писал эти записки до кажущегося улучшения состояния его здоровья, и дела его вовсе не столь плохи, как можно было бы подумать.

Положив записки в точности на то же самое место, где я их нашел, я переключил свое внимание на сейсмограф. Линия на графике была абсолютно прямой, и когда я размотал ленту и проверил прошлые данные, оказалось, что график остается столь же неестественно гладким последние двенадцать дней. Как я уже говорил, между прибором и состоянием моего дяди существовала прямая связь, и, несомненно, подтверждение того, что земля пребывает в покое, служило причиной его относительно хорошего самочувствия в последнее время. Но была и некая странность… Честно говоря, мое открытие меня удивило, поскольку я был уверен, что чувствовал толчок и даже слышал низкий гул, и казалось

невероятным, чтобы и сэр Эмери, и я одновременно испытали один и тот же обман чувств. Смотав ленту, я повернулся, чтобы уйти, и тут заметил то, на что не обратил внимания дядя. На полу лежал маленький латунный винт. Снова размотав ленту, я увидел маленькое потайное отверстие, которое уже видел раньше, но не придал ему особого значения. На сей раз я предположил, что оно предназначается именно для этого винта. Я совершенно не разбираюсь в механике, и не мог сказать, какую роль эта маленькая деталь играет в функционировании прибора; тем не менее, я поставил ее на место и вновь запустил прибор. Я немного постоял, проверяя, что все работает как надо, и несколько секунд не замечал ничего необычного. Потом я понял, что что-то все же изменилось — до этого я слышал негромкое гудение механизма и непрерывный скрип пера о бумагу. Гудение продолжалось, но скрип стал прерывистым, что заставило меня перевести взгляд на перо.

Судя по всему, маленький винт действительно значил очень многое. Неудивительно, что толчок, который мы ощутили днем и который настолько взволновал дядю, остался незафиксированным. Прибор тогда не работал как полагается — но

теперь… Теперь было отчетливо видно, что каждые несколько минут земля содрогается от толчков, которые, хотя и были почти неощутимы, заставляли перо вычерчивать зигзаги на перематывающейся бумажной ленте…

* * *

Когда я наконец лег, то дрожал куда сильнее, чем земля, хотя и не мог понять причину безотчетной тревоги, которую вызвало мое открытие. Да, я знал, что воздействие на моего дядю прибора, который теперь, видимо, работал как надо, не слишком благотворно и может даже вызвать у него очередной «приступ», но почему это меня так беспокоило? Если подумать, не было никаких причин для повышенной сейсмической опасности в какой-то области страны. В конце концов, я решил, что прибор либо неисправен, либо слишком чувствителен, и заснул, убедив себя, что сильный толчок, который мы оба почувствовали, лишь случайно совпал с ухудшением состояния дяди. И, тем не менее, прежде чем погрузиться в сон, я успел заметить, что сам воздух, казалось, полон странного напряжения, а легкий ветерок, шевеливший днем позднюю листву, полностью стих, оставив после себя абсолютную тишину,

в которой мне всю ночь снилось, будто земля дрожит под моей кроватью…

V

На следующее утро я встал рано. У меня закончились письменные принадлежности, и я решил поехать утренним автобусом в Рэдкар. Я ушел еще до того, как сэр Эмери проснулся, и, освежив за время поездки в памяти события предыдущего дня, решил провести небольшое исследование, пока буду в городе. В Рэдкаре я перекусил, а потом позвонил в редакцию «Рэдкар Рекордера». Помощник редактора, мистер Мак-Киннен, оказал мне немалую помощь, потратив свое время на обширные запросы по телефону от моего имени. В конце концов я выяснил, что в течение большей части года в Англии не было зафиксировано никаких существенных подземных толчков, с чем я однозначно бы поспорил, если бы не получил дальнейшую информацию. Я узнал, что за последние сутки небольшие толчки все-таки были в отстоявшем на несколько миль Гуле и в Тентердене в окрестностях Дувра. Едва заметные толчки были зафиксированы также в Рэмси в графстве Хантингдоншир. Поблагодарив мистера Мак-Киннена за помощь, я уже собрался уходить,

но напоследок он спросил, не интересуют ли меня международные данные. Я с благодарностью принял его предложение, и мне предоставили для изучения большую кипу интересных переводов. Конечно, большая их часть оказалась для меня бесполезна, но мне не потребовалось много времени, чтобы найти то, что я искал. Сначала я с трудом мог поверить собственным глазам. Я прочитал, что в августе случилось землетрясение во французском департаменте Эна, настолько серьезное, что обрушились один или два дома и пострадало несколько человек. Подобные же толчки произошли несколькими неделями раньше в Ажене, и сходство заключалось в том, что вызваны они были скорее неким смещением земной поверхности, чем настоящим землетрясением. В начале июля толчки происходили также в Калахорре, Чинчоне и Ронде в Испании. След был столь же прям, как полет стрелы, и вел через Гибралтарский пролив — или, вернее, под ним — к Шавшавану в Испанском Марокко, где обрушились дома на целой улице. И еще дальше, к… Но с меня было достаточно. Я не осмелился заглядывать дальше, мне не хотелось знать, даже примерно, где находится мертвый Г’харн…

Я узнал более чем достаточно, чтобы забыть о

первоначальной цели своей поездки. Моя книга могла и подождать, ибо теперь имелись дела поважнее. Следующим пунктом моего назначения стала городская библиотека, где я взял «Атлас мира» Никлджона и открыл его на странице с большой раскладывающейся картой Британских островов. Достаточно хорошо зная географию и английские графства, я уже раньше заметил некую странность в расположении внешне никак не связанных мест в Англии, где случились небольшие подземные толчки, и, как оказалось, не ошибся. Воспользовавшись другой книгой в качестве линейки и соединив Гул в Йоркшире с Тентерденом на южном побережье, я увидел, что линия проходит очень близко, если не прямо через Рэмси в Хантингдоншире. С тревожным любопытством я продолжил линию дальше на север и неожиданно понял, что она проходит всего в миле или около того от коттеджа на торфяниках! Перевернув непослушными пальцами несколько страниц, я нашел карту Франции. Мгновение помедлив, я отыскал Испанию, и, наконец, Африку. Я долго сидел в полной тишине, ошеломленно переворачивая страницы и машинально проверяя места и названия… Мысли мои пребывали в полнейшем беспорядке, когда я в конце концов

вышел из библиотеки и почувствовал ползущий вдоль позвоночника холодок первобытного ужаса. Моя прежде вполне здоровая нервная система начала сдавать…

Во время обратной поездки через торфяники вечерним автобусом, задремав под мерное гудение мотора, я снова услышал слова сэра Эмери, которые он бормотал вслух во сне: «Они не любят воду… Англия в безопасности… Им придется слишком глубоко погрузиться…»

Воспоминание об этих словах заставило меня проснуться, и меня снова пробрал до мозга костей ледяной холод. И неспроста, ибо то, что ожидало меня в коттедже, окончательно добило меня…

Когда автобус свернул за последний поросший лесом поворот, я увидел, что дом обрушился. Я не мог поверить собственным глазам! Даже зная все то, что уже было известно, мой измученный разум отказывался воспринимать происходящее. Выйдя из автобуса, я подождал, пока он проедет среди стоящих полицейских машин, а затем перешел через дорогу. Ограда перед коттеджем была повалена, чтобы дать возможность машине «Скорой» припарковаться в странно покосившемся саду. Вокруг горели прожектора, поскольку было почти совсем темно, и среди невообразимых ру-

ин лихорадочно трудилась команда спасателей. Пока я стоял, пораженный ужасом, ко мне подошел полицейский и, после того как я, запинаясь, представился, рассказал следующее.

То, как обрушился дом, видел проезжавший мимо автомобилист, а сопутствовавшие этому толчки ощущались в близлежащем Марске. Поняв, что сам он мало чем может помочь, автомобилист помчался в Марске, чтобы сообщить о случившемся. Судя по всему, коттедж обвалился, словно карточный домик. Полиция и «Скорая» появились на месте происшествия через несколько минут, и немедленно началась спасательная операция. Казалось, был шанс, что в момент обрушения мой дядя отсутствовал в доме, поскольку пока что не было найдено никаких его следов. Вокруг чувствовался странный едкий запах, но он исчез вскоре после начала работ. Спасатели проверили все комнаты, за исключением кабинета, и, пока офицер посвящал меня в подробности, они продолжали лихорадочно растаскивать обломки.

Неожиданно послышались возбужденные голоса. Я увидел группу спасателей, которые стояли, глядя на что-то у себя под ногами. Сердце мое подпрыгнуло, и я перебрался через обломки,

чтобы взглянуть, что они нашли.

Там, где раньше был пол кабинета, я увидел то, чего опасался и чего отчасти ожидал. Это была всего лишь дыра, зияющая дыра в полу, но судя по расположению половиц и тому, как они были разбросаны, похоже было, что земля не провалилась, но, напротив, кто-то будто вытолкнул ее снизу!

VI

С тех пор никто не видел сэра Эмери Уэнди-Смита и ничего о нем не слышал, и, хотя он числится пропавшим без вести, я точно знаю, что его нет в живых. Он отправился в миры древних чудес, и я молюсь лишь о том, что его душа блуждает по нашу сторону порога. Из-за нашего собственного невежества мы поступили с сэром Эмери крайне несправедливо — я и все остальные, кто считал его не в своем уме. Теперь я понимаю все его странные поступки, но понимание тяжело мне далось и многого мне стоило. Нет, он не был безумцем. Он поступал так, как поступал, ради самосохранения, и хотя все его предосторожности в конце концов оказались тщетны, им двигал именно страх перед безымянным злом, а не безумие.

Но худшее еще впереди. Мне самому предстоит встретить такой же конец. Я знаю об этом, ибо, что бы я ни делал, толчки преследуют меня. Или мне только так кажется? Нет! С моим рассудком все в порядке. Мои нервы никуда не годятся, но разум ясен. Я слишком многое знаю! Они посещают меня во снах, так же, как, видимо, посещали моего дядю, и то, что они читают в моих мыслях, предупреждает их о грозящей им опасности. Они не могут допустить, чтобы однажды о них стало известно людям — прежде чем они будут готовы… Господи! Почему этот старый дурак Уилмарт из Мискатоникского университета не отвечал на мои телеграммы? Должен быть какой-то выход! Даже сейчас они пытаются до меня добраться — эти обитатели тьмы…

Но нет! Все это без толку. Нужно взять себя в руки и закончить свой рассказ. У меня не было времени попытаться рассказать правду властям, но даже если бы я мог, я знаю, каков был бы результат. «Похоже, у всех Уэнди-Смитов с мозгами не в порядке», — сказали бы они. Но эта рукопись поведает мою историю, став также предупреждением для других. Возможно, когда станет ясно, насколько мой… уход похож на то, что случилось с сэром Эмери, люди задумаются; возможно, эта

рукопись поможет им найти и уничтожить древнее безумие Земли, прежде чем оно уничтожит их самих…

Через несколько дней после того, как рухнул коттедж на торфяниках, я поселился в доме на окраине Марске, чтобы быть рядом, если — хотя я на это почти не надеялся — вновь объявится мой дядя. Но сейчас меня удерживает здесь некая жуткая сила. Я не могу сбежать… Сначала их власть была не столь сильна, но теперь… Я больше не могу даже встать из-за стола, и я знаю, что конец мой близок. Я прикован к стулу, словно прирос к нему, и все, что я могу — печатать! Но я должен… должен… Земля содрогается все сильнее… Адское, проклятое, издевательское перо самописца отчаянно пляшет по бумаге…

Я пробыл здесь всего два дня, когда полиция доставила мне грязный, измазанный землей конверт. Его нашли в руинах коттеджа, возле края той странной дыры, и он был адресован мне. В нем лежали записки, которые я уже скопировал, и письмо от сэра Эмери, которое, судя по его ужасающему концу, он продолжал писать, когда его настиг кошмар. Если подумать, нет ничего удивительного в том, что конверт пережил катастрофу. *Они* не могли знать, что это такое,

и потому письмо их не интересовало. Ничто в коттедже не было повреждено специально — в смысле, ничто неодушевленное — и, насколько мне удалось выяснить, единственными пропавшими предметами оказались те странные шары, или то, что от них осталось… Но я должен спешить. Я не могу сбежать, а толчки становятся все сильнее и чаще… Нет! У меня не остается времени. Времени, чтобы написать обо всем, о чем я хотел сказать… Толчки слишком сильные… Сли шком силь ные… Ме ш а ют п ечатать… Оста е т ся л и шь од но прик реп ить пис ьмо с эра Эмер и к этой рук о пи си… и…

Дорогой Пол!

На случай, если это письмо когда-либо доберется до тебя, должен кое о чем тебя попросить ради безопасности и здравомыслия всего мира. Крайне необходимо проанализировать случившееся и принять соответствующие меры — хотя я понятия не имею, каким образом. Я намеревался ценой собственного рассудка забыть о том, что случилось в Г'харне, и был неправ, пытаясь это скрыть. Даже сейчас люди раскапывают странные запретные места, и кто знает, что они могут откопать? Конечно, все эти кошмары нужно найти и искоренить, но заниматься этим должны не

невежды-любители, а те, кто готов к встрече с чудовищным, вселенским ужасом. Люди с оружием. Возможно, огнеметы справились бы с задачей… И наверняка потребуются научные знания о войне… Можно создать устройства, способные выследить врага… я имею в виду специальные сейсмологические приборы. Будь у меня время, я подготовил бы детальное и подробное досье, но, похоже, будущим охотникам за кошмарами придется ограничиться этим письмом. Понимаешь, я не уверен наверняка, что они меня преследуют! И я ничего не могу поделать. Слишком поздно! Сначала даже я сам, как и многие другие, считал, что я всего лишь слегка тронулся умом. Я отказывался признать, что виденное мной вообще происходило на самом деле! Признать это означало признаться в собственном безумии! Но все это было в реальности… Оно случилось — и случится снова!

Одному богу известно, что было не так с моим сейсмографом, но проклятая машина подвела меня самым худшим образом! Да, они в конце концов до меня доберутся, но, возможно, у меня хотя бы будет время подготовить надлежащее предупреждение… Прошу тебя, подумай, Пол… Подумай о том, что случилось в коттедже… Я

пишу об этом так, словно оно уже произошло, поскольку знаю, что оно произойдет! Должно произойти! Это Шудде-Мьелл идет за своими шарами… Пол, вспомни о том, как я погиб, ибо, если ты это читаешь, я либо мертв, либо пропал без вести — что одно и то же. Прошу тебя, внимательно прочитай приложенные заметки. У меня нет времени на подробности, но эти мои старые записи должны хоть немного помочь… Если ты хотя бы наполовину столь любопытен, как я полагаю, ты наверняка вскоре поймешь, какой кошмар угрожает всему миру, и в кошмар этот миру придется поверить… Земля уже дрожит, но, зная, что это конец, я спокоен… Вряд ли мое спокойствие продлится долго… Думаю, когда они действительно придут за мной, мой разум окажется в полной их власти. Даже сейчас могу представить, как пол разлетается в щепки, взрываясь, и появляются они… Да что там — даже при мысли об этом меня охватывает ужас… Чудовищный запах, слизь, пение, гигантские змеиные кольца… а потом…

Не в силах бежать, я жду эту тварь… Я скован той же гипнотической силой, что и остальные тогда, в Г'харне. Какие кошмарные воспоминания! О том, как я просыпаюсь и вижу тела моих друзей и спутников, из которых высосали кровь

похожие на червей твари-вампиры из выгребной ямы времени! Боги чуждых измерений… Меня гипнотизировала та же чудовищная сила, не давая пошевелиться, прийти на помощь друзьям или даже спастись самому! Каким-то чудом, когда из-за облаков вышла луна, гипноз разрушился, и я побежал, крича и плача, временно лишившись рассудка, слыша позади зловещие чавкающие звуки и демоническое пение Шудде-Мьелла и его орды.

Сам того не зная, я в бессознательном состоянии забрал с собой те чудовищные шары… Прошлой ночью они мне приснились, и во сне я снова увидел надписи на каменном ящике. Более того, я смог их прочитать! В них содержались все страхи и амбиции этих адских созданий, столь же четкие и ясные, словно газетные заголовки! Не знаю, боги они или нет, но одно можно сказать наверняка: больше всего препятствует их планам по завоеванию Земли их ужасно долгий и сложный цикл воспроизводства! Каждую тысячу лет рождается лишь несколько детенышей, но, учитывая, как давно они существуют, приближается то время, когда их численность станет достаточной! Естественно, при этом они не могут позволить себе потерять даже одного представителя своего

жуткого отродья. Вот почему они прорыли туннели на многие тысячи миль, даже под океанскими глубинами, чтобы вернуть себе шары! Меня всегда удивляло, почему они преследуют меня — и теперь я знаю. Я знаю также, каким образом они это делают. Ты не догадываешься, Пол, как они узнают, где я нахожусь, или почему они идут за мной? Эти шары для них — словно маяк, зовущий голос сирены. И точно так же, как любой другой родитель, — хотя, боюсь, ими движет чудовищный инстинкт, нежели понятные нам чувства — они просто отвечают на зов своих детенышей!

Но они опоздали! Несколько минут назад, перед тем, как я начал писать это письмо, детеныши вылупились… Кто мог предполагать, что это яйца, или что их вместилище — инкубатор? Вряд ли я могу винить себя в том, что не знал этого.

Я даже пытался просвечивать шары рентгеном, черт побери, но они просто отражали лучи! А скорлупа их была столь толстой! Но в момент вылупления они просто разлетелись на крошечные кусочки. Существа внутри них не больше грецкого ореха… Учитывая размер взрослых особей, они, вероятно, растут фантастически быстро. Но эти двое не вырастут уже никогда! Я испепелил их сигарой… И слышал бы ты мысленные вопли

тех, внизу!

Если бы я только знал раньше, что это не безумие, возможно, кошмара удалось бы избежать… Но теперь все бесполезно… Мои заметки — прочти их, Пол, и сделай то, что следовало сделать мне. Собери подробное досье и представь его властям. Возможно, сумеет помочь Уилмарт или Спенсер из Квебекского университета… У меня мало времени… Потолок трескается…

Последний толчок… потолок разваливается на части… они идут. Господи, помоги мне, они идут… Я чувствую, как они шарят у меня в голове…

Сэр,

Прилагаю рукопись, найденную в руинах дома номер 17 по Энвик-стрит, Марске, Йоркшир, разрушенного вследствие подземных толчков в сентябре этого года, и считающуюся «фантастикой», которую автор, Пол Уэнди-Смит, завершил для публикации. Вполне возможно, что так называемое *исчезновение* как сэра Эмери Уэнди-Смита, так и его племянника, автора рукописи – не более чем рекламный ход для продвижения рассказа… Общеизвестно, что сэр Эмери интересуется (интересовался) сейсмографией, и, возможно, некий намек на случившиеся ранее два землетрясения вдохновил его племянника на написание рассказа. Расследование продолжается…

Сержант Дж. Уильямс,
Полицейское управление графства Йоркшир,
2 октября 1933 года

Дом Ктулху[9]

Этот рассказ написан в ноябре 1971 года и должен был выйти в журнале под названием «Бульварное чтиво» (именно так), который, насколько мне известно, вскоре прекратил существование — довольно-таки типичная ситуация! Однако затем Кирби Маккоули продал его в только что появившийся журнал «Шорохи» Стюарта Шиффа. По сути, это был первый рассказ в самом первом номере за июль 1973 года. После этого он перепечатывался и переводился чаще всех остальных моих произведений: в «Лучших рассказах ужасов года» издательства «ДОУ», в первом сборнике «Книга ужасов» издательства «Орбит», в антологии «Шорохи» издательства «Даблдэй», в сборнике «Шорохи» издательства «Джоув», в «Лучшей фэнтези» Джоша Паркера, и так далее, пока в 1984 году У. Пол Гэнли не использовал его (и его название) в моем томе «Дом Ктулху и другие рассказы изначальной земли», вышедшем в издательстве «Уэйрдбук Пресс» как

---

[9] notes: 9
"The House of Cthulhu", from Whispers No. 1, 1973.
Плешков К. П., перевод на русский язык, © 2018.

в твердой, так и в мягкой обложке. Но на этом дело не закончилось — в 1991 году британское издательство «Хедлайн» выпустило эту книгу в мягкой обложке, а совсем недавно (в 2005-м) «ТОР Букс» в США издало прекрасный томик в твердом переплете, с потрясающей иллюстрацией на суперобложке, сделанной моим хорошим другом Бобом Эгглтоном. В конечном счете, весьма долгая и весьма удачная судьба для этого короткого рассказа о Мифе.

Где вздымаются странные бастионы,
Словно стражи, тени которых нависли
Над могилой адской твари, неподвластной смерти,
И где боятся ступить и боги, и смертные,
Где закрыты врата к запретным сферам
И временам, но чудовищные ужасы
Ждут терпеливо, когда придет время
Пробудиться тому, кто не умер…

«Арльех» – фрагмент из «Легенд древних рун» Тех Атхта, из рукописей Тим'хдры в переводе Тельреда Густау

Случилось однажды, что Зар-тул Завоеватель, известный под прозвищем Разбойник из Разбойников, Искатель сокровищ и Грабитель городов, отправился во главе своих кораблей на восток. Лишь недавно подул удачный ветер, и измученные гребцы склонялись над веслами, пока сонные рулевые следили за курсом. И Зар-тул заметил вдали остров Арльех и поднимавшиеся над ним высокие башни из черного камня, замысловатые очертания которых не поддавались человеческому пониманию. Остров заливали красные лучи заходящего солнца, которое исчезало за внушающими ужас черными контурами шпилей, возведенных руками, которые не могли быть человеческими.

Несмотря на то что Зар-тул страшно проголодался и безмерно устал, постоянно вглядываясь в просторы океана, который простирался за свисающим хвостом дракона, венчавшего корму его корабля, «Красный огонь», он лишь взглянул на черный остров покрасневшими от усталости глазами и удержал своих людей, приказав им бросить якорь в открытом море и ждать, пока окончательно не зайдет солнце, погрузившись в Царство Хтона, который молчаливо дожидается, чтобы поймать его в свои сети. На самом деле

лучшим временем для Зар-тула и его людей была ночь, ибо тогда Глит, слепой Бог Луны, не мог ни заметить их, ни услышать жутких криков, которыми всегда сопровождались их омерзительные деяния.

Несмотря на свою неописуемую словами жестокость, Зар-тул не был дураком. Он знал, что его волкам нужно отдохнуть перед сражением, ибо, если сокровища Дома Ктулху были действительно столь велики, как он полагал, их наверняка надежно стерегли воины, которые не собирались легко с ними расстаться. А люди его устали, как и он сам, и потому он велел им лечь на палубе, а сам завернулся в большой парус с изображением дракона и выставил вахтенных, которые должны были разбудить его посреди ночи, после чего он сам разбудит всех на своих двадцати кораблях и отправится грабить остров Арльех.

Матросам Зар-тула пришлось долго грести, прежде чем подул подходящий ветер, и прошло немало времени с тех пор, как они разграбили Яхт-Хаал, Серебристый город, лежавший на краю ледяной страны. Запасы провизии подходили к концу, а мечи давно лежали в заржавевших ножнах; теперь же, доев последний рацион и выпив все спиртное, они почистили и наточили

свои мечи, после чего доверились заботе Шуш, Богини Спокойных Снов, хорошо зная, что вскоре предадутся грабежу, захватывая добычу для себя и своего предводителя.

А Зар-тул обещал им в Доме Ктулху огромные сокровища, поскольку в том разграбленном городе на краю ледяной страны он узнал от перепуганно бормочущего Вота Вема имя так называемого запретного острова. Под самый конец ужасных пыток Вот Вем выдал имя своего брата, жреца Хата Вема, одного из стражей Дома Ктулху на острове Арльех. Перед смертью Вот Вем успел крикнуть, что Арльех — действительно запретный остров, которым владеет ныне спящий мрачный и ужасный бог по имени Ктулху, а врата его дома охраняет его брат-жрец.

Зар-тул тогда подумал, что на острове Арльех, видимо, и в самом деле хранятся несметные богатства, поскольку знал, что вряд ли братья-жрецы могли предать друг друга. Вот Вем говорил о мрачном и ужасном боге Ктулху с огромным страхом, надеясь, что таким образом отобьет у Зар-тула желание грабить святилище, которое охранял его брат, Хат Вем. Так считал Зар-тул, размышляя над словами мертвого и изуродованного жреца, пока не покинул разграбленный город. В

конце концов, в свете яркого пламени пожаров Зар-тул вышел в море и на нагруженных добычей кораблях отправился на поиски Арльеха и сокровищ Дома Ктулху. Так он оказался здесь.

* * *

Незадолго перед полуночью ночная вахта вырвала Зар-тула и всех его людей из объятий Шуш; видя, что ветер ослаб, они тихо погребли в сторону берега, в свете прыщавого Глита, слепого Бога Луны. Когда они оказались в десяти морских саженях от берега, Зар-тул издал боевой клич, а его барабанщики начали громко и размеренно бить в барабаны, как это бывало всегда, когда испытанные в боях и жаждавшие добычи разбойники отправлялись на дело.

Когда послышался шорох дна корабля о песок, Зар-тул выскочил на мелководье, а вместе с ним его капитаны и остальные члены команды. Вскоре они были уже на берегу и, размахивая мечами, быстро зашагали по погруженному в ночную темноту пляжу… Но вокруг царила ничем не нарушаемая тишина, и, судя по всему, никто не стоял на страже.

Только теперь Грабитель городов обратил внимание на этот пугающий факт. На темном мокром

песке виднелись нагромождения из поваленных каменных блоков, покрытых принесенными бесчисленными приливами водорослями. Руины эти вызывали дурные предчувствия, и отнюдь не только своей древностью — среди руин прятались большие крабы, глядя рубиновыми глазами навыкате на пришельцев; даже волны странно тихо ударялись о пляж, заваленный обломками разрушенных, но, казалось, до сих пор обитаемых башен. Барабанщики стучали все тише, пока наконец не наступила полная тишина.

Многие среди разбойников почитали редких богов и следовали странным суевериям. Зар-тул знал об этом, и тишина ему вовсе не нравилась. Она могла стать предвестником бунта!

— Ха! — сказал Зар-тул, который не чтил никаких богов или демонов, и не вслушивался в шепот ночи. — Наверное, стражники узнали о нашем появлении и сбежали на другой конец острова, а может, собрались в Доме Ктулху.

С этими словами он выстроил своих людей в ряд и двинулся в глубь острова. По пути, шагая по погруженным в тишину улицам, они миновали руины, которые еще не забрал океан. От фантастических фасадов домов отражалось странно монотонное эхо барабанов.

С пустых, странно накренившихся башен и высоких шпилей на них, казалось, смотрели иссохшие лица, и орды упырей словно прятались в тени, постоянно сопровождая идущих, пока, в конце концов, некоторые из разбойников не испугались и начали просить своего предводителя:

— Господин, позволь нам уйти, ибо похоже, что тут нет никаких сокровищ, а само это место не похоже ни на какие другие. Здесь чувствуется запах смерти и тех, что блуждают в стране теней.

Но Зар-тул набросился на одного из тех, кто стоял ближе всего, крича:

— Ах ты трус! Умри же!

И, подняв меч, он разрубил надвое дрожащего от страха несчастного, который успел лишь вскрикнуть, прежде чем его труп рухнул на черную землю. Однако теперь Зар-тул понял, что многие из его людей охвачены страхом, и приказал зажечь факелы, после чего все быстро двинулись в глубь острова.

Миновав невысокие, погруженные во мрак холмы, они приблизились к большому скоплению украшенных странной резьбой монолитных зданий, накренившихся под необычным углом; их окружал запах, похожий на тот, что обычно доносится из глубоких, очень глубоких ям. Среди

этих каменных сооружений возвышалась самая большая башня — огромный, лишенный окон менгир, верхушка которого скрывалась во тьме, а видневшиеся у его основания пьедесталы напоминали формой чудовищных морских тварей.

— Ха! — сказал Зар-тул. — Похоже, это тот самый Дом Ктулху. Смотрите-ка — все стражники и жрецы сбежали, увидев нас!

Но из тени у основания одного из пьедесталов послышался дрожащий старческий голос:

— Никто не сбежал, грабитель, ибо никого здесь нет, кроме меня, а я не могу убежать, поскольку охраняю врата от тех, кто может произнести Слова.

Услышав этот голос, разбойники вздрогнули и беспокойно огляделись по сторонам, но один отважный капитан шагнул вперед и выволок из темноты древнего старца. И, увидев облик этого чародея, все тут же попятились. Его лицо, руки и все тело покрывал густой, похожий на шерсть, серый мох, который, казалось, ползал по нему, пока он стоял перед ними, дрожа и сгибаясь под тяжестью немыслимо дряхлого возраста.

— Кто ты? — спросил Зар-тул, потрясенный видом его старческой немощи.

— Я Хат Вем, брат Вота Вема, который служит

богам в святилищах Яхт-Хаала, я Хат Вем, Страж врат Дома Ктулху, и предупреждаю вас: ко мне нельзя прикасаться, — он посмотрел слезящимися глазами на державшего его капитана, который, помедлив, отпустил его.

— А я Зар-Тул Завоеватель, — уже спокойнее ответил Зар-тул. — Разбойник из Разбойников, Искатель сокровищ и Грабитель городов. Я разграбил Яхт-Хаал. Да, я разграбил Серебряный город и сжег его и замучил Вота Вема до смерти. А когда он умирал, когда горящие угли сжигали его внутренности, он выкрикнул одно имя. Твое имя! Он действительно был твоим братом, поскольку предостерег, чтобы я опасался ужасного бога Ктулху и его «запретного» острова Арльех. Но я знал, что он лжет, всего лишь пытаясь защитить огромное священное сокровище и брата, который его охраняет, наверняка с помощью странных рун, которые должны отпугнуть суеверных грабителей! Но Зар-тул не трус и вовсе не легковерен, старик. Вот он я, стою перед тобой и говорю тебе, что в течение часа найду путь к тому дому, полному сокровищ!

Слыша, как их предводитель обращается к старому жрецу острова, и видя немощь старика и его отвратительное уродство, люди Зар-тула

приободрились. Некоторые из них начали обходить накренившуюся башню, пока наконец не нашли двери — большие, высокие и хорошо заметные, но временами они выглядели нечеткими и удаленными, будто их скрывал туман. Двери находились в стене Дома Ктулху, но казалось, будто они наклоняются в одну сторону… а в следующее мгновение в другую! На дверях были высечены зловещие нечеловеческие лица и какие-то страшные, неизвестные иероглифы, словно извивавшиеся вокруг лиц, которые, казалось, шевелились и гримасничали в мерцающем свете факелов.

Старый Хат Вем подошел к разбойникам, удивленно разглядывавшим большие двери, и сказал:

— Это врата Дома Ктулху, а я его страж.

— В таком случае, — спросил стоявший поблизости Зар-тул, — есть ли у тебя ключ от этих врат? Я не знаю, как попасть внутрь.

— Да, ключ есть, но не такой, какой ты наверняка себе представляешь. Это ключ не из металла, но из слов…

— Колдовство? — невозмутимо спросил Зар-тул. Когда-то он уже слышал о подобного рода колдовстве. Он приставил острие меча к горлу

старика, глядя, как поднимаются пушистые волоски на его лице и худой шее. — Тогда говори эти слова, и покончим с этим!

— Нет, я не могу произнести Слова. Я поклялся, что буду охранять эти врата и что Слова не произнесу ни я сам, ни кто-либо другой, кто мог бы по собственной глупости или безрассудству открыть Дом Ктулху. Можешь меня убить — даже этим мечом, который у моего горла, — но я не произнесу Слова…

— А я тебе говорю, что, в конце концов, произнесешь! — заявил Зар-тул ледяным, словно северная буря, голосом, после чего опустил меч и приказал двоим своим людям привязать старика к крепко вбитым в землю кольям. Они выполнили его приказ, и вскоре старик лежал распростертый на земле возле больших дверей Дома Ктулху.

Затем они разожгли костер из высохших веток и выброшенного на берег дерева; другие люди Зар-тула поймали несколько больших ночных птиц, не умевших летать, а третьи нашли источник с солоноватой водой и наполнили ею кожаные бурдюки. Вскоре безвкусное мясо уже жарилось на вертеле над огнем, а помещенные в тот же огонь острия мечей сначала раскалились докрасна, а потом побелели. Когда Зар-тул и его

люди наелись досыта, Разбойник из Разбойников дал знак своим палачам взяться за дело. Когда-то он сам их обучал, так что теперь они отлично владели искусством применения клещей и раскаленного железа.

Но в этот момент произошло нечто неожиданное. Один из капитанов, по имени Куш-хад, тот самый, который первым заметил старого жреца в тени большого пьедестала и выволок его оттуда, со странным выражением лица смотрел на свои руки в свете костра и нервно тер их о край куртки. Внезапно он выругался, отскочил в сторону от остатков трапезы и начал в ужасе приплясывать, резко ударяя руками о лежащие вокруг поваленные камни.

Затем он вдруг замер и бросил короткий взгляд на свои обнаженные предплечья. В тот же миг он вытаращил глаза и дико заорал, словно его пронзили мечом, после чего бросился к костру и сунул руки по локоть в самую середину огня. Вскоре он выдернул руки из пламени, пошатываясь и со стоном призывая на помощь своих богов, а потом неверным шагом ушел в ночь, оставляя на земле кровавые следы.

Удивленный Зар-тул послал за ним одного из своих людей с факелом, но тот вскоре вернулся,

побледнев, и сообщил, что безумец упал или прыгнул в глубокую расселину в скале. Но прежде чем это произошло, на лице его можно было разглядеть ползающий серый мох, а падая навстречу неминуемой смерти, он кричал: «Нечистый… нечистый… нечистый!»

Услышав это, все вспомнили предостережение старого жреца, когда Куш-хад вытаскивал его из укрытия, и то, как тот посмотрел на несчастного капитана, после чего перевели взгляд на распростертого на земле старика. Двое разбойников, которые его связывали, посмотрели друг на друга, вытаращив глаза, и, заметно побледнев, начали исподволь приглядываться к своим телам…

Зар-тул почувствовал, что разбойников охватывает страх, подобно могучему порыву восточного ветра над пустыней Шеб. Сплюнув, он поднял меч и крикнул:

— Эй, вы! Все вы трусы и верите в предрассудки, всякую чушь, которую рассказывают вам жены, и прочий бред. Чего тут бояться? Одного старика на одиноком черном острове посреди моря?

— Но я видел лицо Куш-хада… — начал тот, кто побежал за обезумевшим капитаном.

— Тебе лишь показалось, будто ты что-то видел, — прервал его Зар-тул. — Всего лишь мер-

цание твоего факела, и ничего больше. Куш-хад был сумасшедшим!

— Но…

— Куш-хад был сумасшедшим! — повторил Зар-тул, голос которого теперь стал ледяным. — Ты что, тоже тронулся умом? И для тебя тоже есть место на дне той расселины?

Но тот уже молча попятился, а Зар-тул позвал палачей и приказал им взяться за работу.

* * *

Шли часы…

Глит, старый Бог Луны, наверняка был слеп и глух, но, возможно, каким-то образом почувствовал душераздирающие вопли и запах горелой человеческой плоти, поднимавшийся над Арльехом, поскольку в ту ночь очень быстро скрылся за горизонтом.

Сейчас, однако, у искалеченного и наполовину обуглившегося человека, распростертого на земле перед дверями Дома Ктулху, уже не было сил кричать, а Зар-тул в отчаянии понял, что вскоре жрец испустит дух. Но, несмотря на это, Слова так и не были произнесены. Короля разбойников удивили упрямые заверения старика, что за дверями высокого менгира не схоронены никакие

сокровища, но он приписывал их действию клятвы, которую Хат Вем наверняка принес, прежде чем стать жрецом.

Палачи не слишком хорошо справлялись со своей работой. Им вовсе не хотелось дотрагиваться до старика, и они лишь кололи его раскаленными остриями мечей; даже под страхом смерти они не отважились бы прикоснуться к его телу голыми руками или приблизиться к нему больше, чем требовалось. Двое разбойников, связывавших старика, лежали мертвые, убитые своими товарищами, которым они машинально протянули руку; тех же, в свою очередь, остальные избегали как огня, держась как можно дальше.

Когда на востоке забрезжил серый рассвет, Зар-тул потерял остатки терпения и с нескрываемой яростью метнулся к умирающему жрецу. Вытащив меч, он поднял его над головой… и тут Хат Вем заговорил.

— Подожди! — хрипло прошептал он. — Подожди. Я произнесу Слова.

— Что? — крикнул Зар-тул, опуская меч. — Ты откроешь двери?

— Да, — послышался слабый шепот, — я открою врата. Но сначала скажи: ты действительно разграбил Яхт-Хаал, Серебряный город? Ты дей-

ствительно сжег его и замучил до смерти моего брата?

— Да, я это сделал, — холодно согласился Зар-тул.

— Тогда подойди ближе, — голос Хата Вема слабел с каждым мгновением. — Ближе, король разбойников, так, чтобы хорошо меня слышать в последний час моей жизни.

Искатель Сокровищ нетерпеливо приставил ухо к губам старика, присев рядом с ним, а Хат Вем приподнял голову и плюнул на Зар-тула!

Прежде чем Грабитель городов успел пошевелиться или стереть со лба слюну старика, Хат Вем произнес Слова. Он произнес их громко и отчетливо, с чуждой интонацией, только настоящий мастер сумел бы так повторить. И со стороны дверей Дома Ктулху тотчас же послышался громкий рокот.

Забыв на мгновение о нанесенном жрецом оскорблении, Зар-тул обернулся и увидел, как большие, покрытые зловещей резьбой двери задрожали, а затем отошли в стороны, и на их месте появилось большое черное отверстие. В свете зари орда разбойников бросилась вперед, чтобы собственными глазами увидеть скрывавшиеся в глубине сокровища. Зар-тул уже собирался войти

в Дом Ктулху, когда умирающий жрец крикнул:

— Подожди! Есть еще слова, король разбойников!

— Еще слова? — Зар-тул обернулся, нахмурившись. Старый жрец, из которого быстро уходила жизнь, оскалился в странной усмешке при виде черных пятен, расползавшихся по лбу варвара.

— Да, еще слова. Послушай: давным-давно, когда мир был еще очень молод, до того как Арльех и Дом Ктулху впервые погрузились в море, мудрые Старшие Боги сотворили руну, с помощью силы которой, если Дом Ктулху когда-нибудь всплывет на поверхность и какой-нибудь глупец осмелится его открыть, он может вновь затонуть вместе со всем островом. И сейчас я произнесу именно эти слова!

Король разбойников быстро подскочил к нему, подняв меч, но прежде чем клинок опустился, Хат Вем громко произнес эти странные и страшные слова. И весь остров затрясся до основания. Охваченный неописуемым гневом, Зар-тул ударил мечом, отрубив старику голову, которая покатилась по черной земле; она все еще катилась, когда остров содрогнулся снова, послышался глухой грохот, и земля начала трескаться.

А со стороны открытых дверей Дома Ктулху,

к которым бросилась толпа жадных до богатств грабителей, раздались громкие крики ужаса и боли, а затем донесся отвратительный смрад. Теперь Зар-тул понял, что никаких сокровищ там нет.

Над островом начали быстро собираться черные тучи, и сверкнула ослепительная молния; ветер усилился настолько, что длинные черные волосы заслонили взгляд Зар-тула, когда он в ужасе скорчился перед открытыми дверями Дома Ктулху. Он широко раскрыл глаза, пытаясь вглядеться в смрадную черноту, но мгновение спустя выронил меч и громко вскрикнул; сам Разбойник из Разбойников вскрикнул от невообразимого страха!

Ибо в темном отверстии дверей появились двое его людей, напоминавших теперь скорее перепуганных щенков, чем грозных когда-то волков; крича и что-то бессвязно бормоча, они отчаянно пытались выбраться наружу… но тут же исчезли, схваченные и мгновенно раздавленные гигантскими щупальцами, которые, извиваясь, высунулись из черной бездны! Щупальца втянули тела несчастных в черную дыру, откуда вскоре послышались тошнотворные хлюпающие звуки; затем извивающиеся щупальца снова появились

из мрака, а за ними показалось — лицо!

Зар-тул взглянул на огромную, опухшую морду Ктулху и снова вскрикнул, когда взгляд ужасающих глаз упал на его скорченную фигуру и они вспыхнули жутким огнем!

Король разбойников на мгновение окаменел от страха, но времени этого было достаточно, чтобы образ чудовища на пороге открытых дверей навсегда врезался в его память. Однако он все же нашел в себе силы повернуться и убежать. Мчась вслепую через черные холмы, он выскочил на берег и каким-то образом сумел добраться до корабля. Хотя он был один и все еще дрожал от ужаса, ему удалось оттолкнуться от берега. Перед его мысленным взором продолжал стоять жуткий образ Ктулху.

Из зеленоватой мясистой головы выростали щупальца, словно смертоносные лепестки, окружающие чашечку чудовищной орхидеи; покрытое чешуей огромное бесформенное тело на коротких ногах с мощными когтями; длинные узкие крылья, совершенно нелепые, ибо казалось невозможным, чтобы какие-либо крылья могли поднять столь огромную тушу; и еще глаза! Никогда прежде Зар-тул не видел подобных глаз, излучавших столь сильное, почти осязаемое зло,

как глаза Ктулху!

Но Ктулху еще не покончил с Зар-тулом, поскольку, когда король разбойников сражался как безумный с парусами своего корабля, чудовище преодолело невысокие холмы и добралось до самого берега. Увидев на фоне рассветного неба гору, которая на самом деле была стоявшим на берегу чудовищем, Зар-тул обезумел от страха. Он метался от борта к борту, бормоча какие-то жалобные молитвы, и едва не свалился в море. Да, даже Зар-тул, с губ которого никогда прежде не срывалось никаких молитв, молился теперь неким добродетельным богам. И, похоже, боги эти, если они вообще существовали, его услышали.

С ревом и грохотом последовало последнее сотрясение земли, которое спасло ему жизнь, поскольку остров раскололся надвое; огромный Арльех распался на куски и затонул. С пронзительным воплем ярости и отчаяния, который Зар-тул слышал не только ушами, но и разумом, Ктулху вместе со всем островом и своим домом погрузился в пенящиеся волны океана.

Разразилась буря, столь страшная, что могла бы сопровождать конец света. Вокруг завывал ветер, и огромные как горы волны перекатывались че-

рез палубу корабля Зар-тула; два дня его швыряло по палубе серьезно поврежденного «Красного огня», прежде чем могучий шторм наконец стих.

В конце концов истощенного бывшего Разбойника из Разбойников нашли в море неподалеку от побережья Тим'хдры; затем его доставили в трюме корабля богатого купца в город Клюн, столицу Тим'хдры, и высадили там на набережной.

Его столкнули на берег длинными веслами, спотыкающегося, ослабевшего и вопящего от страха, ибо он смотрел в глаза Ктулху! Веслами воспользовались из-за его внешности, поскольку теперь Зар-тул в самом деле превратился в нечто такое, за что в менее терпимых частях этой древней страны могли бы сжечь живьем. Но жители Клюна были людьми миролюбивыми; его не сожгли, лишь опустили в корзине в глубокую яму, освещенную факелами, и кормили хлебом и водой, давая спокойно дожить до конца своих дней. А когда он немного поправился, к нему пришли ученые и врачи, чтобы поговорить о его странной болезни, вид которой вызывал у них немалую тревогу.

Я, Тех Атхт, был среди них, и таким образом узнал его историю. И я знаю, что она правдива, ибо в течение многих лет часто слышал об отвра-

тительном Ктулху, который явился со звезд, когда мир еще пребывал в младенческом состоянии. Есть многие легенды, и по одной из них, когда придет время и звезды займут соответствующее положение, Ктулху снова появится из своего дома на Арльехе, а мир содрогнется при звуке его шагов и погрузится в безумие.

Я записал этот рассказ для тех, кто еще не родился, как предупреждение: оставьте это существо в покое, ибо тот, кто спит глубоким сном, вовсе не мертв, и, возможно, когда-нибудь подводные течения навсегда сотрут с затопленного Арльеха метку иного мира — свидетельство присутствия Ктулху, отвратительный сородич которого жил в жреце по имени Хат Вем и перенесся на нескольких людей Зар-тула. Но сам Ктулху все еще жив и ждет тех, кто его освободит. Я знаю, что это так. В снах… я сам слышу его зов!

А когда ночью приходят подобные сны, отравляя сладкие объятия Шуш, я с дрожью просыпаюсь и хожу по хрустальным полам моих комнат над заливом Клюн, пока Хтон не освободит солнце из сетей, чтобы оно снова могло взойти. Я до сих пор вижу Зар-тула таким, каким видел его в последний раз в его подземной темнице, в мерцающем свете факелов — колышущееся

грибообразное существо, которое двигалось не по собственной воле, но управляемое поселившимся в его теле паразитом…

Ночь, когда затонула «Русалка»[10]

Пока я служил сержантом-вербовщиком в Лестере, я написал несколько рассказов, в том числе «Русалку», которую закончил в середине декабря 1969 года. Дерлету рассказ понравился, и он счел его подходящим для включения в сборник «Призывающий Тьму». Как и некоторые другие мои рассказы, «Русалка» в немалой степени намекает на мое увлечение морем и, естественно, Мифом Ктулху.

Дж. Х. Гриру (директору)
Грир & Андерсон,
«Сигассо»,
Сандерленд,
Гр. Дарем
Гостиница «Королева Миров»,
Клиффсайд,
Бридлингтон,

---

[10] notes: 10

“The Night Sea-Maid Went Down”, from The Caller of The Black, Arkham House, 1971.

Плешков К. П., перевод на русский язык, © 2018.

Йоркшир,
29 ноября

Дорогой Джонни!

Полагаю, к этому времени ты уже прочтешь мой «официальный» отчет, отправленный тебе с этого адреса четырнадцатого числа, через три дня после того, как затонула старая «Русалка». Сам не знаю, как я сумел составить этот отчет. Но, так или иначе, я с тех пор неважно себя чувствую, так что, если ты беспокоился за меня или из-за того, что я ничего не сообщал о своем местонахождении, что ж, это не моя вина. Я просто не способен был что-либо писать после случившейся катастрофы. Собственно говоря, не был способен почти ни на что. Но, как ты поймешь из моего отчета, я решил уйти, и, полагаю, это единственное, чем я могу обосновать свое решение. Все-таки ты платил мне хорошие деньги последние четыре года, и жаловаться мне не на что. Собственно, мне вообще не на что жаловаться — по крайней мере, в отношении «Сигассо», — но я ни за что больше не спущусь в подводную впадину. Собственно, будущего у меня все равно уже нет — хоть на море, хоть на суше… И вообще, когда я думаю о том, что могло случиться со мной за последние

четыре года…

И теперь оно действительно случилось!

Но я снова отвлекаюсь. Должен признаться, что я порвал три варианта этого письма, думая о том, какое впечатление оно произведет на тебя; но сейчас, после того как я все обдумал, меня, честно говоря, не волнует, как ты поступишь. Если хочешь, можешь послать за мной банду охотников за головами. Однако в одном я уверен — что бы я ни сказал, ты не прекратишь операции в Северном море — «экономика страны», и все такое.

По крайней мере, старик Андерсон сможет посмеяться над моей историей. Ему никогда не хватало воображения, а история и без того достаточно фантастична. Может показаться, что в ту ночь я был «под мухой» (я и в самом деле немного выпил), но как ты хорошо знаешь, я могу и вообще не пить. В любом случае, факты в том виде, как я их знаю, остаются попросту фантастическими, сколь бы пьян или трезв тогда я ни был.

Ты наверняка помнишь, что в окрестностях Хантерби-Хед с самого начала творилось нечто странное. Проблемы были у водолазов, у геологов тоже, да и провести «Русалку» из Сандерленда и бросить там якорь оказалось чертовски сложным делом. Но, тем не менее, к концу сентября

все предварительные работы были завершены. Именно тогда и начались настоящие неприятности.

Мы углубились в морское дно не более чем на шестьсот футов, когда нам попался первый звездообразный предмет. Знаешь, Джонни, я бы не поверил собственным глазам, если бы не видел такой же уже раньше. Старый Чокки Грей, работавший на платформе «Океанская жемчужина» от «Лескойла», из Ливерпуля, прислал мне его всего за несколько недель до того, как его буровая установка и вся ее команда, включая самого Чокки, затонула в двенадцати милях от побережья Уитнерси. Когда я увидел точно такой же поднятый со дна артефакт в форме звезды, я сразу же вспомнил Чокки и увидел в этом событии неприятную параллель. Тот, что он прислал мне, тоже был извлечен из породы на морском дне, понимаешь? А «Океанская жемчужина» не единственная нефтяная платформа, погибшая в прошлом году во время так называемых «блуждающих штормов»!

Но, так или иначе, что касается этих звездообразных камней, могу сказать нечто большее: я был не единственным, кто остался жив в ту ночь, когда затонула «Русалка». Вернее, не совсем

так: я был единственным, кто выжил в ту ночь, но среди нашей команды был один, который понял, что может произойти, и сбежал до того, как это случилось — и причиной тому стали главным образом именно звездообразные камни!

Джо Боршовский был чертовски суеверен и легко впадал в панику, его охватывал страх при виде тумана в море. А когда он увидел эту «звезду»…

Все случилось так.

Мы просверлили первую тяжелую скважину в очень твердой породе на глубину примерно в шестьсот футов, когда в образце породы обнаружилась первая звезда. Чокки в свое время предположил, что та, которую он мне прислал — некая древняя окаменевшая морская звезда с тех времен, когда Северное море было теплым. И должен признаться, что, увидев ее форму и размеры, я решил, что он прав. Так или иначе, когда я показал поднятую «Русалкой» звезду Боршовскому, он едва не сошел с ума. Он клялся, что нам грозит опасность, и требовал, чтобы мы немедленно прекратили бурение и шли к берегу. Он настаивал, что место, где мы находимся, «проклято», и вел себя словно безумец, даже не пытаясь предложить какое-либо реальное объяснение.

Конечно, я не мог этого просто так оставить.

Если один из наших парней тронулся умом, он мог подвергнуть риску и всю нашу работу, особенно если припадок безумия случится с ним в неподходящий момент. Первой моей реакцией было списать его с платформы, но у нас были проблемы с радиосвязью, и я не мог вызвать Уэса Этли, пилота вертолета. Да, я всерьез подумывал о том, чтобы поляка забрали на вертолете. Как тебе хорошо известно, буровые рабочие порой бывают чертовски суеверны, и мне не хотелось, чтобы Джо «заразил» остальных. Но, как оказалось, подобные меры не потребовались, поскольку вскоре Боршовский подошел ко мне, извиняясь за свою вспышку и пытаясь дать понять, будто ему очень жаль, что все так получилось. Однако что-то подсказывало мне, что страхи его вполне обоснованны, что бы ни было их причиной. И потому, чтобы по возможности успокоить поляка, я решил попросить нашего геолога, Карсона, разобрать звезду на кусочки, внимательнее ее изучить и сообщить мне о том, что это такое на самом деле.

Конечно, если бы он сказал, что это просто окаменевшая морская звезда, я бы сообщил об этом Боршовскому, и на этом все бы закончилось. Но когда Карсон рассказал, что это вовсе не иско-

паемое и что он не знает точно, что это такое, я решил об этом не распространяться, велев Карсону поступить так же. Я был уверен, что какие бы проблемы ни были у Боршовского с головой, ему ничем бы не помогло известие о том, что «звезда» вовсе не обычный, поддающийся разумному объяснению предмет.

В процессе бурения мы подняли с глубины примерно в тысячу футов еще две или три звезды, но больше они нам не попадались, так что на какое-то время я о них забыл. Как оказалось позднее, мне следовало больше слушать Джо — что бы я, скорее всего, и сделал, если бы прислушивался к собственной интуиции. Все дело в том, что и мне самому с самого начала было не по себе. Туман был слишком густым, море слишком спокойным, и вообще все казалось каким-то странным. Конечно, меня не коснулись все те испытания, через которые прошли водолазы и геологи — я появился на платформе лишь тогда, когда она была уже на месте, готовая вгрызться в морское дно. Но что-то явно было не так. По-настоящему же все началось с подводных датчиков, еще до появления этих звезд.

Нет, у меня вовсе нет претензий к твоим датчикам, Джонни, они превосходно работали с тех

пор, как «Сигассо» их сконструировала, давая показания с точностью до дюйма, так что мы могли точно определить, уходит скважина в газ или нефть. И на этот раз они тоже не подвели — мы просто не поняли или не обратили внимания на их предупреждение, вот и все.

На самом деле предупреждений было множество, но, как я уже сказал, все началось с подводных датчиков. Мы поместили по датчику внутри каждой из опор платформы, прямо на морском дне, где они слушали звук врубающегося в породу бура, воспринимая отраженное от нижних слоев эхо. И, конечно, все звуки, которые они улавливали, передавались на поверхность, после чего усиливались электронным образом и поступали в наш компьютер. Вот почему мы сначала решили, что либо компьютер глючит, либо один из датчиков отказал. Все дело в том, что даже когда мы не бурили, заменяя сверла, добавляя новые секции или выравнивая бур, мы продолжали получать данные с компьютера!

Да, явно наблюдалась некая проблема, но проявлялась она столь регулярно, что мы по глупости сочли ее механическим дефектом. На сейсмографе она возникала в виде периодических всплесков на совершенно нормальной во всем

остальном линии, происходивших каждые пять секунд или около того — очень странно! Но, поскольку во всех прочих отношениях поступавшая с компьютера информация была точной, никого особо не беспокоили эти необъяснимые отклонения. И, как ты поймешь дальше, я до самого конца не мог найти им никаких объяснений. Да, эти всплески продолжались до самого конца, но тем временем возникли другие затруднения, одним из которых стала проблема с рыбой.

Если это кажется тебе забавным, что ж, в каком-то смысле все действительно началось с забавы. Парни соорудили небольшую платформу, висевшую футах в двадцати ниже главной палубы и примерно на такой же высоте над водой, и в свободное время, когда они не отдыхали или пропускали пинту в кают-компании, обычно там можно было увидеть одного или двух рыбаков. Впервые мы обнаружили странности в поведении рыбы вокруг платформы в то утро, когда Ник Адамс выловил настоящую красавицу в три фута длиной, извивавшуюся в лучах холодного ноябрьского солнца. Ник уже почти вытащил рыбу, когда она сорвалась с крючка и упала среди перекладин там, где легкие волны омывали четвертую опору. Ник полез за ней, обмотавшись

веревкой, которую за другой конец держал его брат Дэйв. И что ты думаешь — когда он добрался до рыбы, та не захотела даваться ему в руки! Она даже пыталась его укусить, барахтаясь среди балок и щелкая челюстями. Так что ему пришлось крикнуть Дэйву, чтобы тот вытащил его наверх. Потом он рассказывал, что чертова тварь даже не пробовала вернуться в море, будто ей куда важнее было вонзить в него зубы, чем сохранить свою жизнь! Возможно, Джонни, подобной реакции и можно было ожидать от крупного угря, но уж никак не от североморской трески!

После этого Спелман, наш водолаз, не мог спуститься под воду — именно не мог, а не не хотел — рыбы просто его не пускали! Они пытались жевать его костюм, его воздушный шланг, настолько напугав его, что он стал для нас в буквальном смысле бесполезен. Впрочем, не могу его ни в чем винить, в особенности после того, что позднее случилось с Дэвисом.

Но, конечно, до случая с Дэвисом появилась новая проблема с Боршовским. На шестой неделе, когда мы со дня на день ожидали успеха, Джо не вернулся из увольнения на берег, прислав вместо этого длинное бессвязное письмо — якобы «объяснение», и, честно говоря, когда я его прочитал,

я решил, что лучше нам обойтись без Джо.

Похоже, его рассудок уже давно оставлял желать лучшего. Он писал что-то о чудовищах (да, чудовищах!), спящих в больших пещерах под землей и, в особенности, под морями, которые ждут шанса завладеть миром на поверхности. Он утверждал, что каменные предметы в форме звезды — печати или барьеры, которые удерживают эти существа («богов», как он их называл) в плену, что эти боги могут в определенной степени управлять погодой, даже влиять на поведение низших существ — рыб, а иногда и людей — и что, по его мнению, один из них лежит под морским дном рядом с тем местом, где мы ведем буровые работы. Джо боялся, что мы «выпустим это существо на свободу»! Единственное, что удержало его от дальнейших разговоров на эту тему, когда речь зашла о первой «звезде», — это то, что все мы считаем его сумасшедшим, как он полагал! Однако, в конце концов, особенно после истории с рыбой, он все же вынужден был меня предупредить. Как он написал: «Если что-то случится, я никогда не смогу себе простить, что не пытался хоть что-то сделать».

Как я уже говорил, письмо Боршовского выглядело путаным и бессвязным, но написано оно

было достаточно убедительно, чего вряд ли можно было ожидать от настоящего сумасшедшего. Он приводил цитаты из Библии (в частности, Исход 20:4)[11], в очередной раз подчеркивая, что звездообразные предметы — не что иное, как доисторические пентакли (пентаграммы?), наложенные некоей великой расой внеземных ученых много миллионов лет тому назад. Он напомнил мне о необычных густых туманах и о странном поведении пойманной Ником Адамсом трески. Он даже снова поднял вопрос о сбоях подводных датчиков и компьютера, в итоге дав весьма тревожную оценку последних событий на «Русалке» в свете своих странных фантазий.

В тот же день я проверил кое-какие факты из биографии Джо и обнаружил, что в юности он совершал дальние путешествия, а также в свое время занимался кое-какими научными исследованиями. Кроме того, каждый раз, когда туман становился гуще обычного, он крестил левую сторону груди неким символом. Это видели многие, и все рассказывали одно и то же: одна точка наверху, две ниже по сторонам, две еще ниже и ближе друг к другу; да, его символом была пяти-

[11] notes: 11

«Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли».

конечная звезда!

Письмо Боршовского настолько меня обеспокоило, что я продолжал думать о нем и вечером, когда мы закончили работу. Вот почему я оказался на главной палубе, собираясь покурить трубку — сам знаешь, это помогает мне сосредоточиться. Прошло всего несколько минут после захода солнца, когда это случилось.

Дэвис, ремонтный рабочий, был наверху, затягивая несколько ослабших гаек на верхушке платформы. Не спрашивай меня, откуда пришел туман — не знаю, но он появился внезапно, поднявшись из моря, словно толстое серое одеяло, сократившее видимость до нескольких футов. Я уже собирался крикнуть Дэвису, что ему лучше было бы спуститься, когда услышал его крик и увидел мелькнувший в серой пелене свет его фонаря. Свет исчез в открытом люке, а секунду спустя за ним последовал сам Дэвис. Он упал прямо в люк, лишь чудом не задев его краев, а затем раздался плеск о воду — фонаря, а потом и человека. Еще через мгновение Дэвис уже барахтался внизу в тумане, вопя что есть мочи, из чего я и другие, прибежавшие на мой зов из кают-компании, сделали вывод, что он не особо пострадал. Мы сразу же спустили плот с двумя

людьми, и ни у кого даже не возникло мысли, что Дэвиса не удастся вытащить. В конце концов, он превосходно умел плавать. Собственно, парням на плоту весь этот эпизод казался крайне забавным до тех пор, пока Дэвис не начал кричать.

Я никогда еще не слышал подобных криков, Джонни! Дэвис не тонул — он кричал вовсе не как утопающий! Но и вытащить его не удалось.

Туман рассеялся столь же быстро, как и опустился, и к тому времени, когда плот коснулся воды, видимость была обычной для ноябрьского вечера. Но несчастного рабочего и след простыл. Зато вся морская гладь была серебристой от рыб — больших и маленьких, почти всех местных разновидностей, какие только можно себе представить; увидев, что они пытаются бросаться на плот, я вынужден был приказать парням поднять его обратно на платформу, поскольку стало ясно, что Дэвиса уже не спасти. Джонни, клянусь, я никогда больше не стану есть рыбу!

В ту ночь я почти не спал. Ты знаешь, что меня нельзя назвать бесчувственным человеком, но на океанской нефтяной платформе после тяжелого трудового дня, что бы за этот день ни случилось, обычно все же удается заснуть. Однако в ту ночь уснуть я не мог, продолжая размышлять над

всем случившимся на «Русалке» — о проблемах с приборами, письме Боршовского, и наконец, естественно, о странной гибели Дэвиса, пока мне не показалось, что голова моя вот-вот разорвется от диких предположений и догадок.

На следующее утро прилетел вертолет (Уэс Этли жаловался, что ему пришлось совершить два полета за два дня), доставив нам выпивку и еду для предстоящей вечеринки. Как ты знаешь, мы всегда устраиваем празднество, когда нам попадается богатое месторождение. И на этот раз мы решили поступить так же. К тому времени мы уже несколько дней сидели без спиртного (из-за плохой погоды Уэс не доставлял нам ничего тяжелее почты), и у меня основательно пересохло в горле. Ну, ты же меня знаешь, Джонни — я вернулся со всеми этими бутылками в кают-компанию и откупорил парочку. При виде зловеще-серого моря за окном мысль о том, чтобы напиться, показалась мне не такой уж и плохой.

Я накачивался уже почти час, когда позвонил из приборной Джеффрис, мой помощник, сообщив, что, по его мнению, бур через несколько минут доберется до богатого пласта. В голосе его, однако, чувствовалось явное беспокойство, но когда я спросил, в чем дело, он не смог толком ни-

чего ответить, лишь пробормотал что-то насчет сейсмографа, в показаниях которого снова появились странные всплески, столь же регулярные, но более частые…

Примерно тогда же я впервые заметил поднимавшийся над морем густой туман, окутывавший буровую установку и превращавший людей на платформе в серые призраки. Он также заглушал звук работающего оборудования, отчего металлический лязг и стук блоков и цепей казался далеким глухим шумом, словно я находился под водой в водолазном костюме.

В задней комнате кают-компании было достаточно тепло, но, глядя на платформу и вслушиваясь в призрачные звуки, доносившиеся от окутанных туманом людей и машин, я ощутил безотчетную дрожь.

Затем поднялся ветер — сначала туман, потом ветер. Но я никогда еще не видел тумана, который хороший сильный ветер не мог бы разогнать! Да, мне доводилось видеть блуждающие штормы, Джонни, но, поверь мне, это был шторм из штормов! Он появился словно ниоткуда, не разорвав серую завесу, но гоняя ее вокруг, словно гигантский безумный призрак. Он швырял волны об опоры «Русалки», вздымая брызги до ограждения

платформы и, судя по тому, что я видел из окна, вызывая всеобщий хаос. Я ошеломленно взирал на происходящее, когда раздался телефонный звонок. Сняв трубку, я услышал слегка искаженный торжествующий крик Джимми Джеффриса.

— Мы пробились, Понго! — кричал он. — Мы пробились, и нефть уже идет наверх! — Неожиданно голос его дрогнул, и возбуждение сменилось ужасом. Я почувствовал, как вся платформа пошатнулась на своих четырех огромных опорах. — Господи… что?.. — послышалось сквозь треск в трубке. — Что это, Понго? Платформа… погоди… — Я услышал стук брошенной трубки, но мгновение спустя вновь раздался голос Джимми: — Это не платформа — опоры прочно стоят на камнях — это все морское дно! Понго, что происходит? Господи!..

Телефон смолк, и платформа снова содрогнулась, подпрыгнув три или четыре раза, отчего сдвинулись со своих мест все незакрепленные предметы вокруг меня. Однако я продолжал держать трубку в руке, и через пару секунд она снова ожила. На другом конце линии что-то неразборчиво кричал Джимми. Помню, я крикнул ему, чтобы он надел спасательный жилет, что происходит что-то непонятное и нам грозит опасность,

но я так и не узнал, услышал ли он меня. Платформа снова покачнулась, швырнув меня на пол среди бутылок, ящиков, банок и пакетов, а потом, скользя по накренившемуся полу, я натолкнулся на спасательный жилет. Одному богу известно, что он делал в кладовой — обычно они хранились на складе оборудования, и их доставали лишь после штормового предупреждения (которого, естественно, мы не получали), но мне каким-то образом удалось в него влезть и выбраться в кают-компанию до очередного толчка.

К этому времени сквозь рев ветра и волн снаружи (верхушки волн уже хлестали по внешним стенам кают-компании) слышался свист свободно вращающихся блоков и пронзительный вой неуправляемых машин и крики…

Охваченный паникой, я пробивался через сваленные столы и стулья к ведущей на платформу двери, когда от нового, самого сильного толчка пол накренился градусов на тридцать, избавив меня от лишних усилий. Мгновение спустя, ударившись о дверь, распахнув ее и вывалившись в шторм, я понял, что «Русалка» тонет. Прежде это было лишь предположение, безумное и невероятное, но теперь я знал наверняка. Наполовину оглушенного от удара о дверь, меня грубо швыр-

нуло на ограждение, и я уцепился за него, пытаясь удержаться под ударами холодного, насыщенного водяными брызгами ветра.

А потом я увидел это.

Я увидел его — и, не веря собственным глазам, в одно мгновение отпустил ограждение и соскользнул прямо в глотку чудовищного шторма, который с диким воем терзал содрогающийся каркас «Русалки».

Я не успел еще коснуться воды, когда гигантская волна ударила в борт буровой установки, сломав две опоры, словно спички, а в следующий миг я был уже в море, где меня подхватила и унесла прочь та же самая волна. Я пытался разглядеть в водовороте ветра, тумана и океана «Русалку», но тщетно. Сдавшись, я вложил все оставшиеся силы в борьбу за выживание.

Я мало что помню из того, что было после, по крайней мере, пока меня не подобрали, и даже это не слишком четко. Однако я помню, что, пока я сражался с ледяной водой, меня преследовал жуткий страх, что меня съедят рыбы. Но, насколько я понял, вокруг не оказалось ни одной. Я помню также, что, когда меня втаскивали в шлюпку, море вокруг было ровным, словно блин, и спокойным, словно мельничная запруда.

Окончательно придя в себя, я обнаружил, что лежу в чистой постели в больнице в Бридлингтоне.

Но тогда я воздержался от того, чтобы рассказать самое главное — по той же самой причине, что и Джо Боршовский. Мне не хотелось, чтобы меня сочли сумасшедшим. Что ж, я не сумасшедший, Джонни, но я ни на мгновение не сомневаюсь, что вряд ли ты воспримешь мой рассказ всерьез и что «Сигассо» вряд ли откажется от своей деятельности в Северном море. Однако, по крайней мере, я буду знать, что пытался тебя предупредить.

А теперь вспомни, что говорил Боршовский об огромных неземных существах, спящих в плену под морским дном; о «богах», способных управлять поведением низших созданий, способных подчинять своей воле даже погоду, а потом попробуй объяснить, что я видел, прежде чем оказаться в безумном океане перед тем, как затонула «Русалка».

Это был всего лишь нефтяной фонтан, Джонни, но такой, какого я никогда прежде не видел за всю свою жизнь, и надеюсь, что никогда больше не увижу. Ибо, вместо того, чтобы устремиться к небу сплошной черной колонной, он пульсиро-

вал, изливаясь короткими сильными толчками с интервалом примерно в пять секунд — и это была не нефть, Джонни, господи, это была не нефть! Сколько бы я тогда ни выпил, клянусь, я не был пьян, по крайней мере, не настолько пьян, чтобы перестать различать цвета!

Как я уже говорил, старина Боршовский был прав, наверняка прав. Там, внизу, действительно обитало одно из огромных существ-богов, и наш бур вонзился прямо в него!

Чем бы оно ни было, кровь его почти не отличалась от нашей — такая же густая и красная, и сердце его было достаточно мощным, чтобы выбрасывать кровь из пробитой буром раны до самой поверхности!

Представь себе это чудовищное сердце, бьющееся среди камней в морских глубинах! Могли ли мы догадаться, что с самого начала наши приборы работали максимально эффективно и что странные регулярные всплески, которые регистрировал сейсмограф — всего лишь биение гигантского подводного сердца?

Надеюсь, все это служит достаточным обоснованием моей отставки.

Бернард «Понго» Джордан,

Бридлингтон,
Йоркшир

Имя и число[12]

В традициях множества авторов рассказов о сверхъестественном, писавших до меня (сразу же приходят на ум Э. А. По, Сибери Куинн и Мэнли Уэйд Уэллман), я создал своего собственного «оккультного детектива» в образе Титуса Кроу. Впервые он появился в «Призывающем Тьму» (первый рассказ в данном томе), но ему было суждено пережить новые приключения во многих рассказах (не говоря уже о нескольких романах), которым еще предстояло появиться. «Имя и число» — один из них. Написанный в 1981 году, всего через месяц после моего ухода из армии (после двадцати двух лет службы), он впервые появился в отличном глянцевом англо-итальянском фэнзине Франческо Ковы «Кадат», в выпуске № 5 за июль 1982 года. Рассказ номинировался на Британскую премию фэнтези, которую не завоевал, а его самая последняя публикация состоялась в сборнике издательства «ТОР Букс» «Гарри Киф: Некроскоп, и другие странные герои». Но лучший,

---

[12] notes: 12

"Name and Number", from Kadath, Vol. 2 No. 1, July 1982.
Плешков К. П., перевод на русский язык, © 2018.

по моему мнению, рассказ о Титусе Кроу, «Повелитель червей», можно найти в парном томе к этой книге…

I

Конечно, теперь от Блоун-хауса, просторного бунгало, в котором находил убежище мой дорогой друг и учитель Титус Кроу, разрушенного во время страшного шторма в ночь на 4 октября 1968 года, ничего не осталось, но…

Зная все то, что я знаю, или знал, о Титусе Кроу, возможно, я с легкостью мог бы списать катастрофические события той ночи попросту на мстительную атаку темных сил. И, хотя на самом деле так оно и было, меня не оставляют мысли о том, что события эти значили намного больше, чем могло бы показаться на первый взгляд.

По-видимому, некие силы были спровоцированы нашим с Кроу участием в деятельности Фонда Уилмарта — обширной, величественной и удивительно тайной организации, посвятившей себя обнаружению и уничтожению древнего зла Земли, как внутри, так и вовне самого Человека, в полной уверенности, что Человек — всего лишь мелкий и относительно недавний феномен во Вселенной, знавшей разум, добро и зло на про-

тяжении неизмеримо долгого времени. Темные силы действительно разрушили Блоун-хаус, фактически устранив Титуса Кроу со сцены. Что же касается меня… то я недавно на нее вернулся.

Но после того как я посетил руины старого дома Кроу, все последние годы (может быть, потому, что течение времени столь мало для меня значит?) меня все больше занимает сама природа столь хорошо запомнившегося мне нападения, природа самих всеуничтожающих ветров, которые столь целенаправленно обрушились на дом, сровняв его с землей. Думая о них, я часто мысленно возвращаюсь в еще более отдаленные времена, когда Кроу впервые поведал мне странную историю, случившуюся с мистером Штурмом Магрусером V.

* * *

Письмо Кроу, написанное от руки на единственном листе бумаги, на котором еще не высохли чернила, в запечатанном конверте без адреса, доставленном мне водителем такси, было столь же кратким, сколько загадочным, что, впрочем, меня нимало не удивило, ибо подобное было для Кроу делом обычным. Когда Титус Кроу бездельничал, любому, кто желал с ним пообщаться,

приходилось долго дожидаться, когда он до этого снизойдет. Но когда он спешил…

> Анри,
>
> Приезжай как можно быстрее, полночь вполне устроит. Рассчитываю на то, что ты останешься ночевать. Если ты не ужинал – не страшно, еда тут есть. Я должен кое-что тебе рассказать, а утром мы отправимся на кладбище!
>
> До встречи,
>
> ***Титус***

Проблема с подобными приглашениями заключалась в том, что я никогда не мог от них отказаться! Учитывая, что Кроу был одним из выдающихся оккультистов Лондона, а мой интерес к подобным вещам порой превосходил все границы, да и вообще из-за того, что приглашение было столь кратким, для меня оно прозвучало словно королевский приказ!

Отказавшись от ужина, я написал несколько писем, не терпящих отлагательства, и, заклеив их в конверты и наклеив марки, оставил записку моей экономке миссис Адамс, попросив их отослать и сообщив, что мне нужно срочно отправиться в Блоун-хаус. Несомненно, прочитав этот адрес,

она наверняка проворчала бы что-нибудь насчет дурного влияния «этого отвратительного Кроу», поскольку в ее глазах в моем глубоком увлечении темными материями был виноват именно Титус. На самом же деле я, скорее всего, унаследовал его от отца, великого мистика из Нью-Орлеана, Этьен-Лорана де Мариньи.

Затем, поскольку время уже близилось к двенадцати и я опаздывал на «встречу», я вызвал по телефону такси, тщательно проверил, что мои древние сокровища надежно заперты, и наконец надел плащ. Где-то через полчаса, примерно в четверть первого, я стоял на пороге дома Кроу и колотил в тяжелую дубовую дверь; услышав шум подъезжающего такси, он тут же вышел мне навстречу. Как всегда, загадочно улыбаясь и слегка наклонив голову набок, он в очередной раз провел меня в чудесную пещеру Аладдина, каковой являлся Блоун-хаус.

Кроу был моим другом еще с тех пор, когда отец отправил меня ребенком в Америку в конце тридцатых, и никто не знал его лучше, чем я; и тем не менее, сколь часто бы я с ним ни встречался, на меня каждый раз производили впечатление его осанка, его львиная внешность и светившаяся в проницательных темных глазах мощь интел-

лекта. В огненно-красном халате с широкими рукавами его легко можно было бы принять за волшебника со страниц мифа или фантастического романа.

В своем кабинете он взял у меня плащ, усадил в плетеное кресло перед горящим камином, бросил небольшое полено на тлеющие угли и налил мне привычный бокал бренди, прежде чем устроиться в кресле рядом. Пока он этим занимался, я воспользовался возможностью, чтобы восхищенно окинуть взглядом чудесную комнату.

Кроу сам обставил ее всем, что считал важным для своего собственного мира, и я мог бы потратить десять лет на изучение ее содержимого, не сумев понять и пятой части того, что я читал или видел. Однако могу коротко и достаточно бесстрастно описать то, что я видел со своего кресла.

Его «библиотека», полки которой занимали целую стену, включала в себя такие труды, как ужасный «Хтаат Аквадинген» (в переплете из человеческой кожи!), «Подлинные заметки о Некрономиконе» Фири (полное издание, в отличие от моей сокращенной копии), «Фрагменты Г'харна» в переводе Уэнди-Смита, возможно, поддельный, но, тем не менее, бесценный эк-

земпляр «Пнакотических рукописей», «Люди Монолита» Джастина Джеффри, в буквальном смысле сказочные «Культы упырей» (которые он собирался подарить мне на следующий день рождения, после того как извлек из них всю необходимую информацию), «Записи Гефа», «Заметки о Нитокрисе» Уордла, «Пограничный гарнизон» Урбикуса примерно 183 года нашей эры, «Атлантида» Платона, редкое иллюстрированное издание Полного собрания сочинений По в трех объемистых томах, куда более древние труды таких авторов, как Иосиф, Магнус, Леви и Эрдшлюсс, и собрание книг об океанских верованиях и легендах, включавшее в себя такие работы, как «Гидрофины» Гэнтли и «Фишбух» Конрада фон Тернера 1598 года. И я лишь перечислил то, что непосредственно бросалось в глаза…

В темном углу стоял предмет, всегда приводивший меня в не меньшее восхищение, чем самого Кроу — большие, покрытые иероглифами старинные часы в форме гроба, тиканье которых казалось нерегулярным и неестественным, а четыре стрелки двигались независимо друг от друга и вне какой-либо связи с любой хоть сколько-нибудь знакомой мне системой отсчета времени. Кроу купил их на аукционе несколько

лет назад, полагая, как он утверждал, что они когда-то принадлежали моему отцу, о чем я тогда ничего не знал.

Что же касается общей обстановки кабинета — широкие окна были задернуты шелковыми занавесками, пол устилали дорогие бухарские ковры, на стенах висело множество оригиналов Обри Бердслея — некоторые весьма эротического содержания — в не менее дорогих рамах из палисандрового дерева. В кабинете чувствовалась смешанная странным образом атмосфера — мягкое спокойное тепло Старого Мира, и, вместе с тем, чужой холод внеземных сфер.

Надеюсь, я сумел в достаточной степени передать некоторые черты натуры Титуса Кроу и его кабинета в расположившемся на вересковой пустоши Леонардс-Хит бунгало, известном как Блоун-хаус… Что же касается того, почему я там оказался…

— Полагаю, тебе интересно знать, — помолчав, начал Кроу, — почему я пригласил тебя приехать, притом в такой час и столь холодной ночью, когда, несомненно, у тебя хватает и других дел? Что ж, не стану держать тебя в неведении. Но сначала мне очень хотелось бы знать твое мнение кое о чем.

Встав, он подошел к столу и вернулся с толстой папкой газетных вырезок, открыв ее на заранее отмеченной странице. Большинство вырезок пожелтели и выцвели, но той, которую показал мне Кроу, было всего несколько недель. На ней виднелась фотография, сопровождавшаяся следующим текстом:

Мистер Штурм Магрусер, глава «Магрусер Системс», всемирно известной британской оружейной компании, в одном шаге от получения заказа на два миллиона фунтов от Министерства обороны, связанного с секретной на данный момент системой национальной обороны. Мистер Магрусер, который сам разработал новую систему, не стал давать комментариев в ответ на вопрос нашего репортера, покидая загородный дом одного из официальных лиц Министерства обороны, но, по слухам, его компания близка к созданию оборонной системы, после которой атомную бомбу можно будет считать полностью устаревшей. Утверждается, что испытания запланированы на ближайшее будущее, после чего ожидается, что Министерство обороны примет окончательное решение…

* * *

— Ну? — спросил Кроу, когда я еще раз перечитал заметку.

Я пожал плечами.

— К чему ты клонишь?

— Не впечатляет?

— Конечно, я слышал о нем и о его компании, — ответил я, — хотя, кажется, впервые увидел его фотографию, но за исключением этого…

— Ага! — прервал меня Кроу. — Отлично! Ты впервые увидел его фотографию, и при этом он весьма известная фигура, о его фирме постоянно говорят в новостях, и так далее. Я тоже впервые ее увидел.

— Вот как? — озадаченно сказал я.

— Да, это очень важно, Анри. Могу даже рискнуть предположить, что фотографии мистера Магрусера появляются крайне редко.

— И что? Возможно, он стесняется камеры.

— Так оно и есть, и на то имеются весьма серьезные причины. К этому мы тоже перейдем, а пока давай поужинаем!

Именно эта черта характера Кроу всегда меня раздражала — его склонность перескакивать с одной темы на другую, как бы между делом, ничего

не объясняя и вынуждая постоянно блуждать в потемках. Конечно, он поступал так лишь тогда, когда знал, что его слушателям никуда не деться. Но в данном случае вряд ли он собирался меня помучить, просто дал возможность подумать немного самому — чем я и занялся, пока он нес с кухни холодного жареного цыпленка.

II

Штурм Магрусер… В самом деле, необычное имя. Естественно, иностранное. Может, венгр? Маг… мадьяр? Впрочем, я в этом сомневался; несмотря на явно восточные черты, кожа его отличалась бледностью. А его имя, Штурм? Если бы я чуть лучше владел языками, возможно, я до чего-нибудь и додумался бы. И еще его странная скрытность, плюс замечание Кроу, что его фотографии появляются крайне редко?

Когда мы поели, Кроу спросил:

— Что скажешь насчет V после его фамилии?

— Гм? Ну, сейчас это довольно распространенная мода, — ответил я, — особенно в Америке. Это означает, что он пятый в своем роду, пятый Штурм Магрусер.

Кроу кивнул и нахмурился.

— Ты так думаешь? В данном случае вряд ли,

поскольку он поменял имя после смерти родителей. — В голосе его вдруг почувствовалось напряжение, но прежде чем я успел спросить его, в чем дело, он снова расслабился. — А что скажешь насчет его национальности или, вернее, происхождения?

— Румын? — спросил я наугад.

Он покачал головой.

— Перс.

— Сильно же я ошибся, да? — улыбнулся я.

— Как тебе его лицо? — настаивал Кроу.

Взяв папку с вырезками, я снова взглянул на фотографию.

— В самом деле, странное лицо. Какое-то бледное…

— Он альбинос.

— А! — сказал я. — Ну да. И еще ему, похоже, очень не нравится, что его фотографируют.

Он снова кивнул.

— Верно предполагаешь… Ладно, Анри, хватит пока об этом. Сейчас расскажу тебе, какие я сделал выводы из этой заметки, когда впервые ее увидел. Как ты знаешь, я собираю всевозможные вырезки из тех или иных источников, кусочки фактов и фрагменты информации, которые меня интересуют или кажутся мне необычными. Мне

рассказывали, что многие оккультисты заядлые коллекционеры. Тебе самому нравятся древности, старые книги и безделушки, во многом как и мне, но ты не отдаешь им всего себя, как я. И тем не менее, если ты изучишь все мои собрания вырезок, ты, скорее всего, обнаружишь, что эта, пожалуй, самая обыденная из всех них. По крайней мере, внешне. Мне же она показалась весьма пугающей и тревожной.

Он сделал паузу, чтобы налить еще бренди, и я наклонился ближе к нему, желая в точности узнать, что он имеет в виду.

— Да, — наконец продолжил он, — ты считаешь меня странным типом, но я вовсе не эксцентричен, в обычном смысле этого слова. И даже если это так, — поспешно добавил он, — это мой выбор. Так или иначе, я считаю, что с моим душевным здоровьем все в порядке.

— Ты самый здравомыслящий человек из всех, кого я встречал, — сказал я.

— Я бы не стал утверждать столь уверенно, — ответил он, — и, возможно, вскоре у тебя появится повод изменить свое мнение, но на данный момент я в здравом уме. И как в таком случае я могу объяснить то омерзение, то болезненное отвращение, тот ужас, которые охватили меня после

того, как я открыл утреннюю газету и наткнулся на ту фотографию Магрусера? Я не мог этого объяснить… — Он снова замолчал.

— Предчувствие? — спросил я. — Предупреждение?

— Конечно! — ответил он. — Но о чем, и откуда? И чем больше я смотрел на эту проклятую фотографию, тем больше убеждался, что столкнулся с чем-то чудовищным! Увидев его рассерженное, застигнутое врасплох камерой лицо, я узнал его — хотя никак не мог его знать.

— Ага! — сказал я. — Ты имеешь в виду, что знал его раньше, под его прежним именем?

Кроу улыбнулся, и его улыбка показалась мне слегка усталой.

— Мир прежде знал его под несколькими именами, — ответил он, и улыбка исчезла с его лица. — Кстати, если уж зашла об этом речь — что ты скажешь о его имени?

— Штурм? Я уже об этом думал. Похоже на немецкое?

— Отлично! Да, немецкое. Его мать была немкой, а отец персом, оба натурализовались в Америке в начале века. Они покинули Америку и приехали сюда во время маккартистской «охоты на ведьм». Штурм Магрусер, кстати, родился

первого апреля 1921 года. Это важная дата, Анри, и не просто потому, что это День дурака.

— Он довольно молод, — заметил я, — для того положения, которого успел достичь.

— Верно, — кивнул Кроу. — Через месяц ему исполнилось бы сорок три.

— Исполнилось бы? — меня удивил тон голоса Кроу. — Значит, он умер?

— К счастью, да, — ответил он. — Магрусер, и вместе с ним его проект! Он умер позавчера, четвертого марта тысяча девятьсот шестьдесят четвертого года — тоже важная дата. Об этом говорили во вчерашних новостях, но я не удивлен, что ты их пропустил. Ему уделили не слишком много места, и после него, насколько я знаю, не осталось никого, кто стал бы его оплакивать. Что же касается его «секретного оружия», — Кроу невольно вздрогнул, — его секрет умер вместе с ним. За что мы тоже должны быть благодарны.

— Значит, кладбище, которое ты упоминал в письме — то самое, где его должны похоронить? — предположил я.

— Кремировать, — поправил он. — Где его пепел развеют по ветру.

— По ветру! — Я щелкнул пальцами. — Теперь понял! «Штурм» значит «буря» — это немецкое

слово, означающее бурю!

— И опять верно, — кивнул Кроу. — Но давай не будем торопиться?

— Торопиться! — фыркнул я. — Друг мой, я вообще ничего не понимаю!

— Не совсем так, — возразил он. — Перед тобой головоломка, для которой нет исходной картинки. Сложить ее нелегко, но как только ты закончишь складывать рамку, постепенно лягут как надо и остальные фрагменты. Итак, я говорил о том, как три недели назад увидел фотографию Магрусера. Помню, я тогда только что встал, и еще в халате принес утреннюю газету, чтобы почитать. Занавески были открыты, и за ними был виден сад. Было довольно прохладно, но вполне терпимо для этого времени года. Утро было сухим, и вереск словно манил меня, так что я решил прогуляться после того, как прочитаю новости и позавтракаю. Потом я открыл газету — и увидел перед собой лицо Штурма Магрусера!

Анри, я выронил газету, словно она была из раскаленного железа! Увиденное настолько потрясло меня, что мне пришлось сесть, чтобы не упасть. Меня довольно трудно вывести из равновесия, и можешь себе представить, какое потрясение требуется моему организму, чтобы

настолько на него повлиять. А потом, когда я сел и нагнулся, чтобы поднять газету, случилось еще одно.

В саду неожиданно поднялся сильный ветер. Задрожала живая изгородь, над дорожкой взметнулась прошлогодняя листва. Вспорхнули птицы, словно почувствовав присутствие кого-то или чего-то невидимого. И внезапно возникли маленькие смерчи, пыльные вихри, поднимавшие в воздух листья, гравий и прочий мусор. Пыльные вихри, Анри, в марте, в Англии — полдюжины смерчей, пронесшихся вокруг Блоун-хауса в течение получаса! В любых иных обстоятельствах это был бы удивительный, чудесный феномен.

— Но не для тебя?

— Нет, — покачал он головой. — Тогда — нет. Я скажу тебе, что они значили для меня, Анри. Они говорили мне, что точно так же, как я узнал… нечто, узнали и меня самого! Понимаешь?

— Честно говоря, нет, — на этот раз была моя очередь покачать головой.

— Неважно, — помолчав, сказал он. — Достаточно того, что я воспринял эти странные вихри как знак того, что я действительно почувствовал нечто невыразимо опасное и непристойное в этом Штурме Магрусере. Мое открытие настолько

меня напугало, что я сразу же занялся выяснением всего, что мог о нем узнать, чтобы понять, в чем заключается угроза и как лучше всего ее избежать.

— Могу я тебя на секунду прервать? — попросил я.

— Гм? Да, конечно.

— Насчет тех дат, про которые ты говорил, что они важны. Даты рождения и смерти Магрусера. В каком смысле они важны?

— А! До этого мы еще дойдем, Анри, — улыбнулся он. — Может, ты этого и не знал, но я также в каком-то смысле нумеролог.

На этот раз улыбнулся я.

— Ты имеешь в виду — вроде тех, что измеряют Великую пирамиду и находят в ее размерах разгадку тайн вселенной?

— Не будь столь несерьезен, де Мариньи! — отпарировал он и сразу перестал улыбаться. — Я не имел в виду ничего подобного. И в любом случае, не спеши высмеивать пирамидологов. Кто ты такой, чтобы утверждать, что может быть, а чего не может? Пока ты сам чего-то не постиг, относись к этому с уважением.

— О! — только и смог сказать я.

— Что касается дат рождения и смерти — попро-

буй эти: тысяча восемьсот восемьдесят девять, тысяча девятьсот сорок пять.

Нахмурившись, я пожал плечами.

— Для меня они ничего не значат. Они тоже важны?

— Это даты жизни Адольфа Гитлера, — сказал он, — и если ты сложишь отдельные цифры, ты обнаружишь, что они образуют пять девяток. Девять — важное число в оккультизме, означающее смерть. Число Гитлера девяносто девять тысяч девятьсот девяносто девять показывает, что он был настоящим Ангелом Смерти, и никто не мог бы в том усомниться! Кстати, если умножить пять на девять, получится сорок пять, последние две цифры числа тысяча девятьсот сорок пять — года его смерти. Это всего лишь один пример из древней науки. Так что, прошу тебя, Анри, не смейся больше над нумерологией…

Несмотря на замешательство, до меня все же начала доходить суть рассуждений Кроу.

— Ага! — снова сказал я. — У Штурма Магрусера, как и у Гитлера, даты жизни тоже складываются в сорок пять? Я прав? Посмотрим… первое число четвертого месяца тысяча девятьсот двадцать первого года… это будет восемнадцать… и четвертое число третьего месяца тысяча девятьсот

шестьдесят четвертого… получается сорок пять!

Кроу кивнул и вновь улыбнулся.

— Да, ума тебе не занимать, Анри, — но ты упустил самое важное. Но сейчас это не имеет значения, продолжу свой рассказ…

Я уже говорил, что решил выяснить все возможное об этом человеке со странным именем, который сторонился камеры, владел крупным международным концерном и был способен напугать меня так, как никто прежде. Не спрашивай меня почему, но я знал, что действовать нужно быстро. Оставалось слишком мало времени до того… до того, как что-то произойдет.

Сначала, однако, я связался с моим другом в Британском музее, куратором Отдела особых изданий, и попросил его найти кое-что для меня в «Некрономиконе». Когда-нибудь я тебя с ним познакомлю, Анри. Он прекрасный человек. Похоже, немного не от мира сего — иначе и быть не может, если работаешь в таком месте, — но он столь свободен от злобы и греха, столь наивен и невинен, что я уверен — даже самое великое зло попросту не пристанет к нему. Что, впрочем, и к лучшему. Я никогда бы не попросил чересчур любопытного или подозрительного человека проникнуть в зловещие тайны книги Альхазреда.

Наконец я смог полностью сосредоточиться на Магрусере. Был полдень, и мой разум лихорадочно работал уже несколько часов, так что я начал чувствовать усталость, не столько физическую, сколько душевную. У меня также возникло странное ощущение, будто за мной наблюдают и наблюдатель таится где-то в моем саду!

Стараясь об этом не думать, я начал осторожно расспрашивать по телефону насчет Магрусера, но едва я произнес его имя, меня вновь охватило то же чувство, на этот раз более сильное, словно на весь дом опустилось невыразимое зло. А подняв взгляд от телефона, я снова увидел тень покачивающегося пыльного вихря, игравшего с листьями и ветками посреди дорожки.

III

— Страх мой сменился злостью. Что ж, если это война… то придется мне применить собственное оружие. Или если не оружие, то уж точно средства защиты.

Не буду вдаваться в детали, Анри, но ты знаешь, что я имею в виду. Я давно обладаю необходимыми знаниями, чтобы создавать своеобразные барьеры от сил зла; ни одному оккультисту или изучающему подобные вещи, который хоть че-

го-то стоит, без них не обойтись. Но недавно мне повезло, и я стал обладателем некоего… следует ли мне назвать его «заклинанием»? — по слухам, куда более действенного, чем все прочие.

О том, как мне в руки попало это «заклинание».

В декабре в Лондон прибыл Тельред Густау из Исландии, где он изучал извержение вулкана Сэртси. Во время извержения Густау выловил из моря некий очень древний предмет — по сути, настоящую капсулу времени из незапамятных эпох. Когда он связался со мной в середине декабря, он все еще не мог скрыть возбуждения. Он сказал, что ему требуется мой опыт, чтобы помочь разгадать тайну «старше самих динозавров» — его слова.

Я работал вместе с ним до середины января, когда он внезапно получил предложение из Америки совершить тур с лекциями. От этого предложения он не мог отказаться — оно давало ему средства для исследований на несколько ближайших лет. Он уехал. К тому времени я настолько был захвачен работой, что едва не поехал вместе с ним. К счастью, этого не случилось.

Кроу сделал паузу, чтобы наполнить бокалы.

— Конечно, — сказал я, воспользовавшись

возможностью. — Я знал, что ты чем-то очень занят. С тобой было очень тяжело связаться, а ты, значит, все это время был у Густау в Вулидже. Но над чем именно ты работал?

— А! — ответил он. — Об этом должен рассказать сам Густау, что, я полагаю, он вскоре и сделает. Хотя одному богу известно, воспримет ли его кто-либо всерьез. Что касается того, что могу сообщить тебе я… мне придется взять с тебя слово, что все останется в строжайшей тайне.

— Ты же знаешь, что можешь на меня положиться, — сказал я.

— Очень хорошо… Во время извержения вулкан Сэртси выбросил… некий контейнер, Анри, ту самую «капсулу времени», о которой я говорил. То, что оказалось внутри… фантастика!

Это были записи из доисторического мира, Тим'хдры, древнего континента, которые послал нам сквозь века один из величайших магов этого мира, чародей Тех Атхт, потомок могущественного Милахриона. Увы, они были написаны на неизвестном языке той древней земли, собственной рукой Тех Атхта, а Густау случайно лишился средств для их перевода. Но в его распоряжении имелся ключ, его собственный великий гений, и…

— И ты, — улыбнулся я. — Один из величайших палеографов страны.

— Да, — сухо и без особой гордости кивнул Кроу, — второй лишь после профессора Гордона Уэлмсли из Гуля. Так или иначе, я помог Густау чем мог, и во время работы наткнулся на могущественное заклинание против вредоносной магии и прочих сверхъестественных угроз. Густау позволил мне сделать копию для себя, и так я стал обладателем фрагмента древней магии из незапамятных времен. Судя по тому, что я смог понять, Тим'хдра существовала во времена чародеев, и сам Тех Атхт пользовался этим заклинанием, чтобы отогнать зло.

Что ж, заклинание было у меня в руках, и я решил им воспользоваться. Сделав необходимые приготовления, я ввел себя в требуемое душевное состояние. Это заняло время почти до вечера, и с каждой минутой ощущение надвигающейся гибели все усиливалось, вплоть до того, что я готов был уже все бросить и бежать прочь. И если бы я не был уверен, что подобное бегство не станет чудовищным предательством — признаюсь, я так бы и поступил.

Так или иначе, когда я ввел себя в нужное состояние и произнес определенные слова, эффект

последовал незамедлительно!

Казалось, будто весь дом залил дневной свет; мрак тут же рассеялся, дух мой воспарил, а бесплотный смерч в саду превратился в кучку мусора и пыльной листвы. Заклинание Тех Атхта и впрямь подействовало…

— А потом ты снова переключился на Штурма Магрусера? — спросил я после нескольких минут молчания.

— Не в тот вечер. Я слишком устал, Анри. День чересчур меня вымотал. Нет, я был больше ни на что не способен. Я проспал всю ночь глубоким сном без сновидений, когда в девять утра меня разбудил телефонный звонок.

— Твой друг из Отдела редких книг? — предположил я.

— Да, и он просил меня помочь сузить область поиска. Как ты понимаешь, «Некрономикон» — весьма объемистая книга, по сравнению с которой «Заметки» Фири кажутся брошюркой, и многие из ее частей весьма многословны. Проблема заключалась в том, что я даже не был уверен, содержится ли в ней то, что я ищу; я лишь полагал, что читал там об этом. Если же нет… — он махнул рукой в сторону своей более чем обширной оккультной библиотеки, — тогда ответ

должен был быть где-то в другом месте, и поиски его стали бы столь же трудновыполнимой, если вообще возможной, задачей. По крайней мере, в отпущенное мне время.

— Ты постоянно намекаешь на срочность, — нахмурился я. — Что значит — «в отпущенное время»?

— Естественно, то время, в течение которого нужно было убрать Магрусера! — ответил он.

— Убрать? — я едва поверил собственным ушам.

Кроу вздохнул и сказал прямо:

— Время, в течение которого я должен был его убить!

Я попытался сохранять спокойствие.

— Значит, ты решил от него избавиться. Это было необходимо? — спросил я, стараясь, чтобы мои слова звучали не слишком несерьезно.

— Крайне. И, как только мои поиски стали давать результаты, смерть его становилась все более неизбежной с каждой минутой! В течение последующих нескольких дней я узнал некоторые весьма интересные и весьма пугающие факты о нашем мистере Магрусере, в том числе о его удивительном возвышении из неизвестности и о его могуществе как здесь, так и за границей.

Его компания располагалась в семи разных странах, всего десять заводов, занятых производством оружия, по большей части обычного — на данный момент. Да, Анри, эти числа тоже важны.

Что касается его нынешнего проекта — завершения разработки «секретного оружия» или «системы обороны», то в нем я обнаружил самый корень и сущность зла, после чего окончательно убедился в своем решении, что Магрусер действительно должен умереть!

Было уже начало четвертого утра, и огонь в камине почти погас. Пока Кроу ходил на кухню, чтобы приготовить легкую закуску, я подбросил поленьев в огонь и вздрогнул — отнюдь не только из-за ночного холода. Рассказ Кроу и его манера изложения настолько захватили меня, что я начал расхаживать по комнате, размышляя над всем услышанным, в том числе о заявленном намерении Кроу… убить?.. Штурма Магрусера, который теперь, судя по всему, был мертв.

Проходя мимо стола Кроу, я заметил старинную фамильную Библию в двух томах. Новый Завет был открыт, но я не посмотрел, на какой книге или главе. На столе также лежали несколько книг по криптологии, нумерологии, даже одна по астрологии, к которой, насколько я знал, обла-

давший научным складом ума Кроу никогда не питал особой веры или интереса. Среди них был основательно зачитанный экземпляр «Заметок по дешифровке кодов, криптограмм и древних надписей» Уэлмсли, а также открытый блокнот с таинственными набросками и диаграммами. Мой друг действительно был занятым человеком.

Кроу принес сыр и крекеры, а затем продолжил свой рассказ, снова намекнув на чудовищную мощь «секретного оружия» Магрусера.

— Анри, — начал он, — среди Оркнейских островов есть один островок, который до середины 1961 года был зеленым и красивым прибежищем для морских птиц. Слишком маленький и уединенный, чтобы на нем кто-то поселился, и слишком холодный и открытый всем стихиям зимой, он оставался необитаемым, и на нем редко бывали люди. Магрусер купил его, какое-то время работал там, а в феврале шестьдесят второго…

— Да?

— Пыльная буря!

— Пыльная буря? — переспросил я. — Какие-то химикаты?

Кроу пожал плечами.

— Не знаю в точности, как работает его оружие,

мне известен лишь его результат, а также то, что для приведения его в действие требуется огромное количество энергии. Судя по тому, что мне удалось выяснить, он использовал для своего эксперимента на Оркнейских островах силы природы, чудовищную энергию грозы. Да, и еще одно: это оружие — вовсе не система обороны!

— И, конечно, тебе известно, — спросил я, — что он собирался сделать с помощью этого оружия?

— И это тоже, — кивнул он. — Он намеревался уничтожить мир, превратить нас в дикарей, вернуть нас в Темные времена. Короче говоря, нанести удар, от которого человечество никогда бы не оправилось.

— Но…

— Дай мне договорить. Магрусер намеревался превратить мир в пустыню, начать цепную реакцию, которую невозможно было бы остановить. Возможно, могло быть даже хуже. Он мог поставить своей целью полное уничтожение человечества — вообще без выживших!

— У тебя были подтверждения?

— Были доказательства… Что касается подтверждения — он ведь мертв, не так ли?

— Значит, ты действительно его убил?

— Да.

— Какие доказательства у тебя были? — помолчав, спросил я.

— На самом деле — три типа доказательств, — ответил он, снова расслабившись в кресле. — Первое: свидетельства моих собственных пяти чувств, и, возможно, шестого чувства, благодаря которому я узнал его с самого начала. Второе: тот факт, что он проводил свои эксперименты и в других местах, всегда с одним и тем же результатом. И третье…

— Да?

— Сведения, которые я получил по правительственным каналам. В молодости я работал на Министерство обороны, Анри. Ты знал об этом? В то время оно называлось Военным департаментом. Во время войны я расшифровывал для них коды и консультировал их на тему оккультных интересов Гитлера.

— Нет, — сказал я. — Никогда про это не знал.

— Ну, конечно же, нет, — ответил он. — Никто не знает моего числа, Анри, — он улыбнулся. — Ты знал, что сразу за восточногерманской границей в Берлине якобы хранится в бункере экземпляр «Некрономикона»? И знал ли ты, что к Гитлеру в его последний час подошел в его собственном бункере некий еврей — можешь себе предста-

вить? — еврей, который прошептал ему что-то, прежде чем тот покончил с собой? Полагаю, я знаю, что он прошептал, Анри. Думаю, он произнес слова: «Я знаю тебя, Адольф Гитлер!»

— Титус, — сказал я, — во всей этой истории слишком много свободных концов, которые я пытаюсь связать воедино. Ты дал мне множество намеков, и тем не менее…

— Все сойдется, Анри, — успокоил он меня. — Все сойдется. Дай мне продолжить…

Когда я обнаружил, что двухмиллионный заказ Магрусера от Министерства обороны был вовсе не заказом, но всего лишь использованием оборудования стоимостью в два миллиона фунтов, и как только я понял, что это за оборудование, я догадался, что он замышляет. В довершение, мне, наконец, позвонили из Британского музея, и я получил всю информацию, которая мне требовалась, но лишь после того, когда я действительно встретился с ним лицом к лицу.

Во-первых — правительственное «оборудование», на которое Магрусер сумел наложить руки: атомные бомбы стоимостью в два миллиона фунтов!

IV

— Что? — изумленно переспросил я. — Ты шутишь!

— Нет, — ответил он, — я не шучу. Они должны были обеспечить его энергией, необходимой, чтобы привести в действие его смертоносное оружие, начать цепную реакцию. Магрусер умел убеждать, и, можешь поверить мне, сейчас некоторым лицам в определенных правительственных кругах придется поплатиться. Я сообщил куда следует, естественно, анонимно, о том, что он собирался сделать, и о гибели, которой миру едва удалось избежать. Семь стран, Анри, и семь атомных бомб. Семь одновременных взрывов, приводящих в действие его собственное, куда более ужасное оружие, цепную реакцию, которая должна была распространиться по всему миру!

— Но… как… когда это должно было случиться? — запинаясь, спросил я.

— Сегодня, — ответил он, — в десять утра, через пять часов с небольшим. Бомбы уже стояли наготове на его заводах, ожидая назначенного времени. Сейчас, конечно, их уже убрали, а заводы уничтожили. Теперь Британии придется отвечать перед главами шести иностранных го-

сударств, и наверняка покатятся головы рангом пониже. Но все будет очень тихо, и мир никогда об этом не узнает.

— Но какова была его цель? — спросил я. — Он что, сумасшедший?

Кроу покачал головой.

— Сумасшедший? Нет. Хотя он и был рожден людьми, он даже не был человеком в полном смысле этого слова. Или, возможно, он был более чем человеком. Некоей силой, мощью…

Неделю назад я был на домашней вечеринке у своего друга из Министерства обороны. Там должен был присутствовать Магрусер, и именно потому там был и я. Должен сказать, что для этого пришлось кое-что организовать, причем весьма осторожно, поскольку я не мог позволить, чтобы кто-либо узнал о моих подозрениях. Впрочем, кто бы все равно мне поверил?

На вечеринке мне в конце концов удалось припереть Магрусера — весьма странную личность — к стене, и, оказавшись с ним лицом к лицу, я окончательно удостоверился, что это действительно он. Теперь я знал, вне всякого сомнения, что Магрусер — в самом деле величайшее зло, когда-либо существовавшее в мире! Может, это и звучит мелодраматично, Анри, но тут я ничем

не могу помочь.

И все же, при взгляде на него… любой другой мог ощутить жалость. Как я уже говорил, он был альбиносом, с белыми как снег волосами и такой же кожей, на которой выделялись лишь бледные вены на шее и лбу. Он был высок и худ, с крупной головой, размеры которой намекали одновременно на слабоумие и гениальность, и большими, близко посаженными розовыми глазами с красными зрачками. Я знал женщин, достаточно извращенных, которые могли бы назвать его привлекательным, и некоторых мужчин, которые могли бы позавидовать его деньгам, власти и положению. Что касается меня, он показался мне отталкивающим! Но, конечно, мнение мое было основано на том, что я знал правду.

Ясно было, что ему не хочется здесь находиться, судя по загнанному взгляду, столь заметному на фотографии. Он боялся, Анри, боялся, что его остановят, ибо он, конечно, понял, что кто-то узнал его. Не знал он лишь того, что этот кто-то — я.

О, он сильно нервничал, этот Магрусер. Лишь тот факт, что этим вечером он должен был получить ответ, добро из министерства, заставил его выйти из укрытия. И он действительно получил добро, после чего, как я уже сказал, я припер его

к стене.

— Погоди, — умоляюще попросил я. — Ты говорил, он понял, что его узнали. Откуда?

— Он понял это в то же самое мгновение, что и я, Анри, в тот же миг, когда его вихри появились в моем саду! Но я уничтожил их, к счастью, до того, как он сумел выяснить, кто я. Можешь не сомневаться, он пытался меня выследить, но меня защищали барьеры, которые я поставил вокруг Блоун-хауса. Сейчас, однако, я тоже был полностью открыт…

— Но я до сих пор не понимаю, как можно было обманом заставить британское правительство выдать ему несколько атомных бомб! — настаивал я. — Мы что, все в руках безумцев?

Кроу покачал головой.

— Тебе следовало бы знать, — сказал он, — что британцы ничего не дают просто так. То, что должно было получить правительство, намного превосходило жалкие два миллиона фунтов. Магрусер пообещал поставить энергетический экран, Анри, силовой купол, закрывающий всю страну, который можно было бы включать и выключать по желанию, после чего Британские острова стали бы полностью неуязвимыми!

— И ему поверили?

— Проводились демонстрации, хоть и поддельные. К тому же давно было известно, что он экспериментирует с «системой национальной обороны». И не забывай, друг мой, что Магрусер никогда не нарушал никаких законов. Он был образцовым гражданином, человеком вне всяких подозрений, поддерживавшим любую благотворительность. Мне кажется, что иногда он даже финансировал само правительство. Но, при всем том, у него не было средств, чтобы привести в действие свое чудовищное оружие. И теперь начинаешь понимать, насколько этот человек был умен и каким он при этом был злодеем.

Но, возвращаясь к тому, о чем я говорил: я в конце концов припер его к стене, нас собирались представить друг другу, я даже протянул ему руку, и…

В то же самое мгновение распахнулось окно, и в комнату ворвался ветер, бушевавший уже больше часа. Пятьдесят леди и джентльменов пролили напитки, цепляясь за свои шляпы, и вихрь, подхватывая пригласительные карточки, цветы из ваз и бумажные салфетки, пронесся между Магрусером и мной, словно… словно один из его собственных дьявольских смерчей!

Его розовые глаза сузились, уставившись на

меня, а затем он быстро отошел прочь. К тому времени, когда восстановился порядок, Магрусера уже не было. Он выбежал из дома и уехал, вероятно, обратно на свой завод в окрестностях Оксфорда.

Я тоже поспешно ушел, но лишь после того, как мой друг пообещал не рассказывать Магрусеру, кто я. Позднее Магрусер действительно ему звонил, но в ответ услышал лишь, что я, вероятно, какой-то незваный гость. Так что на какое-то время он стал для меня не опасен.

Когда я вернулся домой, звонил телефон, и я было решил не снимать трубку, но… это была та самая информация, которую я ждал, цитата из самого Безумного Араба, Абдула Альхазреда.

Встав, Кроу подошел к столу, пошарил на нем и вернулся с листком бумаги. Снова сев, он сказал:

— Послушай, Анри:

«Многообразны темные ужасы Земли, коими она наводнена с древнейших времен. Они спят под камнями, произрастают вместе с деревьями из их корней, движутся под водами морскими и обитают в глубоких подземельях. Некоторые давно известны людям, другие же неведомы и поныне, дожидаясь страшного дня, когда они смогут себя проявить. Одно из таких зол рождено

проклятием, ибо Великий Древний, прежде чем уйти в свою темницу на дне морском, проклял этот мир на веки вечные, и проклятие это было слышно во всех уголках Земли. И проклятие Его заключалось в том, что кто бы ни населял этот мир, ставший Его тюрьмой, появятся среди них великие изменники, которые будут стремиться их уничтожить и освободить мир ко дню Его возвращения. И услышав это великое проклятие, они низвергли Его туда, где он больше не мог причинить вреда. И, желая всем добра, они пытались искоренить зло, которого Он желал, но не смогли. И тогда они создали защитное заклятие, а именно, что всегда будут те, кто узнает силы зла, когда они созреют, защитив тем самым невинных от Его проклятия. И сделали они так, что, когда проявит себя тот, кто воплощает в себе силы зла, любой, кто узнает его, сможет его уничтожить, схватив его и сказав: «Я знаю тебя», и назвав его число…»

А дальше все было очень просто, Анри…

Поздно вечером я приступил к усилению магической защиты, которую построил до этого вокруг Блоун-хауса, а также к наложению на себя некоторых защитных заклинаний на то время, когда я буду находиться вне этих безопасных стен. Когда

я закончил, уже близилось утро. В тот самый день Штурм Магрусер должен был собрать свои смертоносные детонаторы, приводящие в действие его дьявольское устройство; я представил себе, как к некоему внешне безобидному, но хорошо охраняемому зданию подъезжает грузовик, водитель предъявляет пропуск, подписываются соответствующие документы, а затем крайне осторожно выгружаются семь тяжелых ящиков.

На частной взлетной полосе внутри завода Магрусера должны были ждать два реактивных самолета, которым предстояло доставить шесть атомных бомб в различные места земного шара. Ясно было, что мое время истекает. Несмотря на то что я валился с ног от усталости, нужно было как можно скорее найти способ ликвидировать угрозу.

— Но ведь ты уже знал способ? — вмешался я. — Он же описан прямо в том отрывке из Альхазреда.

— Да, Анри, я знал способ, как его уничтожить, но у меня не было средств, чтобы его реализовать! Единственное, о чем мне было точно известно, что Магрусер все еще в Англии, в своем командном центре. Но как до него добраться, если он меня знал?

— Он тебя знал?

Кроу вздохнул.

— В лицо — наверняка, поскольку мы уже познакомились. По крайней мере, почти. И если мне была известна моя цель, точно так же и он мог выяснить мое имя и все данные. О да, Анри, как у меня есть свои средства, так же и у Магрусера наверняка имелись свои. Так или иначе, оставаться в Блоун-хаусе я больше не мог, после того как стало ясно, что он обязательно станет меня искать. Нужно было куда-то уехать, и быстро.

Я так и сделал, той же ночью. Я уехал в Оксфорд.

— В Оксфорд?

— Да, как говорится, в самое логово льва. Утром я нашел подходящий отель и поставил машину на стоянку, а чуть позже позвонил Магрусеру.

— Вот так просто? — удивленно спросил я. — Взял и позвонил?

— Нет, не так просто, — ответил он. — Сначала я вызвал такси и подождал, пока оно приедет. Своим «мерседесом» я не осмелился воспользоваться, боясь, что Магрусеру уже известна машина и ее номер. — Он устало улыбнулся. — Начинаешь теперь понимать, насколько на самом деле важны числа, а, Анри?

Я кивнул.

— А дальше? Ты сказал, что позвонил ему?

— Сначала я попытался позвонить на завод и попал на коммутатор, где мне ответили, что мистер Магрусер дома и его нельзя беспокоить. Я сказал, что звоню по очень важному делу, что не смог дозвониться по его домашнему номеру и что мне нужно немедленно с ним связаться.

— И они поверили? Ты действительно пытался звонить ему домой?

— Нет, его номера нет в телефонной книге. А пытаться подобраться к его дому было бы чистейшим безумием, поскольку он наверняка надежно охраняется.

— Но в таком случае они должны были сообразить, что что-то не так, — возразил я. — Если его номера нет в справочнике, откуда ты мог его знать?

Кроу снова улыбнулся.

— Если бы я действительно был тем, за кого себя выдавал, то знал бы, — ответил он.

Я уставился на него.

— Твой друг из министерства! Ты назвался его именем?

— Конечно, — сказал Кроу. — И снова мы видим, насколько важны могут быть имена, да,

друг мой? В общем, меня соединили, и Магрусер в конце концов ответил, но я знал, что это он, еще до того, как он произнес первое слово. Само его дыхание казалось мне испарениями из могилы!

«Магрусер слушает, — полным подозрений голосом сказал он. — Кто говорит?»

«Думаю, вы меня знаете, Штурм Магрусер, — ответил я. — Точно так же, как я знаю вас!»

V

Послышался судорожный вздох.

«Мистер Титус Кроу, — проговорил он. — Вы весьма изобретательны. Где вы?»

«Еду на встречу с вами, Магрусер», — ответил я.

«И когда мне вас ждать?»

«Раньше, чем вы думаете. Я знаю ваше число!»

Он снова судорожно вздохнул и бросил трубку. Теперь мне предстояло выяснить, насколько хорошую службу сослужило мне мое предварительное расследование. И это был самый опасный момент.

Анри, будь ты на месте Магрусера, как бы ты поступил?

— Я? Ну, я бы оставался на месте, в окружении охраны, отдав ей приказ застрелить тебя на ме-

сте, как опасного самозванца.

— А что, если бы со мной явилось больше вооруженных людей, чем у тебя? И прежде всего, стали бы твои охранники, будучи нормальными людьми, подчиняться подобному приказу? Что бы ты сделал, чтобы наверняка избежать встречи со мной?

Нахмурившись, я немного подумал.

— Я бы убрался подальше, уехал из страны, и…

— Именно! — сказал Кроу. — Уехал бы из страны.

Я понял, на что он намекает.

— Частная взлетная полоса на его заводе?

— Конечно, — кивнул Кроу. — Вот только я постарался оказаться ближе к заводу, чем он. Чтобы добраться туда на такси, мне требовалось минут пятнадцать-двадцать. Магрусеру же понадобилось бы минут на пять-десять больше…

Сам завод, гордо украшенный вывеской «Магрусер Системс, Соединенное Королевство», занимал обширную территорию и был окружен высокой оградой из колючей проволоки. Перед единственным въездом с главной дороги стоял автоматический шлагбаум и небольшая будка охранника. Расплатившись с таксистом, я подошел к шлагбауму.

Как я и предполагал, навстречу мне вышел охранник, требовательно спрашивая мое имя и по какому я делу. Насколько я мог видеть, он не был вооружен, но выглядел весьма внушительно. Я сказал ему, что я из Министерства обороны и мне нужно видеть мистера Магрусера.

«Прошу прощения, сэр, — ответил он, — видимо, объявлена тревога. Я только что получил приказ никого не впускать, даже с пропусками. В любом случае, мистер Магрусер сейчас дома».

«Нет, — сказал я, — он сейчас едет сюда, и я должен встретиться с ним у ворот».

«Полагаю, все в порядке, сэр, — ответил охранник, — если только вы не пожелаете войти на территорию».

Вместе с ним я подошел к будке охраны. Пока мы разговаривали, я тайно наблюдал за открытыми дверями видневшегося среди зданий и сооружений ангара. На моих глазах из него выехал легкий самолет, и вокруг него забегали механики, готовя его к полету. Я наблюдал также за дорогой, хорошо просматривавшейся из окна будки, и в конце концов на расстоянии в четверть мили появился быстро едущий автомобиль Магрусера.

И тогда я достал пистолет.

— Что? — воскликнул я. — Ты собирался его застрелить, если ничего не получится?

— Вовсе нет. Возможно, я и мог бы попытаться, но сомневаюсь, что пуля смогла бы его убить. Нет, пистолет служил другой цели, а именно, подчинить себе любого обычного человека.

— Например, охранника?

— Верно. Я быстро освободил его от форменного кителя и фуражки, заткнул ему рот кляпом и запер в маленькой задней комнате. Затем, для надежности, я разбил рукояткой пистолета панель управления шлагбаумом. К этому времени автомобиль Магрусера уже сворачивал с дороги ко входу и, естественно, остановился перед опущенным шлагбаумом. Магрусер сидел с моей стороны на переднем пассажирском сиденье, а сзади — двое рослых молодых людей, явно телохранителей.

Надвинув фуражку на глаза, я вышел из будки и подошел к машине. Словно вняв моим молитвам, Магрусер сам опустил окно и, высунув руку, повелительно махнул ею.

«Впусти меня, идиот! Подними шлагбаум…»

Но в то же мгновение я схватил его за руку, приблизил к нему лицо и сказал:

«Штурм Магрусер, я знаю тебя — и я знаю твое

число!»

«Что? Что?» — прошептал он, и глаза его расширились от ужаса, когда он узнал меня.

Затем я назвал ему его число, и когда его телохранители выскочили из машины и попытались меня оттащить, он жестом остановил их.

«Оставьте его, — сказал он, — уже слишком поздно».

И он посмотрел на меня взглядом, которого я никогда не забуду. Медленно выйдя из машины, он тяжело оперся о дверцу и повернулся ко мне.

«Это лишь половина моего числа, — прошептал он, — но и этого достаточно, чтобы меня уничтожить. Ты знаешь остальное?»

И я назвал ему остальное.

Его и без того бледное лицо полностью утратило цвет, глаза словно погасли. Он упал бы, если бы его люди не подхватили и не удержали его, усадив обратно в машину. Все это время он не сводил с меня взгляда своих розово-красных глаз, которые начали кровоточить.

«А ты весьма изобретателен, — прохрипел он. — Так быстро… Отвези меня домой», — сказал он, повернувшись, водителю.

Когда они уезжали, я успел заметить, как он осел на сиденье, и его голова упала набок. Он так

и не пришел в себя.

— А ты уехал оттуда? — после долгой паузы спросил я, не зная, что еще сказать, и чувствуя, как пересохло в горле.

— Кто мог меня остановить? — ответил Кроу. — Да, я уехал и вернулся сюда. Теперь ты все знаешь.

— Знаю, — сказал я, облизнув губы, — но до сих пор не могу понять, как…

— Нет, Анри. — Он потянулся и со вкусом зевнул. — Остальное ты должен выяснить сам. Ты знаешь его имя, и у тебя есть средства узнать его число. Все очень просто. Что касается меня, то я посплю часа два, а потом мы прокатимся в моей машине, после чего, так сказать, окажем последние почести Штурму Магрусеру V.

* * *

Кроу держал свое слово. Он поспал, проснулся, позавтракал, и поехал — все это время я сосредоточенно размышлял над проблемой, которую он мне задал. Когда мы подъезжали к пункту нашего назначения, я полагал, что уже знаю большинство ответов.

Стоя на мостовой за оградой сада тихого сельского крематория между Лондоном и Оксфордом,

мы смотрели сквозь железную решетку на симпатичное здание с высокой трубой — место последнего упокоения, и я подумал о том, какие слова произносились над телом Магрусера. Его похоронная процессия уехала незадолго до нашего приезда, и не осталось никого, кто мог бы вместе с нами «оказать последние почести».

Пока мы ждали, я сказал Кроу:

— Думаю, я знаю ответы.

— Продолжай, — кивнул он, по своему обычаю наклонив голову.

— Сначала его имя, — начал я. — Штурм Магрусер V. В имени Штурм содержится некий намек на его духов-хранителей — пыльные вихри, про которые ты говорил. Я прав?

Кроу кивнул.

— Однако его полное имя несколько меня озадачило, — продолжал я, — поскольку в нем всего тринадцать букв. Потом я вспомнил V, символ для цифры пять. Получается восемнадцать, дважды девять. Ты говорил, что Гитлер со своими пятью девятками был настоящим Ангелом Смерти… похоже, в таком случае, Магрусер — сама Сущность Смерти!

— Вот как? Почему?

— Даты его рождения и смерти, — напомнил

я. — Первое апреля тысяча девятьсот двадцать первого года, и четвертое марта тысяча девятьсот шестьдесят четвертого. Сумма их цифр тоже дает сорок пять, что, если прибавить число в его имени, дает семь девяток.

Я мысленно похлопал себя по спине.

— Ты закончил? — помолчав, спросил Кроу.

Судя по тону его голоса, я понял, что многое упустил.

VI

— Не знаю, что там еще может быть, — вздохнув, признался я.

— Смотри! — сказал Кроу, заставив меня вздрогнуть.

Проследив за его указательным пальцем, я увидел человека в черном, который вышел во внутренний дворик крематория. Яркий луч зимнего солнца упал на его белый воротник, превратив его в светящуюся ленту вокруг шеи. Неся перед собой урну, он двинулся размеренным шагом через сад. Мне показалось, что я слышу в неподвижном воздухе его шепот, тихие слова молитвы.

— Смертные останки Магрусера, — сказал Кроу, машинально снимая шляпу. Я лишь стоял и смот-

рел, с непокрытой головой.

— Ну, — помолчав, спросил я, — где же я ошибся в своих расчетах?

Кроу пожал плечами.

— Ты упустил несколько важных моментов, только и всего. Магрусер был в своем роде «черным магом», если можно так выразиться, учитывая его демонические цели и его «духов-хранителей», как ты их назвал. И подобное вполне справедливо предположить — персидское слово «магу» или «магус» действительно означает «чародей». А теперь, если убрать из его имени слово «Магус», что останется?

— R, E, R, — быстро посчитал я. — Ну да, и еще V.

— Давай переставим их и допустим, что у нас осталось R, E, V и R, — сказал Кроу и повторил: — R, E, V и R. Как ты уже заметил, в его имени тринадцать букв. Что ж, давай взглянем на…

— Rev. тринадцать! — прервал я его. — Откровение, глава тринадцатая! И фамильная Библия, которая лежала у тебя на столе. Но погоди, ты пропустил второе R.

Кроу несколько мгновений молча смотрел на меня.

— Вовсе нет, — наконец сказал он, — поскольку

R — восемнадцатая буква латинского алфавита. Таким образом, Магрусер, изменив свое имя, раскрыл свою сущность!

Теперь я все понял и восхищенно уставился на своего друга Титуса Кроу, отдавая должное его незаурядному интеллекту. Перед моим мысленным взором возникли строки восемнадцатого стиха тринадцатой главы Книги Откровения[13].

Увидев мое ошеломленное лицо, Кроу кивнул.

— Дата его рождения, Анри, дает сумму цифр восемнадцать — шестьсот шестьдесят шесть, Число Зверя!

— И десять заводов в семи странах, — выдохнул я. — Десять рогов на семи головах! И Зверь в Откровении поднялся из моря!

— И это тоже, — мрачно кивнул Кроу.

— А дата его смерти дает девятьсот девяносто девять!

Он снова кивнул и, увидев, что я закончил, сказал:

— Но самое чудовищное и пугающее во всем этом, друг мой — само его имя, которое, если прочесть его от конца к началу…

— Ч-что? — запинаясь, пробормотал я, но в

---

[13] notes: 13

«Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть».

следующее мгновение сообразил, в чем дело, и раскрыл рот от изумления.

— Resurgam!

— Именно, — коротко кивнул он. — Восстану вновь!

За железной оградой священник вскрикнул и уронил урну, которая разбилась, рассыпав свое содержимое. Появившийся словно ниоткуда вихрь подхватил пепел и унес его прочь…

Узнать врага[14]

К январю 1977 года в моей военной карьере произошли некоторые перемены. В последние четыре года я стал главным сержантом по начальному обучению в штаб-квартире Королевской военной полиции в Чичестере, графство Сассекс — организации, которая лишь недавно сменила место своей дислокации. Хотя моя работа не оставляла мне слишком много свободного времени, мне все же удалось написать по вечерам несколько рассказов. «Узнать врага» — один из них, и четыре года спустя он был опубликован в «Книге странного 15» У. Пола Гэнли. В последующие пять лет Пол стал одним из моих постоянных издателей; к тому времени мой агент в США, Кирби Маккоули, был в той или иной мере вынужден сосредоточить свои усилия на авторе по имени Стивен Кинг. Возможно, оно и к лучшему, что я служил в армии и мне не приходилось содержать семью писательским трудом! Героя, от лица которого ведется повествование в этом рассказе,

---

[14] notes: 14

“Recognition”, from Weirdbook No. 15, 1981.

Плешков К. П., перевод на русский язык, © 2018.

легко спутать с детективом-оккультистом, подобным Титусу Кроу; собственно, я едва не сделал Кроу героем рассказа. Но этого не случилось, поскольку Кроу был куда смелее, отважнее и… любознательнее? Уверен, что к самому концу рассказа вы поймете, что я имел в виду.

I

— **Ч**то касается того, почему я вас всех пригласил, и почему счел нужным заплатить каждому из вас по пятьсот фунтов за ваше время и хлопоты — ответ прост. Этот дом, похоже, преследует некий призрак, и я хочу от него избавиться.

Лорд Дэвид Мэрриотт был молод, с приятным голосом и аристократическими чертами. Дом, о котором шла речь, представлял собой большое нелепое архитектурное сооружение туманного и сомнительного происхождения. Он мрачно возвышался в окружении молчаливых дубов посреди бесплодной пустоши.

Перед лордом Мэрриоттом сидели четверо: бодрый восьмидесятилетний Лоренс Дэнфорд, бывший священник, так называемые «медиумы» Джонатан Тернбулл и Джейсон Лэйвери, каждый из которых считал себя «специалистом» своего дела, и я, старый друг семьи, чье имя не имеет

значения, поскольку я не играл в происходящем особой роли. Я просто присутствовал в качестве наблюдателя и советника, если хотите, из-за чего с самого начала не пользовался особой симпатией.

Дожидаясь прибытия остальных, я провел с Дэвидом Мэрриоттом в старом доме целый день, узнав кое-что из истории дома и связанной с ним легенды. Теперь же я сидел в уюте и тепле, пока хозяин обращался к троим гостям с бокалом превосходного шерри в руке, глядя на потрескивавшие в большом камине поленья. Но внезапно от его слов мне стало не по себе, и я ощутил легкий озноб.

— Вы двое, — улыбнулся Дэвид медиумам, — примените свои особые таланты для того, чтобы обнаружить и определить источник зла, если таковой действительно существует; а вы, сэр, — обратился он к старому священнику, — попытаетесь изгнать несчастное… существо?.. как только мы выясним, кем или чем оно является. — Моя невольная тревога привлекла его внимание, и он, нахмурившись, повернулся ко мне: — Тебя что-то беспокоит, друг мой?..

— Прошу прощения, что прервал тебя, Дэвид, — извинился я, — но я немного подумал, и…

в общем, этот твой план меня тревожит.

Гости лорда Мэрриотта взглянули на меня с некоторым удивлением, словно впервые заметив мое присутствие. Хотя, конечно, нас представили друг другу; в конце концов, они все были специалистами, в то время как я всего лишь наблюдателем. Тем не менее, хотя я никогда не обладал никакими особыми паранормальными способностями (и даже если бы обладал, то наверняка никогда не пытался бы их применить), я кое-что знал в своей области и всегда интересовался подобными вещами.

Кто знает — может, у меня и впрямь есть некое шестое чувство, ибо, как я уже говорил, у меня возникло внезапное и почти необъяснимое дурное предчувствие, не имевшее ничего общего с температурой воздуха в библиотеке. Остальные, несмотря на все их хваленые особые способности, похоже, ничего не ощущали.

— Мой план тебя тревожит? — переспросил, наконец, лорд Мэрриотт. — Ты мне об этом раньше не говорил.

— Раньше я не знал, что ты в точности имеешь в виду. Да, я согласен, что этот дом нуждается в изгнании злого духа, что с ним явно что-то не так, но я вовсе не уверен, что вам следует выяснять,

что именно вы намерены изгнать.

— Гм… да, думаю, могу с этим согласиться, — кивнул седой головой старый Дэнфорд. — Естественно, суть, грррм, дела состоит в том, чтобы избавиться от этой твари, чем бы она ни была. Не то чтобы, — поспешно добавил он, — я хотел оставить этих двоих джентльменов без работы, как бы я ни был против, грррм, спиритизма и прочих подобных штучек.

Он повернулся к Тернбуллу и Лэйвери.

— Вовсе нет, сэр, — с легкой улыбкой заверил его Лэйвери. — Нам заплатили вперед, как и вам, независимо от результатов. Так что мы будем поступать так, как лорд Мэрриотт сочтет нужным. Мы, однако, не спириты, но в любом случае, если наши услуги больше не потребуются… — Он пожал плечами.

— Нет, с этим никаких вопросов, — тут же сказал хозяин дома. — Советы моего доброго друга высоко ценились в моей семье в течение многих лет, но он первым готов признать, что не является специалистом в данной области. Я, однако, разбираюсь в ней еще меньше, и времени у меня крайне мало — мне никогда ни на что не хватало времени! Вот почему я поручил ему узнать все возможное об истории этого дома, чтобы дать

вам, джентльмены, исходный материал для размышлений.

И, уверяю вас, отнюдь не простое любопытство вынуждает меня искать источник здешних неприятностей. Я намерен продать дом, а потенциальные покупатели просто не захотят провести в нем долгое время, чтобы должным образом оценить его качества! И потому, если мы собираемся покончить с чем-то, с чем, вероятно, следовало покончить уже давно, я хочу знать, что это. Черт побери, эта тварь доставила мне немало хлопот!

Так что, прошу вас, давайте не будем больше обсуждать симпатии и антипатии, или что стоит, а чего не стоит делать. Все будет так, как я запланировал. — Он снова повернулся ко мне: — А теперь, не будешь ли ты так добр вкратце изложить результаты своих исследований…

— Хорошо. — Я пожал плечами в знак согласия. — Поскольку я уже дал понять, что сам думаю по этому поводу… — Зная Дэвида, я понимал, что дальнейший спор не имеет смысла; он уже все решил. Перелистав лежавшие у меня на коленях заметки, я затянулся трубкой и начал: — Как ни странно, дом в его нынешнем виде относительно новый, ему не более двухсот пятидесяти лет. Но он

был построен на руинах более древнего здания, происхождение которого крайне сложно определить. Однако существуют местные легенды, и всегда находились те, кто записывал истории о странных старых домах. Первоначальный дом вкратце упоминается в текстах, относящихся почти к временам завоеваний Рима, но на этом месте уже намного раньше жили люди — некое племя друидов, или что-то в этом роде. Позднее здесь возникла своего рода крепость, возможно, небольшой замок; остатки земляных укреплений в виде холмов, насыпей и рвов можно найти в окрестностях даже сегодня.

Конечно, нынешний дом, достаточно большой по современным понятиям, невелик по сравнению с оригиналом; он представляет собой всего лишь крыло древнего сооружения. Во время реконструкции примерно восемьдесят лет назад, когда Мэрриотты впервые стали его владельцами, под ним был найден обширный подвал — настоящий лабиринт из туннелей, залов и ходов. И с тех пор обнаружились некоторые факты, указывавшие на его давнее предназначение.

Похоже, это крыло дома являлось чем-то вроде святилища, ибо в нем находился грубый жертвенный камень, два примитивных, похожих на

купели, бассейна, несколько отталкивающих скульптурных изображений горгулий или неких «богов» и прочие крайне древние орудия и предметы. Большинство из них перешли в попечение тогдашнего куратора отдела древностей Британского музея, но скульптуры были разрушены и уничтожены. В записях ничего не говорится о том, почему…

Но вернемся к временам правления Якова I.

Тогда здесь жила семья, видимо, принадлежавшая к знатному роду, который, однако, пришел в начале семнадцатого века в серьезный упадок или поссорился с властями, а может быть, и с самим монархом — поскольку имя его так и не удалось узнать. Похоже, по какой-то причине, вероятно, весьма позорной, их фамилия была стерта из всех записей и документов того времени!

Перед пожаром, полностью уничтожившим главное здание в 1618 году, имели место некие взаимоотношения и интриги между его безымянными обитателями, де ла Поэрами из Экхамского монастыря возле Энчестера, и загадочной эзотерической сектой монахов, обитавших в полуразрушенном замке Фэлстоун в Нортумберленде. Что касается вышеупомянутой секты, то ее полностью уничтожили разбойники с Севера

— клан, который якобы разгневала «языческая деятельность» монахов. Руины замка были разобраны вплоть до последнего камня, так что сегодня лишь немногие историки могут показать даже место, где он находился!

Что касается де ла Поэров, то с их семьей связано множество зловещих мифов и легенд, так же как и с их местопребыванием в Энчестере. Достаточно сказать, что в 1923 году монастырь был взорван, так что от него не осталось даже фундамента, а последний представитель рода оказался под замком в приюте для безнадежно умалишенных.

Таким образом, связи жившей здесь безымянной семьи можно отнести к числу весьма сомнительных, по крайней мере, по тогдашним понятиям, и, вполне вероятно, что именно они стали причиной упадка их рода и его исчезновения.

Добавим ко всему этому местные слухи, ходившие в окрестных селениях в течение лет трехсот, — в основном необоснованные страхи и бабушкины сказки, которых с незапамятных времен хватало, чтобы дети и взрослые держались подальше от этого дома, земли и леса, — и вы начнете кое-что понимать в окружавшей это

место ауре. А может, вы даже сейчас ощущаете эту ауру? Я точно ощущаю, а я ведь ни в коей мере не медиум и не экстрасенс.

— И чего же именно боятся местные жители? — спросил Тернбулл. — Не могли бы вы нас просветить?

— Странных теней, появляющихся на тропинках и дорогах; светящихся сетей, которые будто натянуты между деревьями, словно огромная паутина, и исчезают при свете дня; и, возможно, в связи с этим стоит упомянуть барельефы в подвале.

— Барельефы? — переспросил Лэйвери.

— Да, на стенах. На них были какие-то надписи, но на непонятном никому языке, почти иероглифы.

— Дом купил мой прадед, — объяснил Дэвид Мэрриотт. — Он был весьма начитанным человеком и хорошо разбирался во многих необычных вещах. Когда открыли подвал и он увидел иероглифы, он сказал, что они имеют отношение к культу некоего странного божества из загадочного и почти неизвестного мифа. Позднее он велел залить цементом большую часть подвала, заявив, что из-за него дом отсыревает, а фундамент становится ненадежным.

— Культ некоего странного божества? — подал голос старый Дэнфорд. — Какого именно? Какой-нибудь похотливой твари, которую притащили с собой римляне?

— Нет, еще старше, — ответил я за лорда Марриотта. — Намного старше. Культ паука.

— Паука? — презрительно фыркнув, снова переспросил Лэйвери.

— Все не столь смешно, как могло бы показаться, — сказал я. — Три года назад один пожилой, но до сих пор бодрый джентльмен снял этот дом на шесть недель. Будучи антропологом и автором нескольких книг, он нуждался в уединении, и если бы его все устроило, он собирался купить дом. На пятой неделе его увезли отсюда полностью обезумевшим!

— Грррм? Обезумевшим? — переспросил старый Дэнфорд.

Я кивнул.

— Да, он лишился рассудка и прожил после этого меньше полугода, все время бредя о существе по имени Атлач-Нача — бог-паук из Мифов Ктулху, — чей призрак, по его словам, до сих пор обитает в доме и под ним.

На этот раз заговорил Тернбулл.

— Вот уж действительно! — бросил он. — Чест-

но говоря, боюсь, что так мы быстро перейдем от возвышенного к смешному!

— Джентльмены, прошу вас! — в голосе лорда Мэрриотта чувствовалось раздражение. — Какое это имеет значение? Теперь вы знаете все, что известно на данный момент о сути нынешних проблем — более чем достаточно, чтобы выполнить работу, за которую вам заплатили. Лоренс, — он повернулся к Дэнфорду, — у вас есть возражения?

— Грррм! Что ж, если здесь действительно демон, то есть нечто, не являющееся Божьим созданием, то, конечно, я сделаю все возможное, чтобы вам помочь. Грррм! Само собой.

— А у вас, Лэйвери?

— Возражения? Нет, уговор есть уговор. Я получил ваши деньги, и вы получите ваши… звуки.

Лорд Мэрриотт кивнул, поняв, что имеет в виду Лэйвери. Талант медиума заключался в способности разговаривать на языке призраков и духов. Однако, если призрак не принадлежал человеку, произносимые медиумом звуки могли сильно отличаться от речи в обычном смысле этого слова. Они могли быть просто… звуками.

— Остались только вы, Тернбулл.

— Не беспокойтесь, лорд Мэрриотт, — отве-

тил Тернбулл, стряхивая воображаемую пыль с рукавов. — У меня тоже нет никакого желания нарушать честную сделку. Я пообещал сделать автоматический набросок незваного гостя, с помощью искусства, которым хорошо владею, и если все пойдет хорошо, так оно и будет. Честно говоря, не вижу ничего такого, чего следовало бы бояться. Был бы рад услышать какие-то объяснения от нашего друга, который, как мне кажется, попросту делает все возможное, чтобы нас напугать.

Он вопросительно наклонил голову, глядя на меня. Я поднял руки и покачал головой.

— Джентльмены, я всего лишь хотел, чтобы вы знали о моем… да, предчувствии! Мне кажется, будто сам воздух здесь насыщен аурой… — я нахмурился. — Возможно, «катастрофа» будет чересчур сильным словом.

— Катастрофа? — привычно переспросил старый Дэнфорд. — Что вы имеете в виду?

— Честно говоря, не знаю. Это всего лишь ощущение, и оно тесно связано с желанием лорда Мэрриотта знать своего врага, определить природу таящегося здесь зла. Да, все дело именно в этом, и в том, что все вы готовы помочь.

— Но… — начал молодой лорд, едва сдерживая

гнев.

— Хотя бы выслушайте меня, — возразил я. — А потом… — я пожал плечами. — Потом… можете делать, что сочтете нужным.

— Вряд ли кому-то будет хуже, если мы его выслушаем, — поддержал меня старый Дэнфорд. — Мне лично все это кажется крайне интересным, и я хотел бы услышать его аргументы.

Остальные медленно кивнули, один за другим, словно нехотя соглашаясь.

— Хорошо, — тяжело вздохнул лорд Мэрриотт. — Что же тебя столь беспокоит, друг мой?

— То, что тебе так хочется узнать своего… противника. Вот в чем опасность! И, тем не менее, Лэйвери готов заговорить голосом этого существа, что даст нам лишь больше знаний о нем, а Тернбулл с радостью впадет в транс и нарисует его, так что мы сможем точно узнать, как оно выглядит. И что потом? Не понимаешь? Чем больше мы узнаем о нем, тем больше оно узнает о нас!

В данный момент это существо — призрак, демон, «бог», привидение, называйте, как хотите, пребывает в некоем ином измерении, проявляя себя в нашем мире редко и не полностью. Но узнать о нем, как понял наш безумный антрополог и как полагали суеверные местные жители,

означает привлечь его из неведомой тьмы в нашу вселенную, наделить его сущностью, принять участие в его материализации!

— Ха! — фыркнул Тернбулл. — И вы еще говорите о суеверных деревенских жителях! Прежде чем мы продолжим, поймите одну вещь — ни Лэйвери, ни я не верим в сверхъестественное, в том смысле, как это понимает невежественное большинство. Да, мы верим в существование иных вселенных, и в то, что они обитаемы; более того, мы верим, что иногда можем заглянуть в чужие миры, отличные от того, в котором мы родились. В этом мы мало чем отличаемся от ученых, людей, наделенных редкими способностями, и каждый эксперимент, в котором мы принимаем участие, ведет нас дальше по пути открытий. Речь идет не о призраках или демонах, сэр, но о научном феномене, который однажды может открыть перед нами совершенно новые перспективы. Повторяю еще раз — бояться абсолютно нечего!

— С этим я не могу согласиться, — ответил я. — Вам должно быть не хуже меня известно о хорошо документированных случаях…

— Самогипноза! — вмешался Лэйвери. — Почти в каждом случае, когда эксперименты медиумов

заканчивались трагически, находились доказательства, что они стали жертвой самогипноза.

— И это еще не все, — добавил Тернбулл. — Все они верили в сверхъестественное. Мы же, с другой стороны…

— Но что насчет тех хорошо документированных случаев, о которых вы упоминали? — подал голос Дэнфорд. — Что это за случаи?

— Случаи внезапной насильственной смерти! — ответил я. — Случай с медиумом, который спал в комнате, где когда-то жил убийца-душитель, и которого нашли на следующее утро задушенным, хотя в комнате не было окон, и она была заперта изнутри! Случай с экзорцистом, — я бросил короткий взгляд на Дэнфорда, — который пытался найти и уничтожить некое серое существо, наводившее ужас на одно шотландское кладбище. По легенде, этот монстр раздавливал головы своих жертв. Что ж, любопытство погубило экзорциста — его нашли с раздавленной головой и вытекшими из ушей мозгами!

— И вы думаете, все это из-за… — начал Дэнфорд.

— Не знаю, что по этому поводу думать, — прервал я его, — но факты определенно говорят сами за себя. Те, о ком я упоминал, и многие другие

пытались понять сущность того, что следовало бы оставить в покое. А потом, когда было уже слишком поздно, каждый из них узнал… нечто, и оно узнало их! То, что я думаю, на самом деле не имеет значения; важно то, что всех этих людей больше нет. И, тем не менее, сегодня вы намерены начать подобный эксперимент, желая узнать то, чего на самом деле вам знать не следует. Что ж, удачи. Лично я не хочу в этом участвовать, и уйду до того, как вы начнете.

При этих словах лорд Мэрриотт подошел ко мне и заботливо взял меня за руку.

— Ты обещал, что будешь наблюдать за происходящим вместе со мной.

— Я не брал твоих денег, Дэвид, — напомнил я.

— За что я еще больше тебя уважаю, — ответил он. — Ты пожелал присутствовать здесь просто как друг. Что же касается того, что ты передумал… Останься хотя бы ненадолго.

Вздохнув, я неохотно кивнул. Все-таки дружеские узы связывали нас с детства.

— Как пожелаешь, но если я сочту, что с меня достаточно, не пытайся помешать мне уйти.

— Даю слово, — тотчас же ответил он, коротко сжав мою руку. — А теперь немного поедим и выпьем, подбросим еще одно полено в огонь, а

потом можно начинать…

II

К тому времени, когда мы собрались вокруг тяжелого круглого дубового стола, стоявшего на паркетном полу посреди библиотеки, готовясь к демонстрации эзотерических способностей Лэйвери, уже наступили осенние сумерки. Остальные трое вели себя оживленно, даже слегка возбужденно, виной чему, несомненно, был превосходный шерри, на который не скупился Дэвид. И сам хозяин, похоже, тоже пребывал в прекрасном расположении духа. Но на меня это подействовало мало, а небольшое количество выпитого мной вина лишь усилило атмосферу страха, казалось, давившую на меня со всех сторон. Меня удерживало лишь обещание, которого добился от меня мой друг, и только оно вынуждало меня участвовать, по крайней мере, поначалу, в том, что должно было произойти.

Наконец, Лэйвери объявил, что готов начинать, и попросил нас соблюдать тишину. По требованию медиума в комнате выключили свет, и лишь потрескивающие поленья в большом камине отбрасывали вокруг красно- оранжевые тени.

Эксперимент не включал в себя никаких обыч-

ных атрибутов, столь любимых мистиками и спиритами; мы не сидели, соприкасаясь мизинцами в неразрывном кругу, и Лэйвери не просил нас сосредоточиться на чем бы то ни было. Под монотонное тиканье старинных настенных часов медиум закрыл глаза и откинул голову на высокую спинку кресла. Все мы пристально наблюдали за ним.

Постепенно дыхание его становилось все глубже, движения груди стали размеренными. Затем, прежде чем мы успели что-либо понять, руки его сжались на кожаных подлокотниках кресла, а рот начал судорожно дергаться. У меня кровь застыла в жилах, и я уже поднялся было на ноги, когда лицо его вновь неподвижно застыло. Затем губы Лэйвери приподнялись, обнажив зубы, и он несколько раз быстро закрыл и открыл рот, словно скрежеща зубами в идиотской ухмылке. Однако так продолжалось всего секунду или две, и вскоре лицо его снова расслабилось. Неожиданно осознав, что все еще стою, склонившись над столом, я заставил себя сесть.

Лицо медиума залила смертельная бледность, костяшки его пальцев, сжимавших подлокотники, побелели. В это мгновение я мог бы поклясться, что температура в комнате резко поднялась.

Остальные, казалось, этого не замечали, чересчур увлеченные движениями кадыка Лэйвери, чтобы обращать внимание на что-либо еще. Мясистая шишка медленно перемещалась вверх и вниз вдоль всей его шеи, в то время как горло расширялось и сжималось, словно в спазме. Наконец, Лэйвери заговорил — и при этих звуках я почувствовал, как кровь стынет у меня в жилах!

Ибо шипение, хрип и бессвязные звуки, вырывавшиеся изо рта Лэйвери, не имели ничего общего с человеческим голосом. Подобного языка наверняка никогда не существовало не только в нашем мире, но и во всей вселенной. Это был голос… некоего чудовища!

В промежутках между безумным кашлем, свистом и кудахтающим хохотом иногда прорывалось сочетание понятных звуков, примерно напоминавших наше произношение имени «Атлач-Нача»; но понял я это лишь тогда, когда Лэйвери с диким воплем опрокинул кресло, словно некая сила отшвырнула его назад, и начал биться в судорогах на полу.

Поскольку я сидел за столом прямо напротив Лэйвери, возле него я оказался последним. Лорд Мэрриотт уже был рядом, прижав его к полу и удерживая на месте. Старый Дэнфорд пятился в

самый дальний угол комнаты, выставив перед собой руки, словно пытаясь отогнать самое черное из всех зол. Я поспешил к нему, но он оттолкнул меня и направился прямо к двери.

— Дэнфорд! — крикнул я. — Что, черт побери… — Но тут я увидел его выпученные глаза, несчастный дрожал всем телом. Он боялся за собственную жизнь, и, увидев его в таком состоянии, я на мгновение забыл о своем собственном ужасе. — Дэнфорд, — уже спокойнее повторил я, — с вами все в порядке?

К этому времени Лэйвери уже сидел на полу, неуверенно озираясь по сторонам. Лорд Мэрриотт подошел ко мне. Дэнфорд открыл дверь библиотеки и повернулся к нам. Лицо его было смертельно бледным, руки дрожали. Спотыкаясь, он вышел из комнаты в коридор, ведший к входной двери.

— Исчадие ада! — наконец прохрипел он, без своего привычного «Грррм!». — Чудовище… исчадие ада… да поможет нам Бог…

— Чудовище? — переспросил Мэрриотт, беря его за руку. — Что случилось, Дэнфорд?

Старик стряхнул его руку. Похоже, он несколько пришел в себя, но лицо его все еще оставалось пепельно-серым, и он не мог сдержать дрожь.

— Чудовище, да, — хрипло ответил он, — адское

чудовище! Я не стал бы даже пытаться изгнать… такое!

Он повернулся и, пошатываясь, направился по коридору к выходу.

— Куда вы, Дэнфорд? — крикнул ему вслед Мэрриотт.

— Прочь, — послышался его голос от двери. — Прочь отсюда. Я… я буду на связи, Мэрриотт, но я не могу сейчас здесь оставаться.

Дверь за ним захлопнулась, и несколько мгновений спустя послышался шум двигателя его автомобиля.

Когда звук отъезжающей машины стих, лорд Мэрриотт ошеломленно повернулся ко мне.

— Что все это значит? — спросил он. — Думаешь, он что-то видел?

— Нет, Дэвид, — покачал я головой, — вряд ли он что-то видел. Но, полагаю, он что-то почувствовал, возможно, нечто очевидное для него как для священника, и сбежал, прежде чем оно почуяло его самого!

* * *

Мы остались в доме на ночь, но, несмотря на наличие спален, все мы предпочли остаться в библиотеке, сидя в плетеных креслах вокруг

большого камина. Лично я был очень рад компании, хотя никому об этом не говорил, и не мог избавиться от мысли, что и остальные сейчас испытывают не меньшую тревогу.

Дважды я просыпался в огромной молчаливой комнате, и оба раза подбрасывал дрова в тлеющий огонь. Поскольку огонь в камине горел всю ночь, я мог лишь предположить, что, по крайней мере, еще одному из нас тоже не спалось…

Утром, после скромного завтрака (в доме лорда Мэрриотта не осталось прислуги, и нам пришлось обходиться собственными силами), пока остальные ходили вокруг, разминая ноги, или приводили себя в порядок, Дэвид, беспокоясь за старого священника, позвонил ему домой. Экономка Дэнфорда сообщила, что ее хозяин дома не ночевал. Он в спешке примчался домой около девяти вечера, собрал чемодан, сказал ей, что уезжает «на север» отдохнуть несколько дней, и сразу же отправился на вокзал. Она также сказала, что ей не понравился цвет его лица.

Пальто старика все еще висело на подлокотнике кресла в библиотеке, где он оставил его вчера вечером. Я повесил его на вешалку, думая, вернется ли сюда когда-нибудь Дэнфорд, чтобы его забрать.

Лэйвери, со взъерошенными волосами и мешками под глазами, жаловался на адскую головную боль, причиной которой считал чрезмерное количество выпитого шерри, но я точно знал, что вчера вечером, перед своей впечатляющей демонстрацией, он превосходно себя чувствовал. Что касается самой демонстрации, медиум утверждал, что ничего не помнит. Но, тем не менее, ему явно было не по себе — он постоянно бросал вокруг испуганные взгляды и вздрагивал при малейшем неожиданном движении, так что, похоже, нервы его серьезно пострадали.

Мне вдруг пришло в голову, что это наверняка он помогал мне ночью, поддерживая огонь в камине. Так или иначе, вскоре после обеда, еще до наступления сумерек, он извинился перед всеми и уехал. Почему-то я знал, что так оно и случится. И таким образом, нас осталось трое… трое из пятерых.

Но, если необъяснимый отъезд Дэнфорда прошлым вечером привел лорда Мэрриотта в уныние, а преждевременный уход Лэйвери также не прибавил никому хорошего настроения, по крайней мере, Тернбулл оставался на стороне хозяина дома. Несмотря на отсутствие Дэнфорда, Тернбулл намеревался выполнить свою часть

плана; экзорциста можно было найти и позже, если это действительно потребуется. И уж наверняка ему не требовалось присутствие Лэйвери. Более того, он вообще хотел, чтобы его оставили в доме одного. Он уверял нас, что только так он сможет работать и что пребывание в старом доме в одиночку его нисколько не пугает. В конце концов, чего тут бояться? Это ведь всего лишь еще один эксперимент, верно?

Сейчас, вспоминая те события, я чувствую себя виноватым, что не стал спорить с Тернбуллом, намеревавшимся остаться в доме на ночь, чтобы нарисовать портрет нежелательного жильца, но он столь надменно относился к моим доводам, столь был уверен в своих теориях и принципах, что я не стал возражать. Так что мы втроем провели вечер, читая и куря перед камином, а когда наступили сумерки, лорд Мэрриотт и я собрались уходить.

А потом, когда на окружавшие сад дубы опустилась ночь, я вновь ощутил давящий гнет неведомых сил, рассеянных во внезапно потяжелевшем воздухе.

Возможно, лорд Мэрриотт тоже впервые это почувствовал, поскольку нежелание покидать дом у него вдруг пропало; напротив, он сразу

же заторопился, что было для него необычно, а пока мы ехали в его машине в сторону местной гостиницы, я заметил, что он пару раз невольно вздрогнул. Я не стал ничего говорить — все-таки ночь была прохладной…

В «Приюте Путника», где дела шли довольно средне, мы тщательно осмотрели наши комнаты, прежде чем в них устроиться. До десяти вечера мы играли в карты, но мысли наши были не об игре. Чуть позже половины одиннадцатого Мэрриотт позвонил Тернбуллу, чтобы спросить, все ли у него хорошо. Он вернулся от телефона, ворча, что Тернбулл совершенно неблагодарная личность. Он даже не сказал лорду Мэрриотту спасибо за заботу. Ему требовалось полное уединение, без каких-либо контактов с внешним миром, и он жаловался, что теперь ему потребуется больше часа, чтобы войти в транс. После этого он мог начать рисовать почти сразу, или посреди ночи, или эксперимент мог вообще не удаться. Все зависело от обстоятельств, и бесполезные помехи отнюдь не способствовали успеху.

Мы оставили его в кресле перед горящим в камине огнем. На столе рядом с ним расположились бутылка вина, тарелка с бутербродами, блокнот и карандаши. Стол этот он намеревался поставить

прямо перед собой, прежде чем заснуть, или, как он говорил, «войти в транс». А пока что он сидел в одиночестве в огромном старом доме…

Прежде чем лечь спать, мы приготовили легкий ужин из бутербродов с курицей, хотя ни у кого из нас не было особого аппетита. Не знаю, как Мэрриотт, но что касается меня, то я не мог заснуть до рассвета…

Утром мой титулованный друг уже стоял возле моей двери, когда я только умывался. Вид у него был необычно оживленный, но я чувствовал, что ему не терпится вернуться в старый дом, не только из желания узнать результат эксперимента Тернбулла, но и потому, что больше всего его сейчас волновало, не случилось ли с тем что-нибудь плохое. Как и у меня, его дурные предчувствия по поводу таинственного обитателя дома за ночь лишь усилились, и сейчас его могло успокоить только одно, — если бы медиум оказался цел и невредим.

Но что в доме могло ему повредить? Опять-таки, все тот же вопрос.

Ночью сильно подморозило, впервые за сезон; живые изгороди и коньки крыш побелели от снега. И на полпути через лес, на длинной, усыпанной гравием дороге, ведшей в сторону дома,

случилось ужасное! Свернув в сторону, лорд Мэрриотт выругался, нажал на тормоза, и машина со скрежетом остановилась. Посреди дороги лежала неподвижная фигура, белая с серым и… ужасающе красным.

Это был Тернбулл, замерзший, в луже собственной заледеневшей крови. Руки и ноги его были вывернуты в смертельной агонии, остекленевшие глаза в ужасе уставились на то, что лорд Мэрриотт и я вряд ли могли себе представить. Тысячи круглых отверстий диаметром примерно в полдюйма усеивали его тело, лицо, руки и ноги, словно он стал жертвой некоего вооруженного дрелью маньяка! На покрытой инеем траве точно такие же отверстия вместе с отпечатками бегущих ног Тернбулла образовывали след, ведший от дома к этому месту.

Несмотря на все мои протесты, бледный и дрожащий от пережитого потрясения лорд Мэрриотт все же сумел проехать остаток пути до дома. Мы вышли из машины, и он вошел в распахнутую настежь дверь. Я остался снаружи, судорожно сжимая руки и онемев от ужаса.

Примерно через минуту он, спотыкаясь, подошел к двери. В руке он держал листок из блокнота Тернбулла. Прежде чем я успел отвести взгляд, он

сунул мне почти законченный набросок, крича:

— Смотри! Смотри!

Я увидел нечто шарообразное, черное, волосатое и красноглазое — тарантула, летучую мышь, дракона, — членистые ноги которого заканчивались острыми хитиновыми когтями. Всего лишь один взгляд, без каких-либо запоминающихся деталей, и все же…

— Нет! — закричал я, закрыв лицо руками, повернулся и бросился бежать по дорожке. — Не показывай, дурак! Я не хочу знать! Не хочу знать!

Проклятие золотых стражей[15]

Действие моей трилогии «Изначальная земля» происходит в забытые доисторические времена, когда Мать-Природа еще не решила, какими способностями человеку следует обладать, а какими не следует — времена чародеев и странных существ! Полуварвар Тарра Хаш — бродяга-хроссак, склонный к приключениям степняк, чьи странствия забрасывают его в самые разные уголки Изначальной земли. В те древние времена наша Земля была намного ближе к эре Ктулху; факты о Его существовании еще не считались чем-то эзотерическим, и некоторые темные маги той эпохи усердно изучали Его и легенды о Нем, особенно в поисках бессмертия. Они даже построили храмы Ктулху и других созданий из Его круга, некоторые из которых оказались затеряны, подобно гробницам фараонов в намного более поздние времена. В «Проклятии золотых стражей» Тарра Хаш наталкивается именно на такое

---

[15] notes: 15

“Curse of the Golden Guardians”, from The Compleat Khash, Vol. 1,Weirdbook Press, 1991.
Плешков К. П., перевод на русский язык, © 2018.

место, а затем встречается с теми, кто его охраняет. Рассказы об Изначальной земле были написаны в начале 1980-х годов, этот же рассказ — в феврале 1984-го. Впервые он был опубликован в издательстве У. Пола Гэнли «Вейрдбук Пресс», в первом томе «Полного собрания историй о Хаше» (1991) вместе с пятью другими рассказами.

I

Исхудавший до предела и обгоревший почти дочерна под лучами безжалостного солнца, Тарра Хаш вышел из Безымянной пустыни к серым и зловещим подножиям гор, которые словно насмехались над его когда-то точным чувством направления, пострадавшим от лишений и песчаной слепоты. Ибо окутанные туманом вершины над подножиями могли быть лишь южной оконечностью гор Лохми, и это означало, что хроссак шел на восток, слегка отклоняясь к северу, а не к юго-востоку, в сторону своих любимых и давно брошенных степей.

Другой, возможно, выругался бы при виде возвышающихся вдали в бледном предутреннем свете каменных шпилей, но Тарра Хаш был настоящим хроссаком, несмотря на всю свою страсть к путешествиям, и не собирался оплаки-

вать собственную судьбу. Чем тратить зря силы, куда разумнее было оценить ситуацию и заново решить, что делать дальше. В самом деле, может, оно и к лучшему, что он сбился с пути, поскольку здесь, по крайней мере, имелась вода, и в немалом количестве, если слух его не обманывал. Ведь он слышал именно шум водопада? И ему точно не почудилось, что его иссохшие ноздри ощутили в воздухе влагу и свежесть, столь же сладкие, как дыхание его собственной матери, и нисколько не похожие на сухие и едкие испарения пустыни.

Да, вода! Тарра облизнул пересохшие губы.

Более того, там, где есть вода, есть и животные, которые ее пьют, рыбы, которые в ней плавают, и лягушки, которые квакают в кустах по ее берегам; есть и птицы, которые ловят как лягушек, так и рыбу. Но даже если подобные мысли и вызвали улыбку на изможденном лице хроссака, другие соображения тут же заставили его нахмуриться. В своем воображении он рисовал не менее чем оазис, а ни один оазис не обходился без законных (или зачастую не вполне законных) хозяев и защитников — вероятно, горцев, хорошо известных своим диким нравом, или бродяг-полиглотов из пустыни, обосновавшихся на земле, наверняка казавшейся им изобильной.

Или… или, возможно, он придал чересчур большое значение обычному звуку, ощущению влаги в утреннем воздухе. В конце концов, он забрел сюда случайно, и столь же случайно мог оказаться первым, кто сюда забрел. И все же, лучше позаботиться о своей безопасности, чем потом жалеть.

На поясе Тарры висели несколько маленьких мешочков с золотом. Все остальное его имущество составляли набедренная повязка и висевшие наискось за спиной ножны, из которых торчала украшенная драгоценными камнями рукоять кривого церемониального меча — но лишь рукоять и несколько дюймов лезвия, поскольку остальное разлетелось вдребезги в бою. Тарра хранил сломанный меч не из-за его ценности как оружия, но из-за камней в его рукояти, стоивших целое состояние. За эти драгоценные камни можно было несколько раз купить собственную жизнь. Более того, любой, видевший торчащую из ножен рукоять, представлял за ней целый меч, а хроссак с кривой саблей всегда был силой, с которой следовало считаться.

Однако и драгоценные камни, и золото могли с тем же успехом оказаться чересчур большим искушением, и потому Тарра снял мешочки с пояса и закопал их под покрытым странной резь-

бой камнем. Так было лучше — мало кто стал бы рисковать собственной шеей ради пропотевшей набедренной повязки, а тем более пытаться отобрать у человека его личное оружие!

Тарра карабкался по камням и обрывам навстречу звуку льющейся воды и запаху водяной пыли, съев по пути убитую камнем ящерицу. И, наконец, через полмили то и дело мелькавшие среди скал серебристые искорки превратились в сверкающий водяной поток, низвергавшийся с высокого крутого утеса. К тому времени солнце тоже поднялось высоко, а жесткая трава и колючие кусты сменились цветами и деревьями, на которых росли небольшие плоды и орехи. Слышалось пение птиц, шелест травы и хрюканье дикой свиньи, рывшей суглинистую почву. Действительно, изобильная земля, но нигде не было никаких признаков человеческого присутствия, если не считать…

Если не считать дыма, который ощутили чуткие ноздри Тарры, а мгновение спустя и характерный запах костра и вызывающий слюну аромат свинины, с которой стекал сок, шипя на дымящихся раскаленных углях.

Что ж, неплохо! Сладкая свинина на завтрак и озерцо чистой воды, где можно смыть с кожи

въевшийся песок и освежить измученные суставы. Тара зашагал быстрее, влекомый манящим запахом, но не теряя бдительности, пока, наконец, не добрался до края большого, похожего на чашу углубления в широкой каменной террасе под нависающими утесами. Улегшись на живот, он медленно вытянул шею, пока не смог разглядеть выдолбленное водопадом озерцо внизу и его песчаные берега. И вот что предстало его слезящимся от песка и солнца глазам.

Озерцо было круглым, словно пупок юной девушки, а вода в нем — чистой и искристой, словно ее голубые глаза. В нем можно было отчетливо разглядеть плававших небольшими стайками рыбешек, а среди камышей вдоль плавно изгибающегося берега низко нависала над водой росшая в каменной расщелине ива. В тени ее зеленых ветвей сидел человек, на вид довольно старый, а у его ног горел костер. Дым костра почти вертикально поднимался к небу, и лишь небольшую его часть уносили в сторону брызги водопада.

На глазах у Тарры старик (если он действительно был стариком) насадил на крючок наживку, забросил леску в озерцо, и к ней тут же устремились любопытные рыбки. Хроссак оглянулся через плечо, потом через другое, но ничего не

увидел, кроме гор по одну сторону и пустыни по другую. А между ними лежало это потаенное озерцо, или даже озеро, учитывая его размеры. Расслабившись, Тарра снова окинул взглядом открывавшуюся перед ним картину, чувствуя, как рот наполняется слюной от аппетитного запаха жарящегося мяса. Рыба внизу захватила наживку и тут же вылетела из воды, извиваясь всем телом и сверкая чешуей, после чего присоединилась к нескольким собратьям, отливавшим серебром в небольшой ямке рядом с тем местом, где сидел старик. Тот снова наживил крючок, повернул вертел и отхлебнул из бурдюка. Тарра понял, что больше не может выдержать.

Из-за слишком крутого спуска велик был риск сломать ногу или даже шею; но неподалеку от того места, где водопад обрушивался в озеро, превращая воду в пенящееся молоко, виднелись вырубленные в камне террасы, похожие на ступени, и выступающие камни, за которые удобно было держаться. Никаких проблем…

Поднявшись, Тарра двинулся размашистым шагом вдоль края впадины в сторону водопада. Не доходя до него, он остановился и с помощью остатков меча вырезал лук, на который натянул в качестве тетивы свой пояс. Две прямые тонкие

ветки в роли неоперенных стрел — грубых, но действенных на близком расстоянии — и он был готов. Вот только…

Вряд ли разумно было появляться перед незнакомцем неожиданно, рискуя столкнуться со стремительной и, возможно, жестокой реакцией. Тарра подошел к вершине высеченных водой ступеней, небрежно оперся о большой валун и крикнул:

— Эй, привет!

Крик его отразился эхом от озера, смешавшись с грохотом падающей воды:

— Эй, привет… эй… эй… эй… привет… привет… привет!..

Одинокий рыбак внизу с трудом поднялся на ноги и увидел Тарру Хаша, спускавшегося к нему по скользким каменным террасам. Тарра помахал ему рукой, и старик несколько неуверенно помахал ему в ответ.

— Добро пожаловать! — услышал он хрипловатый старческий голос. — Добро пожаловать, незнакомец…

Тарра уже преодолел половину спуска. Остановившись, он крикнул:

— Не беспокойся, друг. Я почуял запах твоего мяса и слегка проголодался, только и всего. Впро-

чем, я ничего не стану у тебя просить, просто одолжи, если можешь, мне крючок, и я сам поймаю себе еду.

— Это вовсе ни к чему, — поспешил с ответом старик, явно воодушевившись. — Тут с лихвой хватит еды для нас обоих. Жареный поросенок и бурдюк вина… Как ты сюда попал? Странное место для путешественников, я бы сказал!

Оказавшись внизу Тарра шагнул к старику.

— Через Безымянную пустыню, где в это время довольно пыльно! — Он тряхнул головой, и над его плечами возникло пыльное облако. — Видишь?

— Садись, садись! — пригласил старик, уже полностью успокоившись. — Ты наверняка голоден и хочешь пить. Поешь, и хлебни сладкого вина.

— С радостью! — ответил Тарра Хаш. — Но самое сладкое, что я могу сейчас себе представить, — окунуться в хрустальные воды этого озера. Да что там, я готов выпить его досуха! Я быстро.

Бросив самодельный лук и стрелы, он шагнул к краю озера. Ножны и рукоять меча остались на месте, надежно привязанные к спине.

— Осторожно, сынок! — предупредил старик, голос которого звучал словно дребезжание сухих костей в чашке, — но хроссак уже нырнул

в прохладную, живительную воду. — Осторожно! — снова послышалось предупреждение, когда голова его появилась над поверхностью. — Не заплывай слишком далеко. В середине водоворот, который может утянуть тебя на дно, и пикнуть не успеешь! — Он щелкнул пальцами.

Рассмеявшись, Тарра прополоскал рот от песка, перевернулся на спину и выпустил фонтан, словно кит. Но старик был прав — он уже чувствовал тягу мощного водоворота. Тарра направился к берегу, крича:

— Не волнуйся! У меня нет никакого желания плавать, для меня это, в лучшем случае, пустая трата сил. Просто на мне был столь толстый слой пыли, что я устал таскать его на себе! Хо!

Он выбрался из воды. Вскоре, сидя по разные стороны костра, оба молча разглядывали друг друга. Старик, судя по его виду, был вполне цивилизованным человеком, возможно, из Клюна, хотя хроссак не мог даже предположить, что ему могло здесь понадобиться. Коренастый и невысокий, с хриплым голосом, он носил свободные коричневые одежды на манер кочевников, с капюшоном, защищавшим голову от солнца. Из-под капюшона торчала шапка спутанных седых волос, обрамлявших морщинистое лицо. Глубоко

посаженные слезящиеся серые глаза смотрели внимательно. О возрасте его говорили узловатые руки и иссохшие и посеревшие ноги в открытых кожаных сандалиях. Да, вне всякого сомнения, он был очень стар, и все же…

Старик отвлек Тарру от его размышлений, сняв с вертела дымящийся кусок мяса величиной с кулак и передав его над костром на острой палке.

— Ешь, — проворчал он. — Безымянная пустыня не друг пустому брюху.

Чувствуя, как под лучами солнца испаряется вода с его спины, Тарра вгрызся в мясо, глядя на озеро и лениво покачивая ногой в воде. И пока он рвал зубами податливую свинину, старик внимательно изучал его.

Это был явно хроссак, кожа которого под волдырями и ссадинами была столь же бронзовой, как и великие гонги в храмах ледяных жрецов Хриссы. Степняки не отличались хитростью и коварством, и им, как правило, вполне можно было доверять. В Клюне издавна считалось, что если хроссак с тобой подружился, он будет твоим другом на всю жизнь. С другой стороны, лучше было их не злить, если только ты точно не уверен, что тебе это сойдет с рук…

Старик продолжал пристально разглядывать

Тарру.

Хроссак был высок, и, несмотря на его нынешнюю худобу, под истерзанной солнцем и песком кожей проступали мускулы. Блестящие взъерошенные каштановые волосы, после того как с них смыли пыль и грязь; глаза столь темно-карие, что казались черными; длинные руки и ноги, широкие, как у северного варвара, плечи; крепкие белые зубы в широком, часто улыбающемся рту — да, он выглядел симпатичным парнем, этот степняк, но, вне всякого сомнения, был столь же глуп, как и любой другой из них. Или скоро таковым окажется.

— Я Хадж Дизм, — сообщил старик. — Единственный, оставшийся в живых из каравана, шедшего из Эйфры. Мы почти преодолели горный перевал и направлялись к Хланги, где собирались пополнить запасы воды по пути в Клюн. В восточных предгорьях на нас напали из засады горные разбойники. Я притворился мертвым, как и еще двое…

Тарра быстро огляделся, продолжая жевать и стараясь ничего не упустить.

— Да, — кивнул Дизм, — нас было трое, я и двое молодых бойцов.

Тарра почти физически почувствовал, как ста-

рик прикусил губу. Что ж, решил он, не стоит настаивать. Похоже, старик предпочел оставить свои тайны при себе. В любом случае, проще было сменить тему.

— Я Хаш, — сказал он. — Для друзей Тарра. Я иду в Хроссу — по крайней мере, должен был! Наверное, отдохну здесь день-другой, а потом двинусь дальше. Если хочешь, пойдем со мной; или твоя цель — по-прежнему Хланги Проклятый?

Старик пожал плечами.

— Я еще не решил. Мне говорили, что в Хланги живут разбойники, а твоя Хросса тоже довольно… дикая?

— Со мной тебе ничего не грозит, а с Клюном ведется морская торговля, хотя, должен признаться, не слишком оживленная. Впрочем, я отсутствовал большую часть года, и отношения вполне могли улучшиться. Одно могу сказать наверняка: если человек может жить по средствам, то в Хроссе он будет желанным гостем.

— Жить по средствам! — хрипло рассмеялся старик. — Что ж, это я вполне могу. Я мог бы даже заплатить тебе, чтобы ты охранял меня по пути в Хланги, если у тебя есть такое желание.

Он полез под одежду и извлек несколько золотых самородков, каждый размером с большой

палец.

Тарра моргнул.

— Так ты богатый купец, Хадж Дизм, или, во всяком случае, состоятельный человек? Что ж, я рад был бы тебе помочь. Но нет, поскольку мой путь лежит в Хроссу. Впрочем, я еще подумаю.

Дизм кивнул.

— Вполне честно! — прохрипел он своим странным голосом. — А я, в свою очередь, подумаю над твоим любезным предложением. Но скажу лишь одно: по сравнению со всеми моими сокровищами, настоящими золотыми глыбами, которые мне принадлежат, те самородки, что я тебе показал, всего лишь пылинки. За твою помощь я готов заплатить тебе в десять, нет, в двадцать раз больше того, что ты видел!

— Осторожнее! — предупредил его Тарра. — Людей убивали и за меньшее! Не стоит говорить о целых золотых глыбах, по крайней мере, столь легкомысленно!

Эта мысль отрезвила обоих. Они молча сидели у костра, пока свинина не закончилась, а бурдюк не опустел. К тому времени солнце уже высоко поднялось в ослепительно-голубом небе, а Тарра почувствовал, что смертельно устал.

— Пойду спать, — наконец сказал он. — Буду

рад найти тебя здесь, когда проснусь, Хадж Дизм, а если ты уйдешь, я тебя не забуду. Мир тебе.

Он забрался на тенистый уступ, наверняка недоступный для старика, и, бросив задумчивый взгляд на сидевшего в тени ивы Дизма, а потом на сверкающее озеро, погрузился в сон…

II

Тарра Хаш обычно спал без сновидений, но сейчас ему снился сон, причем весьма необычный, ибо жадность была ему несвойственна. И, тем не менее, ему снилось золото.

Золота было много — целые груды, отбрасывавшие красноватые отблески в свете дрожавшего в руке Тарры высоко поднятого факела. Да, рука его дрожала, ибо сон был для него отнюдь не наслаждением, но кошмаром, а пещера с сокровищами, по которой хроссак брел во сне по щиколотку в сверкающей пыли, была не просто пещерой, но…

…могилой!

Могилой Тарры Хаша! А когда за его спиной повернулась гигантская каменная дверь, навсегда запирая его…

…Тарра проснулся, вскочив с хриплым криком и ударившись головой о каменный выступ, защищавший его от солнца. Но солнце теперь уже про-

делало три четверти своего пути по небосклону, тени вытянулись, и в воздухе уже чувствовалась вечерняя прохлада. На фоне темнеющего неба кружили коршуны, высматривая зоркими глазами падаль, а брызги водопада молочной завесой висели над посеревшим озером.

Тарра снова лег, ощупывая макушку. Его пробрала дрожь — не столько от холода, сколько от воспоминаний о жутком кошмаре. Подобный сон явно сулил дурное предзнаменование, и им не следовало пренебрегать. Тарра снова дотронулся до шишки на голове и поморщился, затем печально улыбнулся. Его, взрослого хроссака, обеспокоил какой-то сон? В этом первобытном краю хватало кошмаров и помимо тех, что были вызваны неумеренным потреблением свинины!

— Эй! — послышался снизу хриплый крик. — Ты меня звал? Я спал.

Тарра сел, на этот раз более осторожно.

— Я все думал, здесь ли ты еще, — крикнул он в ответ. — В тени дерева тебя не было видно, а костер, похоже, погас.

— Что? — Хадж Дизм вышел из своего укрытия, потянулся и зевнул. Помешав тускло тлеющие угли, он проворчал: — Нет, не погас, просто уснул, как и мы. Смотри, — он бросил на горячие угли

сухую ветку. К тому времени, когда Тарра с трудом спустился вниз, над костром уже клубился дым.

— На ужин рыба, — сказал Дизм. — Если займешься ею, пойду пригляжу за своими животными.

— Животными? — удивленно переспросил Тарра. — Вьючные животные? Здесь? — Он внимательно посмотрел на старика в угасающем свете дня. — Ты ничего про это не говорил. Похоже, все не так уж и плохо!

— Послушай, — сказал Дизм, — пока ты спал, я тут поразмыслил. Хочу тебе что-то рассказать и кое-что предложить, но только когда вернусь. Так ты займешься рыбой?

— Конечно! — ответил хроссак, присаживаясь перед костром и раздувая слабый огонь. — Вьючные животные, да? Возможно, теперь я вновь обдумаю твое предложение насчет того, чтобы охранять тебя по пути в Хланги, поскольку до так называемого Обреченного города намного ближе на яках, чем пешком по степи! Честно говоря, мои ноги уже до смерти устали…

Но Хаджа Дизма уже не было. Слегка сгорбившись и тяжело дыша, он осторожно карабкался вверх, с одной каменной террасы на другую, и ему сейчас было не до бесед со ставшим вдруг весьма

словоохотливым хроссаком. Тарра же, однако, пытался лишь скрыть за разговором свое внезапно изменившееся отношение к «заблудившемуся торговцу». И как это он сумел заблудиться? С вьючными животными? Что-то тут явно было не так просто!

С помощью сломанного клинка хроссак быстро выпотрошил рыбин, нанизал их на зеленую ветку и положил над едким дымом, после чего взглянул на Дизма, продолжавшего подниматься по стене впадины. Старик весьма неплохо умел карабкаться по горам — он уже скрылся за краем. Дождавшись, пока тот исчезнет из виду, Тарра вскочил и помчался наверх по каменным террасам, а затем двинулся по следу Дизма вдоль каменных утесов туда, где почти сплошной стеной падала сверху вода, обрушиваясь на скользкие скалы. Прятаться было незачем, поскольку шум водопада заглушал все остальное.

Затем он увидел старика, но…

По другую сторону водопада? Как он сумел туда перебраться, и столь быстро? Похоже, от старика следовало ждать новых сюрпризов, и Тарра должен быть к ним готов.

Он наблюдал за Дизмом из укрытия за нависающим камнем, сквозь поднимающуюся над озером

пелену водяных брызг. Животные оказались не яками, но четырьмя небольшими верблюдами. На трех из них, привязанных к дереву в тени утеса, были седла и небольшие сумки, четвертый же явно предназначался на роль вьючного животного. Дизм положил перед ними большую охапку собранных по дороге зеленых веток и жесткой травы, и верблюды сразу же начали есть. Пока они насыщались, старик проверил их седельные сумки, то и дело оглядываясь через плечо. Он, как ни странно, уже не выглядел столь сгорбленным и столь старым. Но, возможно, так лишь казалось в туманном свете…

Пригнувшись и сливаясь с удлиняющимися тенями, Тарра снова спустился по каменным террасам к озеру, и как раз вовремя, чтобы спасти рыбу от неминуемой гибели, поскольку огонь от костра поднялся выше. Так что вскоре, когда Дизм вернулся, ужин был уже готов, и приветственно потрескивал костер, желтое пламя которого отражалось в воде вместе с первыми звездами.

Увидев, что все в порядке, Дизм протянул Тарре одеяло, которое принес с собой. Тарра благодарно набросил его на плечи, закутавшись в него, словно в плащ. Сгорбившись у костра, они молча поели, а затем, когда последние лучи солнца упа-

ли на западный край впадины, старик подбросил в костер дров и заговорил:

— Тарра Хаш, ты мне нравишься, и я полагаю, тебе можно доверять, как и большинству степняков. Да, я слишком мало о тебе знаю, но мы делили друг с другом еду и немного поговорили, и ты не дал мне никаких поводов усомниться в том, что ты — добропорядочный, честный, крепкий и отважный хроссак. И этого вполне достаточно, чтобы ты мог стать моим партнером. Выслушай же меня.

Если бы ты появился здесь всего на полчаса позже, меня бы уже давно тут не было, и сейчас я шел бы в Клюн через Хланги, рискуя столкнуться в дороге с разбойниками и бандитами! И с вероятностью пятьдесят на пятьдесят я добрался бы невредимым, ибо я единственный остался в живых, понимаешь? Не то чтобы я стал сожалеть, даже если бы не сумел добраться до цели — что отпущено в жизни человеку, то отпущено, а если всему конец — значит, конец. Думаю, будучи хроссаком, ты меня поймешь.

Но это философия бедняков, Тарра Хаш, — философия поражения. Ибо бедняку нечего терять, и что для него жизнь, кроме как тяжкое бремя? Однако когда человек становится богатым, взгля-

ды его меняются. И чем богаче он становится, тем сильнее меняются его взгляды. Суть в том, что придя сюда, я стал богат, настолько богат, что у меня нет никакого желания рисковать возможностью добраться целым и невредимым до Хланги. На что богатство мертвецу, который не может им насладиться?

Погоди — дай мне договорить. Я уже вижу на твоем лице первый вопрос, и он таков: каким образом я, Хадж Дизм, бывший всю жизнь бедняком, внезапно разбогател? Что ж, это я могу тебе рассказать…

Он достал из-под плаща тяжелую седельную сумку, развернул на гладком камне край одеяла Тарры и высыпал на него ее содержимое.

Тарра открыл рот от удивления, а в его вытаращенных глазах отразились сияние и блеск золота, самоцветов и драгоценных камней, поблескивавших в свете костра.

— Силы небесные… — выдохнул он, протягивая руку. Но прежде чем его пальцы успели коснуться драгоценностей, Дизм уже схватил их своей сморщенной лапой.

— Стой! — снова предупредил он. — Погоди! Ты еще не слышал всего. Это всего лишь двенадцатая часть. Кроме этой, есть еще одиннадцать сумок.

А там, откуда они — в сто, в тысячу раз больше!

— Клад! — прошептал Тарра. — Ты нашел тайник!

— Тс-с-с! — резко бросил Дизм. — Тайник? Хранилище? Сокровище, давно потерянное и погребенное в песках пустыни? — Он медленно покачал головой. — Нет, нечто куда большее. Я обнаружил гробницы древних королей, которые в свое время пожелали взять с собой в могилу все принадлежавшие им при жизни сокровища!

Усмехнувшись, он похлопал Тарру через одеяло по колену.

Гробницы королей! Несметные сокровища! У Тарры закружилась голова от внезапного приступа алчности, от охватившей его порочной страсти, пока его разум не остудили недавние воспоминания о медленно поворачивающейся огромной каменной двери, с грохотом закрывающей проход, о тоннах камня и песка, отрезающих его от благословенного воздуха и света…

Он убрал руку и перестал облизывать губы. Прищурив глаза, он пристально посмотрел на Хаджа Дизма.

Старик хрипло хохотнул.

— Похоже, самообладания тебе не занимать. Не хочешь потрогать?

— Да, — кивнул Тарра. — Потрогать? Да я лицом в них зарыться готов, но только когда ты скажешь мне, откуда взялись эти сокровища.

— Хо-хо! — воскликнул Дизм. — Вот как? Но мы еще не договорились!

Тарра снова кивнул.

— Что ж, послушаем, что ты скажешь. Каковы твои условия?

Дизм погладил щетинистый подбородок.

— Насколько я могу понять, с тобой мои шансы на выживание повышаются… скажем, до трех из четырех?

— Продолжай.

— Так и договоримся. За твою защиту я плачу тебе четверть всего, что у меня есть.

Тарра, нахмурившись, откинулся назад.

— Не слишком-то похоже на равноправное партнерство.

Дизм снова издал горловой смех.

— Это только начало, парень. В любом случае, мы все равно не можем взять с собой больше — в этот раз!

Тарра начал понимать.

— Если я докажу, на что способен — то есть если под моей защитой ты останешься жив, — моя доля вырастет, так?

— Именно! Мы будем возвращаться раз за разом, пока сокровищница не опустеет. К тому времени ты будешь получать честную половину, и у нас будет достаточно людей, чтобы держать на расстоянии всех разбойников Тим'хдры!

— Но где эти гробницы, о которых ты говоришь? — спросил Тарра и получил в точности тот ответ, который ожидал услышать.

— Если я скажу об этом прямо сейчас, зачем тогда я буду тебе нужен? Так или иначе, гробницы невозможно найти; я сам нашел их совершенно случайно. Да, и я снова закрыл проход, так что теперь это вдвойне невозможно.

Тарра невесело улыбнулся.

— Похоже, — сказал он, — сколь бы высоко ни было твое мнение о хроссаках, доверять им можно лишь до определенной степени!

— Если я чему-то и научился в жизни, — ответил Дизм, — то тому, что доверять можно любому человеку до определенной степени. — Показав на лежавшие в углу одеяла Тарры сокровища, он высыпал их в сумку. — Оставь их себе, — сказал он. — Почему бы и нет? И возьми их с собой на свой уступ, где будешь спать — туда, где бедный, пузатый и кривоногий старик не сможет до тебя добраться и придушить в темноте. Но не гово-

ри мне ничего о доверии или недоверии, Тарра Хаш…

Тарра покраснел, но промолчал. Честно говоря, удар старого Дизма попал в цель — хроссак действительно принял меры предосторожности, прежде чем лечь спать, и у него тоже имелось немало подозрений. Слава богам, что старый лис не видел, как он шел за ним следом, иначе наверняка бы все кончилось настоящим скандалом!

Так или иначе, и Тарра, и Дизм больше ничего не сказали друг другу, и, посидев немного молча, оба начали готовиться ко сну. Хроссак нашел себе гладкое углубление в камне неподалеку, но достаточно далеко от водяных брызг и еще сохранявшее тепло солнца, где и улегся, накрывшись одеялом. Хадж Дизм, зевая, удалился в сторону ивовых зарослей, где какое-то время шуршал ветками, пока не устроился. Уже перед сном у них состоялся еще один короткий разговор.

— Когда тебе нужен мой ответ? — негромко спросил Тарра.

— Самое позднее завтра, иначе к полудню я уйду один. Но даже если так, в знак моей доброй воли оставь себе эту сумку. Пусть она напоминает тебе о единственном шансе в жизни, который ты упустил. Ты получил кротовую кучку, а мог бы

иметь гору.

На этом разговор закончился. Но, ни тот, ни другой так и не заснули.

III

С точки зрения Тарры, старик, похоже, был с ним честен, но все-таки кое-что, а может быть, и многое его беспокоило. Например, желтоватый цвет морщинистой кожи Дизма. Хотя Тарра не мог представить, почему его должны волновать обычные признаки возраста и немощи. И еще голос, похожий на хриплое кваканье хриссанской кроталы. Какая-то болезнь? Да и само имя Хадж Дизм, вероятнее всего, могло принадлежать жителю холодной Хриссы или Эйфры, а тамошние обитатели редко путешествуют в одиночку, холодные и неприступные, словно лед с Большого Ледяного барьера или Холодного моря. И, тем не менее, старик утверждал, что стремится в Клюн, город философов, где зимой теплее, чем даже в середине лета в Хриссе, благодаря мягким течениям Восточного океана. Или, возможно, устав от вечных льдов и морозных пустынь, Дизм попросту решил дожить остаток своих дней в роскоши у теплого моря?

Но что случилось с теми двоими, бежавшими

с осажденного разбойниками каравана? Старый Дизм сказал о них крайне мало, и, похоже, даже об этом жалел! Так или иначе, если ему хотелось попасть в Клюн через Хланги, зачем идти таким путем, вокруг южной оконечности гор Лохми, по сути, совсем в другую сторону?

И, наконец, зачем он показывал Тарре даже часть своих сокровищ? Почему бы просто не предложить ему хорошую плату за охрану в пути через бесплодные земли до Кланги, а оттуда в Клюн? Наверняка так было бы разумнее…

Вот какие мысли не давали Тарре заснуть, но Хадж Дизм думал совсем о другом. Если хроссака мучило лишь любопытство, то мысли Дизма были куда мрачнее. Так и не сумев уснуть, он украдкой поднялся посреди ночи словно сгорбленная тень на белых от лунного света камнях, постоял, прислушиваясь к дыханию Тарры, убеждаясь, что тот спит (хотя на самом деле Тарра не спал, и Дизм прекрасно это знал), а затем поднялся по каменным террасам и быстро слился с тенью.

Тарра понаблюдал за ним из-под полуприкрытых век, затем убрал обломок меча обратно в ножны, встал и неслышно двинулся следом. На этот раз он не колебался и не испытывал чувства вины, ибо его предположения насчет Хаджа Диз-

ма уже начали обретать форму, складываясь в единое целое. Тарра пока не мог сказать, какими окажутся последние фрагменты головоломки, когда они встанут на свое место, но уже понимал, что от этого может зависеть его ближайшее — а может быть, и не только — будущее.

Тень Хаджа Дизма двигалась прямо в сторону водопада, на небольшом отдалении от хроссака. На этот раз Тарра увидел, как старик прошел позади сверкающего водяного потока, спиной к утесу, осторожно ступая по каменной полке, а затем скрылся из виду. Тарра подождал, но старик так и не появился по другую сторону. Хроссак раздраженно почесал ссадину на плече, переступил ногами и поправил меч за спиной. Хаджа до сих пор не было видно.

Зажав в руке украшенную драгоценными камнями рукоять меча с несколькими дюймами стали, Тарра пробрался по скальной полке за водопадом и сразу же увидел, куда исчез старый грабитель гробниц. Позади водопада уходила в кромешную тьму высеченная водой за многие столетия влажная пещера. В глубине ее мерцал огонь прикрепленного к стене факела. Пойдя на его свет, Тарра нашел и другие, лежавшие рядом в сухой нише. Взяв один из них и поднеся к пла-

мени, он двинулся по отпечатавшимся в пыли следам, углубляясь в самое сердце утеса. Впереди в затхлом воздухе постоянно висело облачко голубого дыма, подтверждавшее, что здесь только что прошел Дизм.

Проход то сужался, то расширялся, потолок становился то выше, то ниже. Но по мере того, как свет факела позади становился все слабее, пока, наконец, не скрылся за поворотом, и по мере того, как Тарра забирался все глубже и глубже, он начинал понимать, что здесь потрудилась не только природа. Стены украшали высеченные изображения богов и демонов, то и дело попадались вырубленные из сталактитов изваяния королей и королев, сидевших на каменных тронах. Здесь была целая галерея богов — давно забытая или почти забытая мифология — и тех, кто когда-то поклонялся божествам из этого древнего пантеона.

Тарра невольно содрогнулся, пробираясь среди ухмыляющихся горгулий и жутких демонов, мимо гигантских спрутов и увенчанных коронами существ с широко раскрытыми ртами, напоминавших скорее ящериц, чем людей. А после второго поворота он внезапно очутился в большом зале — самом сердце этого тайного, когда-то

священного места.

Или все-таки не в самом?

Ибо здесь, где свет факела не достигал потолка, с которого свисали массивные каменные клыки, а сталагмиты образовывали плоские пьедесталы для жутких уродов, каких хроссак даже не мог себе представить, отпечатки ног в пыли вели прямо к центру зала, где горел еще один факел, небрежно воткнутый между когтей каменного человекоящера. А у когтистых ног идола лежали связки сухих палок, на концах смазанных смолой.

Тарра поджег новый факел и прошел еще несколько шагов по следам Дизма, к самому центру зала. Именно тут следы заканчивались или, вернее, уходили вниз!

Между двумя тронами-сталагмитами, на которых восседали крылатые спруты (как было известно Тарре из древних легенд его родины, изображавшие омерзительного бога Ктулху), начинались вырубленные в камне ступени, уходившие по крутой спирали в неведомую бездну. Из зияющей ямы поднимался дым от факела Дизма и слышался стук падающих камней.

Тарра понял, что зашел уже достаточно далеко. Здравый смысл подсказывал ему, что стоит

вернуться назад. Но что дальше? Бессмысленно теперь было делать вид, что он не знает о тайне старика, поскольку Дизм наверняка заметил бы отсутствие двух факелов. И в любом случае, хроссаком двигало лишь любопытство, а отнюдь не желание получить больше, чем ему уже предложили. Ему вовсе не хотелось причинять старику какой-либо вред (по крайней мере, на данном этапе), но он не видел и каких-либо причин оставаться в неведении о подземной сокровищнице. К тому же ему хотелось знать, зачем кому-то потребовалось отправляться туда посреди ночи. Что именно влекло старика? Новые сокровища? Но на это наверняка нашлось бы время и позже. К несчастью, Тарра не учел, что алчность некоторых может быть безгранична и для нее не существует пределов!

Он шагнул на первую ступень, потом на вторую, и начал спускаться в желтом свете горящего факела. После крутого поворота лестница заканчивалась залом поменьше, где точно так же стояли друг напротив друга два каменных изваяния Ктулху, на этот раз по краям уходившей в темноту круглой шахты. На тяжелом пьедестале одного из изваяний была закреплена веревочная лебедка с привязанным к ней большим медным

ведром. Со второго пьедестала свисала уходившая во тьму веревочная лестница. Заглянув за край шахты, Тарра увидел внизу, на невообразимой глубине, мерцающий огонек факела Хаджа Дизма.

Внимательнее приглядевшись к веревочной лестнице и убедившись, что она достаточно прочна, хроссак сел на край шахты и всем весом повис на перекладинах лестницы. Та удержала его без каких-либо усилий, и он начал спускаться, но тут же остановился.

Надоедливый маленький Тарра, таившийся где-то в глубинах его сознания, снова что-то шептал ему, пытаясь предупредить. Но о чем? Если старик отважился отправиться сюда в такую пору, наверняка тут нет ничего по-настоящему опасного? Заглушив отчаянно нашептывавший внутренний голос, Тарра огляделся вокруг.

Сидя на краю ямы, он посветил во все стороны факелом. В стенах действительно виднелись таинственные ниши и углубления, из которых, казалось, наблюдали за ним чьи-то невидимые глаза. Но кто мог за ним наблюдать? Разве что каменные идолы! Тарра презрительно фыркнул, отбрасывая нелепые мысли. В любом случае, Хадж Дизм был внизу, о чем свидетельствовал

огонь его факела. Что ж, еще немного, и…

Зажав тонкий конец факела в зубах он снова ступил на веревочные перекладины и начал спускаться. Пока что Тарра ни разу не ошибся…

Труба быстро расширялась, подобно горлышку кувшина, и всего через три десятка перекладин Тарра коснулся земли. На полу пещеры лежал факел, который он видел сверху, но самого Хаджа Дизма…

Держась одной рукой за лестницу, хроссак медленно повернулся кругом, высоко подняв факел. Его окружали новые статуи Ктулху и других представителей его пантеона. А рядом… открытый сундук, высеченный из сплошного камня, содержимое которого рассыпалось по полу вокруг. Но какое содержимое!

Словно во сне, Тарра шагнул навстречу сказочному сокровищу и уже протянул к нему руку, когда откуда-то сверху послышался хриплый, отдающийся эхом смех Дизма.

Присев, он развернулся и прыгнул назад к лестнице, которая в то же самое мгновение унеслась вверх, скрывшись из виду, и, что куда важнее, став недосягаемой. Только теперь Тарра понял, сколь жестоко его одурачили и в какой ловушке он оказался.

— Хроссак? — раздался сверху гортанный голос Дизма. — Тарра Хаш, ты меня слышишь?

— Прекрасно слышу, старик, которому я доверился! — бросил в ответ Тарра.

— Тогда слушай же, — насмешливо сказал тот, — и я поведаю тебе всю свою историю, ибо я видел, насколько ты любопытен, и уверен, что мой рассказ тебе понравится.

— Не сомневаюсь, — прорычал Тарра. — Можешь считать меня невольным слушателем!

Он тоже рассмеялся, но смех его был горьким.

— На самом деле, — сказал Дизм, — я действительно вышел из Эйфры с караваном, но, уверяю тебя, чисто по необходимости. Возможно, ты слышал о серных ямах между Эйфрой и Холодным морем?

Тарра о них слышал. Серные ямы, остатки жерл потухших вулканов, служили местом отбытия наказания под бдительными и жестокими взглядами стражников, которые были немногим лучше самих преступников. Говорили, будто за каждый год, проведенный в этих адских дырах, человек стареет на десять лет, и что их кожа быстро становится морщинистой и желтой от… работы!

Именно — морщинистой и желтой. Вздохнув,

Тарра печально покачал головой и, усевшись в пыль, посмотрел вверх.

— Значит, ты сбежал?

— Не так быстро, хроссак! Да, ты прав, я действительно провел там три долгих года! И все это время я планировал свой побег — то, о чем там думает каждый, — пока в конце концов откладывать стало больше нельзя. Видишь ли, со мной там был один человек, от которого остались лишь кожа да кости, и перед смертью он рассказал мне об этих гробницах. Указания его были проще простого — иди вокруг южной оконечности гор Лохми, пока не найдешь водопад и озеро, и так далее. Он сам побывал здесь, наткнувшись на это место почти случайно, а потом, нагруженный сокровищами, угодил в руки горцев. Имевшиеся при нем богатства привели их в столь благоговейный трепет, что они оставили его в живых, даже позволили оставить себе пару безделушек, прежде чем слегка поколотили и показали направление на Эйфру. Несколько недель спустя он приковылял в этот пользовавшийся дурной славой город, голодный, оборванный и больной, так что когда люди увидели его жалкие самородки и драгоценные камни… Кем он еще мог быть, кроме как вором? В итоге у него отобрали

последнее и отправили в серные ямы, где я его и встретил, когда меня бросили туда за убийство. К тому времени он провел там уже четыре года, и то, как долго ему удавалось избежать смерти, стало почти легендой. Однако, как бы там ни было, все рано или поздно умирают, и он не стал исключением…

Он часто рассказывал мне историю об этих гробницах с сокровищами, но никогда не говорил о том, как туда добраться, вплоть до самого конца, прежде чем испустить последний вздох. И тогда я понял, что он сказал правду, ибо какой смысл лгать перед смертью? Он знал, что ему конец, и ему нечего было терять.

Мне тоже нечего было терять, и потому я при первой же возможности сбежал. Это нелегкая задача, Тарра Хаш — бежать из серных ям. Я оставил после себя троих мертвых стражников, а четвертого сделал калекой, но в конце концов оказался на свободе. И мне было куда бежать.

С помощью драгоценностей, которые я забрал у убитых стражников, мне удалось купить себе место в караване, который я встретил на перевале в горах Лохми, после чего я потратил немало времени на то, чтобы убедить двух проводников перейти на мою сторону, несмотря на всю их

преданность хозяину каравана. О да, сокровище — великий соблазн, как ты уже обнаружил.

— Что? — грубо прервал его Тарра. — Ха! Можешь забрать все свои хваленые сокровища, Хадж Дизм, и счастливо оставаться. Я последовал за тобой лишь из-за своего проклятого любопытства, и жалею о собственной глупости!

Дизм снова усмехнулся, но на этот раз более мрачно.

— Что ж, ты наверняка слышал, что любопытство сделало с кошкой?

Тарра кивнул, едва не застонав от бессильной злобы. Глубоко вздохнув, он стиснул кулаки, так что напряглись мышцы на руках, и сказал:

— Но я также слышал, что у кошек девять жизней. Уверяю тебя, Хадж Дизм, в одной из них некая крыса обязательно попадется коту в лапы!

— Хватит, хроссак! — проворчал старик. — Что я слышу? В своем незавидном положении ты еще осмеливаешься угрожать? Полагаю, ничего хорошего нашим будущим отношениям это не сулит! Так что думай, что говоришь. Лучше дай мне закончить, прежде чем еще глубже увязнуть в трясине. Видишь ли, я человек благоразумный, и, несмотря на все твое предательство, я…

— Предательство? — снова прервал его Тарра,

не веря собственным ушам.

— Конечно! Разве ты не пошел следом, когда я ухаживал на закате за верблюдами, и не шпионил за мной? Я думал, что, возможно, ты обнаружишь пещеру за водопадом уже тогда. Но нет, тебя нужно было еще подтолкнуть. И я это сделал — сегодня ночью! Я знал, что ты последуешь за мной, — и так оно и случилось. Любопытство, говоришь? Думаешь, я поверю? Я что, такой же глупец, как и ты?

— Удивительно! — выдохнул Тарра. — Так, значит, я говорю с убийцей, который сам в этом признался?

— И неоднократным! — согласно кивнул Дизм. — Их всех следовало убить. Но в любом случае это к делу сейчас не относится. Так что слушай меня… на чем я остановился? Ах, да…

Я путешествовал вместе с караваном, удаляясь все дальше от серных ям, а по дороге набирая себе сообщников для охоты за сокровищами. А на полпути вдоль восточного края Лохми на нас напали горцы. И их было много. Возможно, в иной ситуации проводники, которых я перевербовал, остались бы, чтобы сражаться и умереть за своего законного хозяина, но теперь у них был новый хозяин, пообещавший им богатства. И

снова сработал старый принцип, Тарра Хаш, а именно: бедняк рискует всем ради крайне малого, но жажда богатого к жизни намного сильнее, ибо ему есть ради чего жить. Так было и с проводниками — мои нашептывания пробудили в них глубинные желания, поставив перед выбором: остаться бедным и, возможно, умереть, или сбежать, чтобы выжить и разбогатеть. Стоит ли говорить что-либо еще? Сомневаюсь…

— Ты заманил этих предателей сюда, — кивнул Тарра, — бросив караван на милость горных варваров. Очень хорошо, и где же теперь твои последователи?

— Увы, не знаю, — ответил Дизм, и хроссак почувствовал, как тот пожал плечами. — Кроме того, что ты сейчас ближе к ним, чем я.

— Что? — вздрогнув, Тарра огляделся вокруг в мерцающем свете гаснущего факела. Лежавший на полу факел Хаджа уже давно погас. — Хочешь сказать, что они здесь, внизу?

— Где-то там. Большего я сказать не могу, я довольно давно их не видел… — на этот раз голос Дизма прозвучал по-настоящему мрачно.

— Ты имеешь в виду, что с ними случилась какая-то беда, а ты не попытался найти их и спасти?

— Что? Спуститься туда? — Старик изобразил притворный ужас. — Разве я не объяснял? Ты говоришь с человеком, который три долгих года трудился в серных ямах, забыл? И ты думаешь, что я добровольно позволю заключить себя в новую темницу? Ибо она наверняка свела бы меня с ума! Нет, Тарра Хаш.

И снова хроссаку, несмотря на всю его отвагу, стало не по себе.

— Ты уморил их голодом! — бросил он, сплюнув в пыль.

— Вовсе нет! — возразил Дизм. — На самом деле я хорошо их кормил. В избытке мяса и рыбы, и воды тоже, если она им требовалась. Я обещал им, что они получат еду каждый раз, когда наполовину наполнят это ведро золотом и драгоценными камнями. Если больше, то веревка могла порваться. А если дать им более прочную, то они наверняка бы по ней выбрались. Так или иначе, они не голодали, и я исполнял свое обещание…

— И это было их единственной наградой — пока они работают, ты будешь их кормить? — Тарра с отвращением покачал головой. — Ты называл их «молодыми бойцами». Скорее уж — перепуганные щенки.

— О нет, — ответил Дизм. — Надо признать, их

побуждал работать не только голод.

От его слов, произнесенных негромко и бесстрастно, у Тарры пробежал мороз по коже. Помолчав, он ответил, стараясь говорить как можно более ровно:

— Что ж, в таком случае скажи, старый лис, что еще побуждало их трудиться? Или лучше ответь прямо, как они умерли.

— Я скажу тебе две вещи, — спокойно проговорил Дизм, — насчет их награды. И еще одну, насчет моего возраста, ибо лис вовсе не стар. Да, я выгляжу старым, ибо серный пар разъел мои горло и легкие, а кожа моя пожелтела, но я не стар. Да, мой живот распух от голода, а руки и ноги стали узловатыми от тяжкого труда. Но на самом деле я ненамного старше тебя, Тарра Хаш, и это горький, но факт.

— Я уже сам это отметил, — сказал Тарра, — но…

— Но дай мне договорить! — на этот раз резко прервал его Дизм. — Ты хотел знать про награды? Очень хорошо. Первое: я собирался добыть четыре полуведра сокровищ, всего четыре, а затем спустить лестницу и позволить им выйти, после чего каждый из нас троих получил бы свою долю. Второе: чем быстрее они работали, наполняя

ведро, тем лучше для них, ибо время их, вероятно, было… ограниченно.

Ограниченно? Тарре не понравилось это слово.

— У тебя не хватило бы для них еды?

— Нет, в озере и вокруг него ее полно, как ты сам видел. Подумай еще.

— Ты не смог бы подготовить для них достаточно факелов?

— Нет, с этим тоже не было никаких проблем.

— Тогда что? — нахмурился Тарра.

Послышался самодовольный хриплый смех Дизма.

— Не могу точно сказать, — наконец ответил он. — Просто… мой друг в серных ямах кое о чем меня предупреждал.

— Вот как?

— Да, ибо, умирая, он рассказал мне также и о том, что древняя раса королей, которым принадлежат эти гробницы и сокровища, поставила вокруг своих склепов и саркофагов неких стражей и что даже сейчас защитные заклинания давно умерших чародеев продолжают действовать. Что означает — это место проклято, Тарра Хаш, и чем дольше ты остаешься там, в настоящем лабиринте из могил, как ты вскоре узнаешь, тем ближе ужас!

IV

Ужас? Хроссаку вовсе не нравилось это слово. К тому же он нисколько не сомневался в истинности сказанного Дизмом, поскольку этим объяснялось, почему местность вокруг озера осталась необитаемой. Как кочевники, так и горцы вполне могли опасаться подобных мест. Наконец он обрел дар речи:

— И в чем же суть этого ужаса?

— Кто знает? — ответил Дизм. — Во всяком случае, не я, ибо двое, отправившиеся туда до тебя, уже ничего мне не расскажут. Но кое-что они все же мне сказали, а именно то, что в одной из гробниц есть две статуи целиком из золота, изображающие крылатых спрутов, похожих на каменных идолов в соседних пещерах. И, нагрузив для меня три полуведра сокровищ, они вместе отправились обратно, чтобы принести мне одну из этих статуй. Этот поход должен был стать для них последним, но, увы, они так и не вернулись… Но тебе нужен новый факел, хроссак, поскольку твой гаснет.

Он бросил вниз смазанную жиром вязанку хвороста, и Тарра быстро ее поджег.

— Итак, — помолчав, продолжил Дизм, — вот

что я предлагаю. Найди мне ту гробницу и принеси золотого спрута — и этого будет достаточно.

— Достаточно?

— Тогда я удостоверюсь, что ты честный человек и достоин стать моим партнером в наших будущих предприятиях. А когда статуя будет у меня, я спущу лестницу, и мы вместе отправимся в Хланги, а оттуда в Клюн.

Тарра не смог удержаться от смеха, хотя и слегка истерического.

— И я должен в это поверить? Да, я глупец, Хадж Дизм — большой глупец, как ты уже доказал, — но не настолько!

— Гм! — проворчал Дизм, бросая вниз еще несколько факелов. — Что ж, подумай. Я могу и подождать. Сколько будут ждать стражи-демоны — другой вопрос. А пока что — осторожнее, я спускаю ведро.

Сверху на веревке опустилось ведро. Тарра сразу же схватился за веревку, проверяя ее на прочность, а когда ведро опустилось на пол, рванулся вверх, подтягиваясь на руках. Ему удалось взобраться лишь на высоту человеческого роста, но ни дюймом выше. С негромким звоном веревка оборвалась, и хроссак свалился прямо на ведро.

— Ай! — простонал он, поднимаясь на ноги.

— Ай, говоришь? — усмехнулся сверху Дизм. — Если бы веревка выдержала, Тарра Хаш, все было бы куда хуже! Думаешь, я стал бы тут просто так сидеть, пока ты вылезал бы из дыры? У меня есть острый как бритва нож, которым я мог бы порезать веревку, тебя или и то и другое вместе. Да, знаю, ты поступил так от отчаяния. Что ж, попытка не удалась, так что хватит дурачиться, ладно? Сейчас я немного спущу веревку, и ты сможешь сделать на ней узел, а потом отправишься на поиски статуи спрута. Но предупреждаю — еще один такой подвиг, и я заставлю тебя принести обе!

— Хорошо, — тяжело дыша, ответил Тарра, — но сперва скажи мне кое-что. Прямо здесь, в паре шагов, стоит большой каменный сундук с сокровищами. Твои двое подручных наверняка притащили его сюда для тебя. Так почему же его содержимое так и не подняли наверх?

— А! — сказал Дизм. — Его они должны были поднять в четвертый раз, когда рассказали мне про статуи. Я просто забыл.

— Значит, — кивнул хроссак, — вернувшись с этим сундуком, то есть с четвертой, а не третьей частью добычи, как ты утверждал, эти идио-

ты рассказали тебе про золотых идолов в виде крылатых спрутов, после чего ты отказался от последней доли сокровищ ради описанного ими, куда большего чуда. Так?

— Примерно так, да. Спасибо, что напомнил. И, прежде чем отправиться на поиски, ты не мог бы…

— Нет, не мог бы! — в гневе бросил хроссак. — Либо содержимое этого сундука, либо один из тех проклятых идолов, если смогу их найти, но не то и другое сразу. Впрочем, могу предположить, что твои подручные говорили тебе то же самое.

— Гм! — раздраженно проворчал Хадж Дизм. — Похоже, ты вовсе не столь глуп, хроссак. Но… я уже решил насчет идола, так что лучше иди, найди и принеси его.

— Не так быстро, — сказал Тарра. — Сперва дай слово — ты в самом деле вытащишь меня наверх, когда я вернусь со статуей?

Впрочем, он прекрасно знал, что Хадж Дизм этого не сделает.

— Даю слово, — очень серьезно ответил тот.

— Пусть будет так, — сказал хроссак. — А теперь, куда мне идти?

— Все-таки я был прав, — усмехнулся Дизм. — Ты глуп, и к тому же глух как пробка! Откуда мне

знать, куда тебе идти? Я бы посоветовал идти по следам в пыли, как ты недавно шел по моим…

V

Вскоре Тарра уже точно знал, что подразумевал лис-Дизм под лабиринтом. Следуя за отпечатками сандалий в пыли, он переходил из пещеры в пещеру, ничем не отличавшихся друг от друга, словно ячейки пчелиных сот. Здесь был настоящий некрополь, где в жутком изобилии громоздились у стен кости, а горы черепов достигали до пояса. Останки принадлежали отнюдь не мертвым королям — лодыжки большинства скелетов сковывали кандалы, давно превратившиеся в ржавчину, на плечах виднелись почти окаменевшие ярма, а на правой руке каждого скелета отсутствовал мизинец, что указывало на принадлежность к числу королевских рабов.

Тарра поморщился. В те времена они были всего лишь дикарями, несмотря на все признаки цивилизации — искусство резьбы по камню и обработки металла, любовь к драгоценностям и давно забытые похоронные ритуалы, реликтами которых остались лишь эти кости. Но у него не было времени размышлять об обычаях тех, чей народ был уже стар, когда пустыня была еще

молодой; нужно было многое сделать, к тому же сейчас хроссака заботили вовсе не поиски золотых идолов!

Тарра Хаш слишком хорошо помнил годы, которые он провел в подземной темнице Нуд Анноксина в Тинхле. Он никогда не думал, что ему вновь придется пережить подобное, и тем не менее… Что ж, жизнь коротка, и Тарра вовсе не намеревался провести здесь остаток своих дней. Мысли медленно обретали форму в его мозгу, словно клочья тумана над плодородной землей.

Слегка вздрогнув, — видимо, от холода, решил хроссак, поскольку не взял с собой одеяло, — он прошел еще через несколько пещер, постоянно следуя за отпечатками ног в пыли, но по одну сторону от них, так, чтобы его собственные следы оставались отчетливыми и свежими, учитывая, что здесь уже кто-то побывал до него. По крайней мере, в этом состояло его преимущество. Но его предшественников, в отличие от него самого, было двое. Да что там, в этой обители смерти Тарра был бы сейчас рад даже крысе, не то что другому человеку!

Его предшественники… Он подумал о том, какая судьба их постигла. Что ж, вскоре ему предстояло выяснить и это.

Но пока нужно было найти что-нибудь наподобие крюка и еще что-нибудь наподобие веревки. Лис не мог сидеть наверху вечно, ему тоже нужно было есть и пить. Да, крюк и веревку. Но что могло сгодиться на их роль? Может, длинная золотая цепь? Нет, она слишком мягкая и слишком тяжелая, а весь прочий металл наверняка полностью проржавел. Занятый этими мыслями, Тарра, однако, ни на мгновение не забывал о том, что здешние «стражи» могли бодрствовать даже в данный момент, если только они не были порождением обычных страхов, вызванных воображением Хаджа Дизма.

Наконец в свете горящего факела он вошел в центральный зал, подобный ячейке пчелиной королевы в центре ее улья — королевы или короля, или многих королей. В стенах были вырублены глубокие ниши, в каждой из которых стоял массивный саркофаг, высеченный из цельного камня, а пол вокруг этих древних гробов усеивали несметные сокровища!

Но посреди круглой пещеры с куполообразным потолком покоилась самая грандиозная гробница из всех — настоящий мавзолей, с высокой мраморной крышей на резных мраморных колоннах, а вход в него сторожили…

Сторожили? Тарра содрогнулся, вспомнив о «стражах». Но, так или иначе, гробницу действительно сторожили два золотых спрута, с крыльями и прочим, восседавшие на постаментах из оникса по обе стороны зловещих ворот. Испытывая благоговейный трепет, ибо это наверняка было место последнего упокоения величайшего из древних монархов, хроссак шагнул вперед, воткнул факел в грудную клетку скелета, лежавшего у подножия левого постамента, медленно выпрямился, чувствуя, как мурашки бегут по его голым рукам, ногам и спине, и… отскочил, будто ужаленный змеей!

Какое-то время Тарра стоял в мерцающем свете факела, с отчаянно бьющимся сердцем, чувствуя неодолимое желание бежать, но что-то приковало его к месту, ноги словно вросли в камень. Он не сводил взгляда со скелета, из ребер которого торчал шипящий факел, скелета, до сих пор одетого в рваную накидку и кожаные сандалии, такие же, как и те, что оставили недавние следы в вековой пыли!

Несколько раз глубоко вздохнув, хроссак заставил себя успокоиться, подавляя дрожь в руках и ногах. Вздохнув в третий раз, он медленно присел и наклонился вперед, разглядывая жуткие остан-

ки. Кости выглядели так, будто их сожгли едкой кислотой. Кое-где на них виднелись липкие черные следы, вероятно, от вытекшего сгоревшего мозга. Остатки кожи напоминали иссохший пергамент, а череп… с ним было хуже всего.

Челюсти были разинуты в застывшем крике, в пустых глазницах, словно испуганные призраки, шевелились тени. Подняв дрожащей рукой факел, Тарра направил его в сторону второго постамента. Как он и подозревал — сам не зная отчего, — у его подножия лежал еще один скелет в точно таком же состоянии. И снова в голове хроссака эхом отозвалось слово «стражи».

Но изваяния были сделаны всего лишь из золота, а не некоей чуждой плоти и крови, и даже если бы они были живыми — если бы они действительно были стражами, — при таких размерах они вряд ли могли представлять какую-либо угрозу. Несмотря на все тошнотворное искусство создавшего их мастера, они выглядели не более чем осьминогами!

Взглянув в невидящие золотые глаза и на сложенные крылья, Тарра положил ладони на приподнятые щупальца. Холодное золото, не представляющее никакой угрозы. И, тем не менее, хроссаку показалось, что статую покрывает

влажная пленка, некая могильная слизь, от которой она казалась скользкой на ощупь. Это лишь помешало бы ему тащить золотое изваяние. А если ему не удастся найти заменители для крюка и веревки, придется положиться на Хаджа Дизма, по крайней мере, поначалу.

Обойдя вокруг постамента, он обхватил брюхо идола руками и приподнял. Да, тяжело, но в ведро, скорее всего, войдет. Вот только… выдержит ли веревка?

Веревка! В его мозгу вновь вспыхнул мысленный образ веревки и крюка. Поставив идола обратно на постамент, Тарра наклонился и потянул за лохмотья, прикрывавшие скелет таинственным образом убитого мертвеца. От его прикосновения они рассыпались — видимо, то, что сожгло плоть на костях, подействовало и на грубую ткань. Нет, веревка из нее вряд ли получилась бы, но у него возникла мысль получше. Дизм сам обеспечит его веревкой!

Сначала, однако…

Проверив начавший угасать факел, хроссак повернулся к открытым дверям гробницы. Он знал, что им движет чистое любопытство, и помнил, что говорил про любопытство Хадж Дизм — но, тем не менее, нужно было выяснить, что это за

король, погребение которого в незапамятные времена стало причиной массовой бойни в этих пещерах и в их окрестностях.

Остановившись перед высоким темным проемом, он выставил перед собой факел и увидел…

Внутри стоял не украшенный резьбой гроб, но массивный трон, на котором, гордо выпрямившись, сидела высохшая мумия, за бесчисленные столетия слившаяся с мраморным креслом в единое целое. Настоящее ископаемое существо. Да, существо, ибо оно никогда не было человеком.

Войдя, Тарра подошел к трону, постамент которого доходил ему до груди, и взглянул на то, что в свое время должно было внушать ужас. Даже сейчас это существо выглядело ужасающе. Но… оно было мертво, а мертвые никому не могут повредить. Или?..

Он высоко поднял факел.

Мумия принадлежала человекоящеру, высокому, худому, с вытянутой головой; из лишенных плоти челюстей торчали кривые клыки, а с высохшего подбородка до сих пор свисала козлиная бородка из жестких волос. Голову украшала корона из драгоценных камней, а когтистая лапа сжимала узловатый жезл из черного дерева.

Значит, так выглядело существо, каменное из-

ваяние которого Тарра видел в верхних пещерах. И это действительно был король над королями, намного более жестокий, чем любой король-человек. Он снова посмотрел на жезл. Удивительная вещь. Хроссак протянул руку к жезлу из черного дерева и потянул, но тот от времени прирос к иссохшей клешне, став с ней одним целым. Он потянул сильнее — и услышал позади низкий рокот!

В следующее мгновение случилось несколько вещей сразу…

Вдруг Тарра снова вспомнил свой сон об огромной закрывающейся каменной двери. Затем он понял, что на самом деле жезл не закреплен в лапе, но соединен золотой цепочкой с рычагом в подлокотнике трона. И, наконец, еще не успев подумать об этом до конца, он метнулся назад, упав и выскользнув на животе из гробницы в тот самый миг, когда дверь с грохотом обрушилась по дуге вниз. Тарра почувствовал, как чудовищная плита коснулась его пяток, и услышал отдающийся эхом грохот — в точности так, как ему снилось!

Факел отлетел в сторону, прочертив линию в пыли, задымился и почти погас. Сразу же наступила темнота…

Не обращая внимания на страх и бегущие по спине мурашки, хроссак бросился к тлеющему факелу, подобрал его и резко развернулся кругом. Эффект получился двойным — вокруг него во внезапно наступившей темноте образовалось защитное кольцо, и одновременно снова ярко вспыхнуло пламя, заставив отступить тени.

Тяжело дыша и пытаясь овладеть собой, ибо случившееся почти лишило его мужества, хроссак неожиданно разозлился. Тарра Хаш не был берсерком в том смысле, как это понимали кровожадные северяне с фиордов, но когда он злился, он злился по-настоящему. Сейчас он был зол на себя за то, что не поверил собственным инстинктам, на неизвестного древнего архитектора за то, что тот сделал из гробницы смертельную ловушку, на ситуацию, в которой оказался (и которая еще могла стать безвыходной), но больше всего он был зол на презренного и ненавистного Хаджа Дизма, которому предстояло ответить за все случившееся. Нисколько не улучшил настроения хроссака и тот факт, что кожа на его ладонях, руках и груди начала страшно зудеть, чему он не мог найти никакого объяснения, кроме…

…кроме того, что именно этими частями тела он касался золотого спрута-идола!

Неужели тот зловещий металлический пот, который он заметил на изваянии, был некоей едкой кислотой? Неким ядом? Если так, то, очевидно, сила его иссякла за многие столетия. Прежде чем выйти из главного зала и направиться назад по собственным следам к входной шахте, Тарра наклонился, зачерпнул немного пыли и посыпал ею зудящие места. Затем он снова посмотрел на золотых идолов.

Они точно так же стояли на своих постаментах, как и раньше… и все же, казалось, что-то изменилось. Может, они чуть сильнее выпрямились? Или приоткрылись их глаза? А может быть, щупальца угрожающе вытянулись вперед, и покрывавший их слой слизи стал более толстым и скользким?

Хроссак фыркнул. Похоже, у него разыгралось воображение! Но хватит об этом, пора было незамедлительно претворять в жизнь свой план. Здесь было опасно. Нечто чудовищное случилось с теми, кто пришел сюда до него, время уходило, и могли появиться новые кошмары, о которых Тарра ничего не знал. Он быстро вернулся туда, где стояло привязанное к концу веревки ведро.

— Хо! — услышал Тарра хриплый голос, поджигая новый факел. — И где же мой идол, хроссак?

Тарра посмотрел вверх. На него смотрело казавшееся злобным и алчным лицо Дизма.

— Я нашел твоих проклятых идолов, лис, — крикнул он в ответ, — и чуть не погиб! Там ловушка, и я едва в нее не угодил!

— Но где идол? — настаивал Дизм.

Тарра быстро нашелся.

— Во-первых, — сказал он, — спруты-идолы стоят уровнем ниже. Неглубоко, но с идолом в руках наверх не подняться. Во-вторых, я нашел решение, как это сделать. В-третьих, как ты видел, я вернулся за новым факелом.

— Клоун! — огрызнулся Дизм. — Зря тратишь время! Почему ты не взял с собой запасные факелы?

— Не сообразил, — согласился Тарра. — Хочешь узнать, что я придумал?

— Выкладывай.

— Мне нужна веревка.

— Зачем? — подозрительно спросил Дизм.

— Чтобы вытащить снизу идола, — снова солгал Тарра. — Кроме того, хороший способ проверить, достаточно ли она прочна.

— Объясни.

— Очень просто: если веревка оборвется под весом одного спрута, она наверняка оборвется

под весом ведра и идола вместе.

— Ага! — подозрения Дизма, похоже, подтвердились. — Ты хочешь, чтобы я сбросил тебе веревку, а ты сделаешь себе крюк, чтобы выбраться.

Тарра изобразил возмущение.

— Что? Разве я уже не пытался выбраться, а веревка не выдержала? Однако идол довольно небольшой и весит меньше человека.

— Гм! Сколько веревки тебе нужно?

«Чтобы хватило тебя повесить!» — подумал Тарра, но вслух сказал:

— Примерно десять человеческих ростов.

— Что? — возмутился Дизм. — Да ты с ума сошел, хроссак! Я что, должен дать тебе вдвое больше, чем расстояние между нами? Нет, ты точно задумал сделать крюк!

— Из чего? — вздохнул Тарра. — Из крошащихся костей, или мягкого золота? Собственно, кто тут впустую теряет время? Даже если бы это было возможно, как я сумел бы подняться, если ты можешь своим ножом порезать веревку, меня, или и то и другое вместе? Ты же сам об этом говорил, помнишь? И в любом случае, ты обещал мне спустить лестницу. Или об этом ты тоже забыл?

— Ну-ну, парень, не стоит делать поспешных выводов.

Тарра слышал, как Дизм слегка пошевелился, сверху осыпалась тонкая струйка пыли, и наконец тот сказал:

— Хорошо, предположим, я дам тебе столько веревки, сколько ты просишь. Что дальше?

— Я принесу идола. Потом ты спустишь ту веревку, которая у тебя осталась, и я привяжу к ней свою. Да, и чтобы она точно не оборвалась, мы сложим ее пополам. Затем ты поднимешь идола в ведре наверх. А если тебя беспокоит, что я могу взобраться по веревке — что ж, у тебя есть твой нож, верно? А потом ты сбросишь мне веревочную лестницу. И побыстрее, поскольку я уже сыт этой ямой по горло!

Дизм снова подумал и сказал:

— Будет сделано!

Мгновение спустя на дно ведра начала кольцами падать веревка, и, пока она падала, Тарра жадно смотрел на тяжелую ручку ведра, из которой можно было согнуть отличный крюк! Наконец, Дизм обрезал веревку и сбросил вниз ее конец.

— Держи! — крикнул он. — Десять человеческих ростов.

Отвязав веревку от ручки ведра, Тарра смотал ее и накинул на плечо. Следовало играть свою

игру до конца. Естественно, он не мог ни сделать крюк, ни воспользоваться им, пока Дизм все еще наверху. Нужно было заставить его уйти.

— Кстати, — небрежно заметил он, — насчет тех ловушек, про которые я говорил. Твоих напарников убила вовсе не одна из них.

— Что? — послышался сверху удивленный голос. — Что ты имеешь в виду? Ты их нашел?

— Да, то, что от них осталось. Над ними явно поработали твои неизвестные «стражи», Хадж. Но пещеры эти очень обширны, возможно, они тянутся на многие мили под пустыней. Стражи — кем бы они ни являлись — наверняка не здесь. Если бы они тут были… мы оба были бы мертвы в мгновение ока!

— Ты хочешь сказать, ты был бы мертв в мгновение ока, — поправил Дизм.

Но Тарра лишь покачал головой.

— Мы оба, — повторил он. — Я нашел одного из твоих парней на высоком, почти недоступном узком уступе. Он был весь изломан, и на его костях почти не осталось плоти. Второй, в таком же состоянии, лежал в узкой нише, по сути, в трещине в стене, но ужас настиг его и там. Остановит ли их воронка этого колодца? Сомневаюсь.

Дизм молчал.

Тарра двинулся прочь, наклонив голову и мрачно улыбаясь себе под нос, но голос Дизма заставил его остановиться.

— Хроссак, у тебя есть какие-нибудь мысли — что эти стражи представляют собой на самом деле?

— Кто знает? — таинственно ответил Тарра. — Возможно, они ползают, или скользят. А может, и летают! Одно можно сказать точно: они слизывают мясо с костей с той же легкостью, с какой пиявки сосут кровь!

И он ушел.

План хроссака заключался в том, чтобы немного подождать, а потом поднять громкий шум, крича: «Стражи! Стражи!» А затем издавать жуткие хрипы, пока Хадж Дизм окончательно не поверит, что он мертв. Все это, естественно, следовало разыграть так, чтобы тот сверху ничего не видел. Затем должна была наступить мертвая тишина, в которой Тарра надеялся услышать звуки лихорадочного бегства лиса, а потом он вернулся бы, чтобы отломать от ведра ручку, сделать из нее крюк, привязать к нему сложенную вдвое веревку, и таким образом сбежать. А потом выследить злодея и сломать его тощую шею!

Таков был его первоначальный план…

Однако, подумав, Тарра решил иначе. Раз уж ему все равно придется здесь ждать, почему бы не обратить это время себе на пользу? Даже сейчас, если вдруг что-то пошло бы не так, если бы, например, появились настоящие стражи, ему, возможно, пришлось бы рассчитывать на помощь Хаджа Дизма, чтобы тот быстро вытащил его наверх. Он знал, что шансы на это невелики, особенно после того как он нагнал страху на хитрого лиса, но лучше уж хоть какой-то шанс, чем никакого вообще. Так что лучше было сделать вид, что он следует указаниям Хаджа до самого конца. В любом случае мысль о том, чтобы похитить одного из идолов, выглядела весьма заманчиво.

С подобными мыслями он поспешно вернулся назад в пещеру с золотыми спрутами, ждавшими на своих постаментах перед гробницей короля-ящера, и…

В ярком свете пылающего факела хроссак уставился широко раскрытыми глазами на происходившее с идолами превращение, ибо они не просто ждали на своих постаментах! Только теперь Тарра начал осознавать истинную сущность проклятия, связанного с этими подземными гробницами. Монархи давно погибшей расы

наверняка были великими чародеями, чьи заклинания пережили темные и ужасные столетия. Но даже самые могущественные заклинания, в конце концов, теряют силу, и это в том числе. То, что изначально представляло собой быструю метаморфозу, превратилось в мучительно медленный процесс, но при этом не менее смертоносный, о чем свидетельствовали два обожженных трупа.

Идолы-спруты двигались медленно, почти незаметно на взгляд, но постепенно, по мере действия заклинания, движения становились все быстрее. Они начали сползать со своих постаментов, цепляясь щупальцами-присосками за их верхушки. Глаза их наполовину открылись, и под золотыми веками зловеще блестели черные шары. Кислотная пленка, которую, казалось, источали их тела, стала заметно толще и слегка дымилась в тех местах, где она соприкасалась с ониксовым постаментом.

Первой мыслью Тарры было бежать, но куда? Вернуться и рассказать Хаджу Дизму? Но тогда злодей наверняка оставит его здесь, пока спруты не превратятся окончательно. Хватит ли ему времени, чтобы сделать крюк и воспользоваться им? Вряд ли…

Ужас навалился на плечи хроссака, словно

ледяное покрывало, придавливая к земле своим весом. Неужели это конец, и ему тоже придется стать жертвой смертельного поцелуя спрута, превратившись в мешок с обугленными костями?

Что ж, возможно, но не в одиночку!

Мысли о мести придали Тарре сил. Бросившись вперед, он обвязал двойной петлей брюхо левого спрута и потянул, пока щупальца не соскользнули с края постамента, а затем поволок чудовищную тварь через пещеры, на стенах которых мерцали отблески факела. В тех местах, куда попадала кислота, от веревки поднимался едкий дым, но она выдержала, и, в конце концов, вспотевший хроссак появился у того места, где ждал Хадж Дизм.

— Принес? — нетерпеливо крикнул тот.

— Да, — тяжело дыша, ответил Тарра, — приволок на веревке. Сбрасывай свой конец и готовься вытаскивать.

Он откатил ведро в сторону, будто бы подготавливая его к подъему. Хадж тут же сбросил сверху веревку. Тарра привязал ее к своей, и Хадж выбрал слабину. Затем хроссак подтащил спрута поближе и услышал судорожный вздох хитреца.

— Великолепно! — прохрипел тот, видя лишь золото, но не чудовищное превращение, проис-

ходившее все быстрее.

Веревку, обматывавшую брюхо спрута, почти разъело кислотой, и Тарра сделал новую петлю ниже щупалец. Один раз он случайно коснулся золотой плоти монстра, и ему пришлось прикусить губу, чтобы не вскрикнуть, ибо кожа на костяшках пальцев почернела и потрескалась!

Наконец он крикнул: «Поднимай!», и Дизм, довольно посмеиваясь, начал крутить рукоять лебедки. Алчность его была столь велика, что он полностью забыл о ведре. Но Тарра о нем не забыл.

Пока масса превращающейся золотой плоти короткими рывками медленно поднималась наверх, хроссак шагнул в тень и, оторвав ручку от ведра, быстро сделал из нее крюк. Отступив назад, он швырнул крюк в веревочную петлю, прежде чем она оказалась чересчур высоко, и, стоя под висящим идолом, крикнул:

— Спускай лестницу, Хадж Дизм, как договаривались, или я помешаю тебе своим собственным весом. Ибо тебе не поднять идола вместе со мной!

— По очереди, — ответил тот. — Сначала идол.

— Будь ты проклят, Хадж! — крикнул Тарра, повисая на крюке, чтобы продемонстрировать

Дизму серьезность своих намерений, — но крюк тут же разогнулся и соскользнул с петли, вынудив Тарру упасть на колени. Когда он снова поднялся на ноги, веревка и идол были уже недосягаемы, а сверху раздавалось эхо зловещего смеха Хаджа, но недолго.

А потом, пока хроссак стоял, хмуро сжимая и разжимая кулаки, снова послышался голос Хаджа:

— Хроссак, что это за отвратительный запах?

Идол медленно поворачивался на веревке, исчезая в трубе.

— Запах моего пота, — ответил Тарра, — смешанный с запахом дыма от факела и с запахом самой смерти!

Он отошел в сторону, чтобы на него не попали с шипением падавшие сверху капли, оставлявшие дымящиеся следы на полу. Идол уже был у самого края, и капли ядовитой слизи начали падать чаще.

Стоя поодаль, Тарра слышал бормотание Дизма, вращавшего ворот лебедки, затем удивленный возглас, а затем вопль неподдельного ужаса!

Тарра мог представить себе происходящее во всех подробностях — как поворачивается ворот, сматывая веревку, и как появляется тяжелый,

отливающий золотом спрут. Еще один поворот, и сверкающие глаза спрута смотрят в глаза Хаджа, щупальца тянутся к нему, разбрызгивая шипящую кислоту…

А потом…

Продолжая истошно вопить, в объятиях золотого кошмара с ожившими смертоносными щупальцами Хадж вместе со спрутом рухнул в шахту. Веревочная лестница, упавшая лишь наполовину, маняще повисла вне досягаемости хроссака.

Пока изломанное, но еще живое тело Хаджа билось на полу в жутких объятиях чудовища и плоть его растворялась, превращаясь в дым, Тарра снова согнул крюк из ручки ведра и привязал к нему хорошую веревку. И тут он в ужасе увидел появившегося из темноты второго спрута, который полз на помощь своему зловещему близнецу!

Размахнувшись что есть силы, хроссак швырнул крюк туда, где свисали нижние перекладины веревочной лестницы. Мимо! Еще раз…

Чудовищные щупальца с шипением тянулись к его лодыжкам. Над телом смолкшего Дизма поднимались отвратительные испарения. Вокруг стояла ужасающая вонь. Наконец, Тарре удалось

зацепить лестницу крюком, подтянув ее к залитому слизью полу.

Тарра не помнил, как хватался руками за перекладины. Казалось, его гнали вперед лишь слепой ужас и паника — наверх, из дыры, по винтовой лестнице, а затем по длинному туннелю с изваяниями из сталактитов к водопаду, под ночное небо. Он даже не остановился, чтобы пересечь уступ за водопадом, лишь прыгнул сквозь завесу падающей воды, почти без единого всплеска нырнув в озеро, а затем, борясь с водоворотом, поплыл к берегу, где еще тлели угли костра.

А после…

Наутро вдоль подножий холмов шел на восток со своими верблюдами очень богатый человек. Тарра Хаш так ни разу и не оглянулся…

Тетушка Хестер[16]

Этот рассказ написан в декабре 1971 года и впервые опубликован в «Голове сатира», антологии под редакцией Дэйва Саттона, выпущенной в Великобритании издательством «Корги Букс». С тех пор он несколько раз перепечатывался, последний раз в «Выдающихся рассказах о призраках», антологии издательства «Кэррол и Граф» 2004 года, под редакцией Р. Четвинда Хэйса и Стивена Джонса. Когда я писал этот рассказ, я служил командиром оперативного взвода в тогдашней Западной Германии. Однако к моменту его публикации я стал интендантом подразделения Королевской военной полиции в нашей шотландской штаб-квартире в Эдинбургском замке. «Тетушка Хестер», естественно, рассказ из цикла о Мифе Ктулху, в чем-то похожий на «Тварь у порога» Лавкрафта. Но, несмотря на то что в нем отчетливо прослеживается влияние лавкрафтовского Мифа, по стилю написания рассказ не имеет с ним ничего общего.

---

[16] notes: 16

“Aunt Hester”, from The Satyr’s Head, Corgi, 1975.

Плешков К. П., перевод на русский язык, © 2018.

Полагаю, лучше всего описать мою тетушку Хестер Лэнг как «белую ворону» в нашей семье. Во всяком случае, никто никогда не разговаривал ни с ней, ни о ней — я имею в виду взрослых — и если бы кто-то узнал о моих дружеских отношениях с тетей, они тоже наверняка были бы пресечены раз и навсегда; но, естественно, все это было много лет назад.

Я хорошо помню, как я пробирался окольными путями к дому тетушки Хестер в старинном Касл-Илдене на побережье неподалеку от Хардена, после школы, когда мои родители думали, будто я отправился на сбор скаутов. Тетя поила меня какао, и мы разговаривали о тритонах, лягушках, конских каштанах и прочих вещах, которые могли бы заинтересовать маленького мальчика, пока не подходило к концу время скаутского сбора, и я спешил домой.

Мы, отец, мать и я, уехали из Хардена, когда мне было двенадцать, перебравшись в Лондон, где отец получил хорошую работу. Мне было уже двадцать, когда я смог снова увидеться с тетей. За все эти годы я лишь посылал ей открытки (писать письма я никогда не умел), и я знал, что мои родители ни разу ей не писали и ничего о ней не слышали, но, тем не менее, мать предупредила

меня перед тем, как я отправился в Харден, чтобы я не «заглядывал» к тетушке Хестер Лэнг.

Вне всякого сомнения, мои родители ее боялись, а если даже и не боялись, то, по крайней мере, опасались.

Что касается меня, то предупреждение я воспринял как вызов. Я договорился пожить неделю у старого школьного друга, но задолго до того, как шедший на север поезд остановился в Хардене, я решил провести хотя бы часть этого времени у тетушки. Почему бы и нет? Разве мы с ней не ладили? Что бы ни случилось в прошлом между ней и моими родителями, я не видел никаких причин ее сторониться.

Сейчас она наверняка постарела. Интересно, насколько? Она была на несколько лет старше моей матери, своей сестры, того же, естественно, возраста, что и ее брат-близнец Джордж в Австралии. Но сколько ей лет в точности, я, конечно, не знал. В конце концов, проделав все возможные подсчеты, я прикинул, что моей тете и ее далекому брату на двоих как минимум сто восемь лет. Да, тете сейчас должно быть примерно пятьдесят четыре года. Пора уже было кому-нибудь ею заинтересоваться.

В первый же вечер после моего приезда в Хар-

ден, в пятницу, мне представилась отличная возможность навестить тетушку Хестер. У моего школьного друга Альберта было свидание, которое ему не слишком хотелось откладывать, и, хотя в течение дня он делал все возможное, вскоре стало ясно, что вторую девушку для меня ему за столь короткий срок не найти. Но я в любом случае не большой сторонник свиданий с незнакомками, а большинство девушек остаются таковыми, пока их по-настоящему не узнаешь. Еще меньше мне нравятся свидания в компании с кем-то еще, на самом же деле мне хотелось иметь свободный вечер для себя. Так что, когда Альберту пришло время отправиться на встречу со своей девушкой, я пошел в другую сторону, через осенние изгороди и поля, к старинному Касл-Илдену.

В маленькой деревушке я появился около восьми, когда сумерки еще не решились уступить ночи, и направился прямо к домику с соломенной крышей, где жила тетя Хестер. Дом все так же стоял в конце мощеной Мэйн-стрит, посреди ухоженного сада в окружении вишневых деревьев с увешанными тяжелыми плодами ветвями. Когда я подошел к воротам, дверь открылась, и из дома вышла самая странная четверка незнакомцев из

всех, что я когда-либо видел.

Сгорбленный, но весьма подвижный и разговорчивый старик лет девяноста, неряшливая толстая женщина с множеством трясущихся подбородков, тощий как скелет, невероятно высокий и смешно закутанный мужчина в шарфе, длинном пальто и меховых перчатках, и, наконец, изящная старушка с тростью и слуховой трубкой. Их сопровождала моя тетушка Хестер, нисколько, казалось, не изменившаяся с тех пор, как я видел ее в последний раз. Проводив их к воротам, она вывела их на улицу. Последовал неровный хор благодарностей и дежурных вежливых фраз, после чего все четверо удалились в сторону покосившегося деревенского паба, оставив тетю у ворот. Наконец она заметила меня, стоявшего в тени одного из ее вишневых деревьев, и почти сразу же узнала, несмотря на прошедшие без малого десять лет.

— Питер?

— Привет, тетя Хестер.

— Господи, Питер Нортон! Как ты вырос! Заходи, заходи!

— Прошу прощения, что явился без предупреждения и после столь долгого отсутствия, — ответил я, пожимая ее протянутую руку, — но…

— Можешь не извиняться. — Она небрежно махнула рукой и улыбнулась, отчего в уголках ее глаз и на некрасивом лице появились морщинки. — Ты пришел как раз вовремя — моя группа только что оставила меня одну.

— Твоя группа?

— Моя спиритическая группа! Она у меня уже давно, много лет. Ты не знал, что я в некотором роде медиум? Вряд ли. Твои родители ведь тебе об этом не рассказывали, верно? Собственно, с этого все и началось, я имею в виду семейные проблемы.

Мы вошли в дом.

— Я как раз хотел тебя об этом спросить, — сказал я. — Ты имеешь в виду, что моим родителям не нравится твое увлечение спиритизмом? Вполне могу их понять, особенно отца. Но все равно никак не пойму, какое отношение это имеет к ним?

— Не только к твоим родителям, дорогой, — она всегда называла меня «дорогой», — но и к моим, а в особенности к Джорджу, твоему дяде в Австралии. И дело не только в спиритизме, хотя и в нем тоже. Ты знаешь, что мой брат уехал из дома и обосновался в Австралии из-за меня? — Взгляд ее стал отстраненным. — Нет, конечно же, не знаешь, и вряд ли кто-то еще знал бы о моих

способностях, если бы Джордж не вывел меня через окно…

— Гм? — пробормотал я, не веря своим ушам. — Способностям? Вывел через окно?

— Да, — кивнула она, — он вывел меня через окно! Послушай, я расскажу тебе все с самого начала.

К этому времени мы уже расположились перед камином в гостиной тетушки Хестер, и я смог увидеть принадлежности, оставленные ее «группой» — старинные тома и трактаты в кожаных переплетах, карты таро, лоснящуюся от времени «говорящую доску» и еще несколько предметов, столь любимых спиритами. В доме тети Хестер всегда имелось множество загадочных диковинок, с детства приводивших меня в восторг.

— Впервые я узнала о существовании между мной и Джорджем некоей связи, — начала она, вырвав меня из задумчивости, — отличной от очевидной связи, существующей между всеми двойняшками, когда нам было двенадцать. Твои дедушка с бабушкой взяли нас вместе с твоей матерью на пляж в Ситон-Кэрью. Был июль, и стояла невероятная жара. В общем, короче говоря, твоя мать начала тонуть.

Она заплыла довольно далеко, и единствен-

ным, кто был неподалеку, оказался Джордж, который не умел плавать! Он зашел в воду по шею, но не осмелился идти дальше. В Ситоне можно зайти далеко от берега — дно опускается очень плавно. Джордж был, по крайней мере, ярдах в пятидесяти от берега, когда мы услышали его крик, что сестренка тонет…

Сначала я перепугалась и побежала по мелководью, крича Джорджу, чтобы он плыл к сестре, чего, конечно, он сделать не мог — но поплыл! Или, по крайней мере, поплыла я! Каким-то образом я поменялась с ним местами, понимаешь? Не физически, но мысленно. Я оставила его позади на мелководье, в моем теле, а сама, что было сил, поплыла в его теле к сестре! Мне удалось вытащить ее обратно на мелководье без особых усилий — она не доставала до дна всего на несколько дюймов, — а потом, когда опасность миновала, я обнаружила, что мое сознание вернулось в мое собственное тело.

Все начали суетиться вокруг Джорджа, который стал героем дня, пытаясь выяснить, как это у него получилось; но он не мог ничего толком сказать, кроме того, что ему казалось, будто он стоит на месте, глядя, как сам же спасает сестру. Конечно же, он действительно стоял и смотрел

— моими глазами!

Я не стала пытаться ничего объяснить. Все равно никто бы не поверил и не стал бы слушать, да я и сама не могла понять, что произошло, но с тех пор Джордж стал относиться ко мне подозрительно. Он ничего не говорил, но, думаю, уже тогда у него впервые возникла мысль…

Внезапно она пристально посмотрела на меня и нахмурилась.

— Тебе не кажется все это слишком сложным для понимания, дорогой?

— Нет, — я покачал головой. — Вовсе нет. Помню, я читал о чем-то похожем, случившемся с близнецами, кажется, о «корсиканских братьях».

— О, я слышала множество подобных историй! — быстро ответила она. — Вряд ли ты читал труды Иоахима Фири о «Некрономиконе»?!

— Нет, — ответил я. — Не думаю.

— Так вот, Фири был незаконным внуком барона Канта, немецкого «охотника на ведьм». Он таинственным образом умер в тысяча девятьсот тридцать четвертом году, еще относительно молодым.

Он написал несколько оккультных книг, изданных ограниченным тиражом — по большей части за его собственный счет, — большинство

из которых были практически сразу скуплены религиозными и другими властями, а затем уничтожены. Вне всякого сомнения, — хотя так и не удалось выяснить, где он мог их видеть или читать, — в качестве источников Фири служили крайне редкие и зловещие книги, такие как «Хтаат Аквадинген», «Некрономикон», «Безымянные культы» фон Юнцта, «Тайны Червя» Принна и другие им подобные. Познания, полученные Фири из этих книг, порой кажутся невероятными. Его цитаты, хотя и вполне подлинные и авторитетные, часто существенно отличаются при сравнении их с трудами, откуда они якобы позаимствованы. Насчет подобных расхождений Фири заявлял, что большая часть его оккультных познаний пришла к нему «в сновидениях». — Тетя немного помолчала, затем спросила: — Я тебя не утомляю?

— Нисколько, — ответил я. — Мне очень даже интересно.

— Что ж, — продолжала она, — как я уже говорила, Фири наверняка видел где-то один из крайне редких экземпляров «Некрономикона» Абдула Альхазреда в том или ином переводе, поскольку он опубликовал небольшой сборник заметок относительно содержания этой книги.

У меня самой этого сборника нет, но мне давал его почитать мой друг, старый участник моей группы. Альхазред, хотя многие и считали его сумасшедшим, несомненно, являлся выдающимся мировым авторитетом в области черной магии и ужасов из чужих измерений, и чрезвычайно интересовался любыми странными явлениями, как физическими, так и метафизическими.

Тетя Хестер встала и подошла к книжной полке. Открыв большой современный том изумительных рисунков Обри Бердслея, она извлекла из него несколько листов бумаги, исписанных ее собственным аккуратным почерком.

— Я выписала несколько цитат Фири, предположительно принадлежащих Альхазреду. Послушай вот эту:

«Является достоверным и подтвержденным фактом, что между некоторыми родственниками существует связь более сильная, нежели самые крепкие кровные и семейные узы, когда один такой человек может испытывать все переживания и наслаждения другого, даже боль и страсть того, кто находится очень далеко; более того, есть те, чью подобную способность усиливает запретное знание или взаимодействие посредством темной магии с духами и существами из поту-

сторонних сфер. Что касается последнего, то я нашел таких людей, как мужчин, так и женщин, и после тщательного изучения обнаружил, что во всех случаях они являются прорицателями, ясновидящими, колдунами, ведьмами, заклинателями или некромантами. Все они заявляли, что совершают свои чудеса, взаимодействуя с духами мертвых, но, боюсь, зачастую подобные духи являются злыми ангелами, посланниками Темного и еще более древних зол. Среди них были и те, кто, обладая чрезвычайно сильными способностями, мог по желанию переселяться в тело другого даже на большом расстоянии, против воли и часто без ведома жертвы подобного насилия…»

Положив листы, она откинулась на спинку кресла и вопросительно посмотрела на меня.

— Все это очень интересно, — помолчав, сказал я, — но вряд ли относится к тебе.

— Но ведь это так и есть, дорогой, — возразила она. — Во-первых, я сестра-близнец Джорджа, а во-вторых…

— Но ты же не ведьма и не некромант!

— Нет, я бы так не сказала, но я действительно прорицательница, и я действительно «совершаю свои чудеса, взаимодействуя с духами мертвых». Именно в этом и состоит суть спиритизма.

— Хочешь сказать, что, в самом деле, всерьез воспринимаешь этого… э… Альхазреда, спиритизм и все прочее?

Тетушка нахмурилась.

— Нет, Альхазреда вряд ли, — после некоторой паузы ответила она. — Но, как ты сам сказал, он весьма интересен. Что касается спиритизма — да, я воспринимаю его всерьез. Ты бы удивился, узнав, какие флюиды я ощущаю последние три недели или около того. Весьма тревожные, но пока что довольно бессвязные, даже, можно сказать, неистовые. Однако в конце концов я до него доберусь — в смысле, до этого духа…

Минуту или две мы сидели молча. Честно говоря, я не знал что сказать. Наконец тетя продолжила:

— Так или иначе, речь идет о Джордже и о том, что мне показалось, будто даже после того первого случая у него возникла мысль, что во всем виновата именно я. Да, наверняка так оно и было. Он ничего не говорил, и все же…

В любом случае, на том не закончилось. Прошло некоторое время с того дня на пляже, прежде чем сестру удалось убедить, что ее спасла не я. Она была уверена, что ее вытащила из воды именно я, а не Джордж.

Прошел еще год или два, и подошла пора выпускных экзаменов в школе. Я всегда была прилежной ученицей, но бедняга Джордж… — она печально покачала головой. Похоже, мой дядя не подавал больших надежд.

— Была назначена дата экзамена, — продолжила тетя, — и подготовлены два комплекта заданий, один для мальчиков, другой для девочек. Я без труда справилась со своим заданием и еще до объявления результатов знала, что с легкостью сдала экзамен. Настала очередь Джорджа. Он страшно волновался, зубрил изо всех сил, кусал ногти… но ничего у него не получалось. Когда наступил день его экзамена, я лежала в постели с простудой, и до сих пор помню, как я за него тревожилась. В конце концов, он все-таки был моим братом.

Вероятно, я слишком напряженно думала о нем, ибо, прежде чем я успела что-то сообразить, я оказалась в классе, полном мальчиков, глядя на экзаменационное задание!

Час спустя я закончила решать все задачи, а потом, сосредоточившись, заставила себя вернуться домой. На этот раз мне потребовались немалые усилия, чтобы снова оказаться в собственном теле.

Дома царила страшная суматоха. Я была внизу, в пижаме, мать обнимала меня, пытаясь утешить, отец кричал и размахивал руками, весь красный и слегка испуганный. Я хорошо помню, как он вопил: «Девочка тронулась умом!».

Судя по всему, примерно час назад я сбежала вниз по лестнице, пронзительно крича, что пропущу экзамен, и мне очень хотелось знать, что я делаю дома. А когда меня назвали Хестер вместо Джорджа, казалось, я окончательно сошла с ума!

Конечно, к тому времени я уже пару дней лежала с высокой температурой, так что ответ был очевиден: у меня внезапно начался лихорадочный бред, а теперь лихорадка спала, и все будет хорошо. Так они мне сказали…

В конце концов вернулся домой Джордж, с широко раскрытыми глазами и затравленным взглядом, и в течение нескольких дней избегал меня словно чумы. Однако на следующей неделе, когда выяснилось, что он получил за экзамен отличную оценку…

— Но он наверняка должен был знать, — вмешался я. Исчезли последние сомнения — она явно не сочиняла.

— Но откуда он мог знать, дорогой? Да, он знал, что с ним дважды произошло нечто кошмарное, и

что оно каким-то образом связано со мной; но он не мог знать, что именно я являюсь причиной.

— Однако он все-таки выяснил, в чем дело?

— О да, — медленно ответила она, и глаза ее слегка сверкнули в отблесках пламени в камине. — И как я уже говорила, именно потому он в конце концов уехал из дома. Все случилось так.

Я никогда не была красавицей — нет, не говори ничего, дорогой. Тогда твой отец сам был еще мальчишкой, тебя еще и на свете не было, так что знать ты не можешь. Но в том возрасте, когда большинству девочек достаточно надуть губы, чтобы разжечь огонь в сердце парня, я была самой обыкновенной, и вряд ли в том стоит сомневаться.

Так или иначе, когда Джордж по вечерам отправлялся на свидание со своей очередной девушкой, на танцы или куда-нибудь еще, я всегда оставалась дома наедине с книгами. Честно говоря, я ужасно завидовала брату. Конечно, ты его не знаешь — когда ты родился, он уже лет пятнадцать как уехал. Но Джордж был весьма симпатичным парнем. Не то чтобы сильным, но высоким и стройным, и девушкам он нравился.

В конце концов он нашел себе подружку и стал проводить все свое время с ней. Помню, я была

вне себя от злости из-за того, что он ничего мне о ней не рассказывал…

Она замолчала и посмотрела на меня. Наконец я кашлянул, приглашая ее продолжить.

— Помню, был субботний весенний вечер, вскоре после того как нам исполнилось девятнадцать, и Джордж почти час наряжался перед свиданием со своей девушкой. Этим вечером он, похоже, решил надо мной поиздеваться, отказавшись отвечать на любые вопросы о девушке или хотя бы сказать, как ее зовут. В тысячный раз поправив галстук и пригладив волосы, он подмигнул мне — как мне показалось, злобно — и ушел.

Этого оказалось достаточно. Что-то во мне сломалось! Топнув ногой, я в слезах бросилась наверх, в свою комнату. И пока я плакала, у меня возникла мысль…

— Ты решила… э… поменяться личностями со своим братом, чтобы самой взглянуть на его девушку, — вмешался я. — Так?

Тетушка кивнула, уставившись на огонь; похоже, ей самой было стыдно.

— Да, — сказала она. — Впервые я воспользовалась своей способностью в своих личных целях, к тому же низменных и презренных. Но на этот раз все было не так, как раньше. Обмен личностей

произошел не мгновенно. Мне пришлось сосредоточиваться изо всех сил, как бы подталкивая себя, но вскоре, прежде чем я успела это понять, я оказалась там.

— Там? В теле дяди Джорджа?

— Да, в его теле, глядя его глазами, держа в его руке холодную изящную ладонь очень красивой девушки. Конечно, я ожидала увидеть девушку, и все же…

Выпустив ее руку, я в замешательстве отскочила назад и натолкнулась на стоявшего позади меня мужчину. Девушка шепотом спросила: «Джордж, что с тобой?» — и все уставились на нас. Мы стояли в очереди в кассу второразрядного кинотеатра. Наконец я сумела пробормотать что-то в ответ, страшно хриплым, незнакомым и испуганным голосом. Голос, естественно, принадлежал Джорджу, но страх оставался моим собственным. А потом девушка придвинулась ближе и мягко поцеловала меня в щеку!

Да, она меня поцеловала! Но ведь, естественно, она так бы и сделала, будь я Джорджем! Она начала что-то говорить, вроде: «Ты подскочил так, будто тебя ужалили…» — но я не слушала ее, Питер, только снова отскочила, в ужасе попятившись прочь. Вероятно, я покраснела как рак, стоя

посреди этой очереди, в окружении незнакомых людей — меня только что поцеловала девушка!

Понимаешь, я думала вовсе не как Джордж! Я лишь пожалела от всей души, что влезла в эту историю, и прежде чем я успела что-либо сообразить, я уже бежала в теле Джорджа по дороге, оставив позади очередь в кино и ту симпатичную девушку, которая что-то в отчаянии кричала мне вслед.

Все мое злополучное приключение длилось лишь несколько минут, и когда мне наконец удалось овладеть собой — или, вернее, Джорджем, — я спряталась в дверях магазина. Мне потребовалась еще минута или две, чтобы в достаточной степени собраться для, так сказать, «обратного путешествия». В результате я снова оказалась в своей комнате.

Я отсутствовала не более семи-восьми минут, но вернулась не в точности в то же самое место, откуда отправилась. Да, Джордж не бросился в истерике вниз по лестнице, как в тот раз, когда я сдала за него экзамен, хотя, конечно, «переход» длился на этот раз намного дольше, но, по крайней мере, он отошел от кровати. Я обнаружила, что стою возле окна… — Тетушка замолчала.

— А потом? — поторопил я ее, захваченный

рассказом.

— Потом? — задумчиво переспросила она. — Что ж, Джордж отнесся к этому достаточно спокойно… Нет, не совсем так. Он стал избегать меня больше обычного, вплоть до того, что я изредка его видела, лишь когда он приходил или уходил. Мать с отцом не замечали, что Джордж стал относиться ко мне намного холоднее, но я постоянно это чувствовала. Уверена, именно тогда он наконец понял причину кратковременного безумия, посещавшего его в самые неподходящие моменты. Да, сейчас я понимаю, что вполне могла свести Джорджа с ума! Но, конечно, теперь он уже был предупрежден…

— Предупрежден? — переспросил я. — И в следующий раз он…

— В следующий раз? — Она слегка повернула голову, и я увидел тонкие шрамы на ее гладкой левой щеке. Меня всегда интересовало, откуда они взялись. — Про следующий раз я помню мало, вероятно, из-за шока, некоего, так сказать, «мысленного блока», но, в любом случае, следующий раз оказался последним!..

Я пару раз гуляла с одним мальчиком, и, помню, он перестал мне звонить из-за того, что Джордж что-то ему про меня рассказал. Со времени моего

позорного и неудачного эксперимента прошло уже полгода, и я преднамеренно старалась забыть о нем, решив преподать Джорджу урок. Ты должен меня понять, дорогой, тот мальчик, про которого я говорила… в общем, он очень много для меня значил.

Так или иначе, я должна была отомстить. Не знаю, как Джорджу удалось поладить со своей девушкой, но у него это получилось, и я намеревалась покончить с их романом раз и навсегда.

В начале октября мне, наконец, представился шанс. Как сейчас помню, было воскресенье, и Джордж гулял со своей девушкой. Я тщательно все спланировала, в точности зная, что говорить, как себя вести и что делать. Я вполне могла справиться за две минуты и вернуться в собственное тело, прежде чем Джордж успел бы понять, что происходит. Впервые у меня были по-настоящему злые намерения…

Я подождал, пока тетя заговорит снова, и после некоторой паузы в очередной раз поторопил ее:

— А потом? Именно тогда…

— Да, именно тогда он заставил меня выйти в окно. Вернее, не совсем выйти — вероятно, я выпрыгнула, или, скорее, он заставил меня выпрыгнуть, если ты понимаешь, что я имею в

виду. Я только что сидела на зеленом берегу с той же самой красивой девушкой, а в следующую минуту ощутила жуткую боль во всем теле, в моем собственном теле, ибо мое сознание внезапно вернулось на свое законное место. В одно мгновение, помимо моей воли я снова стала… собой!

Но при этом я лежала на лужайке перед домом! Я помню, что видела осколки стекла и обломки покрашенного желтой краской дерева из разбитого окна моей спальни, а потом лишилась чувств от боли.

Джордж лишь один раз пришел навестить меня в больнице. Когда мои родители отвернулись, он зловеще ухмыльнулся и, наклонившись к моей койке, сказал: «Что, получила, Хестер?» И больше ничего.

У меня были сломаны нога и ключица. Домой меня отпустили только через три недели. К тому времени Джордж нанялся в торговый флот, и мои родители знали, что в том есть и моя вина. С тех пор их отношение ко мне изменилось. Джордж был зеницей семейного ока, если ты понимаешь, о чем я. Они знали, что в его уходе каким-то непонятным образом виновата я. Я получила от Джорджа письмо, скорее, записку, в которой он предупреждал меня, чтобы я «больше никогда

так не делала», что есть вещи и похуже, чем падение из окна!

— И ты действительно никогда… э… больше так не делала?

— Нет, с тех пор ни разу так и не осмелилась. Есть вещи и похуже, дорогой, чем когда тебя заставляют выйти через окно! А если Джордж до сих пор меня ненавидит… Но мне часто хотелось сделать так еще раз. Ты знаешь, что у Джорджа двое детей?

— Да, — кивнул я, — я слышал, как мама про них говорила. Джо и Дорин?

— Верно, — подтвердила тетушка. — Вряд ли их теперь можно назвать детьми, но я думаю о них именно так. Твоим двоюродным брату и сестре сейчас лет по двадцать с небольшим. Как-то раз, много лет назад, мне написала жена Джорджа. Понятия не имею, где она взяла мой адрес. Полагаю, она писала без ведома Джорджа. В письме говорилось, что она очень сожалеет о «семейных проблемах», и к нему прилагались фотографии детей. Прекрасные ребятишки. Возможно, есть и другие дети, а может, и внуки.

— Вряд ли, — сказал я. — Думаю, я бы об этом знал. Мои родители до сих пор весьма скрытны, но об этом я бы узнал наверняка. Скажи лучше,

почему вы не общаетесь с мамой? Она никогда о тебе ничего не говорит, а ведь все-таки ты ее сестра.

— Твоя мать на два года младше нас с Джорджем, — сообщила тетя. — Когда ей было тринадцать, она уехала к дедушке с бабушкой на юг. Видишь ли, сестренка была очень способной девочкой. Джордж был немного туповат, я была достаточно умна, но она была настоящей умницей. Родители отправили сестренку к бабушке, где она могла ходить в достойную ее способностей школу. С тех пор она так там и осталась. Наши пути просто разошлись…

Имей в виду, мы никогда не были настолько близки, насколько могут быть близки сестры. Так или иначе, мы не встречались с ней до тех пор, пока она не вышла замуж и не переехала сюда. К тому времени Джордж, вероятно, написал ей и кое о чем рассказал. Не знаю, о чем именно, но… В любом случае, никаких проблем между нами не возникло, поскольку я уже работала и у меня была собственная квартира.

Шли годы, с сестрой мы почти не виделись. У нее подрастал сын — ты, дорогой, а я сошлась с компанией спиритов, и у меня впервые в жизни появились настоящие друзья. Собственно, вот и

все. Мое увлечение спиритизмом, разные мои прочие привычки, не вписывавшиеся в общепринятые нормы, нечто непонятное, что я сделала с Джорджем… в общем, из-за всего этого мы стали чужими друг другу. Понимаешь?

Я кивнул. Мне было ее жаль, но, конечно, я не мог ей этого сказать. Вместо этого я лишь неловко хмыкнул и пожал плечами.

— Кто вообще нуждается в обществе других?

Она ошеломленно уставилась на меня.

— Все мы, дорогой!

Некоторое время тетя Хестер молчала, глядя на огонь.

— Пойду приготовлю чай, — неожиданно сказала она, глядя на меня с хорошо знакомой улыбкой. — Или лучше какао?

— Какао! — Я машинально рассмеялся, радуясь смене темы нашего разговора.

Она ушла в кухню, а я закурил сигарету и огляделся вокруг. Взгляд мой упал на листы бумаги, оставленные на столике тетей, и я сразу же увидел, что многие ее заметки представляют собой выписки из экзотических книг. Проглядев отрывок, который она мне читала, я взял другой лист, и мое внимание тут же привлекли три цитаты из Библии:

«Не обращайтесь к вызывающим мертвых, и к волшебникам не ходите, и не доводите себя до осквернения от них» (Левит 19:31).

«Тогда Саул сказал слугам своим: сыщите мне женщину, волшебницу, и я пойду к ней и спрошу ее. И отвечали ему слуги его: здесь в Аэндоре есть женщина волшебница» (1-я Царств 28:7).

«А из занимавшихся чародейством довольно многие, собрав книги свои, сожгли перед всеми» (Деяния 19:19).

Третий лист содержал цитату из «Христианина сегодня»:

«Занятия, подобные этим, означают проникновение в демонические круги, и у людей, которых привело к посещению так называемых «спиритических сеансов» простое любопытство, подозрение и скептицизм нередко сменяются истерической одержимостью. То, о чем я говорю, весьма серьезно, и я лишь один из многих, кто предостерегает от любых контактов с «духовными силами» и им подобными, ибо одержимость демонами, которая сама по себе есть невыразимое зло, может привести к ужасающим последствиям».

Наконец, прежде чем вернулась тетя Хестер с дымящимся кувшином какао и двумя чашками, я прочитал еще одну из ее выписок, на этот раз снова из «Заметок о Некрономиконе» Фири:

«Да, я узнал, как при наличии знаний и достаточной силы духа можно управлять перемещениями своей сущности в любых существ и людей — даже из могильного холода или из-за дверей каменной гробницы…»

Над последним отрывком я продолжал размышлять час спустя, идя по вечерним улицам Хардена к дому моего друга.

* * *

Три дня спустя, когда, как мы и договаривались, я снова пришел в коттедж моей тети в старинном Касл-Илдене, она уже ждала у меня у ворот. Быстро затащив меня внутрь, она усадила меня в кресло, села напротив и сжала руки на коленях, словно взволнованная юная девушка.

— Питер, дорогой, у меня появилась идея — столь простая, что даже удивительно, как я не подумала об этом раньше.

— Идея? Что ты имеешь в виду, тетя Хестер? Что за идея? Она как-то касается меня?

— Да, я предпочла бы, чтобы это был ты, а не кто-то другой. В конце концов, ты уже знаешь мою историю…

Я нахмурился, ощутив тень мрачного предчувствия. Слова ее звучали пока что достаточно невинно, и, казалось, не было никаких причин для беспокойства, но…

— Историю? — наконец переспросил я. — Хочешь сказать, что твоя идея имеет какое-то отношение к… дяде Джорджу?

— Да, именно так! — ответила она. — О, дорогой, я могу их увидеть, всего на пару мгновений, но я могу увидеть моих племянника и племянницу. Ты мне поможешь? Я знаю, что поможешь.

Мрачное предчувствие усилилось, становясь все более реальным.

— Помочь тебе? Так ты хочешь… — Я замолчал, а затем заговорил снова, окончательно поняв, к чему она клонит: — Но разве ты не говорила, что это слишком опасно? В последний раз ты…

— Да, я знаю, — нетерпеливо прервала она меня. — Но теперь все иначе. Я не стану задерживаться более чем на секунду-другую, лишь чтобы увидеть детей, а потом вернусь прямо… сюда. И приму меры предосторожности. Все получится, вот увидишь.

— Предосторожности? — помимо воли заинтересовался я.

— Да, — она заговорила быстрее, все больше волнуясь. — Я все продумала, и мне ничто не угрожает. Прежде всего, Джордж будет спать, он вообще ничего не узнает. Когда его спящий разум переместится в мое тело, он просто будет продолжать спать! С другой стороны, когда мой разум переместится в его тело, я смогу встать и…

— И воспользоваться собственным братом в качестве замочной скважины! — к своему собственному удивлению выпалил я. Тетя нахмурилась, а потом отвернулась. План ее был вовсе не безупречен, и она это знала не хуже меня. Однако, если мои слова и пристыдили ее, они нисколько ее не обескуражили. Когда она снова посмотрела на меня, взгляд ее был почти умоляющим.

— Я знаю, как это все выглядит для тебя, дорогой, но на самом деле все не так. И я знаю, что кажусь чересчур эгоистичной, но это тоже не совсем так. Разве это не естественно, что я хочу видеть свою семью? Ты же знаешь, все они — моя семья: Джордж, мой брат, его жена, моя невестка, их дети, мои племянник и племянница. Да, я хочу просто… подглядеть, если ты так это называешь.

Но, дорогой, мне действительно это нужно. У меня будет всего несколько мгновений, и я буду помнить их всю свою оставшуюся жизнь.

Я начал сдаваться.

— И как ты собираешься это сделать?

— Просто взглянуть, — пылко ответила она, снова напомнив мне юную девушку, — и ничего больше. Даже если он не спит, он никогда не узнает о том, что я там побывала; он просто подумает, что у него на секунду закружилась голова. Но если он спит, то я смогу «разбудить» его, увидеть его жену, а если дети все еще с ними, то и их тоже. Всего лишь один взгляд.

— А если что-то пойдет не так? — тупо спросил я, возвращаясь к реальности. — Например, ты можешь вернуться и обнаружить, что твоя голова в газовой духовке! Что может помешать ему перерезать тебе вены? На это, знаешь ли, хватит и секунды.

— Для этого и нужен ты, дорогой. — Она встала и с улыбкой погладила меня по щеке. — Ты будешь здесь и проследишь, чтобы ничего не случилось.

— Но…

— А для пущей надежности, — прервала она меня, — я буду привязана к креслу. Когда ты при-

вязан, то через окно не выйдешь, верно?

* * *

Полчаса спустя, все еще мучимый непонятным предчувствием, я по требованию тетушки Хестер привязал ее запястья к подлокотникам кресла мягкими, но достаточно крепкими бинтами из ее аптечки в ванной.

Она все продумала, рассудив, что в Австралии должно быть раннее утро, и ее брат будет еще спать. Устроившись поудобнее, она без единого слова закрыла глаза, и ее голова медленно опустилась на грудь. Солнце еще не зашло, и в комнате было достаточно тепло, и тем не менее, меня пробрал странный нервный озноб.

Именно тогда я попытался остановить тетю, позвав ее по имени и тряхнув за плечо, но она лишь оттолкнула мою руку и шикнула на меня. Я вернулся в кресло, с тревогой глядя на нее.

Когда тени в комнате заметно удлинились и слегка похолодало, голова ее еще сильнее опустилась на грудь, и мне начало казаться, что она заснула. Однако потом она пошевелилась в кресле, и я понял, что она все еще бодрствует, готовя свое тело для дремлющего разума брата.

Несколько мгновений спустя я понял, что что-

то изменилось. Поза ее осталась прежней, все так же продолжали медленно ползти тени, размеренно тикали старинные часы на стене, но я вдруг ощутил необъяснимый холод, и у меня возникло чувство, что что-то стало по-другому…

Внезапно перед моим мысленным взором промелькнули некоторые из предупреждающих заметок, которые я читал всего несколько дней назад, и я понял, что больше так продолжаться не может. Да, она предупреждала меня, чтобы я не делал ничего, что могло бы ее испугать или побеспокоить, но я отчего-то знал, что если что-то немедленно не предприму, то…

— Хестер! Тетя Хестер! — хрипло крикнул я и, вскочив, шагнул к ней, чувствуя, как пересохло в горле. Она подняла голову и открыла глаза.

На мгновение мне показалось, что все в порядке — но потом…

Вскрикнув, она встала, разрывая бинты в клочья ставшими вдруг удивительно сильными руками, и пошатнулась, явно не понимая, где находится. Я в ужасе попятился, чувствуя, что что-то пошло совсем не так, как предполагалось, а я ничего не могу с этим поделать.

Она стояла, вытаращив широко раскрытые глаза, и, как мне показалось, наконец, увидела

меня. Шатаясь, она двинулась мне навстречу с отвисшей челюстью и торчащим между оскаленными зубами языком. Только тогда я понял, что именно не так — это чудовищное существо вовсе не было моей тетей. Я начал отступать, пытаясь заслониться руками и что-то неразборчиво выкрикивая.

Наконец, продолжая наступать и судорожно цепляясь за воздух в дюймах от моего лица, она — оно — заговорило:

— Нет! — раздался жуткий булькающий голос. — Нет, Хестер… дура! Я же тебя предупреждал…

В то же мгновение я увидел перед собой не пожилую женщину, но ужасную фигуру мужчины в женском теле!

Куда более гротескное, чем любой актер-комик, существо выгнулось в жутких корчах, и взгляд его начал стекленеть прямо у меня на глазах, пока я смотрел на него, парализованный ужасом. А потом все закончилось, и оно безжизненной грудой мяса рухнуло на пол. Пурпурный язык все так же торчал между покрытыми пеной губами.

* * *

Вот и вся история — но не та, которую я только что рассказал, поскольку иначе возникло бы слишком много вопросов, или, вероятнее всего, мне бы просто не поверили. В самом деле, кто бы мне поверил? Я понял это, как только все кончилось, и потому попросту избавился от разорванных бинтов и вызвал врача. Как мне сказали, тетя Хестер умерла от сердечного приступа, и, возможно, так оно и было — подобное напряжение вряд ли смогла бы вынести даже она, при всех ее способностях.

Последние две недели или около того я пытался убедить себя, что врач был прав (во что я тогда был готов поверить), но я лгал самому себе. Думаю, настоящую правду я узнал, когда мои родители получили письмо из Австралии. А потом, лишь подчеркивая эту правду, пришли сны и видения — или нечто иное?

Проснувшись сегодня утром, я обнаружил, что меня окружает лишенная света черная и холодная пустота, в которой я не мог даже пошевелиться, и мне стало до ужаса страшно. Это продолжалось лишь мгновение, не больше, но в это мгновение мне казалось, будто я умер — или

будто я живой находился в теле мертвеца!

Снова и снова мне вспоминаются слова безумного араба в изложении Иоахима Фири: «…даже из могильного холода…». И, в конце концов, я понимаю, что это действительно ответ на все мои вопросы.

Вот почему завтра я лечу в Австралию якобы навестить жену моего дяди, мою австралийскую тетушку. Но на самом деле меня интересует только он, сам дядя Джордж. Не знаю, что мне удастся сделать, и можно ли вообще сделать хоть что-то. Мои усилия вполне могут оказаться тщетными, и все же я должен попытаться.

Я должен попытаться, ибо теперь знаю, что снова могу оказаться, возможно, навсегда, в этом адском месте, полном черного забвения и бесчувственной тишины. В мертвом разлагающемся теле моего дяди Джорджа, уже три недели как похороненного, когда тетя Хестер поместила свой разум в его тело — тело, которое она теперь пытается покинуть, используя для этого мое собственное!

Поцелуй Бугг-Шаша[17]

В 1962 году британское издательство «Сфера» выпустило антологию под названием «Новые произведения об ужасах и сверхъестественном, том 2». В нее в числе других вошел рассказ «Одержимый» Дэвида Саттона. Рассказ этот показался мне настолько подходящим для цикла о Мифе, что я получил у Дэвида разрешение на написание продолжения, которым является нижеследующий рассказ. Оба рассказа позднее (в 1978 году) появились вместе в брошюре небольшого издательства «Спектр Пресс» Джона М. Харви под названием «Ктулху-3». Насколько мне известно, позднее они были опубликованы в сборнике «Гробница Ктулху» под редакцией Роберта М. Прайса, а также в антологии Прайса «Новый круг Лавкрафта» издательства «Федоган и Бремер», вышедшей в 1995 году.

---

[17] notes: 17

“The Kiss of Bugg-Shash”, from Cthulhu 3, Spectre Press, 1978.
Плешков К. П., перевод на русский язык, © 2018.

I

— **И** вы дали ему уйти? — недоверчиво переспросил Томас Милрайт, услышав вымученное признание Рэя Наттола.

Алан Барт, который был чуть моложе Наттола, быстро кивнул, вздрогнув от страха, несмотря на тепло лондонской квартиры.

— Да, сэр, — выпалил он. — Но мы не специально, вы должны нас понять. Господи, этого никогда бы не случилось, если бы мы знали, что делаем, но…

— Боже мой, Алан, да ты чушь несешь! — недовольно оборвал Барта Наттол, нервно окидывая взглядом квартиру, хотя голос его звучал вполне уверенно. — Мистер Милрайт наверняка прекрасно понимает все, что мы рассказали. Вовсе незачем оправдываться.

Циничный друг Алана Барта уже успел несколько прийти в себя. Он куда легче, чем его младший товарищ, воспринимал весь ужас происшедшего после ряда событий, кульминация которых случилась три дня назад, когда оба они, пусть и невольно, действительно вызвали демона, или демоническое орудие, из безымянной бездны в мир людей.

— Да, я прекрасно понимаю, что вы мне рассказали, — ответил мрачный темноглазый ученый-оккультист, — хотя, должен признаться, мне довольно трудно поверить, что…

— Что парочка любителей, возясь со странной эзотерической граммофонной записью и некими заклинаниями из старой экстравагантной книги, действительно сумела вызвать подобное существо? — закончил за него Наттол.

— Если коротко, то да… именно так. — Оккультист нисколько не сомневался. — Заметьте, я вполне могу понять, каким образом вы сумели себя в этом убедить. Самогипноз — основа многих так называемых случаев одержимости демонами.

— Мы предвидели, что вы скажете что-то в этом роде, — сказал Наттол, — но мы очень легко можем доказать истинность нашего рассказа. — Голос его внезапно дрогнул; он явно с трудом держал себя в руках. — Однако это не слишком приятно…

— Это ужасно, ужасно! — подскочил Барт. Его обычно землистое лицо вдруг стало намного светлее. — Не заставляйте нас это доказывать, мистер Милрайт! Только не это, господи, только не это! — голос его начал срываться на истерику.

— Тебе незачем при этом присутствовать, Алан, — пожалел его Наттол. — Думаю, я смогу выдержать и сам, к тому же это продлится всего секунду. И на самом деле я буду не один, поскольку со мной будет мистер Милрайт.

Нахмурившись, Милрайт поднялся с кушетки, на которой сидел. Он не скрывал своей заинтересованности.

— И в чем же заключается это ваше доказательство?

— Мы просто на мгновение выключим свет, — ответил Наттол, протягивая руку к выключателю на стене.

— Подожди! — завопил Барт, хватая товарища за руку. — Подожди, — прохрипел он, в ужасе вытаращив глаза, и повернулся к оккультисту. — У вас в ванной есть свет?

— Конечно, — ответил Милрайт и снова нахмурился. Проводив Барта до двери ванной, он в замешательстве посмотрел вслед молодому человеку, который, весь дрожа, скрылся за ней. Затем послышался щелчок засова изнутри двери.

Неожиданно Милрайт понял, что начинает им верить. Два ночных посетителя, с их арсеналом карманных фонарей и неподдельным страхом темноты, на самом деле его не обманывали. Но,

вероятно, все было так, как он и думал — все шансы в пользу самогипноза. Им настолько хотелось, чтобы их эксперимент удался, и они настолько вогнали себя в состояние истерии с помощью музыки и эзотерических заклинаний, что действительно поверили, будто вызвали демона из преисподней.

С другой стороны… что ж, Милрайт имел достаточный опыт общения со сверхъестественным. Черная магия, которую он с некоторой долей осторожности практиковал, и разнообразные тщательно отредактированные труды, которые он писал в той же области, весьма облегчили ему жизнь в последние пятнадцать лет. Теперь, однако, ему самому предстояло увидеть или, по крайней мере, ощутить «доказательство», которое предложили ему молодые люди. Парень по фамилии Наттол предупредил его, что доказательство это не будет приятным. Что ж, мало какие магические или некромантические явления бывают приятны, но, конечно, Наттол вряд ли решился бы продемонстрировать это существо, или чем бы оно ни было, если оно по-настоящему опасно…

Они не объяснили в точности, что, по их мнению, они выпустили из адской обители, но,

возможно, они этого и не знали. Однако они сказали Милрайту, что знают его как «специалиста» по подобным вещам, и потому обратились к нему за помощью.

И теперь оставалось лишь выяснить, что же это такое на самом деле. Милрайт вернулся в свой кабинет, где ждал смуглый молодой человек по фамилии Наттол. Он увидел, что его гость весь вспотел от ожидания, хотя продолжал сохранять остатки хладнокровия.

— Что ж, мистер Наттол, — сказал Милрайт, закрывая за собой дверь кабинета. — Начинайте вашу демонстрацию.

Кадык Наттола судорожно дернулся.

— Мне придется остаться здесь, — пробормотал он, — рядом с выключателем, чтобы потом включить его снова. А вам следует держать меня за руку, чтобы по-настоящему… оценить это существо. Готовы?

Несмотря на немногие оставшиеся сомнения в истинности их рассказа, оккультист, тем не менее, ощутил невидимую энергию, странную силу, собиравшуюся в воздухе. Он уже хотел было прекратить эксперимент — позднее он пожалел, что этого не сделал…

Но вместо этого он лишь кивнул, и Наттол вы-

ключил свет.

Алан Барт, сидевший в ярко освещенной ванной, в страхе скорчившись в углу, услышал пронзительный вопль Милрайта, а несколько секунд спустя жуткие ругательства. Он понял, что Рэй провел свою «демонстрацию». На подкашивающихся ногах он выбрался из ванной и, пошатываясь, вернулся в кабинет оккультиста.

Там он увидел то, что и ожидал увидеть — тот самый ужас, который он испытал уже дважды. Оба, его друг Наттол и продолжавший ругаться с вытаращенными глазами оккультист, поспешно срывали с себя одежду. Все это время они лихорадочно терли лица, трясли руками и брыкались, пытаясь избавиться от липкой прозрачной слизи, покрывавшей их с головы до ног блестящим клейким слоем. Это был змеиный след, оставшийся от Черного, Заполняющего Пространство — Того, Кто Приходит в Темноте! Того самого существа или силы из внешних измерений, прогнать которое могла лишь непорочность света!

* * *

Наттол, бледный и дрожащий, сидел, завернувшись в полотенце, перед газовым камином, светящиеся поленья в котором выглядели почти

настоящими. Он и оккультист приняли душ, чтобы смыть с себя отвратительную скользкую слизь, и теперь Милрайт сидел и слушал, пока Барт объяснял ему все подробности только что происшедшего.

Барт рассказал, как они с Наттолом наткнулись на средства, способные вызвать этот студенистый ужас сквозь завесу чужих измерений в их собственный мир, как они обнаружили, что свет удерживает это создание тьмы на почтительном отдалении и как потом каждый раз, когда они оказывались в темноте, тварь возвращалась, пытаясь их поглотить. При упоминании об этом все взгляды обратились к густой жидкости, даже сейчас покрывавшей пол вонючими подсыхающими лужами, до которой никто из троих не мог заставить себя дотронуться, чтобы ее убрать.

— И у вас действительно есть экземпляр «Книги Безумного Беркли»? — спросил потрясенный оккультист, и серебристые кисти его восточного халата шевельнулись в такт содроганию его тела.

— Да, она принадлежала деду Рэя, — кивнул Барт. — Мы принесли ее с собой.

Подойдя к висевшему на стене пальто, он дрожащими руками извлек из большого внут-

реннего кармана переплетенный в кожу томик с железными застежками. Он протянул книгу оккультисту, который открыл ее, несколько секунд изучал содержание, а затем решительно захлопнул.

— Да, это действительно «Книга Безумного Беркли». И действительно, она в лучшем состоянии, чем мой собственный экземпляр. Считается, что старик Беркли объединил в ней все худшее, что только есть в эзотерических книгах — «Некрономиконе», «Хтаат Аквадинген», немецких «Безымянных культах» — и, ради всего святого, я теперь готов в это поверить! Сам я никогда не пользовался этой книгой. Конечно, я знаю, что многое из того, что старик Беркли изложил на бумаге, чертовски опасно, но это! Это нечто чудовищное!

Он немного помолчал, пытаясь унять дрожь в руках; затем взгляд его стал жестким, и он повернулся к сидевшему у камина Наттолу.

— Чертов придурок! Ты обрек меня на то же самое жуткое проклятие! Ты понимаешь, что после того как я однажды встретился с этой… тварью, она тоже станет меня посещать?

Наттол посмотрел на него, и на его осунувшемся лице вновь промелькнуло знакомое циничное

выражение.

— Полагаю, так оно и есть, — согласился он и поспешно продолжил: — Но разве вы не понимаете, что иначе и быть не может? Как еще я мог рассчитывать на вашу помощь? Теперь, когда мы с вами в одной лодке, вам придется нам помочь. Если вы сумеете… изгнать этот кошмар, то нам ничто больше не будет угрожать. По крайней мере, у вас теперь есть… стимул!

— Ах ты, проклятый щенок… — Милрайт в ярости вскочил, но Барт схватил его за рукав.

— Какой смысл из-за этого ссориться, мистер Милрайт? Разве вы не видите, что на это просто нет времени? Рано или поздно, если только мы не найдем… противоядие, нас одного за другим утащат в темноту. А тогда… тогда… — голос Барта зловеще оборвался.

— Но я не знаю никакого «противоядия», как вы выражаетесь, — резко возразил оккультист.

— Тогда стоит начать его искать, и прямо сейчас, — бросил Рэй Наттол, нервы которого наконец не выдержали. — У вас ведь наверняка есть какие-то мысли насчет того, что это такое? Вы же специалист, в конце концов. Есть какие-нибудь другие оккультисты, с которыми можно проконсультироваться?

— Да, я знаю в Англии еще троих или четверых со способностями выше среднего, — ответил Милрайт, но подумав, покачал головой. — Однако связываться с ними бесполезно. Они мне не помогут. Могу сразу же признаться — моя репутация в оккультных кругах не самая лучшая. Боюсь, с точки зрения некоторых моих малодушных современников, я чересчур часто использовал свои познания о темных силах в своих собственных целях. Даже в подобных вопросах существует так называемая «этика». Единственные, кого я знаю и кто мог бы помочь, хотя и это сомнительно, тоже, боюсь, пали жертвой некоего зла.

Вы слышали о Титусе Кроу и Анри-Лоране де Мариньи? Да? Так вот, они оба исчезли несколько месяцев назад, когда дом Кроу разрушила страшная гроза. Так что их можно исключить. Нет, если мне и доведется сразиться с этой тварью, то только самому… но вы двое мне поможете. А теперь нам многое предстоит сделать. Сегодня ночью спать не придется. Впрочем, лично я сомневаюсь, что смогу теперь когда-либо заснуть!

II

Полночь застала всех троих в ярко освещенной, полной тревоги и напряжения квартире.

Прежде чем решить, как действовать дальше, Милрайт еще раз во всех подробностях выслушал их историю. При упоминании газетной статьи, в которой цитировались слова Милрайта и которая вызвала интерес Наттола к джазовой группе «Жареные пауки», оккультист заметил, что в то время его интересовала лишь возможность сделать рекламу своей недавней книге на оккультную тематику. Фактически он даже не слушал упомянутую грампластинку.

Милрайт пришел к выводу, что двое молодых людей случайно создали идеальные условия, приведшие к вызову демона. Несомненно, легкие наркотики, к которым имел доступ Наттол, помогли создать надлежащую связь с внешними сферами, внеся, так сказать, свой вклад в контакт с другими измерениями. Когда они закончили читать нараспев заклинание, Наттол довел его до логического завершения… А потом появился Черный! Не предполагая, что подобное вообще может случиться, Наттол не предпринял традиционных мер предосторожности, заключив кошмарное создание в пентаграмму.

И это действительно был кошмар! Существо со зловещими глазами, способными видеть в темноте, с губами, с хлюпаньем всасывавшими

все вокруг. Они прогнали его, просто включив свет. Если бы они этого не сделали… они вскоре бы утонули в чудовищной слизи, сочившейся из липких пор.

Прогнав тварь, они решили, что от нее избавились. Однако позже, тем же вечером, после уборки, когда Барт уже собирался возвращаться домой, существо снова напало на него в темноте. Он едва успел добежать назад до дверей Наттола, спрятавшись в залитом благословенным светом убежище.

И теперь невидимый Черный ждал прихода его любимой темноты, чтобы снова вернуться и утопить своих освободителей в омерзительной слизи. Сейчас он ждал еще и Милрайта…

Оккультист слишком хорошо понимал, что значит постоянно жить в подобном кошмаре — не зная, когда откажет электричество, в непрерывном страхе потерять сознание и очнуться ночью в темной комнате или, может быть, не очнуться вообще! И потому в полночный час, несмотря на усталость, он терпеливо листал страницы большого старинного эзотерического справочника, надеясь найти хоть какой-то ключ к природе существа, которое его гости вызвали из темных сфер.

Наттол и Барт занимались тем же самым, но не со столь значительными справочными изданиями. Тишину нарушали лишь сухой шорох переворачиваемых страниц, негромкие ругательства, когда кто-то в очередной раз заходил в тупик, и тиканье настенных часов Милрайта. Задача выглядела невозможной, и, тем не менее, к утру, после немалых усилий и тяжких трудов, порожденных мучительным страхом, они многое узнали о кошмаре, который даже сейчас таился в темных местах, нетерпеливо поджидая жертву. Впрочем, то, что они выяснили, лишь усилило их страх.

Это создание, существо или сила было известно еще в первобытные времена древним черным магам и некромантам. Даже из допотопной Атлантиды дошли сведения о «Ночной твари», «Черном», «Заполняющем Пространство», «Бугг-Шаше Ужасном» — демоне, о котором писал сам Эйбон из Мху Тхулана:

«Одно из самых темных созданий преисподней, чей след похож на след чудовищного слизня и которое происходит из самых отдаленных сфер. Собрат Йибб-Тстлла, Бугг-Шаш — тоже Душитель; его губы сосут и облизывают, и его поцелуй — липкий поцелуй чудовищной смерти. Он

поднимает даже мертвых, подчиняя их себе, и охваченный ужасом, даже изъеденный червями труп спешит на его зов…»

Так было написано в томе, который столь тщательно изучал Милрайт, скрывая его от взглядов своих двух помощников.

А в «Заметках о Хтаат Аквадингене» Фири — хотя Милрайт предупреждал, что реконструкции и переводы Фири часто превратно или фантастически трактуют оригинальные труды — Барт отыскал следующие загадочные сведения:

«Дабы ни у одного чересчур опрометчивого или неопытного чародея не возникло искушения вызвать одного из Душителей — будь это Йибб-Тстлл или Бугг-Шаш, — пусть послужат эти слова предупреждением против подобного легкомыслия. Ибо Душители — вероломные твари, и требуют самого аккуратного обращения и величайшего внимания. Йибб-Тстлла можно подчинить себе лишь с помощью сжигающего душу Барьера Наач-Тита, а Бугг-Шаша можно обуздать лишь в Пентаграмме Силы. И Душителей следует как можно раньше отправить назад в их мир, коим есть мир Смерти, дабы не обратились они против призвавшего их. Не призывай Бугг-Шаша лишь

из простого любопытства, ибо Великий Черный не вернется по собственной воле в свою обитель, но будет всеми способами искать себе жертву, которой часто становится сам чародей, Его призвавший. Из этих двоих Бугг-Шаш самый злой и коварный, ибо если не будет к его появлению приготовлена жертва, Он не вернется, пока не заберет с собой призвавшего Его, даже если для этого ему придется ждать сто лет…»

Наттол внес самый малый вклад в их знания о таящемся во тьме ужасе. Фрагмент, который он нашел, был взят из тяжелого рукописного тома, заглавие которого было тщательно выжжено с корешка каленым железом. И это был всего лишь фрагмент, в котором упоминался Заполняющий Пространство:

«Бугг-Шаш невыносим! Его губы высасывают все, Он не знает поражения, но в конце концов побеждает свою жертву, даже если Ему приходится преследовать ее до самой смерти, чтобы достичь своей цели. И о нем есть загадка, известная моим предкам:

Что за зло поднимает мертвецов,
Ужасом окутанных с ног до головы?»

— Это из «Некрономикона»! — воскликнул Милрайт, когда ближе к рассвету Наттол нашел этот абзац и прочитал его вслух в ярко освещенном кабинете. — Это Альхазред!

Оккультист выхватил книгу из рук Наттола, пробежал глазами страницу и недовольно бросил ее на стол.

— И больше ничего, — проворчал он. — Но это ключ! Эта книга — всего лишь мешанина оккультных верований и легенд, но, возможно, в «Некрономиконе» Безумного Араба, из которого наверняка позаимствованы эти строки, найдется больше сведений на эту тему. Попытаться определенно стоит. К счастью, темная сторона моей репутации пока не добралась до руководства Британского музея. Они по праву считают меня авторитетом, настоящим ученым. С их помощью я могу получить доступ к архивам, закрытым для всех остальных. Должен признаться, что отрывки, которые мы нашли, ужасно меня беспокоят! Однако следует помнить, что любое магическое действие таит в себе опасность. Пока что… можно сказать, я избежал правосудия. Надеюсь, что так будет и впредь.

Если есть какой-то способ покончить с этим кошмаром, я готов воспользоваться любым

шансом, чтобы его найти, хотя на это может потребоваться время. Один ключ я уже получил. — Он постучал ногтем по книге. — Если же нет… по крайней мере, мы знаем, с чем имеем дело. Так что в моем доме всегда будет иметься запас свечей, сухих батарей и электролампочек; я всегда буду носить с собой, по крайней мере, одну зажигалку и металлический коробок со свежими сухими спичками. Бугг-Шаш не застанет меня врасплох, когда наступит тьма…

* * *

Наттол и Барт проспали все утро. Хотя с балкона и в окна квартиры Милрайта лился дневной свет, в ней продолжали сиять лампы и медленно догорали свечи. Во второй половине дня, когда оккультист вернулся в довольно хорошем расположении духа, оба уже встали.

— Нашел, — сказал он, закрывая за собой дверь своей роскошной квартиры. — По крайней мере, мне так кажется. Это Третья Сатлатта. Про Бугг-Шаша в «Некрономиконе» говорится кое-что еще, и это, в свою очередь, привело меня к «Хтаат Аквадингену», — он содрогнулся. — Противозаклинание, которое нужно исполнить, как и многие Сатлатты, в полночь. Сегодня ночью

мы освободимся от Бугг-Шаша навсегда… если только… — оккультист нахмурился. Несмотря на его слова, голос его звучал не слишком уверенно.

— Да? — поторопил его Наттол. — Если что? Что-то не так?

— Нет-нет, — устало покачал головой Милрайт. — Просто… я снова наткнулся на это странное предупреждение!

— Какое предупреждение? — беспокойно спросил Барт, нервно дернув щекой.

— Ну, есть своего рода предупреждения, — ответил Милрайт, — но они никогда четко не сформулированы. Черт бы побрал этого араба! Похоже, он ни слова не писал, не обернув его в загадку!

Он тяжело опустился в кресло.

— И все-таки объясните, — потребовал Наттол. — Как работает это ваше «противозаклинание»… и что это за предупреждения, из-за которых вы так беспокоитесь.

— Что касается вашего первого вопроса — вряд ли мне стоит объяснять больше, чем я уже сказал. Но если коротко — Сатлатты включают в себя работающие заклинания и противозаклинания. Третья Сатлатта относится к последним. Беспокоит же меня лишь одно…

— Да? — снова нетерпеливо спросил Наттол.

— В применении к нашей нынешней ситуации, — наконец продолжил Милрайт, — в том затруднительном положении, в котором мы все оказались — Третья Сатлатта… ущербна!

— Вы хотите сказать, что она не сработает? — широко раскрыв от ужаса глаза, спросил Барт.

— Нет, она сработает как надо. Но…

— Ради всего святого! — воскликнул Наттол. Судя по его срывающемуся голосу, его обычно крепкие нервы были сейчас напряжены до предела. — Говорите же!

— Как я могу объяснить то, чего и сам до конца не понимаю? — рявкнул Милрайт, набрасываясь на перепуганного молодого человека. — И не советую вам на меня кричать, друг мой. Если бы не вы, все мы сейчас не очутились бы в подобной ситуации… и не забывайте, что без моей помощи вам из нее не выбраться!

При этих словах Наттол побелел как мел и начал, заикаясь, бормотать извинения.

— Хватит, — оборвал его оккультист. — Я скажу вам, что меня беспокоит. Коротко говоря, Третья Сатлатта содержит в себе условие!

— Условие? — удивленно переспросил Барт, явно не понимая, о чем речь.

— Цитируя Альхазреда, — не обращая на него внимания, продолжил Милрайт, — защита противозаклинания длится «лишь до смерти»!

Несколько мгновений все молчали, затем Барт сдавленно рассмеялся.

— Лишь до смерти? Что ж, честнее не скажешь. Я, в самом деле, не понимаю…

— И еще одно, — продолжал оккультист, — Третья Сатлатта не является необратимой. Ее действие можно отменить, просто произнеся ее же в обратном порядке.

Какое-то время гости Милрайта смотрели на него, не говоря ни слова; затем Наттол спросил:

— Кто-нибудь еще знает о нашей… проблеме?

— Нет, если только вы не рассказывали кому-нибудь еще, — ответил оккультист, лоб которого прорезала глубокая морщина. — Ведь нет?

— Нет, — сказал Наттол, — никому… но вы ведь понимаете, о чем я? О чем тут беспокоиться, если все так просто, как вы говорите? Само собой, мы никогда больше не станем связываться ни с чем подобным… а кто еще может узнать о том, что случилось? Даже если кому-то и известно, что мы вызвали дьявола, вряд ли он знает, как обратить этот ваш процесс. И вообще сомнительно, что у кого-то может возникнуть подобное желание,

разве нет?

Милрайт немного подумал и постепенно начал успокаиваться.

— Да, конечно, вы правы, — ответил он. — Просто не люблю ненужных осложнений. Все дело в том, что я кое- что знаю о древних знатоках, а они просто так предупреждать не станут. Этот Бугг-Шаш, чем бы он ни был, наверняка самый худший из демонов. Все, что о нем говорят — по-настоящему… демоническое!

III

Тем же вечером, на основании многочисленных заметок, сделанных в отделе редких книг Британского музея, Милрайт подготовил все необходимое для своей задачи. Он вымыл пол в кабинете, а затем в местах, показавшихся Натолу и Барту совершенно случайными, хотя на самом деле они были тщательно отмерены, словно по неким неведомым таблицам, расставил на голом полу свечи, курильницы и необычного вида медные сосуды. Покончив с этим и оставив середину пола пустой, он нарисовал мелом на оставшемся пространстве некие странные магические символы, расположив их в таком же кажущемся беспорядке. В самой середине

он изобразил белый круг, а когда приблизилась полночь, предложил своим гостям войти вместе с ним в это защитное кольцо.

Во время последних приготовлений зажгли свечи. От курильниц и сосудов поднимались к потолку тонкие покачивающиеся струйки разноцветного дыма и благовоний. Более того, в комнате был выключен электрический свет к немалому неудовольствию близкого к истерике Барта, так что кабинет освещало лишь мерцающее пламя свечей и тускло-красное свечение тлеющих порошков и трав в курильницах и сосудах.

Когда раздался первый удар бьющих полночь настенных часов, Милрайт достал из кармана аккуратно сложенный листок бумаги. Лишенным каких-либо эмоций голосом он прочитал слова, тщательно скопированные днем из почти забытого тома в тайных закоулках Британского музея.

Вряд ли Барт или Наттол могли впоследствии вспомнить мешанину чуждых гласных, слогов и диссонансов, срывавшихся с губ Милрайта в тускло освещенной комнате. Никакой простой смертный, не посвященный в искусство, которым владел Милрайт, не смог бы повторить эту

невероятную последовательность звуков. О том же, чтобы произнести заклинание наоборот — «в обратном порядке», как выразился Милрайт, — наверняка не могло быть и речи. Мысль эта, пусть и не в первую очередь, несомненно, пришла в голову обоим посвященным, когда оккультист закончил свое выступление и стихло эхо его чудовищной литургии… но не прошло и нескольких секунд, как эта и все прочие мысли сменились откровенным кошмаром!

Сначала даже Милрайт решил, что совершил некую жуткую ошибку, ибо на троих в меловом кругу обрушился неподдельный ужас, предвещающий неминуемую гибель! Барт завопил и попытался было бежать из круга и вообще из комнаты, что наверняка стало бы для него роковым шагом, но оккультист схватил его, удерживая на месте.

Медленно, но верно свет свечей тускнел, по мере того как угасало их пламя. Затем, одна за другой, они начали гаснуть. Барт продолжал вопить и сопротивляться, так что Наттолу тоже пришлось его держать, чтобы он не сбежал из круга. Неожиданно до ушей всех троих, словно с расстояния в тысячу миль, донесся тихий шепот, похожий на шум в морской раковине, шорох,

который мог быть лишь знаком… чьего-то присутствия!

Барт тут же лишился чувств. Милрайт и Наттол опустили его на пол и присели рядом с его неподвижным телом, продолжая крепко его держать и вглядываться в окружавшие их тени. Зловещие звуки, в которых слышалась некая безумная чуждая музыка, становились все громче. А потом… из темных углов поползло что-то скользкое и влажное, словно кисель!

— Милрайт! — хрипло вскрикнул Наттол, почти неразборчиво, словно ребенок, зовущий мать посреди особо страшного кошмарного сна.

— Стой на месте! И молчи! — приказал Милрайт столь же хриплым и срывающимся голосом.

Теперь горели только две свечи, столь тускло, что едва рассеивали тени вокруг. Оккультист потянулся дрожащей рукой к одной из них, чтобы внести ее в круг… и вторая тут же погасла, оставив лишь завиток серого дыма, повисший в почти полной темноте.

Омерзительные звуки стали еще громче. Они доносились со всех сторон, и двое остававшихся в сознании впервые отчетливо увидели то, что удерживал на расстоянии крошечный огонек единственной свечи. Отовсюду, к самому краю

мелового круга, к ним ползла блестящая, содрогающаяся стена студенистой слизи, в которой зияло множество ртов и таращилось такое же множество чудовищных глаз! Это был Бугг-Шаш Душитель, Черный, Заполняющий Пространство. И действительно, это… существо?.. заполняло собой весь кабинет! Весь, за исключением благословенного убежища внутри круга.

Глаза его невозможно было описать, но еще хуже были рты. Они чмокали и присвистывали толстыми липкими губами, пуская тягучую слюну, и из этих прожорливых отверстий лилась безумная чуждая песня — песня Бугг- Шаша, который поднимался все выше, образуя слизистый купол прямо у них над головами!

Наттол закрыл глаза и начал громко молиться. Милрайт же лишь в ужасе стонал, не в силах вознести молитвы Господу, которого он давно отверг. Но хотя и казалось, будто все кончено, Третья Сатлатта их не подвела. Едва студенистый купол начал неумолимо, как им показалось, опускаться, ярко вспыхнула последняя свеча, и масса Бугг-Шаша тут же распалась и потекла, словно вода через разбитую плотину. Стены и купол из дрожащей протоплазмы с отвратительными глазами и ртами заколыхались перед глазами

Милрайта, стремительно уменьшаясь, и чудовищный Черный снова исчез среди теней.

Затем чудесным образом вспыхнули погасшие свечи, возвращаясь к жизни одна за другой, столь же таинственно, как они гасли до этого. Оккультист понял, что наблюдал лишь нематериальное видение того, что могло бы случиться, если бы не могущество Третьей Сатлатты.

В то же мгновение, когда Барт пришел в себя, Милрайт крикнул:

— Мы победили!

Когда Наттол отважился открыть глаза, оккультист вышел из круга, подошел к выключателю, и комнату залил свет. То, что видели они с Наттолом, похоже, действительно было просто иллюзией, демонической галлюцинацией, поскольку от пережитого ими ужаса не осталось и следа. Пол, стены и книжные полки, отодвинутая в сторону мебель — все они были чистыми и сухими, без каких-либо признаков жуткой сущности Бугг-Шаша. Во всей комнате ничто не напоминало о Его визите; ни в одной трещине или щели в сосновых половицах не осталось ни капли Его омерзительной слизи…

IV

— Рэй! — крикнул Алан Барт, проталкиваясь через толпу длинноволосых посетителей зала для курящих ресторана «Виндзор». Увидев его, Наттол махнул рукой в сторону столика и заказал еще выпить. С бокалом в каждой руке он направился от бара туда, где сидел Барт, прислонившись к стене и сжимая в руке вечернюю газету.

Прошло больше недели после их жуткого приключения в лондонской квартире Томаса Милрайта. С тех пор они начали возвращаться к своим прежним взглядам и привычкам. Хотя они до сих пор не вполне доверяли темноте, они давно убедились в действенности Третьей Сатлатты Милрайта. Наттол остался таким же циником, как и прежде, и, несмотря на то что он все еще вздрагивал в темных местах, он стал предпринимать долгие вечерние прогулки по безлюдным аллеям, обычно заканчивавшиеся в «Виндзоре» незадолго до закрытия. Так что Барт знал, где его можно найти.

— Что случилось? — спросил Наттол, садясь рядом с товарищем, на лице которого читалась едва заметная тревога.

— Милрайт умер! — без каких-либо вступле-

ний выпалил Барт. — Дорожное происшествие, его сбил грузовик неподалеку от его дома. Его опознали в морге. Вот тут все написано. — Он развернул газету перед Наттолом, который едва на нее взглянул.

Если Наттола и потрясло известие, он ничем этого не показал; его глаза лишь слегка расширились, но не более того. Он небрежно пожал плечами.

Барта поразила подобная реакция друга.

— Мы же его знали! — возразил он.

— Да, недолго, — согласился Наттол, а затем, к удивлению Барта, улыбнулся. — Оно и к лучшему, — пробормотал он.

Барт отодвинулся от него.

— Что? Ты сказал…

— Да, к лучшему, — бросил Наттол. — Не понимаешь? Только он мог когда-нибудь снова наслать на нас это… эту тварь. А теперь его больше нет.

Некоторое время они сидели молча, прихлебывая из бокалов и пытаясь погрузиться в окружавший их шум людских голосов. Наконец Барт сказал:

— Рэй, ты не думаешь…

— Гм? — посмотрел на него Наттол. — О чем я

должен думать, Алан?

— Да, в общем, ни о чем. Я просто подумал о том, что говорил нам Милрайт — насчет того, что защита этого его заклинания будет длиться «лишь до смерти».

— И что? — ответил Наттол. — На твоем месте я не стал бы беспокоиться. Я лично еще долго не намерен это проверять.

— И меня беспокоит еще кое-что, — заметил Барт, словно не слыша небрежного ответа Наттола. — Не могу сообразить, что именно — что-то из того, что мы нашли тогда ночью дома у Милрайта, в тех старинных книгах. Вот только никак не могу вспомнить, черт побери!

— Тогда забудь! — улыбнулся Наттол. — И раз уж ты здесь, как насчет того, чтобы еще выпить? Твоя очередь.

* * *

Вопреки всем своим инстинктам, но не желая показывать Наттолу, что он до сих пор отчаянно боится темноты, Барт позволил уговорить себя пойти домой пешком. Наттол жил в одном из шикарных районов города, но Барту было с ним по дороге. Барт сказал Наттолу, что темнота его не особо беспокоит, пока он не один.

Низкие, быстро несущиеся по небу облака закрывали звезды, и холодный осенний ветер взметал под ногами брошенные обертки, опавшую листву и развевающиеся страницы вечерних газет.

Квартира Наттола располагалась у городской черты, жилье Барта же находилось в пригороде. Весь район, однако, был довольно новым, так что расстояния между гостеприимными фонарными столбами начали увеличиваться. Здесь не требовалось столько света. В наступившей темноте Барт вздрогнул и придвинулся ближе к своему внешне бесстрашному другу. Он не знал, что Наттола одолевают тревожные мысли. Слова Барта, сказанные в «Виндзоре», заронили сомнения в его душе; он хорошо помнил все то, что они обнаружили дома у Милрайта, включая и то, о чем забыл Барт…

У самой городской черты, почти на полпути до дома Наттола и в полумиле от дома Барта, они увидели человека на стремянке, который чинил неисправный уличный фонарь. Когда они подошли к столбу, свет мигнул, снова вспыхнул и погас.

— Эти люди, — вздрогнув, проговорил Барт, — настоящие труженики. Здесь, всю ночь, и только

ради того, чтобы у нас был… свет.

Без всякого предупреждения, едва Барт произнес слово «свет», огромный фонарь рухнул сверху на землю, разбившись у их ног на множество осколков.

— Ничего себе! — крикнул Наттол черному силуэту, неуверенно спускавшемуся со стремянки. — Осторожнее, приятель. Ты едва не обрушил эту штуку прямо нам на головы!

Оба остановились посреди темной улицы, чтобы придержать выглядевшую шаткой стремянку, и в то же мгновение сверху упало несколько капель, попав им на руки и поднятые лица. В темноте они не могли видеть, что это за капли… но почувствовали, как они липнут к их коже! Застыв от ужаса, они уставились друг на друга, глядя на спускающуюся со стремянки фигуру.

Луч карманного фонаря Барта мелькнул по застывшей физиономии Наттола и упал на лицо человека со стремянки. И лицо это — липко-влажное, с жутким отсутствующим выражением, покрытое кошмарной слизью, тем не менее, принадлежало Милрайту!

Милрайт, пешка Черного, сбежал из морга, где в темноте нашел его тело Бугг-Шаш, чтобы выполнить цель этого существа, цель, которой Он

должен достичь, прежде чем сможет вернуться в свое собственное адское измерение!

Лишь слепой инстинкт, инстинкт самосохранения заставил Барта вытащить фонарик, но представшее в луче света зрелище полностью лишило его присутствия духа. Фонарь выпал из дрожащих пальцев, стуча по тротуару, и каблук мертвеца со всей силой опустился на него. Снова наступила темнота.

Покрытая слизью фигура шагнула к молодым людям, и они почувствовали, как их запястья сжимают железные пальцы. Зомби, которым стал Милрайт, удерживал их с невероятной силой, или, вернее, Бугг-Шаш удерживал их посредством тела оккультиста. В то же мгновение мертвые губы раздвинулись, и из них раздались жуткие, разрывающие душу звуки Третьей Сатлатты — в обратном порядке!

Где-то вдали послышалось негромкое, довольное чириканье. Странное трио металось поперек дороги туда-сюда, подпрыгивая, извиваясь и крича в смертельных объятиях, пока наконец в охваченном ужасом мозгу Барта не возникли забытые им строки:

«Он поднимает даже мертвых, подчиняя их

себе, и охваченный ужасом, даже изъеденный червями труп спешит на его зов…»

Адский танец продолжался, как продолжались и крики, пока оба не ощутили прикосновение губ Бугг- Шаша и его чудовищные поцелуи…

Часы де Мариньи[18]

В мае — июне 1969 года, когда я только что получил звание сержанта и всего несколько месяцев служил на призывном пункте, у меня нашлось время для написания «Часов де Мариньи», рассказа, понравившегося Августу Дерлету с первого взгляда. Он сказал, что рассказ отлично вписывается в антологию «Призывающий Тьму», как оно и случилось два года спустя. Это еще один из рассказов, имеющих довольно долгую историю публикации, но здесь я вдаваться в подробности не буду. Достаточно сказать, что героями его являются Титус Кроу и самые странные часы в мире, которые можно бы было даже назвать «часами пространства». Часы эти не были моим изобретением. Они принадлежали Лавкрафту и Э. Хоффману Прайсу задолго до меня, но Титус Кроу и его подопечный, Анри-Лоран де Мариньи, позднее позаимствовали их, забрав с собой в некоторые из своих удивительных приключений, даже в замерзшую Борею, и еще дальше, на родину

---

[18] notes: 18

"De Marigny's Clock", from The Caller of The Black, Arkham House, 1971. Плешков К. П., перевод на русский язык, © 2018.

самих Древних Богов — в далекую Элизию!

Любое вмешательство в частную жизнь Титуса Кроу в его уединенном бунгало, известном под названием Блоун-хаус, в пригороде Лондона, сей джентльмен считал чуть ли не объявлением войны, если, конечно, оно происходило без его согласия. Собственно, уже одно то, что кто-то отважился без приглашения явиться к дверям жилища Кроу, означало, что это личность влиятельная и категоричная — качества, которые практически гарантированно входили в противоречие со своеобразным характером самого Кроу. Казалось, будто в Блоун-хаусе царит своя собственная атмосфера, висящее в воздухе нечто, обычно заставлявшее держаться подальше даже птиц и мышей. К тому же Кроу крайне редко кого-либо к себе приглашал. Он занимался весьма странными делами, ведя не менее странную жизнь, и, честно говоря, оставался крайне необщительным даже в самые захватывающие ее моменты. За годы причин для подобной негостеприимности становилось все больше, или, по крайней мере, так казалось самому Кроу. Во-первых, в его библиотеке имелось немалое количество редких и крайне ценных книг, большинство из которых давно не переиздавались, а

некоторые вообще никогда не издавались официально, Лондон же, несомненно, изобиловал не отличавшимися особой щепетильностью «коллекционерами» подобных предметов. Во-вторых, его занятия, обычно связанные с вопросами оккультизма и загадочными археологическими, антикварными или антропологическими исследованиями, требовали крайней сосредоточенности и личного участия, что исключало какие-либо помехи извне.

Впрочем, данное вторжение случилось отнюдь не тогда, когда Кроу занимался одним из множества своих разнообразных дел, вовсе нет. Оно произошло посреди ночи, вырвав его из глубокого сна без сновидений, которому предшествовал долгий день тяжелого и безуспешного труда над часами де Мариньи. И Титуса Кроу это вовсе не обрадовало.

— Что здесь, черт побери, происходит? Кто вы, и что вы делаете в моем доме?

Он резко сел в постели, едва включился свет. Лоб его уперся прямо в ствол устрашающего вида пистолета. Его держал в руке весьма несимпатичный тип ростом пять футов восемь дюймов, коренастый, крепко стоявший на казавшихся короткими по сравнению с туловищем ногах. Над

левым глазом незнакомца виднелся небольшой шрам, а рот был перекошен, как показалось Кроу, цинично — слева направо. Явно не красавец.

— Спокойно, приятель, и ничего с тобой не сделается, — сказал тип приглушенным, но неприятным голосом. Взгляд Кроу упал на противоположный конец комнаты, где в дверях стоял второй разбойник, на бледных губах которого играла нервная улыбка.

— Нашел что-нибудь, Поганка? — спросил тип с пистолетом, ни на мгновение не сводя взгляд с лица Кроу.

— Ничего, Джо, — последовал ответ. — Несколько старых книг и немного серебра, пока ничего ценного. Хотя, ведь он нам все расскажет, верно, приятель?

— Поганка? — воскликнул Кроу. — Вот уж действительно! Я как раз только что подумал, насколько худым и бледным ты выглядишь. В самом деле — будто поганка.

Улыбнувшись, Кроу поднялся с постели и облачился в огненно-красный халат. Джо окинул его оценивающим взглядом. Высокий и широкоплечий, Кроу в молодости явно был красивым мужчиной. Даже сейчас в нем чувствовалась некая скрытая сила, на что, впрочем, Джо не об-

ращал особого внимания, решив, что лучше всего показать свою власть при первой же возможности. И Кроу с готовностью ему эту возможность предоставил в последующие несколько секунд.

Слова оккультиста, обращенные к Поганке, попали в цель, и тот немедленно ответил ему угрозой.

— Красивый у тебя халат, — сказал он, — как раз будет в цвет, когда я в кровь разобью твою башку. — Он хрипло рассмеялся, ударив по раскрытой ладони металлической дубинкой. — Но прежде ты нам все расскажешь, верно?

— Конечно, — немедленно согласился Кроу. — Если вас интересует, где ванная — третья дверь налево по коридору… ох!

Джо, что есть силы, ткнул пистолетом в челюсть Кроу, свалив его с ног. Оккультист осторожно поднялся, ощупывая красный рубец на лице.

— Надеюсь, ты понял, что нам больше не до шуток? — спросил Джо.

— Да, понял, — голос Кроу дрожал от ярости. — Что вам нужно?

— Что, так сложно догадаться? — спросил Поганка, подходя к ним. — Деньги… нам нужны твои деньги! У такого человека, как ты, живущего в таком доме… — он обвел взглядом шелковые

занавески, бухарские ковры, оригинальные эротические иллюстрации Обри Бердслея в рамках из палисандрового дерева, — должна быть куча деньжищ… и мы хотим их получить!

— В таком случае, вынужден вас разочаровать, — радостно сообщил Кроу, садясь на кровать. — Я держу свои деньги в банке — то немногое, что у меня есть.

— Встать! — коротко приказал Джо. — Прочь с кровати.

Оттащив Кроу в сторону, он кивнул Поганке, показывая ему на кровать. Поганка сорвал простыню с матраса и достал острый нож. Кроу шагнул вперед.

— Погодите… — встревоженно начал он.

— Заткнись, приятель, или я позволю Поганке позабавиться с тобой этим ножичком! — Джо махнул пистолетом перед лицом Кроу, заставив его отступить. — Лучше скажи, где деньги, и не создавай нам лишних хлопот. Иначе мы просто разгромим в пух и прах твое уютное гнездышко.

Он подождал, давая Кроу возможность высказаться, затем дал Поганке знак продолжать.

И Поганка взялся за дело!

Разорвав матрас вдоль обоих краев и с одного конца, он начал большими горстями выдирать

его содержимое, швыряя его на пол и не обращая никакого внимания на искреннее изумление Кроу.

— Ты ведь живешь затворником, приятель, по крайней мере, насколько нам известно, а такие, как ты, прячут свои денежки в самых неожиданных местах. Например, в матрасах… или за картинами на стенах!

Джо кивнул Поганке, махнув пистолетом в сторону рисунков Бердслея.

— Тогда, ради всего святого, просто возьмите и загляните за них, — рявкнул Кроу, снова шагнув вперед. — Вовсе незачем срывать их со стен!

— Ага! — воскликнул Поганка, бросая вопросительный взгляд на разъяренного хозяина дома. — Значит, эти картинки чего-то стоят?

— Только для коллекционеров. Вам никогда их не продать, — ответил Кроу.

— Ха! А наш затворник не так глуп! — усмехнулся Джо. — Но умные речи тебя далеко не заведут, разве что в больницу… Ладно, Поганка, оставь в покое эти его пошлые картинки. А ты, — повернулся он к Кроу, — веди нас в свой кабинет. Мы там уже были, но лишь ненадолго заглянули. Идем, приятель, поможешь нам… э… двигать мебель. — Он подтолкнул Кроу к двери.

Поганка вошел в кабинет последним. Он невольно вздрогнул, и на лице его промелькнуло странное выражение. Бледный не знал, что принадлежит к крайне редкой породе людей, немногих существующих в мире настоящих медиумов. К ним принадлежал и Кроу, обладавший крайне развитыми парапсихологическими способностями, и он тотчас же ощутил внезапную тревогу Бледного.

— Уютная комнатка, верно? — сказал он, весело улыбаясь беспокойно переминающемуся с ноги на ногу грабителю.

— Неважно. Проверь стенные панели, Бледный, — распорядился Джо.

— А? — мысли Бледного явно витали где-то в другом месте. — Панели? — Он нервно оглядел комнату.

— Да, панели! — Джо с любопытством взглянул на напарника. — Что с тобой? — Его озадаченный вид сменился гневом. — Давай же, Поганка, займись делом! Так мы всю ночь провозимся!

Кабинет Титуса Кроу был гордостью всей его жизни, и мысль о том, какой хаос могут устроить здесь незваные гости, внушала ему ужас. Он решил помочь им в их бесплодных поисках, насколько возможно. Он знал, что они ничего

не найдут — здесь нечего было искать! — но таким образом он хотя бы мог минимизировать возможный ущерб, прежде чем они поймут, что денег в доме нет, и уйдут. Грабители явно не желали верить ни единому его слову об отсутствии в доме какой-либо наличности! Но, с другой стороны, для тех, кто не слишком хорошо знал Кроу, а его мало кто знал, этот дом и некоторые из его контактов могли навести на мысль о весьма солидном состоянии. Однако он лишь жил с комфортом, но отнюдь не был богат, и, как он и говорил, те деньги, что у него имелись, хранились в банке. Чем больше он поможет грабителям в их поисках, тем быстрее они уйдут. Не успел он об этом подумать, как Поганка нашел потайную нишу возле камина.

— Есть! — нервное выражение исчезло с лица Поганки, когда он повернулся к Джо. — Послушай.

Он постучал по квадратной панели. Послышался глухой звук. Поганка многозначительно взмахнул дубинкой.

— Нет, погоди — я сам открою, — Кроу протестующе поднял руки.

— Давай, открывай, — приказал Джо. Подойдя к стене, Кроу одним движением сдвинул панель,

за которой открылась погруженная в темноту полка. На полке лежала единственная книга. Оттолкнув Кроу, Поганка поднял книгу и прочитал ее название:

— Хта… что? «Хтаат Аквадинген»? Ха! — Неожиданно лицо его исказилось гримасой крайнего отвращения. — Тьфу! — Он отшвырнул книгу через всю комнату, поспешно вытирая руки о пиджак. Мысленному взору Титуса Кроу на мгновение предстала картина, возникшая в сознании ошеломленного грабителя — некие существа, гниющие в беспросветно темных склепах, — и он понял, почему Поганка внезапно вздрогнул.

— Эта… эта чертова книга, она мокрая! — нервно воскликнул потрясенный жулик.

— Нет, она просто потеет! — сообщил ему Кроу. — Ее переплет сделан из человеческой кожи, и, каким-то образом, она сохранила способность потеть — явный знак того, что собирается дождь.

— Чепуха! — бросил Джо. — А ты возьми себя в руки, — рявкнул он на Поганку. — Мне тоже тут кое-что не нравится, но я же не устраиваю из-за этого истерику. — Он повернулся к Кроу, и губы его изогнулись в злобной гримасе. — С этого момента ты будешь говорить только тогда, когда

к тебе обратятся.

Он со знанием дела медленно обвел взглядом высокие полки с множеством томов, как древних, так и относительно современных, затем посмотрел на Поганку и многозначительно улыбнулся.

— Поганка, — приказал Джо, — сними эти книги с полок, я хочу взглянуть, что за ними. Что скажешь, затворник, есть там что-нибудь?

— Ничего, совсем ничего, — быстро ответил Кроу. — Ради всего святого, не снимайте их, некоторые из них могут просто рассыпаться! Нет!

Несмотря на протестующий крик оккультиста и неподдельный ужас при виде того, как оскверняют его коллекцию, двое грабителей бросились к полкам.

Поганка, который, похоже, перестал нервничать, с радостью принялся за работу, разбрасывая книги во все стороны. Вниз полетели собрание сочинений Эдгара Аллана По, первые редкие издания Мэчена и Лавкрафта, затем более древние труды — Иосифа, Магнуса, Леви, Борелла, Эрдшлюсса и Уиттингби; за ними последовали книги о чудовищах, таящихся в глубинах океана: «Обитатели глубин» Гастона Ле Фе, «Легенды Ликвалии» Освальда, «Гидрофины» Гэнтли, немецкие «Подводные культы» и «Под давлени-

ем» Хартрака…

Кроу мог лишь стоять и смотреть, чувствуя, как в нем нарастает черная ярость. Джо, видимо, почувствовав настроение оккультиста, чуть крепче сжал пистолет и без тени улыбки предупредил:

— Спокойно, отшельник. У тебя еще есть время — просто скажи нам, где ты прячешь деньги, и все. Нет? Ладно, что там у нас дальше? — он снова обвел взглядом заваленную книгами комнату, остановившись в тускло освещенном углу, где стояли большие часы.

Перед часами, явно старинными, по крайней мере, так они выглядели с этого расстояния, стоял маленький столик с лампой для чтения. На столике лежала пара книг и несколько разбросанных листков бумаги. Увидев, куда смотрит Джо, Кроу улыбнулся про себя и пожелал своему гостю-грабителю удачи. Если бы Джо сумел что-либо сделать с этими часами, он оказался бы умнее Титуса Кроу, а если бы он на самом деле смог их открыть, что было бы вполне естественно в случае с более традиционными часами, Кроу был бы ему благодарен по гроб жизни. Ибо похожий на саркофаг предмет в темном углу представлял собой ту самую головоломку, над которой Кроу возился весь предыдущий день и много дней до

этого, с тех пор, как купил его десять с лишним лет назад. И пока что ему не удалось продвинуться ни на шаг!

Предназначение часов оставалось столь же неизвестным, как и десять лет назад. Они якобы принадлежали некоему Этьен-Лорану де Мариньи, в свое время выдающемуся знатоку оккультных и восточных тайн и древностей, но где именно де Мариньи раздобыл похожие на гроб часы, оставалось еще одной тайной. Кроу приобрел их на аукционе, поддавшись заверениям продавца, что это, в самом деле, те самые часы, которые упоминаются в некоторых работах де Мариньи как «дверь ко всему пространству и времени, и только некоторые знатоки — не из этого мира — могут использовать их в соответствии с их предназначением!». Ходили также слухи, что некий восточный мистик, Свами Чандрапутра, исчез навсегда с лица Земли после того, как втиснулся в нишу, скрытую под панелью в нижней части гробообразного корпуса часов. Де Мариньи также якобы мог открывать по собственному желанию ту дверь, за которой исчез Свами, но эту тайну он унес с собой в могилу. Титус Кроу не смог найти даже замочную скважину. И хотя вес часов вполне соответствовал их размерам, при

стуке по нижней панели звук был не столь глухим, как можно было бы ожидать. Любопытный факт, и столь же любопытная история. Но сами часы вызывали еще большее любопытство при одном лишь взгляде на них.

Даже Джо сейчас именно этим и занимался — смотрел на часы и прислушивался к издаваемым ими звукам. Он включил и повернул настольную лампу таким образом, чтобы свет ее падал на циферблат странного механизма. Едва взглянув на циферблат, Поганка стал еще бледнее, и тотчас же его недавняя нервозность вернулась к нему. Кроу чувствовал его смятение. Подобное же ощущение он испытывал, когда сам работал с часами, но у него имелось преимущество — он знал, что является источником подобных страхов. Поганка чувствовал себя так же, как он сам, когда впервые увидел часы в зале аукциона. Взгляд его следил за странными иероглифами, выгравированными вокруг циферблата, и за движением четырех стрелок, не соответствовавших никакой из земных систем исчисления времени. В кабинете Титуса Кроу наступила гробовая тишина, которую нарушало лишь загадочное неравномерное тиканье часов.

— Никогда не видел подобных часов! — вос-

хищенно воскликнул Джо. — Что скажешь, Поганка?

Поганка сглотнул, судорожно дернув кадыком.

— Я… они мне не нравятся! Они… они похожи на гроб, черт побери! И почему у них четыре стрелки? Почему они идут таким образом? — Он замолчал, чтобы перевести дух, и в то же мгновение из-за занавешенных окон послышался тихий шепот. Глаза Поганки расширились, и лицо его смертельно побелело. — Что это? — Шепот прозвучал столь же тихо, как и таинственный звук.

— Черт бы тебя побрал, возьми себя в руки! — взревел Джо, не имевший никакого понятия о паранормальных способностях Поганки. — Это дождь, ничего больше. Ты что, думал, это привидение? Не понимаю, что с тобой происходит, Поганка? Ты ведешь себя так, будто этот дом населен призраками, или что-то в этом роде.

— Так оно и есть! — сказал Кроу. — По крайней мере, в саду. Весьма необычная история, не хотите послушать?

— Мы не собираемся ничего слушать, — рявкнул Джо. — И я тебя уже предупреждал — говори только тогда, когда к тебе обращаются. Давай-ка, быстро, открывай эти часы.

Кроу с трудом подавил иронический смешок.

— Не могу, — ответил он, с трудом скрывая улыбку. — Я не знаю как!

— Ты… что? — недоверчиво переспросил Джо. — Не знаешь как? О чем ты, черт побери?

— Именно о том, о чем говорю, — ответил Кроу. — Насколько мне известно, эти часы не открывали уже тридцать лет с лишним!

— Да? Тогда куда они в… включаются? — заикаясь, спросил Поганка.

— А они должны куда-то включаться? — ответил вопросом на вопрос Кроу. Однако Джо понял, к чему клонит Поганка, как, естественно, и сам «простодушный» Титус Кроу.

— Он еще спрашивает, должны ли они куда-то включаться! — язвительно передразнил Джо и повернулся к Поганке. — Хорошая мысль, Поганка. А теперь, — он снова повернулся к Кроу, — расскажи нам кое-что, затворник. Если твоя игрушка работает не от электричества и если ты не можешь открыть часы, тогда каким образом ты их заводишь?

— Я их не завожу, я понятия не имею, на каких механических принципах они работают, — ответил Кроу. — Видите книгу там, на столике? Так вот, это «Заметки по расшифровке кодов, криптограмм и древних надписей» Уэлмсли; я уже

много лет пытаюсь понять хотя бы значение иероглифов на циферблате, не говоря уже о том, чтобы открыть корпус. А некоторые благородные джентльмены, занимающиеся изучением вопросов, обычно недоступных обычному человеку с улицы, высказывали мнение, что данное устройство вообще не является часами! Я имею в виду Этьен-Лорана де Мариньи, оккультиста Уорда Филипса из Род-Айленда в Америке и профессора Гордона Уэлмсли из Гуля в Йоркшире — все они считают, что это машина пространства-времени, вернее, считали, если говорить о первых двоих, поскольку их уже нет в живых. И у меня пока недостаточно знаний, чтобы решить, соглашаться ли мне с ними! В часах нет никаких денег, если вы имеете в виду именно это.

— Что ж, я предупреждал тебя, приятель, — прорычал Джо. — Машина пространства-времени! Господи, да он, похоже, возомнил себя Уэллсом! Поганка, свяжи его и заткни ему рот. Меня тошнит от его чертова бреда. Он кого хочешь с ума сведет!

— Больше я ничего не скажу, — быстро пообещал Кроу, — а вы можете продолжать. Если сумеете их открыть, буду вам только благодарен. Мне самому хочется знать, что там внутри.

— Хватит нести чушь, приятель, — сердито бросил Джо, но затем сказал: — Ладно, но еще одно слово, и будешь связан, понял?

Кроу согласно кивнул и присел на край большого стола, наблюдая за происходящим. Он предполагал, что грабители в конце концов останутся в дураках, но не учел возможность того, что проблему могут попытаться решить силой. В детстве у Джо никогда не хватало терпения на разгадку проволочных головоломок за два пенни, продававшихся в дешевых магазинах. Он пробовал раз-другой, но если у него не получалось с ходу, он прибегал к помощи молотка. И, как зачастую оказывалось, в том вовсе не было необходимости.

Поганка отступил к самой двери. Он все еще постукивал дубинкой по ладони, но на этот раз лишь для того, чтобы успокоить нервы. Кроу показалось, что, если Поганка выронит дубинку, он попросту лишится чувств.

— Панели, Поганка, — приказал Джо. — Панели в часах.

— Сам с ними и возись, — непокорно заявил Поганка. — Это никакие не часы, и я к ним не притронусь. Что-то тут не так.

Джо рассерженно повернулся к нему.

— Ты что, спятил? Это часы, и ничего больше! А этот клоун просто не хочет, чтобы мы заглядывали внутрь. Тебе это ни о чем не говорит?

— Ладно, ладно — но на этот раз займись этим сам. Буду стоять в стороне и следить за этим придурком. У меня дурное предчувствие, вот и все.

Он встал рядом с Кроу, который продолжал сидеть на столе. Джо взял пистолет за ствол и осторожно постучал по панели под циферблатом примерно на уровне пояса. Послышался резкий звук.

Повернувшись, Джо улыбнулся Титусу Кроу. Что-то, похоже, там наверняка было. Однако улыбка его быстро исчезла, когда Кроу улыбнулся в ответ. Снова повернувшись к часам, он начал разглядывать их с торца в поисках петель или иных признаков, указывающих на пустоту внутри. По озадаченному выражению лица жулика Кроу понял, что тот в полной растерянности. Он мог сказать Джо с самого начала, что какие-либо признаки сочленений отсутствуют вообще; казалось, будто корпус часов вырублен из сплошного куска дерева, твердого, как камень.

Но Кроу недооценил решительности грабителя. При всех недостатках Джо как человека, как взломщику сейфов ему не было равных. Ча-

сы де Мариньи, конечно, имели мало общего с сейфом, но к ним явно были применимы те же принципы! Но, когда руки Джо со знанием дела двинулись вдоль боковых панелей, раздался громкий щелчок, и часы словно сошли с ума. Четыре стрелки на гравированном циферблате на мгновение замерли, а затем снова пришли в движение, не поддававшееся никакому разумному объяснению. Джо попятился, увидев, как бесшумно открывается большая панель, и случайно толкнул столик. Лампа с грохотом упала на пол, на мгновение разрушив колдовство дико мечущихся стрелок и безумного тиканья часов де Мариньи. Угол комнаты вновь погрузился в тень. Несколько секунд Джо стоял в нерешительности, сбитый с толку столь внезапной удачей. Затем он что-то торжествующе проворчал, шагнул вперед и сунул левую руку в темноту за открытой панелью.

Поганка ощутил нечто потустороннее одновременно с Кроу. Он метнулся через комнату, крича:

— Джо, Джо — ради бога, не трогай их… не трогай!

Кроу же, который отнюдь не питал товарищеские чувства к грабителю, быстро встал и отошел назад. Он отнюдь не был трусом, но ему были

знакомы некоторые темные тайны Земли и иных сфер, а кроме того, он чувствовал, что вмешательство в действие, не подчиняющееся никаким известным законам природы, может оказаться попросту опасным.

Неожиданно угол тускло осветился призрачным сиянием, исходившим из открытой панели. Джо, продолжавший шарить за дверцей, в ужасе вскрикнул и попытался выдернуть руку. Тиканье утратило всякий ритм, стрелки беспорядочно крутились по циферблату. Джо ухватился за край отверстия, сражаясь с некой невидимой угрозой внутри странно освещенного отсека и отчаянно пытаясь высвободить руку. Несмотря на все усилия, его левое плечо внезапно устремилось вперед, в светящийся водоворот, и в тот же миг он направил в отверстие ствол пистолета и выстрелил шесть раз подряд.

К этому времени Поганка уже обхватил Джо рукой за пояс, упираясь ногой в основание часов и изо всех сил пытаясь оттащить своего товарища от жуткой светящейся дыры. Но силы были неравны. Джо лишился от ужаса дара речи, сосредоточив всю свою энергию на том, чтобы вырваться из часов; на шее у него набухли вены, глаза, казалось, вот-вот выскочат из орбит. Его

голова и шея внезапно рванулись вперед, прямо в пасть механического чудовища, он хрипло вскрикнул… а затем его тело обмякло.

Поганка, продолжавший отчаянно сражаться с нижней частью тела Джо, сделал последнее титаническое усилие, рванув на себя неподвижное туловище, и ему на мгновение удалось извлечь голову Джо из странно освещенной дверцы.

И Поганка, и Титус Кроу одновременно увидели нечто такое, отчего мышцы Поганки мгновенно расслабились, и он выпустил Джо, все тело которого, за исключением ног, с жутким шипением исчезло внутри часов. Это нечто заставило Кроу в неподдельном ужасе закрыть лицо руками!

За короткие секунды, пока Поганка еще удерживал своего сообщника, стали видны плоды чрезмерного усердия Джо. Ткань его пиджака возле левого плеча и та же часть рубашки под ней исчезли, словно растворившись или сгорев в каком-то неизвестном веществе, а на месте обнаженной плоти виднелось большое пузырящееся красно-коричневое пятно, и в том же самом тошнотворном состоянии пребывали шея и голова!

Как ни удивительно, Поганка первым оправился от шока. Он сделал последнюю отчаянную роковую попытку ухватиться за исчезающие

ноги Джо, и пальцы его правой руки пересекли край отверстия, попав в пульсирующий свет за ним. Поскольку Поганка сидел на корточках и был значительно худее своего теперь полностью исчезнувшего друга, у него не оставалось никаких шансов. Одновременно с предостерегающим криком Кроу он издал отчаянный вопль и, казалось, просто нырнул головой вперед в зияющее отверстие.

Если бы кто-то мог видеть то, что произошло потом, это могло бы показаться ему чем-то вроде разрядки. Словно терзаемый страшными мучениями, Титус Кроу обхватил голову руками и, корчась, рухнул на пол. Секунды три ноги его судорожно дергались, а затем он обмяк — ужас пережитого вынудил его разум искать спасения в забытье.

Вскоре панель в часах сама по себе плавно вернулась на место и закрылась с коротким щелчком; четыре стрелки возобновили прежнее, не столь беспорядочное движение, а тиканье скрытого механизма замедлилось, сменив ритм с чудовищно беспорядочного на немного нерегулярный…

* * *

Очнувшись, Титус Кроу первым делом решил, что стал жертвой особо жуткого кошмара; однако затем он почувствовал под щекой ковер, а открыв глаза, увидел разбросанные на полу книги. Дрожащими руками он приготовил себе большую кружку кофе и налил огромную порцию бренди, а затем сел, поочередно прихлебывая то и другое, пока ничего не осталось. А когда кружка и бокал опустели, он начал все сначала.

Не стоит и говорить, что Кроу даже близко не подходил к часам де Мариньи! По крайней мере, на какое-то время его жажда знаний в этой области была удовлетворена.

По возможности он также старался не думать об ужасах прошлой ночи; особенно ему хотелось забыть жуткое впечатление от исчезновения Поганки внутри часов. Похоже, де Мариньи, Филипс и Уэлмсли были правы! Часы на самом деле оказались чем-то вроде машины пространства-времени. Кроу не мог сказать точно, что вызвало у него столь чудовищный шок, но в то самое мгновение, когда он неосознанно схватился за голову, где-то в мирах Альдебарана, в точке пересечения сил, не относящихся ни к пространству, ни ко

времени, ни к какому-либо промежуточному измерению, существующему лишь в самых диких теориях, по поверхности озера Хали пробежали несколько пенящихся волн, а затем все снова застыло неподвижно.

И Титус Кроу лишь смутно вспоминал о неизвестных обжигающих кислотах, о странных сверхъестественных течениях, о гигантских яростных зверях, которые не могли бы родиться даже в самом отчаянном человеческом воображении…

Милахрион Бессмертный[19]

В 1977 году я служил инструктором в управлении королевской военной полиции и, как я уже упоминал, свободного времени у меня было мало. Мне даже пришлось отказаться от своего увлечения дельтапланеризмом, которому я предавался на базе в Эдинбурге, паря над шотландскими холмами, и я продал свои дельтапланы другим военным полицейским, столь же безумным, как и я! Увы, я лишился адреналина, но, по крайней мере, мне удалось выкроить время для написания новых рассказов. «Милахрион Бессмертный» — один из них. Его действие происходит в Изначальной Земле, поскольку к тому времени, после вполне оправданного успеха «Дома Ктулху», я решил написать целую книгу таких рассказов. Как я уже говорил, идея оказалась удачной — в 1984 году Пол Гэнли опубликовал вышеупомянутую книгу как в мягкой, так и в твердой обложке, под очевидным заглавием «Дом Ктулху».

---

[19] notes: 19

"Mylakhrion the Immortal", from Fantasy Tales, Vol. 1 No. 1, 1977.
Плешков К. П., перевод на русский язык, © 2018.

Во времена моей молодости меня, Теха Атхта, приводили в восхищение чародейские орудия, которые я унаследовал от своего предка, чародея по имени Милахрион из Тарамуна, умершего тысячу сто лет назад, и мне очень хотелось узнать причину его смерти. Если верить мифам и легендам, Милахрион был величайшим чародеем во всей Тим'хдре, и меня обеспокоил тот факт, что он не был бессмертным. Как и многие чародеи до меня, я тоже долгое время искал бессмертия, но если сам великий Милахрион был смертным… то мои шансы на вечную жизнь были по-настоящему ничтожны.

Отправившись в очередной раз на Гору Древних, я поднялся на самую вершину, поджег траву Жа и повторил слова, с помощью которых я мог отыскать Милахриона в своих снах. И он явился передо мной, скрытый в сером тумане, так что виден был лишь конусообразный силуэт его колдовского колпака и край покрытой рунами мантии. Мрачным голосом он спросил, зачем я вызвал его из страны теней, нарушив его многовековой сон.

— О, предок мой, могущественный и всеведущий чародей, — ответил я, сознавая его величие. — Я призвал тебя, чтобы ты дал мне ответ на

крайне важный вопрос. И это не только вопрос, но и загадка.

— Есть лишь один вопрос, крайне важный для людей, — мрачно проговорил Милахрион, — и суть его такова, что обычно никто его не задает, пока не приблизится конец его дней. Ибо в молодости люди не в состоянии предвидеть свой конец, а в пору зрелости они слишком много размышляют о потерянной молодости, в последние же минуты своей жизни, когда перед ними уже нет будущего, они посвящают все свое внимание этому вопросу. Но тогда уже слишком поздно, поскольку вопрос этот касается жизни и смерти, а ответ звучит так: да, Тех Атхт, приложив немалые усилия, человек действительно может достичь бессмертия…

А что касается твоей загадки, то она проста. И ответ на нее таков — я в самом деле бессмертен! Я бессмертен, как Великие Боги, как могущественные пылающие звезды, как само Время. Бессмертен навсегда. Ты призвал меня, чтобы я отвечал на твои вопросы и загадки, прекрасно зная, что я мертв уже тысячу сто лет. Но разве я не принял облик живого человека? Разве уста мои не произносят слов? Разве это не есть именно бессмертие? Я мертв, но на самом деле никогда

не умру.

Милахрион широко развел руками.

— Я ответил на все твои вопросы. Прощай… — И его силуэт, и без того туманный и нечеткий, начал расплываться, уходя в невообразимую даль. И тогда, набравшись смелости, я крикнул:

— Подожди, Милахрион, предок мой, ибо это еще не все.

Он медленно, словно с неохотой, вернулся назад, и его фигура снова появилась передо мной, хотя лицо его до сих пор скрывали клубы тумана, и видна была лишь его длинная мантия, покрытая золотисто поблескивавшими рунами. Он молча ждал, пока я вновь не обратился к нему.

— Твое бессмертие — не то, чего ищу я, Милахрион, и, думаю, ты прекрасно об этом знаешь. Что это за бессмертие, если ты лишен тела, если существует только тень, вызванная к жизни моими заклинаниями и дымом травы Жа, обретающая голос лишь после того, как ее вызвали из страны теней, чтобы ответить на мои вопросы?.. Нет, предок мой, от будущего я требую намного большего. Я желаю иметь тело, наделенное чувствами. Я желаю обладать волей, ощущениями и всеми обычными страстями. Короче говоря, хочу быть вечным, оставаясь таким, какой я сейчас, хо-

чу быть неуничтожимым! Вот это — бессмертие!

— Для тебя нет подобного будущего, Тех Атхт! — мрачно ответил Милахрион, и в голосе его прозвучали зловещие нотки. — Ты слишком многого хочешь. Даже я, Милахрион из Тарамуна, не сумел достичь… — Он не договорил. Казалось, окутанный туманом призрак слегка дрожит, и у меня возникло ощущение, что сейчас он уйдет. Однако я не сдавался.

— Да? А сколь многого ты сумел достичь, Милахрион? Что еще мне стоит знать? На чем основывались твои эксперименты и что ты сумел обнаружить в поисках бессмертия? Думаю, ты что-то от меня скрываешь, о всемогущий, и если потребуется, я снова подожгу траву Жа, не давая тебе ни минуты покоя, пока не получу ответ, которого жду!

Услышав мои слова, Милахрион замер, и его фигура на мгновение словно стала выше, но руки его тут же опустились, и он покачал головой.

— Значит, вот до чего дошло? Самые ничтожные людишки могут мне приказывать? Похоже, для Милахриона из Тарамуна действительно настал печальный день, если к нему столь жесток его собственный потомок. Что, собственно, ты хочешь знать, Тех Атхт из Клюна?

— Раз уж ты не сумел достичь бессмертия при жизни, предок мой, — ответил я, — может быть, ты сумеешь помочь мне открыть эту тайну. Опиши мне заклинания, которые ты использовал и которыми пренебрег, руны, которые ты разгадал и которые отверг, микстуры, которые ты пил, и мази, которые безуспешно применял, а я запомню все это, чтобы не тратить времени впустую. Укажи мне пути, которые ты мог бы исследовать, если бы тебе хватило времени и благоприятствовали обстоятельства. Ибо я должен стать бессмертным, и никакая сила меня не остановит.

— Это чистейшей воды безумие, юноша, — сказал он, — но если ты так хочешь…

— Да, хочу.

— Тогда выслушай меня, и я все тебе расскажу. Может, тогда ты поймешь, что не сможешь обрести бессмертие… не такое, которого ты так желаешь.

И Милахрион рассказал мне о своих поисках бессмертия. Он описал большие путешествия, которые он предпринял, оставив свой замок Тарамун на попечение духов-слуг, чтобы посоветоваться с другими чародеями; во время этих путешествий он пересек Тим’хдру вдоль и попе-

рек. Он в одиночестве преодолевал пустыни и равнины, побывал среди гор и огромных ледяных полей, пытаясь разгадать столь труднодоступную тайну. Он разговаривал с Черным Йоппалотом из Ихемниса, с духом Шильдакора в залитом лавой Бхур-Эше, с Ардатой Эллем, путешественником во времени и пространстве, который какое-то время жил в горах Великого Круга и исследовал огромные кубические дома давно умерших Древних, а также с Меллатиквелем Томом, своим двоюродным братом, который сбежал в Яхт-Хаал, когда некая магия обратилась против него самого.

Во время этих долгих путешествий он постоянно собирал руны, заклинания и любовные зелья, порошки и микстуры и иные средства, необходимые для его колдовских экспериментов. Но ему так и не удалось найти пути к бессмертию. Используя темную некромантию, он вызывал даже мертвецов из могил, чтобы они помогли ему исполнить его намерение. Ибо разговор с призраком — это одно, но общение с давно истлевшими человеческими трупами — дело весьма, весьма отвратительное.

Но, несмотря на все свои труды, Милахрион испытывал лишь разочарование. Он беседовал с демонами и вампирами, выслеживал легендар-

ного феникса в выжженных пустынях, едва не отравился какими-то зельями и неизвестными снадобьями, и сорвал голос, выговаривая странные какофонические заклинания. И лишь тогда ему пришло в голову задать себе вопрос: «Если человек желает бессмертия, разве не лучше всего спросить об этом того, кто уже его обрел?» И такой существовал…

Когда Милахрион произнес имя Ктулху, наделенного щупальцами Древнего, который много тысячелетий назад сошел со звезд вместе со своим потомством и построил города на дымящихся болотах юной Земли, я вздрогнул и начертал в воздухе знак. Ибо, хотя до сих пор я не имел дела с Ктулху, его окружала ужасная легенда, и я многое о нем слышал. Меня удивило, что Милахрион осмелился искать это чудовище, ибо Ктулху превосходил своей зловещей мощью все прочие темные силы, словно менгир обычные надгробья.

Все больше удивляясь, я внимательно слушал все то, что мой предок рассказывал о Ктулху и других Древних, ибо, хотя природа их оставалась тайной, мне, как чародею, очень хотелось узнать о них побольше.

— Да, Тех Атхт, — продолжал Милахрион, —

Ктулху и его собратья наверняка знают ответ, поскольку они…

— Бессмертны?

Вместо ответа он лишь пожал плечами.

— Их происхождение кроется в бескрайних безднах прошлого, которым не видно конца. Так же, как тараканы, они существовали до появления человека и будут продолжать существовать, когда нас уже не будет. Они текли, словно дурная кровь, среди звезд, еще до того как Солнце выплюнуло своих расплавленных детей, одним из которых является наша планета, и будут продолжать жить, когда от Солнца останется только пепел. Не пытайся измерить продолжительность их жизни мерой жизни человека или даже с помощью геологической шкалы времени. Измеряй время их существования временем от рождения до смерти планет, которое для них подобно тиканью огромных космических часов. Бессмертные? Почти столь же бессмертны, как сама материя. У них я мог бы выпросить или похитить секрет бессмертия, но как к ним приблизиться?

Я ждал, когда дух моего покойного прадеда продолжит, но он молчал.

— Скажи же, наконец, предок мой! — крикнул я. — Скажи, и перестань меня мучить!

Вздохнув, он очень тихо произнес:

— Как пожелаешь… В конце концов, я встретил человека, о котором говорили, что он хорошо знаком с обычаями Древних; то был отшельник, живший в Восточных горах, видения и сны которого полностью отличались от видений и снов его товарищей. Он впадал в настоящее безумие, когда ему снились его кошмары, и многие считали, что он купался в крови невинных жертв «во славу ненавистного Ктулху».

Я нашел его в его большой пещере и расспросил обо всем, а он показал мне травы, которые мне следовало съесть, и научил словам, которые я должен был выкрикнуть с горной вершины во время бушующей бури. Он сказал мне, когда и как я должен это сделать, а потом заснуть, чтобы встретить Ктулху в своих снах. Так он мне говорил…

А когда в тех безлюдных местах наступила ночь, он погрузился в беспокойный сон. Вскоре его начали мучить столь жуткие кошмары, и он начал столь страшно метаться, что я бросился вниз по крутым склонам, чтобы оказаться от него как можно дальше. Спускаясь по опасным утесам в серебристом свете луны, я увидел высоко над собой безумца, который, продолжая спать, но-

сился туда-сюда, воя как пес и рассекая большим ножом ночной воздух. Я был только рад, что не остался там ни минутой дольше!

Я вернулся в Тарамун окружной дорогой, собирая по пути травы, о которых говорил отшельник, и, когда я оказался на месте, у меня уже имелись все составляющие, необходимые для заклинаний, и я хорошо помнил Слова Силы. И вот, вызвав сильную бурю, я вышел на балкон самой высокой башни, выкрикнул среди бушующего ветра Слова и съел приготовленные травы; тотчас же я упал замертво, провалившись в сон намного более глубокий, чем в объятиях Шуш, Богини Спокойных Снов. Но хотя сон мой и был глубок, он вовсе не был спокоен!

Нет, сон мой был воистину беспокоен! Я увидел гробницу Ктулху на острове Арльех, миновал могучие, странно покосившиеся стены его крепости и оказался перед самим Великим!

В это мгновение очертания духа моего предка заколыхались, словно он сам был не в силах сдержать дрожь; даже голос Милахриона задрожал, утратив свою обычную силу. Подождав немного, я крикнул:

— Говори же дальше, что сказал тебе этот страшный Властелин Арльеха?

— Многое, Тех Атхт. Он открыл мне тайны пространства и времени, поведал легенды затерянных вселенных, выходящие за границы человеческого воображения, сообщил ужасную правду о Гобеленах Н'танга и иных измерениях, кроме трех нам известных. И в конце он выдал мне секрет бессмертия!

Но передать мне его он обещал лишь при условии, что я заключу с ним договор. И договор этот заключался в том, что я навсегда стану его жрецом, до самого его возвращения. Решив, что позже сумею освободиться от ограничений, наложенных на меня Ктулху, я согласился и принес соответствующую клятву. И таким образом судьба моя была решена, ибо ни один человек не в состоянии освободиться от проклятия Ктулху…

Проснувшись, я сделал все, что требовалось для того, чтобы достичь обещанного бессмертия. На третью ночь Ктулху посетил меня во сне, ибо теперь он знал, как меня найти, и приказал мне, как своему жрецу и слуге, выполнить некоторые поручения. Поручения эти должны были помочь Великому и его плененным собратьям разорвать оковы, в которые много веков назад заковали их удивительные боги Эльда. К чему бессмертие, если мне предстояло навсегда стать слугой ужас-

ного Ктулху?

И потому на четвертый день, вместо того чтобы сделать то, что было мне приказано, я начал строить как можно более надежную защиту от гнева Ктулху, чтобы с помощью заклинаний удержать его вдали от себя… но тщетно! На пятую ночь, смертельно устав, я заснул, и он снова явился ко мне, воистину в страшном гневе!

Сломав все чародейские барьеры, он уничтожил все заклятия и предохранительные руны, убедившись, что я его предал. А когда я спал, он вытащил меня из постели и повел через лабиринты моего замка к ступеням, ведшим на вершину самой высокой башни. Он приказал мне подняться наверх, а когда я начал сопротивляться, полностью меня парализовал и лишил воли. Медленно, словно зомби, я поднялся на вершину самой высокой башни, а оттуда на балкон, и бросился вниз, на острые скалы, торчавшие на тысячу футов ниже… Мое тело разбилось, Тех Атхт, и так умер Милахрион.

Когда он закончил, я приблизился к стене клубящегося тумана, за которой стоял Милахрион, окутанный черной мантией и окружавшей его тайной. Теперь он уже не выглядел столь высоким; на самом деле он был не выше меня, и,

несмотря на огромную силу, которой он владел при жизни, он уже не вызывал во мне страха. Неужели я, Тех Атхт, мог испугаться духа? Даже духа самого могущественного на свете чародея?

— Ты так и не сказал мне того, что я хочу знать, — обвиняющим тоном заявил я.

— Какой ты нетерпеливый, — ответил он. — Когда дым травы Жа теряет свою силу и тебя манит реальный мир, твое нетерпение растет. Хорошо, я повторю тебе то, что рассказал мне Ктулху о бессмертии.

Он рассказал мне, что единственный способ для обычного человека, даже самого могущественного из чародеев, существовать вечно — реинкарнация! Но, увы, подобное возвращение не было бы полным, так как мне пришлось бы вселиться в тело другого человека и использовать его разум, а поскольку я не хочу иметь слабое тело и разум, то наверняка натолкнусь на сопротивление еще не родившейся личности. Иными словами, мне придется делить тело и разум с кем-то другим! Но я рассудил, что даже частичное бессмертие лучше, чем никакое. Разве ты не согласен, мой потомок?..

Конечно, я хотел бы иметь тело, которое напоминало бы мое собственное, и соответствующий

разум, проницательный разум, стремящийся познать большие и малые тайны этого мира, разум чародея! На самом деле было бы еще лучше, если бы в его жилах текла моя собственная кровь…

— Погоди! — крикнул я, в страхе пытаясь вглядеться в серый туман, чтобы увидеть невидимое лицо Милахриона. — Твоя история меня пугает, предок мой, и…

— …и, тем не менее, ты должен выслушать ее до конца, Тех Атхт, — прервал он меня, и в голосе его вновь прозвучала неумолимость судьбы. Продолжая говорить, он медленно поплыл в мою сторону, и я наконец увидел его темные глаза, в которых горел смертельный огонь. — Чтобы быть уверенным, что этот еще не родившийся человек будет обладать всеми необходимыми мне чертами, я составил договор, касающийся моего воскрешения в его теле. Условие, которое он должен выполнить, заключается в том, что его чародейские способности должны быть таковы, чтобы он сумел десять раз вызвать меня из страны теней, и только тогда я войду в его тело… А ты сколько раз меня до сих пор вызывал, Тех Атхт?

— Десять раз, демон! — задыхаясь, крикнул я. Чувствуя, как меня до костей пробирает замогильный холод, я бросился к нему, схватив

дрожащими руками за плечи, и взглянул в лицо, которое теперь было отчетливо видно, словно отражение в зеркале. В зеркале? Да! Ибо, хотя это было лицо старого, очень старого человека, оно, тем не менее, было моим собственным!

Я без промедления сбежал и проснулся холодным утром на вершине Горы Древних, где стоял мой привязанный як, который беспокойно посмотрел на меня и нервно фыркнул…

* * *

Но это было давно, в годы моей молодости, а теперь я уже не боюсь Милахриона, хотя чувствовал страх перед ним в течение многих лет. В конце концов я оказался сильнее его, ибо он перенял лишь небольшую часть моей личности. Взамен я получил все его колдовское искусство, изученное за всю жизнь, посвященную разгадке мрачных тайн. В том числе и тайны бессмертия.

Однако и сейчас Милахрион остается непобежденным, ибо я наверняка понесу часть его личности в будущее. Порой я улыбаюсь при мысли об этом, и чувствую, как меня разбирает смех, словно поднимающийся над бескрайними песками пустыни ветер… но так бывает нечасто. Ибо смех этот нисколько не напоминает мой

собственный, а эхо его длится чересчур долго.

Город-побратим[20]

Этот рассказ, с которого началась моя писательская карьера, был написан в 1967 году и в числе полудюжины других послан Августу Дерлету в «Аркхэм Хаус». Честно говоря, я до сих пор удивляюсь, что Дерлет вообще обратил на меня внимание. Не то чтобы рассказы были плохи сами по себе, но того же никак нельзя было сказать о виде, в котором я их предоставил. Попробуйте представить себе, как, сидя за своим столом, Дерлет открывает картонный тубус, присланный в целях экономии наземной почтой из Берлина. Внутри он обнаруживает рассказ, вернее, свиток, который ему приходится прикрепить кнопками к столу, чтобы прочитать! К тому же рассказ напечатан через один интервал, иногда с обеих сторон, на страницах из военного блокнота! Удивительно, как он не вышел из себя! Но в то время он собирал материал для сборника «Рассказы о Мифе Ктулху», и этот рассказ как раз подошел по размеру и форме. «Город-побратим» вошел в

---

[20] notes: 20

“The Sister City”, from Tales of the Cthulhu Mythos, Arkham House, 1969. Плешков К. П., перевод на русский язык, © 2018.

вышеупомянутый сборник и впоследствии много раз переиздавался, в том числе как глава моего романа «Под торфяниками».

Данная рукопись прикреплена в качестве «Приложения А» к докладу номер M-Y-127/52 от 7 августа 1952 года.

В конце войны, после того как разбомбили наш дом в Лондоне и погибли мои родители, я попал с тяжелыми ранениями в госпиталь, и мне пришлось провести почти два года, лежа на спине. Именно в этот период моей юности — мне было всего семнадцать, когда я вышел из больницы — возникло мое увлечение, впоследствии превратившееся в жажду к путешествиям, приключениям и изучению древностей. Я всегда был бродягой по своей натуре, но после всех ограничений, которые мне пришлось испытать за два тоскливых года, я сразу же воспользовался шансом наверстать упущенное, без остатка отдавшись странствиям.

Нельзя сказать, что в течение тех долгих мучительных месяцев я был полностью лишен удовольствий. Между операциями, когда позволяло здоровье, я жадно читал книги из больничной библиотеки, главным образом, чтобы забыть о

тяжелой утрате, перенесясь в чудесные миры, созданные Джонатаном Скоттом в его волшебных «Сказках 1001 ночи».

Кроме того наслаждения, которое давала мне эта книга, она позволяла мне отвлечься от разговоров, которые я слышал о себе среди врачей. Говорили, будто я не такой, как все, и якобы врачи нашли некие странности в моем организме. Ходили слухи о странных свойствах моей кожи и слегка выступающем хряще у основания позвоночника, о небольших перепонках на пальцах рук и ног, а поскольку у меня еще и полностью отсутствовали волосы, на меня не раз бросали подозрительные взгляды.

Все это, плюс мое имя, Роберт Круг, нисколько не прибавляло мне популярности в больнице. В то время, когда Гитлер продолжал периодически бомбить Лондон, фамилия Круг, намекавшая на немецкое происхождение, вероятно, куда больше препятствовала дружеским отношениям, чем все мои прочие странности, вместе взятые.

Когда закончилась война, я обнаружил, что стал богат, оказавшись единственным наследником состояния своего отца, а мне тогда не было еще и двадцати. Джинны, упыри и ифриты Скотта давно остались в прошлом, но не меньшее

наслаждение я получал теперь от популярного издания «Раскопок шумерских городов» Ллойда. Именно эта книга вызвала у меня тот благоговейный трепет, с которым я всегда относился к волшебным словам «Затерянные города».

В последующие месяцы, а на самом деле и оставшиеся годы, в течение которых формировалась моя личность, труд Ллойда оставался для меня вехой, за которой последовали многие другие книги подобного содержания. Я жадно читал «Ниневию и Вавилон» и «Древние приключения в Персии, Сузах и Вавилоне» Лэйярда, с головой погружался в «Происхождение и развитие ассириологии» Баджа и «Путешествия в Сирию и Святую землю» Беркхардта.

Интересовали меня отнюдь не только сказочные земли Месопотамии. Вымышленные Шангри-Ла и Эфирот стояли наравне с реальными Микенами, Кноссом, Пальмирой и Фивами. Я запоем читал об Атлантиде и Чичен-Итце, не задумываясь о том, чтобы отделить факты от вымысла, и мечтая собственными глазами увидеть как дворец Миноса на Крите, так и Неведомый Кадат в Холодной пустыне.

Прочитанное мной об африканской экспедиции сэра Эмери Уэнди-Смита в поисках мертвого

Г'харна лишь утвердило меня во мнении, что некоторые мифы и легенды не столь уж далеки от исторических фактов. Если такой человек, как этот выдающийся знаток древностей и археолог, снарядил экспедицию на поиски города в джунглях, который большинство достойных уважения авторитетов считали чисто мифологическим… И что с того, что он потерпел неудачу? Она ничего не значила в сравнении с тем, что он на самом деле попытался сделать…

Если другие лишь насмехались над сломленным и полубезумным исследователем, единственным вернувшимся из джунглей Черного континента, я стремился воспроизвести его «бредовые фантазии», каковыми считались его теории, вновь и вновь изучая доказательства существования Хирии и Г'харна и собирая воедино отрывочные сведения о легендарных городах и странах со столь неправдоподобными именами, как Р'льех, Эфирот, Мнар и Гиперборея.

Шли годы; мое тело полностью выздоровело, и я превратился из увлеченного юноши в мужчину, поставившего себе цель в жизни. Я никогда не задумывался о том, что влекло меня исследовать темные закоулки истории и фантазии — мне просто нравилось заново открывать древние миры,

существовавшие лишь в мечтах и легендах.

Прежде чем я начал предпринимать дальние путешествия, которым суждено было занять четыре года, я купил дом в Марске, на самом краю йоркширских торфяников. Здесь я провел детство, и я чувствовал к этим местам некую не поддающуюся описанию привязанность. Отчего-то здесь я чувствовал себя ближе к дому и намного ближе к манившему меня прошлому. Мне действительно очень не хотелось покидать свои торфяники, но необъяснимая страсть к далеким местам и чужим названиям звала меня прочь, за моря.

Сначала я посетил страны, находившиеся в пределах досягаемости, проигнорировав края мечты и фантазий, но пообещав себе, что потом… потом…

Египет со всеми его тайнами! Ступенчатая пирамида Джосера в Саггаре, шедевр Имхотепа; древние мастабы, гробницы умерших столетия назад царей, загадочно улыбающийся сфинкс, пирамида Снеферу в Мейдуне и пирамиды Хефрена и Хеопса в Гизе, мумии, погруженные в раздумья боги…

Но, несмотря на все чудеса Египта, я не задержался там надолго. Песок и жара вредили моей

коже, которая быстро покрывалась загаром и наутро страдала от раздражения.

Крит, нимфа прекрасного Средиземноморья… Тезей и Минотавр; дворец Миноса в Кноссе… Чудесные места — но там не было того, что я искал.

На Саламине и Кипре, со всеми их руинами древних цивилизаций, я задержался на месяц с лишним. И именно на Кипре я узнал еще об одном своем странном свойстве — о моих необычных способностях в воде…

В Фамагусте я подружился с группой ныряльщиков, с которыми каждый день нырял за амфорами и прочими древними реликвиями возле руин в Салониках на юго-восточном побережье. Сначала тот факт, что я мог оставаться под водой втрое дольше, чем лучший из них, и заплывать дальше без помощи ласт или дыхательной трубки, лишь удивлял моих друзей; но несколько дней спустя я заметил, что они стараются держаться от меня подальше. Им не нравилось отсутствие волос на моем теле или перепонки, казалось, слегка удлинившиеся, между пальцами рук и ног, шишка сзади внизу, заметная в моем купальном костюме, или моя способность общаться с ними на их языке, хотя я никогда в жизни не изучал греческого.

Пора было двигаться дальше. Я путешествовал по всему миру, став настоящим специалистом по древним цивилизациям, бывшим для меня единственной радостью в жизни. А потом, в Фетри, я услышал про Безымянный город.

Далеко в Аравийской пустыне есть Безымянный город, разрушенный и мертвый, и стены его почти скрыты песками несчетных эпох. Именно он приснился безумному поэту Абдулу Альхазреду в ту ночь, после которой он спел свой необъяснимый куплет:

Не мертв тот, кто может лежать вечно,
И спустя странную вечность
даже мертвые могут умереть.

Мои проводники-арабы тоже сочли меня безумцем, когда я, не обращая внимания на их предупреждения, продолжил поиски этого Города Дьяволов. Их быстроногие верблюды поспешно унесли их прочь, ибо они заметили мою странную чешуйчатую кожу и некоторые другие особенности, от которых им становилось не по себе. К тому же их, как и меня самого, приводила в замешательство странная беглость, с которой я общался с ними на их языке.

Не стану писать о том, что я видел и делал в Кара-Шехре. Достаточно сказать, что многое из того, о чем я узнал, затронуло струны моего подсознания, вновь отправив меня в путь на поиски Сарната Обреченного, туда, где когда-то находилась страна под названием Мнар…

Никому не известно местонахождение Сарната, и лучше пусть таковым оно и остается, так что не стану ничего рассказывать о своих путешествиях в его поисках и о трудностях, с которыми мне пришлось столкнуться. Однако открытие погрузившегося в ил города и невероятно древних руин близлежащего Иба стали главными звеньями удлиняющейся цепи сведений, которая постепенно заполняла чудовищный промежуток между этим миром и моей конечной целью. И я даже не знал, где эта цель находится или в чем она заключается.

В течение трех недель я бродил по илистым берегам неподвижного озера, в котором скрывается Сарнат, и под конец, словно повинуясь некоей пугающей силе, снова воспользовался своими необычными способностями пловца, начав исследовать подводный мир чудовищной трясины.

В ту ночь я спал, прижав к груди маленькую зеленую статуэтку, поднятую из затонувших руин.

Мне снились мать и отец, которые будто звали меня из тумана…

На следующий день я снова отправился в многовековые руины Иба, и уже собирался уходить, когда увидел покрытый надписями камень, давший мне первый настоящий ключ к разгадке тайны. Чудо, что я смог прочитать написанное на этой обветренной древней колонне, ибо написано оно было странной клинописью, более древней, чем надписи на Разбитых колоннах Гефа, и сильно пострадало от времени.

Там ничего не говорилось о существах, живших когда-то в Ибе, или о давно погибших жителях Сарната — лишь о разрушениях, которые люди из Сарната причинили обитателям Иба, и о последовавшей погибели, обрушившейся на Сарнат. Погибель эту принесли боги обитателей Иба, но об этих богах я ничего не смог узнать. Я знал лишь, что надпись на камне и пребывание в Ибе пробудили в моем мозгу давно забытые воспоминания, возможно, даже память предков. И снова на меня нахлынуло чувство близости к дому, которое я всегда столь сильно ощущал на йоркширских торфяниках. А потом, когда я лениво раздвинул ногой тростник у основания колонны, появились новые вырубленные в камне надписи.

Счистив слизь, я прочитал их — всего несколько строк, но в строках этих содержался ключ:

«Иба больше нет, но Боги продолжают жить. На другом конце мира есть Город-побратим, спрятанный под землей, в варварских землях Циммерии. Народ там продолжает процветать, и всегда будет поклоняться Богам, до самого прихода Ктулху…»

Много месяцев спустя в Каире я нашел человека, обладавшего глубокими познаниями в древних верованиях, общепризнанного авторитета в области забытых древностей и доисторических стран и легенд. Ученый этот никогда не слышал о Циммерии, но ему была известна страна, когда-то называвшаяся очень похоже.

— И где находится эта Киммерия? — спросил я.

— К несчастью, — ответил ученый, сверившись с картой, — большая часть Киммерии пребывает теперь под водой, но изначально она находилась между Ванахеймом и Немедией, в древней Хайбории.

— Говорите, большая ее часть под водой? — переспросил я. — А что с той частью, которая над водой?

Он странно на меня посмотрел — возможно, меня выдало прозвучавшее в моем голосе нетер-

пение, а может быть, мой странный вид, ибо под жарким солнцем многих стран моя безволосая кожа огрубела, напоминая чешую, а перепонки между пальцами стали слишком заметны.

— Зачем вы хотите это знать? — спросил он. — Что вы ищете?

— Дом, — сам не зная отчего, машинально ответил я.

— Да… — проговорил он, внимательно разглядывая меня. — Вполне возможно… Вы ведь англичанин, верно? Могу я поинтересоваться, из какой части Англии?

— С северо-востока, — сказал я, вдруг вспомнив свои торфяники. — А что?

— Друг мой, ваши поиски были напрасны, — улыбнулся он, — ибо Киммерия, или то, что от нее осталось, занимает всю северо-восточную часть Англии — вашу родину. Разве это не ирония судьбы? Чтобы найти родной дом, вы его покинули…

В тот же вечер судьба сделала мне подарок, от которого я не мог отказаться. В вестибюле моего отеля стоял стол, предназначенный исключительно для постояльцев-англичан, на котором лежало множество разнообразных книг, газет и журналов, от «Ридерз Дайджеста» до «Мировых новостей», и, желая провести несколько часов в

относительной прохладе, я сел под вентилятором со стаканом воды со льдом и начал лениво просматривать одну из газет. Внезапно, перевернув страницу, я наткнулся на фотографию и статью, после прочтения которой я тут же забронировал билет на ближайший рейс до Лондона.

Фотография была некачественной, но достаточно отчетливой, чтобы понять, что она изображает маленькую зеленую статуэтку — точную копию той, которую я поднял из руин Сарната на дне озера…

В статье, насколько я помню, говорилось следующее:

«Мистер Сэмюэль Дэвис, проживающий в доме номер 17 по Хеддингтон-кресчент в Радкаре, нашел на берегу ручья, исток которого находится в скалах возле Сарби-он-Мурс, изображенную выше прекрасную реликвию минувших эпох. Статуэтка в настоящее время находится в музее в Радкаре, которому ее подарил мистер Дэвис, и ее сейчас изучает куратор, профессор Гордон Уэлмсли из Гуля. На данный момент профессор Уэлмсли не смог пролить свет на происхождение статуэтки, но тест Уэнди-Смита, научный метод определения возраста археологических фрагментов, показал, что ей свыше десяти тысяч

лет. Зеленая статуэтка, судя по всему, не имеет никакого отношения к известным цивилизациям древней Англии, и потому считается крайне редкой находкой. К сожалению, специалисты единогласно сходятся во мнении, что ручей в месте своего истока в скалах возле Сарби полностью непроходим».

На следующий день я поспал около часа в самолете и видел во сне своих родителей. Как и прежде, они появились передо мной словно в тумане — но их зов казался сильнее, чем в предыдущем сне, а в окутывавшей их дымке виднелись странные фигуры, уважительно кланявшиеся мне, а из невидимых глоток доносилось знакомое зовущее пение…

* * *

Я послал своей экономке телеграмму, сообщив ей о моем возвращении, и, когда я прибыл в свой дом в Марске, меня уже ждал адвокат. Он представился как мистер Харви из конторы «Харви, Джонсон и Харви» в Радкаре и протянул мне большой запечатанный конверт. Адрес на нем был написан почерком отца, и мистер Харви сообщил, что ему было поручено отдать конверт

лично мне в руки в мой двадцать первый день рождения. К сожалению, в это время, почти год назад, я отсутствовал в стране, но контора поддерживала связь с моей экономкой, рассчитывая после моего возвращения выполнить условия договора, заключенного семью годами раньше между моим отцом и конторой мистера Харви. После того как мистер Харви ушел, я отпустил экономку и вскрыл конверт. Находившееся внутри письмо было написано на языке, не входившем в число тех, которые я когда-либо изучал в школе. Именно на этом языке были сделаны надписи, которые я видел на многовековой колонне в древнем Ибе, и, тем не менее, я откуда-то знал, что письмо написано рукой моего отца. Само собой, я мог прочитать его с той же легкостью, как если бы оно было на английском. Из-за обширного и разнообразного содержания письмо напоминало, скорее, целую рукопись, и я не намерен воспроизводить его здесь полностью. Это заняло бы слишком много времени, а скорость, с которой происходит Первое превращение, мне его не оставляет. Я лишь изложу самые основные моменты из тех, о которых говорилось в письме.

Не веря своим глазам, я прочитал первый абзац — но по мере того, как я читал дальше, недоверие

сменилось искренним изумлением, а оно, в свою очередь — ни с чем не сравнимой радостью, ибо мои родители не погибли! Они просто ушли, ушли домой…

Почти семь лет назад, вернувшись домой из превращенной бомбами в руины школы, я не знал о том, что отец преднамеренно заложил в нашем лондонском доме мощный заряд, который должен был сработать после первого сигнала воздушной тревоги, а затем родители тайно ушли в торфяные болота. Как я понял, о том, что я возвращаюсь домой из разрушенной школы, они не знали. Даже сейчас им не было известно о том, что я пришел домой как раз в тот момент, когда радары британской противовоздушной обороны обнаружили в небе вражеские объекты. План, столь тщательно разработанный с целью заставить всех поверить, что мои родители погибли, сработал, но при этом чуть не погубил и меня. И все это время я тоже считал их погибшими. Но почему они ушли? Какая тайна заставила их скрываться от людей, и где мои родители сейчас? Я продолжал читать…

Постепенно все становилось ясно. Мои родители и я не были уроженцами Англии, и они привезли меня сюда младенцем с нашей роди-

ны, находившейся совсем рядом, и вместе с тем, как ни парадоксально, очень далеко. В письме объяснялось, что всех детей нашей расы привезли сюда в младенчестве, ибо атмосфера нашей родины неблагоприятна для здоровья несформировавшегося организма. Отличие в моем случае заключалось лишь в том, что моя мать не смогла со мной расстаться, и это было ужасно! Хотя все дети нашей расы вынуждены были расти вдали от своей родины, взрослые лишь изредка могли покидать свой родной климат, что было связано с их физической внешностью в течение большей части их жизни — ибо ни физически, ни духовно они не походили на обычных людей.

Это означало, что детей приходилось оставлять на порогах, у входа в приюты, в церквях и других местах, где их найдут и будут о них заботиться, ибо в юном возрасте разница между моей расой и людьми практически незаметна. Читая, я вспомнил сказки, которые когда-то любил, об упырях, феях и прочих созданиях, которые оставляли своих детенышей на воспитание людям и похищали человеческих детей, чтобы вырастить из них себе подобных.

Значит, такова была моя судьба, и мне тоже предстояло стать упырем? Я продолжал читать. Я

узнал, что люди моей расы могут покидать нашу родную страну дважды в жизни, — один раз в детстве, когда, как я уже говорил, их приносят и оставляют здесь, пока им не исполнится примерно двадцать один год, и один раз позднее, когда перемены в их облике дают им возможность существовать во внешнем мире. Мои родители как раз достигли этой стадии, когда родился я. Из-за привязанности матери ко мне они отказались от своего долга перед нашей страной и сами привезли меня в Англию, где остались вместе со мной, проигнорировав Закон. Отец привез с собой некие сокровища, которые обеспечивали ему и матери легкую жизнь, пока не придет время, когда они вынуждены будут меня покинуть, время Второго превращения, когда остаться означало бы дать знать человечеству о нашем существовании.

Время это в конце концов наступило, и они тайно вернулись назад на родину, взорвав наш лондонский дом, чтобы власти и я (хотя у матери наверняка разрывалось сердце) сочли их погибшими во время немецкого налета.

Но разве они могли поступить иначе? Они не осмелились даже рискнуть рассказать мне, кто я на самом деле, ибо кто мог знать, какой эффект подобное открытие произведет на меня, у ко-

торого едва начали проявляться отличия? Им оставалось лишь надеяться, что я сам открою эту тайну или, по крайней мере, большую ее часть, что я и сделал! Но для полной уверенности отец оставил мне это письмо.

В письме также говорилось о том, что лишь немногие из «найденышей» находят путь назад на родину. Некоторые погибают при несчастных случаях, другие сходят с ума. При этих словах я вспомнил, что читал где-то про двух обитателей санатория для душевнобольных в Оукдине возле Глазго, столь безумных и столь неестественно выглядящих, что их даже не позволяют никому видеть, и даже медсестры не в состоянии слишком долго оставаться рядом с ними. Другие же становятся отшельниками в диких недоступных местах, и, что хуже всего, судьба многих еще более чудовищна — я содрогнулся, читая примеры подобных судеб. Но все же были немногие счастливчики, кому удалось вернуться — и, хотя некоторых приводили назад взрослые во время второго посещения, другие возвращались сами, следуя инстинкту или по чистому везению. Но сколь бы ужасным ни выглядело подобное существование, в письме объяснялась его логика. Моя родина не могла поддерживать жизнь слишком

многих мне подобных, и потому риск безумия, вызванного необъяснимыми физическими изменениями, несчастные случаи и иные роковые судьбы, о которых я упоминал, играли роль системы отбора, в которой лишь самые приспособленные как в духовном, так и в физическом смысле возвращались туда, где родились.

Но сейчас я только что закончил перечитывать письмо во второй раз — и уже ощущаю, как немеют мои руки и ноги… Письмо моего отца едва успело дойти вовремя. Меня давно уже беспокоили мои растущие отличия. Перепонки на моих руках доходят почти до первых фаланг пальцев, а кожа стала фантастически толстой, грубой и чешуйчатой. Короткий хвост, выступающий из основания позвоночника, выглядит уже не столько странным придатком, сколько дополнительной конечностью, которая, как я теперь знаю, вполне естественна в нашем мире! Отсутствие волос тоже перестало меня смущать после того, как я узнал свое предназначение. Да, я не такой, как люди, но разве так и не должно быть? Ибо я не человек…

Как же повезло, что мне тогда попалась газета в Каире! Если бы я не увидел ту фотографию или не прочитал бы статью, возможно, я не вернулся

бы столь скоро на свои торфяники, и теперь я содрогаюсь при одной только мысли о том, что могло бы со мной случиться. Что бы я стал делать после того, как со мной бы произошло Первое превращение? Сбежал бы куда-нибудь подальше, закутавшись с ног до головы, чтобы вести там жизнь отшельника? Вероятно, я вернулся бы в Иб или Безымянный город, обитая в одиночестве в руинах, пока моя внешность вновь не позволит мне существовать среди людей. А что потом — после Второго превращения?

Возможно, я бы сошел с ума от столь необъяснимых изменений в моей душе и теле. Кто знает — может, в Оукдине появился бы еще один пациент? С другой стороны, судьба моя могла оказаться еще хуже, ибо меня могли увлечь в подводные глубины, где я стал бы одним из последователей культа Дагона или Великого Ктулху, как и другие до меня.

Но нет! К счастью, благодаря знаниям, полученным во время путешествий, и помощи, содержавшейся в письме отца, я избавлен от всех тех ужасов, которые пережили другие мои соплеменники. Я вернусь в город-побратим Иба, в Лх-йиб, на свою родину под йоркширскими торфяниками, туда, откуда вынесло зеленую ста-

туэтку, приведшую меня обратно на эти берега, статуэтку, которая является точной копией той, что я поднял из озера в Сарнате. Я вернусь, и мне станут поклоняться те, далекие предки которых погибли в Ибе на копьях людей Сарната, те, кто столь удачно описаны на Кирпичных цилиндрах Кадаферона, те, чье безмолвное пение доносится из бездны. Я вернусь в Лх-йиб!

Ибо даже сейчас я слышу голос моей матери, которая зовет меня, как она обычно делала, когда я в детстве бродил по тем самым торфяным болотам: «Боб! Малыш Бо! Где ты?»

Она называла меня Бо, и лишь смеялась, когда я спрашивал ее, почему. Но почему бы и нет? Разве Бо — неподходящее имя? Роберт — Боб — Бо? Что в том странного? Каким же дураком я тогда был! Я никогда не задумывался о том, что мои родители не совсем такие, как остальные люди, даже в самом конце… Разве не моим предкам поклонялись в сером каменном Ибе до прихода людей, в первобытные времена эволюции Земли? Мне следовало бы догадаться о том, кто я, когда я впервые поднял с илистого дна ту статуэтку — ибо черты ее точно такие же, какими станут мои после Первого превращения, а на ее основании выгравировано древними буквами Иба, буквами,

которые я могу прочесть, ибо они часть моего родного языка, предшественника всех остальных языков — мое собственное имя!

Бокруг:

Водяной Ящер, Бог народа Иба и Лх-йиба,

Города-побратима!

Примечание:

Сэр,

Данная рукопись, «Приложение А» к моему докладу, сопровождалась короткой пояснительной запиской, адресованной Северо-восточной Угольной компании в Ньюкасле. Далее воспроизводится ее содержание.

Роберт Круг,
Марске. Йоркшир,
Вечер 19 июля 1952 г.

Секретарю и членам правления,
Северо-восточная Угольная компания,
Ньюкасл-на-Тайне

Джентльмены!

Во время пребывания за границей я обнаружил на страницах научно-популярного журнала информацию о вашем проекте разработки Йоркширских

торфяников, которая должна начаться следующим летом, и после некоторых недавних своих открытий решил написать вам это письмо. Как вы поймете, мое письмо является протестом против ваших предложений по глубокому бурению в торфяниках с целью производства подземных взрывов и последующего образования газовых карманов, откуда можно было бы добывать природные ресурсы. Вполне возможно, что задуманное вашими учеными-консультантами предприятие приведет к уничтожению двух древних разумных рас. Именно для того, чтобы его предотвратить, я вынужден нарушить закон своего народа и заявить о существовании как его самого, так и его слуг. Чтобы более полно обосновать свой протест, считаю необходимым рассказать свою историю целиком. Возможно, прочитав прилагаемую рукопись, вы на неопределенное время отложите намеченные мероприятия.

Роберт Круг

ПОЛИЦЕЙСКИЙ РАПОРТ M-Y-127/52

Предполагаемое самоубийство

Сэр!

Докладываю, что 20 июля 1952 года, около 16:30, я находился на службе в полицейском участке в Дилхэме, когда трое детей (показания приведены в Приложении В) сообщили дежурному сержанту, что видели «странного человека», который лез через изгородь у «Дьявольского омута», не обращая внимания на предупреждающие надписи, и бросился в ручей в том месте, где он уходит в скалы. В сопровождении старшего из детей я отправился на место предполагаемого события, примерно в трех четвертях мили по торфяникам от Дилхэма, где мне показали место, где «странный человек» якобы перелез через изгородь. Действительно имелись признаки того, что кто-то недавно перелез через изгородь – вытоптанная трава и травяные пятна на досках. С некоторым трудом я перелез через изгородь сам, но не смог понять, в самом ли деле дети говорили правду. Ни в самом омуте, ни вокруг него не было никаких признаков того, что кто-то

туда бросился – но вряд ли стоит этому удивляться, поскольку в данном месте, где ручей проникает в склон холма, вода круто уходит под землю. Оказавшись в воде, лишь очень сильный пловец смог бы выбраться обратно. В августе прошлого года в том же самом месте погибли трое опытных спелеологов, пытавшихся исследовать подземное течение ручья.

Когда я продолжил расспрашивать мальчика, которого я взял с собой, тот сказал, что незадолго до случившегося здесь видели еще одного человека, который шел, хромая, словно раненый, к находящейся неподалеку пещере. Это произошло незадолго до того, как «странный человек», по описанию детей зеленый и с коротким гибким хвостом, вышел из той же самой пещеры, перелез через ограду и бросился в омут.

Обследовав названную пещеру, я нашел нечто похожее на шкуру, разрезанную вдоль конечностей и живота, словно охотничий трофей. Шкура была аккуратно свернута в углу пещеры, и находится сейчас на складе найденных вещей по-

лицейского участка в Дилхэме. Возле шкуры лежал полный комплект хорошей мужской одежды, также аккуратно сложенный. Во внутреннем кармане пиджака я нашел бумажник, в котором, кроме четырнадцати фунтов однофунтовыми банкнотами, обнаружилась карточка с адресом дома в Марске, а именно, дом 11, Сандерленд-кресчент. Предметы одежды, а также бумажник, также находятся сейчас на складе.

Примерно в 18:30 я отправился по указанному адресу в Марске и допросил экономку, некую миссис Уайт, которая дала показания (приводятся в Приложении С) относительно ее работодателя, Роберта Круга. Миссис Уайт также дала мне два конверта, в одном из которых находилась рукопись, прилагаемая к настоящему докладу в виде Приложения А. Миссис Уайт нашла этот конверт в запечатанном виде, вместе с запиской, в которой его просили доставить по адресу во второй половине дня, 20 числа, примерно за полчаса до моего прихода. Учитывая, что вопросы, которые я ей задавал, были связаны с

возможным самоубийством мистера Круга, миссис Уайт сочла за лучшее передать конверт в полицию. Кроме того, она пребывала в полной растерянности по поводу того, что с ним делать, поскольку Круг забыл указать адрес. Я взял у нее конверт, так как, возможно, в нем могла находиться предсмертная записка.

В другом, незапечатанном конверте находилась рукопись на иностранном языке. Сейчас он хранится на складе в Дилхэме.

В течение двух недель после предполагаемого самоубийства, несмотря на все мои усилия отыскать какие-либо следы Роберта Круга, не нашлось никаких подтверждений того, что он до сих пор жив. В связи с этим, а также с тем, что найденная в пещере одежда была опознана миссис Уайт как та, что была на Круге вечером перед его исчезновением, я принял решение просить перевести мой доклад в разряд нераскрытых дел, а Роберта Круга считать пропавшим без вести.

Сержант Дж. Т. Миллер,
Дилхэм, Йоркшир
7 августа 1952 г.

Примечание:

Сэр!

Хотите ли вы, чтобы я отправил копию рукописи в Приложении А, как просил Круг миссис Уайт, секретарю правления Северо-восточной Угольной компании?

Инспектор И. Л. Иэнсон,
Полицейское управление графства Йоркшир,
Радкар

Сержант Миллер,

В ответ на вашу записку от 7 августа. По делу Круга никаких дальнейших действий не предпринимайте. По вашему предложению я признал его пропавшим без вести, предполагая самоубийство. Что касается его «документа» — он был либо психически неуравновешенным, либо выдающимся шутником, а возможно, и тем и другим одновременно. Несмотря на то что некоторые факты в его истории относятся к числу неоспоримых, большинство остальных выглядят порождением больного разума.

А пока что жду вашего доклада по другому делу — имеется в виду младенец, найденный в церкви в Или-он-Мур в июне. Как продвигаются поиски его матери?

Темное божество[21]

По словам Августа Дерлета, он был «помешан на поездах», и это одна из причин, по которой он заплатил мне целых тридцать пять долларов за «Темное божество» — рассказ, который, насколько я помню, был принят издательством «Аркхэм Хаус» (неплохой ход с моей стороны, как я уже где-то говорил). Но я в любом случае был бы рад, что мне заплатили, главным образом потому, что рассказ был написан в 1968 году, в первые несколько месяцев моей новорожденной писательской карьеры. Так что на самом деле я был крайне рад тому, что мне вообще что-то платят! Единственный недостаток — Дерлет не мог гарантировать дату публикации, и у него не было даже названия для антологии, в которой должен был выйти рассказ. Но у него были проблемы со здоровьем, и через три года он умер. «Темному божеству» пришлось ждать до 1975 года, прежде чем рассказ был опубликован в антологии под редакцией Джерри Пэйджа «Бе-

---

[21] notes: 21

“What Dark God?” from Nameless Places, Arkham House, 1975.

Плешков К. П., перевод на русский язык, © 2018.

зымянные места». Что ж, по крайней мере, он вышел в книге издательства «Аркхэм Хаус».

Отдан Сумману был храм,
кто б Сумман этот ни был…

Овидий. Фасты (пер. Ф. Петровского)

«Тосканские ритуалы»? Где я мог раньше слышать о подобной книге или книгах? Наверняка что-то весьма редкое… Экземпляр в Британском музее? Возможно! Тогда какое, черт возьми, эти типы имеют к нему отношение? И вообще, какие-то они странные.

Всего несколько минут назад я сел в поезд в Бенгхэме. Для ночного поезда в нем было довольно многолюдно, и пьяный болтливый громкоголосый парень, вошедший в вагон прямо передо мной, сильно расстраивался из-за того, что все купе, похоже, полностью заняты.

— Вот ведь чертовы британские поезда, — пьяно проворчал он, — либо совсем пустые, либо совсем полные. Никакой тебе организации — скажешь, не согласен?

Он ткнул меня локтем под ребра, покачиваясь вместе со мной в тускло освещенном коридоре.

— Э… ну да, — ответил я. — Так и есть!

Ни у кого из нас не было чемоданов, и когда мы

пробирались по коридору в поисках свободных мест в темных купе, парень, которого я про себя назвал «Джок», вдруг резко затормозил.

— Ну что за хрень, только погляди! Еще и занавески задернули. Наверняка какая-нибудь парочка и шесть свободных мест. Черт бы их всех побрал. Только хрен я буду тут стоять, раз там места есть…

Дверь оказалась заперта изнутри, но это препятствие ни на мгновение не остановило Джока. Он продолжал колотить в деревянную раму двери, пока она осторожно не приоткрылась на несколько дюймов, после чего он просунул в щель ногу и толкнул дверь плечом, заставив ее полностью открыться.

— Нет, нет… — запротестовал худой бледный мужчина в пиджаке в полоску, закрывая собой проход. — Сюда нельзя, это купе зарезервировано…

— Чего? Ну-ка покажи мне бумажку, что места заняты, — Джок многозначительно постучал ногтем по пустому стеклу двери. — Тогда и тревожить тебя не стану, а пока что будь любезен, уступи-ка местечко…

— Нет, нет… — начал было снова возражать худой, но его быстро оборвала короткая команда

за его спиной:

— Впусти их.

Я тряхнул головой и, зажав нос, надул щеки, чтобы прочистить уши — голос, доносившийся из тускло освещенного купе, звучал глухо и неестественно. Вероятно, поезд вошел в туннель, из-за чего у меня постоянно возникают проблемы с ушами. Бросив взгляд в окно в коридоре, я тут же понял, что ошибся — вдали на темном горизонте виднелось красное сияние коксовых печей. Так или иначе, странный эффект — резонанс? — тут же прошел, поскольку голос Джока прозвучал совершенно обычно:

— Ну, вот так-то лучше, пропусти-ка.

Оттолкнув плечом стоящего в дверях, он неуклюже опустился на сиденье рядом со вторым незнакомцем. Войдя в купе и закрыв за собой дверь, я увидел, что незнакомцев всего четверо; вшестером, включая Джока и меня, мы могли вполне удобно разместиться на восьми сиденьях, расположенных по четыре лицом друг к другу.

Я всегда был человеком довольно стеснительным, так что бросил лишь мимолетный взгляд на каждое из трех новых лиц, прежде чем достать книжку в мягкой обложке, которую купил днем в Лондоне. Взглядов этих, однако, оказалось вполне

достаточно, чтобы я отложил книгу, поняв, что трое друзей человека в полосатом пиджаке выглядят весьма необычно — особенно один, крайне высокий и тощий, напряженно сидевший рядом с Джоком. Остальные двое соответствовали примерно тому же описанию, что и Полосатый, как я начал мысленно его называть, если не считать того, что у одного из них были тонкие усики; но четвертый, высокий, был совсем другим.

Мне хватило даже короткого взгляда, чтобы заметить, что, на фоне остальных черт лица, рот его выглядит крайне странно — так, словно он просто нарисован на лице, простая красная линия, без каких-либо признаков губ или чего-либо, указывающего на наличие соответствующего отверстия. Обращали на себя внимание также толстые уши и густые брови, а столь пронизывающего взгляда мне не доводилось видеть еще никогда. Возможно, именно потому я быстро отвел глаза. Лицо его было настолько лишено какого бы то ни было выражения, что у меня промелькнула неприятная мысль о некоем колдовстве; по крайней мере, это объясняло, почему дверь была заперта.

Неожиданно Полосатый, сидевший рядом со мной и прямо напротив Безротого, вздрогнул, и,

подняв взгляд от книги, я увидел, что оба смотрят прямо в глаза друг другу.

— Скажи им… — произнес Безротый, хотя я был уверен, что его странные губы даже не шевельнулись, а голос вновь показался искаженным, словно слова его проходили через целый лабиринт коридоров, прежде чем достигнуть моих ушей.

— Э… сейчас почти полночь, — сообщил Полосатый, болезненно улыбнувшись сначала Джоку, а потом мне.

— Угу, — язвительно заметил Джок. — Каждую ночь, и примерно в это время… Ты весьма наблюдателен…

— Да, — сказал Полосатый, не обращая внимания на насмешку. — Так оно и есть, но все дело в том, что мы трое… вернее, четверо, — поправился он, кивая в сторону своих спутников, — члены малоизвестной… э… религиозной секты. Мы должны совершить обряд, и были бы вам весьма признательны, если бы вы, джентльмены, вели себя тихо…

Я понимающе кивнул. Я человек вполне терпимый, но Джок считал иначе.

— Секта? — резко бросил он. — Обряд? — Он с отвращением покачал головой. — Так, я член

Шотландской церкви, и вот что я вам скажу — к черту все ваши языческие обряды…

Безротый сидел выпрямившись, не говоря ни слова и ничего не делая, но когда он повернулся и посмотрел на Джока, глаза его сузились до щелочек, а брови неодобрительно сошлись над переносицей.

— Э… возможно, будет лучше, — поспешно сказал Полосатый, наклоняясь через узкий проход к Безротому, настроение которого явно переменилось, — если они… э… заснут?

Это абсурдное заявление или вопрос, после которого Джок тупо уставился на Полосатого, а я изо всех сил пытался понять, что имеется в виду, было адресовано Безротому, который, не сводя взгляда с разъяренной физиономии Джока, согласно кивнул.

Не знаю, что произошло после — мне показалось, будто меня внезапно «выключили». Я заснул, но не совсем, скорее погрузился в транс, полный странных впечатлений и мысленных образов, изобилующий неприятными и реалистичными ощущениями, туманными обрывками мыслей и воспоминаний, которые всплывали в моем сознании, смешиваясь с мыслями странных людей в одном купе со мной…

Но даже в этом полусонном состоянии мозг мой продолжал работать, возможно, даже в полной мере. Все мои чувства продолжали действовать: я слышал стук колес и ощущал едкий запах табака из пепельниц в купе. Я видел, как Усатый достает с полки над головой складной столик, раскладывает его и ставит в проходе, между собой и Безротым и Полосатым с его спутником, видел рисунки на его крышке, вызывавшие ассоциации с экзотическими творениями Чандлера Дэвиса[22], и пытался понять их предназначение. Голова моя, похоже, откинулась назад, опершись об угол мягко покачивающегося купе, поскольку я видел все это, даже не двигая глазами — на самом деле я сильно сомневался, что вообще могу двигать глазами, и не помню, чтобы даже пытался это делать.

Я увидел книгу — том в необычном переплете, название которого, «Тосканские ритуалы», было написано архаичными выжженными буквами на его корешке. Книгу достал Полосатый и благоговейно раскрыл на ритуальном столике, так что все, кроме Безротого, Джока и меня, могли видеть текст. Однако Безротого, казалось, приготовления

---

[22] notes: 22
Американо-канадский математик и писатель-фантаст (р. 1926 г.).

нисколько не интересовали, словно он уже видел все это раньше, много раз…

Зная, что я сплю — или нет? — я подумал о названии — «Тосканские ритуалы». Где я мог прежде слышать о подобной книге или книгах? Я подсознательно чувствовал, что название мне знакомо, но в какой связи?

Где-то на границе поля зрения я видел Джока, голова которого безвольно покачивалась, судя по всему, в таком же трансе, а глаза неотрывно смотрели на задернутые занавески на окне купе. Уголком правого глаза я видел губы Полосатого и Усатого, двигавшиеся почти в идеальном ритме, и представил себе губы Другого — так я назвал четвертого, остававшегося для меня невидимым, — делавшие то же самое. Все хором негромко читали некую замысловатую молитву.

Молитву? «Тосканские ритуалы»? Какому темному «божеству» они поклонялись?.. И почему именно эта мысль возникла в моем спящем или загипнотизированном мозгу? И что теперь делает Усатый?

Он доставал из сумки какие-то предметы, аккуратно выкладывая их на церемониальный столик. Три из них он положил в одном углу стола, ближе к Безротому. Круглые пшеничные хлебы

в форме колес с ребристыми спицами. Кто там писал о жертвоприношении круглых хлебов?..

Фест?[23] Да, Фест — но опять-таки, в какой связи?

Потом я услышал имя, произносимое нараспев троими участниками ритуала, но среди них не было Безротого, который продолжал сидеть выпрямившись.

— Сумман, Сумман, Сумман… — пели они, и неожиданно все встало на место.

Сумман! Которого Марциан Капелла называл Повелителем преисподней… Теперь я вспомнил… об ужасных «Тосканских ритуалах», «книгах, содержащих литургию Сумману…», как писал Плиний в своей «Естественной истории». Конечно же, Сумман, владыка Ночи, Ужас, Идущий во Тьме, Сумман, у которого было столь мало поклонников и культ которого был окружен такой тайной и страхом, что, если верить святому Августину, даже самые любознательные не могли ничего о нем узнать.

Значит, Безротый, который вел себя столь равнодушно во время обряда, в котором участвовали остальные, наверняка был жрецом культа.

---

[23] notes: 23
Позднеримский историк IV в. н. э.

Хотя взгляд мой был прикован к одному месту, и в центре моего поля зрения находилась одна из трех картинок на стене купе, прямо над головой Усатого, я, тем не менее, отчетливо видел лицо Безротого, а слева, словно в тумане, лицо Джока. Молитва подходила к концу, завершаясь призывом к «божеству» и предложением хлеба. Похоже, впервые за все время Безротый проявил какой-то интерес к происходящему. Он повернул голову, взглянув на столик, и когда я уже не сомневался, что он протянет руку и возьмет хлеб, поезд дернулся, и Джок соскользнул со своего сиденья, так что голова его оказалась где-то на уровне правой руки Безротого. Безротый резко повернул голову, и в его холодных глазах блеснула неподдельная ярость. Брови его ощетинились, черты лица напряглись, и лишь странный нарисованный рот оставался лишенным каких бы то ни было эмоций. Однако он даже не попытался подвинуть голову Джока.

Лишь потом я понял, что произошло. К счастью, я не мог охватить взглядом все купе и то, что в нем происходило. Я видел лишь, как лицо Джока, выглядевшее на границе моего поля зрения лишь как неясный силуэт с более темными пятнами на месте глаз, носа и рта, внезапно исказилось,

словно от ужаса или боли. Он не произнес ни слова, не в силах вырваться из проклятого транса, но глаза его вылезли из орбит, а лицо судорожно дернулось. Если бы я только мог отвести взгляд, или вообще закрыть глаза, чтобы не видеть эту жуткую картину и уставившегося на него Безротого… Затем я заметил происшедшую с Безротым перемену. До этого кожа его была землисто-серого цвета, как и у всех нас в слабом свете то вспыхивавшей ярче, то тускневшей лампочки на потолке. Теперь же, казалось, он покраснел; по его лицу ползли розоватые волны неестественного цвета, с которыми сливалась красная щель его рта. Казалось, будто… Господи! У него не было рта. Нарисованная щель полностью исчезла на наливающемся краской лице, и остались лишь глаза и нос.

Какой кошмарный сон, подумал я. Я знал, что это наверняка сон — подобного просто не могло быть в реальности. Словно в тумане, я видел, как Усатый убирает хлеб и складывает странный столик. Я чувствовал по ритму колес, что поезд замедляет ход — судя по всему, мы подъезжали к Гренлоу. Лицо Джока к этому времени исказилось до неузнаваемости — белое, с вытаращенными глазами, оно бледнело с той же скоростью,

с которой краснело лицо Безротого, которому это прозвище теперь подходило в полной мере. Внезапно лицо Джока перестало дергаться, челюсть отвисла, глаза медленно закрылись, и он соскользнул на пол, исчезнув из моего поля зрения.

Поезд теперь двигался намного медленнее, и колеса его стучали на стрелках, сообщая о приближении к станции или депо. Безротый повернул свое чудовищное, кошмарное лицо ко мне, наклонившись через проход. Я мысленно вскрикнул, не в силах сопротивляться, и напрягся изо всех сил, пытаясь вырваться из транса, который, как я вдруг понял, вовсе не был сном…

Поезд резко затормозил со свистом и скрежетом. Снаружи в темноте начальник станции что-то кричал носильщику на невидимой платформе. Когда поезд остановился, Безротого на мгновение отбросило назад, но прежде, чем он снова успел приблизить ко мне свое лицо, к нему обратился Усатый:

— У нас нет времени, господин, — это наша станция…

Безротый еще секунду нависал надо мной, словно не решаясь, что со мной делать, затем встал, остановившись в дверях. Когда остальные

прошли мимо него в коридор, он поднял правую руку и щелкнул пальцами.

Я почувствовал, что снова могу двигаться. Быстро моргнув, я встряхнулся и выпрямился на сиденье, чувствуя, как онемела спина между лопатками.

— Послушайте… — начал я.

— Тихо! — приказал похожий на эхо голос — и, естественно, нарисованный фальшивый рот его обладателя даже не пошевелился. Я был прав — меня загипнотизировали, и все это мне вовсе не приснилось. Этот фальшивый рот… Идущий во Тьме… Властелин Ночи… Повелитель Преисподней… Молитва Сумману…

Я раскрыл рот от ужаса и удивления, но прежде чем я успел выговорить одно лишь слово: «Сумман…», произошло нечто чудовищное.

Его жилет слегка раздвинулся внизу, и из-под него выскользнуло длинное белое щупальце, кроваво-красный конец которого на мгновение повис словно змея над моим окаменевшим лицом, а затем ударил. Я почувствовал, что кожу на моем лице рассекло словно бритвой, потекла кровь. Потрясенный, я упал на колени, не в силах даже закричать, и машинально потянулся к носовому платку. А когда я, съежившись от страха,

снова поднял взгляд, Безротого уже не было.

Вместо него, стоя на коленях и тщетно пытаясь стереть кровь с лица, я обнаружил перед собой безжизненное лицо спящего Джока.

Спящего?

Я закричал. Когда поезд отошел от станции, я продолжал кричать. Когда на мои крики никто не ответил, я сумел дернуть за сигнальную веревку. А потом, пока не появились люди, чтобы выяснить, что случилось, я все кричал и кричал. Не из-за того, что случилось с моим лицом, а из-за того, что случилось с Джоком…

В его левом боку зияла неровная кровавая дыра размером в два дюйма, и во всем его безвольно обмякшем теле не было ни капли крови. Он просто лежал, наполовину соскользнув с сиденья, жертва «чертова языческого обряда», заменивший собой жертвенный хлеб лишь потому, что поезд дернулся в неподходящий момент. В итоге Джок был принесен в жертву Сумману…

Письмо Генри Уорси[24]

Еще до «Темного божества», в сентябре 1967 года, я послал Августу Дерлету в «Аркхэм Хаус» этот мой, скажем так, самый честолюбивый рассказ. Дерлет не отклонил его сразу, но сказал, что он нуждается в доработке — что я и сделал. Увидев переработанный вариант, Дерлет сказал, что он пойдет в его редакционный портфель для публикации в дальнейшем, возможно, в сборнике «Призывающий Тьму». Но этого не случилось, как с «Темным божеством», так и с «Заявлением». После смерти Дерлета несколько рассказов разных авторов ушли в литературное забвение без какого-либо предсказуемого будущего. Что касается меня, то преемники Дерлета в «Аркхэм Хаус» собрали мои неопубликованные рассказы вместе с несколькими другими, которые я к тому времени написал, и продали их в новую книгу под названием «Ужас в Оукдине». Таким образом, в 1977 году, десять лет спустя после написания

---

[24] notes: 24

"The Statement of Henry Worthy", from The Horror at Oakdeene, Arkham House, 1977.

Плешков К. П., перевод на русский язык, © 2018.

и переработки, «Письмо Генри Уорси» наконец увидело свет в моей третьей и последней книге, выпущенной издательством «Аркхэм Хаус».

I

Как бы тяжело мне ни было рассказывать об этом чудовищном происшествии, я знаю, что сделать это необходимо, если я хочу избежать дальнейших последствий тех событий, что привели к исчезновению моего бедного племянника Мэтью Уорси. И все же…

В свете всего того, что я теперь знаю, достаточно одной лишь мысли о потусторонней природе омерзительного несчастья, постигшего Мэтью, чтобы вынудить меня то и дело оглядываться в тревоге и невольно вздрагивать, несмотря на то что в моем кабинете вовсе не холодно, и на большое количество только что выпитого мной виски. В последние дни это все чаще входит у меня в привычку.

* * *

Лучше всего, думаю, приступить к рассказу с самого начала, с тех первых дней июля этого, 1931 года, когда Мэтью приехал ко мне в гости из Эдин-

бурга. Будучи прекрасным юношей, высоким, осанистым, с красивым лицом и черными волосами, он мог снискать любовь многих юных леди в Или-он-Муре и в соседнем Хай-Марске, тоже входившем в границы моей врачебной практики; но, как ни странно, в возрасте двадцати одного года Мэтью мало интересовался девушками из обоих поселков. Он считал, что пробудет здесь слишком недолго, чтобы заводить какие-либо отношения, серьезнее сдержанно дружеских. Он был чересчур занят учебой, чтобы позволить себе всерьез интересоваться противоположным полом.

Преподаватели Мэтью действительно писали мне о выдающихся способностях их ученика, предсказывая ему великое будущее. По словам одного из этих ученых джентльменов, «с каждым днем становится все очевиднее, судя по прилежанию, свежему взгляду в любой области и новым методам, которые он применяет при решении многих задач, что наступит день, когда он станет одним из величайших ученых в своей области в стране, а может, и в мире, ибо потенциал у него определенно есть. Уже сейчас он походит на многих великих, кто не столь давно являлся его идолами. Близится время, когда он сможет превзойти даже величайших из них».

А теперь Мэтью больше нет. Я не говорю «он умер» — нет, он ушел, как, возможно, скоро уйду и я… И, все же, я надеюсь, что смогу избавить его от ада, каковым в настоящий момент является его тюрьма.

* * *

Мэтью приехал в Йоркшир не просто так. Он прочитал о том, что двадцать пять лет назад немецкий гений Хорст Граунер нашел на торфяниках два совершенно неизвестных вида растений. Произошло это незадолго до роковой прогулки, с которой Граунер так и не вернулся. После исчезновения немца, несмотря на то что на торфяниках после него побывало немало ученых, никаких других образцов открытых Граунером растений найти не удалось. Теперь, когда первоначальные образцы, хранящиеся в Кёльнском университете, превратились, несмотря на все предпринятые для их сохранения меры, в мумифицированные фрагменты, Мэтью решил, что исследованием торфяников пора заняться кое-кому еще. Ибо растения Граунера, если только они не поддельные, были уникальным явлением в ботанике, и до своего исчезновения сам Граунер описывал их как «Sehr sonderbare, mysteriose

Unkrauter!» — очень странную и таинственную траву.

Так что незадолго до полудня седьмого июля Мэтью отправился на торфяники, взяв с собой рюкзак, немного еды и веревку на тот случай, если придется собирать образцы на каком-нибудь крутом склоне. К ночи он не вернулся, и, хотя на следующее утро была организована поисковая партия, он исчез бесследно, так же как и Хорст Граунер четверть века назад.

Я уже готов был считать Мэтью погибшим, когда утром четырнадцатого числа он ввалился в мой кабинет. К одежде его прилипли ветки и листья папоротника, волосы были в беспорядке, на лице отросла щетина, нижняя часть брюк была покрыта странной слизью, но, несмотря на явную усталость и потрепанный вид, он выглядел вполне здоровым и даже не исхудал.

Первая моя радость по поводу его возвращения тут же сменилась гневом, и я потребовал немедленно объяснить, какого дьявола этот юный негодяй перепугал всех до полусмерти, где, во имя всего святого, он болтался целую неделю, знает ли он, что из-за него подняли на ноги всю округу, и так далее.

Мэтью извинялся от всей души, ругая себя за

собственную глупость, но, когда он поведал свою историю, я не решился обвинять его в случившемся, и вполне справедливо. Судя по всему, он взобрался на один из особо крутых холмов где-то на торфяниках. Когда он поднялся на вершину, сгустившийся туман помешал обследовать местность. Но еще до этого он чрезвычайно обрадовался, обнаружив единственный уродливый кустик, который был ему незнаком и который, насколько ему было известно, еще не был классифицирован. Мэтью показалось, что этот кустик похож на тщетно разыскиваемые образцы Граунера!

Намереваясь сначала изучить растение в его естественной среде, он не стал его выкапывать, оставив на месте. Он просто сел, отметив свое местоположение на взятой карте, и стал ждать, когда рассеется туман. Примерно через час, успев основательно промокнуть, он потерял всякую надежду, что туман исчезнет до захода солнца, и начал спускаться.

Оказалось, что в сплошном сером тумане обратный путь куда сложнее, чем тот, которым он поднимался. Поскользнувшись на мокром крутом склоне, Мэтью покатился вниз, а затем неожиданно свалился в узкую трещину, частично

прикрытую папоротником, и полетел в пропасть, отчаянно размахивая руками. Пролетев некоторое расстояние, он приземлился спиной на сухую каменную полку на дне расщелины.

Придя в себя и оглядевшись, он к своему удивлению обнаружил, что серьезно не пострадал, упав с высоты около двадцати футов на мелкий гравий. Стены расщелины были столь круты, что местами нависали над головой, и взобраться по ним без посторонней помощи было просто невозможно. У его ног лежало стоячее, покрытое зеленоватой слизью озерцо, которое сужалось, исчезая под низкой известняковой аркой в одном из концов ущелья.

Весь ужас своего положения он осознал, когда понял, что потерял рюкзак, а веревка бесполезна, поскольку крюка у него не было. Похоже было, что если не случится чудо и он не сумеет найти какой-то способ выбраться отсюда, ему суждено провести остаток своих дней в этом мокром и унылом месте, и дни эти будут не слишком долгими, поскольку в его распоряжении не было ничего, кроме зловещего вида воды в грязном озерце. Однако у него имелась карманная аптечка, которую я дал ему на случай непредвиденных обстоятельств, и он постарался как можно бо-

лее тщательно обработать свои царапины и ссадины.

Немного посидев, придя в себя и вновь обретя некоторое присутствие духа, Мэтью занялся обследованием своей тюрьмы. В воздухе висел тошнотворно-сладковатый запах, столь густой, что, казалось, его можно ощутить на вкус. Не было слышно ни звука, кроме отдаленного шума капающей воды. Сквозь дыру наверху проникало не так уж много света, но Мэтью это не слишком пугало, поскольку каменные стены были покрыты серым мхом, испускавшим тусклое свечение.

Он вышел из Или-он-Мура перед полуднем, и, по его расчетам, сейчас должно было быть около семи вечера. Он знал, что еще примерно через час я начну за него беспокоиться, но что он мог поделать? По сути, он оказался в плену, и как ни старался, не мог придумать никакого способа, чтобы выбраться. Обследовав веревку, он обнаружил, что она сильно изношена в двух местах. Обругав себя за то, что не проверил ее перед уходом, Мэтью перекинул веревку через выступающий камень и повис на ней, проверяя, выдержит ли она его вес. Веревка дважды порвалась, прежде чем у него остался пригодный к употреблению кусок длиной не более чем в

двадцать футов.

Он привязал конец оставшейся веревки к большому камню, но, бросив его вверх, к своему разочарованию понял, что он не долетает до края расщелины на два или три фута. Оставалось лишь сидеть, ждать и надеяться, что какая-нибудь поисковая группа его найдет. Он понимал, что никто не станет искать его, по крайней мере, до утра, и потому звать на помощь было бесполезно.

Заметно темнее не становилось, несмотря на то что сейчас должны были быстро сгущаться сумерки, и он объяснил это тем, что мох на стенах испускает естественный свет. Его догадка подтвердилась, когда он вскоре увидел мерцавшие в трещине над головой первые звезды в ночном небе.

Основательно устав, он сел в самом сухом месте, какое только сумел найти, и заснул, но во сне его мучили кошмарные видения странных событий и еще более странных существ. Он несколько раз просыпался, задыхаясь от неестественной и тягостной жары, слыша эхо собственного крика, отдававшееся от стен. Даже на следующее утро сновидения эти оставались в его памяти, и, казалось, он понимал суть всех жутких событий,

происходивших в них.

В одном из этих снов он видел туманный ландшафт из необычных каменных образований, незнакомых деревьев и гигантских папоротников — растений, которых, насколько знал Мэтью, не существовало на Земле с начала времен. Он был одним из толпы отвратительных обезьяноподобных созданий — уродливых, с плоскими лицами и скошенными лбами. Они приближались к запретному месту, дыре в земле, из которой поднимались омерзительно пахнущие испарения.

Эти обезьянолюди вели с собой пленников, таких же созданий, как и они сами, но чудовищным образом от них отличавшихся, — они нарушили Законы. Пленники недавно вошли на эту священную землю без позволения жрецов, а также осмелились шпионить за Богами, которых вызвали те же жрецы с помощью ужасающих ритуалов. После того, что им удалось увидеть, они начали подстрекать к мятежу, призывая к свержению жрецов и изгнанию Богов из Внешнего мира. Опасаясь, что призыв этот может быть кем-то услышан, Боги на мгновение перестали предаваться своим чудовищным удовольствиям, приказав своим жрецам наказать преступни-

ков, — они должны были стать не такими, как все, чтобы любой мог их узнать!

И действительно, пленники выглядели иначе… Они были скользкими на ощупь и, казалось, источали отвратительную влагу с мерзким запахом. Они скорее ковыляли, чем шли, словно страдая от некоего нервного расстройства, из-за которого шаги их были короткими и отрывистыми.

Но когда в своем сне Мэтью внимательнее пригляделся к пленникам обезьянолюдей, он понял, что ошибался. Они страдали не от нервного расстройства, причина была чисто физической. Их ноги соединяла между собой от колена до паха некая отвратительная, похожая на грибок плесень, а руки точно так же были приклеены к бокам. Глаза их были почти полностью покрыты чешуей, а рты исчезли, склеенные навсегда жутким чешуйчатым веществом, которое, судя по всему, покрывало все их тело. Мэтью откуда-то знал, что это лишь первая стадия их наказания за то, что они посмели совершить, и что им еще предстоит поплатиться сполна.

Всю эту дьявольскую процессию возглавляли три существа, опять-таки отличавшиеся от остальных. Лбы их не были столь скошены, что свидетельствовало об их несколько более высо-

ком положении на эволюционной лестнице, и они были на голову выше других. Это были жрецы, и лишь они носили одежду — грубые темные накидки, наброшенные на плечи.

Жрецы несли горящие факелы, нараспев читая некие заклинания, которые, как знал Мэтью — хотя и не мог вспомнить, откуда — имели особое значение, являясь обращением к неким богам из древних мифов. Для него оставалось тайной, каким образом он понимает все происходившее с ним во сне; он помнил, что, когда существа разговаривали друг с другом, язык, на котором они общались, не был похож ни на один из тех, что были ему знакомы. Как он сказал, это был мертвый язык, исчезнувший с лица Земли сотни тысяч, если не миллионы лет назад.

Вскоре группа подошла к источавшей отвратительную вонь дыре, и жрецы остановились у самого ее края, высоко подняв факелы. Пение их стало более громким и страстным. Зловонные испарения закружились вокруг них, время от времени полностью закрывая от взглядов последователей. А затем, как только пение достигло своей кульминации, несчастных вытолкнули вперед, сбрасывая одного за другим в жуткую расщелину. Они не могли кричать, поскольку рты

их были покрыты чешуей, но даже если бы это было не так, они все равно бы не кричали, ибо, казалось, они были рады тому, что их сбрасывают в чудовищную бездну.

Когда тела несчастных исчезли в зловонной тьме, жрецы медленно повернулись к Мэтью, приближаясь к нему с зловещими и коварными улыбками на лицах. Сам не зная почему, Мэтью повернулся и побежал, но тут же споткнулся, и в то же мгновение его окружила вся толпа. Судя по выражениям лиц, ничего хорошего ждать не приходилось, и он открыл было рот, чтобы отвергнуть их невысказанные обвинения, но…

К его неподдельному ужасу, он едва мог пошевелить губами!

Он попытался поднять руки, чтобы защититься, но не смог. Казалось, будто его конечности приклеились к телу, и он взглянул на себя, уже отчасти зная, что увидит. Даже одно простое действие потребовало от него немалых усилий, но все же ему это удалось, и он увидел… увидел…

Он тоже был одним из… этих!

Руки его были прикованы к бокам, а ноги наполовину соединены. Кожа его была зеленой и грязной, и от него несло тошнотворным сладковатым запахом. Но едва он успел осознать

случившееся с ним, орда уже подняла его и потащила к краю дыры! К счастью, именно в этот момент он проснулся.

II

Если память меня не подводит, именно так изложил мне Мэтью содержание своего сновидения в каменной расщелине. За ним последовали и другие, но я столь подробно рассказываю именно о первом, поскольку считаю, что неким необъяснимым образом его события связаны с остальной частью моего повествования. Полагаю, в своих снах Мэтью видел реальные события из жуткой древней истории темницы, внушавшей ему ужас…

На второй день он зашел в озерцо и обнаружил, что вода в нем неприятно теплая и жирная, словно насыщенная густыми водорослями. Несмотря на мучившую его жажду, он не смог заставить себя пить эту отвратительную жижу.

Поскольку озерцо оказалось достаточно мелким, он смог дойти до каменной арки и, пригнувшись, пройти под ней. Вода, если ее можно было так назвать, за аркой была немногим глубже, а живые стены давали достаточно света, чтобы увидеть, что во второй пещере продолжается

тот же песчаный берег. Мокрый с головы до ног и покрытый слизью, он выбрался на берег и огляделся. Сверху свисали длинные острые сталактиты — здесь трещины в потолке не было. Но, хотя возникшие много веков назад окаменелые «клинки» сами по себе выглядели впечатляюще, внимание Мэтью в первую очередь привлекло совсем другое.

Эта первобытная пещера была полна чудес, при виде которых готово было разорваться от радости сердце любого ученого, в особенности ботаника. На стенах росли растения, не похожие ни на один из видов, существующих на поверхности Земли. Они напоминали огромные стручки, и корни их уходили в вязкую воду. Казалось, что каждое из них растет прямо из стены пещеры, или, возможно, они вырастали из воды и затем цеплялись к стенам, подобно другим ползучим растениям.

Длина чудо-растений составляла от пяти до шести футов, и они были такими же зелеными, как и жуткие мутанты в снах моего племянника. С их скользкой поверхности в озерцо стекала омерзительная жижа. Возможно, подумал Мэтью, именно из-за этих постоянных выделений вода в озере стала столь тошнотворной.

Когда первое удивление от увиденного прошло,

он также обнаружил немного воды, которая, по крайней мере, была чище, чем вода в озерце. Она стекала с острых висячих окаменелых образований, и, несмотря на ее неприятный кисловатый вкус, она куда больше годилась для утоления жажды. Но все же он не сразу решился сделать глоток, словно все его тело инстинктивно противилось всему, что имело отношение к этой загадочной дыре в земле.

Однако теперь его переполнял гнев. Находка, которую он совершил, могла бы обеспечить ему будущее, если бы он только сумел выбраться из этой проклятой дыры. Именно тогда он впервые увидел путь к спасению. Среди мелкого гравия на берегу виднелось немало наполовину зарытых плоских камней. Если бы ему удалось перетащить достаточное количество этих камней на другую сторону естественной арки, возможно, он сумел бы сложить из них помост, с которого можно было бы перебросить веревку с грузом через край расщелины.

Ему пришлось столкнуться со многими препятствиями — вода внушала ему непреодолимое отвращение, камни оказались тяжелыми, к тому же на поверхности они быстро закончились, и ему пришлось выкапывать их из мелкого гра-

вия.

Именно тогда, подняв первый из камней, Мэтью заметил в тусклом свете замысловатые, похожие на руны письмена на его поверхности. Камни были в буквальном смысле испещрены странными каббалистическими знаками, и, хотя значение их было ему неизвестно, они, тем не менее, внушали ему ужас. Символы эти напомнили ему те, что он как-то раз видел в университетском отделе редких изданий, на страницах книги фон Юнцта, и он вновь ощутил то же самое отвращение, которое испытал, когда пил стекающую сверху воду. Однако он продолжал трудиться, пока не воздвиг каменный помост высотой почти в три фута у стены своей тюрьмы.

Это заняло у него половину третьего дня, который он провел в дыре. Теперь он мог добросить веревку почти до края расщелины, но он исчерпал свой запас камней и был слишком уставшим и голодным для того, чтобы выкапывать новые. Он знал, что вскоре голод начнет мучить его по-настоящему, и, если он хочет довести дело до конца и выбраться отсюда, ему нужно найти еду. Но где?

Растения во внутренней пещере вполне могли оказаться ядовитыми, но они были его един-

ственной надеждой, и Мэтью осторожно откусил от одного из них. Хотя его едва не стошнило, он почувствовал странную сытость. Он смог вполне насытиться этим растением, и даже ощутил удивительный прилив сил. Вскоре он уже не чувствовал тошноту, более того, растение начало воздействовать на него словно наркотик.

Сам он этого почти не осознавал, пока очередной дурной сон не вывел его из оцепенения. Он провел в расщелине уже почти семь дней, когда его вырвал из кошмара его собственный крик, и он смог достаточно точно оценить, сколько прошло времени, по отросшей на подбородке щетине.

Ему снилось, что жрецы завалили жертвенную пещеру священными камнями, покрытыми письменами, теми самыми, которые он столь лихорадочно откапывал из песка, но снилось ему не только это. Мэтью сказал, что ничего больше не станет рассказывать мне о своем последнем кошмаре, поскольку это «невозможно вынести».

Он с новыми силами принялся за работу, и ему потребовалось всего несколько часов, чтобы завершить строительство помоста. В конце концов ему удалось забросить веревку с грузом за край отверстия, и, к его собственному удивлению,

первая же попытка увенчалась успехом! Камень зацепился за край и удержался там, и Мэтью без особых усилий сумел выбраться наверх. Не скрывая своей радости, он спустился со склона и поспешил назад через торфяники в Или.

Всего через несколько дней связанное с пропажей Мэтью волнение в Или и Хай-Марске постепенно улеглось, и в пабах перестали обсуждать его исчезновение. Затем, после того как Мэтью заверил сержанта полиции Меллора, что расщелина находится на достаточном расстоянии от населенных пунктов и не представляет опасности для местных детей, он смог снова вернуться к своим исследованиям.

С собой он случайно принес часть растения, которое ел; по его словам, он настолько спешил выбраться из дыры, что больше ни о чем не думал. По сути, Мэтью просто оторвал от растения кусок, чтобы съесть позже, а после возвращения обнаружил его у себя в кармане. Хотя фрагмент этот быстро разрушался, он оставался еще достаточно прочным для того, чтобы его можно было изучить.

Исследования полностью заняли у Мэтью последующие несколько дней. О траве, которую он нашел на холме, он уже забыл, а возможность

того, что в тех окрестностях могут найтись и другие столь же захватывающие образцы, не имела для него никакого значения. В данный момент он полностью сосредоточился на новом, пока что неизвестном, образце.

Дня через три или четыре после его возвращения я сидел в своем кабинете, просматривая заметки о жалобах некоторых из моих пожилых пациентов, обоснованных или надуманных, когда из коридора ко мне ворвался Мэтью, с диким взглядом и словно слегка постаревший. Вид у него был совершенно озадаченный, а рот открыт от нескрываемого удивления.

— Дядя, — выпалил он, — может, ты сумеешь мне помочь. Во имя всего святого, мне действительно нужна помощь! Я просто не могу понять… или не хочу. Это неестественно. Нет, просто невозможно, и, тем не менее, оно…

Он растерянно покачал головой.

— Вот как? — спросил я. — Что именно невозможно, Мэтью?

Несколько мгновений он молчал, затем сказал:

— Оно… это растение! Оно просто не имеет права существовать. Ни одно из них. Сначала я решил, что, возможно, ошибся, но потом проверил и перепроверил несколько раз — и понял,

что я прав. Они просто не могут этого делать!

— Кто «они», — терпеливо спросил я, — и чего они «не могут делать»?

— Растения, — раздраженно сказал он. — Они не могут размножаться! Или, если и могут, то я понятия не имею, каким образом. И это еще не все. Пытаясь их классифицировать, я стал делать такое, за что меня посадили бы за решетку, узнай об этом кто-либо из обычных ботаников. Да что там, я даже не могу с уверенностью сказать, что это растения. Собственно, я почти уверен, что они ими не являются. И из этого следует кое-что еще…

Наклонившись вперед на стуле, он уставился на меня.

— Решив, что они не являются растениями, я подумал, что, возможно, они могут быть какими-то загадочными видами животных — подобно морским животным, которых долгое время принимали за растения, анемоны и тому подобное. Я все проверил, и… ничего подобного не существует. У меня тут целая библиотека, — он кивнул в сторону комнаты наверху, — но я не нашел там ничего подходящего.

— То есть ты оказался в полном тупике, — сказал я. — Наверняка ты где-то ошибся? Очевидно,

что, чем бы они ни были, они должны быть либо растениями, либо животными. Обратись к мнению специалистов.

— Ни за что! По крайней мере, пока не проведу новые исследования сам, — воскликнул Мэтью. — Это же фантастика — новая форма жизни! Извини, дядя, но мне нужно возвращаться к работе. Мне еще столь многое надо понять…

Неожиданно он замолчал, словно ему стало не по себе.

— Особенно мне нужно разобраться в их клеточной структуре. Она просто поразительна. Как ее можно объяснить? Структура их клеток почти… почти человеческая!

С этими словами он поспешно выбежал из моего кабинета.

Я улыбнулся себе под нос. Молодым все кажется фантастическим. Мэтью, конечно же, где-то ошибся, ибо, если эти создания не были ни растениями, ни животными, то чем, во имя всего святого, они являлись?

III

На следующее утро началось нечто жуткое, проявившееся сначала в виде маленьких зеленоватых пятен слоистой слизи, проступивших

на руках и груди Мэтью. Вначале пятен этих было немного, но они отказывались исчезать под воздействием антисептиков или недавно появившихся противогрибковых кремов, и в течение дня тошнотворная зеленая плесень распространилась по всему телу юноши, так что мне пришлось уложить его в постель.

Я делал все возможное, чтобы успокоить его и утешить, а ближе к вечеру повесил на дверях моей приемной записку, извещавшую моих пациентов, к счастью, немногочисленных и с достаточно тривиальными жалобами, что по причине изменения рабочего графика я буду отвечать лишь на крайне срочные вызовы. К этому я добавил адрес своего друга в Хоуторпе, врача-консультанта, которому я рассказал правдоподобную историю о моих изменившихся планах и который охотно согласился принять любого из моих пациентов, кому потребовалась бы помощь.

Завершив дела, я попытался понять причину кошмара, обрушившегося на моего племянника, но мне это так и не удалось ввиду абсолютно чуждой его природы. Единственные симптомы, о которых я мог сказать со всей определенностью, заключались в том, что Мэтью почти ничего не

ел со времени своего приключения в расщелине, не видел я также и того, чтобы он что-либо пил, и, тем не менее, он не проявлял никаких признаков голода. Тогда я еще этого не знал, но с его телом происходила некая метаморфоза, пока что не требовавшая пищи. Способ питания становился другим…

Полностью сбитый с толку, отчаянно пытаясь понять чудовищное превращение, происходящее с Мэтью, я проработал всю ночь и часть следующего утра, и, поняв, что скорость проявления симптомов угрожающе возрастает, предложил позвать специалиста. Худшего я не мог придумать. Мэтью начал кричать, что никто не в силах ему помочь и что «никто больше не должен узнать об этих существах из пещеры!». Он явно считал, что болезнь его родом именно оттуда, что он отравился, съев одно из тех растений, — и, честно говоря, я вряд ли бы стал с этим спорить.

Всхлипывая и рыдая, он заявил, что скоро перестанет быть для меня обузой, и взял с меня обещание, что я никому не расскажу о том, что с ним случилось, и не приведу никого, чтобы его осмотреть. Думаю, я понял, что он имел в виду, утверждая, что перестанет быть обузой; ни в одном из своих справочников я не нашел ничего

похожего на болезнь моего племянника, лишь проказа чем-то на нее походила, но проказа не развивалась со столь фантастической скоростью. Я невольно подсчитал, что болезнь Мэтью убьет его в течение двух недель, и потому соглашался с каждой его просьбой.

* * *

На следующую ночь, выйдя из дома ради глотка свежего воздуха, в котором я крайне нуждался, я сумел поймать Джинджера, моего кота. С тех пор, как Мэтью вернулся со своей затянувшейся прогулки, Джинджер отказывался заходить в дом, предпочитая часами сидеть на крыльце, то и дело жутко завывая. Я принес его домой и оставил внизу вместе с миской молока. На следующее утро, кажется, четвертое с того времени, как начался кошмар, я обнаружил окоченевшее тельце Джинджера на полу кладовой. Стекло в одном из маленьких окон треснуло — видимо, несчастное перепуганное животное отчаянно пыталось сбежать. Но от чего? Животные могут чувствовать то, что недоступно тупому человеческому разуму. И то, что почувствовал Джинджер, напугало его до смерти.

Другие животные тоже чувствовали в окрест-

ностях моего дома нечто странное, особенно собаки, и не осмеливались к нему приближаться. Даже мой пони, привязанный в теплой пристройке позади дома, нервно приплясывал в стойле в течение всех этих долгих ночей…

Тем же утром, когда я нашел Джинджера мертвым, я осторожно откинул одеяло со спящего Мэтью, и, хотя я врач, и мне приходилось сталкиваться со всевозможными болезнями, я в ужасе попятился, увидев то, что лежало на кровати. Три часа спустя, около одиннадцати утра, считая, что сделал все возможное, я убрал свои инструменты. Мне пришлось поработать хирургическими тампонами и скребками, губками и кислотами, и тело моего племянника под повязками выглядело не лучшим образом. Но, по крайней мере, теперь оно было чистым — на какое-то время.

Когда прошло действие обезболивающего и Мэтью проснулся, он сумел, несмотря на мучившую его боль, рассказать мне про свое новое сновидение. Ему снилось, будто он находится в каком-то туманном месте, где слышался лишь голос, постоянно повторявший фразу на чужом языке, который каким-то образом был ему понятен.

«Ты не должен с ними общаться, не должен их

знать, не должен ходить среди них или рядом с ними...» — говорил голос, пугая Мэтью до глубины души.

* * *

Оставшуюся часть дня мы оба проспали, полностью обессилев, и я проснулся лишь ближе к вечеру, разбуженный криками Мэтью. Ему снился очередной кошмар, и я внимательно вслушивался, сидя рядом с его постелью, на случай, если он вдруг скажет нечто новое, способное пролить свет на случившееся с ним. Возможно, разбуди я его тогда, я бы спас его разум, но сейчас я рад, что не стал ничего делать, просто сидел и слушал его бормотание во сне. Мне казалось, что лучше, если он будет спать; какие бы сны ему ни снились, вряд ли они могли оказаться хуже, чем реальность.

Меня потряс до глубины души ядовитый запах, исходивший от его беспокойно вздрагивавшего тела, ибо всего несколько часов назад я полностью очистил его от любых следов ужасной болезни. Я надеялся, что мое хирургическое вмешательство остановит ее быстрое распространение, но, судя по запаху, было ясно, что все мои усилия тщетны. Затем, прямо на моих глазах.

Мэтью начал корчиться и безумно бормотать.

— Нет, нет, — выдохнул он, — я этого не вынесу, я словно сам был частью того места, весь покрытый слизью… нет! — Грудь его судорожно вздымалась и опускалась. Затем он продолжил, уже спокойнее: — Никто не должен узнать о той яме… Я согрешил… совершил отвратительную мерзость… и вскоре должен ответить на зов… Никаких священников, никаких обрядов… Мертв еще до динозавров… И никто не должен меня видеть… Слишком много любопытных, любителей тайн… Они расскажут всему миру… Одному богу известно… Не говори никому… Никто не должен знать… Величайший грех… Да поможет мне бог!

Последовала долгая пауза, и мне вдруг показалось, будто спящий Мэтью к чему-то прислушивается. Наконец, он заговорил снова:

— Но… голоса! Кто они? Я не знаю этих имен. Джон Джеймисон Хастэм… Джинт Риллсон… Фет Бандр? И другие — кто они? Ганхфл Деграмс? Сгисс-Твелл? Неблоцт? Унгл? Ух'анг?

Голос его стал еще тише, губы раздвинулись, обнажив зубы, выпукло натянулись жилы на шее. На лбу его проступил холодный пот, и негромкий стон перешел в хриплый шепот.

— Тот, слабый, угасающий голос! Кто это? Кто

это?.. Кто ты, шепчущий? Твое имя кажется знакомым… Нет… нет! Тебя… не может… быть!

Неожиданно, хрипло выкрикнув какое-то слово — или имя, — он сел на постели, полностью проснувшись, и, широко раскрыв глаза, обвел невидящим взглядом комнату. Несколько мгновений я не мог понять, что происходит, но затем я увидел пену в уголках его рта, закатившиеся глаза и бессмысленную улыбку. Сев рядом, я обнял его, глядя, как он, всхлипывая, раскачивается туда-сюда, полностью лишившись рассудка.

Тогда я не понял, чье имя он выкрикнул, но теперь я понимаю все, а в особенности то, что в конце концов оказалось невыносимым для слишком измученного разума и тела моего племянника. То, что ему… приснилось?

* * *

Рассудок к Мэтью так и не вернулся, и с этого момента мне пришлось заботиться о нем, словно о новорожденном младенце; он неспособен был даже к простейшим осмысленным действиям. Однако мне кажется, что это лучшее, что могло случиться. Я мало чем мог ему помочь, как в физическом, так и в духовном смысле, и полностью отказался от мысли вызвать специа-

листа. Ни один врач на это бы не решился, пока оставался хоть малейший шанс, что болезнь заразна и может передаться другому человеку. Это, естественно, послужило главной причиной, по которой я оставил практику. Я проводил время наедине с Мэтью, и все, что мне оставалось — ждать и наблюдать за тем, какую форму примет развивающийся кошмар.

Что касается меня, то никаких симптомов болезни до сих пор не проявлялось, и после каждого общения с племянником я тщательно мылся. Правда, в последнее время у меня пропал аппетит (чего, как я теперь понимаю, вполне следовало ожидать), но я продолжал убеждать себя, что все мои страхи, вероятнее всего, носят чисто психологический характер.

На следующее утро, пока Мэтью спал, я ввел ему новую дозу обезболивающего и снял повязки.

К тому времени я уже почти привык к виду жуткой зеленой сетки, разраставшейся внутри ран, внутри самой его плоти, и увиденное лишь подтвердило мои ожидания. Запах, исходивший от обнаженных мест, был ужасен, и я понял, что все мои усилия, вероятно, лишь ухудшили состояние юноши. К середине дня стало ясно, что никакой надежды не осталось. Руки его прирас-

тали к бокам, а бедра уже соединились; жуткая растительность столь быстро распространялась по его телу и внутри него, что я не сомневался — ему осталось день-два, не больше.

Не стану рассказывать о том, что происходило с Мэтью дальше. Достаточно сказать, что я начал добавлять в ванны, которые принимал все чаще, карболовую кислоту во все больших количествах, пока, наконец, вчера содержание кислоты в воде стало столь высоким, что у меня вздулись на ногах небольшие волдыри. Однако мне казалось, что мои усилия того стоят, поскольку даже после того, как Мэтью ушел два дня назад в торфяники, тело мое оставалось чистым, хотя аппетит полностью отсутствовал. Я надеялся, почти молился о том, чтобы причины тому были чисто психологические, но снова надежды мои оказались напрасными.

Я вынужден был признать — я тоже заразился! Вскоре после того, как я начал писать этот текст, вчера вечером, после возвращения с торфяников, я впервые заметил бесцветное чешуйчатое пятно на тыльной стороне моей руки…

Но, спеша скорее закончить, я опережаю события. Я должен вернуться на два дня назад, к тому вечеру, когда Мэтью исчез в тумане, ибо самое

худшее мне еще предстоит рассказать.

IV

Полагая, что Мэтью осталось жить самое большее несколько часов, и желая быть рядом с ним на случай, если незадолго до смерти к нему вернется рассудок — как порой случалось, — я сидел возле его постели. Видимо, я заснул, поскольку меня разбудили лихорадочные содрогания полностью изменившегося существа рядом со мной. К тому времени в облике моего племянника уже не оставалось ничего человеческого, за исключением общих очертаний. Глаза его горели сквозь узкие щелочки в зеленой маске, в которую превратилось его лицо.

Полностью проснувшись, я увидел, как… существо — я с трудом мог думать о нем как о Мэтью — начало двигаться. Дрожа, оно медленно сгибалось в поясе, пока, наконец, не село прямо. Чудовищная голова медленно повернулась в мою сторону, а затем я услышал последние слова, которые произнес в своей жизни мой племянник:

— В-воды… В-ванну… Проводи… меня… в… ванную…

Существо перекинуло зеленую перепонку, в которую превратилась нижняя часть его тела, через

край кровати и каким-то образом сумело встать. Шаркающей походкой, до сих пор одетое в халат, который я одолжил Мэтью в качестве компенсации за то, что поселил его в холодной комнате, оно направилось к двери. Мгновение спустя, очнувшись, я бросился на помощь моему… моему племяннику, но обнаружил, что произошедшая с ним мутация, хоть и лишила его человеческих черт, но ни в коей мере не лишила его сил. Движениям Мэтью мешала лишь покрывавшая его тело быстро твердевшая зеленая оболочка; мне пришлось лишь слегка поддержать его, пока он привыкал к своей новой двигательной системе. Не помню точно как, но мне удалось в конце концов довести его до ванной, где он остался сидеть, то и дело вздрагивая, пока я наполнял ванну теплой водой.

Именно тогда, сбегав несколько раз туда-сюда с громадным железным чайником, я заметил нечто, происходящее в ванной — нечто столь ужасное, что я попятился прочь, а затем рухнул на пол, лишившись чувств…

* * *

Когда я очнулся, было уже темно. Вспомнив причину своего обморока, я вздрогнул, а затем,

ощутив прикосновение каменного пола к щеке, поднялся на ноги. Когда я в последний раз видел своего племянника, или, вернее, существо, в которое он превратился, тело его источало зеленоватый гной, каплями стекавший в ванну. Но теперь ванна была пуста, не считая этой… жидкости.

Я поспешно направился по следам существа, зеленовато поблескивавшим на полу, и, наконец, обнаружил на письменном столе записку. Судя по ее содержанию, Мэтью оставался столь же безумным, как и прежде. Потрясенный, я с трудом разобрал почти нечитаемый почерк на влажном, покрытом зелеными пятнами листке бумаги:

«Вода не годится… Я голоден… Я должен идти в яму… К озеру… Не пытайся меня найти… Со мной все в порядке… Я не болен…

М.».

* * *

Последовав за зловещими каплями, ведшими от стола к задней двери, я обнаружил, что она открыта настежь. Я понял, что, возможно, весь дом заражен, и содрогнулся от отвращения, начав внимательнее изучать содержимое ванны — и

тут снаружи внезапно послышался чей-то крик. Подбежав к входной двери, я открыл ее. В сторону моего дома со стороны торфяников, тяжело дыша, ковыляла окутанная туманом фигура Бена Картера, местного браконьера.

— Заприте двери, доктор! — хрипло крикнул он, увидев меня. — Там, на торфяниках, бродит ужасное чудовище!

Не останавливаясь, он проковылял мимо моих ворот и постепенно скрылся в тумане. Я облегченно вздохнул, поняв, что он не станет сообщать об увиденном в полицию, по крайней мере, не сейчас, когда у него болталась связка отменных зайцев. Я смотрел Бену вслед, пока туман полностью не поглотил его, а затем быстро надел плащ и нырнул во тьму.

Задача казалась безнадежной. Поскольку на торфяники уже опустилась ночь, к тому же сгустился туман, у меня не было никаких шансов найти Мэтью. Мне еще повезло, что час с лишним спустя я сумел отыскать дорогу назад в Или. Однако я знал, что с рассветом я снова отправлюсь на торфяники. Я не мог бросить его в таком состоянии. Что, если его найдет кто-то другой?

Очевидно, Мэтью направился в сторону ямы. По крайней мере, так следовало из его записки,

но как я мог найти это жуткое место, даже приблизительно не зная, где оно находится? Именно тогда я вспомнил про карту, на которой, по словам Мэтью, он отметил свое местонахождение на холме. Конечно же — карта!

Я нашел ее в его комнате…

* * *

Всю ночь я почти не спал, мучимый сновидениями, а ранним утром отправился на торфяники. По вполне очевидным причинам не стану описывать путь, которым я шел — если, не дай бог, мой окончательный план не сработает, лучше никому не знать, где находится то место.

Ближе к полудню я наконец отыскал жуткую расщелину в земле, с которой все и началось. Даже для моего непрофессионального взгляда было ясно, что с растительностью, окружающей яму, явно что-то не так. Растения, даже самые обычные и вполне знакомые, странным образом увяли и мутировали. *Sehr sonderbare, mysteriose Unkrauter! (Очень странно, неизвестные сорняки!)*

Я знал, что для того, чтобы удостовериться в том, что я уже начал подозревать, и чтобы получить четкие доказательства, мне придется спуститься вниз. Но, несмотря на это, сама мысль

о подобном заставила меня содрогнуться от ужаса… По коже продолжали бежать мурашки, когда я вбил кол в землю и привязал к нему веревку, ибо даже здесь, наверху, в туманных лучах утреннего солнца в воздухе чувствовался хорошо знакомый запах.

Опасаясь, что отвага может вскоре меня покинуть, я поспешно спустился вниз. Я тут же ощутил ядовитые свойства местной атмосферы, но размышлять об этом было некогда, поскольку мои ноги коснулись каменной платформы, которую построил Мэтью.

В слабом свете было видно, что платформа частично обрушилась, а рядом с ней виднелось вызывающее тревожные ассоциации углубление в смешанном с песком гравии. Разглядывая углубление, я вдруг понял, что в своем нынешнем состоянии Мэтью никогда не сумел бы сюда спуститься, даже если бы его веревка до сих пор висела там, где он ее оставил. Даже трудности, с которыми ему наверняка пришлось столкнуться во время подъема на холм, казались непреодолимыми, и, тем не менее, я был уверен, что ему это удалось, и сейчас он где-то рядом во мраке. Именно углубление в песке не оставляло никаких сомнений…

Ибо, хотя вокруг были и другие следы — знаки предыдущего визита моего племянника, — этот был намного более глубоким, свежим, и вообще другим. Именно такой след оставило бы на влажном песке упавшее тело!.. Я поспешно выбросил из головы возникшую у меня мысль.

Светящийся мох, который описывал Мэтью, действительно оказался на месте, но мне не хотелось двигаться дальше лишь при его свете. Достав карманный фонарик, я включил его. Вероятно, фонарик обо что-то ударился во время спуска, поскольку луч его был слабым и мигающим. Не улучшил положения и сгущавшийся наверху туман, перекрывая слабый свет, проникавший из расщелины.

Сначала я осветил лучом фонаря мертвенно-бледные стены и поверхность похожей на суп воды, затем перевел луч на естественную арку, за которой озеро исчезало из виду. Чувствуя, как ко мне возвращается прежняя смелость, я быстро вошел в озеро. Почувствовав, как слизь окутывает мои ноги, я вздрогнул, радуясь тому, что отвратительная жижа не достигает верха моих сапог.

Я направился прямо к арке и, пригнувшись, прошел через нее. Первое, что осветил мерцающий

луч фонаря в мрачной пещере, это свисающие с высокого потолка окаменелые «клинки». Затем, когда я повернулся влево, луч упал на безжизненно обмякшую возле стены фигуру.

Я стоял, не в силах пошевелиться, дрожа как в лихорадке и чувствуя, как на лбу проступает холодный пот. Единственным звуком, который я слышал, не считая отчаянного биения собственного сердца, был медленный стук падающих капель зловещей влаги.

От ужаса у меня зашевелились волосы на затылке, но страх постепенно прошел, и я снова двинулся вперед, освещая путь направо. На этот раз, когда луч фонаря снова упал на силуэт у стены, я крепче сжал фонарь и подошел ближе. Это было одно из растений — но выглядело оно не совсем так, как описывал Мэтью, безжизненно свисая со стены пещеры. Я решил, что оно либо мертво, либо умирает, а когда провел лучом фонаря вдоль всей его длины, понял, что, скорее всего, так и есть. Большая его часть была срезана — вероятно, это было то самое растение, которым питался мой племянник.

Затем мое внимание привлекло нечто иное, тускло отражавшее свет моего фонаря. Вытянув свободную руку, я коснулся твердого предмета,

который был как будто вставлен в растение примерно посередине. Внешне он походил на металлический кристалл, и, когда я потянул за него, он остался в моей руке. Я спрятал его в карман, собираясь подробнее изучить позже.

Осмелев, я двинулся дальше в пещеру, разглядывая попадавшиеся мне по пути новые зеленые стручки, отчего-то внушавшие мне непонятный страх. А потом я остановился как вкопанный. Я почти забыл о том, что искал, но теперь вспомнил…

В темном углу в полном одиночестве стояло одно из растений, погрузив корни в густую жижу в озерце. Оно ничем не отличалось от остальных, за исключением одного — на нем был надет халат, который я одолжил Мэтью!

А когда я, не веря собственным глазам, осветил фонарем это существо, оно моргнуло! Щелки в тех местах, где должны были быть глаза, открылись и закрылись, и в этот безумный миг я взглянул в полные муки глаза Мэтью Уорси!

Как мне описать остальное?

В одно мгновение меня охватил неподдельный ужас. Фонарь выпал из моих онемевших пальцев, и я услышал собственный хриплый вопль. Подняв руки, я попятился прочь от того, что я

видел, прочь от чудовища возле стены. Повернувшись, я бросился бежать, крича и расплескивая жижу в озере, через лабиринт сочащихся влагой сталактитов, мимо зеленых, покрытых жуткой слизью существ, налетая на стены и на скользкие создания, не имевшие права на существование. Все это время я продолжал кричать, даже когда выбирался по веревке наверх, к дневному свету, когда мчался сломя голову по крутому склону, рискуя свернуть шею или сломать ногу, пока, в конце концов, не споткнулся и не провалился в милосердное забытье…

Да, милосердное забытье, ибо, если бы я не лишился чувств, ударившись головой, я бы наверняка навсегда лишился разума. То, что я видел, и без того было достаточно кошмарным, но то, что я слышал, было еще хуже. Ибо, когда фонарь выпал из моих пальцев и я закричал, вместе со мной начали кричать другие голоса! Голоса, которые нельзя было «услышать» физически, ибо их обладатели были неспособны к физической речи, голоса, которые я слышал собственным разумом, бесконечно жуткие и чуждые, полные вечного страдания…

* * *

Придя в себя, я обнаружил, что лежу у подножия холма. Предпочитая не думать об ужасной правде, которую я узнал, поскольку иначе наверняка сошел бы с ума, я отряхнулся и как можно скорее, насколько позволяла мне гудящая голова, поспешил назад в Или. Мой дом находился в дальнем конце поселка, но, тем не менее, я добрался до него полями и вошел через заднюю дверь. Я немедленно сжег свои сапоги, отметив, что покрывавшая их слизь испускала яркое фосфоресцирующее свечение. Позднее, вымывшись с головы до ног и тщательно проверив, что на моей коже не осталось никаких следов кошмара, я вспомнил о кристалле, лежавшем у меня в кармане.

При свете дня стало видно, что это никакой не кристалл; скорее он был похож на некий браслет, но, тем не менее, меня это не слишком удивило. Мягкие металлические звенья давно окислились, и таинственный предмет рассыпался у меня в руках, за исключением маленького плоского круга или диска. Даже эта его часть, диаметром примерно в полтора дюйма, была почти полностью покрыта зеленой слизью. Я поместил ее в колбу с

разбавленной кислотой, чтобы очистить, но к тому времени я, конечно, уже знал, что это такое.

* * *

Глядя, как кислота делает свое дело, я ощутил невольную дрожь. Мысли лихорадочно сменяли друг друга, одна кошмарнее другой. Я понял, во что превратился мой племянник, и, вероятно, частично съеденное существо, с которого я снял эту металлическую улику, когда-то тоже было человеком или, во всяком случае, живым существом. Я не смог удержаться от того, чтобы не задать самому себе вопрос: могли ли существа из ямы что-либо ощущать на поздних стадиях превращения или по его завершении?

Глядя на пузырящуюся массу в колбе, я вдруг начал бормотать, словно идиот, и мне пришлось сделать над собой усилие, чтобы остановиться. Неудивительно, что Мэтью сбил с толку способ размножения этих несчастных созданий. Каким образом магнит намагничивает булавку? Почему одно гнилое яблоко в бочке уничтожает все остальные фрукты? Да, съеденная Мэтью часть одного из существ способствовала его превращению, но началось оно не из-за этого. Достаточно было оказаться поблизости! Не было оно на са-

мом деле и болезнью, как пытался объяснить мне Мэтью в своей жуткой записке — лишь симбиозом человека и этого существа, в котором оба жили, если это можно было назвать жизнью, полностью завися друг от друга.

Именно это я бормотал себе под нос, пока кислота довершала начатое, и мне пришлось усилием воли взять себя в руки, прежде чем я смог извлечь из кислоты ставший теперь блестящим диск.

Что там снилось Мэтью? «Они без спроса явились на эту священную землю…» Достаточно ли было этого в древности, в доисторические времена, когда окрестности расщелины были намного более ядовиты, чем теперь, чтобы вызвать превращение? Думаю, даже в самом начале Мэтью отчасти догадывался об истине, ибо разве не он сам говорил мне, что обнаружил «почти человеческую» клеточную структуру?

Бедный Мэтью! То имя, которое он выкрикнул, прежде чем сойти с ума… Наконец я понял все. Мой собственный племянник невольно, хотя, возможно, отчасти зная о том, стал антропофагом. Каннибалом!

Ибо в дрожащей руке я держал немецкие часы вполне современного вида, а с обратной их стороны была выгравирована надпись по-немецки

— столь простая, что даже я, не владея этим языком, смог ее перевести:

«ХОРСТУ ОТ ГЕРДЫ, С ЛЮБОВЬЮ».

После мне потребовались многие часы, чтобы собраться с силами и составить план, тот самый, о котором я уже упоминал, но, тем не менее, даже сейчас с трудом осмеливаюсь о нем подумать. Я страстно надеялся, что мне никогда не придется им воспользоваться, но теперь, когда яд распространился по моему телу, похоже, придется…

Когда остынут угли моего дома, полиция найдет эту рукопись в сейфе в глубоком сыром подвале, но задолго до того, как погаснет пламя, я вернусь к расщелине. С собой я возьму столько бензина, сколько смогу унести. Мой план действительно прост, и я не почувствую боли. Не почувствуют боли и обитатели этого места, если только на них подействует мощный наркотик. Когда начнет действовать обезболивающее, и пока я буду еще в силах, я вылью бензин на поверхность того зловещего озера.

Мое повествование подходит к концу…

Возможно, сегодня ночью многие удивятся, увидев поднимающийся над торфяниками огненный столб…

Колокол Дагона[25]

Когда Стив Джонс подбирал рассказы для своего сборника 1994 года «Тени над Иннсмутом» — имеется в виду порожденный воображением Лавкрафта злосчастный морской порт и его подводные обитатели, — его выбор, в первую очередь, пал на «Колокол Дагона», написанный одиннадцать лет назад и вышедший в 1988 году в издательстве Поля Гэнли «Weirdbook» — «Вэйр-бук». Этот рассказ, написанный в непростые годы, после того как, выполнив свою 22-летнюю норму подневольного труда, я оставил Британскую армию (вместе с финансовой независимостью), определенно выдержан в духе Мифов Лавкрафта. Место действия, однако, — плод моей фантазии и расположено очень далеко от Иннсмута; то же относится к стилю изложения. Я искренне верю, что сам Лавкрафт получил бы от него удовольствие.

---

[25] notes: 25

"Dagon's Bell", from Weirdbook 23/24, 1988.

Жужунава Б. М., наследники, перевод на русский язык, © 2018.

I. Глубоководный келп

Меня поражает, как забавно иногда отдельные части информации — фрагменты вроде не связанных между собой фактов, фантазий, порождаемых частично подсознанием, частично смутными ощущениями и интуитивными догадками, обрывки местных легенд и древнего мифа — могут, внезапно соединившись, увеличиться в объеме, так что результат оказывается гораздо больше суммы отдельных частей, как в составной картинке-загадке. А может, и не забавно… может, странно.

То, что море, отхлынув, оставляет на берегу. Наполовину стертая, едва различимая фигура на древней монете в витрине музея. Бабушкины сказки о призраках и звоне затонувшего колокола, слышном во время прилива. Странные теории собирателей угля на морском берегу, попивающих свой эль в старых пабах, где океанский прибой шумит прямо за желтыми от дыма оконными стеклами в виде иллюминаторов. Вот такие вещи, вроде бы никак не связанные между собой.

Но в конце все приобретает очертания чего-то гораздо большего, поскольку все это — лишь

части головоломки, а завершенная картина значительнее, чем ее отдельные компоненты. На самом деле, даже грандиознее.

* * *

Много лет назад я пообещал себе никогда не говорить и даже не думать о Дэвиде Паркере и событиях той ночи на ферме Кетлторп (рассказ об этом выглядит настолько абсурдно, что в него трудно поверить). Однако сейчас, годы спустя… ну, возможно, этот внутренний запрет отчасти утратил смысл. С другой стороны, мой рассказ содержит в себе полезное предостережение. Именно по этой причине я, сколь бы невероятными ни казались обстоятельства, считаю своим долгом вооружиться пером и ручкой.

Меня зовут Вильям Траффорд, хотя вряд ли мое имя имеет значение. С Дэвидом Паркером я познакомился еще в школе, в средней школе деревушки при угольной шахте на берегу моря, задолго до того, как он поступил в колледж. Именно я был тем, кого он посвятил в ужасную тайну фермы Кетлторп.

По существу, я знал Дэвида хорошо: сын шахтера, он мало походил на своих сверстников, был по-своему мягок, лишен некоторой свойственной

местным загрубелости и их гортанного акцента. Я ни в какой мере не хочу принизить жителей северо-восточной части страны в целом (в конце концов, я сам стал одним из них!), поскольку они поистине соль земли. Однако природа их работы и то, что эта работа постепенно делает с окружающей средой, формирует из них жесткое и клановое сообщество. Дэвид Паркер по своей природе не принадлежал к этому клану, вот и все; и я в то время тоже.

Мои родители родились и выросли в Йоркшире и переехали в город Харден в графстве Дарем, лишь когда отец купил там магазин, торгующий свежей прессой. Поэтому возникшая между нами с Дэвидом дружба основывалась не столько на сходстве характеров, сколько на том факте, что мы оба чувствовали себя чужаками. Дружба, длившаяся в течение пяти лет с того времени, когда нам было по восемь, и возродившаяся спустя двенадцать лет, когда учеба Дэвида в Лондоне закончилась. Это произошло в 1951 году.

Тем временем, за годы, прошедшие между этими датами…

Мой отец к этому времени умер, мать редко выходила из дома. Я же расширил дело, прикупив еще два магазина в Хартлипуле, оба под управ-

лением работящих, надежных менеджеров, и несколько более мелких, но успешно развивающихся фирм, не имеющих отношения к продаже газет и журналов, в местных шахтерских деревнях. Таким образом я, в основном, занимался проблемами бизнеса, но с точки зрения управления, а не тяжкого и, тем более, физического труда. Свободное время я, к собственному удовольствию, проводил в обществе старого школьного друга.

Он тоже хорошо устроился, и в будущем все должно было стать еще лучше. Изучал он архитектуру и дизайн, но всего за два года после возвращения расширил сферу своей деятельности, включив в нее оформление интерьера и ландшафтный дизайн, наладил доходное дело и создал себе в своем поле деятельности безупречную репутацию.

Нетрудно сообразить, что война обошла нас обоих стороной. Мы были слишком юны, чтобы принять в ней участие, и, пока мир сражался, наживали капитал. А когда мир стал зализывать раны и искать новые пути развития, мы уже уверенно стояли на ногах и оказались на гребне волны. Торгашеский подход? Нет. Просто, когда война началась, мы были мальчиками и стали чуть старше мальчиков, когда она закончилась.

Однако сейчас, восемь лет спустя…

Мы были, или воспринимали себя, созданиями сложными в достаточно безыскусном обществе, а такие люди всегда составляют незначительную его часть; и это еще больше притягивало нас друг к другу. Но даже с учетом всего вышесказанного, мы составляли странную компанию. По крайней мере, внешне, на поверхности. О, не сомневаюсь, наши характеры, побуждения и амбиции были схожи, но физически мы были диаметрально противоположны. Дэвид — смуглый, интересный, хорошо сложенный, я — коренастый, рыжеватый и почти мертвенно-бледный. Больным я не был, но рядом с Дэвидом Паркером выглядел именно так!

Итак, тем днем, когда первый ни с чем вроде бы не связанный фрагмент явил себя, а именно, в сентябрьскую пятницу 53-го года — всего за несколько дней до Воздвижения, иногда называемого в той местности праздником Креста Господня, а иногда и гораздо более древним названием — мы встретились в баре, возвышающемся над морем на старом мысу Хартлипул. Во время своих встреч мы обычно старались не говорить о делах, но иногда реальность почти насильно вторгалась в течение беседы. Это был

как раз такой случай.

Я не заметил Джеки Фостера, стоящего у входа в бар, однако он уж точно разглядел меня. Фостер был бригадиром, в подчинении у которого находился небольшой парк грузовиков для сбора выброшенного морем угля, совладельцем которого был я. В это время он должен был заниматься своим делом и уж никак не околачиваться в баре. Видимо, он счел разумным подойти и объяснить свое присутствие здесь, на тот случай, если я *все же* заметил его. И он сделал это с помощью одного-единственного слова.

— Келп? — с недоумением переспросил Дэвид.

Я посчитал своим долгом дать ему объяснения.

— Морская водоросль, — сказал я. — Во время сильного прилива ее толстыми слоями выбрасывает на берег. Но, — я перевел взгляд на Фостера, — мне не приходилось слышать, чтобы это мешало собирать уголь.

Неловко переминаясь с ноги на ногу, Фостер снял кепку и почесал голову.

— Ох, так плохо бывает редко, но раз или два случалось прежде. Она липнет к колесам грузовиков, и они проскальзывают. Чертовски буксуют! И воняет, словно смерть. Покрывает весь берег не меньше фута толщиной отсюда до Сандерленда!

— Келп, — задумчиво повторил Дэвид. — Это не те водоросли, которые некоторые собирают и варят из них суп?

Фостер наморщил нос.

— Голодный съест что угодно, мистер Паркер, но даже они не едят эту дрянь. Мы называем ее «глубоководный келп». Обычное дело для этого времени года — праздник Креста Господня или около того. Как правило, она держится с неделю, пока прилив не смоет ее или она не сгниет.

Видя, что Дэвид слушает с интересом, Фостер продолжил:

— Странная штука, этот «келп». В смысле, ее не найдешь ни в одной книге про водоросли. Парнем я был помешан на природе. Собирал птичьи яйца, споры съедобных грибов и поганок, засушивал в книгах цветы и листья… весь этот бред… но ни в одной книге никогда не читал о «глубоководном келпе». — Он снова перевел взгляд на меня. — Как бы то ни было, босс, на берегу столько этой дряни, что лучше держать грузовики подальше от нее. Они, конечно, могут ехать рядом, по песку, но за этими водорослями все равно никакого угля не увидишь. Ну, я и послал их на юг, в Ситон-Карев. Там побережье чистое, я слышал. Угля не шибко много, но все лучше, чем ничего.

К этому времени мы с моим другом почти закончили трапезу. Фостер направился к выходу, а я предложил Дэвиду:

— Давай опрокинем по рюмочке, поднимемся на старый волнолом и сами глянем, что к чему.

— Согласен! — сразу же откликнулся Дэвид. — Мне стало любопытно.

Фостер услышал и повернулся к нам, озабоченно качая головой.

— Дело ваше, господа, но вам это не понравится. Воняет же! Жуть! Некоторые детишки целыми днями играют на берегу, но сейчас вы их там не найдете. Мерзкая водоросль, лежит себе и гниет!

II. Свадьба и предупреждение

Как бы то ни было, мы пошли взглянуть на обстановку собственными глазами, и если бы я усомнился в словах Фостера, то был бы несправедлив к нему. Водоросли и впрямь были жуткие, и, действительно, они воняли. Мне уже доводилось их видеть, всегда в это время года, но не в таком количестве. Может, повлияло то, что предыдущей ночью в шахтах были взрывы? Так, по крайней мере, мне казалось. У Дэвида, однако, вопросы оставались.

— «Глубоководный келп», — пробормотал он,

стоя на облепленных водорослями скалах; его волосы вздымал соленый, зловонный ветер с моря. — Не понимаю.

— Чего не понимаешь?

— Ну, если эти водоросли приносит с глубины, в смысле, с по-настоящему глубоких слоев, тогда какой же требуется выброс, чтобы выкинуть их на побережье. Тут, наверно, тысячи и тысячи тонн! Отсюда до самого Сандерленда? Это же целых двадцать миль!

Я пожал плечами.

— Берег очистится, как и говорил Фостер. День-другой, вот и все. И он прав: под таким толстым слоем водорослей уголь не разглядишь.

— А откуда берется этот уголь?

— Оттуда же, откуда и водоросли, — ответил я. — В основном. Пойдем, сам посмотришь.

Я спустился к узкой полоске песка между валами «глубоководного келпа», нашел и подобрал два небольших, размером с кулак, обкатанных океаном камня. Стукнул ими друг о друга, и они разбились. Внутри один камень был однородно серо-коричневым, зато второй черным и блестящим, с прекрасно выраженными слоями — чистый уголь.

— Я не заметил бы разницы, — сказал Дэвид.

— И я тоже! — усмехнулся я. — Однако собиратели выброшенного морем угля редко ошибаются. По их словам, где-то там есть открытая трещина. — Я кивнул на море. — Ничего удивительного, учитывая, что все это графство продырявлено шахтами. Лично я считаю, что этот уголь просто вымывает из отвалов, куда выбрасывают осколки, которые на экранах выглядят как негодные. Уголь легкий, вот его и смывает на берег. Камни тяжелее, их уносит на глубину.

— Жаль, в таком случае, — сказал Дэвид. — Я имею в виду, жаль, что сейчас нельзя собирать уголь.

— А?

— Ну, если в море есть открытая трещина, уголь вместе с «келпом» выносит на берег. Наверно, под слоем водорослей тонны угля только и ждут, чтобы их подобрали!

Я нахмурился.

— Может, ты и прав. Хотя… беспокоиться не о чем. Когда водорослей не станет, уголь останется здесь. — Я подмигнул ему. — Уголь ведь не гниет, верно?

Не слушая меня, он опустился на колени и поднял жгут отвратительных водорослей — тяжелый, чешуйчатый, белый в стебле и темно-зе-

леный в листве. Гибрид, мясистый на вид, больше похожий на животное, чем на растение. Повсюду пузыри, размером с большой палец. Дэвид вырвал плеть, с отвращением заворчал и встал.

— Господи! — воскликнул он, зажимая нос. И снова: — Господи!

Я засмеялся, и мы зашагали к ступенькам старого волнолома.

Да, так оно и было: фрагмент, случайное, ни с чем не связанное событие. Даже не очень интересное. Один из периодически возникающих капризов Природы, ни на что всерьез не влияющий. Предположительно…

* * *

Кажется, вскоре после эпизода с «глубоководным келпом» у Дэвида возникли свадебные планы. Я, конечно, знал, что у него есть девушка — Джун Андерсон, дочь адвоката из Сандерленда, славящегося самыми хорошенькими девушками в стране. Я встречался с ней и находил совершенно очаровательной, но как-то не отдавал себе отчета в том, что дело зашло настолько далеко.

Ну, тогда казалось, что это продолжается не так уж долго, и теперь, оглядываясь назад, я понимаю, что на самом деле этот период был совсем

короток — фактически, одно лето. Возможно, этот отрезок времени для меня сократился еще и под воздействием того, с какой внезапностью их планы достигли кульминации. События резко ускорились, когда самым неожиданным и любопытным образом освободилась ферма Кетлторп, большое хозяйство на окраине долины Кетлторп.

Хотя саму ферму нельзя было назвать жалким реликтом прошлого века, большой каменный дом и служебные пристройки сильно нуждались в ремонте. Однако в глазах Дэвида это место обладало магией Старого Света, и он, со своей компетентностью, очень быстро мог превратить его в современный дом невероятной красоты и ценности. И, главное, удивительно задешево.

Теперь о предыдущем владельце фермы: здесь выяснилось кое-что странное. И это второе звено в цепи вроде бы не связанных между собой событий и обстоятельств.

Старого Джейсона Карпентера в округе, мягко говоря, недолюбливали. Седобородый, молчаливый, холодный, ведущий затворнический образ жизни, с глазами серыми, как волны Северного моря, ни разу в жизни не улыбнувшийся ни человеку, ни животному — он владел фермой

Кетлторп на протяжении почти тридцати лет. Не имел жены. Никакая служанка и даже никто из соседей никогда не посещали дом по приглашению старого Джейсона. Никто не заходил и в угодья, опасаясь пса и дробовика Джейсона. Даже торговцы проявляли осторожность в тех редких случаях, когда должны были доставлять припасы.

Однако Карпентер любил пиво и ром и дважды в неделю посещал отель «Траст» в Хардене. Он привык посиживать в курительной комнате и потягивать спиртное; при этом его бдительный пес Боунс лежал под столом, между ног хозяина. А клиенты привыкли немного побаиваться Боунса, но не в той мере, в какой пес боялся своего хозяина.

А теперь Джейсон Карпентер пропал. Заметьте, я не говорю «умер» — просто исчез. Ничто не подтверждало любой другой вывод, по крайней мере, в то время. А случилось это так.

В течение нескольких месяцев различные торговцы сообщали об отсутствии Карпентера на ферме. В конце концов, поскольку на протяжении того же периода его обычное место в «Трасте» тоже пустовало, местные полицейские явились на ферму и проникли в главное здание. Никаких

следов старого отшельника обнаружено не было, однако полицейские вынесли оттуда документы — в основном, завещание, если можно так выразиться, явно оставленное на случай подобного расследования.

В этих документах отшельник писал, что в случае «прекращения владения» им фермой, дом, служебные пристройки и угодья «позволяется сровнять с землей, из которой они вышли»; но, поскольку позже выяснилось, что за ним числится значительный долг, имущество выставили на продажу, чтобы погасить его счета. Фактически дому угрожало нашествие судебных приставов.

Все это, естественно, заняло какое-то время, в течение которого дом, пристройки и поместье тщательно обыскали, по вполне понятным причинам. Но ничего не нашли.

Джейсон Карпентер исчез. Никто не слышал о существовании у него родственников; фактически, о нем вообще мало что было известно, как будто его никогда и не существовало. И для многих жителей Хардена это стало лучшей эпитафией.

Еще одно маленькое замечание: «прекращение владения» по времени примерно совпало с тем выбросом «глубоководного келпа» на праздник

Креста Господня.

* * *

Итак, блестящее бракосочетание Дэвида Паркера и Джун Андерсон имело место в католической церкви Хардена, где даже мрачноватый фон труб каменноугольных копей и стояков водяного охлаждения не мог испортить веселье и торжественность момента. И, тем не менее, даже там, на забитых толпой улицах рядом с церковью, прозвучала нотка, диссонирующая с общим настроением. Всего одна, но и этого слишком много.

Когда под радостные, приветственные крики пара вышла из церкви, была осыпана конфетти и проталкивалась к машине, я услышал, как если бы это было сказано прямо мне в ухо или так, чтобы я непременно обратил внимание, старой каргой в шали и переднике. Стоя у порога своего дома с въевшейся в него шахтерской копотью и качая головой, она пробормотала:

— Ага, он увезет свою ладную женушку в Кетлторп, верно? Колокола звонят сейчас, это правда, но что насчет *другого* колокола? Он за долгие годы звонил только раз или два с тех пор, как старый Джейсон поселился в доме, но теперь ходит

слух, что он звонит снова, темными ночами, во время прилива.

Я отчетливо расслышал каждое слово, поскольку находился среди зрителей. Я был ближе других связан с празднеством, однако именно по этой причине у меня было много хлопот, и, только вывернувшись наизнанку, я сумел там присутствовать. Услышав гортанное бормотание старухи, я повернулся, чтобы найти ее, даже успел мельком ее заметить, а потом ее скрыла от меня орда мальчишек, кинувшихся подбирать брошенные пенни, трехпенсовики и шестипенсовики, когда машина с новобрачными отъехала.

К этому времени сгустились летние грозовые тучи, разразившиеся дождем по команде вспыхнувшей вдалеке молнии. Это положило конец проблеме. Толпа быстро рассеялась, я тоже заторопился в укрытие.

Однако… хотелось бы знать, что старуха имела в виду…

III. История призрака

— Привидения? — повторил я.

Я столкнулся с Дэвидом в библиотеке Хартлипула спустя примерно три недели после свадьбы. Я, будучи ненасытным читателем, «подсевшим»

на крутые детективные романы, входил в библиотеку, когда он выходил из нее.

— Привидения, да! — повторил он весело, но в то же время взволнованно. — На старой ферме обитают… привидения!

Его слова встревожили меня, но я тут же успокоился, когда он широко улыбнулся. Какие бы привидения ни обитали на ферме, он явно не боялся их. Может, это просто шутка? Я тоже улыбнулся.

— Ну, на твоем месте я не стал бы волноваться из-за того, что у тебя могут обитать привидения, учитывая, что последние тридцать лет фермой владел старина Карпентер. Это классический случай «попался, который кусался».

— Старый Джейсон Карпентер, — напомнил он мне, по-прежнему улыбаясь, хотя и не так ослепительно, — теперь исчез, не забыл?

— О! — Я почувствовал себя немного глупо. — Конечно, исчез. Но что ты имел в виду, говоря о привидениях?

— Местную деревенскую легенду, — ответил он. — Я слышал ее от отца Николса, который венчал нас, а он от предыдущего священника, и так далее. Передавалась из уст в уста на протяжении столетий, так сказать. Я не узнал бы о ней, если бы

он не остановил меня и не спросил, как мы устроились на ферме. Не видели ли мы чего-нибудь — ну, вы понимаете — странного? Он не хотел больше ничего говорить, но я надавил на него.

— И?

— Ну, похоже, в первоначальных владельцах было что-то рыбье.

— Рыбье?

— Буквально! В смысле, они *внешне* походили на рыб. Или, может, на лягушек? Выступающие губы, широкие рты, чешуйчатая кожа, выпученные глаза… ну, все такое. Используя выражение отца Николса, они были «рыбоподобные».

— Спокойно, спокойно! — сказал я, видя, что он снова приходит в возбуждение. — Прежде всего, что ты имеешь в виду, говоря о «первоначальных владельцах»? Тех, кто построил дом и все остальное?

— О, боже, нет! — Он засмеялся, взял меня за локоть и увел обратно в библиотеку. Мы сели за стол. — Никто не знает, просто не помнит, кто построил этот дом. Если записи когда-то и существовали, ну… они давно утрачены. Господи, это, скорее всего, произошло еще во времена Рима! Похоже, дом такой же древний, как Стена Плача… или даже старше. Во всяком случае, на картах

последних четырехсот пятидесяти лет ферма обозначена. Нет, я имею в виду ту первую, жившую здесь семью, записи о которой *сохранились*. Это относится ко времени двухсотпятидесятилетней давности.

— И эти люди… странно выглядели?

— Вот именно! И странность относилась не только к их внешнему виду. Это, наверно, просто случай регрессивных генов, результат беспорядочных межродственных браков. Как бы то ни было, местные побаивались их, хотя, ты понимаешь, никаких реальных «местных» в те времена здесь не было. В смысле, ближайшими деревнями и городками тогда были Хартлипул, Сандерленд, Дарем и порт Сихэм. Может, еще несколько других местечек, поменьше… я не проверял. Но в целом графство было необитаемо! И оставалось таким, более или менее, пока не построили современные дороги. Ну, а потом появились железнодорожные пути для обслуживания шахт, и развитие продолжилось.

Я кивнул. Энтузиазм Дэвида захватил меня.

— И эти люди с фермы оставались там на протяжении многих поколений?

— Не совсем, — ответил он. — По-видимому, около ста пятидесяти лет назад во владении

фермой возник пробел; но позже, примерно, во времена Гражданской войны в Америке, из Иннсмута в Новой Англии приехала какая-то семья и купила ее. Внешне они напоминали более ранних владельцев. Может, даже были боковой ветвью той же семьи, вернувшейся в свой родовой дом. Они зарабатывали на жизнь фермерством и ловлей рыбы. Безусловно, работящие, но угрюмые и замкнутые. Фамилия Уэйт. Правда, к тому времени «привидения» уже прочно закрепились в местном фольклоре. По-видимому, их было два.

— Два?

— Да. Один — гигантская, неясная, призрачная фигура, поднимающаяся из тумана над долиной Кетлторп. Ее видели те, кто передвигался по старой проезжей дороге, и рыбаки, возвращающиеся в Харден по тропинкам в холмах. Однако интересно вот что: если ты посмотришь на карту округа, как это сделал я, то увидишь, что ферма лежит в некой низине, прямо между проезжей дорогой и тропами в холмах. То, что различимо с этих точек на возвышениях, вполне может быть обязано своим происхождением самой ферме!

Я снова почувствовал беспокойство — не столько из-за рассказа Дэвида, сколько из-за его очевидной *увлеченности* этой идеей.

— Ты, похоже, хорошо все это изучил, — заметил я. — На то есть особая причина?

— Просто моя всегдашняя жажда знаний. — Он усмехнулся. — Ты же знаешь, я не чувствую себя довольным, если не исследую что-нибудь, и наибольшее удовлетворение получаю, разобравшись, что к чему. И, в конце концов, я живу на этой ферме! Как бы то ни было, относительно той гигантской туманной фигуры: согласно легенде, она наполовину рыба, наполовину человек!

— Что-то вроде тритона?

— Да. А теперь… — он с победоносным видом достал сложенный лист потертого пергамента и развернул его на столе, — трах-тарарах! Что скажешь об этом?

Изображение на бумаге занимало примерно девять квадратных дюймов, сделанный углем оттиск мемориальной дощечки некоторого рода, так мне представлялось. Он изображал человекоподобную мужскую фигуру, восседающую на вырезанном в скале кресле или троне; его нижнюю половину скрывали водоросли, имеющие определенное сходство с «глубоководным келпом». Глаза большие, выпученные, лоб скошенный, кожа покрыта чешуйками, как у рыбы, пальцы одной доступной обозрению руки, сжи-

мающие короткий трезубец, перепончатые. Фон смутно различимый, вызывающий в памяти образ исполинских подводных развалин.

— Нептун, — сказал я. — Или, во всяком случае, тритон. Откуда у тебя это?

— Я сам сделал оттиск. — Он тщательно сложил листок и убрал его в карман. — С пластинки над дверью в одной из пристроек Кетлторпа. — Впервые за все это время мой друг имел озабоченный вид. — Рыбоподобные люди, и символ, имеющий сходство с рыбой…

Он устремил на меня странный взгляд, и внезапно холод пробежал по позвоночнику. Но потом он снова улыбнулся и добавил:

— Какая-то абсолютно рыбная история, правда?

Мы покинули библиотеку, и я проводил его к машине.

— И что тебя тут так заинтересовало? — спросил я. — Насколько я помню, ты никогда не увлекался фольклором.

Он бросил на меня странный, уклончивый взгляд.

— Ты не веришь, что причина в одном лишь моем неуемном любопытстве?

Но потом его улыбка вернулась, яркая и зарази-

тельная, как всегда.

Он сел в машину, опустил стекло и высунул голову.

— Когда увидимся? Не пора ли тебе нанести нам визит?

— Это приглашение?

Он включил двигатель.

— Конечно. В любое время.

— Тогда я скоро загляну, — пообещал я.

— Поторопись!

Потом мне припомнилось что-то еще, сказанное им.

— Дэвид, ты говорил о двух призраках. Какой второй?

— Что? — Он хмуро смотрел на меня, поднимая окно, потом остановился, не закрыв его до конца. — А-а, это… Колокол, понимаешь ли…

— Колокол? — повторил я, чувствуя, как мурашки побежали по коже. — Какой колокол?

— Призрачный колокол! — крикнул он, отъезжая от обочины. — Что еще? Он звонит под землей или на глубине моря, обычно когда туман или во время прилива. Я постоянно прислушиваюсь, но…

— Не повезло? — автоматически спросил я.

Собственный голос показался мне чужим.

— Пока нет.

Он в последний раз улыбнулся, помахал мне рукой и поехал по улице. Вопреки здравому смыслу и логике, в моих ушах звучали слова старухи, сказанные у церкви: «Что насчет *другого* колокола?»

В самом деле, что насчет другого колокола…

IV. Ядовитые испарения

Только на полпути домой я осознал, что так и не подобрал себе книгу. Мой разум занимали открытия Дэвида Паркера, хотя, если он проявлял любопытство и возбуждение, я испытывал лишь смутную тревогу.

Вернувшись в Харден — мой дом стоит на холме на южной окраине деревни, — я вспомнил, где уже видел что-то наподобие фигуры на оттиске Дэвида. И точно, изображение обнаружилось в моей старинной, иллюстрированной двухтомной домашней Библии. Я не заглядывал в нее уже около года; она стала просто украшением моих книжных полок.

Да, это была одна из многих маленьких иллюстраций в Книге Судей, XIII: изображение рыбоподобного божества на монете или медальоне филистимлян. Дагон, чей храм Самсон

разрушил в Газе.

Дагон…

Память прояснилась, и до меня внезапно дошло, где я видел другое изображение этого божества. В Сандерленде был прекрасный музей, куда отец часто водил меня, когда я был маленьким. И там, в музейной коллекции монет и медалей, я видел…

— Дагон? — Хранитель музея с явным интересом воспринял мой телефонный звонок. — Боюсь, у нас очень мало раритетов филистимлян; о монетах мне вообще ничего неизвестно. Возможно, это более поздняя эпоха. Могу я вам перезвонить?

— Будьте любезны. Извините, что отнимаю у вас время.

— Вовсе нет, с удовольствием. Ради этого мы тут и сидим.

Десять минут спустя он перезвонил.

— Как я и предполагал, мистер Траффорд. У нас есть монета, которая вам запомнилась, но она финикийская, не филистимлянская. Финикийцы позаимствовали Дагона у филистимлян и называли его Оаннесом. Эта модель поведения повторяется на протяжении всей истории. Римляне в особенности были великие мастера по части воровства чужих божеств. Иногда они делали это открыто — так Зевс стал Юпитером, — но

в других случаях, когда божество было особенно мрачное и зловещее, как в истории с Суммануса, они поклонялись ему тайно. Великие любители всяких культов, римляне. Вы будете удивлены, как много тайных обществ и культов на протяжении веков возникало подобным образом. Но… вот я опять… читаю лекцию!

— Вовсе нет, — заверил я его, — все это очень интересно. И огромное спасибо, что не пожалели для меня времени.

— И это все? Больше я ничем не могу вам помочь?

— Да, это все. Еще раз спасибо.

Мне действительно тогда казалось, что это все…

* * *

Недели через две я поехал повидаться с ними. У старого Джейсона Карпентера телефона не было, и Дэвид все еще занимался его установкой. В результате я буквально свалился им на голову.

Кетлторп лежит к северу от Хардена, между шоссе и морем, и когда я свернул на извивающуюся проезжую дорогу, ведущую к старой ферме, вид на долину открылся потрясающий. Голубое небо, в отдалении описывают круги и кричат

чайки, недавно вспаханные поля, зеленая ограда, густо увитая жимолостью, жужжание пчел, сладкие запахи разложения от ручьев и заросших ореховыми деревьями озер — сцена поистине идиллическая. Ничего общего с полночными рассказами об упырях и призраках!

Далее внешняя каменная стена фермы, почти фортификационное сооружение, наводящее на мысль о грозной феодальной конструкции, которая окружала все строения, включая главный дом. Железные ворота были открыты, на них железными буквами значилось легендарное «Кетлторп». Внутри… уже многое изменилось.

Примерно три с половиной акра угодий, окруженные стеной, составляли сердцевину хозяйства. Вдоль дороги я видел несколько покосившихся табличек с надписями «Частное владение» и «Нарушители будут преследоваться судебным порядком», обозначающих внешние границы Кетлторпа, однако участок внутри стены был сердцем фермы.

Касательно планировки: в расположении строений чувствовалась определенная геометрическая закономерность. В целом они образовывали подкову с главным домом на ее верхушке; открытый серп подковы был обращен к морю,

невидимому отсюда, примерно на расстоянии мили за холмом, густо поросшем дубами. Все строения были из местного камня сероватого цвета, легко узнаваемого по грубой, кремнистой текстуре. Я не геолог и не могу сказать названия этого камня, но знаю, что на протяжении многих лет его добывали в здешних карьерах с помощью взрывов или срезали с открытых отложений. Насколько мне известно, правда, ближайший источник этого камня находится на расстоянии многих миль отсюда; сам собой напрашивается вывод — сооружение здания в Кетлторпе было, по-видимому, геркулесовой задачей.

Когда эта мысль пришла мне в голову, я припомнил то, о чем рассказал смотритель музея в Сандерленде, и улыбнулся. Возможно, не Геркулес, а что-то более позднее, чем греки. Вот только я не мог припомнить ни одного необычного римлянина, обладающего исполинской силой!

Подходя к дому и остановившись перед каменными колоннами его галереи, я понял, откуда у Дэвида возникла идея необыкновенной древности здания. Под лучами жаркого солнца от него буквально исходил аромат столетий. Массивные, структурно исполненные в романском стиле стены и широкая остроконечная крыша усиливали

впечатление силы и прочности.

Что касается внешней стены и расположения построек в виде подковы, все в целом напоминало какой-то диковинный, древний римский храм. Храм, да, но при всей своей массивности как бы подрагивающий и мерцающий на жаре и в дыму небольшого костра, лениво поднимающегося из сада и плывущего в поле моего зрения. Храм — ах! — но какого странного древнего божества?

И не вызывало сомнений, откуда у меня взялась эта мысль — исследования Дэвида все еще владели моим сознанием. Я не собирался снова поднимать этот вопрос, но все же было интересно, как далеко он продвинулся? А может, к этому времени он уже полностью удовлетворил свое любопытство? Хотя… я сомневался в этом. Нет, ради знаний он хоть за самим дьяволом в ад последует.

Я выбрался из своего старого «Морриса» и захлопнул дверцу.

— Привет!

Он хлопнул меня по спине. Я вздрогнул, повернулся…

Он вышел из тени крыльца так быстро… Я не заметил его… Мои глаза… Жара, слепящее солнце и жужжание пчел…

– *Билл!* — Исполненный тревоги голос Дэвида доходил до меня словно с расстояния в миллион миль. — Что с тобой, скажи на милость?

— Мне что-то нехорошо, — услышал я собственный голос и прислонился к автомобилю.

Мир вокруг вращался.

— Нехорошо? Господи, ты бледен как смерть! Это проклятое солнце! Слишком жарко, это уж точно. А еще и дым от костра. Спорю, ты ехал с опущенными стеклами. Ладно, пошли в дом.

Опираясь на его широкое плечо, я с облегчением позволил ему ввести себя внутрь.

— Такое жаркое солнце… — забормотал он снова, обращаясь не то ко мне, не то к себе. — И еще эта жимолость. Почти ядовитые испарения. Вызывают тошноту, пока к ним не привыкнешь. Джун испытывает то же самое.

V. Загон

— Ядовитые испарения?

Я буквально упал в прохладное кресло, стоящее в тени у окна.

Он кивнул. Я снова видел его ясно, быстро приходя в себя от приступа… чего? Ну, что бы это ни было.

— Да, пыльца в воздухе, невидимая, сладкова-

тая, в огромном количестве.

— Значит, дело в ней? Господи! У меня возникло чувство, будто я вот-вот грохнусь в обморок.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду. Джун примерно на протяжении недели чувствует себя так же. Становится апатичной. Засыпает прямо посреди белого дня. Даже в доме на нее это действует. Сейчас она наверху, прилегла.

Как будто упоминание ее имени послужило призывом, Джун сверху подала голос:

— Дэвид, это Билл? Сейчас спущусь.

— Не стоит беспокоиться из-за меня, — все еще слегка дрожащим голосом ответил я. — В особенности если вы не очень хорошо себя чувствуете.

— Я в порядке! Просто немного устала, вот и все.

Я пришел в себя, с благодарностью принял виски с содовой и с его помощью смыл испепеляющую сухость изо рта и горла.

Дэвид как будто прочел мои мысли.

— Сейчас ты больше похож на самого себя.

— Такое со мной впервые, — признался я. — Наверно, твоя теория «ядовитых испарений» верна. Как бы то ни было, через минуту я снова буду на ногах.

Говоря, я скользил взглядом по помещению,

служившему, по-видимому, гостиной.

Большая, обшитая дубовыми панелями комната производила почти аскетическое впечатление — практически всю старую мебель из нее убрали. Я вспомнил костер, его бледное пламя, лижущее изогнутую, изъеденную червями ножку кресла…

Одна стена была из того же твердого, отполированного годами камня, что создавало эффект, которого искусственно добиваются в современных домах, но который здесь выглядел в высшей степени естественно. В целом довольно приятная комната. Почерневшие от времени балки еле заметно прогибались к центру, перекрещивая низкий потолок от стены к стене.

— Построено на века, — сказал Дэвид. — По крайней мере, триста лет этим балкам, а что касается базовой структуры… — Он пожал плечами. — Ну, я пока не уверен. Это одна из пяти нижних комнат, все примерно такого же размера. Сейчас я уже очистил большинство из них, сжег почти всю старую мебель, хотя кое-что имеет смысл реставрировать. В основном я не тронул того, что в кабинете старого Карпентера. И дом… будет со временем… прекрасен. Когда я все тут приведу в порядок. Немного мрачновато, да, но это из-за окон. Слишком маленькие. Боюсь,

придется их переделать. Нужно открыть дом для света.

— Открыть, да, — повторил я, смутно ощущая в Дэвиде раздражение или напряжение, отчасти назойливость.

— Ну, как тебе, лучше? Я хотел бы, чтобы ты взглянул на табличку, с которой я сделал тот оттиск.

— Табличку Дагона, — вырвалось у меня.

Я тут же прикусил язык, но было поздно.

Он пристально посмотрел на меня и медленно улыбнулся.

— Ты тоже провел изыскания, да? Дагон или Нептун, как называли его римляне. Пойдем, я покажу тебе. — Когда мы выходили из дома, он крикнул через плечо: — Джун, мы пошли в загон! Скоро вернемся.

— Загон? — Вслед за ним я направился к устью образованной постройками подковы. — Ты вроде бы говорил, что табличка висит над дверью?

— Так и есть, над дверью — но в здании, не имеющем крыши, поэтому я называю его загоном. Видишь?

Устье подковы формировали два маленьких здания из грубого камня, разнесенные примерно на двадцать пять ярдов и идентичные с точки

зрения дизайна, с той лишь разницей, что у одного не было крыши, о чем и упомянул Дэвид.

— Может, она упала внутрь? — спросил я.

Дэвид покачал головой.

— Нет, здесь никогда не было крыши. Взгляни на верхние части стен. Они плоские и ровные. Нет ни одной щели, которые непременно остались бы, если бы здесь когда-то были поддерживающие крышу балки. Сравни со вторым строением и поймешь, что я имею в виду. Каково бы ни было первоначальное предназначение этого здания, старик Карпентер забил его всякой рухлядью: мешки старых, ржавых гвоздей, вышедшие из строя инструменты, все такое. Да, и еще он держал здесь запас дров, накрытых брезентом.

Я заглянул внутрь сквозь пустой дверной проем и прикоснулся к стене. Она утопала в тени и ощущалась холодной. В лучах солнца, падающих внутрь поверх западной стены, плавали сверкающие пылинки, бесцельно мельтеша в странно несвежем воздухе, словно рой микробов. Ощущался смешанный запах ржавчины и гнили, как будто исходящий от какого-то мелкого мертвого создания или… от моря? Последнее, конечно, было чистой фантазией и мгновенно забылось.

Я затенил глаза, защищаясь от пыльных сол-

нечных лучей. На выложенном каменными плитами полу громоздились прогнившие мешки, из которых высыпались гвозди и шурупы; фермерские инструменты с красными пятнами ржавчины, напоминающие металлические скелеты, были свалены грудой у одной стены; в задней части из-под заплесневелого брезента выглядывали дрова. У моих ног лежала мертвая крыса или белка, кишащая личинками.

Я заморгал в неясном свете, вздрогнул, не столько от зрелища маленького трупа, сколько от внезапного озноба чисто психического происхождения, и поспешно отдернул голову.

— И вот она. — Прозаичный тон Дэвида вернул меня на землю. — Табличка.

Над нашими головами чуть повыше и посредине дверного проема виднелась квадратная табличка с изображением того, с чего снял оттиск Дэвид. Почти непроизвольно, больше повинуясь приглашению Дэвида, я бросил на нее взгляд и тут же отвел его. Он, казалось, был разочарован.

— Тебя она не заинтересовала?

— Она вызывает у меня… беспокойство, — ответил я. — Может, вернемся? Уверен, сейчас Джун уже встала.

Он пожал плечами и повел меня по той же

залитой солнцем, заросшей сорняками тропинке между низкорослыми фруктовыми деревьями и пыльными, затянутыми паутиной кустами.

— Мне показалось, тебя это увлекло, — сказал Дэвид. — Что ты имеешь в виду, говоря «беспокойство»?

Я покачал головой, не зная, что ответить.

— Может, все дело во мне. Я сегодня явно не в форме. Не готов к этому, вот и все.

— Не готов к чему? — резко спросил он, но потом снова пожал плечами. — Ладно, давай, приходи в себя.

Однако после этого он стал вести себя суховато и немного угрюмо. Не как человек в плохом настроении, но я знал его достаточно хорошо, чтобы понимать — по-видимому, я ненамеренно задел какой-то обнаженный нерв, и я решил не затягивать свой визит.

Однако я успел поговорить с Джун, хотя ее вид меня расстроил. Она выглядела измученной, лицо бледное и осунувшееся, полное отсутствие жизнерадостности, которой можно ожидать от новобрачной или даже просто от любой здоровой молодой женщины в летнюю пору. Глаза покраснели. Казалось, их естественная голубизна выцвела; кожа на вид сухая; даже волосы, при

прошлых наших встречах черные, блестящие и живые, сейчас казались тусклыми и безжизненными.

Возможно, конечно, я просто застал ее в тяжелый период. Недавно ее отец умер, как выяснилось позже, и, конечно, это до сих пор глубоко огорчало ее. Наверно, она вместе с Дэвидом немало потрудилась, приводя старый дом в порядок. А может быть, это действительно воздействие летних «ядовитых испарений», как сказал Дэвид, аллергия, к примеру.

Может быть…

Однако почему все это — рассеянность Дэвида, его (или моя?) почти одержимость событиями и реликтами далекого прошлого, старые мифы и легенды этой местности, призраки, туманные фантомы и все такое, странное недомогание Джун, — почему все эти вещи должны беспокоить меня за рамками обычной дружбы, я не понимал. Просто испытывал чувство, как будто где-то начало катиться огромное колесо, и мой друг со своей женой прямо на его пути, даже не догадываясь, что оно угрожающе приближается к ним…

VI. Колокол Дагона

Лето прокатилось ленивыми теплыми волнами; за ним пришла осень, и деревья бесстыдно, бездумно обнажились (хотя, может, им следовало бы сохранить листву, чтобы не замерзнуть зимой). В бизнесе то и дело возникали проблемы, я трудился без отдыха, и размышлять над странностями последнего года просто не было времени. Иногда я видел Дэвида в деревне, в основном, издалека; видел и Джун, но гораздо реже. Чаще всего он выглядел измученным, а если не измученным, то подавленным, нервным, взволнованным, спешащим, а она… ну, чисто привидение. Бледная, тонкая как ива, с покрасневшими глазами (это всего лишь мое предположение) за стеклами темных очков. Супружеская жизнь? Или какие-то другие проблемы? Не мое дело.

Потом снова наступила пора «глубоководного келпа», и стараниями Дэвида *это* стало моим делом.

И тут я должен попросить читателя проявить терпение. Следующая часть истории может показаться написанной второпях, не слишком продуманной и связной. Однако так она мне и запомнилась: расплывчато, нереально, с плохо

сочетающимися диалогами. Все *происходило* быстро, и я не вижу причин затягивать рассказ, усложняя его подробностями и разъяснениями.

Однажды Дэвид настойчиво постучал в мою дверь темной ночью, когда дождь поливал землю, и ветер яростно гнул деревья. И, тем не менее, Дэвид стоял на пороге без пиджака, дрожа, с пугающе-мрачным и одновременно почти отсутствующим выражением лица. Понадобилось несколько порций бренди и обтирание теплым полотенцем, чтобы он стал похож на самого себя. К этому времени он выглядел так, словно, скорее, стыдился собственного поведения, чем жаждал объяснить его. Однако так легко ему от меня было не отделаться. Пришло время, решил я, разобраться с ним, поговорить начистоту и посмотреть, что можно сделать, пока время еще не упущено.

— Время? — В конце концов он посмотрел на меня — волосы взъерошены, полотенце накинуто на плечи, рубашка, испуская пар, сохнет у огня. — И впрямь, не упущено ли время? Черт меня побери, если я знаю…

Он покачал головой.

— В таком случае, просто *расскажи* мне, — раздраженно сказал я. — По крайней мере,

попытайся. Начни, с чего хочешь. Ты же не просто так пришел сюда? Что-то между тобой и Джун? Ваш брак оказался ошибкой? Или дело просто в старой ферме?

— Ох, перестань, Билл! — Он насмешливо фыркнул. — Ты прекрасно понимаешь, в чем дело. Ну, хотя бы отчасти. Ты сам это испытал. Просто старая ферма? — Уголки его рта опустились, лицо приняло угрюмое выражение. — Да, дело в ферме, все правильно. В том, чем она была и, возможно, остается даже сейчас…

— Продолжай.

— Я пришел к тебе, чтобы попросить поехать вместе со мной. Не хочу провести там еще одну ночь в одиночестве.

— В одиночестве? Разве Джун не там?

Какое-то время он просто смотрел на меня, но потом сумел улыбнуться; и это пугало еще больше.

— Она есть, и ее нет. О, да, она там… но я все равно в одиночестве. Это не ее вина, бедняжка. Все дело в этой проклятой ферме!

— Рассказывай!

Он вздохнул, кусая губу.

— Думаю… — начал он, — думаю, это был храм. И построили его не римляне. Ты, конечно, зна-

ешь, что на некоторых камнях Стоунхенджа обнаружены финикийские символы? Ну, и что еще древние народы принесли с собой в старую Англию? Чему мы поклонялись в те доисторические времена? Земле-матушке, солнцу, дождю… морю? Мы — остров, Билл. Море вокруг нас! И оно всегда было щедрым. Оно и сейчас такое, но не в той мере, как в те времена. Что может быть естественнее, чем поклоняться морю и тому, что море приносит?

— Его дарам? — спросил я.

— Это да, но не только. Ктулху, Пиша, Кракен, Дагон, Оаннес, Нептун. Называй его, как пожелаешь. Но ему поклонялись в Кетлторпе, и он все еще помнит об этом. Да, уверен, в определенные периоды он появляется, ищет поклонения, которое знал когда-то, и, возможно, все еще… все еще…

— Да?

Он быстро отвел взгляд.

— Я кое-что… обнаружил.

Я ждал.

— Я разобрался, да, да… и…

Его глаза на мгновение вспыхнули в свете камина и снова потускнели.

— И?

– *Проклятье!* — Он резко повернулся ко мне, полотенце упало с плеч, он тут же снова накрылся им, но я успел заметить, как сильно он похудел всего за несколько месяцев. — Проклятье! — повторил он, но менее пылко. — Неужели это обязательно — повторять то, что я говорю? Господи, я уже столько раз делал это сам! Повторял, и повторял, и повторял…

Я молчал, выжидая. Ясное дело, ему требовалось время, чтобы «созреть».

И, в конце концов, он продолжил.

— Я кое-что обнаружил, и я кое-что… слышал. — Проводя дрожащими пальцами по волосам, он вперил в меня взгляд, и я заметил прожилки седины в темной шевелюре. Или показалось? — Я слышал колокол!

— Тогда сейчас самое время убраться оттуда! — воскликнул я. — И увезти Джун.

— Знаю, *знаю!* — Его лицо исказило выражение муки. Он схватил меня за руку. — Но я еще не закончил. Я пока не знаю всего. Оно манит меня, Билл. Я должен понять…

— Понять что? — Теперь меня и самого охватило возбуждение. — Что тебе еще нужно понять, глупец? Разве мало понимать, что там таится зло? *Это-то* тебе известно. И, тем не менее, ты

остаешься там. Уходи, вот тебе мой совет. Уходи немедленно!

— Нет! Я не закончил. Нужно положить этому конец. Очистить ферму.

Он снова устремил взгляд на огонь.

— Значит, ты признаешь, что это зло?

— Конечно. Да, я понимаю это. Но уйти, сбежать? Я не могу, а Джун…

— Да?

— Она *тем более* не уйдет! — Он приглушенно всхлипнул и обратил на меня взгляд повлажневших глаз. — Это место похоже… похоже на магнит! Genius loci[26], слышал такое выражение? Фокусная точка, Бог знает, каких сил. Зло? О, да! Зло, пришедшее из глубины веков. Но я купил ферму, и я очищу ее — уничтожу это зло навсегда… что бы оно собой ни представляло.

— Послушай, — попытался урезонить его я, — давай вернемся к тебе вместе. Давай заберем оттуда Джун и перевезем ее сюда. Как ты добирался ко мне? Не пешком же, в такую-то ночь?

— Нет, нет. — Он покачал головой. — Автомобиль сломался на полпути вверх по склону холма. Наверно, под капот попал дождь. Я заберу его

---

[26] notes: 26
Genius loci — гений места (*лат.*).

завтра. — Он встал; внезапно его вид стал ужасно испуганным. — Я слишком долго отсутствовал. Билл, отвезешь меня обратно? Джун там… одна! Она спала, когда я уходил. Я расскажу тебе подробности по дороге…

VII. Явление призрака

Я налил ему еще бренди, накинул пальто на его плечи и повел к своей машине. Вскоре мы уже въезжали в Харден, и он продолжил свой рассказ.

— С того дня, как ты был у нас, я много трудился. Реально трудился, не это, другое, не исследования… по крайней мере, не все время. Привел в порядок угодья в пределах стены, даже пытался слегка улучшить ландшафт. И дом: старые окна выкинул, вставил новые. Много света. И все же там пока отдает плесенью. Когда лето закончилось, я стал жечь дрова старого Карпентера, старался высушить дом, выветрить из него запах столетий — запах, всегда становившийся сильнее по ночам. И покрасил все, от души, не жалея краски. В основном, белой. Все стало такое яркое, обновленное. Джун вроде бы поправилась… ты ведь заметил, что она была нездорова? Ну, ей, похоже, стало гораздо лучше. Я думал, что избавился

от «ядовитых испарений». Ха! — воскликнул он с оттенком горечи. — Летние «ядовитые испарения», так я называл их. Слепец, слепец!

— Продолжай, — сказал я, осторожно ведя машину по мокрым улицам.

— В конце концов, разбираясь с мебелью и всем прочим, я добрался до старых полок и книг в кабинете Карпентера. Все было бы хорошо, но… Я заглянул в его книги. Это было ошибкой. Нужно было просто сжечь все, вместе с изъеденными червями старыми креслами и протертым ковром. И, однако, в каком-то смысле я рад, что не сделал этого.

Я чувствовал на себе лихорадочно горящий взгляд Дэвида, казалось, прожигающий насквозь.

— В этих книгах *знание,* Билл. Темные секреты, отвратительные тайны. Ты лучше любого другого знаешь, насколько я падок на всякие тайны. Я попался на крючок — с работой было покончено, должен был узнать! Вот эти книги и манускрипты: «Подводные культы» и «Гидрофины». Трактат Дорфена о подводных цивилизациях и «Johansen Narrative» от 1925 года. Целая полка записей, якобы являющихся частью американских правительственных файлов за 1928 год,

когда федеральные агенты осуществили набег на Иннсмут, загнивающий город на побережье Новой Англии, где свил гнездо ужас; и другие фрагменты мифов со всего мира, все до одного имеющие отношение к поклонению какому-то великому морскому божеству.

— Иннсмут? — Я встрепенулся — мне уже приходилось слышать это название. — Это не тот ли город?..

— Город, откуда родом эта семья, Уэйты, которые поселились в Кетлторпе, примерно во времена Гражданской войны в Америке? Да, все правильно. — Он кивнул, глядя в ночь, где по-прежнему лил дождь. — И старый Карпентер, владевший домом на протяжении тридцати лет, тоже из Иннсмута!

— Он тоже из этой семьи?

— Нет-нет. Ровно наоборот. Он оставался на ферме по той же причине, что и я… сейчас. Да, он был странный, необщительный… кто не был бы на его месте? Я прочел его дневники и понял. Нет, не все. Даже в своих записях он о многом умалчивал и далеко не все объяснял. С какой стати? Он писал эти дневники для себя, для закрепления в собственной памяти. Они не предназначались для того, чтобы их прочел и понял кто-то другой,

но я многое домыслил. В основном с помощью этих правительственных файлов.

Иннсмут был процветающим городом во времена клиперов и старых торговых путей. Капитаны и моряки с этих кораблей привозили себе жен из Полинезии, а заодно и их странные ритуалы поклонения, их богов. В жилах этих женщин текла необычная кровь, и она быстро распространялась. Шли годы, и весь город оказался заражен. Все семьи стали порченые — не совсем люди, амфибии, создания не столько суши, сколько моря; тритоны, которые поклонялись Дагону в морских глубинах, «глубоководные», как называл их старый Карпентер. Потом произошло федеральное вторжение 28-го года. Однако для старого Карпентера это случилось слишком поздно.

В Иннсмуте у него был магазин, но вдали от злачных мест, вдали от дощатых улиц, домов и церквей, где худшие из них имели берлоги, встречались и совершали свои ритуалы. Его жена давно умерла от какого-то изнурительного заболевания, но дочь была жива и училась в Аркхэме. Незадолго до вторжения она приехала домой, совсем молоденькая, почти девочка. И ее стало… ну, не знаю… манить. Именно это слово не выходит у меня из головы. И оно по-настоящему

реально, для меня.

Как бы то ни было, «глубоководные» захватили ее и отдали какой-то твари, которую вызвали из моря. Девушка исчезла. Может, умерла, может, случилось что-нибудь похуже. Они хотели убить Карпентера, потому что он слишком много знал о них и жаждал мести, но правительственное вторжение положило конец любым личным вендеттам. И положило конец самому Иннсмуту. Ну, они практически сровняли город с землей! Даже бросали в море глубинные бомбы на расстоянии около мили от берега…

Когда все более-менее успокоилось, Карпентер еще какое-то время оставался в Иннсмуте. Улаживал свои дела, надо полагать, и, возможно, хотел удостовериться, что со злом покончено. Видимо, тогда он и выяснил, что это вовсе не конец, что зло распространяется, словно какой-нибудь ужасный, губительный вирус. Заподозрив, что уцелевшие во время рейда могли сбежать в древние крепости за границей, он в конце концов перебрался в Кетлторп.

— Сюда? — спросил я. Рассказ Дэвида начал обретать реальные очертания, прослеживались связи, все согласовывалось друг с другом. — Почему именно сюда?

— Почему? Ты что, не слушаешь меня? Он выяснил что-то о Кетлторпе и приехал убедиться, что зло Иннсмута не распространилось сюда. Или, возможно, уже знал, что оно здесь, выжидает, словно раковая опухоль, готовясь выбросить свои щупальца. Возможно, хотел помешать его распространению. Ну, на протяжении тридцати лет это ему удавалось, но теперь…

— Да?

— Теперь он ушел, и ферма принадлежит мне. Да, и это я должен довести его дело до конца.

— Но что именно он делал? — спросил я. — И какой ценой? Ушел, ты говоришь. Да, старый Карпентер ушел. Но куда? Во что все это обойдется тебе, Дэвид? И, даже более важно, во что все это обойдется Джун?

В конце концов мои слова что-то пробудили в нем, что-то, что он подавлял, слишком страшась пристально вглядеться в это. Я почувствовал, как он вздрогнул и выпрямился рядом со мной.

— Джун? Но…

— Никаких «но», парень! Приглядись к себе. И, главное, внимательно приглядись к своей жене. Вы оба разрушаетесь прямо на глазах. И началось это в тот день, когда ты купил ферму. Уверен, все, что ты рассказываешь, правда — о старом

Карпентере, обо всех этих заморских делах, о собственных планах, но теперь нужно забыть об этом. Продай Кетлторп, вот тебе мой совет, а еще лучше, сровняй ферму с землей! Но какое бы решение ты ни принял…

Он снова вздрогнул и внезапно сильно стиснул мне руку.

— Смотри!

Я посмотрел и резко нажал на тормоза; машина остановилась посреди покрытой лужами проселочной дороги, ведущей к ферме. Дождь прекратился, в воздухе плавал шелковистый туман; он скапливался в долине, клубился у основания окружающей ферму каменной стены. Сцена и в целом выглядела потусторонней при свете бледной луны, но еще более потусторонним выглядело отвратительное *нечто,* которое, словно призрак, поднималось над фермой.

Огромная фигура, сотканная из тумана, извиваясь, вырастала над древними строениями. Фигура чудовищного тритона, векового зла, обретшего форму самого Дагона!

Я должен был стряхнуть с себя руку Дэвида и поехать дальше, конечно, должен был — вниз, к ферме и к тому, что ждало там; однако зрелище этой фигуры, быстро растущей и уплотняю-

щейся во влажном ночном воздухе, оказывало парализующее действие. И сидя в автомобиле с работающим вхолостую двигателем, мы, как один, содрогнулись, услышав отдаленный, приглушенный, диссонирующий звон треклятого колокола. В других обстоятельствах он мог бы навеять печаль и скорбь, но сейчас был исполнен исходящей из вечности угрозы.

Дэвид крепче стиснул мою руку, и это пробудило во мне способность действовать.

— Колокол!

— Слышу, — сказал я и поехал к ферме, до которой оставалось четверть мили.

Казалось, время остановилось, но потом машина влетела в железные ворота, развернулась и резко затормозила у крыльца. Во всем доме горел свет, но Джун…

Выкрикивая ее имя, Дэвид в отчаянии понесся по всем комнатам, и вверху и внизу, а я стоял около автомобиля, дрожа и прислушиваясь к звону колокола; казалось, его далекий, погребальный призыв исходит откуда-то снизу, из-под самой земли под ногами. И прямо у меня на глазах извивающаяся туманная фигура начала съеживаться, уходя сама в себя; бросив последний, исполненный ненависти взгляд выпученных глаз в моем

направлении, она, закручиваясь спиралью, устремилась вниз и исчезла — в том самом строении без крыши в устье подковы!

Дэвид с искаженным лицом, бессвязно бормочущий что-то, нетвердой походкой вышел из дома и тоже увидел ее исчезновение.

— Вон! — Он ткнул рукой в сторону строения, вокруг которого клубился туман. — Вон где оно. И там же наверняка Джун. Не понимаю, как она узнала… наверно, проследила за мной. Билл… — он стиснул мне руку, — ты со мной? Ради бога, скажи «да»!

Я смог лишь кивнуть в ответ.

С бьющимся сердцем я вслед за ним бросился к обители призрака, и спустя несколько мгновений мы оба отпрянули от фигуры, неверной походкой вышедшей из дверного проема с табличкой Дагона и без сознания рухнувшей на руки Дэвида. Джун, конечно… но как такое возможно? Как могло *это* быть Джун?

Не та Джун, которую я знал, нет, совсем другая, призрак той Джун…

VIII. Это место внизу…

Она была худая, волосы свалялись и стали похожи на грязные нитки, сухая кожа буквально

обтягивала череп, отчего лицо выглядело совершенно… иначе. Странно, но, увидев ее такой в тусклом свете луны, Дэвид вроде бы не пришел в ужас; другое дело, когда мы отнесли ее в дом. Мало того, что его жена, несомненно, изменилась внешне, по поводу чего от него пока не последовало никаких комментариев, стало ясно, что она подверглась чрезвычайно грубому и жестокому обращению.

Помню, как я вез их в больницу «Скорой помощи» в Хартлипуле; на заднем сиденье Дэвид держал Джун в своих объятиях. Она была без сознания, да и сам Дэвид недалеко от нее ушел. Вряд ли он отдавал себе отчет в том, что бормочет, рыдая над ней, но мое сознание впитывало каждое слово, произнесенное голосом обезумевшего человека.

— Она, наверно, следила за мной, бедняжка, видела, как я хожу туда. Сначала я ходил за дровами, я сжег все запасы старого Джейсона, но потом под щепками и кусками коры обнаружил прикрытую камнем плиту. Старик положил этот камень, чтобы придавить плиту. И камень выполнил свою задачу, клянусь Богом! Весил, наверно, добрых двести сорок фунтов. Просто так отодвинуть его было невозможно, но я использовал рычаг, да…

и плиту тоже поднял, и под ней обнаружились скользкие, узкие ступеньки. И я спустился по ним… вниз, вниз, вниз. Там внизу настоящий лабиринт. Земля буквально изъедена норами!

Зачем они нужны, эти ходы? С какой целью их прорыли? И *кто* сделал это? Понятия не имею, но я старался, чтобы она не узнала об этом… или лишь думал, что у меня получается. Не могу объяснить, почему, просто какой-то инстинкт удерживал меня от того, чтобы рассказать ей об… об этом месте внизу. Клянусь Богом, я собирался запечатать его навсегда… залить яму бетоном. И, клянусь, я сделал бы это, после того как полностью исследовал бы подземные туннели. Но этот камень, Джун, такой большой, тяжелый камень! Как ты сумела сдвинуть его? Или *тебе помогли?*

Сам я был внизу всего раза два-три и никогда не заходил далеко. Всегда возникало ощущение, будто я не один, будто что-то движется в темных ходах и наблюдает за мной. И этот медленный ручей, с журчанием текущий по расщелинам к морю. Ручей, который поднимается и опадает вместе с приливами и отливами. И разбухший, липкий «келп». О, бог мой, бог мой!

И так далее в том же духе. Но к тому времени, когда мы добрались до больницы, Дэвид более

или менее сумел взять себя в руки. Более того, он буквально вырвал у меня обещание, что я позволю ему, точнее, помогу, действовать так, как он считает нужным. У него был план, казавшийся простым и безупречным, который должен был окончательно поставить точку во всем этом деле. *Если,* конечно, все его страхи по поводу Кетлторпа и гипотетического подземелья, которое он называл «это место внизу», обоснованны.

Что касается того, почему я с готовностью согласился с ним, почему не стал ни протестовать, ни разубеждать его, то все очень просто: я собственными глазами видел сотканную из тумана фигуру и собственными ушами слышал звон нечестивого колокола. И как бы фантастически все это ни выглядело, во мне окрепло убеждение, что на ферме обитает ужасное зло, такое могучее, какого, возможно, никогда не знали Британские острова.

* * *

Мы оставались в больнице всю ночь и дали полиции идентичные, хотя и полностью ложные показания (немыслимый рассказ о каком-то мародере, которого мы якобы видели убегающим под покровом тумана в сторону долины),

а в промежутках сидели в зале ожидания, пили кофе и спокойно разговаривали. Спокойно, да, поскольку Дэвид был измотан физически и морально; и в большой степени потому, что после осмотра жены, при котором он присутствовал, у него попросту не осталось выбора.

Что касается Джун, по счастью, она оставалась в состоянии глубочайшего травматического шока всю ночь и значительную часть утра. В конце концов где-то часов в десять нам сообщили, что ее состояние, все еще нестабильное, критическим больше не является. И тогда, поскольку стало ясно, что ничего больше мы сделать не можем, я отвез Дэвида к себе домой и уложил его в постель в комнате для гостей. К этому моменту и сам я жаждал одного — лечь и поспать хотя бы час-два. Спал я беспокойно, но в четыре часа пополудни меня разбудил его пронзительный, настойчивый голос — он разговаривал по телефону. Я подошел к нему. Он положил трубку и повернулся ко мне — осунувшийся, с красными глазами, с заросшим щетиной лицом.

— Ее состояние стабилизировалось, слава Господу! Но она еще не вышла из шока… не в полной мере. Он слишком глубок. По крайней мере, так они говорят. И еще они сказали, что она может

пробыть в таком состоянии неделю… или даже дольше.

— Что ты собираешься делать? — спросил я. — Я буду рад, конечно, если ты останешься здесь и…

— Останусь здесь? — оборвал он меня. — Да, это было бы неплохо… потом.

Я кивнул, прикусив губу.

— Понимаю. Ты намерен довести дело до конца. Очень хорошо… Но еще не поздно обратиться в полицию, знаешь ли. Почему бы им не разобраться с этим?

Он издал лающий смешок.

— Ты что, всерьез можешь представить себе, как я рассказываю свою историю самому обычному, туповатому полицейскому? Ну, даже если бы я показал им это… это место внизу. Что они-то могут сделать? И что, о своем плане тоже рассказать им? Сообщить местным властям о динамите? Да я буквально вижу, что после этого произойдет! Даже если на меня не наденут смирительную рубашку, им понадобится вечность, чтобы выкроить время и реально предпринять что-то. А пока суд да дело, если под фермой действительно кто-то есть — и, Билл, мы с тобой знаем, что есть, — что помешает ему или им перейти на новые пастбища?

Ответа у меня не было, и он продолжил, уже спокойнее:

— Знаешь, что делал старый Карпентер? Я скажу тебе: он спускался вниз, когда слышал звон колокола… спускался вниз со своим дробовиком и расстреливал к чертям все, что ему попадалось в этих мерзких темных туннелях! Таким образом, он расплачивался с ними за то, что они сделали с ним и его дочерью в Иннсмуте. Безумец, который не осознавал, что пишет в своих дневниках? Нет, поскольку мы *видели* это, Билл, ты и я. И слышали… слышали, как в ночи звонит колокол Дагона, призывая из моря древнее зло.

Ну, это была единственная причина, почему старик жил здесь: только так он мог осуществлять свою месть! Неразговорчивый? Одинокий? Да, все верно! Он жил, чтобы убивать — *убивать их!* Тритонов, «глубоководных», уродов-амфибий, рожденных от вечного зла, нечеловеческой похоти и мрачных, неземных ночных кошмаров. Ну, а теперь я закончу то, что он начал, только сделаю это гораздо быстрее! Или все, или ничего. — Он вперил в меня взгляд, такой неотрывный, такой пронизывающий и явно свидетельствующий о здравом уме. Такое я даже раньше редко у него замечал. — Ты со мной?

— Сначала ты должен кое-что объяснить мне, — сказал я. — Насчет Джун. Она… ее вид… я имею в виду…

— Знаю, что ты имеешь в виду. — Хотя он полностью держал себя в руках, его голос дрожал. — Именно это делает все таким реальным для меня. Это доказательство, если оно вообще требуется, того, что я сначала предполагал, а потом обнаружил в этом месте. Я говорил тебе, что она не покинет ферму, правда? Однако тебе известно, что это была ее идея — купить Кетлторп?

— Ты хочешь сказать, ее… приманили?

— О, да, именно это я имею в виду… но посредством чего? Посредством крови, Билл! Она ничего не знала, ни о чем понятия не имела. Другое дело, ее предки. Прадед родом из Америки, из Новой Англии. Дальше я пока не забирался, да в этом и нет нужды. Теперь ты понимаешь, почему я лично должен уладить все это?

Я мог лишь кивнуть.

— И ты поможешь мне?

— Наверно, я безумец, — ответил я, снова кивнув, — или, как минимум, идиот, но… похоже, я уже дал согласие. Да, я с тобой.

— Прямо сейчас?

— Сегодня? В это время? Вот это было бы чистое

безумие! Скоро стемнеет, и…

— Стемнеет, да! — прервал он меня. — Но какая разница? Там, внизу, всегда темно, Билл. Нам понадобятся электрические фонари, чем больше, тем лучше. У меня на ферме есть штуки две. А у тебя?

— У меня в машине хороший, мощный фонарь. И батарейки тоже есть.

— Прекрасно! И твои дробовики… Думаю, они нам понадобятся. Только на этот раз не для охоты на фазанов.

— Где ты достанешь динамит? — спросил я, втайне надеясь, что это он в своем лихорадочном состоянии упустил.

Он улыбнулся, не как раньше, кривой, злой улыбкой.

— Он у меня уже есть. Я раздобыл его еще две недели назад, когда обнаружил плиту и впервые спустился в подземелье. Мои десятники применяют его в крупных ландшафтных проектах. Взрывают большие валуны и древесные пни — это экономит им массу времени и трудов. И денег тоже. На ферме хватит динамита, чтобы стереть с лица земли половину Хардена!

Я был на стороне Дэвида, и он понимал это.

— Нужно сейчас, Билл, прямо сейчас! — Он

помолчал. — Но… если ты не готов…

Он пожал плечами.

— Я уже сказал, что пойду, — ответил я. — Не ты один любишь загадки, даже такие ужасные, как эта. Теперь, когда я знаю, что такое место существует, мне, конечно, хочется увидеть его. Это нелегко для меня, да, но…

— Тогда это твой последний шанс, поскольку, можешь не сомневаться, к завтрашнему утру смотреть будет не на что!

IX. Безрассудный спуск

Спустя час мы были готовы. Фонари, дробовики, динамит и запальные шнуры — все, что требовалось, было у нас при себе. Когда мы шли от главного дома к загону без крыши, туман уже поднимался и начинал расползаться. И сейчас я готов признаться, что если бы Дэвид тогда снова дал мне шанс уйти и оставить его в одиночестве, я, возможно, именно так и поступил бы.

Но было так — мы вошли внутрь сквозь дверной проем с пластинкой над ним, нашли плиту, которую описывал Дэвид, и, используя рычаг, начали поднимать ее.

Пока мы трудились над ней, мой друг кивнул на лежащий неподалеку старый, массивный

камень.

— Вот с помощью чего Джейсон Карпентер запечатал отверстие. Ты можешь поверить, что у Джун хватило сил сдвинуть камень самостоятельно? Ни за что! Ей помогли… скорее всего, помогли снизу!

Плита приподнялась, на мгновенье замерла в неустойчивом положении, но потом, нашими совместными усилиями, медленно заскользила в сторону. Не знаю, чего я ожидал, но порыв омерзительного влажного воздуха снизу полностью застал меня врасплох. Он ударил мне в лицо сильной струей, словно ядовитый, невидимый гейзер, бьющий под давлением времени и зловонного океана — что-то темное, влажное и полностью чужеродное. И мне сразу же стало ясно: именно этот дурной запах я ощутил летом, тот самый, который Дэвид по наивности назвал «ядовитыми испарениями».

Получается, именно здесь берет свое начало фантом, различимый темными ночами, этот разбухающий призрак, сотканный из тумана и испарений, поднимающихся из глубин земли? Очевидно, да, но это не объясняло, почему он принимал именно такую форму…

* * *

Довольно быстро вырвавшиеся снизу газы рассеялись и сменились потоком холодного, соленого воздуха. В нем, конечно, ощущались и другие запахи, тоже неприятные и чужеродные, однако не столь непереносимые.

Мы надели рюкзаки на плечи, отчего стало труднее сохранять равновесие.

— Осторожнее! — предостерег меня Дэвид, начав спуск первым. — Лестница чертовски крутая и скользкая!

И это отнюдь не было преувеличением.

Лестница была еще и тесная, винтовая и действительно чрезвычайно крутая; казалось, лестничный колодец просверлили в скале чудовищной дрелью. Ступеньки узкие, очень высокие, скользкие от селитры и влажной, липкой пленки. И лучи наших мощных фонарей прорезали глубокую тьму, и стены по спирали уходили вниз, вниз, вниз.

Не знаю, как глубоко мы опустились; все участки винтовой лестницы выглядели совершенно одинаково, что затрудняло возможность оценить расстояние. Однако я помню некоторые знаки, вырезанные на стенах. Одни, безусловно,

римские, но я был практически уверен, что они тут самые свежие! Остальные, отличающиеся странной угловатостью и даже корявостью — варварская простота стиля, — наверняка появились задолго до вторжения римлян в Британию.

Внизу Дэвид задержался, чтобы положить несколько брусков динамита в темную нишу и приладить запальный шнур. При этом он обращался ко мне шепотом, звуки которого уносились прочь и возвращались вместе с эхом, значительно усилившись.

— Для этого заряда нужен длинный шнур. Мы подожжем его перед тем, как начать подниматься. И еще надо установить, по меньшей мере, пять. Надеюсь, этого хватит. Господи, я даже не знаю подлинных размеров подземелья! Раньше я доходил до этого места и чуть дальше, но, думаю, ты можешь представить, каково это — быть здесь одному.

Действительно, я легко мог это представить и содрогнулся.

Пока Дэвид работал, я стоял на страже, с дробовиком в руках, нацеленным в глубину темного туннеля, уходящего бог знает куда. Стены горизонтальной шахты наверху загибались, образуя потолок, такой низкий, что когда мы двинулись

дальше, пришлось наклоняться. Никаких сомнений, туннель не был просто творением природы; нет, для этого он выглядел слишком правильным, и повсюду были видны следы острых инструментов, которыми резали камень. Заметил я и еще кое-что: стены были из того же камня, что и сама ферма — далекого предшественника всех мифов и легенд, придуманных значительно позже.

Идя следом за своим другом, в тайном уголке сознания я отмечал все это. Вскоре он показал мне свежие знаки на стенах, царапины, которые он оставлял во время прошлых посещений, чтобы облегчить себе возвращение.

— Это необходимо, — прошептал он, — поскольку вскоре туннель начинает разветвляться, превращаясь в лабиринт. Самый настоящий лабиринт! Что может быть ужаснее — заблудиться здесь?

Мое воображение и без того разыгралось, поэтому я только что не наступал Дэвиду на пятки, по дороге царапая собственные метки. И спустя примерно шагов пятьдесят стало ясно, что Дэвид не преувеличивал, характеризуя подземелье как настоящий лабиринт. Начались боковые туннели, поначалу немного, потом все больше, выходящие в нашу шахту с обеих сторон, под

самыми разными углами; и совсем скоро мы вышли во что-то вроде галереи, где встречались многие из этих меньших проходов.

Фактически галерея представляла собой большую пещеру с куполообразным потолком, примерно, тридцати футов высотой. Стены были буквально изъедены туннелями, отходящими во всех направлениях; некоторые из них круто опускались к еще более низким и мрачным пространствам. Здесь впервые я услышал медленное журчание невидимой воды.

— Это и есть ручей, — сообщил Дэвид. — Вскоре ты его увидишь.

Он заложил второй заряд взрывчатки в одну из трещин и снова напомнил мне, чтобы я шел точно за ним. Мы свернули в туннель с очень высоким потолком, который через семьдесят пять или сто ярдов открылся на выступ над медленно текущим, поблескивающим черным ручьем. Вода с журчанием текла нам навстречу, ее поверхность находилась примерно на двадцать футов ниже выступа; однако черно-зеленая тина и отвратительная на вид пена поднимались почти до края выступа.

— Прилив только что начался, — объяснил Дэвид. — Вода прибывает. Я видел на пятнадцать

футов выше того, что сейчас, но это произойдет только через несколько часов. — Он схватил меня за руку, и я вздрогнул. — И посмотри! Посмотри на «келп»…

Уносимые медленным ручьем, длинные стебли водорослей извивались, вспенивая воду; пузыри мерцали в свете фонарей.

— Дэвид, — дрогнувшим голосом заговорил я, — думаю…

— Прекрати! — Он зашагал дальше. — Я знаю, что ты думаешь, но мы не повернем назад. — Он остановился и обернулся ко мне с горящими во тьме глазами. — Или ты готов вернуться один, сам по себе?

— Дэвид, — прошептал я, — эта гниль там, внизу…

— Господи! — оборвал он меня. — Неужели ты думаешь, что тебе одному страшно?

Как ни парадоксально, его слова слегка взбодрили меня. Мы быстро зашагали дальше и вскоре вышли во вторую галерею. Прямо перед этим ручей свернул, и с нами остались лишь его зловоние и далекое журчание. И еще раз Дэвид заложил заряд, торопливыми, нервными движениями, как будто помимо страха, в котором недавно признался, он отчасти позаимствовал у меня с

трудом сдерживаемую панику.

— Дальше я не заходил, — сказал он, тяжело дыша. — С этого места начинается неизведанная территория. По моим подсчетам, мы сейчас на расстоянии четверти мили от входа. — Он повел лучом фонаря по стенам, и тени многовековых сталактитов заколыхались. — Вон тот большой туннель. Пошли туда.

Теперь через каждые три-четыре шага или там, где боковой туннель открывался в наш, оба мы оставляли на стенах царапины, чтобы не потерять след. И теперь нервы у меня напряглись до предела. Каждое движение друга заставляло меня вздрагивать, то и дело я останавливался, прислушиваясь, сердце трепетало в тишине и мраке. Впрочем, в тишине ли? Кажется, я только что что-то услышал? Эхо всплеска и негромкое «шлеп, шлеп» крадущихся шагов в темноте?

Это нужно описать.

Мы находились в подземелье, выдолбленном столетия назад… кем? Чем? И какие призраки прячутся здесь, в этих ужасных пещерах из прогнившего камня и зловонных, похожих на сточные канавы ручьях?

Шлеп, шлеп, шлеп…

На этот раз я определенно услышал что-то.

— Дэвид… — слабым голосом заговорил я. — Ради бога…

— Тс-с-с! — еле слышно прервал он меня. — Я тоже слышал, и они, возможно, услышали нас! Просто дай мне возможность заложить последний заряд… самый большой… и потом мы уберемся отсюда. — Он повел лучом по стенам, но не находил ни одного потайного места, куда можно было заложить взрывчатку. — Давай свернем вон туда. Уверен, там я найду нишу. Не хочу, чтобы динамит обнаружили до того, как он сделает свое дело.

Мы обогнули угол и увидели…

…мерцание отвратительного, фосфоресцирующего света, такого яркого, что наши фонари стали практически не нужны. Увидели — и начали понимать.

Загон без крыши наверху был просто входом, а здесь, глубоко под землей, находилось подлинное место поклонения, подземный храм Дагона. Мы поняли это, как только увидели огромный, покрытый налетом селитры колокол, свисающий с центра потолка, колокол и ржавую железную цепь, используемую как веревку. Ее конец покачивался в нескольких дюймах над поверхностью и центром черного, мрачного озера, подернутого

рябью, покрытого пеной и буйно разросшимися водорослями.

* * *

Несмотря на весь кошмар, пережитый нами ранее, мы резко остановились, потрясенные фантастическим зрелищем этой последней галереи. Она имела грубо округлую форму, занимала не меньше ста футов от стены к стене, с куполообразным сводом и идущими по кругу полками, по расположению напоминающими амфитеатр; очевидно, это было естественное, геологическое образование. Сверху свисали сталактиты, как и в предыдущей галерее, и обрубки сталагмитов тут и там прорывали заросшую водорослями поверхность озера, подтверждая тот вывод, что в очень, очень далеком прошлом нашей планеты пещера находилась высоко над уровнем моря.

Что касается источника озера, это могло быть только само море, убедительным доказательством чего служил хотя бы «глубоководный келп». Это впечатление подтверждала и широкая водная гладь, исчезающая под выступом ниже дальней стены; чувство направления подсказывало мне, что она уходит к морю. Небольшая рябь и волны на поверхности озера могли быть след-

ствием лишь притока воды оттуда, возникшего в результате подступающего прилива.

И еще этот свет: мерцание гниения или органического разложения, испускаемое некоторыми грибами, тлетворное освещение, придававшее пещере почти подводный вид. Даже погаси мы свои электрические фонари, огромный колокол в центре был бы прекрасно виден.

Однако сам колокол… кто мог сказать, каково его происхождение? Уж, конечно, не я и не Дэвид. Определенно именно звон этого колокола мы слышали, даже находясь на поверхности земли, но что касается того, откуда он взялся…

В присущей ему манере Дэвид словно прочел мои мысли.

— Ну, больше он не будет звонить — после того как его разнесет на части.

Он сунул рюкзак с динамитом под низкий, неглубокий уступ в стене и присоединил к нему длинный запальный шнур. Зажег спичку, поднес ее к концу шнура, который тоже затолкал под уступ.

— Ну вот, теперь наконец мы можем…

Он не договорил, и я понял почему.

Эхо голоса — *кваканье?* — докатилось до нас откуда-то с не очень дальнего расстояния. При-

слушавшись, мы уловили шум тихого журчания воды и то же отвратительно мягкое, затаенное «шлеп, шлеп, шлеп» неизвестно чьих ног по скользкому камню.

X. Глубоководные!

Мы запаниковали с новой силой, когда журчание воды стало громче и по поверхности озера побежали волны, которые никак нельзя было объяснить одним лишь приливом. Что-то кроме морской воды и водорослей приближалось к нам по грязному, таинственному протоку.

Руки и ноги у меня дрожали, Дэвид был не в лучшем состоянии. Отбросив всякую осторожность, мы кинулись обратно, придерживаясь оставленных нами меток. А за нашими спинами спрятанный запальный шнур с шипением сгорал, придвигаясь к мощному заряду динамита; одновременно по огромному озеру к нам приближался кто-то, чьи намерения, вне всяких сомнений, были абсолютно чужеродны и враждебны. Что произойдет раньше? Кто мог сказать?

Одно несомненно: наше присутствие здесь, в конце концов, расшевелило кого-то, а скорее всего, многих, и теперь издаваемый ими шум не мешало слышать даже наше тяжелое дыхание,

стук наших сердец и топот наших ног по черным туннелям. Издаваемый ими *шум*, именно *шум*, поскольку ни один человек из нормального внешнего мира под голубыми небесами и с чистым воздухом не смог бы назвать речью эти отражающиеся от стен, резкие взрывы кваканья, недоуменного урчания и ворчания. И никто не подумал бы, что эти шелестящие и шлепающие звуки способны издавать люди. Или, может, отдаленно они напоминали людей, но дошли до такого уровня дегенерации, что любому человеку показались бы полностью чужеродными. И никто из обычных людей никогда не видел этих «глубоководных», или «тритонов», как Дэвид назвал их, по крайней мере, до сих пор!

Но когда мы добежали до центральной галереи и остановились, переводя дыхание, и Дэвид поджег второй запальный шнур, этот пробел в нашем восприятии был восполнен, чего я не забуду до конца своих дней.

Началось все с бьющего по нервам звона огромного колокола, чье эхо в этих адских туннелях просто оглушало, а закончилось… Но я опережаю события.

Одновременно со звоном колокола с гораздо более близкого расстояния зазвучал хор кваканья

и бормотания. Дэвид схватил меня за руку и оттащил в маленький боковой туннель, под углом уходящий от галереи. Он сделал это потому, что звуки, которые мы слышали, раздались гораздо ближе, но не только; вдобавок они исходили как раз из того хода, которым мы должны были бежать. Но как безумно капризны боги судьбы! Укрывшись в боковом туннеле, мы столкнулись с ужасающим зрелищем. Может, в каком-то смысле оно было пострашнее того, что ожидало нас в галерее.

Ход, в который мы вбежали, собственно туннелем не был, а представлял собой пещеру в форме буквы «L». Когда мы обогнули единственный угол, нашим взглядам открылось то, что до сих пор оставалось тайной. Мы непроизвольно отпрянули, и я безмолвно молил Бога, если действительно на свете есть какой-то добрый, разумный Бог, чтобы он дал мне сил не потерять сознание прямо здесь и сейчас.

Там бесформенной грудой лежали изодранные останки старого Джейсона Карпентера. Это мог быть только он. У ног в вечном покое застыло изуродованное тело Боунса, его пса. И повсюду вокруг валялись израсходованные гильзы дробовика, а в наполовину сгнившей, наполовину

мумифицированной руке Карпентера был сам дробовик, который, в итоге, не спас его.

Однако он сражался… и как сражался! Джейсон, и его пес тоже.

Их трупы были не единственными оставшимися высыхать и гнить в этой пещере, ставшей могилой. Нет, с одной стороны лежала груда тел псевдолюдей, точнее, их клочья, которые я почти не в силах описать. Достаточно того, что я даже не буду пытаться этого делать, просто готов подтвердить, что они выглядели именно так же чудовищно и уродливо, как в рассказе Дэвида об Иннсмуте. И если в смерти они вызывали омерзение, то в жизни должны были выглядеть намного хуже. Но об этом впереди.

* * *

Не хотелось, конечно, но фонари пришлось выключить. Мы скрючились в зловонной тьме среди трупов мужчины, пса и воплощенных ночных кошмаров; нам оставалось только ждать. И ни на мгновение мы не забывали о медленно сгорающих запальных шнурах, о быстро утекающем времени. Наконец звон колокола смолк, и его эхо угасло вдали, и издаваемые «глубоководными» звуки стали стихать, когда они в массе своей

удалялись к призывающему их источнику, и в конце концов мы продолжили путь.

Включив фонари и пригибаясь, мы бегом вернулись в галерею и… лицом к лицу столкнулись с тем, отчего волосы на голове встали дыбом! Там, в центре галереи, задержался единственный представитель этой квакающей, шлепающей орды. При виде нас он вздрогнул и выпучил «рыбьи» глаза.

Спустя мгновение это непристойное создание — получеловек, полурыба, полулягушка — вскинул перепончатые руки, издал шипящий, хриплый крик гнева, бросился на нас и…

Кренясь, шлепая и спотыкаясь, он ринулся головой вперед прямо на дробовик, который я сжимал в руках. Оба дула изрыгнули огонь… Лицо и грудь монстра взорвались окровавленными ошметками, тело поднялось в воздух и отлетело на другой конец пещеры.

Дэвид закричал мне в ухо, потащил за собой, и… Все остальное слилось в хаос, безумие, кошмар бегства и страха.

Я вроде бы помню, как перезаряжал дробовик, несколько раз, мне кажется, и еще более смутно помню, как стрелял из него, вроде бы много раз. И Дэвид, по-моему, тоже стрелял, даже бо-

лее успешно. Что касается наших мишеней, то промахнуться в них было трудно. Они клацали когтями, их выпученные глаза пылали ненавистью и вожделением. Зловонное, чужеродное дыхание било нам в лица. Омерзительные, окровавленные тела падали, преграждая нам путь. И все время в воздухе стоял шум — кваканье, шлепанье и шуршание, по мере того как в «это место внизу» прибывали все новые порождения океана.

Потом… титанический взрыв, от которого задрожали каменные стены. Его раскаты еще не успели смолкнуть, когда послышался новый грохот… С потолка полетел град осколков и пыль, и один из боковых туннелей обвалился, когда мы пробегали мимо его входа… но в конце концов мы домчались до подножия уходящей вверх винтовой каменной лестницы.

Дальше мои воспоминания становятся более отчетливыми, иногда даже слишком яркими, если угодно, как будто наше спасение обострило притупленные страхом чувства — и я вижу, как Дэвид поджигает последний запальный шнур, а я стою рядом, стреляя и перезаряжая дробовик. Острый запах серы и черного пороха в облаках пыли, дрожащие лучи фонарей и тьма, снова

и снова извергающая отвратительные, жуткие фигуры. Дробовик в моих руках нагревается и наконец вовсе отказывается стрелять.

Тогда мое место занимает Дэвид и в упор расстреливает жутких квакающих тварей. Пронзительным голосом, в котором отчетливо слышны истерические нотки, он приказывает мне подниматься, подниматься и убираться из этого проклятого места. Уже наверху я оглядываюсь и вижу, как его волокут, и он исчезает под пульсирующей массой скребущих когтями тел; взгляды лягушачьих глаз жадно устремляются в мою сторону… в широко разинутых ртах блестят жуткие клыки… мгновенная пауза, а потом с пронзительными воплями твари устремляются следом за мной!

И наконец… наконец, я выскакиваю в пронизанный лунным светом туман, и с силой, которую способно породить только безумие, задвигаю на место плиту и кладу поверх нее камень, поскольку очевидно, что Дэвида больше нет и беспокоиться о нем не имеет смысла. Все произошло быстро, я видел его гибель собственными глазами, но, по крайней мере, он выполнил то, что задумал. Я знал, что это так, чувствуя, как земля подо мной содрогается, когда динамит

довершает начатое.

Потом, пошатываясь, я вышел из строения без крыши и рухнул на тропинку между низкорослыми фруктовыми деревьями и влажными от тумана кустами. И лежа там, я продолжал чувствовать, как земля сотрясается подо мной и рушится каменная кладка, вырванная из изъеденного веками фундамента.

И в самом конце, перед тем, как, слава богу, потерять сознание, я наконец был вознагражден зрелищем, которое позволило мне с рассветом очнуться нормальным, несломленным человеком. Я имею в виду вот что: рассеяние над долиной огромной, извивающейся массы тумана, истекающей из сотрясаемой от ярости фигуры тритона.

Поскольку в этот момент я понял, что, хотя сам Дагон жив, как он «жил» с незапамятных времен, места поклонения ему, которым на протяжении столетий был Кетлторп, больше не существовало.

* * *

Вот и вся моя история, история фермы Кетлторп, которая с рассветом обратилась в развалины. Когда я уходил, не оставалось ни одного целого здания, а что происходило дальше, сказать не

могу, поскольку никогда не возвращался туда и никогда о его судьбе не расспрашивал. В официальных отчетах наверняка сказано, что этой ночью «сильно просела почва», произошло смещение земляного пласта — явление, хорошо знакомое всем, кто работает на каменноугольных копях. И несмотря на тот факт, что бури, как таковой, на море не было, многие прибрежные утесы обрушились на песок или в воду.

Что еще остается добавить? В том году было очень мало «глубоководного келпа», и за прошедшие с тех пор годы его становилось все меньше. Это все по слухам, правда, поскольку я перебрался в глубь страны и никогда больше не выезжал в местность, откуда мог хотя бы случайно увидеть море или услышать шум прибоя.

Относительно Джун: она умерла восемь месяцев спустя, перед этим преждевременно разрешившись от бремени. Все это время в ее облике сильнее проступало что-то рыбье, но она не осознавала этого, снова став счастливой девочкой, чей разум так и не пришел в норму. Ее доктора говорили, что это к лучшему, и за это я благодарен судьбе.

И еще они сказали, что ребенок умер вместе с ней.

Тварь с пустоши у края кратера[27]

Если бы мне пришлось выбирать любимое произведение любимого автора, это было бы что-то между «Умирающей землей» Джека Вэнса и «ужасами» ГФЛ[28] *— очень трудный выбор. Если же мы были бы ограничены исключительно «ужасами», то я знаю, за что проголосовал бы: за рассказ Лавкрафта «Цвет из иных миров». Что, в контексте данного сборника, в некотором роде парадокс, поскольку «Цвет» не имеет отношения к Мифам Ктулху! Вы не найдете в нем ни единого упоминания о Ктулху и любом другом божестве или демоне его пантеона, равно как и о темных знаниях, к которым мы так привыкли; вообще никакой связи с Мифами Ктулху, разве что местом действия является Новая Англия. Парадокс состоит в том, что в первый год своей*

---

[27] notes: 27

“The Thing from the Blasted Heath”, from The Caller of The Black, Arkham House, 1971.

Жужунава Б. М., наследники, перевод на русский язык, © 2018.

[28] notes: 28

ГФЛ — инициалы Говарда Филлипса Лавкрафта: Ламли в своих комментариях часто употребляет это сокращение.

писательской деятельности — точнее, в сентябре 1967 года — я был настолько погружен в Мифы, что написал «Тварь с пустоши у края кратера» исключительно из почтения к ГФЛ и Мифам. Этот рассказ имеет второстепенное отношение к Мифам, но все-таки имеет, не сомневайтесь, и он вышел в сборнике «Вызывающий Черного», моем первом в издательстве «Аркхэм Хаус», в 1971 году.

Хотя у меня больше нет оснований кичиться тем, что я располагаю лучшей после Британского музея коллекцией всяких мерзких и жутких диковин, я *по-прежнему* не могу спать. Когда ночная тьма подкрадывается со стороны болот, я, запершись на все замки и засовы, со страхом гляжу в окно на то место в саду, которое слабо мерцает своим собственным, необъяснимым светом и вокруг которого свежая трава желтеет и сохнет. Хотя я постоянно разбрасываю зернышки и крошки, ни одна птица не залетает в мой сад, а за отсутствием пчел фруктовые деревья не дают урожая и умирают. И старина Картрайт больше не будет по вечерам приходить в гости, чтобы поболтать при свете камина и угостить меня вином домашнего приготовления, поскольку старина Картрайт умер.

Я написал об этом своему другу из Новой Англии, тому самому, который прислал мне куст с пустоши у края кратера, и предупредил, чтобы он никогда больше не ходил туда, куда однажды пробрался ради меня, а иначе его ждет та же судьба.

Впервые прочитав об этой пустоши, я знал, что с этого момента не успокоюсь, пока не добавлю к своей коллекции что-нибудь из тех мест. Нашел в Новой Англии друга по переписке, развил и укрепил нашу дружбу, а потом, различными средствами добившись того, что он чувствовал себя обязанным мне, попросил раздобыть для меня что-нибудь с пустоши. Она находится к западу от Аркхэма, где, как известно, обитают ведьмы, и лежит среди лесов и полей как огромная язва. Когда-то здесь была плодородная долина, где во множестве росли фруктовые деревья и другие растения, но потом сюда рухнул странный метеорит. Вслед за ним пришла болезнь, а потом и мелкая серая паль. Из округи доходят самые странные, дикие слухи, и хотя многие из них, возможно, не больше чем фантазии и предрассудки, факт остается фактом — люди не пьют воду из кратера. Она отравлена неизвестным науке ядом, который вызывает безумие, расстройство сознания и медленную, мучительную смерть.

Вокруг всей долины выстроили ограду с колючей проволокой и вдоль нее на каждом шагу поставили таблички с предостережениями.

Тем не менее мой друг перелез через эту ограду, забрался в самое сердце пустоши, почти до края воды, и выкопал из гниющей земли «подарок» для меня. Не прошло и суток, как он уже был на пути ко мне. Увидев «подарок», я понял, почему мой друг так поторопился избавиться от него. Я даже не могу придумать названия для этой штуки. Кустом его можно было назвать лишь условно, поскольку он дитя странной радиации, не из нашего мира, и, следовательно, новое явление для человека. Листья у него выглядели жутко — толстые, дряблые и белые, словно руки больного ребенка, а тонкий ствол и ветки были ужасно искривлены и испещрены странными прожилками. Он был в отвратительном состоянии, когда я сажал его в своем саду. Я даже подумал, что он не выживет. К несчастью, я ошибся: очень скоро он буйно пошел в рост, и старина Картрайт завел привычку тыкать в него тростью, когда приходил ко мне в гости.

— Что это вы жгли тут вчера ночью? Как будто горят старые пленки или, может, бумаги. Пламя такое странное… серебристого оттенка.

Я недоуменно посмотрел на него.

— Жег? Ничего! Где вы видели костер, Гарри?

— Здесь, в саду, если не ошибаюсь! Хотя, может, это просто отсвет огня камина падал из окна. — Он кивнул на дом и сплюнул точно на куст. — Куда-то около этой штуки. — Он подошел ближе и ткнул в куст тростью. — Надо же, какой толстый. — Он с любопытством посмотрел на меня. — Не могу сказать, что он мне нравится.

— Это же просто растение, Гарри, как и любое другое. — Я помолчал. — Ну, может, *не совсем* как любое другое. Согласен, на вид он уродлив… но совершенно безвреден. Удивительно, почему именно он вам не нравится! Вроде бы вы ничего не имели против «посмертных масок» и других моих вещей.

– *Они* и впрямь безвредны, — сказал он. — Забавные игрушки, ничего больше, но в своем саду я ничего такого сажать не стану, и не надейтесь! — Он улыбнулся в этой своей манере: «Я знаю кое-что, о чем вам неизвестно». — Как бы то ни было, можете мне объяснить, мистер Белл, что это за куст, на который птицы не садятся, а? — Он перевел взгляд на растение и тут же снова на меня. — Ни разу не видел, чтобы садились. — Он снова сплюнул. — И я их не осуждаю, имейте в

виду. Я и сам в жизни на него не сел бы. Только гляньте на эти листья! Они никогда не шевелятся на ветру. А стебель и ветки? Белые, как кожа прокаженного! Он больше похож на уродливого осьминога с листьями, чем на куст.

В то время я быстро забыл о нашем разговоре. Старина Картрайт всегда был полон странных фантазий и говорил примерно то же обо всех моих приобретениях, когда видел их впервые. Однако спустя несколько недель, когда я сам заметил в этом дереве кое-что *по-настоящему* странное, мне припомнились его слова.

О, да! Тогда это было уже дерево. Оно почти утроилось в размерах и достигало высоты около трех футов, отрастило множество испещренных серыми крапинками ветвей, на ставшем заметно толще стволе и нижних ветвях явственно проступали странно узловатые, темные прожилки, похожие на вены. Это был тот день, когда мне пришлось призвать старину Картрайта прекратить донимать дерево, в которое он тыкал своей тростью. В конце концов, дерево было «гвоздем» моей коллекции, и я не хотел, чтобы оно пострадало.

— Это ты, да, светишься по ночам? — спросил он дерево, тыча в него тростью. — Сияешь, точно

желтые поганки? Я приходил сюда этой ночью, мистер Белл, но вы уже были в постели. Потому что снова увидел пожар в саду, но это был не пожар — это было оно! — Он так сильно ткнул дерево, что оно затряслось. — Что за дерево такое, которое светится по ночам, а птицы на него не садятся?

Вот тут я разозлился и попросил его оставить дерево в покое.

Временами он бывал обидчив, старина Гарри. Возмущенно пыхтя, он затопал в сторону своего дома. Я хотел тоже вернуться к себе, но потом подумал, что, возможно, был слишком груб со стариком, и повернулся, собираясь окликнуть его и пригласить выпить рюмочку. Однако не успел и рта раскрыть, как взгляд мой упал на дерево.

Бог свидетель, оно гналось за стариной Картрайтом, как пес на поводке гонится за котом. Белые листья, словно жуткие руки, тянулись вслед ему, и ствол буквально наклонился в направлении удаляющейся фигуры…

* * *

Он оказался прав. Этой ночью я бодрствовал и собственными глазами видел, как дерево испускало странный, серебристый свет наподобие

огней Святого Эльма. Тогда впервые мелькнула мысль избавиться от него, а находка, сделанная на следующее утро в саду, утвердила меня в этом решении.

Не думаю, что в то время свечение по-настоящему беспокоило меня. Как заметил старина Гарри, некоторые поганки тоже светятся в темноте; и я знал, что это же самое свойственно одному-двум видам мха. Даже более развитые биологические формы — к примеру, многие глубоководные рыбы — обладают своеобразной «системой освещения», а планктон светится и на поверхности океана. Нет, я был уверен, что свечение — это пустяки; но то, что я обнаружил на следующее утро, все меняло! Поскольку я убежден — ни одна из вышеперечисленных биологических форм неспособна сделать то, что сделало той ночью дерево.

Едва выйдя в сад, я заметил происшедшие с деревом пугающие изменения. Оно выглядело… *сильнее,* а листья и «вены» приобрели более темный оттенок. Я был так захвачен этим зрелищем, что заметил кота, лишь когда чуть не наступил на него. Тело лежало в траве на расстоянии фута от дерева, и, перевернув его носком ботинка, я удивился, что оно не окоченело. А ведь животное было очевидно мертво, просто кожа да кости, и…

Опустившись на колени, чтобы получше рассмотреть маленький пушистый труп, я почувствовал, как волосы на затылке встали дыбом! *Тело кота не окоченело… потому что нечему было коченеть!*

Внутри шкурки остались только кости. Приглядевшись, я увидел, что маленький рот, ноздри и анальное отверстие ужасным образом изувечены. Конечно, не исключено, что бедняжку переехал автомобиль, выдавив из него внутренности (я содрогнулся), но кто зашвырнул тело в мой сад?

И потом я заметил кое-что еще: норки типа кротовых в земле, примерно на расстоянии фута вокруг дерева. Ага, сказал я себе, может, их оставили плотоядные животные, которых привлек запах крови? Странно, но сам я никакого запаха не чувствовал, а ведь кот погиб совсем недавно.

Я и прежде не раз разглядывал дерево, но сейчас изучил его сверху донизу. Полагаю, при этом я все время держал в уме свою *Dionaea Muscipula* — Венерину мухоловку — с чем еще было сравнивать? Листья *этого* дерева не были клейкими, как у некоторых плотоядных растений, а на их краях не росли шипы. И вроде бы здесь отсутствовала какая-либо дренажная система, необходимая,

чтобы сделать то, что, как опасался я, было сделано. Ни игл, ни колючек; и, насколько я мог судить, никакого яда в физическом смысле этого слова.

В таком случае, что произошло с котом? Мой собственный кот, добрый товарищ на протяжении многих лет, умер от старости задолго до того, как я услышал о пустоши с кратером. Мне всегда хотелось взять другого, но теперь я порадовался, что не сделал этого. И я не понимал, как умер этот бедняга, но в одном не сомневался — нельзя дольше терпеть в своем саду это проклятие. Коллекция там или нет, от него нужно избавиться.

В тот же день я пошел в деревню и оттуда позвонил в Лондон своему другу-ботанику. Именно он продал мне Венерину мухоловку. Я рассказал ему о своем дереве и горячо заверил, что нет, я не «морочу ему голову». Он сказал, что приедет на выходные, чтобы взглянуть на него. Еще он сказал, что если дерево действительно таково, как я описываю, он был бы рад заполучить его и постарается, чтобы я не прогадал.

Это было в четверг, и я вернулся домой, чувствуя себя счастливым при мысли о том, что к воскресенью избавлюсь от этой дряни, и птицы снова запоют в моем саду. Тогда мне даже в голову не пришло, что еще до воскресенья случится то,

после чего я никогда больше не буду чувствовать себя счастливым или, коли на то пошло, никогда не смогу как следует выспаться ночью.

Тем вечером у меня жутко разболелась голова. Я выпил двойную порцию бренди и лег спать раньше обычного. Прежде чем провалиться в сон, я заметил серебристое мерцание в саду. Оно было таким ярким, что я удивился, как это прежде не обращал на него внимания. Если бы не старина Картрайт, я, может, до сих пор оставался бы в неведении.

Проснулся я совершенно неожиданно. Выяснилось, что я лежу лицом вниз на тропинке в саду, сразу за дверью. Головная боль усилилась, пульсируя внутри черепа, словно молот.

— Какого черта?.. — воскликнул я, оцепенело оглядываясь.

Очевидно, я упал, споткнувшись о просевшую у порога доску, *но с какой стати я вообще оказался здесь?*

Лежа ничком, я бросил взгляд в сторону дерева. Похоже, шум моего падения на усыпанную гравием дорожку обеспокоил его. Оно тянулось ко мне с тем же жутким рвением, как прежде к старине Картрайту. Я с трудом поднялся и, собираясь вернуться в дом, заметил, что дерево откачнулось от

меня в сторону дома старика.

«И что теперь его беспокоит?» — удивился я, зашел внутрь и снова запер дверь.

Я сел на постель и попытался обдумать случившееся. Слава богу, что доска просела! Я все лето собирался заменить ее, потому что по ее милости чуть ли не каждый день спотыкался.

— Хорошо, что так и не сделал этого, — пробормотал я, явно по незнанию недооценивая этот факт.

Я-то переживал лишь из-за того, что вдруг кто-нибудь увидел меня расхаживающим по саду посреди ночи в одних пижамных штанах. Ну, думать об этом было невыносимо. Жители деревни, скорее всего, уже считали меня слегка не в себе, из-за моей коллекции. Старина Гарри всегда любил посплетничать.

Стояла тишина, в теплом воздухе не ощущалось ни малейшего ветерка. Однако в следующий раз я проснулся от громкого звука — железная калитка сада с грохотом закрылась. Страшно досадуя на все эти ночные неприятности, я вскочил и бросился к окну. Рядом с деревом стоял старина Картрайт. Взгляд широко распахнутых глаз был прикован к дереву, которое наклонилось к нему в той же ужасной, уже знакомой мне манере.

Конечно, его присутствие здесь удивило меня; однако гораздо больше поразило то, что он был облачен лишь в ночную рубашку. Может, он тоже ходит во сне? Похоже на то. Я открыл рот, чтобы окликнуть его, но тут увидел нечто, от чего дыхание перехватило, а тело сковал внезапно нахлынувший ужас.

На земле вокруг основания дерева что-то происходило! Первой моей мыслью было, что вокруг ствола и ног старины Гарри снова возникло множество кротовых нор.

Вот только из маленьких дыр в почве лезли не кроты!

Это были корни!

Сознание оцепенело от ужаса, в голове все перепуталось. Пошатываясь, я отошел от окна. Попытался закричать, но горло перехватило. Странная подвижность дерева и еще более необычное шевеление его корней — это пусть, это само собой. *Однако ужаснее всего было понимание того, что старина Картрайт вел себя в точности, как я сам раньше этой ночью!*

Пошатываясь точно пьяный, я спустился к двери и отпер ее онемевшими, дрожащими пальцами. Неверной походкой вышел в ночь, понимая, что происходит нечто чудовищно

ненормальное, и отдавая себе отчет в том, какой это подарок судьбы, что сейчас на месте Картрайта не я. Придя в себя под воздействием ночного воздуха, я побежал, крича старику, чтобы он убирался оттуда, подальше от дерева, от этого светящегося ужаса…

Но было уже слишком поздно.

Отогнутые вниз сияющие ветки монстра покрывали все тело, из-под них торчала голая нога. В шоке, не веря своим глазам, я опустился на колени и увидел то, отчего разум мой помутился, а нервы скрутило узлами — состояние, в котором я пребываю до сих пор.

Я воспринимал это дерево правильно, но подходил к проблеме под ошибочным углом! Оно представляло собой уродливую мутацию, вызванную радиацией из другого мира. Ничего похожего на Земле не существовало; а я, кретин, еще сравнивал его с Венериной мухоловкой! Это растение из кратера действительно питалось живыми существами, *но совсем не так, как это делают большинство других плотоядных растений; оно делало это с помощью своих корней!*

Эти прежде скрытые в почве корни покрывали острые колючки, и у каждой колючки имелась крошечная присоска. Я смотрел, словно

загипнотизированный. Прямо у меня на глазах отвратительные корни, пульсируя, проникали в открытый рот Картрайта… и в конце концов его губы начали рваться под этим напором!

Я закричал, увидев, что «вены» ствола и ветвей начали пульсировать красным. Когда же все дерево задрожало, наливаясь бледно-розовым, я, по счастью, потерял сознание. Только представьте себе — *тело старого Картрайта безостановочно, тошнотворно дергалось и извивалось, но вовсе не по своей воле, а его мертвые глаза продолжали смотреть в никуда…*

Вот, собственно, почти и все. Очнувшись, я все еще был не в себе. В бредовом состоянии я нетвердым шагом пошел в сарай и вернулся оттуда с топором. Со стоном отвращения ударил по стволу — раз, другой, — а потом смотрел, как, извиваясь, дерево буквально *истекало кровью!*

Нужно было видеть все это собственными глазами, чтобы поверить. Мерзкие корни медленно отпустили обескровленное тело Картрайта и, содрогаясь, юркнули под землю. Ветви и листья корчились и извивались в отвратительной пляске смерти; пульсация жутких вен — *самых настоящих вен* — прекратилась, и все дерево, разрушаясь, начало клониться в сторону. Казалось,

оно гниет прямо на месте, и противоестественное свечение пошло на убыль. Исходящий от этого чертова растения запах разложения заставил меня попятиться, волоча за собой труп Картрайта.

Наткнувшись на ограду сада, я остановился, дрожа и с ужасом глядя на быстро чернеющую массу в саду.

Когда, наконец, свечение полностью угасло и от дерева осталась лишь зловонная, вязкая, красновато-черная лужа, я заметил, что небо посветлело — начинался рассвет. Именно тогда у меня и возник план. Ужасами я был сыт по горло. Все, чего я хотел, это забыть, и понимал, что власти никогда не поверят моему рассказу, но я даже и пробовать не собирался.

Я сложил костер над зловонным местом, где раньше росло дерево, и когда в отдалении закукарекал первый петух, поджег груду листьев, веток и стоял там, пока не осталось ничего, кроме почерневшего пятна на траве. Потом я оделся и пошел в полицейский участок.

* * *

Никто не мог понять, почему тело старого Картрайта полностью лишено крови, в чем причина странного повреждения рта и других, внутрен-

них повреждений, которые показало вскрытие. Однако никто не отрицал, что уже давно он вел себя «необычно», а в последнее время открыто говорил о чем-то, «светящемся в ночной темноте», и о деревьях с руками вместо листьев. Казалось, никто не сомневался, что его конец будет «странным».

Дав показания полиции о том, как на рассвете обнаружил тело старого Картрайта у себя в саду, я снова позвонил в Лондон и сообщил своему другу-ботанику, что дерево погибло во время пожара. Он сказал, что, конечно, жаль, но на самом деле значения не имеет — вечером он улетает в Южную Америку и задержится там на несколько месяцев.

Он попросил меня, если получится, раздобыть еще один экземпляр того же вида.

* * *

Однако это еще не конец истории. Все, о чем я рассказал, случилось прошлым летом. Сейчас снова весна. Птицы так и не вернулись в мой сад, и, хотя каждую ночь я ложусь в постель, предварительно заперев дверь, спать не могу.

Я подумал, что, избавившись от остатков своей коллекции, смогу стереть воспоминания о том,

что когда-то росло в моем саду. Я ошибался.

Я раздарил раковины с островов Полинезии и вдребезги разбил череп, который выкопал из земли в том месте, где когда-то возвышались римские развалины. Ничего не изменилось. Позволил погибнуть своим Венериным мухоловкам, лишив их необходимого питания. Это тоже ничуть не помогло! Мои «дьявольские барабаны» и «посмертные маски» из Африки сейчас покоятся под стеклом в витрине музея Уорби вместе с жертвенным платьем из Ми-Афоса. Коллекция из десяти кошмарных картин Пикмана, Чандлера Дэвиса и Кларка Эштона Смита ныне принадлежит алчному американскому коллекционеру. Ему же я продал полное собрание сочинений По. Я расплавил свой исландский метеорит и навсегда расстался с покрытой ужасными письменами статуэткой из Индии. Серебряные фрагменты неизвестного кристалла мертвого Г'харна в неудобоваримом состоянии покоятся в своем ящике, и я продал на аукционе все книги о безумном прошлом Земли.

Да, хотя я больше не имею оснований кичиться тем, что располагаю лучшей после Британского музея коллекцией всяких мерзких и жутких диковин, я по-прежнему не могу спать. Существует

нечто — страх, мешающий уснуть, заставляющий меня в последнее время приковывать себя к постели, когда я ложусь.

Видите ли, мне совершенно ясно — заверения доктора, что «все это существует лишь в моем сознании», ошибочны. Я знаю, что если когда-нибудь снова проснусь в своем саду, это будет означать неизлечимое безумие… или что-нибудь похуже!

Что касается места, где весенняя трава сохнет и желтеет, оно продолжает слабо светиться по ночам. Всего неделю назад я надумал полностью удалить почву с этого участка, но, ткнув лопату в землю, увидел что-то извивающееся, черное, *похожее на перерубленный корень,* быстро ушедшее под землю и исчезнувшее из вида! Возможно, это всего лишь мое воображение, но также я заметил, что глухой ночью половицы в моей комнате иногда поскрипывают; и, кроме того, есть еще *кое-что.*

У меня снова началась чудовищная головная боль.

Дилет-Лин[29]

В марте 1969 года я написал первый рассказ о Мире Снов, после ГФЛ, конечно. Позже «Дилет-Лин» войдет в роман о Титусе Кроу и де Мариньи «Часы мечтаний» в качестве самостоятельной главы, но на время его создания это была моя первая попытка написать что-то в этом роде. Как таковой, он никак не связан с более поздними произведениями сновидческого цикла, в которых фигурируют герой Дэвид («Hero of Dreams» — «Герой сновидений») и его друг, искатель приключений Элдин («The Wanderer» — «Странник»), которые будут написаны лишь в конце 70-х — начале 80-х. Как бы то ни было, прочтя этот рассказ в моем сборнике издательства «Аркхэм» «Вызывающий Черного», Л. Спрэг де Камп выделил его как особенно понравившийся ему и обратился ко мне с просьбой, может ли он включить его в подготавливаемый им сборник фэнтези. Ну, этого так и не произошло, но в любом случае было очень приятно узнать, что такой прекрасный автор

---

[29] notes: 29

"Dylath-Leen", from The Caller of The Black, 1971.

Жужунава Б. М., наследники, перевод на русский язык, © 2018.

получил удовольствие от моего рассказа, как, надеюсь, получите его и вы.

I

Всего трижды я побывал в городе Дилет-Лине с его базальтовыми башнями и мириадами мигающих во тьме огней; три любопытнейших визита, которые охватывают, как мне кажется, почти столетие его существования. И теперь молюсь, чтобы этот третий раз стал последним. Дело в том, что хотя Дилет-Лин существует только за вратами сна, когда я думаю о своих визитах туда и вспоминаю свои исследования в мире бодрствования и услышанные в юности рассказы о снах и их воздействии на мир бодрствования, то содрогаюсь от странного страха.

Впервые я попал туда, когда мне было под двадцать, томимый тоской по изумительным городам далекого прошлого из древних легенд и сказок, порожденной изучением таких работ, как «Арабские ночи» и «Атлантида найдена» Гелдера. И мои ожидания оправдались.

Вначале я увидел город издалека, направляясь к нему вдоль реки Скай с караваном торговцев, и при виде высоких черных башен на крепостном валу почувствовал его странное очарование. Поз-

же, охваченный благоговением и удивлением, я оставил своих попутчиков и в одиночку бродил по древним улицам и переулкам Дилет-Лина, заходил в таверны на пристани, болтал с моряками со всех уголков Земли и с немногими из более далеких мест. Я никогда не задумывался над своей способностью говорить на множестве языков, поскольку часто во сне все проще. Не удивлялся я и той легкости, с которой вписывался в чужую, хотя и удивительно дружественную обстановку. В конце концов, я был одет в стиле мира сна и не выделялся среди окружающих людей. Правда, ростом я был немного выше среднего, но в целом обитатели Дилет-Лина мало чем отличались от жителей любого города мира бодрствования, и vice versa[30].

Однако попадались в этом городе другие, необычные торговцы с дальних берегов Южного моря, чей облик и запах наполняли меня таким отвращением, что я даже не мог находиться там, где они задерживались надолго. Я расспрашивал трактирщиков об этих торговцах и их происхождении. Мне было сказано, что я не первый из мира бодрствования, кто инстинктивно

---

[30] notes: 30
Vice versa — наоборот (*лат.*).

чувствует в этих торговцах что-то, наводящее на мысль о тайном зле и недостойных деяниях. Много лет назад другой человек предостерегал жителей Дилет-Лина, что эти торговцы злодеи, недостойные доверия, поскольку их единственное желание — распространять ужас и зло по всем странам мира снов. Некоторые трактирщики даже помнили имя этого путешественника по снам: Рандольф Картер, так он себя называл, известный как личный друг великого лорда парящих в небе сераниан и короля Куранеса из розового хрустального Дворца Семидесяти Наслаждений, когда-то тоже путешественника по миру снов выдающейся репутации. Услышав имя Картера, я угомонился, поскольку такой дилетант хождения по снам, как я, не смеет даже ходить в тени такого, как он. Еще бы! По слухам, Картер побывал и в Кадате, что в Холодной Пустоши, где встретился лицом к лицу с Ньярлетотепом по прозвищу Ползучий Хаос, и более того, вернулся оттуда целым и невредимым! Многие ли могут этим похвастаться?

Тем не менее, несмотря на все свое отвращение к этим торговцам, однажды утром я забрался на самый верх таверны в Потан-Лите, расположился в баре с окнами, выходящими на залив Варвес,

и стал поджидать галеру, которая, по слухам, должна была прибыть в город с грузом рубинов неизвестно откуда. Просто хотел удостовериться, что именно они вызывают у меня отвращение, и лучшим способом сделать это, так мне казалось, было приглядеться к ним с безопасного расстояния, с такого места, где сам я мог остаться незамеченным. Не хотелось привлекать к себе внимание этих странно пугающих людей неизвестного происхождения. Таверна в Потан-Лите с ее девяноста девятью ступеньками прекрасно подходила для этого. Я видел всю раскинувшуюся внизу в утреннем свете пристань, где сушились сети рыбаков и откуда к моему окну поднимались запахи мокрых веревок и океана. Маленькое судно мягко покачивалось на якоре со спущенными парусами и откинутыми люками, чтобы солнце просушило сырые трюмы; оно принадлежало торговцам тэгом, этим остро пахнущим, вызывающим сон внутри сна, возбуждающим наркотиком с экзотического Востока. И, главное, сверху я должен был увидеть на горизонте паруса черной галеры, которую так неусыпно ждал. Другие торговцы этой расы уже находились в городе, но как можно близко подобраться к ним, не привлекая нежелательного внимания? Мой план

был лучше, никаких сомнений, хотя я и не знал, что именно стремлюсь увидеть — и почему.

Прошло совсем немного времени, и черная галера действительно появилась у входа в залив. Она заскользила в гавань мимо огромного базальтового маяка, и с ней пришло странное зловоние, принесенное южным ветром. С появлением этого судна и его необычных хозяев берег затопило ощущение тревоги. Молчаливый корабль подошел к причалу, и три ряда его быстро движущихся весел остановились, а потом скользнули внутрь через свои уключины к невидимым гребцам на палубе. Я с огромным вниманием наблюдал, ожидая, что хозяин галеры и экипаж сойдут на берег, но всего пять человек — если они вообще были людьми — покинули загадочное судно. Раньше у меня не было возможности так хорошо разглядеть этих торговцев, и увиденное не доставило мне удовольствия.

Я уже упоминал о своих сомнениях относительно того, были ли они… людьми. Позвольте объяснить, почему. Прежде всего, у них были слишком широкие рты. Мне показалось, что один из них, сойдя на берег, глянул вверх, на мое окно, и улыбнулся. Это было ужасно — видеть, насколько широк его злобный рот. Зачем тому, кто

питается нормальной пищей, иметь рот таких необычных размеров? И почему владельцы этих ртов носили тюрбаны столь странной формы? Может, у них так принято? Эти головные уборы имели выпуклости в двух точках надо лбом. Какой, однако, дурной вкус! И что касается их обуви: ну, это определенно были самые необычные туфли, которые мне когда-либо приходилось видеть, что во сне, что наяву: короткие, с тупыми носами и плоские, как будто внутри них были не ноги, а неизвестно что! Я задумчиво прикончил свою кружку росы и кусок хлеба с сыром, отвернулся от окна, собираясь покинуть таверну, и…

Сердце, казалось, подскочило к горлу. В низком дверном проеме стоял тот самый торговец, который так злобно улыбался, глядя на мое окно! Увенчанная тюрбаном голова поворачивалась вслед за каждым моим движением, когда я проскользнул мимо него и бросился вниз по девяноста девяти ступенькам. Безумный страх преследовал меня, пока я несся по базальтовым плитам улиц и проулков. Наконец, я добрался до хорошо знакомого, выложенного зеленым булыжником внутреннего двора, где снимал комнату, но даже здесь никак не мог выкинуть из головы лицо под странным тюрбаном и с

широким ртом, а мерзкий запах так и свербил в носу. Поэтому я расплатился с домохозяином и перебрался в ту часть Дилет-Лина, которая находилась вдали от моря, где пахло цветами на окнах и свежевыпеченным хлебом и куда люди из приморских таверн заглядывали редко.

Здесь, в районе, называемом С'имла, я поселился в семье добытчика базальта. Мне предоставили отдельную мансарду с большим окном, с постелью и набитым фегом матрасом; и скоро все стало так, как будто я родился в этой семье или, может, так мне казалось, потому что я легко мог представить себя братом хорошенькой Литы.

В течение месяца я полностью освоился с новой обстановкой и сделал своим главным занятием распространение предупреждения Рандольфа Картера, присовокупляя к нему и собственное мнение о торговцах в тюрбанах. Задачу осложняло то, что никаких конкретных доводов против них у меня не было, просто ощущение, которое уже испытывали многие жители Дилет-Лина — что торговля с черными галерами до добра не доведет.

Постепенно я узнавал о них все больше, появились и кое-какие доказательства их злой природы. Почему черные галеры приходят в порт,

высаживают не больше пяти торговцев, а потом просто стоят на якоре, испуская нечистые запахи? Почему их молчаливый экипаж никогда не сходит на берег, будто его и вовсе не существует, а ведь с тремя большими рядами весел каждому судну требовалось много гребцов? Однако никто не знал, кто они такие. Городские бакалейщики и мясники ворчали по поводу скупости этих чересчур застенчивых экипажей, поскольку единственное, что торговцы покупали в обмен на свои маленькие и большие рубины, было золото и тучные парганские рабы. Торговцы приезжали уже давно, рассказывали мне, и всякий раз множество толстых черных мужчин исчезали навсегда, поднявшись по сходням в таинственные черные галеры, и их увозили неизвестно куда! И где эти необычные торговцы брали свои рубины, каких не добывают ни в одной известной шахте Земли снов? Тем не менее продавали они их недорого, фактически даже слишком дешево, так что ими могли похвастаться во всех домах Дилет-Лина. Некоторые были настолько велики, что их использовали в качестве пресс-папье в домах богатых жителей. Лично мне эти камни казались странно омерзительными — для меня они были лишь отражением привезших их торговцев.

Так получилось, что в районе С'имла мой интерес к торговцам рубинами со временем пошел на убыль, хотя никогда не исчезал полностью. Возможно, потому, что у меня возник новый интерес — к черноглазой Лите, дочери Бо-Карета. Он, напротив, возрастал с каждым днем, и ночи все чаще были наполнены снами внутри снов о Лите, и очень редко в них проникали большеротые торговцы в странных тюрбанах.

Однажды вечером, после того как в деревушке Ти-Пент неподалеку от Дилет-Лина мы с Литой приняли участие в ежегодном Празднике Изобилия, а потом возвращались, рука в руке, через орошаемую зеленую долину под названием Танта, она призналась мне в любви, и мы рухнули на траву. Этой ночью, когда мириады мерцающих огней города погасли, и летучие мыши пронзительно кричали за моим окном, Лита прокралась ко мне в мансарду, и только заправленная нарговым маслом лампа на стене могла рассказать, какие чудеса в ту ночь мы открывали друг в друге.

Утром, радостно пробившись через множество слоев хрупкого материала, из которого состоит мир подсознания, я с криком проснулся в доме своих родителей в Нордене, на северо-восточном

побережье. Лишь спустя год мне удалось убедить себя в том, что моя черноглазая Лита существует только во сне.

II

Когда я снова увидел Дилет-Лин, мне было уже за тридцать. Я появился там вечером, когда город погружался во тьму, однако сразу же узнал это ощущение базальтовых плит под ногами. Последние огни мигали и гасли, последние таверны закрывались. Чувствуя, как бешено колотится сердце, я легким шагом устремился к дому Бо-Карета. Однако что-то вокруг казалось неправильным, и меня охватывал все больший ужас, когда я увидел на улицах толпы пирующих, грязно болтающих людей в странных тюрбанах, больше похожих на монстров. И многие из них снимали свои тюрбаны, хвастливо демонстрируя торчащие из головы выпуклости, которые увидишь разве что в книгах о колдовстве и на некоторых библейских картинах. Один раз меня остановила и поколотила целая их шайка; они переговаривались низкими, угрожающими голосами. Я вырвался и убежал, уверенный, что это те самые злобные торговцы из прошлого. Какой ужас! Они здесь, в моем Городе Черных Башен, и

их целый легион!

Наверно, я видел сотни этих отвратительных… созданий, и все же мне удалось беспрепятственно добраться до дома Бо-Карета, и там я заколотил в дубовую дверь, и, в конце концов, за голубыми стеклами круглых окон вспыхнул свет. На мой стук ответил сам Бо-Карет; его глаза были широко распахнуты от страха, и я хорошо его понимал. Когда он увидел, что на крыльце стоит всего один человек, на его лице появилось выражение облегчения. Он поразительно *постарел*, настолько постарел, что я испытал потрясение, поскольку тогда еще не знал о существовании разницы во времени между мирами сна и бодрствования. Он же узнал меня сразу и прошептал:

— Грант! Грант Эндербай… мой друг… мой *старый* друг! Входи же, входи…

— Бо-Карет! — выпалил я. — Бо, я…

— Тс-с-с! — Он прижал палец к губам, еще шире распахнув глаза, бросил взгляд в одну сторону улицы, в другую, а потом втащил меня внутрь и быстро запер дверь. — Тихо, Грант, тихо… это теперь город тишины, где только *они* веселятся и пируют, обделывая свои дьявольские дела. И, возможно, скоро они будут повсюду.

– *Они?* — спросил я, инстинктивно догадыва-

ясь, каков будет ответ.

— Те, о ком ты когда-то предупреждал нас — торговцы в тюрбанах!

— Я и сам так подумал, и они уже повсюду… но о каких *делах* вы говорите?

И тут Бо-Карет рассказал историю, наполнившую мое сердце ужасом. Я твердо решил не успокаиваться до тех пор, пока не попытаюсь исправить причиненное этими торговцами зло.

Всё, по словам моего хозяина, началось много лет назад. Я не пытался уточнить дату; как я мог, учитывая, что Бо-Карет по виду постарел на тридцать лет, в то время как я всего на двенадцать? В город привезли такой огромный рубин, что никто не верил в его существование, пока не видел собственными глазами. Это был дар, проявление уважения со стороны торговцев по отношению к жителям Дилет-Лина, и, как таковой, он был водружен на пьедестал на главной площади города. Однако несколько ночей спустя город начал охватывать ужас. Трактирщик таверны рядом с площадью, заперев двери на ночь и выглянув из окна, заметил странное, глубокое, красноватое мерцание, испускаемое гигантским драгоценным камнем, мерцание, которое пульсировало и, казалось, жило собственной жизнью. На сле-

дующий день трактирщик рассказал о том, что видел, и тут выяснилась поразительная вещь. Все остальные, привезенные ранее рубины в городе — совсем маленькие в кольцах, амулетах, приборах и другие, больше и не так тщательно обработанные, приобретенные богатыми горожанами просто ради обладания ими, — все они мерцали по ночам, словно реагируя на активность своего большего собрата. И с этим неземным мерцанием пришел странный паралич. Все люди, кроме торговцев в тюрбанах, стали вялыми, слабыми, неспособными и несклонными ничему радоваться и веселиться, еле-еле выполняющими свои обычные обязанности. Шли дни, и сила огромного рубина и его меньших собратьев нарастала, как и странная вялость жителей, и только тогда, слишком поздно, стало ясно, что это заговор. Выяснились и его цели.

На протяжении долгого времени толстых черных рабов из Парга становилось все меньше. Торговцы увозили их из города быстрее, чем они поступали, и кончилось тем, что их осталось всего горстка; и эти последние, услышав, что скоро в гавань опять придет черная галера, сбежали от своего хозяина и покинули город в поисках менее опасного местопребывания. Это произошло

незадолго до того, как рогатые торговцы привезли в Дилет-Лин огромный рубин. Постепенно наведенная им летаргия возрастала. Вскоре ее эффект при дневном свете ощущался почти так же сильно, как ночью — и одновременно число торговцев в странной обуви увеличивалось, а к пристани приставали все новые черные галеры. Потом начали пропадать люди — трактирщик здесь, шахтер там, торговец из Ултара, и доставщик тэга, и сын серебряных дел мастера. Вскоре влиятельные люди начали продавать свой бизнес, дома и покидать Дилет-Лин, переезжая в Ти-Пент, Ултар и Пир. Я был рад, услышав, что Лита и ее братья тоже уехали, хотя испытал чувство странной печали, узнав, что вместе с Литой отбыли ее красавец-муж и двое забавных детей. Сейчас она уже в том возрасте, сказал Во-Карет, что ее можно принять за мою мать; но красоту свою сохранила.

К этому времени было уже хорошо за полночь, и по всему дому начали мерцать крошечные красные точки света. Их феерическое сверкание навевало дремоту. Бо-Карет то и дело прерывал свой монолог, зевая и встряхивая головой. Приглядевшись, я понял, что источником странного излучения были рубины. В точности как описы-

вал Бо-Карет! Десять крошечных рубинов были врезаны в основание изящного кубка; еще больше украшали висящие на стенах серебряные и золотые тарелки; пылающие кусочки драгоценных кристаллов были вставлены и в корешки книг в кожаных переплетах. Постепенно бормотание моего хозяина совсем смолкло, и он уснул в кресле, потерявшись в безрадостных снах, от которых его морщинистое лицо приобрело выражение ужаса.

Я должен был увидеть огромный рубин. Я не искал объяснения этому скоропалительному решению (в снах часто делают то, что никогда и в голову не пришло бы в мире бодрствования), но знал, что не успокоюсь, пока собственными глазами не увижу удивительный драгоценный камень.

Я вышел из дома через заднюю дверь, запер ее за собой и положил ключ в карман. Я знал, что у Бо-Карета есть дубликат ключа; кроме того, мне могло потребоваться без задержки вернуться в дом. Я хорошо представлял себе план города и через лабиринт боковых улочек мог без труда добраться до главной площади. Эта площадь находилась далеко от района С’имла, рядом с портом, и по мере приближения к берегу я пробирался

все осторожнее. Еще бы! Вся эта часть города кишела злобными торговцами! Удивительно, что меня не заметили в первые же несколько минут; и когда я увидел, что эти дьявольские создания делают, не осталось и тени сомнения, что худшие опасения Бо-Карета подтверждаются. Понимая, что если меня обнаружат, последствия могут быть самыми трагическими, дальше я крался еще более осторожно. Каждый уличный угол стал средоточием ужаса, где нечто скрывающееся в засаде, невидимое заставляло меня оглядываться через плечо и подпрыгивать при легком трепетании крыльев летучих мышей.

Я перешел на бег, яростно работая ногами, поскольку теперь точно знал, чем именно рогатые твари занимаются по ночам. Фантазия разыгралась, и росло ощущение, будто кто-то преследует меня в темноте. Поэтому, когда я внезапно вырвался из тьмы в ослепительный, ярко-красный свет, это застало меня врасплох. Я попытался остановиться до того, как врежусь в четырех монстров в тюрбанах, стоящих у основания постамента с рубином, но сделал это слишком резко. Развернулся на пятках и чуть не упал, цепляясь за круглые булыжники. В тот краткий миг, когда я, кренясь, восстанавливал равновесие, стражи

огромного драгоценного камня бросились ко мне. Со страхом оглянувшись, я увидел, как они мчатся в мою сторону.

Хотя я был на площади совсем недолго, но увидел более чем достаточно, чтобы окрепла моя прежняя решимость сделать что-то с вторжением отвратительных, коварных торговцев. Мчась по ночным улицам, мимо домов и таверн, темными силуэтами возвышающихся с обеих сторон, я видел мысленным взором ужасную картину, которую успел мельком разглядеть на площади. Там стояли четыре стража с огромными, пристегнутыми к поясам ножами, похожий на пирамиду базальтовый, сужающийся кверху помост с вырезанными в нем ступеньками, четыре пылающих факела в черных металлических держателях, и на плоской поверхности базальтового алтаря огромный алый камень, пульсирующий собственной жизнью. Его бесчисленные грани ловили и отражали свет факелов, усиливая, таким образом, собственное излучение. Гипнотизирующий ужас, злобный монстр — вот что такое был этот огромный рубин!

Потом совсем рядом позади я услышал странный, завывающий крик, — явно сигнал тревоги! — разнесшийся по узким проулкам Дилет-

Лина. Теперь буйное воображение нарисовало мне совсем другую картину. Я представил себя с железным браслетом на ноге, прикованным к длинной цепи безгласных, безропотно подчиняющихся своей судьбе людей, которых видел всего несколько минут назад. Их вели к пристани, а потом на черные галеры. Этот вспыхнувший в сознании образ заставил меня припустить еще быстрее, хотя топот ног за спиной не стихал. Однако мои усилия были бесполезны, даже, может, *хуже*, чем бесполезны, потому что вскоре я начал уставать, и замедлил движение. Дважды я спотыкался и падал. Во второй раз, поднимаясь, я испытал страстное желание, чтобы ноги обрели крылья и унесли меня отсюда. Все происходило точно в ночном кошмаре (как, собственно, и обстояло дело), где ты бежишь, бежишь сквозь порожденные подсознанием слои черной патоки, не в силах увеличить расстояние между собой и своим бесплотным преследователем. Единственная разница состояла в том, что, во сне или нет, я четко знал, что речь идет о моей жизни!

Несколько мгновений спустя, когда от ужаса я почти утратил надежду, судьба подарила мне желанное помилование. Оскальзываясь, спотыкаясь, хватая ртом воздух, я резко остановился,

внезапно вообразив, будто топот чужеземных ног исходит из любого направления, куда бы я ни бежал, откуда-то *впереди* меня! И звуки дьявольских шагов становились все ближе. Я распластался на базальтовой стене, раскинув руки и отчаянно цепляясь за голый, грубый камень; и там, под пальцами, нащупал… отверстие, полностью скрытое в темноте, узкую щель или проход между соседними домами. Я втиснулся в него, с трудом восстанавливая дыхание, борясь с безумным желанием завопить от ужаса. Там стояла непроглядная тьма, и в голову внезапно пришла страшная мысль. Что, если этот темный туннель не выход куда-то, а мертвый тупик? Похоже, мои безмолвные мольбы были услышаны. Раздался первый крик удивления и разочарования, и я полез по щели, извиваясь, вывалился из нее с другой стороны, по счастью, на пустую улицу.

Бегство увело меня далеко от дома Бо-Карета. Однако в любом случае теперь, когда мои худшие опасения подтвердились, и враги подняли тревогу, было бы полным идиотизмом прятаться в городе. Нужно убираться отсюда, в Ултар или Нир, как можно дальше и как можно быстрее, и оставаться там, пока я не найду способ избавить

Дилет-Лин от страшного проклятия.

Меньше чем через час я оставил позади город и оказался в необитаемой пустынной местности, двигаясь в направлении, которое, как я надеялся, приведет меня в Ултар. Под полной, плывущей в облаках луной было прохладно, и все же прошло много времени, прежде чем нервное возбуждение и жар панического бегства улеглись. Я даже пожалел, когда это произошло, поскольку вспотевшее тело стало мерзнуть, и я дрожал. Понимая, что до восхода солнца будет становиться все холоднее, я плотнее закутался в плащ. Насчет еды и воды я не особенно волновался, поскольку между Дилет-Лином и Ултаром много источников и оазисов; нет, больше всего меня беспокоила ориентация. Не хотелось затеряться в засушливой пустыне. Я никогда не умел хорошо ориентироваться на открытой местности.

Вскоре с направления, которое я считал югом, приплыли огромные облака и закрыли луну; я продолжил путь лишь при свете звезд. Казалось, отбрасываемые дюнами тени становятся все длиннее и гуще, и внезапно возникло жуткое ощущение, что я тут не один. Бросая через плечо нервные взгляды, я вздрагивал теперь не только от ночной прохлады. Возникло ужасное подозре-

ние, которое требовалось развеять.

Спрятавшись за дюной, я ждал, глядя туда, откуда пришел. И вскоре увидел мчащуюся по песку тень, движущуюся по моим следам — рогатую, гнусно хихикающую тень. Волосы встали дыбом, когда я увидел, как монстр остановился, изучая землю, а потом поднял свое широкоротое лицо к ночному небу. Я снова услышал этот странный, завывающий крик тревоги и не стал больше ждать.

Охваченный еще большим страхом, чем она улицах Дилет-Лина, я побежал… понесся, по ночному песку, словно сумасшедший, бессвязно бормоча и часто падая вверх тормашками на крутых песчаных склонах, пока не ударился головой обо что-то твердое в тени дюны и не провалился во тьму.

На этот раз я не сожалел, с криком проснувшись в своем доме в Нордене и в здравомыслии мира бодрствования осознав, что все эти ужасы существовали исключительно во сне. Неудивительно, что спустя несколько дней мой второй визит в Дилет-Лин был почти забыт. Сознание быстро забывает то, воспоминание о чем невыносимо.

III

Мне было сорок три, когда я увидел Дилет-Лин в следующий и пока последний раз. Хотя этот сон не перенес меня прямо в базальтовый город; я нашел себя на окраине Ултара, Города Котов! Это название ему подходит, поскольку здесь действует древний закон, согласно которому ни один человек не может убить кота, и на улицах полным-полно представителей кошачьего племени. Я остановился, чтобы погладить толстого кота, лениво развалившегося на солнце. Старый хозяин магазина, сидящий под полотняным навесом, дружелюбно окликнул меня дрожащим голосом.

— Это хорошо, чужестранец… хорошо, когда чужестранец гладит котов Ултара! — сказал он. — Ты идешь издалека?

— Издалека, да, из мира бодрствования… но при виде кота не смог просто пройти мимо. Прошу прощения, сэр… не подскажете, как пройти к дому Литы, дочери Бо-Карета из Дилет-Лина?

Он закивал седой головой.

— Да, я хорошо знаю ее, ведь она — одна из немногих, доживших до таких же преклонных лет, что и я. Их дом недалеко отсюда. Еще два года назад ее отец, до того старый, что в это просто

не верилось, уступающий годами только Аталу, скалолазу из Хатег-Кла, жрецу и патриарху нашего Храма Древних, тоже жил в доме дочери. Он пришел из Дилет-Лина в полном смятении ума, бессвязно бормоча что-то, и после этого прожил совсем недолго. Теперь никто не ходит в Дилет-Лин.

Старик помрачнел при мысли о Дилет-Лине и больше разговаривать не захотел, хотя и указал мне направление. Я двинулся в путь со смешанным чувством, однако на полпути свернул в пыльный проулок и зашагал к Храму Древних. Встреча с Литой ни к чему хорошему не привела бы. Что толку будить старые воспоминания? Если она вообще помнила что-то о блаженных днях своей юности. Да и помочь в разрешении моей проблемы она вряд ли могла, той самой проблемы, которая возникла по меркам мира бодрствования тринадцать лет назад — как отомстить за поругание жителей Дилет-Лина, и как спасти тех из них, если они еще есть, кто остается в рабстве. Во мне все еще жила острая тоска по городу с черными башнями и его прежним людям. Припомнились друзья, долгие прогулки по улицам с высокими стенами и по цветущим окраинам. Однако даже в блаженные времена

С'имлы мысль о причаливающих к пристани отвратительных черных галерах всегда притупляла вкус к жизни, даже отравляла счастье, которое я познал с черноглазой Литой в мансарде дома Бо-Карета, где за окном с криками носились летучие мыши.

Я выкинул из головы образ Литы-девушки и целеустремленно зашагал к Храму Древних. Если кто-то и был способен помочь мне в стремлении отомстить торговцам в тюрбанах, то это Атал, жрец Храма. Атал даже поднимался на запретный пик, Хатег-Кла, в каменной пустыне, и спустился оттуда живым и в здравом уме! Ходили слухи, что у себя в храме он хранит множество книг с невероятно могущественными заклинаниями. Его огромные знания в области темных таинств были основной причиной, почему я отправился к нему за помощью. Вряд ли можно рассчитывать сразиться с дьявольскими торговцами одними лишь физическими средствами.

Когда остались позади маленькие зеленые коттеджи, аккуратно огороженные фермы и пригородные магазинчики с навесами, когда я вошел в сам город, мне пришлось испытать такой мощный шок, что душа чуть не покинула тело.

С интересом скользя взглядом по старым ост-

роконечным крышам, по расположенным в верхних этажах магазинам, по бесчисленным дымовым трубам и узким, вымощенным булыжником улицам, я не смотрел перед собой и врезался в кого-то, вышедшего из двери магазина. Внезапно воздух наполнился нечистыми, еще живыми в памяти запахами, и волосы на затылке встали дыбом. Я быстро попятился от приземистого чужестранца в тюрбане. Слегка скошенные глаза с любопытством разглядывали меня, злая улыбка играла на губах слишком широкого рта.

Один из *Них!* Здесь, в Ултаре?

Я бессвязно пробормотал извинения, прошел мимо по-прежнему ухмыляющегося чужестранца и весь остальной путь до Храма Древних проделал бегом. Если раньше в сердце и были колебания относительно моих намерений, теперь они полностью исчезли! Не вызывало сомнений, как будут развиваться события. Сначала Дилет-Лин, теперь попытка завладеть Ултаром… что дальше? Ничего, если я смогу сказать свое слово.

Храм Древних, высокий, круглый, из заросшего плющом камня, стоял на самом высоком холме Ултара; и там, в комнате древних записей, я нашел патриарха — Аталу из Хатег-Кла, Аталу-Старейшину. Он сидел, в ниспадающем

черно-золотом одеянии, на древней деревянной скамье. Взгляд слабеющих глаз прилежно скользил по пожелтевшим страницам огромной потрепанной книги, ее металлические застежки тускло поблескивали в редких лучах солнца, проникающих сквозь единственное высокое окно.

Он поднял взгляд и вздрогнул, как бы от удивления, когда я вошел в комнату с бесчисленными книжными полками, отложил в сторону книгу и сказал:

— Жрец Храма приветствует тебя, чужестранец. Ты ведь чужестранец, не правда ли?

— Я уже бывал в Ултаре, — ответил я, — но да, здесь, в Храме Древних, я действительно чужестранец. Я пришел из мира бодрствования, Атал, в поисках твоей помощи…

— Ты… *удивил* меня. Ты не первый из мира бодрствования, кто просит моей помощи. Сначала я подумал, что уже знал тебя прежде. Как тебя звать и чем я могу служить тебе?

— Зовут меня Грант Эндербай, Атал, и помощь мне нужна не для себя. Я пришел в надежде, что ты поможешь мне избавить Дилет-Лин от… заразы, если можно так выразиться. Однако едва войдя сегодня в Ултар, я узнал, что эта язва распространяется и здесь. Разве сейчас в Ултаре нет

странных торговцев из неизвестной страны?

— Это так. Продолжай.

— Тогда ты, должно быть, знаешь, что они — те самые торговцы, которые поработили Дилет-Лин… злым, гипнотическим способом. И, видимо, они намереваются использовать ту же черную магию в Ултаре, с тем же результатом. Они торгуют рубинами, каких не добывают ни в одной известной шахте страны снов.

Он кивнул.

— Да. Но ни слова больше — я уже все понял. Как раз сейчас я ищу способ положить конец этой беде. Однако я опираюсь только на слухи и неспособен покинуть храм, чтобы проверить их. Мои обязанности здесь очень важны, и, в любом случае, кости слишком стары для далеких прогулок. Поистине, Дилет-Лин постигла злая судьба; но не стоит думать, что его жители не получали предостережения! Еще сто лет назад репутация у города была скверная, и все из-за этих самых торговцев, о которых ты упоминал. Другой ходящий по снам перед тобой видел смертный приговор города в его жадности и выступал против этих торговцев страстно и часто; но его слова быстро забывались, и люди продолжили жить как прежде. Никто не поможет человеку, который не помогает себе сам!

Однако появление этих торговцев здесь, в Ултаре, заставило меня заняться исследованиями. Я не могу допустить, чтобы та же судьба постигла наш город. И все же пока не очень ясно, что можно сделать. Ни один житель этого города не рискнет приблизиться к Дилет-Лину. Говорят, уже больше двадцати лет нога человека не касалась его улиц, и никто не знает, куда подевались все жители.

— Я знаю! — воскликнул я. — Не точно, *куда,* но, по крайней мере, *как!* Я сказал: «Их поработили». Так оно и есть. Сначала мне рассказал об этом Бо-Карет из Дилет-Лина. По его словам, когда торговцы вывезли всех толстых черных рабов из Парта в обмен на свои подлые камни, они доставили в город самый большой рубин на свете — настоящую глыбу! — и установили его на пьедестале на главной площади, как притворный дар уважения. Именно пагубное воздействие этого огромного рубина околдовало жителей Дилет-Лина до такой степени, что в конце концов они тоже стали рабами, и их уводили на черные галеры. И сейчас, по-видимому, эти торговцы… *исчерпали…* всех людей злосчастного города и начинают свою чудовищную игру здесь! Рассказ Бо-Карета оказался правдив во всех деталях — я собственными глазами…

— Огромный рубин… хм-м-м! — задумчиво прервал меня Атал, поглаживая лицо и сосредоточенно хмурясь. — Дело приобретает совсем другой оборот. Да, думаю, в Четвертой Книге… есть упоминание о нем. Посмотрим?

Я горячо закивал и по указанию Атала достал с угловой полки самый большой и тяжелый том, который мне приходилось когда-нибудь видеть. Все страницы, сделанные из неизвестного мне материала, были исписаны буквами, горящими словно светляки и заметно выделяющимися в полумраке комнаты. Уникальный язык делал недоступным для меня содержание книги, но Атал, похоже, знал их все. Он с легкостью переводил, еле слышно бормоча себе под нос, а потом внезапно смолк. Накренившись, он с трудом поднялся и захлопнул бесценный том, с огнем ужаса в старческих глазах.

— Вот! — воскликнул он. — Это оно! Огненная Муха из Яггота, вампир в худшем смысле этого слова. И мы должны сделать все, чтобы эта тварь никогда не попала в Ултар! — Он помолчал, явно собираясь с силами, и только после этого смог продолжить. — Я расскажу тебе…

Давным-давно, еще до всяких снов, в изначальном тумане предрассветного Начала Начал,

Древние принесли из далекого Яггота огромный рубин. Внутри него с помощью света и магии Древних было скрыто воплощение изначального зла, отвратительное, как сам ад. Понимаешь, Грант Эндербай, на самом деле не камень вызывает гипнотическую слабость, о которой ты говорил, но эта тварь в камне, пагубное воздействие Огненной Мухи из темного Яггота! Очень немногие знают историю огромного рубина, и, к несчастью, я один из них.

Говорят, он был обнаружен после схода лавины с высот запретного Хатег-Кла, и я верю в это, поскольку много знаю об этой горе — обнаружен и увезен Черной Принцессой, Ят-Лхи из Тирхия. И когда караван добрался до ее города с серебряными шпилями, выяснилось, что все люди Ят-Лхи, ее рабы и даже сама Черная Принцесса изменились и стали как зомби. Сейчас никто не помнит, где находился Тирхий, но многие верят, что пески пустыни покрывают даже самые высокие его шпили и что останки его жителей так и лежат в их похороненных под песками домах.

Однако сам рубин не был похоронен в Тирхии, что очень жаль, и, по слухам, в следующий раз его обнаружили в золотой галере в Южном море между Дилет-Лином и островом Ориаб. Оно

странное, это Южное море, и особенно между Дилет-Лином и Ориабом, поскольку там, на глубине многих морских саженей, лежит базальтовый город с храмом и монолитным алтарем. И моряки терпеть не могут проходить над этим подводным городом, опасаясь ужасных штормов, которые, согласно легенде, возникают внезапно, когда ни малейший ветерок не колышет паруса! Однако именно там был найден огромный рубин, на борту большой золотой галеры, и экипаж этой галеры был прекрасен, хотя это были не люди, и все они давным-давно были мертвы, но не подверглись разложению! Единственный уцелевший моряк, безумно бормочущий, позже был выловлен в море неподалеку от Ориаба. Он-то и рассказал о золотой галере, бессвязно и жалко, но о других членах экипажа ничего неизвестно. Интересно заметить, что согласно древним записям, только определенные люди — рогатые, танцующие под звуки злой волынки и грохот кроталярии в таинственном Ленге — только они не подвержены воздействию камня, даже находясь рядом с ним. И, насколько я понимаю, ты уже заметил, какие странные тюрбаны носят наши торговцы.

Однако я отвлекся. И снова рубин не разделил судьбу несчастных моряков, спасших его с

золотой галеры, и позже ему поклонялись чудовищные дхолы в долине Пната, до тех пор, пока три этих чудовища не сбежали с ним. Они перевалили через вершины Трока и спустились в подземный мир, о котором неясно намекают мифы. Говорят лишь, что подземный мир освещается только бледными кострами смерти и в его пустотах в недрах Земли безостановочно кружится изначальный туман. Кто способен предположить, как могут выглядеть его обитатели?

На этом месте отсутствующий взгляд Атала прояснился и вернулся издалека к реальности и ко мне. Он положил старческие руки мне на плечи.

— Ну, так говорят легенда и Четвертая Книга Д'Харсиса; а сейчас, по твоим словам, огромный рубин всплывает снова в известных городах Земли снов. Теперь слушай внимательно, Грант Эндербай, ибо я знаю, что нужно сделать. Но как могу я просить человека пойти на такой риск? Поскольку мой план грозит не только гибелью смертного тела, но, возможно, и вечными муками бессмертной души!

— Я поклялся себе отомстить за жителей Дилет-Лина! — воскликнул я. — Моя клятва остается

в силе, потому что, хотя Дилет-Лин потерян, в стране снов есть другие города, которые мне хотелось бы увидеть снова, но не погубленными рогатыми чудовищами, торгующими проклятыми рубинами! Атал… говорите, что нужно сделать.

И Атал рассказал мне; правда, ему и самому предстояло немало потрудиться. Я не мог помочь ему с его долей работы — задача, включающая в себя перевод на понятный мне язык отрывков из Четвертой Книги Д'Харсиса, поскольку, хотя многое во сне проще, этот текст не предназначался для прочтения человеком, все равно, видящим сон или бодрствующим, который не понимал его значимости.

Медленно, но верно время шло. Атал работал, записывая букву за буквой в создании удобопроизносимых слов, которые он извлекал из кажущегося бессмысленным текста огромной книги. Я начал узнавать некоторые слова, которые видел в якобы «запретных» книгах в мире бодрствования, и даже стал бормотать их вслух — *«Тетраграмматон Табейт Саваоф Тетиктос»*, — пока Атал не заставил меня замолчать, вскочив на ноги и вперив в меня полный ужаса взгляд.

— Уже почти ночь, и тени снаружи удлиняют-

ся, — запротестовал он и с помощью кремня зажег восковую свечу; его руки дрожали сильнее, чем это можно было объяснить преклонным возрастом. — Ты собираешься и дальше призывать ЭТО, предварительно не защитив себя? Поскольку не заблуждайся — расстояние в данном случае не имеет значения, и если бы мы захотели, то могли бы призвать Огненную Муху даже отсюда. Однако сначала ты должен наложить заклинание на Дилет-Лин, чтобы обуздать эту тварь, когда освободишь ее из рубина; поскольку, если не сделать этого, она способна поработить весь мир снов. И ты, призывающий, Произносящий Эти Слова, погибнешь одним из первых… ужасной смертью!

Я проглотил свои извинения, смолк и сел, внимательно слушая инструкции Атала и непроизвольно следя взглядом за царапающим по бумаге пером.

— Ты должен пойти в Дилет-Лин, — говорил он мне, — взяв с собой два заклинания, которые я сейчас пишу. Одно из них, которое ты будешь держать слева, воздвигнет вокруг города Барьер Наач-Тита. Чтобы заклинание сработало, ты должен обойти вокруг Дилет-Лина, вернуться к месту начала и пересечь его, все время повторяя эти слова. Это означает, конечно, что тебе

придется пересечь и залив; советую сделать это с помощью какого-нибудь судна, но учти, в ночном море есть твари, недружественные к тем, кто плывет по нему. Когда ты пересечешь место начала, стена будет построена. Потом используй второе заклинание, но произнеси его только раз; оно разобьет вдребезги огромный рубин. Второе заклинание ты должен держать справа, тогда ты не перепутаешь их: ошибка может обернуться ужасным бедствием! Я использовал чернила, которые светятся в темноте — тебе будет легко прочесть заклинания. Итак, сделав все, о чем я рассказал, ты совершишь свою месть и окажешь всем странам мира снов огромную услугу. Ни одно живое создание никогда больше не сможет проникнуть в Дилет-Лин, равно как и покинуть его, и Огненная Муха выйдет на свободу в окружении рогатых. Одно предостережение, Грант Эндербай — *не смотри на результаты своих трудов!* Это зрелище не предназначено для человеческих глаз!

IV

Я пересекал пустыню в сумерках, когда на верхушках дюн явственно вырисовывались остроконечные силуэты сухой травы, и последние

коршуны описывали круги над головой, пронзительными криками возвещая приближение ночи. И ночь действительно наступала, шагая по миру снов удлиняющимися тенями. Они помогали мне, укрывали меня, когда я привязал своего яка и направился к западной точке залива. Именно там я собирался начать; переходя от тени к тени, с заклинанием на устах, возводящим Барьер Наач-Тита, к противоположной стороне залива; потом мне предстояло придумать, как пересечь его обратно к начальной точке.

Я был рад, что луна выглядела узким полумесяцем, что пустыня не была ярко освещена, поскольку не исключено, что подходы к городу охраняли дозорные. Когда-то Дилет-Лин радовал мое сердце, но теперь внушал тревогу. Никакие обычные огни не сияли на его улицах и площадях, но, с дальнейшим приближением ночи, вспыхнули тысячи крошечных красных пятен, а в центре болезненный красный нарыв сверкал, словно огромный глаз Юпитера, за которым я в юности часто наблюдал в телескоп своего друга. Никакой нормальной жизни в пустом городе не наблюдалось, но чудовищная драгоценность на главной площади продолжала отравлять его своей мерзостью, которой не замечали необыч-

ные торговцы — как статуи героев прошлого не замечают в обычных городах.

На полпути вокруг города моих ушей коснулась музыка, если так можно назвать злобные, тревожащие душу звуки, и костры вспыхнули на далеких от центра улицах Дилет-Лина. Я с содроганием разглядел рогатые фигуры, скачущие вокруг этих ритуальных адских костров. Приземистые тела дергались и тряслись, откликаясь на резкую какофонию высушенных кроталярий и флейт. Смотреть и слушать все это было невыносимо, поэтому я зашагал быстрее, бормоча заклинание и ощущая, как воздвигается вокруг меня странная магия и начинает вибрировать энергия ночного воздуха.

Я прошел больше трех четвертей к восточной стороне залива, когда услышал далеко позади звуки, от которых волосы на затылке встали дыбом и на лбу выступил холодный пот. Это был ужасный крик моего яка, и вслед за ним раздался другой звук, который заставил меня ускорить шаг почти до бега и выскочить из дюн на усыпанное камнями побережье. То был воющий, жуткий крик тревоги!

На берегу лежало маленькое, одноместное судно — такие раньше использовали рыбаки

Дилет-Лина для охоты на осьминогов. Оно выглядело хрупким и ненадежным, но нищие не выбирают, и я прыгнул внутрь его дощатых, просмоленных бортов и обнаружил там весло. Продолжая бормотать безумные слова заклинания Атала, я начал с силой грести к черному контуру дальнего края залива, и хотя судно выглядело неуклюжим, оно быстро рассекало темную воду. Сейчас же на побережье позади меня выбежали приземистые фигуры, подпрыгивающие в ярости при виде моего бегства морем, и невольно возник вопрос — может, рогатые располагают средствами связи, с которыми более традиционные создания (например, люди!) незнакомы? Если да, то на западной оконечности побережья меня с радостью встретят другие монстры!

На полпути через залив произошло событие, заставившее меня забыть об этой проблеме. Я почувствовал, как что-то из глубины маслянистой воды рвануло мое весло, и впереди поднялась темная масса. Разглядев в бледном свете луны острые зубы, я закричал и ударил неизвестное создание веслом, а потом, когда оно ушло под воду, облегченно выдохнул и продолжал бешено работать веслом, бормоча заклинание, пока из темноты не показался западный берег. Плоский

киль лодки ударился о песок, я спрыгнул в прохладную по ночному времени воду, воображая, как очередная морская тварь вот-вот схватит меня за ноги, и в ужасе бросился на каменистый берег…

…И, едва коснувшись суши, увидел бегущие ко мне со стороны города приземистые фигуры, дюжину или около того! Однако прежде чем они домчались до меня, протягивая свои отвратительные лапы, я пронесся через то место, с которого начал обход города. Послышался оглушительный магический хлопок, заставивший меня рухнуть лицом в песок. Я снова вскочил, и что же? На расстоянии вытянутой руки, царапая невидимый Барьер Наач-Тита, бились мерзкие рогатые твари! С ненавистью в глазах, страстно желая задушить меня, они царапали воздух, но Барьер Наач-Тита не пускал их.

Не останавливаясь, я выхватил второй листок Атала и начал читать заклинание Огненной Мухи, заклинание, предназначенное вытащить эту жуть из рубина! Едва первые слова сорвались с моих губ, рогатые попятились, и ужас исказил их и без того безобразные черты…

«Тетраграмматон Табейт Саваоф Тетиктос»…

По мере того, как я произносил слова заклина-

ния, в тусклом свете тонкого полумесяца рычание мерзких созданий сменилось умоляющим хныканьем и бессвязным бормотанием, и они начали ползать у основания Барьера Наач-Тита; и когда я произнес последнее слово, наступила полная тишина.

Потом, из этой тишины, возник низкий, отдаленный рокот, быстро нарастающий до рева, до оглушительного вопля, какой могли бы издавать миллион бэнши[31]. Из сердца Дилет-Лина подул холодный ветер, мгновенно затушив дьявольские костры, и все крошечные точки красного света погасли, и раздался громкий, резкий треск — это рассыпался огромный кристалл. А вслед за тем послышались первые крики.

Я помнил предостережение Атала «не смотреть», но был не в силах отвернуться, словно прирос к месту. И по мере того, как несущиеся изнутри города звуки становились все громче, продолжал таращиться во тьму, силясь разглядеть детали того, что происходило на ночных улицах. Потом рогатых у стены разбросало в стороны, и появилось ОНО, прилетело с ветром,

---

[31] notes: 31

Бэнши — волшебные создания, опекающие старинные человеческие роды; издают душераздирающие вопли, оплакивая смерть кого-либо из членов семьи.

который сбивал с ног пытающихся сбежать монстров за невидимой стеной, словно они вообще ничего не весили; и я увидел ЭТО!

Слепое и одновременно всевидящее… без ног и все же набегающее, словно половодье… отвратительные рты в пузырящейся массе… Вот какой была Огненная Муха за стеной. Великий Боже! Зрелище этого создания могло расплавить мозг! А что оно творило с этими ныне жалкими тварями из Ленга!

Вот так оно и было.

* * *

Всего трижды я побывал в городе Дилет-Лине с его базальтовыми башнями и мириадами мигающих во тьме огней и теперь молюсь, чтобы этот третий раз стал последним. Потому что кто знает? В следующий раз я, как и прежде, могу оказаться внутри городских стен — возможно, даже внутри Барьера Наач-Тита! Ведь дорога между миром бодрствования и миром снов не знает других преград, кроме самого сна… и прямо сейчас меня охватывает дремота. Однако осмелюсь ли я уснуть? Я страшусь, что однажды ночью проснусь под бледными лучами тонкого полумесяца, в Дилет-Лине с его базальтовыми башнями, и эта

тварь из огромного рубина найдет меня, пойманного в ловушку, созданную мной же самим.

Зеркало Нитокрис[32]

Второй рассказ из цикла «Вызывающий Черного», «Зеркало», был написан в середине 1968 года, когда я все еще находился в Берлине. Август Дерлет написал мне, так отозвавшись о нем: «Очень, очень неплохо...», и мое эго взлетело до небес! (В своих комментариях он редко бывает так благожелателен.) «Зеркало» — своеобразный рассказ, в том смысле, что он единственный из моих коротких рассказов, в котором герой и рассказчик — закадычный друг Титуса Кроу, Анри-Лоран де Мариньи. Однако позже Анри, конечно, появляется снова, участвуя вместе с Кроу в его битве с «Роющими норы» и с Изакуа, Ходоком Ветра «На лунах Бореи», и даже против самого Ктулху на Элизии, месте обитания Старших Богов.

Привет, Королева!
Замурованная заживо,
Навсегда отрезанная от людей;
Похороненная под пирамидой,

---

[32] notes: 32
"The Mirror of Nitocris", from The Caller of The Black, 1971.
Жужунава Б. М., наследники, перевод на русский язык, © 2018.

Где пески скрывают ее тайну,
Вместе со своим зеркалом,
В котором она
В полночный час может видеть
Образы, вызванные из других сфер.
Наедине с ними
Погребенная, исполненная ужаса перед…
Смертью!

Джастин Джеффри

Зеркало царицы Нитокрис!

Конечно, я слышал о нем — какой оккультист не слышал о нем? — даже читал о нем в превосходном труде Джеффри «Люди Монолита», и знал, что о нем шепчутся в некоторых темных кругах, где меня терпеть не могут. Я знал, что Альхазред намекал на его могущество в запретном «Некрономиконе» и что некоторые жители пустынь чертят в воздухе охранительный языческий знак, восходящий к очень давним временам, если их слишком дотошно расспрашивают о его происхождении.

Поэтому, как такое могло случиться, что какой-то болван-аукционист встал и объявил, что вот

это и есть зеркало Нитокрис? Как у него повернулся язык?

Тем не менее зеркало входило в коллекцию Баннистера Браун-Фарли — исследователя, охотника и археолога, который, до своего недавнего исчезновения, был общепризнанным знатоком редких и загадочных *objets d'art*[33] — и выглядело оно в точности так необычно, как можно ожидать от любого предмета с сомнительной историей. Более того, не тот ли аукционист, болван или нет, всего год-два назад продал мне серебряный пистолет Барона Канта? Нет, возразите вы, откуда такая уверенность? Существовало единственное, не очень убедительное доказательство того, что этот пистолет вместе с прилагаемыми к нему патронами реально принадлежал охотнику на ведьм Барону: изящно выгравированная на рукоятке буква «К», которая могла не означать ничего!

Но, конечно, я сделал заявку и на зеркало, и на дневник Баннистера Браун-Фарли, и приобрел обе вещи.

— Продано мистеру… м-м-м… мистеру де Мариньи, верно, сэр? Думаю, точнее будет — продано

---

[33] notes: 33
Objets d'art — предметы искусства (*фран.*).

мистеру Анри-Лорану де Мариньи за…

За бешеные деньги.

Торопливо шагая к серому каменному зданию, ставшему моим домом с тех пор, как отец отослал меня из Америки, я невольно удивлялся романтическому глупцу внутри, который слишком часто толкает меня тратить деньги на побрякушки такого рода. Явно унаследованная черта, которая, наряду с любовью к темным тайнам и загадочным, древним чудесам, без сомнения, впечатана в мою личность как клеймо известного на весь мир отца, великого новоорлеанского мистика Этьен-Лорана де Мариньи.

Тем не менее если зеркало и впрямь когда-то принадлежало этой ужасной правительнице… Ну, оно станет замечательным добавлением к моей коллекции. Я повесил его между книжными полками, в компании с Джеффри, По, д'Эрлеттом и Принном. Поскольку, конечно, легенды и мифы о нем, которые я читал и слышал, это всего лишь легенды и мифы, ничего больше. Боже упаси!

А ведь следовало бы быть осмотрительнее — учитывая мои всевозрастающие познания о странных таинствах ночи.

Дома я долго сидел, просто восхищаясь зеркалом, разглядывая его блестящую бронзовую раму

с прекрасными, рельефными змеями и демонами, вампирами и афритами — прямо картинка из «Арабских ночей». И поверхность зеркала выглядела совершенной даже в лучах вечернего солнца и, отражая их, заливала комнату феерическим светом.

Зеркало Нитокрис!

Нитокрис. Такая женщина действительно существовала, или чудовище, как кому нравится. Царица VI династии, которая с трона в Гизехе правила трепещущими от страха подданными железной рукой и однажды пригласила всех своих врагов на празднество в подземный храм, а потом затопила их водой Нила, приказав открыть затворы шлюзов. Зеркало позволяло ей заглядывать в преисподнюю, где чванные шогготы и создания Темных Сфер пьют и развлекаются, предаваясь безудержному вожделению и разврату.

Только допустите на мгновение, что это правда — что мерзкое зеркало положили в гробницу, а потом живьем замуровали там Нитокрис! Как оно могло попасть к Браун-Фарли?

Между тем было уже девять, и свет за окном заметно угас, и зеркало превратилось лишь в тусклое золотистое мерцание на другом конце комнаты. Я включил лампу, решив почитать

дневник Браун-Фарли. И тут же, стоило взять в руки маленькую плоскую книжечку, она, похоже, автоматически открылась на часто используемой странице, и я углубился в историю, которая начала разворачиваться передо мной. Казалось, автор — человек скуповатый, поскольку страницы были слишком густо исписаны неразборчивым почерком, от края до края и сверху донизу, и между строчками вряд ли было больше осьмушки дюйма. А может, он просто торопился, когда писал, и не хотел тратить время на переворачивание страниц?

Самое первое слово приковало мое внимание — *Нитокрис!*

В дневнике рассказывалось, как Браун-Фарли услышал, что какой-то старый араб продает на рынках Каира знаменитые антикварные предметы. Этого человека схватили и посадили в тюрьму за отказ объяснить властям, откуда у него эти сокровища. Однако каждую ночь он призывал на головы своих тюремщиков такие жуткие кары, что в конце концов, просто из страха, его выпустили. И он благословил их от имени Нитокрис! Однако Абу Бен Рейс не был выходцем из клана, где клянутся ее именем или проклинают во имя нее! Он был не из Гизеха, даже не из Каира. Его

племя кочевало далеко на востоке, за пределами великой пустыни. Откуда, в таком случае, ему стало известно имя Нитокрис, или он где-то прочел о нем? Поскольку, благодаря странному капризу судьбы и происхождению, Абу Бен Рейс обладал редким качеством — знал многие другие языки, не только свой собственный.

Около тридцати пяти лет назад необъяснимым образом попавшие в руки Мухаммеда Хамада предметы навели археологов масштаба Герберта Е. Винлока на мысль о возможном обнаружении гробницы жен Тутмоса III. Точно так же и теперь идея того, что Абу Бен Рейс может обладать знаниями о древних захоронениях и, в особенности, о гробнице царицы древнего ужаса, заставил Браун-Фарли отправиться в Каир искать свою удачу.

По-видимому, он не поехал туда неподготовленным: в дневнике было множество отрывков легенд, имеющих отношение к древней царице. Браун-Фарли точно скопировал целые куски из «Заметок о Нитокрис» Вордли и, в особенности, параграф о ее «магическом зеркале»:

«…было оставлено их жрецам отвратительными подземными богами еще до того, как возникли самые ранние цивилизации Нила — зеркало, служившее «вратами» к неизвестным сферам и

дьявольски ужасным мирам. Ему поклонялись доимерские нуахиты в Пратлии на заре воцарения человека на Земле, а со временем нефрен-ка в черном склепе на берегах Шибелии. Его сравнивают со Сверкающим Трапезохедроном, и кто может сказать, что отражается в его глубинах? Возможно, даже Скиталец Тьмы богохульствовал перед ним! Оно было украдено и спрятано в лабиринтах Киза, где царствуют летучие мыши. Несколько столетий никто его не видел, а потом оно попало в грязные лапы Нитокрис. Враги заточили ее в тюрьму, в компании одного этого зеркала, полностью отдающую себе отчет в том, что к завтрашнему утру камера смертника будет пуста, если не считать зловещего, блестящего зеркала на стене. Она много раз намекала, кто именно в полночь выглядывает из этих оправленных в бронзу «врат». Однако даже сама Нитокрис должна была опасаться запертых в зеркале чудовищ, и у нее хватало ума в полночный час разве что мимолетно заглядывать в него…»

В полночный час! Почему бы и нет? Было уже десять. Обычно в это время я уже готовился лечь спать, однако сейчас сидел здесь, так увлекшись дневником, что тут же выкинул из головы всякую мысль о сне. Наверно, было бы лучше, поступи

я иначе…

Я читал. Браун-Фарли, в конце концов, нашел Абу Бен Рейса и накачивал его алкоголем и опиумом до тех пор, пока не добился того, чего не сумели сделать власти. Старый араб выдал ему свою тайну, хотя дневник намекал, что это оказалось нелегко. И на следующее утро Браун-Фарли на верблюде по заброшенной дороге отправился в раскинувшуюся за пирамидами пустыню, где находилось *первое* захоронение Нитокрис.

Однако в описании всех этих событий были огромные пробелы — целые страницы оказались вырваны или густо замазаны, как будто писавший посчитал, что текст слишком многое открывает, и еще встречались беспорядочные, бессвязные упоминания о каких-то таинственных смертях в районе захоронения. Если бы я не знал этого исследователя как фанатичного собирателя (его потрясающая коллекция отличалась невероятным разнообразием) и не понимал, что он рабски трудился, одержимый поисками второй усыпальницы Нитокрис, и ради этого вел раскопки в жутких, странных местах, я счел бы, что он не в своем уме, судя по последним страницам дневника. Но, даже зная о нем все это, я отчасти воспринимал его как безумца.

Очевидно, он нашел место последнего упокоения Нитокрис — рассыпанные по дневнику намеки на это были слишком прозрачны, — но, похоже, там не оказалось ничего особо ценного. Абу Бен Рейс давным-давно выгреб все, кроме пресловутого зеркала, и именно после того, как Браун-Фарли забрал его из населенной призраками гробницы, у него начались первые реальные неприятности. Хотя он о многом умалчивал или выражался крайне туманно, складывалось впечатление, что у него развилась болезненная одержимость зеркалом, и поэтому к ночи он постоянно его занавешивал.

Прежде чем продолжить чтение, мне захотелось снять с полки «Заметки о Некрономиконе» Фири. В глубине сознания что-то беспокоило меня, какое-то воспоминание, что-то, что я должен был знать, что-то, о чем писал Альхазред. Доставая с полки книгу, я оказался лицом к лицу с зеркалом. Свет в кабинете был яркий, ночь довольно теплая, с той гнетущей тяжестью в воздухе, которая обычно возникает перед сильной грозой, и все же я вздрогнул, увидев отражение своего лица в зеркале. На мгновение показалось, что оно злобно смотрит на меня.

Я подавил вспыхнувшее чувство страха и начал

искать в книге раздел, посвященный зеркалу. Где-то в ночи часы отбили одиннадцать, и далекая молния осветила небо на западе. Час до полуночи.

Однако мой кабинет у кого угодно способен вызвать весьма странные ощущения. Взять хотя бы жуткие книги на полках с древними корешками из кожи и слоновой кости, тускло отсвечивающими в свете лампы; и эта *штука,* которую я использую в качестве папье-маше и которой нет аналога ни в одной нормальной, упорядоченной вселенной; а теперь еще зеркало и дневник. У меня возникло ощущение тревоги, которого я никогда не испытывал прежде. И это шокировало — осознавать, что я… обеспокоен.

Я просматривал зачастую фантастическую реконструкцию Фири «Некрономикона» в поисках нужного отрывка. Существовала вероятность, что Фири совсем не изменил эту часть, за исключением, возможно, модернизации «безумной» фразеологии древнего арабского мира. Вот оно. Определенно, отрывок читался как подлинный Альхазред. И там обнаружился повторный намек на происходящее в полночь:

«…поверхность зеркала спокойна, как

Хрустальное Озеро Ит-Шеша, как Озеро Хали, когда ни один Пловец не вспенивает его воду, и Врата заперты в любое время дня; тем не менее, в Час Колдовства[34] Тот, Кто Знает – даже Тот, Кто Догадывается – может видеть в нем все тени и призраки ночи и ада, имеющие сходство с теми, кто смотрел в него прежде. И сколько бы зеркало ни пролежало забытым, его могущество не умирает, и об этом не следует забывать.

Не смертен тот, кто может бесконечно спать;

Сама смерть в вечности способна умирать...»

Я надолго задумался над этим странным отрывком, и еще более странно выглядело завершающее его двустишие. Минута убегала за минутой в торжественной тишине, что со мной случалось нечасто.

Из задумчивости меня вывел далекий перезвон часов, отбивающих полчаса. Я продолжил чтение дневника Браун-Фарли, намеренно отво-

---

[34] notes: 34
Час Колдовства — полночь.

рачиваясь от зеркала, и, откинувшись в кресле, задумчиво скользил взглядом по страницам. Впрочем, прочесть осталось всего одну-две страницы, и вот отрывок, как он мне более-менее запомнился:

«10-е. Ночные кошмары по дороге в Лондон, на всем пути от Александрии до Ливерпуля. Христос знает, как меня утомляет эта напасть. Ни единой ночи сна. Похоже, так называемая «легенда» не столь фантастична, как казалось. Либо это, либо нервы разыгрались! Или, может, просто голос неспокойной совести. Если бы этот старый глупец Абу не держал рот на замке, если бы удовлетворился опиумом и бренди вместо того, чтобы требовать денег… И все ради чего, спрашиваю я? Как выяснилось, не было никакой нужды во всех этих грубых приемах. А его жалкая болтовня о том, что он «всего лишь хочет защитить меня»? Вздор! Старый попрошайка давным-давно обчистил могилу, если не считать зеркала… Проклятое зеркало! Нужно взять себя в руки. В каком же состоянии должны быть нервы, если мне приходится занавешивать его на ночь? Может, я слишком начитался «Некрономикона»? Я не первый дурак, попавшийся на фокус-покус этой окаянной книги. Альхазред, по-моему, такой

же сумасшедший, как сама Нитокрис. Тем не менее, я допускаю, что это всего лишь игра воображения; некоторые наркотики, к примеру, могут оказывать такой же эффект. Может, в зеркале скрыт какой-то механизм, который через равные промежутки времени выпускает в воздух ядовитый порошок или что-нибудь в этом роде? Но какой механизм способен продолжать работать так безупречно спустя все эти столетия? И почему всегда в полночь? Чертовски странно! И эти *сны!* Есть, конечно, лишь один способ уладить эту проблему. Потерплю еще несколько дней, и если дела не пойдут лучше… Ну подождем и увидим.

13-е. Так тому и быть. Сегодня ночью мы выясним все начистоту. В смысле, на кой черт нужен психиатр, утверждающий, что я здоров, если я точно знаю, что болен? Во всем виноватo зеркало! «Взгляните в лицо своим проблемам, — заявил этот идиот, — и они исчезнут сами собой». Что я и сделаю сегодня ночью.

13-е, ночь. Вот, я сел. Уже одиннадцать. Дождусь, пока пробьет полночь, сдерну с зеркала покрывало, и посмотрим, что увидим. Господи! Неужели этот подергивающийся человек и есть я? Кто поверит, что всего несколько месяцев назад я был спокоен как скала? И все из-за прокля-

того зеркала! Нужно просто закурить и выпить. Может, станет лучше. Еще двадцать минут… хорошо… скоро все закончится… может, сегодня ночью! И, в виде исключения, я хоть немного посплю. Внезапно становится так тихо, будто весь дом *ждет*, что произойдет. Жуть! Я чертовски рад, что отослал Джонсона домой. Ни к чему ему видеть, как я сейчас выгляжу. До какого ужасного состояния я себя довел! Я испытываю искушение прямо сейчас сдернуть покрывало с зеркала! Вот оно… полночь! Ну, снимаем!»

И это было все!

Я снова перечитал эти строчки, медленно, пытаясь понять, что в них так насторожило меня. Какое совпадение, подумал я, заканчивая чтение, поскольку именно в этот момент послышался далекий бой часов, приглушенный городским туманом.

Сейчас я благодарю Бога за то, что бой курантов коснулся моих ушей. Уверен, это могло быть только актом Провидения, что, услышав его, я оглянулся. Спокойное зеркало — спокойное, как Хрустальное Озеро Ит-Шеша в часы дня — *больше не было спокойно!*

Покрытая пузырями, нечестивая тварь из дьявольских, безумных ночных кошмаров про-

тискивала свою дряблую плоть сквозь раму зеркала в мою комнату, *и у нее было лицо, какого никак не могло быть!*

Не помню, как выдвинул ящик письменного стола и схватил то, что там лежало, хотя, по-видимому, сделал это. Помню лишь оглушительные выстрелы револьвера в моей руке и перекрывающий этот грохот вой разлетающихся осколков стекла. Не иначе как выкованная дьяволом бронзовая рама выгнулась и сорвалась со стены.

И еще помню, как подобрал с бухарского ковра странно *изогнутые* серебряные пули, а потом, видимо, потерял сознание.

* * *

На следующее утро я сбросил осколки зеркала в воду с парома через Темзу, расплавил раму, превратив ее в твердый шар, и зарыл поглубже в своем саду. Сжег дневник, а пепел развеял по ветру. В заключение встретился со своим доктором и получил от него рецепт снотворного. Я знал, что оно мне понадобится.

Я сказал, что у этой твари было лицо.

И действительно, в верхней части блестящей, пузырящейся массы этого обитателя ада было лицо, состоящее из двух половин, которые не

согласовывались между собой! Одна из них — фантастически жестокое лицо древней египетской царицы, а вторая была легко узнаваема по фотографиям, которые я видел в газетах: искаженное болью и безумием лицо недавно исчезнувшего исследователя!

Второе желание[35]

Я написал этот рассказ в 1976 году, а вышел он в издательстве «Аркхэм Хаус» в 1980-м, в сборнике «Новые мифы Ктулху» под редакцией Рамси Кэмпбелла. Он написан как дань уважения не только Лавкрафту (вы найдете в нем некоторые аллюзии на его произведения), но и Роберту Е. Говарду, автору знаменитого «Конана». «Второе желание» — вполне зрелый мифологический рассказ со всеми атрибутами Мифов. Но это также один из лично моих любимых рассказов. Недавно он был переиздан в твердой обложке, в сборнике «Под торфяниками и в еще более мрачных местах», издательство «TOR Books», 2002 г.

Вид открывался ужасно унылый: на востоке мрачные, черно-серые горы, зазубренный задник для долины, заросшей редким кустарником и кривыми деревьями. В одном углу долины, в предгорьях, разбросаны крытые дранкой дома, среди которых редко-редко мелькают черепич-

---

[35] notes: 35

"The Second Wish", from New Tales of the Cthulhu Mythos, Arkham House, 1980.

Жужунава Б. М., наследники, перевод на русский язык, © 2018.

ные крыши. Дома, окруженные, в стиле Старой Европы, прочной каменной стеной.

Примерно в миле от деревни, если эту кучку обветшалых домов можно назвать деревней, прислонившись к низкому, полуразрушенному забору, ограждавшему изрезанную колеями дорогу от крутого, каменистого склона, двое туристов рассматривали унылое зрелище со странным, давящим чувством стеснения. Позади взятый напрокат автомобиль — черная русская модель, такая же мрачная, как все вокруг, излучающая дружелюбие погребального катафалка — стоял, терпеливо поджидая их.

Гарри был относительно молодой человек, среднего сложения, темноволосый, с приятной, хотя и неброской внешностью, в меру умный и беспредельно ленивый. Годы юности он провел, старательно избегая всякого рода усилий — поведение, которое могло бы не довести до добра, не свались на него очень своевременно значительное наследство. Но даже так, десять лет легкомысленной, неумеренной жизни быстро привели к тому, что он оказался без гроша, не получив серьезного образования и являясь, фактически, высокородным повесой. Он, однако, никогда не опускался до уровня жиголо, и его

хорошо обдуманный интерес к женщинам содержал в себе нечто большее, чем просто похоть.

Сам он считал эти десять лет очень удачными и отнюдь не потраченными зря. Расточительный образ жизни позволил ему наладить тесные взаимоотношения со «сливками общества». Однако все окружающее его богатство и блеск не мешали осознавать, что источник благосостояния неуклонно иссякает. В итоге, к концу этого срока он поставил перед собой задачу обеспечить, чтобы его неустойчивое положение в обществе не пострадало после того, как деньги будут беззаботно растрачены; отсюда и заигрывания с женщинами. В этом он оказался не так искусен, как мог бы — поле действий сужалось соразмерно активам, пока, наконец, он не остался с одной Джулией.

Она была вдовой чуть за сорок, по-прежнему прекрасно выглядевшей, хотя и слишком злоупотреблявшей макияжем, весьма и весьма расчетливой и очень хорошо обеспеченной. Она не любила своего ныне покойного супруга — на самом деле, она никогда никого не любила, — но временами он бывал очень забавен и всегда необыкновенно внимателен. Возможно, прежде всего, Гарри интересовали ее деньги, однако это

мало ее волновало. Множество молодых холостяков гонялись за ее деньгами, и она понимала это. По крайней мере, с Гарри было нескучно, и она считала, что на свой лад он искренне привязан к ней.

И он ни разу не дал ей повода считать иначе. Ей осталось всего двадцать хороших лет, понимала она; молодости ни за какие деньги не купишь. Гарри позаботится о ней в ее последние годы, а она закроет глаза на мелкие неблагоразумные поступки, которые он, несомненно, будет совершать, при условии, что не станет чересчур неблагоразумен. Он просил ее выйти за него замуж, и она собиралась принять его предложение сразу по возвращении в Лондон. Если у него и были недостатки, все компенсировала постель. Он был чрезвычайно силен как мужчина, а она раньше редко испытывала такое удовлетворение.

Сейчас они вместе путешествовали по Венгрии, «подальше от всего этого».

— Ну, здесь достаточно далеко для тебя? — спросил он, обняв ее за талию.

— М-м-м… Восхитительно пусто, разве нет?

— Это точно. Несколько дней мира и покоя — это ты хорошо придумала, Джулия, приехать сюда. Мы почувствуем себя более живыми, когда

доберемся до Будапешта.

— Тебе что, так не терпится вернуться в большой город? — спросила она, с ноткой раздражения в голосе.

— Вовсе нет, дорогая. Да хоть в Сибирь — пока мы вместе! Однако девушка твоего происхождения и стиля жизни вряд ли…

— Ох, перестань, Гарри! Ты ждешь не дождешься, когда мы приедем в Будапешт, так ведь?

Он пожал плечами, покорно улыбнулся и подумал: «Ах ты, приставучая старая сука!» А вслух сказал:

— Ты читаешь меня как открытую книгу, дорогая, но Будапешт просто чуть ближе к Лондону, а Лондон гораздо ближе к нашей свадьбе, и…

— Но я и так с тобой, — недовольно перебила его она. — Какое значение имеет свадьба?

— Дело в твоих друзьях, Джулия, — со вздохом ответил он и повел ее к машине. — Ты ведь понимаешь это? Они воспринимают меня как кукушонка в гнезде, который растолкал их всех и лишил твоего расположения. Это и еще, конечно, деньги.

Он открыл перед ней дверцу машины.

— Деньги? — Она устремила на него внимательный взгляд. — Какие деньги?

— Деньги, которых у меня нет! — Он с сожалением улыбнулся, расслабившись теперь, когда можно было оправданно говорить если не всю правду, то хотя бы то, что занимало его. — В смысле, они ведь уверены, что я гонюсь за твоими деньгами, точно какой-нибудь мерзкий жиголо. Не очень-то лестно для нас обоих, верно? Мне ненавистна мысль, что они могут убедить в этом и тебя. Однако когда мы поженимся, мне будет плевать, что они говорят и думают. Им просто придется принять меня, вот и все.

Успокоенная его объяснением, которое она восприняла как полнейшую наивность, Джулия улыбнулась и подняла воротник пальто. Потом улыбка сбежала с ее лица, и хотя холодно не было, она вздрогнула. Гарри включил двигатель.

— Замерзла, дорогая? — спросил он, старательно придав голосу заботливое звучание.

— М-м-м… есть немного. — Она прижалась к нему. — И голова болит, с тех самых пор, как мы ходили в… Ох, как называется это место? Где мы поднимались на осыпь, чтобы взглянуть на тот странный монолит?

— Стрегойкавар, — ответил он. — «Город ведьм». А эта штука в форме столба называется Черный Камень. Занятный обломок, правда?

Торчит из земли, словно огромный черный клык! Однако в Венгрии полно всякого такого: мифы, легенды, странные реликты забытых времен. Может, нам не следовало подниматься туда. Деревенские жители избегают его…

— Ага, мумбо-юмбо. Нет, я склонна возлагать ответственность на *этот* вид. Чертовски унылый, правда?

— Бог мой! — примирительно сказал он. — Женские капризы, вот что это такое!

Она теснее прижалась к нему и рассмеялась.

— Ну, именно это делает нас такими загадочными, Гарри. Наше непостоянство. Но если серьезно, ты, наверно, в чем-то прав. Возможно, в это время года поздновато путешествовать по Венгрии, да еще по сельской местности. Проведем ночь в гостинице, как собирались, а пораньше утром уедем в Будапешт. Дорога займет час-два, не больше. Неделю проведем в гостинице, где о нас будут заботиться по-королевски, и потом в Лондон. Ну, как тебе это?

— Замечательно! — оторвав одну руку от руля, он обнял ее. — И в конце октября поженимся.

* * *

Гостиницу в Золихазе за ее удобства и настоящую венгерскую кухню им порекомендовал хозяин гостиницы в Кечкемете. Гарри подозревал, что оба хозяина родственники, в особенности, когда впервые увидел Золихазу. Это произошло прошлым вечером.

Вряд ли можно сказать, что бизнес в крошечной деревушке процветал. Даже в разгар сезона, который закончился вместе с летом, Золихаза, находящаяся в стороне от дорог, была обойдена вниманием обычных туристов. Однако тогда было слишком поздно передумывать, поэтому они зарегистрировались в единственной гостинице, самом большом здании деревни, древнем каменном сооружении, построенном, по крайней мере, пятьсот с лишним лет назад.

А потом сюрприз. Хозяин, господин Дебрек, почти в совершенстве владел английским, их номер оказался светлым, просторным, с большими окнами и балконом (Джулия была в восторге от отсутствия телевизора и неизбежной «культурной» программы); и потом, когда они спустились к позднему ужину, еда оказалась восхитительной!

Гарри в первый же вечер хотел расспросить кое о чем господина Дебрека, но все вылетело из головы под воздействием приятной атмосферы в маленькой трапезной — свечи, дружелюбное звяканье бокалов со стороны бара, тепло старого кирпичного камина, не говоря уж о самой еде и подогретом местном красном вине. Сейчас, паркуя машину в крошечном дворе, он вспомнил об этом своем интересе. Джулия, с ее головной болью и разговорами о пользующемся дурной славой Стрегойкаваре и Черном Камне, навела его на эту мысль.

Имелась в виду церковь — по крайней мере, Гарри предполагал, что это церковь, хотя с тем же успехом это мог быть замок или древняя сторожевая башня, стоящая на другой стороне холма позади мрачного осеннего леса. Он заметил ее силуэт на фоне холма, когда они подъезжали к Золихазе со стороны Кечкемета. Особо разглядеть он ничего не успел — дорога свернула, и автомобиль начал подниматься по склону холма, но, тем не менее, испытал ощущение… ну, чего-то вроде déjà vu… или, возможно, дурного предчувствия. Зрелище мрачных руин неясно маячило перед его внутренним взором, однако превосходная трапеза и роскошная постель, в которой было так

приятно оказаться после долгих часов езды по плохим проселочным дорогам, стерли неприятное впечатление.

* * *

Во время ланча, когда господин Дебрек подошел, чтобы пополнить их бокалы, Гарри заговорил о старой разрушенной церкви, о том, что хочет съездить туда и рассмотреть ее поближе.

— Ах, это, мой господин? Нет, я бы не советовал.

— Почему? — Джулия подняла на него взгляд. — Это опасно?

— Опасно?

— Она в плохом состоянии… вот-вот обрушится… что-то в этом роде?

— Нет, нет, насколько мне известно, но…

Он с извиняющимся видом пожал плечами.

— Продолжайте, — подбодрил его Гарри.

Невысокое, толстое тело Дебрека неуверенно заколыхалось. Он пригладил преждевременно поседевшие волосы и постарался улыбнуться.

— Здание очень… старое. Гораздо старше моей гостиницы. Оно видело скверные времена, и, возможно, что-то из тех времен… как это сказать?.. да, «прилипло» к нему.

Джулия внезапно хлопнула в ладоши, заставив Гарри вздрогнуть.

— Там обитают привидения?

— Нет, не это… но, с другой стороны…

Венгр покачал головой, теребя лацканы пиджака. Без сомнения, предмет обсуждения вызывал у него сильную неловкость.

— Объяснитесь, господин Дебрек, — заявил Гарри. — Пока вы нас только заинтриговали.

— Там есть… жилец, — в конце концов ответил хозяин. — Старик… святой человек, как говорят некоторые, хотя я в это не верю… Он присматривает за… имуществом.

— Смотритель, вы имеете в виду? — спросила Джулия.

— Смотритель, мадам, да. Он называет себя «монахом», последним из своей секты, но у меня есть кое-какие сомнения.

— Сомнения? — с оттенком раздражения переспросил Гарри. — По поводу чего?

— Господин, я не могу объяснить. — Дебрек вскинул руки. — Однако по-прежнему не советую ездить туда. Это скверное место.

— Подождите мину… — начал Гарри, но Дебрек перебил его:

— Если вы все же поедете, то, по крайней мере,

предостерегаю вас: не прикасайтесь… ни к чему. Извините, я должен вернуться к своим обязанностям.

Он поспешно отошел.

Оставшись одни, они уставились друг на друга. Потом Гарри выгнул дугой бровь и сказал:

— Ну?

— Ну, по-моему, сегодня днем у нас никаких других планов нет? — спросила Джулия.

— Нет, но… ну, не знаю. — Он нахмурился. — Я отчасти склоняюсь к тому, чтобы внять его предупреждениям.

— Но почему, Гарри? Только не говори, что ты суеверен.

— Нет, вовсе нет. Просто… ну, у меня предчувствие, вот и все.

Она изумленно посмотрела на него.

— Ну, Гарри, я не в силах понять, кто из вас пытается надуть меня, ты или Дебрек! — Она поджала губы и решительно кивнула. — Значит, так. Мы поедем и посмотрим эти руины, и плевать на все бабушкины сказки!

Внезапно он рассмеялся.

— Знаешь, Джулия, в твоих словах, возможно, есть доля правды — о том, что нас надувают. Знаешь, что пришло мне в голову? Что этот старый

монах, о котором говорил Дебрек, его дядя или еще какой-нибудь родственник! И все его намеки на жуткие истории могут быть просто мошенничеством, ловушкой для туристов. И мы с тобой угодили в нее! Спорю, это будет стоить нам пяти фунтов — просто попасть внутрь церкви!

И тут расхохотались оба.

* * *

Когда они отъезжали от гостиницы, небо затянули тучи и начался дождь. К тому времени, когда они свернули на ведущую к церкви проселочную дорогу, с земли поднимался густой, колышущийся туман.

— Зловеще выглядит, правда? — спросил Гарри; Джулия снова вздрогнула и прильнула к нему. Он улыбнулся ей. — Что, уже сожалеешь, что мы поехали?

— Нет, но ехать сквозь этот туман… как-то жутко. Все равно что плыть по молоку! Смотри, вон они, наши руины.

Лес расступился, впереди поднимались высокие стены, кое-где разломанные, обрушившиеся грудами заросшей мхом каменной кладки. Внутри этих стен, занимая примерно половину акра, возвышалось мрачное готическое здание,

похожее на надгробную плиту какого-нибудь первобытного гиганта. Гарри въехал в открытые железные, давным-давно проржавевшие ворота и остановил машину перед большой деревянной дверью в этой части здания, где еще сохранилась освинцованная крыша.

Они оставили машину на сглаженном за долгие столетия булыжнике двора. Здесь вялые усики тумана доходили им до лодыжек. Над далекими горами солнце отважно силилось прорваться сквозь быстро бегущие по небу облака.

Поднявшись по высоким каменным ступеням, Гарри с неуверенным видом остановился у двери. Подойдя к нему, Джулия спросила с дрожью в голосе:

— Все еще думаешь, что это ловушка для туристов?

— А? Нет, похоже, нет. Но я все равно заинтересован. Есть что-то в этом месте… чувство почти такое, как будто…

— Как будто ты уже бывал здесь?

— Да, точно! Ты чувствуешь то же самое?

— Нет, — с нотками упрямства в голосе ответила она. — По-моему, все это ужасно скучно. И головная боль возвращается.

Они помолчали, глядя на высокую дверь.

— Ну, волков бояться, в лес не ходить, — сказал, наконец, Гарри.

Он поднял массивный железный дверной молоток в форме верхней половины собачьей морды и тяжело опустил его на усмехающиеся металлические зубы нижней челюсти. В тишине лязг прозвучал очень громко.

— Дверь со скрипом открывается, — нараспев произнесла Джулия, — появляется Бела Лугоши в черном плаще с высоким воротником. И говорит замогильным голосом: «Добрый вечер…» Несмотря на то что в его облике нет ничего угрожающего, половина человечества с трепетом смотрит на его рот.

Удивляясь тому, что в своем возрасте она может вести себя так по-детски глупо, Гарри испытывал сильнейшее желание велеть ей заткнуться.

Вместо этого он выдавил улыбку, подумав, что это всегда было одним из ее недостатков — остроумничать в самый неподходящий момент. Возможно, она почувствовала его мимолетное раздражение, поскольку нахмурилась и резко отодвинулась. Он открыл рот, собираясь объясниться, но вместо этого вздрогнул, когда абсолютно беззвучно огромная дверь открылась внутрь.

Казалось, она втянула их в помещение, как вакуум или всасывающий эффект несущегося мимо станции экспресса. Шагнув вперед, они увидели в сумраке фигуру сморщенного старца с горящими глазами, выделяющуюся на неясном фоне пахнущей плесенью тьмы и высокого потолка.

Первое, на что они, прежде всего, обратили внимание, когда зрение привыкло к полумраку, был ужасно неопрятный вид старика. Грязь, казалось, въелась в него! Из-под длинного черного пальто с обтрепанными рукавами, застегнутого до самой шеи, торчали концы рваного серого шарфа. Тонкие, чумазые запястья высовывались из рукавов, сквозь грязную кожу просвечивали голубые вены. Редкие пучки желтоватых волос, усыпанных перхотью, а может, и чем-нибудь похуже, облепили бледное, выпуклое темя. Ростом он был не выше шестидесяти двух дюймов, однако горящие глаза, следившие за каждым их движением, и крючковатый нос, похожий на клюв хищной птицы, придавали старику не соответствующую его хрупкому сложению мощь и компенсировали невысокий рост.

— Я… То есть мы… — начал Гарри.

— Ах! Англичане! Вы англичане, да? Или, может, американцы?

Гортанный, клокочущий голос с сильным акцентом по звучанию походил на бульканье подземного ручья. Джулия подумала, что, наверно, горло у него забито мокротой, и вцепилась в руку Гарри.

— Туристы, да? — продолжал старик. — Пришли посмотреть книги старого Морзена? Или, может, сами не знаете, зачем пришли?

Он резко хлопнул в ладоши, откинул назад голову и издал короткий, кашляющий смешок.

— Ну, мы… То есть… — снова запинаясь, заговорил Гарри, чувствуя себя ужасно глупо и действительно задаваясь вопросом, *зачем* они пришли.

— Пожалуйста, входите, — пригласил старик, отступая в сторону. — Здесь есть книги, конечно, есть. Все раньше или позже приходят взглянуть на книги Морзена. И, конечно, с башни открывается прекрасный вид. А еще катакомбы…

Гарри, наконец, обрел голос.

— Мы увидели с дороги старое здание и…

— Живописно, да. Руины среди деревьев… Но здесь есть кое-что еще. Стоит взглянуть.

— На самом деле, — заговорила Джулия, борясь с внезапно нахлынувшей тошнотой, вызванной мерзким обликом хозяина, — у нас не так уж

много времени.

Старик, сверкая желтыми глазами, подхватил их под локти.

— Времени? Нет времени? — На мгновение его хлюпающий голос зазвучал громче. — Что да, то да! Время кончается для всех нас.

Взявшийся неизвестно откуда сквозняк захлопнул большую дверь. Стало еще темнее, и Джулия сильнее сжала руку Гарри, однако сморщенный смотритель повернулся к ним спиной и заявил, почти безапелляционно:

— Следуйте за мной.

И что еще им оставалось?

Молча идя за ним, словно морские птицы, летящие сквозь ночь за океанским лайнером, они вошли в широкий коридор со сводчатым потолком и в конце концов добрались до запертой на висячий замок комнаты. Морзен отпер дверь, повернулся, поклонился и пригласил их войти.

— Моя библиотека, — заявил он. — Мои прекрасные книги.

Когда дверь открылась, в коридор хлынул свет, пылинки плясали в солнечных лучах. В большой комнате — пустой, если не считать одинокого кресла, стола и бесчисленных рядов полок на стенах, с тяжелыми книгами на них — имелось

огромное окно, состоящее из множества крошечных стекол. Солнце, висящее над далекими горами, наконец, одержало победу над тучами; бледные осенние лучи сумели пробиться и сквозь слои глубоко въевшейся грязи на стеклышках.

— Пыль! — воскликнул старик. — Пыль десятилетий… пыль разложения! Не могу с ней справиться. — Он посмотрел на своих гостей. — Видите ли, вы должны расписаться.

— Расписаться? — переспросил Гарри. — А, понимаю. В книге посетителей.

— Вот именно, поскольку как иначе я запомню всех, кто побывал здесь? Вот, взгляните на эти имена…

Старик взял со стола книгу в кожаном переплете, не очень толстую, и начал листать пергаментные страницы с подписями и датами на каждой. За последние десять лет здесь побывало не так уж много народу. Гарри вернулся к странице с подписью первого посетителя. За столетия чернила успели выцвести, и он с трудом разобрал украшенную завитушками подпись. Дата, сделанная другой рукой, читалась ясно: «Весна, 1611».

— Действительно, древняя книга, — заметил Гарри, — хотя в последнее время посетители

бывали тут нечасто…

По правде говоря, он не видел смысла ставить свою подпись, хотя и не стал высказываться по этому поводу.

— Тем не менее распишитесь, — прохрипел старик, как будто прочтя его мысли. — Да, вы должны расписаться, и мадам тоже.

Гарри нехотя взял ручку, и под пристальным взглядом Морзена они поставили свои подписи.

— Ах, славно, славно! — возликовал он, потирая руки. — Еще два посетителя, еще два имени! Это доставляет старику удовольствие, иногда вспоминать своих посетителей… А иногда это печалит его.

Джулия против воли заинтересовалась.

— Почему печалит?

— Конечно, потому, что я знаю — многих из тех, кто побывал здесь, больше нет! — ответил он, сверкая желтыми глазами. — Однако взгляните сюда, взгляните сюда! — Он ткнул грязным пальцем с острым ногтем в чью-то подпись. — Вот это: «Джастин Джеффри, 12 июня, 1926». Молодой американский поэт, очень многообещающий. Увы, он слишком долго смотрел на Черный Камень!

Гарри нахмурился.

— На Черный Камень? Но…

— И вот, двумя годами раньше: «Чарльз Декстер Уорд» — еще один американец, который приходил взглянуть на мои книги. И вот, на этот раз англичанин, ваш соотечественник: «Джон Кингсли Браун». — Он принялся листать страницы грязными пальцами. — И другой, уже совсем недавно. Смотрите: «Гамильтон Тарпи, ноябрь, 1959». Ах, я хорошо помню мистера Тарпи! У нас с ним была очень интересная дискуссия, в этой самой комнате. Он хотел стать священником, но… — Старик вздохнул. — Жажда знаний — это, конечно, похвально, но, боюсь, иногда заканчивается прискорбно.

— Вы упоминали Черный Камень, — сказала Джулия. — Интересно, что?..

— М-м-м? О, ничего. Старая легенда, только и всего. Считается, что если смотреть на этот камень, это может обернуться бедой.

— Да, нам то же самое говорили в Стрегойкаваре, — заметил Гарри.

— Ах! — Морзен так резко захлопнул книгу с именами, что его посетители подскочили. — Значит, вы тоже видели Черный Камень?

Он положил книгу на стол, снова с любопытством посмотрел на них и криво улыбнулся, обнажив желтоватые зубы.

— Послушайте… — начал Гарри, испытывая необоснованную тревогу и раздражение.

Морзен тут же занял прямо противоположную позицию.

— Миф, суеверие, сказка! — воскликнул он и вскинул руки на манер фокусника, показывающего, что у него ничего не припрятано в рукаве. — В конце концов, камень и есть камень, ничего больше, верно?

— Нам пора уходить, — еле слышно пролепетала Джулия.

Гарри почувствовал, что ее рука, сжимающая его руку, дрожит.

— Да, — подтвердил он. — Боюсь, нам пора уходить.

— Но вы же не видели мои прекрасные книги! — запротестовал Морзен. — Смотрите, смотрите!

Он стащил с полки два массивных старинных тома и открыл их на столе. Текст выглядел невероятно, ослепительно, потрясающе; и, вопреки своему странному отвращению, Гарри и Джулия стали рассматривать древние книги, восхищаясь их красотой.

— И вот эта книга, и эта. — Морзен водрузил на стол целую груду литературных сокровищ. — Смотрите, разве они не прекрасны? Теперь вы

рады, что пришли сюда?

— Ну, наверно… да, — нехотя согласился Гарри.

— Прекрасно, прекрасно! Я вернусь через минуту… нужно подкрепиться… пожалуйста, посмотрите пока книги… получите удовольствие…

Морзен быстро зашаркал к двери и исчез во мраке.

— Эти книги… — заметила Джулия, как только они остались одни. — Они, наверно, стоят целое состояние!

— И ведь здесь их тысячи, — с благоговением и оттенком зависти ответил Гарри. — Но что ты скажешь о старике?

— Он… пугает меня. — Она содрогнулась. — И как от него воняет!

— Тсс! — Он приложил палец к губам. — Он может услышать тебя. Куда он пошел, как думаешь?

— Вроде бы он сказал, что нужно подкрепиться. Надеюсь, он не рассчитывает, что я стану есть что-то приготовленное им!

— Глянь-ка сюда! — Гарри подошел к полке у окна и провел пальцами по ряду особенно древних книг. — Веришь ли? Некоторые названия мне знакомы. Отец всегда интересовался оккультизмом, и я припоминаю…

— Оккультизмом? — перебила его Джулия, снова с нервными нотками в голосе.

Прежде он не обращал на это внимания, но сейчас она выглядела в точности на свой возраст. Так всегда происходило, когда у нее разыгрывались нервы, и тогда никакой макияж на свете не мог скрыть изношенность кожи.

— Оккультизмом, да, — ответил он. — Знаешь, «Темные искусства», «Сверхъестественное». Но какое собрание! Здесь есть книги на старонемецком, на латыни, на голландском… Только вслушайся в эти названия: «Книга о философском камне», «Тайна Червя», «Мультипликатор судеб», «Книга Эйбона», «Некрономикон»… — Он потрясенно присвистнул. — Интересно, что предложит за такое собрание Британский музей? Наверно, эти книги бесценны!

— Да, они бесценны! — донесся со стороны распахнутой двери гортанный возглас. Вошел Морзен, неся поднос с хрустальным графином и тремя большими хрустальными бокалами. — Но, пожалуйста, не прикасайтесь к ним. Это гордость моей библиотеки.

Старик поставил поднос на незанятый угол стола, откупорил графин и щедро разлил вино по бокалам. Гарри подошел к столу, взял свой

бокал и попробовал вино. Оно оказалось красное, густое, очень вкусное. Его глаза восхищенно распахнулись.

— Превосходно! — воскликнул он.

— Одно из лучших, — согласился Морзен. — И ему почти сто лет. У меня осталось всего шесть таких бутылок. Я держу их в катакомбах. Вы непременно должны осмотреть катакомбы. Ах, и там, внизу, есть еще кое-что настолько интересное, что мои книги покажутся просто скучными.

— Мне что-то не очень хочется осматривать ваши… — начала Джулия, однако Морзен прервал ее.

— Всего несколько секунд, — умоляюще сказал он, — которые вы запомните на всю оставшуюся жизнь. Позвольте наполнить ваши бокалы.

Вино согрело ее, успокоило разыгравшиеся нервы. Она видела, что Гарри, несмотря на его прошлую реакцию, жаждет посмотреть катакомбы Морзена.

— Еще немного времени у нас есть, — умоляюще сказал он. — Может?..

— Конечно, — проклокотал старик, — времени вполне достаточно, да? — Он проглотил вино, шумно причмокнул губами и повел своих гостей вон из комнаты, бормоча на ходу. — Пошли, по-

шли… вот сюда… совсем недолго…

И снова они последовали за ним — вроде бы больше ничего не оставалось. Они углубились во тьму коридора с высоким потолком, туда, где Морзен взял свечи из ниши в стене и зажег их. Потом два, три пролета вниз по каменным ступеням, в подвал глубоко под развалинами и оттуда десятка полтора шагов до подземного помещения, в котором на кушетке с выцветшими шелковыми подушками их ждало то, о чем говорил Морзен.

Сама комната выглядела сухой как пыль, однако в циркулирующем в ней воздухе ощущалась влага, и, возможно, это редкое сочетание помогало сберегать предмет на кушетке. Там, в центре пещеры с занавешенными стенами, в круге обветшалых каменных плит, похожих на миниатюрный Стоунхендж, лежала древняя мумия пергаментного цвета, со сложенными на животе руками, застывшая в вечном покое. И в то же время странным образом… живая.

В ногах у нее стояла свинцовая шкатулка с крышкой на петлях, немного похожая на гробик. Узор на крышке, смутно различимый в тусклом свете, изображал какое-то мифическое создание, наполовину лягушку, наполовину собаку. Его рот

окружали короткие щупальца или усики. Гарри провел пальцем по запыленному рельефному очертанию химеры.

— Говорят, у нее было любимое животное, создание-компаньон, которое спало рядом с ней в этой шкатулке, — сказал Морзен, снова предвосхищая вопрос Гарри.

Любопытство Джулии перевесило отвращение.

— Кем она… была?

— Последняя подлинная Жрица Культа, — ответил Морзен. — Умерла около четырехсот лет назад.

— Турки постарались? — спросил Гарри.

— Турки, да. Но даже если не они, кто знает? У этого культа всегда было много противников.

— Культ? Вы же не имеете в виду орден? — недоуменно спросил Гарри. — Вас называют… м-м-м… Божьим человеком. И если когда-то это здание было церковью…

— Божьим человеком? — Смех заклокотал в горле Морзена. — Нет, не вашего Бога, друг мой. И это была не церковь, а храм. И не орден, а культ. Я его жрец, один из последних, но когда-нибудь нас станет больше. Это культ, который никогда не умирает.

Его голос, теперь спокойный, эхом отдавался по

пещере, усиленный ее акустикой.

— Думаю, теперь нам и впрямь пора, Гарри, — снова еле слышно пролепетала Джулия.

— Да-да, конечно, пора, — отозвался Морзен. — Эта атмосфера здесь… Она плохо сочетается с вами. Но сначала легенда.

— Легенда? — переспросил Гарри.

— Говорят, — быстро продолжал Морзен, — если взять ее за руку и загадать желание…

— Нет! — воскликнула Джулия и отпрянула от мумии. — Я не могу прикоснуться к ней!

— Пожалуйста, пожалуйста, — взмолился Морзен, простирая к ней руки. — Не нужно бояться. Это всего лишь миф, ничего больше.

Джулия попятилась от него в объятия Гарри. Дождавшись, пока она успокоится, он посмотрел на старика.

— Ладно, я сгожусь? Давайте я возьму ее за руку и загадаю желание… но потом нам *действительно* пора возвращаться. В смысле, вы очень гостеприимны, но…

— Понимаю, — ответил Морзен. — Это неподходящее место для нежной, чувствительной женщины. Но вы сказали, что хотите взять жрицу за руку?

— Да, — ответил Гарри.

И подумал: «Если это единственный способ убраться отсюда к черту!»

Он подошел к кушетке. Джулия, вздрагивая, отступила к занавешенной стене. Морзен дал знак Гарри опуститься на колени. Тот послушался, взял обтянутую высохшей кожей руку и приподнял ее. Локтевое соединение мумии двигалось с удивительной легкостью. Рука ощущалась не как полностью иссохшая — прохладная и твердая. Мысленным взором Гарри попытался пронзить столетия, задаваясь вопросом, кем на самом деле была эта девушка, как она выглядела при жизни.

«Желаю, — мысленно произнес он, — узнать, какой ты была…»

Одновременно с этой невысказанной мыслью, но как бы под воздействием пещеры, Джулия издала вопль ужаса, от которого волосы на голове Гарри встали дыбом. Он отскочил от мумии. Впоследствии ему вспоминалось, что в то мгновенье, когда Джулия закричала, вдоль его руки по всему телу прошло что-то вроде легкого электрического разряда.

Теперь Гарри понял, что произошло. Когда он взял мумию за сморщенную руку, Джулия от волнения и страха вцепилась в занавеску, одну из тех, что прикрывали каменные стены пещеры, и

они, видимо, плохо закрепленные, с шуршанием упали. Ее крик был вызван тем, что она внезапно узрела омерзительный барельеф, полностью покрывающий стены — фигуры, которые, казалось, прыгали и скакали в колеблющемся свете свечей.

Разрыдавшись, Джулия снова бросилась в объятия Гарри и прижалась к нему. Он, между тем, с изумлением и отвращением рассматривал чудовищную резьбу. Центральной фигурой было огромное, похожее на осьминога создание с крыльями, щупальцами, отчасти напоминающее дракона и все же смутно антропоморфное, а вокруг него плясали все демоны ада. Но еще гаже выглядело то, что приспешники чудовища вытворяли с крошечными, но однозначно человеческими фигурами, рассыпанными по стенам. И, как бы направляя кошмарную деятельность маленьких рогатых чудовищ, стояла девушка с псом-лягушкой, косящей злобным взглядом и радостно скачущей у ее ног!

— Храм, сказал ты, старый дьявол! Храм чего? Вот этого непотребства?

— Его, да! — воскликнул Морзен, приближая крючковатый нос к резьбе и подняв свечу, чтобы лучше осветить ее. — Храм Ктулху и его меньших

собратьев.

Разозлившись как никогда в жизни, Гарри протянул руку, схватил старика за воротник пальто и встряхнул, словно изъеденный молью ковер, ругая такими словами, которых позже даже припомнить не мог.

— Господи! — закричал он в конце концов. — Позор, что турки не сровняли все это гнездо зла с землей! Выведи нас отсюда, прямо сейчас или, клянусь, я сломаю тебе шею!

— Если я уроню свечи, — ответил Морзен, и его булькающий голос звучал, словно пузырьки газа, вырывающиеся на поверхности болота, — мы окажемся в полной темноте!

— Нет, пожалуйста! — закричала Джулия. — Просто выведите нас отсюда…

— Если ты ценишь свою грязную шкуру, — добавил Гарри, — то будешь крепко держать свечи!

Глаза Морзена вспыхнули желтизной и дьявольской злобой. Гарри развернул его, схватил сзади за грязную шею и толкнул вперед, вон из нечестивого храма. Джулия замыкала шествие. Они вышли в дневной свет через боковую дверь, почти целиком скрытую сплетением вьющихся растений и кустарником. Джулия содрогнулась, как бы стряхивая с себя весь этот кошмар, и зато-

ропилась к машине, даже не оглянувшись.

Гарри отпустил Морзена. Тот стоял, сверля его злобным взглядом и рукой прикрывая от света глаза. На несколько мгновений они замерли, а потом Гарри развернулся и последовал за Джулией. И тут Морзен прошептал:

— Не забывай: я не заставлял тебя ничего делать. Не заставлял тебя ни к чему прикасаться. Ты пришел сюда по доброй воле.

Гарри повернулся, собираясь резко ответить старику, но тот уже исчез в недрах развалин.

* * *

Пока они выезжали на главную дорогу среди облетевших деревьев, Джулия молчала.

— Это было ужасно, — произнесла она наконец. — Я понятия не имела, что существуют такие люди.

— Я тоже, — ответил Гарри.

— Я чувствую себя грязной, — продолжала она. — Нужно принять ванну. Чего, во имя всего святого, этот тип хотел от нас?

— Понятия не имею. Наверно, он не в своем уме.

— Гарри, давай не будем сразу возвращаться в гостиницу. Просто покатаемся немного.

Она опустила окно, глубоко вдохнула хлынувший внутрь свежий воздух, откинулась на сиденье и закрыла глаза. Он посмотрел на нее и подумал: «Господи! Сейчас ты определенно выглядишь на свой возраст, моя дорогая…» Но, по правде говоря, он не мог осуждать ее за это.

* * *

На расстоянии нескольких миль от Золихазы были разбросаны две-три крошечные деревушки, по сравнению с которыми Золихаза казалась настоящей столицей. Некоторые выглядели весьма живописно. До вечера было еще несколько часов, дождь ушел дальше, оставив свежесть в воздухе и прекрасное, теплое мерцание на холмах. Ничего удивительного, что у нашей пары возникло желание припарковать машину у дороги и зайти выпить в крошечную таверну.

Джулия вышла, чтоб привести себя в порядок после всех переживаний. Сидя в ожидании у большого, выходящего на улицу окна, Гарри заметил на стене противоположного дома несколько афиш. Он уже видел такие в Золихазе, и его знания языка хватало, чтобы понять — событие, о котором они возвещали, произойдет сегодня вечером. Он решил, из чистого любопытства, по

возвращении в гостиницу расспросить господина Дебрека. В конце концов, в такой глуши вряд ли часто случается что-нибудь интересное. И еще он решил не рассказывать об их поездке к развалинам и о чрезвычайно неприятном часе, проведенном в сомнительном обществе господина Морзена.

* * *

Уже смеркалось, когда они вернулись. Джулия, жалуясь на сильную головную боль, приняла ванну и отправилась в постель. Гарри, напротив, испытывая чувство странного беспокойства, был полон душевной и физической энергии. Джулия попросила принести стакан воды и таблетку снотворного; он растворил две таблетки, чтобы она спокойно проспала всю ночь. Она уснула, а он привел себя в порядок и спустился в бар.

После нескольких порций спиртного он окликнул господина Дебрека и расспросил его об афишах, что произойдет сегодня вечером? Оказывается, это первый из трех дней праздника. Что-то вроде местного карнавала, аналог немецкого «Праздника стрелков» — признанные лучшими стрелки из винтовки получают призы.

Интермедии и захватывающие гонки на ма-

шинах, съехавшихся из всех городков округа… участники стрелковых соревнований, наряженные, как охотники, во все зеленое… пиво и вино льются рекой… готовится отменное угощение… ну, и все прочее, что бывает во время праздников. Этим вечером в качестве основного аттракциона будет бал-маскарад, который произойдет в большом амбаре на окраине соседней деревни. Для многих он может стать началом романтических отношений. Если господин желает принять участие, Дебрек готов объяснить ему, как туда пройти…

Гарри отклонил его предложение и снова заказал выпивку. Этим вечером бренди оказывало на него странное воздействие: голова не кружилась — для этого потребовалось бы гораздо больше спиртного, — но он испытывал необычное *возбуждение,* как в давние времена, когда на швейцарских курортах или на Ривьере он гонялся за юными дебютантками.

Спустя полчаса и после еще двух порций бренди Гарри убедился, что Джулия крепко спит, выяснил, как добраться до места проведения «Праздника стрелков», попросил господина Дебрека ни в коем случае не беспокоить его жену и в приподнятом настроении отъехал от гостиницы.

Он понимал, что шансов… м-мм, развлечься… у него маловато, но, по крайней мере, это будет забавно — и никаких неприятных разговоров. В конце концов, утром они уезжают в Будапешт, а чего глаза не видят, о том сердце не болит. Он начал сожалеть, что его знание языка распространяется не дальше, чем «добрый вечер» и «еще бренди, пожалуйста». Тем не менее, в прошлом не раз бывало, что язык не имел значения, если события развивались в нужном направлении.

До места назначения он добрался очень быстро и поначалу почувствовал разочарование. Амбар находился посреди открытого поля рядом с деревней; шум, яркие огни… все в целом очень походило на сельские ярмарки в Англии. Прекрасно для юных парочек, но примитивно для цивилизованного, искушенного взрослого. Тем не менее странное покалывание, пронизывающее все клеточки тела Гарри, не только не уменьшалось, но, казалось, усиливалось при виде каруселей, безвкусных фургонов в цыганском стиле и не слишком эффектных интермедий. Он припарковался и влился в быстро увеличивающуюся толпу.

Увешанный флагами и гирляндами воздушных шаров, похожих на огромные, бесплотные, раз-

ноцветные гроздья винограда, огромный амбар стоял, распахнутый в ночь. Внутри музыкальная группа в маскарадных костюмах настраивала инструменты, одиночки и парочки в шикарных нарядах собирались, готовясь танцевать и флиртовать всю ночь напролет. И в этой толпе на фоне открытой двери — камера в мозгу Гарри запечатлела этот образ — он увидел девушку, отличающуюся каким-то животным магнетизмом, одетую почему-то в неуместный на ней крестьянский костюм.

На мгновение взгляд из-под маски встретился с его взглядом с расстояния всего в несколько ярдов, а потом она исчезла. Однако изгиб ее шеи, темный немигающий взгляд и мимолетная, понимающая улыбка на губах — все это говорило о многом.

Странное покалывание, которое испытывал Гарри, внезапно охватило все его существо. Голова закружилась, во рту пересохло. Сражаясь с поднимающимся изнутри возбуждением, он подошел к ближайшей винной палатке и с удовольствием смочил пересохшее горло. Потом, приободренный вином, с быстро бьющимся сердцем, он вошел в похожий на пещеру амбар и начал оглядываться в поисках девушки, чей

образ так и стоял перед его мысленным взором.

Однако по мере того, как его взгляд скользил по огромному амбару, не находя желанного объекта, притворно случайный интерес перерос в нечто большее — он был близок к тому, чтобы пойти среди столиков, целенаправленно ища девушку. И тут рука коснулась его плеча, нахлынул сильный аромат, и чей-то голос произнес:

— Вон там, на балконе, свободный столик. Не хотите присесть?

Это не был голос образованной девушки, но ее английский оказался очень хорош; и хотя, уж точно, в ней не ощущалось ничего от крестьянки, зато присутствовало много чего еще. Решив в полной мере насладиться ее чувственным обликом позже, когда они сядут, он лишь мельком глянул на девушку, взял ее под руку и повел к деревянной лестнице, ведущей на открытый балкон со столиками и плетеными креслами. По дороге он заказал официанту бутылку вина и блюдо с деликатесами.

Они сидели за маленьким столиком, выходящим на танцплощадку, вертя в руках бокалы и беседуя ни о чем. Он говорил о Лондоне, о катании на лыжах в Швейцарии, о побережье в Каннах; она — о горах, о рынках в Будапеште, о кровавой

истории страны и, в особенности, этого региона. Он импровизировал насчет своей принадлежности к «сливкам общества», умудряясь не впадать в хвастовство; она тщательно подбирала слова, редко допуская ошибки в произношении. Он почти не воспринимал то, что она говорила, и догадывался, что она тоже его не слушает. Однако если поначалу они лишь изредка встречались взглядами, то очень скоро смотрели друг на друга неотрывно, а их руки как бы нечаянно встретились на крышке стола.

Под столом Гарри вытянул ногу, желая коснуться ее ноги, почувствовал что-то холодное и волосатое, как если бы дотронулся до кошки. Кошка, да, это, наверно, одна из местных кошек, пробравшаяся сюда после охоты на мышей в полях. Он ногой отодвинул ее в сторону… Но девушка уже вскочила, улыбаясь и протягивая ему руку.

Они танцевали… Он чувствовал в ней что-то цыганское, странное и магическое. Она купила красную маску и уверенно надела на него холодными пальцами. И они пили все больше вина…

* * *

Это стало для Гарри почти сюрпризом — обнаружить, что он сидит на пассажирском сиденье в своей машине, которой правит девушка. Они только что сбежали с праздника, но он не помнил, как покидал огромный амбар. Он чувствовал, что сильно пьян, но это было приятное опьянение.

— Как тебя звать? — спросил он, ничуть не удивляясь тому, что до сих пор не выяснил этого.

Странным ему показалось лишь звучание собственного голоса — как будто кто-то другой произнес эти слова.

— Кассильда, — ответила она.

— Милое имя, — неуклюже похвалил он. — Необычное. — И после паузы добавил: — Куда мы едем, Кассильда?

— Это важно?

— А вдруг мы едем в Золихазу… — начал он, но она прервала его:

— Ко мне… домой.

— Это далеко?

— Недалеко, но…

— Но?

Она замедлила движение, а потом и вовсе остановила машину — темный силуэт рядом с ним.

Аромат ее духов теплыми волнами омывал его.

— По зрелом размышлении я, пожалуй, отвезу тебя прямо в твой отель и оставлю там.

— Нет, и слышать об этом не хочу, — быстро сказал он, видя, что его надежды на эту ночь готовы рассыпаться прахом, и трезвея при одной мысли о том, что девушка может легко исчезнуть из его жизни. Рано утром будет время сбежать, и сбежит *он*, не она. — Ты должна ехать домой хотя бы потому, что, боюсь, я не могу позволить тебе взять такси…

И мысленно добавил: «Да их тут и не найдешь».

— Послушай, — продолжал он, не дождавшись ответа, — просто поезжай домой, а я на машине вернусь в отель.

— Но ты не в том состоянии, чтобы садиться за руль.

— Тогда, может, приготовишь мне чашечку кофе?

Ужасно ребяческая уловка, но было приятно увидеть под ее маской улыбку.

Однако улыбка мгновенно сменилась хмурым выражением; он скорее почувствовал это изменение в ее настроении, чем разглядел его в слабом свете.

— Но ты не должен видеть, где я живу.

— Почему, ради всего святого?

— Это… небогатое жилище.

— Дворцы меня не интересуют.

— И я не хочу, чтобы потом ты мог найти меня. У нас будет только одна ночь…

«Это уж точно!» — подумал Гарри. В горле снова пересохло.

— Кассильда, это и не может быть больше, чем одна ночь, — угрюмо ответил он. — Завтра я уезжаю в Будапешт.

— Тогда, конечно, лучше…

— Завяжи мне глаза!

— Что?

— Тогда я не увижу, где ты живешь… только твою комнату.

Он просунул руку под ее шелковую блузку и принялся ласкать грудь.

Она, в свою очередь, погладила его шею и потом мягко отодвинулась.

— Да, наверно, лучше завязать тебе глаза, если ты уверен, что справишься с причудами своего воображения!

Она повязала поверх его маски черный шелковый платок, погрузив Гарри во тьму, и не пыталась отодвинуться, когда он тут же начал

ласкать ее груди, но в конце концов произнесла чуть слышно, дыша ему в лицо:

— Не можешь подождать?

— Это нелегко.

— Тогда я сделаю это легче.

Она убрала его руки от себя, опустилась на свое место, включила двигатель и отъехала. Гарри сидел в полной темноте, сгорая от страсти.

* * *

— Вот мы и здесь, — заявила она, выведя его из странного оцепенения.

Тишина и тьма — вот все, что он осознавал, испытывая некоторую слабость и относя ее на счет того, что ехал с завязанными глазами по скверным дорогам. Может, он заснул? До чего же глупое положение!

Он нащупал ручку дверцы.

— Нет, — сказала она. — Давай просто посидим здесь немного. Открой бутылку, я хочу пить.

— Бутылку? А, да!

Гарри вспомнил, что они прихватили с собой две бутылки вина. Протянув руку на заднее сиденье, он нашел одну из них.

— Но у нас нет стаканов. И с какой стати пить здесь, когда внутри наверняка гораздо удобнее?

Она издала короткий смешок.

— Гарри, я немного нервничаю…

Конечно! «Смелость во хмелю» — кажется, французское выражение? Или немецкое? Какая разница? Если глоток-другой вина помогут ей настроиться, почему бы и нет? Мысленно он благословил производство бутылок с завинчивающимися крышками и откупорил бутылку. Она взяла у него вино; он услышал звук льющейся жидкости. Запах духов ощущался гораздо сильнее, густой, похожий на запах мака. И сквозь него пробивался запах… порчи?

Она вернула ему бутылку. Он поднес ее к пересохшим губам и сделал большой глоток. Голова мгновенно закружилась, его так и подмывало дико расхохотаться. Вместо этого, решив, что находится под воздействием какого-то странного принуждения, он лишь удивленно хмыкнул.

Снова вернув бутылку, он уронил руку на грудь девушки и тяжело задышал, почувствовав под пальцами обнаженную, набухшую плоть! Она расстегнула для него блузку… а может, совсем сняла ее! Дрожащими пальцами он потянулся к своей маске и повязанному поверх нее платку.

— Нет! — воскликнула она, и он услышал шуршание шелка. — Вот, я снова одета. Приканчивай

бутылку и давай выбираться из машины. Я поведу тебя…

— Кассильда! — пробормотал он. — Может, прекратим наконец эту маленькую игру…

— Ты снимешь платок, лишь когда мы окажемся в моей комнате и разденемся.

Внезапная хрипотца в ее голосе заставила его вздрогнуть — сейчас он просто ощущал ее откровенную страсть — и одновременно возбудила. Он сильно дернулся, почувствовал краткое прикосновение тонкой руки и забормотал что-то невразумительное.

Ощущая приятное покалывание в теле, парализованный этим ощущением и шоком, он в конце концов решился сам прикоснуться к ней, но она уже ушла. Он услышал шелест ее платья и щелчок захлопнутой дверцы.

Открыв свою дверцу, он почти вывалился наружу, но восстановил равновесие, почувствовав на плече ее руку.

— Вторую бутылку, — напомнила она ему.

Неуклюжими движениями он нащупал вино. Она взяла его за руку и прошептала:

— Шшшш! Тихо!

И издала низкий горловой смешок.

Ничего не видя, он заковылял следом за ней по

твердой, странно знакомой поверхности. Что-то задело его ногу — холодное, пушистое и влажное. Листовидные отростки кустов, предположил он.

— Опусти голову, — командовала она. — Осторожно, дальше ступеньки. Сюда. Почти пришли…

— Кассильда… — Он сжал ей руку. — У меня кружится голова.

Она засмеялась.

— Это вино!

— Постой, постой! — Он заставил ее остановиться. — Голова кружится.

Вытянул руку с бутылкой, нащупал твердую поверхность, оперся о нее костяшками пальцев и занял устойчивую позицию. Прислонился к стене, сухой и слоистой по ощущению, и постепенно головокружение прекратилось.

«Скверно, — подумал он. — От меня будет мало толку, если я не смогу владеть собой».

— Крепкая штука, это ваше местное вино.

— Еще несколько ступенек, — прошептала она.

И подошла ближе. Послышался звук скользящего шелка — упала одежда. Он обнял ее и остро ощутил прикосновение ее тела. Тяжесть бутылки заставила его руку заскользить вниз. Гладкие, крепкие ягодицы, совсем не как у Джулии, тело

которой уже немного обвисло, не дрогнули под его пальцами; но эта чертова бутылка мешала!

— Господи! — прошептал он, горло перехватило от вожделения. — Хотел бы я вот так обнимать тебя всю оставшуюся жизнь…

Она засмеялась, снова хрипло, отодвинулась, потянула его за собой и сказала:

— Но это будет уже второе желание.

Второе желание… Второе желание? Он споткнулся и едва не упал. Его подхватили, поставили ровно; быстрые пальцы занялись его пиджаком, пуговицами рубашки. Он вздрогнул, хотя было не холодно, и слабый голосок в глубине сознания завопил от ужаса, пытаясь пробиться к нему, сначала тихо, но постепенно все громче и громче.

Его второе желание!

Он стоял полностью обнаженный. Внезапно настороженность вернулась, алкоголь в организме превратился в воду; невероятное надвигалось, становясь реальным, безмерным, происходящим здесь и сейчас.

— Ну, вот! — сказала она. — Теперь можешь снять повязку!

Ах! Ее духи больше не скрывали запаха склепа, и говорила она не голосом девушки, а сухим ше-

потом, срывавшимся со сморщенных за долгие столетия губ; и рука, которую он держал, была…

Гарри высоко подскочил, стремясь стряхнуть тварь, которая вцепилась в его руку, и громко, протестующе вопя, однако эхо черного подвала возвращалось к нему безумным смехом. Подпрыгивая, он наткнулся на стену, всем своим пылающим, сверхчувствительным телом ощутив прикосновение к чудовищному барельефу на ней!

И, отпрянув от стены, споткнулся, растянулся и задел рукой шкатулку, которая, как ему помнилось, стояла в ногах кушетки. *Вот только сейчас она была открыта!*

Что-то мохнатое и одновременно липко-влажное прильнуло к его обнаженной ноге, и он снова в бешенстве отпрыгнул во тьму, бессвязно бормоча что-то, не в силах охватить разумом происходящее.

В конце концов от всех этих телодвижений красная маска и черный шелковый платок, которые он до сих пор не осмеливался снять, соскользнули с лица… И он обрел силу десяти человек, такую силу, что ничто естественное или даже противоестественное не могло удержать его в темной пещере под развалинами.

* * *

Господин Людовик Дебрек услышал рев автомобиля задолго до того, как заметил свет его фар на пустынной дороге. Машина дико петляла, ее шины взвыли, когда она развернулась под немыслимым углом и резко остановилась в гостиничном дворе.

Дебрек устал, сейчас он приводил себя в порядок после долгого трудового дня и готовился к завтрашнему утру. Его немногочисленные гости спали — все, за исключением английского господина. Это, наверно, он, но с какой стати так мчаться? Выглянув в окно кухни, Дебрек узнал машину и… широко распахнул усталые глаза. Что это значит? Господин был полностью обнажен!

Хозяин гостиницы открыл дверь для Гарри прежде, чем тот начал колотить в нее, и отскочил в сторону, когда исполненная ярости, задыхающаяся фигура с выпученными глазами ворвалась внутрь и бросилась вверх по лестнице. Однако он увидел достаточно и перекрестился, когда Гарри растворился во тьме наверху.

— Бог мой! — прохрипел он, снова перекрестился и потом еще раз. — Господин побывал *там!*

* * *

Несмотря на таблетки, Джулия спала неважно. Вынырнув из незапоминающихся, тревожных снов и чувствуя в висках жуткую пульсирующую боль, она задумалась над тем, что ее разбудило. Взгляд на часы показал, что сейчас десять минут третьего ночи.

Так от чего же она проснулась? Где-то хлопнула дверь? Кто-то громко плакал? Кто-то молил ее о помощи? Постепенно припомнилось, что да, все это имело место.

Она вяло похлопала по постели рядом с собой. Гарри не было, его часть постели вообще выглядела нетронутой. Потом что-то бледное мелькнуло во тьме.

Джулия втянула воздух и быстро включила прикроватную лампочку. Гарри лежал на полу лицом вниз, полностью обнаженный, молча извиваясь и подсунув под себя руки.

— Гарри! — воскликнула она, соскочила с постели и подошла к нему, не без труда перевернула на бок, а дальше он сам перекатился на спину.

Она негромко взвизгнула и инстинктивно отпрянула с исказившимся от отвращения лицом. Глаза Гарри были плотно закрыты, на губах за-

стыл оскал невыносимой боли. Руки прижимали что-то к вздутой груди… что-то черное, крошащееся. Охваченная ужасом Джулия смотрела, как его глаза резко распахнулись, а щеки обвисли. Руки упали по сторонам тела, в ладонь и пальцы одной из них, казалось, было вплавлено что-то черное, распадающееся. Конечно! Маленькая мумифицированная рука!

Джулия начала отползать от него, и пока она делала это, что-то прошмыгнуло сзади, волнообразным движением, и слегка задело ее. Почувствовав это, она поползла быстрее, пока не прижалась к стене комнаты, шевеля губами, но не в силах издать ни звука.

Это… создание… приблизилось к Гарри, вырвало у него сморщенную руку, повернулось… и потом, как бы передумав, повернулось обратно. На мгновенье нависло над ним и вонзило острые зубы в плоть его ноги. Короткие щупальца вокруг рта жадно извивались. В следующее мгновенье тварь исчезла, но Джулия не заметила, куда и как.

Она не могла оторвать взгляда от Гарри. Вены на его ноге рядом с укусом стали темно-голубыми и заметно проступили, пульсируя под мраморно-белой кожей. Это вспрыснутый тварью яд

медленно распространялся по кровеносной системе. Но… яд ли? Нет, это было что-то гораздо более жуткое, поскольку вскоре извивающиеся вены прорвали кожу и Гарри начал таять. Это продолжалось совсем недолго, и в конце от него осталась лишь пародия на человека: липкие, как бы покрытые дегтем комки расплавленной плоти и дымящиеся черные кости.

И тогда, не обращая внимания на громкий стук в дверь, Джулия втянула в изголодавшуюся грудь воздух и, в конце концов, испустила во всю мощь легких оглушительный, несмолкающий вопль…

Гимн[36]

Один из моих последних рассказов, «Гимн» был написан в июле — августе 2003 года, конкретно для нового журнала «Лавкрафтовские ужасы». Однако и сейчас, когда я пишу эти строки два с лишним года спустя, выпуск № 3 — предположительно «выпуск Ламли» — все еще не увидел свет. История повторяется! Вероятно, когда-нибудь он все-таки появится, но явно после того как вы прочтете «Гимн» в этом сборнике.

Нас было шесть человек — восемь, если учитывать двоих в камере. Не в тюремной камере. Это были большие апартаменты из нескольких комнат, замкнутое помещение с регулируемой средой и всеми необходимыми системами жизнеобеспечения, и надежное, поскольку вышеупомянутые системы жизнеобеспечения могли быть отключены в том маловероятном случае, если не останется другого выбора.

Стены, полы и потолки камеры сплошь покры-

---

[36] notes: 36

"The Hymn", from HPL's Magazine of Horror No. 3, 2006.

Жужунава Б. М., наследники, перевод на русский язык, © 2018.

вали пятидюймовые пластины из углеродистой стали; входные и выходные трубопроводы в минимальном количестве были не толще двух дюймов. Все сооружение, включая вспомогательный и обслуживающий комплекс, находилось под землей в горной местности; когда-то оно было построено как убежище на случай ядерной войны, которой так и не произошло. Мелкие войны вспыхивали, конечно, но не та, БОЛЬШАЯ, которой все так боялись в начале 60-х.

На самом деле именно после одной из этих так называемых «малых» войн (как будто такие когда-либо существовали) произошли события, приведшие к тому, что я стал директором и координатором БМР, или «Бюро мифологических расследований». Однако рассказывать об этом сейчас означало бы опережать события. Я сделаю это позже, когда это лучше послужит моим целям, а сейчас продолжу описание подземного сооружения, расскажу о своих товарищах-наблюдателях и предоставлю слово основным участникам эксперимента, нашим человеческим «морским свинкам» в камере; пусть они изложат эту историю своими словами.

Итак, о нас: я, член Фонда (боюсь, ничего больше сообщить не могу); еще один член Фонда по-

старше; двое из военной разведки, оба имеющие высокое звание, подотчетные исключительно высшим правительственным структурам; женщина-психиатр; и, наконец, техник, который как человек, ответственный за дизайн и устройство камеры, а также ее вспомогательный комплекс, был полностью в курсе того, как она работает. Он знал, как система функционирует и, что не менее важно, как прекратить ее работу. Что касается меня и моего старшего коллеги, мы оказались там, поскольку имели репутацию крупных специалистов в области гротескных мифов и легенд.

Относительно имен и физического описания членов команды: я считаю эти детали несущественными. Место точного расположения нашего подземного сооружения я тоже не считаю нужным указывать, поскольку, уверен, оно и до сего дня остается тщательно охраняемым объектом.

Возвращаюсь к камере.

Окна в ней отсутствовали — находящимся там людям не было нужды выглядывать наружу. Их это отвлекало бы, и уж точно им не понравилось бы видеть, как мы заглядываем внутрь. Мы, конечно, «заглядывали внутрь», хотя не через окна как таковые, однако именно «заглядывали», поскольку даже односторонние окна просмотра

на экранах компьютеров не обеспечивают полного визуального доступа. Во внутренние стены, потолки и различную аппаратуру были встроены крошечные скрытые камеры, каждая из которых выводила изображение на внешний экран. Аналогично действовали и скрытые аудиосистемы — вот они были абсолютно необходимы.

В камере имелись маленькие спальни, ванные комнаты, оборудование для приготовления пищи и большой холодильник — запасов еды и напитков в нем хватило бы на несколько недель. Освещение, естественно, искусственное; в спальнях его можно было выключать, чтобы оно не мешало нашим «объектам» спать. Но даже там мы не оставляли их в покое: камеры в спальнях можно было переключить на инфракрасный свет. Было крайне важно, чтобы мы могли видеть своих подопечных и слышать (если было что слушать) именно когда они спят.

Относительно их имен: хотя, уверен, их настоящие имена можно найти в архивах Фонда (где они защищены от разглашения), я предпочитаю снабдить их псевдонимами. Пусть это будут Джейсон и Джеймс. Я дам и хотя бы частичное описание их внешности, чтобы у читателя сложилось более емкое впечатление.

Ростом они были пять футов и девять-десять дюймов; возраст, скажем, года тридцать два, причем Джейсон старше на пять или шесть месяцев.

Джейсон был рыжеволосый, открытый, небрежный в одежде, не очень-то вежливый, но никогда не грубый, худощавый, быстрый в движениях, хотя и со слегка кривоватой походкой, зеленоглазый, с длинным прямым носом и впалыми щеками.

Джеймс был полной противоположностью Джейсону — приверженец сидячего образа жизни. На выпуклом черепе пряди тонких, преждевременно поседевших волос; проницательные, постоянно прищуренные голубые глаза; маленький рот, скошенный подбородок и коренастая, мощная фигура, преимущества которой он практически не использовал. Короче, если бы в ближайшем будущем он не занялся своей физической формой, то наверняка опустился бы. Кроме того, если Джейсон неизменно выкладывал все как есть, то Джеймс часто говорил витиевато и уклончиво — возможно, ради создания видимости какой-то личной тайны, причастности к эзотерической или оккультной среде.

Кстати, почему бы и нет? По его собственному признанию, Джеймс был «одарен способностью

воспринимать паранормальные явления». Конечно, именно по этой причине он и стал одной из наших «морских свинок». Относительно Джейсона: поначалу вся наша затея явно приводила его в недоумение. Однако он был без работы, и мы, как говорится, сделали ему предложение, от которого невозможно отказаться.

Их ознакомлению с проектом предшествовали всяческие проверки и тесты.

На первом этапе они были просто двумя из двух с половиной тысяч кандидатов, откликнувшихся на наше объявление в национальных печатных изданиях.

На втором этапе, после того как отсеялись явно не годные, попавшие по недоразумению, лживые, жаждущие прославиться и безумные две тысячи четыреста кандидатов, финалисты подверглись множеству изматывающих парапсихологических тестов, что привело к дальнейшему сужению числа участников. И Джеймс, и Джейсон выдержали их блестяще, к изумлению последнего.

На третьем этапе, в процессе тестирования с использованием карт Зенера[37] рядом с ними

[37] notes: 37

Тест с использованием карт Зенера позволяет выявить у человека наличие экстрасенсорных способностей.

поместили некий «чужеземный артефакт»; это было сделано втайне от них, когда они спали, находясь под пристальным, тайным наблюдением. Обоим снились чрезвычайно тревожные сны — фактически, кошмары.

Добавление к моему описанию камеры: «чужеземный артефакт», о котором я упомянул, был помещен в сферу из прочного стекла и водружен на мраморный пьедестал в жилой части помещения, где испытуемые не могли избежать его воздействия, если оно вообще имело место.

Да, и был еще один фактор, способствовавший их избранию: оба были заядлыми читателями романов о сверхъестественном, предпочтительно с уклоном в ужасы. То есть они были знакомы с гипотетически фантастической гранью проблем, которые Фонд исследовал на протяжении нескольких десятилетий. Коротко говоря, их интеллект не был закрыт для тем, теорий и предположений, которые более ограниченный, более ортодоксальный разум мог счесть неприемлемыми и с ходу отвергнуть — то есть они были «знакомы» с концепцией параллельных измерений, НЛО, чужеземного вторжения и тому подобного.

Достаточно, я обрисовал общую картину на-

столько ясно, насколько возможно с учетом определенных ограничений. Теперь предоставляю слово самим Джеймсу и Джейсону.

Одно последнее замечание. Хотя изложенные ниже беседы переданы предельно точно (я тайно записал их сам), в интересах безопасности я вырезал и заменил некоторые имена и ссылки. Поскольку зафиксированная таким образом информация, предназначенная только для глаз моих бывших коллег по Фонду, вряд ли в этом случае так же хорошо защищена, как в их архивах.

ПРИМЕЧАНИЕ: для облегчения восприятия, все такие измененные места взяты в скобки.

Джейсон, зевая: «Сколько сейчас времени?»

Джеймс, демонстрируя полное отсутствие интереса: «Это что, имеет значение? В конце концов, мы никуда не собираемся».

Джейсон: «Не люблю изменять своим привычкам и, поскольку чувствую голод, видимо, настало время поесть».

Джеймс: «Чтобы не изменять своим привычкам, нужно носить часы. Но поскольку я знаю, что ты спросишь снова, и мне надоел этот бессмысленный разговор… шесть сорок. И, опережая твой вопрос, после полудня».

Джейсон, с улыбкой: «Спасибо. Очень призна-

телен. И, похоже, я прав: пора поесть».

Джеймс: «Я не голоден».

Джейсон: «Тогда не ешь. А я пожарю грибы с ломтиками печени и бекона».

Джеймс, внезапно оживившись: «Тогда, наверно, и я поем».

Джейсон, направляясь к холодильнику: «Я приготовлю и на твою долю… если, конечно, ты не против?..»

Джеймс, со вздохом: «Если тебя не затруднит».

Джейсон: «Не труднее, чем бросить взгляд на наручные часы».

Джеймс, меняя тему и устремив пристальный взгляд на артефакт в стеклянной сфере на пьедестале, поднимающемся из центра круглого стола, за которым он сидел: «Тебе сегодня ночью что-нибудь снилось?»

Джейсон, с хмурым видом наливая на сковородку оливковое масло: «Три ночи, три сна, да».

Джеймс: «Один и тот же сон?»

Джейсон, чуть-чуть встревоженно: «Тот же самый. Но очень смутно… Скорее, набор ощущений. Никаких четких зрительных образов, никаких разговоров. Внутренний голос или… ну, не знаю… инстинктивное понимание? Ты знаешь, что я имею в виду».

Джеймс: «Интересно. И, конечно, я знаю, что ты имеешь в виду! По-твоему, ты более восприимчив, чем я? Я живу с пониманием истины всего этого вот уже… дольше, чем могу припомнить. О, да! И я видел свои сны задолго до того, как они посадили меня перед этой штукой».

Он кивнул на артефакт, увеличенный и искаженный стеклом сферы.

Джейсон, с оттенком мягкой иронии в голосе: «Ты всегда знал, что ты… м-мм… экстрасенс?»

Джеймс: «Мои парапсихологические или экстрасенсорные способности отличаются от твоих, с учетом разницы в менталитете, но да, я всегда это знал. Я издалека чувствую вещи, и в моих снах они обретают форму. Мне, конечно, не дано понимать все, но я вижу то, что есть *сейчас*… в отличие от тебя, который видит, что будет».

Джейсон, кивая и переворачивая на сковородке ломтики печени и бекона: «Или так в последнее время выяснилось… хотя полностью я не уверен. Или, может, уверен, просто пытаюсь уклониться… потому что это вызывает беспокойство».

Джеймс, насмешливо фыркнув: «Способность видеть будущее беспокоит тебя? Не хватает ума понять, как это можно использовать? У тебя в тесте Зенера семьдесят восемь процентов попа-

даний, и, тем не менее, ты слишком беден, чтобы позволить себе наручные часы? И если ты «пытаешься уклониться» от этого, с какой стати ты вообще откликнулся на их объявление?»

Джейсон: «Потому что *тогда* я был слишком беден, чтобы позволить себе наручные часы… да что угодно себе позволить, если уж на то пошло! Не все, знаешь ли, рождаются с серебряной ложкой во рту! Как бы то ни было, почему я так раздражаю тебя? Во мне есть нечто, напоминающее о чем-то невыносимо отталкивающем? Или это, в некотором роде, зависть, поскольку мои способности очевидны, а твои — взгляни в лицо фактам — туманны, более или менее?»

Джеймс, выпрямляясь и еще сильнее сощурив глаза: «Может, мои способности и туманны, как ты выразился, но наши спонсоры сочли меня не менее достойным избрания, чем тебя. Фактически, я всегда был… избранным. С самого первого момента, как я прочел о (КХХХХХ) и других из его пантеона, я знал, что они реальны и что когда-нибудь, когда взойдет моя звезда, я вступлю в контакт с ними».

Джейсон, иронично скривив губы: «Как это понимать?»

Джеймс, резко: «Прошу прощения?»

Джейсон: «Что ты имеешь в виду, говоря “когда взойдет моя звезда”»?»

Джеймс, холодным тоном, искоса глядя на Джейсона: «Интерпретируй мои слова как угодно, и слова (АХХХХХХХХХ), если осмелишься! Однако он был не такой уж безумец, этот старый араб. А если и был, то лишь потому, что знал далеко не все, и это сводило его с ума. — Последовала короткая пауза. — Тебе безразлично, что ты мог бы быть миллионером, а не нищим?»

Джейсон, возвращаясь к столу с двумя полными тарелками: «Ты снова заводишь речь об игре? О том, что я могу надувать букмекеров, выигрывать в рулетку, срывать банк в Монте-Карло? Но ты ведь знаешь, что говорят о необходимости практиковаться, доводить свои способности до совершенства? А может, я не хочу совершенствовать то, что, как предполагается, способен делать? Может, я не хочу видеть будущее яснее, чем сейчас? Кое-что из того, что я вижу, уже… чересчур».

Ели они в молчании. Когда с трапезой было покончено, Джеймс спросил: «Что из увиденного так тебя напугало? Лично меня не страшит

ничто, имеющее отношение к Мифам[38]. Если я чего и боюсь, то, возможно, собственных грез, но они нереальны, а бояться чего-то реального — и неотвратимого — это абсурд! Чему быть, того не миновать. Какой смысл бояться будущего, которое все равно наступит?»

Джейсон, дожевывая последнюю порцию еды: «Ах, неужели тебе и впрямь хотелось бы знать день, час и минуту собственной смерти? Не понимаешь, что, зная это, непременно попытался бы избежать ее… но без толку? Que sera, sera![39]»

Джеймс, широко распахнув глаза: «Ты видел собственную смерть?»

Джейсон, задумчиво: «Не свою… смерть брата и матери. Достаточно, чтобы выбить меня из колеи».

Джеймс: «Интересно. Можешь рассказать об этом?»

Джейсон: «Не сейчас. В другой раз, может быть. Сейчас я устал. Стакан белого вина поможет мне уснуть… и, надеюсь, не видеть никаких снов».

Джеймс: «Но ведь именно ради этого мы здесь!

---

[38] notes: 38

Мифы (с большой буквы) — здесь и далее имеются в виду не просто мифы, а конкретно мифы, связанные с Ктулху.

[39] notes: 39

Que sera, sera! — Чему быть, того не миновать (*лат.*).

Это-то ты предвидел, по крайней мере?»

Джейсон: «Конечно. Однако мне платят, вижу я сны или нет. И я предпочитаю не видеть их».

На это ответа не последовало.

* * *

Во сне Джейсон ворочался и потел, а иногда и негромко вскрикивал. Вино не помогло.

Джеймс переживал то же самое, но воспринимал иначе. Если Джейсон старался уклониться от того, что преследовало или угрожало, то Джеймс принимал это. Его заявление, что он не боится Мифов (то есть фактически эффекта, создаваемого артефактом), соответствовало действительности. По крайней мере, наш психиатр придерживалась мнения, что, в отличие от Джейсона, Джеймс видел или принимал как передаваемый извне сигнал такого рода сны на протяжении долгого времени, возможно, даже так долго, как он утверждал; но не пострадал от этого.

Однако он говорил во сне.

Говорил о Сверкающем (ТХХХХХХХХХХХХХ) — какая-то странная геометрическая фигура, о «доисторическом городе Мнаре» — имеются в виду *не* руины в оленьем заповеднике в Бенаресе, разглагольствовал о «внешних сферах»,

«порождении звезд» и «линзах света», а потом его бормотание стало бессвязным, почти лишенный смысла вздор, который трудно разобрать, не то что записать. Затем наступила фаза полного спокойствия и напряженного внимания, как если бы он прислушивался к чему-то или к кому-то, после чего он произнес отчетливо: «Я стану твоим сосудом, твоими вратами, твоим воплощением и через тебя побываю в самых дальних уголках вселенной: на этом волнующемся озере, где зародился испускающий клубы дыма (СХХХХХХХХ), в спиральных башнях (ТХХХХХХХ), в мрачных мирах на расстоянии долгих световых лет отсюда, кружащихся, словно листья в бурю. Но… эта «великая жатва», о которой ты говоришь? Умоляю, объясни, о какой жатве идет речь?»

Он тяжело задышал, издал придушенный крик; тело странно одеревенело и потом очень медленно расслабилось; дыхание стабилизировалось, лицо обмякло, и он впал в глубокий сон, как бы под воздействием невидимого гипнотизера.

* * *

Ночь прошла. Наши подопечные проснулись поздно, а поднявшись, избегали друг друга — Джеймс сознательно, Джейсон же не желая

вникать в причины угрюмого настроения коллеги.

Джейсон приготовил себе завтрак; Джеймс приступил к еде лишь далеко за полдень — сделал себе маленький бутерброд с сыром и сжевал его, хмуро глядя на артефакт. В конце концов:

Джеймс: «Мне показалось, ты кричал сегодня ночью?»

Джейсон: «В отличие от внешних стен этого сооружения, перегородки между нашими комнатами тонкие, словно картонные! Слышно, как по ту сторону пукает мышь. Что касается криков: ну, мне приснился особенно скверный сон».

Джеймс: «Чем, несомненно, объясняется твое настроение».

Джейсон: «Что?»

Джеймс: «Твое молчание».

Джейсон: «Послушай, кто бы говорил! Мы провели здесь вместе сорок восемь часов, прежде чем ты хоть что-то проворчал».

Джеймс: «Насколько я помню, ты тогда пожаловался на отсутствие телевизора. Спросил, почему его нет. И я не ворчал. Я заметил, что здесь нет не только телевизора, но и радио и вообще ничего, что может помешать нашему уединению, сосредоточенности, восприятию потусторонних сил.

И, между прочим, я вовсе не питаю к тебе антипатии. Просто я… не такой, как ты, мирские мысли мне, как правило, чужды. И когда меня беспокоят, когда прерывают мои мысли — это, естественно, неприятно, это раздражает. Понимаешь? Дело не в моей неприязни, просто я презираю пустую болтовню. Она мне неинтересна».

Джейсон, вздыхая и качая головой: «Ты, похоже, не отдаешь себе отчета, насколько оскорбительно это звучит. Теперь вот что. Обычно я отнюдь не угрюмый человек, но определенно ощущаю, что скатываюсь в этом направлении. Сегодня *ты* начал «болтать» и, подозреваю, еще не закончил!»

Джеймс: «Потому что, хотя сам *ты* мне неинтересен, совсем другое дело твои сны. Уверен, я несколько раз слышал, как ты кричишь. Это произошло еще до того, как я уснул. Что, опять сон о брате? Или о матери? По-моему, ты называл какое-то имя. Но тогда я уже начал засыпать и потому не уверен».

Джейсон: «Это так важно для тебя? Не понимаю, почему. И при том, что у тебя нет интереса ко мне, — фактически, мое присутствие тебе «неприятно» и даже «раздражает» — не понимаю, с какой стати я должен вообще разговаривать с тобой! И уж точно не о смерти моей бедной

матери и брата».

Джеймс: «Но факт, что ты предвидел их смерть. Может, твои сны отражают чувство вины? Из-за того, что ты предвидел их смерть, но не смог ничему помешать… que sera, sera. И теперь их души преследуют тебя. В отношении того, почему это мне интересно: ТЕПЕРЬ я тоже кое-что вижу, хотя и не понимаю, к чему это ведет; а ты видишь, что должно произойти, но не знаешь, как избежать этого. Мне хотелось бы копнуть глубже, а ты готов зарыть в землю свой дар».

Джейсон, пожимая плечами: «Значит, из этих предполагаемых фактов можно что-то извлечь? И каков же твой вывод?»

Джеймс, отчасти неохотно: «Может… нам стоит работать вместе? В конце концов, предположительно именно поэтому они сочли, что мы составим подходящую пару».

Джейсон: «Возможно, но досадно, что они не подобрали для меня «морскую свинку» женского пола. Тогда я не тратил бы столько времени на сон».

Джеймс, вскидывая бровь: «Секс? У меня нет на него времени и никогда не будет. Это животная деятельность. В то время как звезды… их воспроизведение — дело другое. Это, скорее, слияние,

обновление и взрывное умножение».

Джейсон пропел: «Умножение — это название игры, и каждое поколение…»[40]

Джеймс, в ужасе: «Не смей насмехаться!»

Джейсон: «О, в самом деле? Я не должен насмехаться? Даже если твое описание очень похоже на поведение чужеземных амеб?»

Джеймс, с отвращением: «Тьфу!»

* * *

Позже:

Джейсон, сидя за столом и глядя на артефакт, а потом внезапно разражаясь потоком слов: «Мой брат… и, в особенности, мать… предостерегают меня. Да, у меня бывают моменты предвидения, но это не столько понимание того, что делать и чего не делать, как, возможно, у тебя, сколько ощущение направления, в котором будет развиваться нынешняя ситуация. Другими словами, их предостережения бесполезны, поскольку избежать конечного результата невозможно. Они могут предостеречь меня не ходить в ад, но не

[40] notes: 40

«Умножение — это название игры. И каждое поколение, они играют в то же самое» — припев к популярной песне Бобби Дэрина «Лирика умножения».

могут предложить огнеупорный парашют!»

Джеймс: «Que…»

Джейсон, резко перебивая его: «Да, да, конечно! Чему быть, того не миновать».

Джеймс, глубокомысленно кивая: «Значит, мертвые продолжают существовать, по крайней мере, их мысли: “не мертв тот, кто может вечно спать”. Претерпев изменения, они по опыту знают больше о Бытии. Не существуя, пытаются передавать свое понимание, свои предостережения живым, которых любили и покинули. В таком случае я предполагаю — нет, утверждаю! — что это у нас общее с богами внешних сфер. Они тоже существуют вечно, с той лишь разницей, что не умирают, а поистине бессмертны! В своих снах я видел мириады их — они проникают к нам со звезд!»

Джейсон: «Я знаю лишь о том, что касается меня лично или моих близких, и это совершенно реально. Что касается чужеземцев, которые “проникают к нам” со звезд: ближайшая звезда — не считая солнца — на расстоянии четырех с половиной световых лет отсюда. Долго же им придется “проникать”! Убежден — все это вымысел. Подумай. Возьмем какую-нибудь звезду на расстоянии миллиарда световых лет отсюда. Да-

же если твои чужеземные “боги” будут двигаться со скоростью света, им понадобится миллиард лет, чтобы добраться к нам. И они что, только “проникают”?..»

Джеймс, пожимая плечами: «Ну, наши хозяева, похоже, не считают это вымыслом, иначе зачем мы здесь? А что касается «проникновения»… ну, это просто поэтический оборот речи.

Старый Джентльмен[41], по-моему, использовал слово «просачивание» — столь же медленный процесс».

Джейсон: «Нет, он использовал слово «проникновение», но имел в виду что-то вроде проникновения яда в рану, вытекания гноя из открытой язвы. И помни: боги его пантеона злы. Ты что, жаждешь разрушения всего, что мы считаем добром?»

Джеймс, презрительно: «Ха! Добро, зло, любовь, ненависть — вообще-то, эмоции, не больше. *Они* выше всего этого! И, между прочим, ты упускаешь из вида очевидную вещь: они вечны».

Джейсон, ворчливо, опустив уголки рта: «Вечно… спящие, но не мертвые… да, конечно».

Джеймс, мечтательно, не обращая внимания на

---

[41] notes: 41

Старый Джентльмен — еще одно английское название дьявола.

откровенный сарказм Джейсона: «Вечно странствуя среди звезд, останавливаясь там и здесь… ровно настолько, чтобы собрать *жатву* в этих мирах».

Джейсон: «Вечно? То есть они будут здесь до конца? Не означает ли это, что они были здесь с самого начала? Вечные, да? Тогда, у них и впрямь может возникнуть необходимость «просачиваться» со звезд!»

Джеймс: «Именно! И вот тут ты кое-что упускаешь. Говоря о скорости света, не следует забывать, что на такой скорости время останавливается! Здесь и кроется тайна их бессмертия: *за время путешествия они не стареют!*»

Джейсон ответил не сразу. Когда это произошло, он всего лишь нахмурился и спросил: «Тебе не кажется, что нас сбивают с толку? У *тебя* нет такого ощущения? Наши разговоры, наши споры… очень напоминают хождение по кругу. И лично мое сознание в состоянии полной сумятицы! Но… может, я уже спрашивал об этом? Или ты спрашивал меня?»

Джеймс, игнорируя вопрос и кивая сначала на голову своего собеседника, а потом на артефакт в стеклянном шаре: «Это она: «линза света». По крайней мере, так я думаю. Кстати, ты знаешь,

где они нашли ее — люди, которые используют нас, пытаясь прояснить для себя некоторые ее особенности?»

Джейсон, быстро мигая, как бы пытаясь прочистить мозги: «Нет, а ты?»

Джеймс: «Безусловно! Прежде чем добровольно вызваться участвовать в этом эксперименте, я по собственной инициативе изучил, как они возникли, все связанные с ними «отчего» и «зачем». Тебе интересно?»

Джейсон: «Пока да».

Джеймс: «Это произошло пять лет назад, в Ираке, после войны, во время которой был свергнут диктатор Саддам».

Джейсон: «Ах, да! Саддам Хусейн и его мнимое оружие массового уничтожения? Как же, помню».

Джеймс: «Американские военные задержали ехавший в Сирию грузовик. Нашли там большое количество золота, миллион долларов в стодолларовых банкнотах и кое-какие чрезвычайно древние предметы, включая старую книгу или свиток, написанный на неизвестном древнем языке. В книге имелась карта пустыни, некоторые участки которой были помечены таким образом, что в целом образовывали пятиконечную звезду.

Просочились сведения, что текст книги был на языке затонувшего в тихоокеанских глубинах города или континента».

Джейсон: «Это случайно не (Р'ХХХ)? Где спит (КХХХХХ)?»

Джеймс, кивая: «Я того же мнения, хотя по какой-то причине никто не соизволил подтвердить это мое предположение. Однако, узнав о существовании книги, некая эзотерическая организация предприняла шаги, чтобы заполучить ее. Среди наших хозяев есть члены этой организации… Рассказывать дальше?»

Джейсон: «Все очень интересно. И, да, пожалуйста, продолжай».

Джеймс: «Как скажешь. Символ в виде пятиконечной звезды хорошо известен. Его могущество, если таковое имеет место, часто порождало споры в среде узких специалистов…»

Джейсон: «Узких специалистов?»

Джеймс: «Авторитетных специалистов, таких, как ты и я».

Джейсон: «Но я не считаю себя «авторитетным специалистом», просто любителем странной и жуткой фантастики».

Джеймс, презрительно (с насмешкой): «Не говоря уж о том, что ты способен прозревать будущее!

Позволь мне продолжить.

Пентаграмма на карте захватывает часть иракской пустыни. Чрезвычайно важно то, что эта пустыня не изменилась за миллион лет; по крайней мере, хоть сколько-нибудь значительно. Как бы то ни было, эзотерическая организация, о которой я говорил, отправила своих агентов, чтобы провести расследование под видом поисков неуловимого оружия массового уничтожения, которое, как было заявлено, спрятано где-то в этой местности. Однако фактически им было поручено найти помеченные точки и установить, где находится их геометрический центр.

Это было не так уж трудно, как может показаться на первый взгляд. Местные охотно поделились информацией: по их словам, есть пять «святых», обитающих в тех самых местах в пустыне. И выяснилось, что каждый из этой пятерки — наркоманы-дервиши, не имеющие ни малейшего представления о нашем западном обществе — владеет неким «звездным камнем»! Увы, они к тому же владели русским стрелковым оружием, которое без колебаний обратили против исследователей. Вмешались военные, которые быстро расправились с пятью «террористами», поскольку, насколько мне известно, «звездные камни»

были конфискованы.

Теперь переходим к геометрическому центру: пересохший ручей, в русло которого спустились наши исследователи, а под ним огромная естественная пещера, когда-то служившая водостоком — интересно, сколько тысячелетий назад? — стены которой покрыты множеством чужих, возможно, инопланетных символов. И на мраморном пьедестале, приблизительно в центре пещеры…»

Джейсон, кивая на артефакт в стеклянной сфере: «Вот эта штука».

Джеймс: «Именно!»

Джейсон: «Понимаю. И «звездные камни» защищают от нее, отклоняют ее пагубное воздействие. Правильно?»

Джеймс, качая головой: «Мне так не кажется, хотя… я понимаю, как такая путаница в Мифах возникла первоначально. Нет, я считаю, что какое-то время в пещере обитало некое Существо. Что касается «пагубного воздействия», не вижу в нем ничего пагубного. А вижу я вот что: существуют путешественники среди звезд; не боги, не злобные инопланетяне, не несущие никакой угрозы, просто ученые! Другие по сравнению с нами, конечно, превосходящие нас во многих

известных областях, а также в других, которые мы и вообразить не в состоянии, уж будь уверен. Но вот что касается того, что «звездные камни» «защищают»… Да, с этим я согласен».

Джейсон: «Защищают от чего?»

Джеймс: «Защищают от путаницы! От того, чтобы не было ошибки! Эта линза — метка, а может, даже Врата для тех, кто странствует среди звезд».

Джейсон, в чьей усмешке больше нет осуждения: «Конечно, и кто путешествует со скоростью света, просачивается или проникает, да? А что касается тех пятерых арабских безумцев, тех фанатиков: почему они так защищали «звездные камни» или, скорее, так называемую «линзу света»? Почему ради нее отдали жизнь? Они защищали ее как некую священную реликвию или, может, защищали нас, человечество, *от* нее?»

Джеймс: «Ба! У тебя в голове помутилось от страха! Это же чистая ксенофобия!»

Джейсон: «Возможно, и к тому же космического масштаба! Но в свете моей способности предвидеть, задай себе вот какой вопрос: чего, по-твоему, я опасаюсь больше всего?»

Джеймс: «(ГХХХХ ОХХ ОХХХ), Тех, Кто Приходит Извне, конечно. Мысли о *Них* в пространствах между известными нам пространствами, в звезд-

ной пустоте оседлавших гравитационные волны взрывающихся звезд! Их превосходства!»

Джейсон: «Неправильно! Однако ты упомянул две вещи, которые беспокоят меня. Первая: ты говорил, что они собирают жатву в разных мирах…»

Джеймс, удивленно мигая, явно захваченный врасплох: «Что? Я говорил? О жатве? Да, действительно, я упоминал что-то в этом роде. Может, мне даже кое-что снилось на эту тему. Однако сейчас… не могу вспомнить, о чем речь».

Джейсон: «У тебя на лбу выступили капли пота. Ты, похоже, в растерянности?»

Джеймс, вытирая лоб: «До некоторой степени. Внезапно стало жарко. Тот, кто следит за температурой здесь, плохо делает свое дело. Но «растерянности»? Не… уверен. — Потом, после небольшой паузы: — А вторая?»

Джейсон: «Вторая?»

Джеймс: «Вторая вещь из сказанного мной, которая беспокоит тебя. Что это?»

Джейсон: «Ах да! Ты назвал линзу «Вратами». И если это правда, ну… разве тут нечего страшиться?»

Джеймс, широко раскинув руки: «Для *мысли!* Врата, позволяющие моей мысли дотянуться до

Них… а их мысли до меня… до нас, если ты поможешь мне открыть им наше сознание!»

Джейсон, задумчиво: «Думаю, с тех пор как нас сюда посадили, мы оба в какой-то степени пребываем в состоянии растерянности. Я, уж точно, не мыслю ясно, а тебя несколько раз бросало в жар и холод. Однако, если сказанное тобой правда, если линза — действительно Врата для психической связи… ну, возможно, это все объясняет».

Джеймс, щелкнув пальцами: «Вот ты и понял! Их мысли несовместимы с нашими и, в лучшем случае, лишь в малой степени доступны нашему пониманию. Разве мы в состоянии рассказать о себе змеям или гиббонам? Конечно, нет! Аналогично их послания кажутся нам туманными, мы воспринимаем их искаженно и неправильно понимаем».

Джейсон: «Значит, ты признаешь это? Что на нас воздействует эта штука в шаре?»

Джеймс: «Разве это не было ясно с самого начала? Вот зачем мы здесь: чтобы дать возможность наблюдателям выяснить, насколько велико это воздействие. В конце концов, это мы — «морские свинки», пусть и с улучшенным психическим восприятием, а они всего лишь… наблюдатели».

ПРИМЕЧАНИЕ: в этом Джеймс был прав лишь

отчасти. Я сам обладал определенной психической восприимчивостью. Правда, не столь сильной, как у Джеймса и Джейсона, но я точно ощущал странное воздействие линзы, что-то вроде путаницы в уме, как те дервиши в иракской пустыне. Своим безумием, скорее всего, они были обязаны тому, что долго подвергались ее воздействию. Мы, однако, не собирались допускать, чтобы наши подопечные пострадали всерьез — эксперимент можно было прервать в любой момент. Нет, больше всего нас интересовало, какими еще свойствами обладает — или не обладает — эта линза.

* * *

Джеймс, продолжая: «Ну, так что, будем действовать сообща или продолжим подкалывать друг друга?»

Джейсон: «Если я и подкалывал, то исключительно в ответ. Думаю, сегодня я лягу спать с мыслью о совместной работе. Может, кое-кто даст мне совет насчет этого».

Джеймс: «Твои… родственники?»

Джейсон: «Возможно. Моя мать была ясновидящей, а брат… Ну, мы были близнецами. И втроем мы попали в автомобильную аварию. Я

видел, что она приближается, но не мог ничего предотвратить. В момент их смерти… ну, может, что-то передалось мне. Меня поразило, что они тоже видели приближение аварии. Какое это может иметь отношение к нашей нынешней ситуации? Я испытываю схожее ощущение неотвратимости».

Джеймс: «Ты испытываешь ощущение надвигающейся смерти?»

Джейсон: «Я испытываю ощущение… перемещения, метаморфозы… как будто мне предстоит куда-то лететь!»

Джеймс, кивая: «Головокружение. Я тоже ощущаю его — давление на свои мысли».

Джейсон: «Ах да, мысли! Это напоминает мне, о чем ты говорил раньше. Объясни, как ты собираешься обмениваться мыслями с чужеземными Существами, находящимися на расстоянии миллиардов световых лет отсюда? То есть при условии, что скорость света применима исключительно к материальным объектам».

Джеймс: «Но ответ кроется в твоем же вопросе! Мысль *нематериальна.* Может понадобиться время и множество крошечных электрических импульсов на обдумывание, однако как только мысль оказывается сформулирована, она суще-

ствует везде. Линза усиливает мысли, направляет их, делает общедоступными. Однако мысль сама по себе, в своей имманентности, имеет радиусом действия всю вселенную!»

Джейсон: «Делает общедоступными, но не понятными?»

Джеймс, кивая: «Отсюда путаница в наших головах. Нам плохо удается объять необъятное, понять излучения разумов, мыслящих в огромном множестве измерений, а не в наших жалких трех».

Джейсон, устало: «Ну, давай на этом ложиться спать».

* * *

Но, конечно, наблюдателям тоже требовался сон. Мы дежурили посменно; этой ночью была очередь моя и нашего психиатра. Техник спал на сравнительно удобной кушетке в смежной комнате. Состояние моего сознания не радовало; я испытывал напряжение, даже мелькнула мысль, что несмотря на толстые, прочные стены камеры, я тоже нахожусь достаточно близко к линзе.

Кстати, о линзе.

Три дюйма в поперечнике, шлифованный диск

с зазубренными краями из чего-то, похожего на дымчатый кварц. Составляющие ее элементы анализу не подвергались из опасения повредить все еще неизученные свойства. Она казалась инертной; ее вполне можно было использовать как не слишком изысканное папье-маше.

Я задал своему компаньону по дежурству той ночью вопрос, что она думает по этому поводу.

— Линза? — Она вывела предмет в стеклянной сфере на экран. — Она вызывает у меня… беспокойство.

— Что именно? Ее вид, форма, непрозрачность?

— Само ее присутствие.

Она имела в виду ее близость, конечно.

— Вы чувствуете что-то вроде… путаницы в мыслях?

Она улыбнулась.

— Усталость, вот и все. И, как следствие, вполне естественную неспособность сосредоточиться.

Это подтверждало то, что я и так уже подозревал.

* * *

Джеймс, с впалыми, покрасневшими глазами: «Ну, мы легли спать с этой мыслью… Лично я спал

плохо. И, если честно, я по горло сыт этим так называемым экспериментом. Мы согласились пойти на него, согласились увидеть и испытать то, что видим и испытываем, и, однако, я склонен позвонить и потребовать, чтобы меня отсюда забрали. Если уж на то пошло, они могут оставить при себе свои деньги. Я знаю то, что знаю, и этого достаточно».

Джейсон, готовя завтрак, сухо: «Мне снились динозавры. Целые стада их, тысячи. Они громко топали».

Джеймс, вздрогнув, удивленно мигая воспаленными глазами: «И мне тоже! — И потом, взяв себя в руки, более спокойно: — Что, по-твоему, это означает?»

Джейсон, то ли не расслышав, то ли игнорируя вопрос: «Еще мне снились мать и брат. Они ничего не говорили, просто выглядели печальными, но я все равно знаю, о чем они думали: что я не окажусь рядом с ними».

Джеймс: «Значит, скорая смерть тебе не угрожает? Хорошее предзнаменование, да?»

Джейсон, качая головой: «Нет, просто, что я не окажусь рядом с ними. Я также слышал напев или… нет, может, гимн или песнь… ну, не знаю… песнь благодарения? Возможно. — Хорошенько

встряхнувшись: — Завтрак готов. — И потом, когда они приступили к еде: — Считается, что динозавров погубил метеорит или комета, верно?»

Джеймс: «И что?»

Джейсон: «Что, если это сделали *Они?*»

Джеймс, кивая: «Понимаю, что ты имеешь в виду, однако это не вписывается в общую картину. Ты говоришь о доисторических временах. Кто тогда мог призвать *Их* со звезд? Самые ранние предки человека еще даже не вылезли из океана на сушу, не говоря уж о том, чтобы спуститься с деревьев!»

Джейсон, подвигая тарелку с яичницей и беконом к Джеймсу и рассеянно, даже с каким-то обреченным видом принимаясь за еду: «Что, если тогда *Они* уже были здесь? Или, может, просто пролетали мимо и увидели, какое тут изобилие… на планете, я имею в виду. Лично я верю, что один из них точно был здесь, одинокий в своем безумно странном городе вроде (Р'XXXXX). И через линзу он призвал своих друзей со звезд. И те, кто были ближе остальных, пришли…»

Джеймс: «…чтобы собрать жатву? Это ты хочешь сказать? Но даже если допустить, что ты прав, им понадобились бы миллионы лет, чтобы добраться сюда».

Джейсон: «Но динозавры и обитали здесь миллионы лет, во всяком случае, гораздо дольше, чем мы».

Джеймс: «А эта пещера в иракской пустыне? По-твоему, это все, что осталось от того доисторического города? Забудь! Пещера сравнительно недавняя. Ей миллион или, может, два миллиона лет, никак не больше».

Джейсон: «Согласен. Нет, думаю, того, кто обитал в иракской пещере, отозвали давным-давно, возможно, ради жатвы где-то на далеких звездах. Однако он видел начало *Homo sapiens* и оставил линзу, чтобы мы ее нашли. Может, старый (АХХХ) умел ходить по снам… имел дар, сходный с нашим, этот старый араб. Но использовал его неправильно. Может, нужно, чтобы кто-то достаточно разумный нашел «звездные камни» и *увез их в другое место!* Может, тогда и звезды «встанут правильно»! Слишком много «может быть», согласен, но, может быть, просто может быть…»

Джеймс, едко: «И может быть, просто может быть, ты хочешь сдаться, уйти прямо сейчас… да?»

Джейсон: «Уйти? Совсем наоборот. Думаю, мы должны двинуться дальше и поговорить с ними через линзу. Почему? Потому что чему быть, того

не миновать. И я знаю, что ты все равно сделаешь это, потому что ты невежественный, самоуверенный и упрямый. И какого черта… Que sera, sera!»

Он пожал плечами с видом покорности судьбе.

Джеймс, поджав губы: «Не обращаю внимания на подобного рода оскорбления, и то лишь потому, что с твоей помощью контакт, наверно, осуществить легче, когда, по-твоему, имеет смысл сделать это? Сегодня ночью?»

Джейсон, пожимая плечами: «Сегодня ночью, завтра ночью, в следующую пятницу… какая разница? Почему бы не прямо сейчас?»

Джеймс, устремляя взгляд на линзу в стеклянном шаре, на которую Джейсон смотрел с того момента, как сел за стол: «Прямо сейчас? Уверен?»

Джейсон, отодвигая тарелку: «Она по-прежнему… очень сбивает с толку, правда?»

Джеймс: «Ты испытываешь ощущение, будто она тебя манит?»

Джейсон: «Манит? Дай-ка подумать. — Короткая пауза. — Да, я чувствую, как эта штука притягивает меня. Но, в основном, я испытываю то же чувство, что, наверно, и ты — лучше самим взглянуть в лицо тому, что надвигается».

Джеймс, тоже отодвигая тарелку с едой, к

которой так и не притронулся, и упираясь подбородком на сложенные руки: «Прекрасно, тогда давай приступим».

* * *

ПРИМЕЧАНИЕ: во время следующего ночного дежурства — моего и нашей милой леди-психиатра — мы к этому времени уже могли лечь спать, однако что-то удержало нас на своих постах. Позднее к нам присоединились военные и мой коллега по Фонду. Техник спал в соседней комнате, однако чувства, которые я испытывал… какие? Неуверенности, смятения, надвигающейся опасности и вмешательства в работу моего сознания. Так вот, я знал, что все эти чувства не дадут мне уснуть. Думаю, то же самое относилось и к моей напарнице.

Я уже говорил, что и сам обладал экстрасенсорным восприятием, пусть и слабеньким; однако сейчас испытывал ощущение почти электрического покалывания кожи головы. На моем экране фигуры мужчин в камере замерли неподвижно. Их взгляды, равно как и внутреннее восприятие, надо полагать, были прикованы к линзе в стеклянном шаре.

Осознав это, я попытался стряхнуть с себя по-

чти гипнотическую апатию и послал одного из наших военных разбудить техника.

* * *

Джейсон, широко распахнув глаза, еле слышным шепотом: «Я слышу, как они поют. Ту же песню или гимн, который слышал во сне. Темно, и все же это какая-то странная… радостная тьма».

Джеймс, взволнованно, но одновременно странно тихо и безжизненно: «Это радость контакта! Там, на далеких звездах, они услышали нас!»

Джейсон: «На звездах или в космосе? Что такое эта линза — телепатический передатчик или истинные Врата? Что, если *Они*… если *Они* вне всяких измерений?»

Джеймс, в уголках рта которого появляются пузырьки: «Что это значит — вне измерений? Насколько далеко? За пределами вселенной?»

Джейсон, судорожно подергиваясь, с такой силой вцепившись в край стола, что побелели костяшки пальцев: «А что, если… если это параллельное пространство?»

Джеймс, сильно вздрагивая: «Я тоже слышу пение! Это чужеземное пение, и все же, мне кажется, я узнаю или, по крайней мере, понимаю

некоторые части».

Джейсон, так сильно подергиваясь, что это угрожает опрокинуть кресло: «Их мысли сливаются с нашими; или, может, они переводят их для нас, делая распознаваемыми. И линза… Да, это Врата. И они используют их! Они идут!»

Джеймс, мертвенно-бледный, с пеной на губах и выпученными глазами, подергиваясь всем телом: «Думаю, нам нужно… остановиться… нужно… прекратить. Накатывает хаос. И линза: она мерцает, сияет, открывается! А-а-а-а!»

* * *

ПРИМЕЧАНИЕ: описать, что мы увидели на своих экранах дальше, чрезвычайно трудно; но я попробую.

Линза в шаре засверкала, испуская копья ослепительного белого света, которые, пройдя сквозь стекло, заметались по камере, словно живые существа, словно огненные змеи. Эти сверкающие ленты — их было чуть больше десяти — определенно выглядели разумными; казалось, они обыскивают или, может, проводят разведку своего непосредственного окружения. Однако спустя пять-шесть секунд они собрались в два луча, которые ударили точно в головы наших подопечных.

Это произошло буквально с быстротой молнии, и, учитывая, что мы, четверо наблюдателей, сами находились в «смятении умов» — техник и военный, которого я послал разбудить его, только-только вернулись, — успеть предпринять что-то мы просто не могли. А на экранах…

Мужчины выглядели так, словно… тают! На их лицах появилось выражение невыносимой боли; они светились все сильнее, пока глаза и раскрытые рты не превратились в черные дыры на фоне пылающих силуэтов; они так дрожали, что, казалось, вот-вот рассыплются на сверкающие частички, которые полетят во все стороны, словно огненные снежинки… И, однако, они пели!

Перекрывая пронзительную чужеземную песнь, — волны звуков, разбивающихся о космический берег, которые я могу описать лишь как борьбу неизвестных стихий, — звучали вдалбливаемые в их разрушающееся сознание и вырывающиеся из их глоток слова «гимна», переводимого с языка оригинала теми, с кем они контактировали. И в собственном сознании я *слышал* или *ощущал* кое-что из исходного, чужеземного «песнопения» — эту чудовищную какофонию, которую голосовые связки человека воспроизвести не в состоянии, и осознавал его

значимость!

— Прекратите это! — закричал я, обращаясь ко всем, кто слышал — если кто-то слышал.

Мои товарищи тряслись и подергивались, шокированные, онемевшие, ставшие бесполезными под воздействием того, что им посылала линза, сейчас превратившаяся в полностью открытый портал. Однако пучки чужеземного света или разумного огня были всего лишь авангардом, а то, что хлынуло сквозь портал следом за ними, больше походило на самые жуткие ночные кошмары.

Они двигались слишком быстро, слишком странно, чтобы можно было разглядеть детали. Что касается цвета, они были либо желтые, пронизанные пульсирующими огненными «венами», либо мраморно-фиолетовые и черные, а по форме походили на пауков, скорпионов, осьминогов, драконов… и массу других тварей, не поддающихся описанию. Тем не менее каким-то образом я понимал, что это лишь передовой отряд.

Джеймс и Джейсон: они начали проваливаться сами в себя, наподобие медленно оседающей колонны или тающей свечи, пылающей с ослепительной яркостью, но даже несмотря на это, несмотря на терзавшую их, очевидную для нас

боль, они *продолжали* петь свою радостную песнь.

— Прекратите все это! — прокричал я снова, на этот раз прямо в ухо нашему технику.

Он таращился на свою панель управления с таким видом, словно никогда в жизни ее не видел, хватая ртом воздух, вытаращив затуманенные глаза и явно ничего не соображая. Между тем метаморфозы в камере продолжались.

Как выразился Джеймс, говоря о воспроизведении чужеземцев? «Это слияние, обновление и взрывное умножение». Ну, возможно, происходящее в камере не было воспроизведением — разве что путем ассимиляции и дублирования, — однако все остальное, сказанное им, полностью соответствовало действительности. Рассыпавшиеся по камере насекомые-осьминоги-драконы впитывали излучение, исходящее от наших распадающихся «морских свинок», превращая его в поток еще более фантастических созданий; и по мере того, как Джеймс и Джейсон таяли, число звездных порождений увеличивалось, отрываясь от этих — поглощаемых ими? — человеческих останков и рыща по сторонам в поисках крошечных камер.

На наших экранах они раздувались; и, да, они

знали, что мы смотрим на них, и, карабкаясь на волосатых, шипастых, членистых ногах, пытались сквозь аудио- и видеосистемы — *через сами экраны* — проникнуть в нашу аппаратную! В камере, между тем, шар с линзой рассыпался на осколки, и что-то огромное, черное, раздутое и смертоносное начало протискиваться из какого-то Другого Мира, другого пространства в наше.

Один из военных наклонился вперед, опираясь на стол перед экраном, загипнотизированный зрелищем, но, скорее всего, не веря своим глазам. Вибрирующая черная паучья нога восемнадцати дюймов длиной пронзила экран, угодила прямо ему в рот и вышла из затылка; он повис на ней и задергался, словно марионетка.

Я завопил — булькающий звук, что-то совершенно невразумительное, — замахнулся на нашего техника и треснул его между лопаток. Толчок вперед заставил его замолотить руками и ударить по клавишам… И вот тут нам повезло!

Пять пневматических трубопроводов, установленные под различными углами в стальных стенах, зажужжали и завибрировали. И через эти каналы под давлением вышвырнуло пять «звездных камней», и они, угодив в нужные места, сформировали пентаграмму, охватывающую

всю камеру. И на этом все было кончено.

Чужеземные твари сморщились, обратившись в прах; камера взорвалась с такой силой, что стены треснули и даже выгнулись в нескольких местах; рокот был настолько оглушительный, что у меня лопнули барабанные перепонки, и я потерял сознание. Однако мне еще повезло, в отличие от всех остальных…

* * *

До сих пор я, в основном, молчал и время от времени симулировал то состояние, в котором пребывали четверо моих выживших коллег. Это означало проводить массу времени в различных институтах. Однако я не хотел никаких слишком дотошных допросов, не хотел становиться «морской свинкой» по собственному выбору, меня больше не интересовали никакие грани «Мифических исследований».

Видите ли, я знаю, почему оказался единственным выжившим — точнее, единственным, кто прошел через все это, сохранив личность и здравый ум, потому что я тоже слышал их пение. *Они* рассматривают меня как возможный будущий сосуд, или радиосигнал, или маяк, который приведет их в гавань. Вот почему только сейчас,

когда рак убивает меня, и жить мне осталось всего несколько дней, я смог описать все происшедшее.

Что касается линзы, послужившей Вратами: она, конечно, испарилась во время взрыва. Остается лишь надеяться, что в нашем мире нет другого подобного устройства. «Звездные камни» постигла та же судьба. Я надеюсь и молюсь, чтобы были обнаружены другие такие же или чтобы вы, мои коллеги по Фонду, по крайней мере, разыскивали их.

А тем временем…

Я пришел к вере в Бога и даже стал бы регулярно посещать церковь… вот только не смог заставить себя посещать службу во время жатвы. Там исполняют гимн, и я знаю, что слушать его для меня будет невыносимо. Даже сейчас мне трудно думать об этом, а еще труднее перенести на бумагу слова той песни. Но поскольку это, возможно, лучший способ заставить вас понять, вот они:

Ожидание жатвы, и время собирать урожай,

Мы придем, ликуя и неся снопы,

Неся снопы, неся снопы,

Мы придем, ликуя и неся снопы.

Иногда мне снятся огромные ящерицы-динозавры, в ужасе удирающие сквозь леса древовидного папоротника, и потом я размышляю обо всех известных других случаях массовой гибели, которые пережила наша планета. Но…

…Много лет назад, уйдя в отставку, я переехал в Дублин, Ирландия, где обнаружил, что хотя белое вино не очень помогает от бессонницы, «Гиннесс» в этом отношении неизменно безупречен.

Синхронность, или что-то в этом роде[42]

В 1980 году молодой человек по имени Карл Форд опубликовал в любительском журнале «Дагон» сложно структурированную, отмеченную наградой ролевую игру по мотивам Мифов Ктулху. К концу этого десятилетия он связался со мной и попросил написать рассказ, обыгрывающий тему подобной ролевой игры, который собирался опубликовать в своем журнале. Рассказ, который я в итоге послал ему, и есть «Синхронность, или что-то в этом роде». В нем есть несколько каламбуров — к примеру, искаженных имен кое-каких современных авторов ужасов (не говоря уж об одном молодом издателе) и прочее в том же духе, но он также достаточно откровенный. И к тому же оканчивается вполне в духе поклонников Мифов Ктулху. Все это позволило «Синхронности» увидеть свет в издательстве «Dagon Press Production» в 1989 году.

---

[42] notes: 42

"Synchronicity or Something", from the chapbook of the same name, Dagon Press, 1989.

Жужунава Б. М., наследники, перевод на русский язык, © 2018.

Джим Слейтер сидел, потягивая пиво и явно испытывая раздражение. Его друг, Эндрю Пейнтер, испытывал по этому поводу некоторое смущение, поскольку только что попросил Слейтера быть его шафером.

Был вечер пятницы, и приятели только что закончили целый ряд дел о разводе. Точнее говоря, они собрали доказательства адюльтера, способные убедить любой суд в том, что их уважаемые клиенты должны получить развод и солидную компенсацию. Завтра они пойдут в офис, приведут свои отчеты в порядок, проверят отделение для поступающих бумаг[43] и, если повезет, будут отдыхать весь остаток уик-энда. Они работали в детективном агентстве, специализирующемся на «копании в грязном белье», оправдывая себя тем, что «кто-то же должен делать это».

— Ну, что тебя грызет? — спросил Пейнтер.

Это был молодой человек моложе тридцати, стройный, симпатичный, хотя и несколько бесцветный. Потратив пять лет в службе разведки и еще два года в начищенных сапогах столичной полиции, он решил рискнуть и заняться частным

---

[43] notes: 43

Отделение для поступающих бумаг — здесь в смысле отделения, куда работодатель помещает следующее задание, которое наметил поручить работнику.

сыском. Дерьмовая работенка, но она позволяла оплачивать счета, не так уж глубоко залезая в частную жизнь. В основном они занимались изменами; в мире столько измен! Как в делах Филиппа Марло[44]: сделать и забыть.

– *Со мной* все в полном порядке, — ответил Слейтер.

Он был старше Пейнтера лет на десять, сам прошел через развод и носил цинизм, точно броню. Крупный мужчина, в котором было что-то от раннего Роберта Митчума[45] — точно такие же сонные глаза и низкий, грустный голос. Однако он был так сильно похож на известного актера, что обычно люди не думали, что это он и есть. Приятный человек — в трезвом состоянии, — однако гораздо чаще он бывал на восемьдесят процентов проспиртован. Он взял Пейнтера под свое крыло, когда молодой человек пришел в агентство, и тот никогда не забывал этого.

— Хочешь сказать, что со мной что-то не так? — с улыбкой спросил Пейнтер. — Или имеется в

---

[44] notes: 44

Филипп Марло — герой книги Реймонда Чандлера «Вечный сон», расследующий дела, в огласке которых его клиенты решительно не заинтересованы.

[45] notes: 45

Роберт Митчум — известный киноактер.

виду мир в целом?

— Раз уж ты спросил, — ответил Слейтер, — то речь конкретно о тебе. Послушай, я был уверен, что у тебя есть мозги. В смысле, как давно ты с нами? Год… дольше? Сколько дней или, точнее, ночей ты уже провел, разыскивая и находя доказательства всех этих прелюбодеяний? Делая компрометирующие снимки, выслушивая рыдания жен и мужей, рассказывающих о своих страхах и подозрениях, обнаруживая, что они правы, что «невинные» вечеринки, не что иное как групповой секс? Сын мой, это же выгребная яма!

— Наша работа? Тоже мне, новость!

— Мир, бога ради! Здесь нет «телки», которую нельзя завалить в подходящее время в подходящем месте под подходящим предлогом, и нет парня, который не пытался бы сделать это. Иногда я думаю, что дело не в самом сексе, а в том, что он *запретный.* Разве ворованные яблоки не слаще? Ну, может, так оно и есть, пока у тебя от них не сведет живот. Да, они делают это, потому что это «запретный плод». Некоторые из них, по крайней мере. А другие просто из вызова.

— Вроде как карабкаться в гору?

— Умен, подлец! Я *серьезно.* Каждый застен-

чивый парнишка, которого ты видишь, потенциальный жеребец, и каждая милая, невинная «птичка» занимается этим шесть ночей в неделю. И замужние худшие из них.

Пейнтер пожал плечами.

— Такова жизнь, Джим. Но если не считать работы, какое это имеет отношение ко мне?

— Самое прямое. Ты говоришь, что собираешься жениться на Джуди Декстер, дочери босса и хочешь, чтобы *я* был твоим шафером!

Улыбка Пейнтера увяла.

— Все равно не понимаю, — ответил он, от всей души надеясь, что так оно и есть.

Слейтер прикончил пиво и заказал еще два.

— Нет, понимаешь, — сказал он. — Ты помрачнел, я вижу. Значит, понял меня. Послушай, я был женат! Тебе это известно?

Да, Пейнтеру это было известно. Три года назад она сбежала не то с молочником, не то с соседом, страховым агентом, не то с кем-то еще. Он слышал, как об этом говорили в офисе, но только когда Слейтера рядом не было. Джим был слишком мощный и неуравновешенный, чтобы стоило рисковать. По-видимому, это надолго выбило его из колеи: тот факт, что пока он ловил изменщиков, какой-то сопляк делал *это* с его женой.

Отсюда ползучая алкогольная зависимость, цинизм, а теперь еще и горькая речь, направленная против брака как такового. Если Джим Слейтер не возьмется за ум, то совсем скоро станет законченным женоненавистником. Или уже стал им, если сегодняшнее поведение типично для него.

— Так тебе известно? — настойчиво, но слегка заплетающимся языком повторил он. — Я сказал, у меня была *жена!*

Последнее слово он произнес так, словно на язык попал яд.

— Бывают хорошие жены и плохие, — ответил Пейнтер, страстно желая сменить тему. — У тебя ведь были мать и отец, но разве они разошлись?

Едва произнеся эти слова, он понял свою ошибку.

Слейтер вперил в него мрачный взгляд.

— На самом деле, да. Но хорошие и плохие? Наверно. По крайней мере, раньше я так думал. — Он уставился на свое пиво, как бы зачарованный этим зрелищем, и сделал большой глоток. — Скажи, какую самую дорогую вещь ты когда-нибудь купишь?

— Что? — Может, тема переменится сама собой. — Дом, наверно.

— Ошибаешься, — сказал Слейтер. — Однако

попытка хорошая. Тебе нужен дом в качестве клетки для «птички». До «птички» старая холостяцкая квартира тебя вполне устраивала. Но стоит ей появиться, и нужен дом для детишек. Смысл ясен. Попытайся еще раз. Самое дорогое, что ты когда-либо купишь?

Чувство юмора Пейнтера быстро таяло.

— Машина?

— Машина? Ха! Никакого воображения. Однако снова — это хороший пример того, как работают мозги. Зачем молодые парни покупают автомобили, а? Чтобы привлекать «птичек». А почему «птички» любят парней с шикарными тачками? Потому что в них удобно трахаться. Давай, попытайся еще раз.

— Так *какую же* самую дорогую вещь я когда-либо куплю?

Слейтер хмуро посмотрел на него.

— Твое проклятое свидетельство о браке, диньдон!

Пейнтеру следовало признать, что в этом что-то есть, однако он лишь резко сказал:

— Джим, мы с Джуди другие. В смысле, ты действительно беспокоишься о нас? — Он улыбнулся и печально покачал головой, в тщетной попытке убедить Слейтера, насколько тот неправ. — Мы…

другие.

Слейтер, однако, был непоколебим.

— Послушай, я много лет работал на Декстера, и его малышка вертелась рядом с тех пор, как ей исполнилось… м-мм… пятнадцать? Думаешь, ты единственный молодой, симпатичный сыщик в этом бизнесе?

Улыбка, абсолютно лишенная юмора, застыла на лице Пейнтера.

— Думаю, ты сказал достаточно, Джим.

— Что? — Теперь Слейтер выглядел удивленным. — Ты думаешь, что я сказал?.. Ну, если ты *так* думаешь, тогда сказанного мной явно недостаточно!

— Достаточно для меня, во всяком случае.

Пейнтер вскочил, так резко, что чуть не опрокинул пиво, и устремился к двери. Сдергивая с колышка пальто, он знал, что Слейтер последовал за ним. Бармен пожелал им доброй ночи, но ему никто не ответил. И потом они стояли в темноте на булыжной мостовой, под мелким дождиком, застегивая пальто, словно чужие, не произнося ни слова. Слейтер излучал страдание, Пейнтер злость, и оба прекрасно ощущали ауру друг друга.

Спустя какое-то время Пейнтер сказал, с ощу-

щением неловкости:

— Ладно, забудем.

— Да-да, — промямлил Слейтер, стараясь, чтобы это прозвучало как извинение. — Эй, моя машина за углом. Я подброшу тебя.

— Нет… Уверен?

— Уверен. Как ты пойдешь в такой дождь? Ты же не рыба. Промочит кого угодно… даже такого пьяницу, как я.

Снова извинение.

Пейнтер смягчился.

— Ты править-то сможешь?

Слейтер сумел улыбнуться, пусть и невесело.

— Если я выпил мало, это самое безопасное время, чтобы сесть за руль!

Они побежали сквозь туман и дождь к автомобилю. Когда пятнадцать минут спустя они остановились перед домом Пейнтера и тот собрался вылезать, Слейтер сказал:

— Эндрю, ты не будешь слишком плохо обо мне думать, если я откажусь быть твоим шафером?

— Нет. Никто не знает, что я собирался просить тебя. Поэтому никто и не расстроится.

— Это просто потому…

— Все в порядке, Джим. Я понимаю…

* * *

На следующее утро Пейнтер «нечаянно» услышал разговор Слейтера с Декстером в кабинете последнего. Фактически, все в офисе слышали его, поскольку Декстер был зол, а Слейтер груб.

— Джим, — возмущенно говорил Декстер, — просто не понимаю, что в тебя вселилось. Ты обзывал эту женщину… по-всякому!

— Она заслуживает каждого сказанного мной слова, — пророкотал Слейтер.

— Что? Но это не тебе решать, Джим! Нам повезло, что, скорее всего, она не станет подавать в суд, потому что в суде мы точно проиграли бы. Пусть не дело, но свою репутацию. Теперь послушай, Джим. Я потратил слишком много лет на упрочение своего положения, чтобы какой-то женоненавистник его порушил.

— Я назвал ее шлюхой, и она такая и есть. — Слейтер еще чуть повысил голос. — Молодая шлюшка, пожирающая бойфрендов с такой жадностью, словно в мире вот-вот не останется ни одного мужчины. Что было бы не так скверно, не будь она замужем… за каким-то богатым идиотом! Я две недели следил за ней, и даже *я* глазам своим не верил! Боялся подцепить что-нибудь,

просто ходя за ней!

— И все же ты не судья и не присяжные! — Декстер тоже повысил голос. — И ты слишком опытный детектив, чтобы они могли «случайно» заметить твою слежку. Что я хочу сказать? Ты *сознательно* позволил им увидеть себя! Умышленно спровоцировал. Мужчина потерял два зуба! Если бы он не был так сильно скомпрометирован, ты бы сейчас объяснял все это судье, а наше агентство пыталось бы любым способом отмазаться!

— Мужик сам набросился на меня! — Слейтер изобразил изумление, однако Пейнтер по голосу чувствовал, что это притворство. — Что, я должен был просто стоять и позволить ему разорвать себя на части?

— Ты его чуть в больницу не уложил! Послушай, я долго терпел, Джим. Не желаю больше обсуждать ни эту даму, ни предыдущую, ни ту, что была до нее. Вбей себе в голову: эти люди не преступники, они просто люди, обманывающие своих мужей и жен.

— Правильно. Они просто чертовски непорядочны.

— Кем бы они ни были, они обеспечивают нам хлеб и масло. Если тебя одолевает желание лу-

пить их и бросать в тюрьму за мелкие грешки, тогда, может, тебе стоит эмигрировать в Южную Африку, вооружиться бичом и… и… Какого черта! Там его используют как орудие наказания, но здесь ты определенно не на месте!

— Я уволен?

Сейчас голос Слейтера звучал гораздо спокойнее, почти покорно.

Последовала пауза.

— Нет, — кислым тоном ответил Декстер. — Это не увольнение, просто предупреждение. И, Джим, это последнее предупреждение.

— Это все? Вы закончили?

— Да.

Люди в офисе засуетились, начали безо всякой нужды перекладывать папки, вскрывать конверты, кусать ногти. Кто-то немелодично засвистел. Пейнтер вернулся к проверке и без того прекрасного отчета. Дверь Декстера открылась, появился Слейтер. Заметив всю эту бурную деятельность, он безрадостно улыбнулся. Из-за его спины послышался все еще сердитый голос Декстера:

— Загляни в свое отделение для поступающих бумаг, Джим. Это тебе задание на следующий уикэнд. Принесет немало денег. Может, оно удержит тебя от бутылки, а заодно ты хотя бы на время

сгинешь с глаз моих!

Декстер хотел, чтобы все в офисе его услышали, и Слейтер понимал это.

Он захлопнул за собой дверь.

Два часа спустя, когда Пейнтер вышел из офиса, его поджидал Слейтер.

— По одной?

— Выпить или поговорить?

— И то, и другое, раз уж ты спрашиваешь.

Они отправились в свою пивную и заказали пиво. У Пейнтера еще были дела; то, что он заказал всего полпинты, красноречивее всяких слов свидетельствовало о его нежелании задерживаться надолго.

— Что, у меня проказа или что-нибудь в этом роде? — хмуро спросил Джим Слейтер.

— Сейчас уик-энд, — ответил Пейнтер. — Точнее, то, что от него осталось. Лично я не против получить от него удовольствие. По-моему, ты хотел поговорить? О попойке речи не было.

Слейтер достал из кармана длинный манильский конверт и шлепнул его на стойку.

— Что скажешь об этом?

Пейнтер взял конверт, вытряхнул из него две фотографии и несколько вырезок из иностранных газет с прикрепленным к ним, отпечатанным на

машинке переводом.

— Работа, которую дал тебе Декстер? На следующий уик-энд?

— Да, но что ты думаешь об этом? — нетерпеливо спросил Слейтер.

Пейнтер вздохнул.

— Ты хочешь, чтобы я все это прочел?

— Да уж, критика для проформы мне не нужна! — с обиженным видом воскликнул Слейтер. — Ничего себе! Оказывается, здесь сидит совершенно посторонний тебе человек и умоляет уделить ему десять минут времени!

— Хорошо, — покорно ответил Пейнтер и принялся читать содержимое конверта. Поначалу он никак не мог уловить смысл, но потом начал вникать. — Ну, по крайней мере, это не та работа, которой мы занимаемся обычно.

— Это вообще не работа, как я ее понимаю! — фыркнул Слейтер. — Это детская работа, получение денег за ничегонеделанье, что-то, что можно поручить умненькому, ясноглазому сопляку, который радостно воскликнет: «Ух, ты, здорово! Это же мое первое задание!»

— Деньги сами плывут в руки. — Пейнтер пожал плечами. — И ты получишь свои двадцать пять процентов. Это немало! К чему, в таком

случае, весь этот шум? Эй, если не хочешь заниматься этим делом, отдай его мне!

Слейтер хмуро посмотрел на приятеля и спросил:

— Ты ухватил суть?

Пейнтер снова проглядел бумаги.

— Что? По-моему, да. Псих, надо полагать. Фу! Ну, точно псих.

Слейтер кивнул.

— Если не считать того, что это в точности то, о чем говорил Декстер — способ на время убрать меня с глаз долой, — это выглядит странно. Не то чтобы я не знаю, с какого бока подойти. Просто, если я займусь этим делом, то буду чувствовать себя таким же спятившим, как старушенция, которая платит за это.

Пейнтер вынужден был согласиться, что дело странное, однако прилагаемый чек впечатлял. Он нахмурился.

— Пытаюсь понять, где тут собака зарыта.

— Вот. — Слейтер достал большой лист бумаги. — Вот тут самое основное.

Пейнтер уставился на испятнанную пивом страницу.

(1) Встречи с целью проведения ролевой игры: Милан, Берн, Реймс.

(2) Сын синьоры Минателли, Антонио, восемнадцати лет, присутствует во время уик-энда на встрече в Милане (Италия) и, вернувшись, рассказывает, что немецкий почетный гость Ганс Гутмейер исчез из своего номера вечером в субботу (17 или 18 июля). Антонио в сильной досаде; Гутмейер на следующий день должен был принять участие в важнейшей игре против итальянской команды в борьбе за мировое первенство. Итальянские фанаты посчитали, что он струсил и ночью сбежал в Германию.

(3) Две недели спустя Антонио отправляется на встречу в Берн (Швейцария). Синьора Минателли ожидает его возвращения домой поздно вечером в воскресенье или рано утром в понедельник. Однако он не появляется. В конце концов, она звонит в отель в Берне; ей говорят, что счет не оплачен и автомобиль все еще на парковке отеля, но никаких признаков самого Антонио.

(4) Тем временем приходит новость, что Ганс Гутмейер во Франкфурт не вернулся, и выясняется, что, исчезнув из отеля в Милане, он оставил в номере все свои вещи, включая немецкие марки и обратный билет на поезд. Подгоняемая заинтересованными сторонами (прежде всего, синьорой Минателли), немецкая, итальянская

и швейцарская полиции объединяют свои усилия, но не обнаруживают никаких зацепок. Ну, исчезли двое молодых парней в иностранных государствах — и что? Это происходит постоянно. Туристы, в особенности во Франции и Италии, пропадают с точностью работы часового механизма. Рутинная полицейская работа, вот и все; и следователи не торопятся.

(5) С. Минателли — настоящая итальянская мамаша, горячо любящая своего сына — вступает в контакт с Сюрте[46] по поводу предстоящей встречи в Реймсе, которая должна иметь место на третьей неделе августа. Она уже все вычислила: маньяк, разъезжающий по городам, где происходят встречи, и убивающий участников. Очаровательная теория, однако в ней имеется масса пробелов. Типа, где тела? Тем не менее Сюрте благодарит ее за подсказку и уверяет, что они сделают все, что могут — что, по тому, как оборачивается дело, равняется нулю. Никто во время собрания в Реймсе не исчезает, но… С. Минателли не испытывает удовлетворения, а ее сына по-прежнему нет как нет. Она достает список участников французской встречи, проводит

[46] notes: 46
Сюрте — Главное управление национальной безопасности Франции.

свое расследование и выясняет, что некоторые из них хиппи, не имеющие постоянного местожительства. Значит, один из них (или даже несколько) вполне могли исчезнуть, и никто этого не заметил бы.

(6) К настоящему времени, однако, у С. Минателли родилась вторая теория: возможно, ее сын влюбился в девушку схожих устремлений (слово «устремления» кажется очень подходящим) и теперь вместе с ней разъезжает по встречам. По-видимому, он мимоходом упоминал, что познакомился с этой девушкой в Милане. Мать Тони начисто игнорирует тот факт, что его имени в списке Реймса нет, и что практически синхронно с ним исчез Ганс Гутмейер. Короче, теперь она хватается за соломинку.

(7) Она связывается с Интерполом, с Отделом уголовного розыска, со Скотланд-Ярдом и передает им всю информацию, все вырезки, связанные с исчезновением, фотографии сына и т. д. Может, кто-нибудь будет столь любезен поискать его на предстоящей в середине сентября встрече в Лондоне? То есть во время следующего уик-энда. Нетрудно представить себе, что Интерпол, Отдел уголовного розыска и Скотланд-Ярд думают обо всем этом. Тем не менее, они говорят «хорошо»

и обещают, что кто-нибудь будет заскакивать через равные промежутки времени на встречу в Лондоне и поищет в толпе Антонио Минателли.

(8) По-прежнему не испытывая удовлетворения, она вступает в контакт с Декстером, и он дает эту работу мне.

* * *

— Вопрос, — сказал Пейнтер, возвращая бумаги Слейтеру. — Что такое ролевая игра?

— Игроки разыгрывают роли под руководством судьи. Когда возникает необходимость принимать решения или воспользоваться обходными маршрутами, выбор делается путем бросания костей. Или, может, это остается на усмотрение судьи, «ведущего». Понимаешь, существует много альтернатив. По-видимому, тут играет роль опыт. Нужно знать теорию игры: книги, на которых она основана, навыки, необходимые для победы, сценарий. — Слейтер вгляделся в ничего не выражающее лицо Пейнтера. — Въезжаешь?

Пейнтер кивнул.

— По-моему, да. Что-то вроде военной игры?

— Ну да. Сценарии Стар Трек[47] — это, как правило, и есть военная игра, только перенесенная в космос. Однако категорически высказываться я не берусь, поскольку не очень-то осведомлен обо всем этом.

Пейнтер задумался.

— Конечно, убери этот фон и останешься с делами двух пропавших людей — или, точнее, *одного* пропавшего человека, если ограничиться рамками твоего задания: Антонио Минателли.

— Игнорировать фон нельзя, — возразил Слейтер, — и ты это понимаешь. Сам фон и есть дело. — Он улыбнулся. — Знаешь, я тысячи раз проходил мимо этого места в даунтауне и вроде бы никогда не замечал его, пока не получил это задание. Тогда я сразу же его вспомнил. Сила наблюдательности! Выйдя утром из офиса, я пошел к специалисту-торговцу и кое-что выяснил.

Он достал из портфеля более внушительный конверт и высыпал на стол его содержимое.

— Эти ребята издают собственные журналы, поклоняются собственным идолам, живут в собственных странных мирах. Только взгляни на

[47] notes: 47

Стар Трек (*англ.* Star Trek) — в переводе «Звездный путь», фантастический телесериал о космических путешествиях; также различными авторами написано много книг на эту тему.

заглавия. «Склепы и вампиры» и… «Мозжечок»? А как тебе «Знаток друидов» и остальное? Все, что угодно, от Средневековья до Джеймса Бонда! Вот это, к примеру, — он указал на небольшой буклет с обложкой комикса ужасов, — «журнал для болельщиков». Но какие странные, странные названия!

— «Дюгонь»?[48]

— Это такое морское животное. Типа огромного моржа. Моряки прежних времен считали их сиренами. Факт тот, что это морское создание. Видишь ли, «Дюгонь» — для ревностных поклонников вот этого… м-мм… парня. — Слейтер бросил кричащий журнал на стойку. — Понимаешь, все, кто живет в море, поклоняются Великому Богу Моря, изображенному здесь.

Пейнтер бросил взгляд на обложку журнала. Казалось, чешуйчатое, похожее на кальмара и явно разумное создание смотрело прямо на него из-под труднопроизносимого названия.

— «Зов…»?

Оба уставились на журнал.

— М-мм… «Кут-лу»? — предпринял новую попытку Пейнтер.

---

[48] notes: 48

Дюгонь — водное млекопитающее отряда сирен.

— Твое предположение ничуть не хуже моего. — Слейтер пожал плечами. — Черт, этот парень в магазине буквально *пропел* мне его!

— Что?

— Будущее шокирует. Может, я слишком стар, чтобы шагать в ногу со временем. Но, подсчитывая мои покупки, парень проверял названия, добрался до этого и сказал: «О, да, «Зов Тутли-туутли»! Кроме шуток! Или вот это: «Преисподняя шогготов»! Посвящен тому же Тутли-тутли. Ты понимаешь все это? Эй, я что, тебя потерял?

— Только отчасти, — ответил Пейнтер с оттенком сарказма.

— Очнись! — сказал Слейтер. — Знаешь, я буду продолжать изучать все это. По крайней мере, отработаю свои двадцать пять процентов.

Пейнтер рассмеялся.

— Странный ты, Джим. Пятнадцать минут назад ты жаловался по поводу этой работы, а сейчас мне кажется, ты жаждешь приступить к ней.

Выражение лица Слейтера мгновенно изменилось.

— Я жаловался из-за того, что от меня отделываются. Типа, как малыша оставляют без ужина и отсылают пораньше в постель.

— Не просто малыша, — поправил его Пейн-

тер. — Непослушного малыша! И, между прочим, это тебя задевало лишь отчасти. Больше всего ты был недоволен тем, что это работа для сопляка, что это унижение — посылать заниматься таким делом выдающегося сыщика вроде тебя.

Слейтер вскинул брови.

— А ты так не считаешь, что ли?

— Я уже сказал: не хочешь заниматься сам, отдай мне.

— Да, — ответил Слейтер, приканчивая пиво. — Вешать лапшу на уши, вот что такое это дело.

— Ничего подобного, — стоял на своем Пейнтер. — Ты ведь должен выяснить, что случилось с Антонио Минателли, так? А еще лучше, найти самого парня? Разве оно того не стоит — прийти в офис Декстера со всеми материалами и ткнуть их ему под нос?

Слейтер обдумал услышанное и улыбнулся.

— Кстати, это удержит меня от того, чтобы еще кому-нибудь всыпать. — На его лице снова возникло кислое выражение. — В понедельник мне предстоит еще один развод, а в четверг я должен «поговорить» с одним парнем о сексуальном домогательстве, в которое он оказался замешан. Иисус!

— Главное, держи свои лапы подальше от

него, — предостерег его Пейнтер. И потом, меняя тему разговора: — Только подумай, в субботу ты едешь в «Дым»[49], все расходы оплачены, оттянешься там, и все благодаря этому странному делу. Замечательно!

Слейтер нахмурился.

— Ты уверен, что не перебрал Старого Особого?

— Вовсе нет! — возразил Пейнтер. — И чтобы доказать это, я выпью с тобой еще полпинты. Кстати, твоя очередь заказывать.

* * *

Следующая неделя наступила и прошла. У них были и другие расследования, и все же у Пейнтера оставалось много свободного времени. Если он не горбатился на Декстера, то читал материалы, связанные с делом Слейтера. Ничего такого выдающегося, конечно, в самом факте поездки в Лондон не было — БЧРД (Бюро Частных Расследований Декстера) находилось в Кройдоне, и до «Дыма» было рукой подать; просто это была работа другого сорта. И Пейнтер радовался, что Джим Слейтер получил ее.

С другой стороны, Слейтер не просил его делать

---

[49] notes: 49

«Дым» — шутливое название Лондона.

никаких изысканий и, наверно, не одобрил бы этого, если бы узнал; однако было приятно отвлечься от того, чем Пейнтер занимался по долгу службы. И его совесть была чиста: несомненно, он хотел помочь Слейтеру, но ненавязчиво.

В понедельник Слейтер был в офисе, буркнул что-то о том, что во вторник должен быть в суде, в середине дня исчез и не появлялся до среды. Заглянул в свое отделение для поступающих бумаг, но не обнаружил ничего. В четверг он успешно вывел из игры шантажиста (мерзкого типа, который требовал за молчание секс), передал его полиции и принес отчет Декстеру, который воспринял его благосклонно. В пятницу, день платежа, Слейтер появился снова, и нос у него был не такой красный, как обычно, из чего Пейнтер заключил, что тот воздерживается от выпивки.

Во время ланча, однако, они вместе съели по сэндвичу и выпили пива.

— Я тут кое-что почитал, — признался Пейнтер, решив, что его интерес не будет неправильно истолкован.

— Замечательно! — воскликнул Слейтер, этим гулким и одновременно грустным голосом Боба Митчума. — Никогда не подозревал в тебе таких

наклонностей. Что дальше? Займешься чистописанием и арифметикой?

Пейнтер улыбнулся.

— Я серьезно. В связи с твоим пропавшим парнем.

Слейтер тут же насторожился.

— Что?

Пейнтер вскинул руку.

— Не по делу — просто то, что касается подоплеки. Ты сам говорил, что подоплека крайне важна. Ну, там Лавкрафт, писатели «Мифического круга». О Ктулху…

— Старый Тутли-тутли?

— Называй, как тебе нравится, — сказал Пейнтер. — Для меня и Ктулху сойдет… И еще кое-что Чарльза Форта. По-настоящему странно.

— А фон Дейникена? — Природный скептицизм Слейтера взял верх. — НЛО? Как насчет Лобсама Рампы и дурной славы Сида Румбольда?

— Говорю же, я серьезно, — настаивал Пейнтер.

Слейтер кивнул.

— Вижу. А чем, по-твоему, я занимался? Впустую тратил время?

— Ты тоже читал все это? — удивился Пейнтер. — В смысле, я-то начал, потому что мне стало

интересно и потому что…

Он замолчал.

— Потому что хотел мне помочь? Потому что думал, что все смотрят на меня косо, а ты по-прежнему мой друг? Ну, благодарю за то, что ты мой друг, но не благодарю за сочувствие. Все получают в жизни то, на что напрашиваются. Что касается твоих исследований: я пролистал все то, о чем ты говорил, но обнаружил, что сам Лавкрафт высмеивал это… Ну, у меня сложилась достаточно полная картина. Я нашел то, что хотел: выяснилось, что именно вся эта лабуда заводит ребят. Почему им нравятся Дракула и Франкенштейн? То же самое: если ты молод, нужно что-то, захватывающее воображение. Жаль, что им предстоит повзрослеть. Как только такой олух начинает взрослеть, к черту воображение! Тогда их захватывают совсем другие вещи. И хватит о подоплеке — сама работа, вот что главное. Я проглядел составленные Интерполом списки пропавших людей, прикинул возможные мотивы, дважды проверил списки участников различных встреч, установил — или, точнее, попытался установить — кое-какие связи…

— Связи?

— Естественно, — ответил Слейтер. — Типа…

как связаны между собой эти исчезновения? Или это просто случайное совпадение? И какую роль играет фактор самих ролевых игр? И если на свободе шатается реальный убийца или похититель, ну… Очевидно, что он (или она) связан и с Миланом, и с Берном. Значит, его имя должно быть в обоих списках. Понимаешь, что я имею в виду? Пазл не станет картинкой, пока все его фрагменты не займут свое место, фрагменты есть, осталось правильно расставить их.

— И что, есть совпадающие имена в обоих списках? — зачарованно спросил Пейнтер.

Слейтер кивнул.

— Ты даже знаешь некоторые из них. Хотя бы Ганс Гутмейер. После Милана он должен был ехать в Берн. Исключаем Гутмейера, поскольку он жертва. То же самое относится к Антонио Минателли. Однако есть еще парочка других…

Пейнтер наклонился к нему.

— Кто?

— К примеру, Синди Паттерсон. Молодая американка, издатель, выпускает игры и связанные с ними продукты. Чрезвычайно заинтересована в расширении своей империи. Практичная молодая леди. И она — движущая сила этих сборищ, помогает координировать их. Вот почему

они происходят без проблем, с перерывом в две недели. В итоге она и пара ее парней безо всяких затруднений скачут с одного на другое. Она проводит в каждом городе около недели, продвигая свою продукцию. Американцы — мастера по части рекламы, тебе это известно? И, похоже, вся эта затея с ролевой игрой быстро превращается в серьезный бизнес.

— По-твоему, тут замешаны эти американцы?

Слейтер поджал губы и медленно покачал головой.

— Если да, я не понимаю, как. С какой стати они стали бы бегать туда-сюда, убивая тех, кто дает им средства к жизни?

— Может, это способ отбраковки?

Слейтер нахмурился.

— Где мотив? Это же фанаты, не конкуренты-издатели. Гутмейер считался «звездой», что само по себе обеспечивает хорошую рекламу! А Минателли был помешан на продукции «Агонии».

— «Агонии»?

— Так называется издательство Синди Паттерсон. Выходит, у нее нет никакого мотива — или, если есть, он пока не очевиден. И, кстати, американцев можно исключить также потому, что они пропустили встречу в Берне. В Штатах у На-

чальницы возникли какие-то проблемы, которые требовалось срочно уладить. Они к Реймсу только-только управились.

— Как ты все это раскопал? — Пейнтер снова заказал пиво. — В смысле, кто твой информант? Ты вряд ли разговаривал с кем-то, непосредственно замешанным во все это, потому что в этом случае выдал бы себя. Кто тебе все это рассказал?

Слейтер улыбнулся.

— Элементарно, мой дорогой Эндрю. Если тебя интересует состояние церковных балок, не расспрашивай звонаря, спроси жуков-древоточцев. Того, кто располагает тайной информацией, хотя не присутствовал ни на одной иностранной встрече. И кто же это? Карл П. Ферд, вот кто.

— Кто?

— Ферд, редактор и издатель «Дюгоня». Все происходящее для него открытая книга. Знаешь, «Дюгонь» — один из восьмидесяти журналов для болельщиков. И это только в нашей стране! Кстати, Карл производит впечатление искреннего молодого человека и знает всех игроков, а также тех, кто ошивается около — как фанатов, так и профи. Я разговаривал с ним и при этом чувствовал себя дерьмово из-за того, что морочу ему голову. Я сказал, что провожу исследование

для человека, который пишет книгу о всяких играх. Дескать, это добавит известности «Дюгоню» и еще парочке самопальных журналов для болельщиков.

Пейнтер кивнул.

— Выходит, ты собрал массу информации о подоплеке, но по делу фактически пока не продвинулся. И все же у меня чувство, будто ты что-то нащупал. Есть что-то, о чем ты мне не рассказал?

Слейтер улыбнулся и кивнул.

— Ферд рассказал мне о существовании психа по имени Кевин Блейкер, который, типа, гуру для игроков. Он буквально набит дерьмом о мифах этого Тутли-тутли, посещает все встречи, хотя сам в игре не стоит и ломаного пенни. Зато говорит, говорит и говорит. Он похож на истинного верующего.

— Во что?

— Он думает, что все это реально. По крайней мере, так это звучит в его устах. Все эти мифы реальны! Ктул… или как там ты его называешь?.. реален, обитает между известными нам пространствами, дожидается случая, когда можно будет снова захватить власть над миром, и…

— Постой! — прервал его Пейнтер. — Разве Ктулху не спит в своем доме в Р’лайхе?

— Ну, значит, его марионетки. Остальная шайка. Они, типа, не числятся в телефонной книге, но с ними можно вступить в контакт. И когда звезды выстраиваются как надо, и число поклонников культа достаточно велико…

— Какого культа?

Слейтер вздохнул.

— Культа Ктулху, ясное дело! Как я уже сказал, этот чокнутый Блейкер думает, будто рассказы — подлинный Лавкрафт, Смит, Говард и так далее, сам можешь перечислить имена — основаны на реальных фактах. Тайна, в которую посвящены очень немногие. Ну, конченый псих, по словам Карла Ферда!

Пейнтер задумался.

— Достаточно не в своем уме, чтобы похищать людей или, по крайней мере, заставлять их исчезать… может, даже убивать. Но какой мотив?

Слейтер наклонил голову и сделал большие глаза.

— А!

— Он был в списках встреч? — продолжал допытываться Пейнтер. — Участвовал в них?

— Нет, что касается первого, и да, во втором случае. Послушай, согласно описанию Ферда, сама игра вообще не в его стиле. Он гуру, таин-

ственно появляется и точно так же исчезает. Просто приходит, побудет часа два или, может, день, пообщается со своими сторонниками и всеми достаточно легковерными, чтобы слушать его, и уходит. Поэтому, хотя его и нет в официальных списках, очень маловероятно, чтобы он пропустил какую-то встречу. Он появляется на всех! Был в Милане, это я точно выяснил. Спорю, в Берне и Реймсе он тоже был.

— А что все-таки насчет мотива? «А!» — это не мотив.

— Гутмейер — игрок уровня мирового чемпионата, по крайней мере, был. Изучил все книги, знал все правила, в том числе и самые свежие. Опытный игрок, он шел туда, куда другие боялись соваться, потому что мог правильно оценить Старого Спрута и остальных звездных тварей. Однако Блейкер снова и снова твердит, что это не просто игра. Может, такой у него способ доказать свою правоту? Себя он давно убедил, теперь нужно убедить остальных. Дескать, с Тутли-тутли шутки плохи, он — раз! — и заберет тебя! С этих позиций Тони Минателли тоже следовало убрать: он неглуп, основательно «подсел» на эту игру и в один прекрасный день мог всерьез схлестнуться с Блейкером, а этот парень не выносит людей,

которые способны украсть у него славу. Он и никто другой должен быть в центре внимания всего этого Ктулхоида, и…

— Ктулхоида?

— Круг лиц, имеющих отношение к Ктулху. Видишь? Даже я способен выговорить его имя. Как бы то ни было, ты меня понял.

— Выходит, у тебя есть след, — почти разочарованно сказал Пейнтер.

— Эй, радуйтесь все! Какое счастье! Джимбо взял след! — Слейтер прекратил ерничать и спросил серьезным тоном: — И что тебя грызет?

— Ну, на самом деле… — начал Пейнтер и оборвал себя. — Наверно, это выглядит так, будто меня и впрямь что-то грызет?

— Все в порядке. — Слейтер криво усмехнулся. — Так что у тебя за теория?

— Теория? — фыркнул Пейнтер. — Какие у меня проблемы, ты хочешь спросить? Видишь ли, я… ну, типа, тайно восхищаюсь Адамскисами, Рампасами, фон Даникенсами и Фортсами нашего мира. И это отчасти грустно, когда выясняется, что все это чушь собачья. Ребенком я читал вестерны. Мне нравились вещи Дж. Т. Эдсона. Они были такие… *настоящие!* Потом я выяснил, что Эдсон был просто толстым почтальоном из Мелтон Мо-

убрея, графство Лестершир. Милейший человек, но вряд ли Зейн Греу. И, уж точно, не Джон Уэйн! То же самое чувство я испытываю в отношении этих странных тварей. Приятно же, если такие вещи хоть иногда оказываются правдой, разве не так? Поэтому на прошедшей неделе я выбросил логику в окно и ударился в эзотерику. И мне казалось, будто я кое-что нащупал — фактически, одну вещь, но… жуткую. Вот только сейчас она кажется ужасно глупой.

— Ты что, хотел бы, чтобы Ктулху и компания существовали на самом деле? Да уж, *это* было бы жутко! Ладно, я тебя понял. И, как говорится, весь внимание. Что, по-твоему, ты нарыл?

— «По-твоему» здесь неуместно. В смысле, все так и есть — вот только, как мне кажется, это просто совпадение. Тебе известно, что такое лей-линии?

— Лей-линии? А, да. Воображаемые линии на поверхности Земли, соединяющие центры доисторического или религиозного интереса — церкви и другие места поклонения или совершения первобытных ритуалов.

— Ритуалов с жертвоприношениями?

Слейтер искоса взглянул на друга.

— Что у тебя на уме?

— Совпадение, только и всего. Однако если ты соединишь Милан, Берн, Реймс и Лондон…

— Лей-линия?

— Правильно. Не совсем, но очень близко.

— Да, ты и впрямь выбросил логику в окно. Какая разница, что за фигуру формируют эти точки, круг или треугольник? Совпадение, больше ничего.

— Синхронность, — сказал Пейнтер. — Или что-то в этом роде.

Слейтер покачал головой.

— Никогда о таком не слышал.

Теперь головой покачал Пейнтер.

— Думаю, термин не совсем правильный. Он означает, что в разных местах одновременно происходят какие-то события, предположительно связанные между собой, но, в то же время, по чистой случайности. Что-то вроде этого. Что мы имеем здесь? Предсказуемые события, происшедшие в предсказуемых местах в предсказуемое время.

— Слишком сложно для меня, — сказал Слейтер. — И, в любом случае, неправильно. Эти исчезновения «предсказуемы» только в ретроспективе. Когда ты уже знаешь, что они происходят на встречах. Нет, я не согласен. Это

как, типа, сказать: «Как странно — на прошлой неделе суббота следовала за пятницей, которая следовала за четвергом, который следовал…» Понимаешь, что я имею в виду? Тут нет ничего странного, потому что таков порядок вещей.

— Чарльз Форт и его «рыбаки» извне, — сказал Пейнтер. — Адамски и его НЛО.

— Фантазии.

— По времени тоже все сходится.

— А?

— Если ты посмотришь на эти точки на карте и оценишь расстояние между ними… Ну, это странно, вот и все.

— Продолжай. Не тяни.

— Просто предположи, — сказал Пейнтер, — что время от времени открывается некая дверь между мирами, между вселенными. Или щель в… черт знает куда! В то, что мы называем космосом. Или трещина в пространства *между* известными нам пространствами.

Слейтер вздохнул.

— Ну, ты меня предостерег. Рассказал обо всех этих странных вещах. Значит, тебе кажется, будто компания Тутли-тутли ловит «рыбку» через эту трещину?

Мечтательное выражение на лице Пейнтера

сменилось неуверенной улыбкой.

— Может, мне нужно обратиться к психиатру?

— Расскажи об этих совпадениях во времени.

Пейнтер по-прежнему выглядел неуверенно.

— Если в пространстве-времени возникает трещина, дверь в другое измерение… В смысле, если поверхности нашей и какой-то другой вселенной медленно сближаются и возникает щель…

— Стоп! — воскликнул Слейтер. — Милан: середина июля. Берн: конец июля. Реймс: третий уик-энд августа. Лондон: середина сентября. Промежутки времени?

— Если считать примерно по десять миль в день, все сходится. Даты и города.

На мгновение Слейтер задумался, но потом покачал головой и улыбнулся.

— Понимаешь, что у нас получается? Слушай, у нас получается невидимый космический корабль с паровым двигателем, который летает по Европе со скоростью десять миль в день, с экипажем из жутких созданий, которые через эту твою щель вылавливают людей.

Пейнтер поскреб подбородок.

— Да, — признал он. — Извини.

Слейтер встал.

— Ты слишком много выпил, и с меня тоже хва-

тит, поскольку завтра у меня свидание с шайкой еще более странных типов. Спасибо, что подумал обо всем этом, но, что касается меня, я буду держаться Кевина Бейкера. На данный момент, по крайней мере.

— Я допью пиво, — сказал Пейнтер.

Не вставая с места, он проводил друга взглядом; в дверях тот повернулся и помахал рукой.

«Синхронность, или что-то в этом роде, — думал он. — Черт, все-таки, как правильно назвать? — И ответил сам себе: — Совпадение. Вот подходящее слово. Просто совпадение, придурок!»

* * *

Не дожидаясь субботы, Слейтер выехал в Лондон тем же вечером. Регистрируясь в отеле, расположенном неподалеку от места очередной встречи, он проглядел книгу записей. Просто привычка, но она сработала. Там обнаружилась Синди Паттерсон, а также Хэнк Мерне и Даррелл ле Сант. Слейтер предположил, что это ее парни из «Агонии».

— Какая-то встреча? — с невинным видом спросил он служащую за стойкой.

— Ну, вроде того, — ответила она. — В зале садоводческого товарищества на Грейкоут-стрит.

Человек шесть из них остановились у нас. Позже они, наверно, появятся в баре.

— Тихие ребята?

— Да, они уже бывали у нас. Никаких неприятностей.

Он отнес портфель в номер, оставил отель и, согнув голову под сильным дождем, направился на Грейкоут-стрит. В зале найти игроков не составило труда — все они занимались подготовкой, приводили в порядок свои столы и реквизит. Были здесь и продавцы — их товар в коробках пока грудами был свален под столами. Некоторые сновали в толпе, разыскивая друзей; очень немногие были старше двадцати двух или двадцати трех лет. В основном тут собрались мужчины, но присутствовали и несколько девушек, главным образом, явно чьих-то подружек, и лишь одна-две сами участвовали в игре, понял Слейтер.

Перекинув пальто через руку, он стоял в стороне и курил, понимая, что выделяется в толпе, словно больной палец. Невыгодное положение, но, даже не будь он «стариком», он по-прежнему не видел себя частью этой толпы. Стань он снова молодым, сюда бы ни за что не пришел.

Большая часть присутствующих здесь юнцов выглядели вполне заурядно: прыщавые, нелов-

кие, неуклюжие, плохо скоординированные и, в основном, не работающие. Приличные с виду, решил Слейтер — никаких криминальных типов, на это он готов был поспорить. Хотя мало ли кто как выглядит? К примеру, вон тот молодой человек с темными, задумчивыми глазами и только начинавшей пробиваться темной остроконечной бородкой: он, наверно, и впрямь приличный. И вон те, два толстых парня, возможно, братья, похожие на ходячие стога сена, волосатые, нескладные, немытые, но, скорее всего, тоже приличные. По-своему. Были и богатые детки, хорошо, хотя и подчеркнуто небрежно, одетые, ухоженные, спокойные и вежливые, с карманами, набитыми деньгами — из тех, кому все преподносят на блюдечке. Можно сказать, эта толпа — поперечный разрез общества. И их игры выглядели достаточно невинно.

Однако… здесь, конечно, присутствовали и фанаты — в смысле этой их ролевой игры. Вроде вон той компании с выкрашенными зеленым лицами и ушами как у Спока: «трекки»[50], очевидно. И маленький коренастый парнишка в резиновой маске с подрагивающими, извиваю-

[50] notes: 50

«Трекки» — фанаты телесериала «Стар трек»; *Спок* — один из героев этого сериала, инопланетянин с остроконечными ушами.

щимися щупальцами вокруг рта — сам Старик Тутли-тутли. Встречая друзей, парень неизменно приветствовал их следующим образом: «Н'гах, Р'лайх, *Ктулху фхтагн!*» Жуть!

А что сказать вон о том парне с золотыми и серебряными воздушными шарами вокруг головы? На нем была тенниска с надписью «Йог любит Лавинию», а под шарами проглядывала резиновая маска, «украшенная» нарывами и набухшими гнойниками.

«И все же, спорю, мамочка любит тебя», — подумал Слейтер.

Кто-то коснулся его локтя.

— Мистер Слейтер? — Это было сказано тихо, почти робко, но и достаточно уверенно. Слейтер сразу узнал парня, глядя на него с высоты своих семидесяти четырех дюймов — худощавого, непритязательного, с горящими глазами, не старше двадцати одного года. Волосы средней длины, на лице вопросительная полуулыбка. — Я Карл Ферд. Помните?

Слейтер протянул ему руку.

— Я не спрашиваю, как ты нашел меня в такой толпе.

Ферд с улыбкой оглянулся.

— Приличная толпа, правда?

— Эта? Послушай… м-мм… Карл, будет лучше, если ты станешь вести себя со мной как с полным невеждой. Я здесь по заданию, помнишь? Собираю информацию и прощупываю атмосферу для своего заказчика. На мой взгляд, все это выглядит очень странно. Поэтому ты эксперт, а я новичок. Говори что хочешь, я весь внимание, а мое молчание будет означать одно — что я с трудом поспеваю за твоей мыслью. Договорились?

— Ага.

Парень продолжал скользить взглядом по толпе, с разочарованным видом.

— Что-то не так?

— Нет-нет. Я думал, тут будет больше иностранцев, только и всего. Надеялся, что на этот раз приедут многие из них… раскупят последний «Дюгонь», увезут домой, и расскажут другим. А пока вижу лишь двоих «любителей квашеной…» …в смысле, немцев и нескольких французов.

— «Лягушатников»?

Ферд снова улыбнулся.

— Нормальные ребята. Штука в том, что если бы Гутмейер победил в Милане, он наверняка объявился бы здесь. Это было бы интересно.

Слейтер изобразил тупицу.

— Гутмейер?

— Ганс Гутмейер, да. Похоже, он вышел из игры — в Милане, я имею в виду — и просто ушел. Говорят, он струсил, но этого я не понимаю. Он настоящий знаток.

— В некотором роде чемпион, да? — спросил Слейтер.

— Лучший игрок мира!

— Значит, в этих… м-мм… встречах участвуют французы и немцы. А другие? Швейцарцы, к примеру, или итальянцы?

— Не так уж много. В основном, «лягушатники» и бельгийцы. О, еще здесь бывают профессиональные издатели. Вон там люди из «Зеленого гоблина», иногда бывают и американцы. Синди Паттерсон из «Агонии» мелькала сегодня раньше. В смысле, она и есть «Агония»! — Ферд улыбнулся. — Если вы понимаете, что я имею в виду. Сказала, что они пойдут выпить, а потом пораньше лягут, чтобы завтра появиться с утра, когда все тут закрутится.

— Я в отеле чуть дальше по улице. Синди Паттерсон и ее американские друзья тоже остановились там. Наверно, сейчас сидят в баре. Фактически здесь осталось не так уж много игроков. Как насчет пропустить по пиву?

— Почему бы и нет? До завтра ничего особо

интересного не произойдет.

Они вернулись в отель Слейтера. В баре было человек двадцать с небольшим. Ферд, подтолкнув Слейтера локтем, кивнул на угловой столик.

— Синди Паттерсон, — шепнул он. — С ней Хэнк Мерне и Даррелл ле Сант. Знаменитости!

Синди Паттерсон было чуть за тридцать; невысокая, круглолицая, какая-то слегка оплывшая, в очках с такими сильными стеклами, что они делали ее похожей на сову. На столике стояла тарелка сэндвичей, в зубах Синди застряло помидорное зернышко. Ее спутники горячо спорили между собой, а она, в основном, помалкивала, изредка вставляя словечко. Хэнк Мерне ростом и комплекцией очень походил на Синди, а Даррелл был ужасно худой, с очень коротко остриженными волосами. Но что-то зловещее? Или преступное? Нет. Как говорится, не бери в голову.

Однако вскоре дверь распахнулась, и вошел загадочный незнакомец с остроконечной бородкой, в компании друзей. Один из них был очередной Спок — правда, зелень уже начала сползать с него, — а другой по-прежнему щеголял в тенниске с надписью «Йог любит Лавинию», хотя, по счастью, избавился от воздушных шаров и маски. Остальные казались совершенно нор-

мальными, но с горящими глазами и в сильном возбуждении.

— Ух ты! — сказал Ферд. — Это и есть Кевин-«Ктулху жив!»-Блейкер, неуловимый гуру. Он помешан на этом. Создает нам плохую репутацию.

Интерес Слейтера возрос.

— Чем он занимается?

— Тем же, чем и я, — с кислым видом ответил Ферд. — Мифами. Но если я издатель-фанат, то он предсказатель судьбы! Так, по крайней мере, он говорит. Покрутитесь тут немного и поймете, о чем я.

Блейкер заметил стоящего у стойки Ферда, увидел своих друзей за центральным столиком и помахал им. Он был очень молод, года двадцать два, но обладал исключительно звучным голосом. Еще от него исходил сладковатый, безошибочно опознаваемый запах — это навело Слейтера на мысль, что тот время от времени покуривает сомнительные сигареты. Блейкер заказал выпивку для своих друзей за столиком и повернулся к Ферду, не обращая внимания на Слейтера.

— Привет, Карл, — буркнул он. — Я так понимаю, все еще издаешь свою нечестивую чушь. — Он бросил на стойку экземпляр последнего

«Дюгоня», ткнул в него острым ногтем и добавил, понизив голос: — Не понимаешь, что это такое? Не понимаешь, что открыто приглашаешь их?

— Конечно, понимаю, Кев, — ухмыльнулся Ферд. — Но я что-то не помню, чтобы приглашал тебя. Не возражаешь? Я наслаждаюсь своим пивом… или наслаждался?

Блейкер нахмурился, покачал головой наполовину сердито, наполовину с видом сожаления и зашагал к своим знакомым.

— Если он так заводится из-за Мифов, с какой стати ему приятели вроде этого парня, «Йог любит Лавинию»? — спросил Слейтер.

— Он пытается спасти их, — проворчал Ферд.

Это еще больше подогрело интерес Слейтера.

— Им угрожает опасность? От чего он спасает их?

— От самих себя. Армия спасения в лице одного человека. Опасность? Да. Они могут утонуть во всей этой дряни, которую он несет! Смотрите, начинается. Сейчас смажет глотку…

Блейкер одним большим глотком осушил пинту «Гиннесса», вытер рот, заказал вторую и… заговорил.

— Они были здесь еще до нас. — Сейчас его голос перекрывал все звуки. — Они и сейчас здесь

и будут здесь после того, как избавятся от нас. Старые культы умерли, ушли, за исключением очень немногих в уединенных, темных местах. Однако сейчас расцветают *новые* культы в блестящей «упаковке» — да, и есть поклонники этих новых культов, тоже скрывающиеся под другим обликом! Разница вот в чем; они не осознают, что поклоняются культу! О ком я говорю? — Его голос набирал силу. — Я говорю о тебе. — Он ткнул парня в тенниске в грудь. — И о тебе! — бросил он «Споку». — И, в особенности, о вас! — Он кивнул в направлении сидящих за угловым столиком американцев. — «Агония»? Господи, это же точно о вас! О вас и ваших прислужниках вроде… него!

На этот раз указующий перст обратился на Ферда.

Слейтер смотрел и слушал, впитывая все детали. Возникло чувство, будто это оно самое, будто он нашел то, что искал. Блейкер явно был «с приветом», и все же его окружала атмосфера мрачной привлекательности. Он напоминал молодого, худощавого Алистера Кроули[51] — новая дьявольская инкарнация, — вот только был на

[51] notes: 51

Алистер Кроули — один из наиболее известных оккультистов XIX–XX веков, автор множества оккультных произведений, в том числе «Книги закона». Был участником нескольких оккультных организаций.

другой стороне. Пока он говорил, лампы в баре замигали и слегка пригасли, отчего темные глаза Блейкера засверкали еще ярче.

— Неужели вы не ощущаете *их присутствия* вокруг? — бесновался он. — Неужели не чувствуете их запаха? Их энергия повсюду, энергия, которую привлекаете *вы сами,* а их эмиссары следят за вами через якобы человеческие глаза. Вы слышите их многочисленные голоса в залах своих собраний, но не узнаете! Ваши игроки называют их имена, вы взываете к ним со своей тарабарщиной и, однако, не отдаете себе отчета в том, что делаете!

Пока все это происходило, кое-что изменилось. Прежде всего, Синди Паттерсон и ее приятели ушли, даже не допив свою выпивку. Очевидно, они уже сталкивались с Блейкером или им была известна его репутация — а может, просто не нравилось смотреть и слушать его. И Слейтер не мог винить их за это. Однако появился и кое-кто новенький. В прежние времена, лет десять или больше назад — до того, как он женился, а потом тягостный опыт заставил его разочароваться в женщинах, — *эта* была бы в его вкусе.

На ней были черные брюки, белый жакет и легкая блузка с пышными оборками у запястий. На

карточке, пришпиленной под левым нагрудным карманом, значилось ПРЕССА (что, по мнению Слейтера, выглядело слегка вызывающе, в особенности, в этом баре, битком набитом, мягко говоря, странноватыми людьми). Сам карман оттопыривал крошечный пейджер, а его антенна торчала наружу, доходя до уровня макушки. Благодаря черным туфлям на высоких каблуках ее рост достигал пяти футов десяти дюймов; блестящие черные волосы рассыпались по плечам; черты лица как-то терялись на фоне безупречной кремовой кожи и темных глаз. Да, у нее был прелестный маленький нос и алый рот в форме лука Купидона, однако внимание Слейтера приковали именно глаза.

Она нашла кресло за столиком Блейкера, села, не дожидаясь приглашения, и начала быстро строчить в блокноте. Блейкер продолжал вещать. Фанаты, которым пришлось ради нее потесниться, теперь, казалось, разрывались — то ли слушать своего гуру, то ли влюбленно таращиться на нее, и, похоже, она выигрывала в этом поединке.

— Ух ты! — сказал Карл на ухо Слейтеру.

— Чертовски верно, — ответил тот.

А про себя добавил: «Вперед, юный Карл. Спутайся с такой штучкой, и посмотрим, куда это

тебя заведет. Она разбила больше сердец, чем ты опорожнил пивных кружек».

И, однако, он понимал, что, будь на десять лет моложе, весьма вероятно, и сам был бы не прочь спутаться с ней.

Блейкер, между тем, тоже заметил ее — только покойник не заметил бы ее. Он резко смолк, удивленно заморгал и сказал:

— А?

С дождя вошел полицейский в промокшей накидке, шлеме, со свистком на цепочке… — все как положено. Все притихли, когда он подошел к стойке, облокотился на нее и негромко заговорил с барменом. Показал ему фотографию. Слейтер навострил уши.

— Нет, — ответил бармен, продолжая протирать стакан. — Итальяшка? Преступник?

— Он пропал, — ответил бобби[52].

Слейтер умудрился бросить взгляд на перевернутую вверх ногами фотографию: Антонио Минателли. Боже мой! Значит, вот как они решили ненавязчиво проверить собравшихся на встречу! Даже потрудились послать следователя. Видимо, рассчитывали, что Минателли может

---

[52] notes: 52

Бобби — прозвище полицейского в англоязычных странах.

объявиться здесь.

Когда полицейский ушел, Блейкер завелся снова, но, заметив, что новая девушка — женщина — за его столом репортер, теперь переключился на нее.

— По-вашему, Альхазред был безумен? Нет, это вы безумны — люди, не верящие в его реальность! Может, он отзывался на другое имя, но он был реален, не сомневайтесь. Пророк, предрекающий гибель: «Раскайтесь в своих грехах, ибо конец близок!» Лавкрафт был вторым, просто он не столь откровенен. Маскировал реальность вымыслом. Однако его рассказы — *предостережение!* Если вы не видите этого, вы слепы. Вас ослепляет собственный разум. Но Альхазред, Лавкрафт и многие, многие другие… да, и я тоже… мы…

Свет снова замигал, его яркость заметно уменьшилась. Блейкер повел рукой по комнате.

– *Они* понимают, видите? Слышат, что я говорю правду, и *боятся* ее! Боятся, что *их* обнаружат сейчас, когда расположение звезд неблагоприятно! Однако я обнаружил *их,* и вы тоже можете, если только…

Свет погас.

— Вот дерьмо! — произнес смутно различимый

человек за стойкой и полез к коробке с предохранителями.

Люди передвигались ощупью и сталкивались в темноте. Кто-то воскликнул:

— Ой!

Кто-то другой — «Йог любит Лавинию», решил Слейтер — завопил:

— Да здравствует Р'льех! Ктулху *фхтагн!*

Непонятно почему, но последнее слово вызвало у Слейтера ощущение мурашек по коже. Оно звучало так странно, так… чужеродно! В темноте продолжали перемещаться смутные фигуры, и, опять же по какой-то неясной причине, Слейтеру показалось, будто они подкрадываются к Блейкеру.

— Иисус! — прошептал он.

Воображение разыгралось — он буквально «видел» чужеземных тварей с огромными, блестящими крюками, которые они вонзают в тело Блейкера, одновременно затыкают ему рот, тащат его, полузадушенного, истекающего кровью, и бросают в дыру, в еще более глубокую тьму…

Потом вспыхнул свет, и Слейтер, словно камера, запечатлел в сознании открывшуюся сцену. Блейкер исчез. Женщина-репортер, потрясенно распахнув глаза, стояла над его пустым стулом…

действительно, пустым… Иисус!

Слейтер почти забыл о стоящем рядом Ферде, однако тот сказал:

— Короткое замыкание.

Это простое утверждение спасло Слейтера от того, за что ему впоследствии наверняка было бы стыдно, поскольку от двери в туалет послышался хриплый крик триумфа и ужаса:

— Видели? Видели? — Высунув из туалета голову, Блейкер обвел взглядом комнату — бледный, дрожащий. — У *них* есть свои способы, но меня *они* так запросто не получат! Они рядом, говорю вам. Нет… Они *здесь!*

Он метнулся к двери наружу и выскочил в дождливую ночь.

— Псих, одно слово, — заметил Карл, пробиваясь к выходу вслед за Блейкером. — Но у него есть стиль… Скоро вернусь, — через плечо бросил он Слейтеру.

Тот сначала двинулся следом, но потом передумал. Возбуждение спадало. Может, он чуть-чуть слишком стар для таких штучек?

Женщина-репортер заметила его — он поймал ее оценивающий взгляд. Наверно, она думала: «Он не бог весть что, но лучшее, что здесь можно найти. По крайней мере, бесплатная выпивка

мне обеспечена».

— Привет! — сказал он, когда она подошла к стойке.

— Ты здесь тоже ради этой их встречи? — спросила она.

— В некотором роде. Ищу кое-кого. Но нет, в играх я не участвую.

— Нет? Жаль.

«Ну, прелюдия окончена».

— Хочешь выпить?

— Почему бы и нет? Можно джин с тоником?

Слейтер сделал заказ. Еще десять минут пустого трепа, и она уйдет.

— А ты? — спросил он. — Пишешь статью о встрече?

— Встреча — часть ее. — Пропуская людей, она слегка прижалась к нему. — Как бы одним ударом убиваю двух зайцев.

— Что?

Улыбаясь, она потягивала джин.

— Раскрой свои карты, тогда и я раскрою свои.

Слейтер напустил на себя вид Роберта Митчума.

— Дерзкая девчонка!

— Ты знаешь, что я имею в виду. — Она улыбнулась, но тут же снова стала серьезной. — Я ищу

Антонио Минателли.

«Почему бы и нет? — подумал Слейтер. — Я ищу его, полиция ищет его, почему бы и ей не искать его?»

— У меня такое чувство, что он тут не появится.

— Ты Старый Билл![53]

Он покачал головой.

— Нет, просто заинтересованная сторона. Какая, впрочем, разница?

— Что он не появится или что ты… ну, кто ты там есть? Неважно. Действительно, никакой разницы.

— Правильно, — сказал Слейтер.

— Минателли — мой приоритет, однако… Если одна история иссякает, начинаешь искать другую. Пересматриваешь приоритеты.

Слейтер заказал еще выпить. Он уже «принял на грудь» два пива, три бренди, и все это не закусывая. Если он намерен и дальше накачиваться, нужно что-нибудь съесть.

— И какие у тебя приоритеты? — спросил он.

— Следующий за Минателли только что сбежал от меня, — с сожалением ответила она. — Тот, с

---

[53] notes: 53

Старый Билл — еще одно жаргонное прозвище полицейского.

бородкой и хорошо подвешенным языком.

— Кевин Блейкер? Если он не поостережется, то запугает самого себя до смерти. Этот парень чокнутый. В смысле, одно дело «верить» в Хильду Огден[54], и совсем другое в Ктулху.

— Хлу-хлу, — без улыбки сказала она.

— Как угодно.

— Я Белинда Лейн, — представилась она и взглянула на часы. — И с этого момента я не на работе.

Было пятнадцать минут одиннадцатого.

— Слейтер. Джим Слейтер. И я голоден.

Бар был полон. Сквозь толпу пробился Карл Ферд и подошел к ним.

— Следующий в моем списке, — сказала Белинда.

Ферд бросил на Слейтера взгляд, говорящий: «Ты, похоже, не тратил времени даром?»

— Вы знакомы? — спросил Слейтер.

— М-мм… Нет, — застенчиво ответил Ферд. — Я Карл Ферд.

— Знаю, — сказала она. — «Дюгонь», да? Британский ответ Бобу Прауту с его «Преисподней шогготов».

---

[54] notes: 54

Хильда Огден — актриса популярной мыльной оперы, появляющаяся в образе пожилой леди с бигуди в волосах.

Ферд постарался скрыть гордость собой.

— «Дюгонь» в порядке.

— Ты скромничаешь, Карл, — сказала она. — В последнее время у тебя и впрямь появился серьезный материал: вроде как бы иронические статьи, но в них приводятся «доказательства» реальности Мифов. Единственное, что ты упустил, это сделать ссылку на Кевина Блейкера.

Ферд кисло улыбнулся.

— Ну, это же «иронические» статьи.

— Однако очень хорошо написанные, — похвалила она его. — Многие твои читатели — их сколько, около тысячи? — могут проникнуться идеей, что ты веришь во все это. Я имею в виду твои убийственные «доказательства».

— У меня очень умелые авторы, вот и все.

Она медленно улыбнулась, снова утрачивая серьезность.

«Она знает свое дело, — размышлял Слейтер. — Разговаривает с ним на его уровне. Провела серьезные исследования, не то, что я».

— Я голоден, — повторил он. — Как вы оба насчет поесть?

— Я пас, — ответил Ферд. — Мне пора домой. И меня ждет парень, который предложил меня подвезти.

— Прежде чем уйдешь, объясни: почему ты выскочил вслед за Блейкером? — спросил Слейтер.

— Хотел выяснить, собирается ли он завтра «выступать» во время игры, — ответил Ферд. — От него людям делается не по себе.

— И что, будет он там? — поинтересовалась Белинда Лейн.

Ферд покачал головой.

— Нет. Говорит, что предостерег нас и теперь умывает руки. Возвращается в Оксфорд.

Она выглядела разочарованной.

— Но ты-то там будешь?

— Конечно.

— Может, нам удастся несколько минут поболтать наедине.

«Не заводись, мальчик!» — подумал Слейтер, заметив возбуждение на лице Ферда.

— Отлично! Столько, сколько пожелаешь. — Ферд посмотрел на Слейтера. — Пока!

— Пока.

Они проводили его взглядами.

— Где будем есть? — с улыбкой спросила она.

Они на такси доехали до «мясного» ресторана и перекусили. Она едва прикоснулась к еде в отличие от Слейтера; тот умял все и выпил бутылку жуткого домашнего вина. Она же выпила лишь

половину неизменного джина с тоником. Глядя, как она ковыряется в своей тарелке, он спросил:

— Как ты влезла во все это? С какой позиции?

— Так нечестно, — ответила она. — Ты уже знаешь обо мне — выдающийся репортер и все такое. Задание: разобраться с этими игровыми встречами, поискать пропавших парней, состряпать интересную историю. Почему столько молодых людей увлекаются этим? Что их привлекает? И так далее, и тому подобное. Ты все это и сам понял, а о тебе я знаю только имя.

«Это правда», — подумал он.

— Я частный детектив, — ответил он, нарушая Правило Номер Один. — Мамочка Тони Минателли хочет, чтобы ее сын вернулся. Однако я не думаю, что она когда-нибудь увидит его снова. Молодые парни не сбегают, бросая свои машины. С ним все кончено. Ох, и ты сказала, что ищешь пропавших парней. Во множественном числе. Мое мнение: Ганс Гутмейер тоже мертв.

Она широко распахнула глаза.

— Ты хорошо информирован. А как насчет Даниэля де Мариньи?

— Что?

— Молодой француз. — Она пристально посмотрела на Слейтера. — Исчез в Реймсе.

«Да уж, это называется — *я* хорошо информирован!» — подумал он.

— Может, нам стоит объединить усилия. И ты явно не своим делом занимаешься, Белинда. Давай-ка, газетную работу побоку и открывай детективное агентство! Ты здорово опережаешь меня.

Она рассмеялась и снова резко сменила настроение.

— Ты веришь, Джим?

— Только в Санта-Клауса. Ты имеешь в виду, верю ли я, что «они» здесь и ходят среди нас? Нет! Ну, кто-то, конечно, ходит среди нас: безумные, психи. Такие, как Кевин Блейкер. Но чужеземцы? Древние Боги? Те, кто проникают сюда из пространств между пространствами?

Она откинулась в кресле.

— И теперь еще Эндрю Пейнтер, — продолжал он, — мой приятель из агентства в Кройдоне, оказался достаточно легковерен, чтобы раздуть из всего этого целую историю.

— Да?

Вино начало оказывать свое действие на Слейтера.

— Вселенные скользят и сближаются, — заплетающимся языком продолжал он. — И сквозь

трещины орудуют «рыбаки». Ему надо бы с Кевином Блейкером встретиться, они договорились бы.

Он посмотрел на пустую бутылку, она проследила за его взглядом.

— Как думаешь, в твоем отеле бар еще открыт?

— Не знаю, но у меня в номере есть полбутылки «Мартеля».

— Все точно рассчитано.

— Что да, то да, — ответил Слейтер.

Мелькнула мысль: «Ну, ты и тупица!» — он, естественно имел в виду себя.

* * *

В такси она прижалась к нему со словами:

— А что, если все это правда? В смысле, зачем они стали бы забирать этих людей? Гутмейера, Минателли, де Мариньи…

— Гутмейер был Номером Один в мире. Может, для него это было больше, чем просто игра. Может, он видел сквозь завесу. Минателли? Может, он знал или догадывался о чем-то? Не знаю. Но в реальность всего этого не верю. Будь это так… Ну, есть «рыбки» и покрупнее. Вроде этой команды «Агонии».

— Нет. — Она придвинулась еще ближе. —

«Агония» всего лишь выпускает игры, они здесь только ради долларов. Они не верят. Подсознательно они сторонники Блейкера. И они делают важное дело, распространяя по миру весть о том, во что сами не верят.

— Если бы это было реально, Блейкер уже должен был бы исчезнуть, — сказал Слейтер, остро ощущая ее близкое присутствие. — Он был бы одним из первых в их списке.

Она кивнула.

— Да. И, возможно, Карл Ферд тоже.

— Мне нравится Карл, и я рад, что все это нереально. С другой стороны, я рад, что ты вполне реальна.

— Мило, — ответила она.

— Почему Карл? — спросил он после паузы. — Он же не истинный верующий.

— Нет, но он глубокий человек, любознательный и пытливый.

— Все стараются примазаться к этому делу, — сказал Слейтер и, помолчав, добавил: — Но, знаешь, я, наверно, продолжу и дальше «копать». Здесь многое настораживает, и это может послужить оправданием для более глубокого расследования.

— И ты в этом хорош, да?

— Если уж я вцеплюсь во что-то зубами, то да.

Дождь уже перестал, когда они подъехали к отелю. Они поднялись в номер Слейтера, и он достал свою бутылку.

— Что же, приступай, если хочешь, — сказала она. — А я пошла в душ.

Оставшись один, Слейтер пил, внезапно почувствовав, что нервничает, словно юнец. Сквозь плеск воды послышался звонок телефона; клерк сообщил, что на линии Эндрю Пейнтер.

— Привет, Джим! Я весь вечер пытаюсь связаться с тобой.

— Давай, покороче, — буркнул Слейтер. — Что-то случилось?

— Да нет, ничего. — Чувствовалось, что Пейнтер испытывает неловкость. — Слушай, я только что узнал, что Джуди читает странную фантастику. Она помешана на ужасах!

— Подумаешь… — Слейтер зевнул. — Поверь, ты придаешь слишком большое значение ерунде.

— Нет, послушай, это интересно. Она сказала, что хотела бы на следующей неделе поехать на какую-то встречу в Бирмингем. «Британское общество фантастики» или что-то в этом роде. Там будут все ее любимые авторы — типа Коли Гранта, Дж. Каспара Рэмбла и Эдварда Дж. Батле-

ра, ну, того самого, которые делал серии Блейн. Я, наверно, повезу ее туда.

— По-моему, это будет пропащий уик-энд.

— Ты слушаешь меня или нет? Это еще не все, — сказал Пейнтер.

Слейтер вздохнул.

— Слушаю.

— Видишь ли, там будет целая компания авторов Мифов. И я по чистой случайности посмотрел карту, и…

— Бирмингем на твоей лей-линии, да?

— Точно! И по расстоянию-времени все сходится!

— Подумаешь, — повторил Слейтер и начал напевать: — «Они приходят и забирают меня, ха-ха…»

— Ну, *по-моему*, это интересно, — сказал Пейнтер. — А ты… ты… Ладно, все это чушь!

Послышался щелчок и гудки. Слейтер улыбнулся и положил трубку.

— Обидчивый ублюдок!

И потом минут пять сидел, слушая, как плещется в душе Белинда Лейн.

* * *

Из душа она вышла голенькой и розовой, словно новорожденная. Слейтер смотрел на нее, забыв о времени. Ее вид разом вытянул из крови алкоголь, как щипчики вытягивают жало пчелы. Всего несколько мгновений — и он полностью протрезвел. Снимая одежду пальцами, которые казались чужими — или, по крайней мере, принадлежали кому-то другому, причем неумелому, — он спрашивал себя: «Господи, как давно у меня это было?»

— Ты не очень охотно идешь на сближение. — Она потянула его в спальню. — Я даже не знаю, хочешь ты меня или нет. Все еще не знаю!

Когда он уже распростерся на постели, она перегнулась через него и поправила лежащий на прикроватном столике пейджер. Чертовски круто! «Выдающийся репортер», ничего не скажешь.

А что происходило потом… Ну, это явно была не любовь и даже не вожделение — это была потребность. Вроде потребности в хорошей еде после недельного поста, или в воде после перехода пустыни Гоби, или в свежем воздухе после восьмичасовой слежки в прокуренном номере мотеля без кондиционера. И это было чертовски

здорово! И пока они занимались этим, он вынужден был признать (правда, только себе и то нехотя), что это гораздо лучше, чем по-идиотски мастурбировать в ванне с прохладной водой.

Но такие ощущения он испытывал только, так сказать, в процессе. Сразу же после этого, когда напряжение спало и уровень сахара в мозгу заметно снизился, когда он перестал стонать, смог расцепить зубы, открыть глаза и посмотреть в ее прекрасное лицо, короче, когда он снова смог соображать…

Было то же самое, что всегда. То есть ничего. А если что и было, то отвращение — к себе, но даже еще сильнее к ней.

«Господи! — подумал он. — На таком близком расстоянии она даже не красива!»

И место сахара, с ее помощью вымытого из мозга, теперь заняла кислота, вложившая в его уста слова, которые, он понимал, нельзя говорить даже собаке и, уж тем более, женщине, в которую только что излил себя.

— Для выдающегося репортера, — услышал он собственный голос, — ты чертовски искусная шлюха!

Однако он сказал это, вместо того чтобы прикусить язык — и странное дело! Казалось, будто

сами эти слова породили новый выброс кислоты. Кислоты, которая выжигала его восприятие, так что он видел все в искаженном виде. Внезапно она больше даже не ощущалась женщиной, а ее лицо напоминало безобразную резиновую маску!

— Что? — удивленно, но не возмущенно сказала она.

Сама эта реакция должна была о чем-то поведать ему, но сейчас он зашел уже слишком далеко, был слишком сердит на себя за то, что поддался порыву. Она же ЖЕНЩИНА, а все они одинаковые.

— Шлюха! Сука! Проститутка!

— Ах!

На ее подвижном, быстро изменяющемся лице мелькнула улыбка. Левой рукой и ногами она крепко прижала его к постели. Выпустила на правой руке трехдюймовые когти, острые, как иглы, и вонзила их ему в спину. Одна игла, умело пронзившая позвоночник, парализовала его, и вместо пронзительного крика изо рта вырвался свистящий хрип.

— Нет, — сказала она, голосом, который изменился так же невероятно, как черты ее лица, — не

шлюха, просто крюк![55]

Он попытался стряхнуть ее, дернулся, сотрясаясь от муки — муки *понимания*, которое ничем не могло помочь ему. Ее правая рука оторвалась от его спины, подняла со столика пейджер и резко надавила на кнопку.

Послышался треск статики, а потом что-то похожее на речь, может даже вопрос. Но не на одном из языков Земли. Она ответила на том же языке и вонзила еще одну иглу в позвоночник Слейтера, отчего он перестал извиваться.

Прежде чем нахлынула тьма, он осознал, что она говорила сквозь трещину, и понял, что именно она сказала.

— Порядок, — вот что она сказала. — Можешь забирать нас.

---

[55] notes: 55

«Не шлюха — просто крюк» — игра слов: по-английски «шлюха» — hooker, а «крюк» — hook.

Возвращение Черного[56]

Поначалу я хотел использовать рассказы «Вызывающий Черного» и «Возвращение Черного» как диптих, с тем, чтобы первый открывал этот сборник, а второй, являющийся продолжением, закрывал его. Однако потом я решил, что конец должен быть КОНЦОМ, и по сути... уверен, вы поймете меня, когда прочтете последний рассказ сборника. Как бы то ни было, этот рассказ о Титусе Кроу (где, парадоксальным образом, сам наш герой-оккультист так и не появляется) заказал мне Боб Вейнберг для «Сборника мировой фантастики» 1983 года. Позже Поль Гэнли убедил меня написать «исходную» историю Титуса Кроу, «Властелин червей», и я даже пошел дальше, написав еще более «исходную», короткую историю в форме рассказа под названием «Пролог». Этот последний вообще не затрагивает мифы Ктулху, но он был написан с особой целью: чтобы Полю было что собрать воедино в книге под названием «Все о Кроу», хотя фактически

[56] notes: 56

“The Black Recalled”, from the World Fantasy Convention Book, 1983.
Жужунава Б. М., наследники, перевод на русский язык, © 2018.

это было отнюдь не «все», поскольку целый ряд романов о Кроу (шесть штук!) тогда еще вообще не существовал! Но, по крайней мере, туда попали рассказы и короткие повести. Так или иначе, Поль впоследствии издал и романы, так что в итоге все благополучно завершилось.

— **П**омнишь Гедни?

Этот вопрос Джеффри Арнольд задал своему спутнику Бену Гиффорду, когда они стояли на заросшей сорняками, посыпанной гравием подъездной дороге перед развалившейся каменной кладкой, чьи очертания грубо напоминали, что когда-то здесь стоял весьма впечатляющий дом. Холодный ноябрьский ветер обдувал обоих, рвал с них пальто, и такая же холодная луна только-только начала всходить над далеким горизонтом.

— Помню ли я его? — спустя мгновение ответил Гиффорд. — Как я могу забыть? Разве не для того мы встретились здесь сегодня вечером, чтобы вспомнить его? Ну, я определенно помню… помню, как сильно боялся его! Но не так сильно, как боялся вот этого парня.

Он кивнул на заросшие крапивой и сорняками развалины.

— Титуса Кроу? — сказал Арнольд. — Ну, у нас

всех в свое время были основания бояться его, но еще больше после истории с Гедни. На самом деле, это Кроу заставил меня сидеть тихо все эти годы и помалкивать. Когда я перехватил поводья у Гедни, стал, так сказать, «облаченным в мантию» председателем общества, казалось разумным проявлять еще большую осторожность. Давай взглянем правде в глаза — мы даже понятия не имели, что существуют такие, как Кроу. В то же время нужно признать, что старина Гедни сам напросился. А Кроу… Ну, наверно, он был одним из самых могущественных убийц в мире!

— Наш общий враг, и, однако, мы здесь, чтобы выразить ему свое почтение. — Уголки рта Гиффорда опустились, на губах заиграла саркастическая усмешка. — А может, мы пришли, чтобы удостовериться, что он действительно мертв?

— Мертв? Полагаю, так оно и есть, вот только его тело никогда не найдут. Ни его, ни де Мариньи.

— Ну, думаю, сейчас уже можно утверждать, что он мертв. Как-никак, восемь лет, как он ушел, исчез. И я рад этому. *Они* забрали его, а если *они* тебя забирают, ну… ты там и остаешься.

— Они? Божества Ктулху, ты имеешь в виду?

Ну, так мы все подозреваем, но…

— Это факт! — перебил его Гиффорд. — Кроу тоже был одним из их злейших врагов, как тебе известно.

Арнольд вздрогнул исключительно под воздействием холодного ночного воздуха и застегнул верхнюю пуговицу пальто. Гиффорд закурил сигарету; пламя зажигалки на мгновение осветило лица мужчин, стоящих на том месте, которое когда-то было садом Блоун-хауса, резиденции белого мага Титуса Кроу.

Арнольд был невысокий, с худощавым лицом, бледной кожей, тонкой, точно бумага, и большими, прижатыми к голове ушами. Казалось, он сделан из воска, однако глаза сверкали неземной злобой. Гиффорд был крупный — крупнее, чем Арнольду запомнилось со времени восьмилетней давности, — высокий и грузный, тяжелые челюсти, испещренное морщинами лицо, загрубевшее под воздействием склонности к чудовищным излишествам.

— Пошли, — сказал, в конце концов, Арнольд. — Посмотрим в последний раз, не удастся ли нам сгладить наши разногласия, прийти к соглашению. В смысле, когда все уже сказано и сделано, мы оба служим одному Хозяину.

Они отвернулись от разрушенного дома, чья единственная уцелевшая каменная печная труба торчала в небо, словно палец скелета. Миновав сад, они двинулись через пустошь, потерявшись в своих мыслях.

Арнольд мысленно вернулся к тому утру восемь лет назад, когда, набравшись смелости, он пришел на эту пустошь под названием Тропа Леонарда и, выдавая себя за друга и коллегу Кроу, помогал полиции обыскивать руины. Предыдущей ночью Блоун-хаус подвергся яростному нападению — здесь бушевал «странный локализованный ураган» беспрецедентной мощи, — которое буквально разорвало дом на куски. От Титуса Кроу и его друга Анри-Лорана де Мариньи не осталось и следа; однако многие книги и бумаги оккультиста уцелели! И это была основная причина, но которой Джеффри Арнольд оказался здесь — магнит, притянувший его к Блоун-хаусу. Он сумел незаметно стащить кое-какие документы и унести с собой; позже среди них обнаружились записки Кроу о Черном, этом воплощении Йибб-Тстлла, которого Кроу натравил на бывшего главу шабаша Джеймса Гедни, с целью уничтожить его.

Йибб-Тстлл, да…

Бен Гиффорд тоже думал об этом мрачном божестве, пребывающем в безразмерной, лишенной света бесконечности, и тоже вспоминал Джеймса Гедни, его злоупотребление черной магией и силами, рожденными чужеземными вселенными, силами, которые в итоге обратились против него же.

В те дни Гиффорд и Арнольд были старшими членами культа или шабаша Гедни. И они благоденствовали под его покровительством, с жадностью делили с ним полученную с помощью зла прибыль, принимали участие в его темных ритуалах и демонических практиках. Гедни был не просто дилетантом — благодаря своим исследованиям он умел проникать в самые странные места, откуда редко возвращался с пустыми руками. Все практические знания древних сокрыты в книгах, утверждал он, и принадлежащая ему оккультная библиотека не знала себе равных. И его сила опиралась на понимание и правильное использование этих книг.

Джеймс Гедни обладал способностью проникать сквозь даже самую плотную завесу, окружающую мифы и мистицизм — взяв обрывочные фрагменты потерянного со временем знания, он преобразовал их в работающие заклинания.

Потрясающая эрудиция в области лингвистики и криптографии позволяла ему раскрывать даже самые тщательно охраняемые формулы и секреты древней магии — наследие магов и некромантов, давным-давно обратившихся в прах, наследие, которое хранилось в библиотеке Гедни, собираемой им на протяжении десятилетий.

И главным направлением исследований Гедни был культ Ктулху и Древних, богов и хозяев Земли до того, как появились люди и даже динозавры. В ту эпоху, о которой не сохранилось воспоминаний, Ктулху и его порождения спустились со странных звезд на еще неразвитую, податливую Землю, и построили здесь свои города, и были величайшими магами всех времен!

Их «магия», согласно Гедни, была просто непостижимой наукой о чужеземных безднах, о темных измерениях, которые человек не в состоянии даже воспринимать. И, однако, кое-какие обрывки их странной науки сохранились на протяжении долгих веков.

На поверхности это казалось совершенно невозможным, но у Гедни и на это был ответ. Божества Ктулху не мертвы, утверждал он. Людям не стоит забывать двустишие Альхазреда:

Не смертен тот, кто может бесконечно спать;

Сама смерть в вечности способна умирать.

и гораздо менее таинственный фрагмент Тех Атха:

Там, где под странными углами бастионы возвышаются,

где мрачные стражи охраняют во мраке

гробницу спящего зверя ада и куда

боги и смертные страшатся ступать;

Там, где врата к запретным сферам

и временам закрыты, жуткие создания

Ждут, когда кончится эпоха безвременья,

Когда пробудятся те, кто не мертв…

В этих отрывках, конечно, имеется в виду сам Ктулху, не мертвый, просто спящий в своем доме в Р'льехе, погребенном в пучине Тихого океана. Что-то произошло в те доисторические времена, возможно, какое-то *вмешательство* Природы или более могущественной чужеземной расы.

В результате Божества пантеона Ктулху либо сбежали, либо были отправлены в «ссылку», удалены из мира, уже начавшего пускать ростки собственной жизни.

Территории, где эти божества погребли себя или были «заключены в тюрьму» (умереть по-настоящему они не могут), так же различны, как формы, которые они способны принимать. Ктулху заперт в затопленном Р'льехе; Хастур — в далеких глубинах Хали; Изакуа, Ходок Ветра — в ледяных просторах Арктики, откуда каждые пять лет в этот самый день совершает чудовищные набеги; и так далее.

Однако с другими божествами обошлись более сурово: Гончие Тинд'лоси сейчас обитают по ту сторону бесконечного времени, вне пределов трех обычных измерений; Йог-Сотот заключен в капсулу на границе времени и пространства, из которой не может выбраться, если только какой-нибудь безрассудно храбрый маг не призовет его! И Йибб-Тстллу тоже отведено свое место.

Однако, если сами боги или демоны гипотетической мифологии Ктулху, в основном, для людей недоступны, к некоторым их проявлениям это не относится. Мастера телепатии, Божества Ктулху давно открыли для себя уязвимость человече-

ского сознания и научились проникать в сны людей. При случае такой сновидец бывает «вознагражден» — ему даруется власть над простыми смертными, или даже он может возвыситься до жреца культа Ктулху. В древние времена, как, впрочем, и сейчас, они становились величайшими магами и волшебниками. И Джеймс Гедни был одним из таких людей — он собрал все труды о магах прошлого, какие смог, и изучил их. Титус Кроу был вторым, однако если Гедни владел черной магией, то Кроу — белой.

Оглядываясь назад, Гиффорд понимал, что столкновение этих двоих было неизбежно. Оно и произошло, и в результате Свет одолел Тьму. На какое-то время — очень недолгое — мир стал чище.

— Помнишь, как все это началось? — спросил Гиффорд. — У Кроу с Гедни, я имею в виду?

Над ними плыла полная луна; она серебрила далекие шпили и придавала тропинке вид белой ленты, вьющейся через пустошь. И сама тропа становилась все у́же, как бы предостерегая мужчин, что они выбрали неправильный путь, который может завести их в заросли колючего кустарника. Однако их это не остановило.

— Помню, — ответил Арнольд. — Гедни об-

наружил способ вызвать из ада воплощение Йибб-Тстлла, «Черного», как он называл его. Отвратительная черная кровь Йибб-Тстлла облепляла жертву, словно черный снег, все гуще и гуще, удушая ее, уничтожая, пока, в конце концов, оставалась не просто безжизненная, но и лишенная души оболочка. Поскольку этот демон — пожиратель душ, духовный вампир!

Он содрогнулся и на этот раз не только под воздействием прохладного ночного воздуха. Из-под капюшона его глаза мерцали, взгляд был прикован к шагающему рядом человеку. Мысленно он повторял странные слова или, точнее, звуки заклинания, чтобы убедиться, что все помнит правильно.

— Память не подвела тебя, — сказал Гиффорд. — Он нашел способ вызвать Черного — и сделал это. Я видел, как в результате погиб Саймондс, и знаю, что до него были другие. Люди, которые мешали Гедни. И, конечно, Черный — превосходное смертоносное оружие.

— Да, так и было, — ответил Арнольд и про себя добавил: «И будет снова!»

— Помнишь, как это делается? — спросил Гиффорд.

«Осторожно! — прозвучало в сознании Арноль-

да предостережение. — Осторожно!»

— Кое-что. Немногое.

— Ох, брось! — проворчал Гиффорд. — Ты уже восемь лет глава шабаша, достиг большего могущества, чем сам Гедни, и теперь пытаешься убедить меня, что не потрудился выяснить механизм действия этого? Ха!

И добавил мысленно: «Нет, малыш Арнольд, так просто ты не отделаешься. Извивайся, мой маленький вероломный червяк, извивайся!»

— Говорю же, кое-что! — резко бросил Арнольд. — Требуется карточка с написанными на ней древними рунами птетолитов[57]. Это, в некотором роде, приманка, запах которой помогает Черному выследить свою жертву. Карточка вручалась жертве и потом… потом…

— Потом Гедни произносил слова заклинания, — закончил за него Гиффорд. — Черный появлялся словно бы ниоткуда, черные снежинки облепляли жертву, удушая, затопляя, высасывая из нее жизнь и душу!

— Да, — сказал Арнольд. — Да.

---

[57] notes: 57

Птетолиты — вымышленные древние люди, придуманные Брайаном Ламли. Перед самым концом своей цивилизации, ставшим результатом разрушительных войн, они установили ряд столбов (о них упоминается ниже), на которых запечатлели свою историю.

Тропа обрывалась у берега, спускающегося к широкой, залитой лунным светом водной глади, которую рябил легкий ветерок.

— Ха! — воскликнул Гиффорд. — Озеро! Ну, придется возвращаться. Пустая трата времени, хотя… Мы получили возможность поговорить. В конце концов, многое произошло с тех пор, как я уехал в Америку и основал там новый шабаш, а ты остался здесь, чтобы руководить прежним.

Они повернули обратно.

— Многое, да, — согласился Арнольд. — И, как ты отметил, я теперь гораздо могущественнее, чем Гедни. А как твои дела? Я слышал, ты тоже добился значительных успехов.

— Ну, ты прекрасно знаешь, что я преуспел. Мой шабаш силен — полагаю, сильнее твоего. Ничего удивительного — я же его лидер. — Он вскинул руку, предупреждая возможные возражения. — Об этом не говорилось из уважения к тебе, Арнольд. Однако факты красноречивее всяких слов. Я не по воле случая оказался за границей. Я уехал, поскольку знал, что именно найду там. Да, мы поделили между собой знание Гедни, его книги, но мне было известно и о кое-чем другом. И речь идет не только о книгах, Арнольд. И сейчас в Новом Свете есть культы и шабаши

за пределами даже моего воображения, нужно только знать, где их искать. И сейчас все они объединились — под моим руководством! Пока не жестко, правда, но со временем все изменится.

— Ты хочешь присоединить и нас? — взорвался Арнольд. — У тебя даже хватило наглости явиться сюда и сказать это мне в лицо! Ну, американское влияние в Англии тебе не поможет, Гиффорд. Ты поступил глупо, придя сюда один!

— Один? — угрожающе тихо переспросил второй. — Я *никогда* не бываю один. И глуп ты, друг мой, не я.

Увлекшись спором, они сбились с тропы и шли, спотыкаясь о влажный, комковатый дерн, продираясь сквозь заросли кустарника, пока впереди снова не замаячила на фоне луны старая дымовая труба. И теперь, когда их извечное соперничество вспыхнуло снова, оба одновременно приняли решение, что ему нужно положить конец здесь и сейчас.

— Вот здесь умер Гедни, — сказал Арнольд. — Он дал Кроу одну из своих карточек, вызвал Черного и натравил его на этого человека.

— Да, а Кроу установил защиту вокруг своего дома, — продолжил рассказ Гиффорд, — но против Черного она оказалась бесполезна. В конце

Кроу пришлось прибегнуть к собственному дьявольскому могуществу.

— Ага, умный был человек Кроу, — заметил Арнольд. — Он знал, что написано на разрушенных столбах птетолитов. Знал, что они умели использовать черную кровь Йибб-Тстлла. Там он и получил подсказку.

— Действительно, — усмехнулся Гиффорд. — Похоже, ты знаешь гораздо больше, чем притворялся, а?

И негромко произнес нараспев:

Пусть тот, кто призывает Черного,
осознает грозящую ему опасность —
его жертва может быть защищена
Заклинанием бегущей воды
И обратит призванную Тьму
Против самого вызывающего…

Арнольд выслушал его и мрачно улыбнулся.

— Позже я тоже прочел это. Тебе известно, что Кроу хранил описания всех своих дел? Поразительный человек. Обнаружив, что на него напали, он вспомнил отрывок из «Некрономикона». Вот он:

«…из пространства, которое не пространство,

в любое время, когда произнесены Слова, обладатель Знания может вызвать Черного, кровь Йибб-Тстлла, который обитает отдельно от него, в стороне от земных душ, который удушает и называется «Утопитель». Только одна вода может избежать утопления; то, что уже в воде, не утонет…»

— Это оказалось легко, — продолжал Арнольд, — для такого, как он — человека со стальными нервами! Пока Черный облеплял его все гуще, он просто встал под душ и включил воду!

Гиффорд отпрянул от Арнольда и пролаял, словно огромная гончая.

— Да! — Он расхохотался. — Да! Представляешь? Великого Джеймса Гедни обвели вокруг пальца! И как он, наверно, сражался, пытаясь прорваться в душ! Поскольку, конечно, Кроу каким-то образом вернул ему его карточку, обратив Черного «против самого вызывающего». А Кроу отгонял его, не подпускал к струящейся воде, пока Черный не сделал свое дело и не унес душу Гедни к Йибб-Тстллу. Ах! Вот она, ирония судьбы!

Арнольд попятился; сейчас маги стояли лицом друг к другу, разделенные развалинами Блоунхауса.

— Однако сегодня здесь нет бегущей воды, друг

мой, — сказал Арнольд со злобной усмешкой.

Его лицо в лунном свете казалось белой маской.

— Что? — Огромное тело Гиффорда затряслось от хохота. — Угроза? Ты не осмелишься!

— Не осмелюсь? В левом кармане твоего пальто, Гиффорд… вот где она!

И когда Гиффорд вытащил исписанную рунами карточку, Арнольд начал громко бормотать ужасное заклинание, призывая ядовитую кровь Йибб-Тстлла из пространства за всеми известными пространствами. Эта безумная, жужжащая какофония многократно отрепетированных звуков, закончившаяся вибрирующим крещендо, немедленно произвела эффект — но совсем не тот, которого ожидал Арнольд!

— Я же сказал — ты глупец, — язвительно бросил Гиффорд через развалины Блоун-хауса. — Ужасный глупец! По-твоему, я стал бы игнорировать силу, достаточно могущественную, чтобы погубить такого человека, как Гедни?

С каждым словом его голос звучал все громче, все глубже и, в конце концов, превратился в мощный, хриплый бас. Странная энергия была запущена в действие, вытягивая из земли туман, устремляющийся вверх закручивающимися,

дымными спиралями. Сейчас развалины дома между магами выглядели так, будто взрыв произошел совсем недавно.

Арнольд попятился, повернулся, собираясь броситься бежать, но зацепился ногой за обросший мхом кирпич и упал. Тут же вскочил, обернулся — и замер!

Гиффорд, все еще хохочущий, избавился от своего пальто, а сейчас сорвал с себя пиджак, рубашку и бросил на испускающую пар землю. И под одеждой…

…его грузное тело было черным!

Не как у негра, не как гагат или черное дерево, не как чистейший оникс. Черным как космос между самыми дальними звездами — черным, как черная кровь самого Йибб-Тстлла!

— О, да, Арнольд, — пророкотал Гиффорд, его ноги утопали в колышущемся тумане, верхняя часть туловища начала дрожать, превращаясь в нормальном пространстве в ускользающее от взгляда пятно. — О, да! Ты думал, я удовлетворился тем, что едва коснулся поверхности тайны? Я должен был проникнуть глубже! Что, управлять Черным? Господи, *я и есть* Черный! Жрец Йибб-Тстлла на Земле — верховный жрец, Арнольд! И теперь Черный — порождение не

темных пространств, не чужеземных измерений. Теперь это мое порождение! Мое тело — вместилище для него! И ты осмелился вызвать Черного? Да будет так…

Он порвал на клочки исписанную рунами карточку и сделал указующий жест в сторону своего спутника, стоящего по другую сторону развалин.

Казалось, будто тьма начала сходить с Гиффорда, будто верхняя половина его тела извергла мириады крошечных фрагментов черного. На мгновение они зависли, словно рой ночных пчел, а потом распались на два потока, которые согласованно облетели развалины с обеих сторон.

Джеффри Арнольд видел это, и, несмотря на весь свой ужас, успел удивиться. Однако больше он не успел ничего. Спустя считаные мгновения два гигантских «питона» чужеземной материи взмыли вверх, обрушились на него и облепили, словно глазурь. Все гуще и гуще наслаивались черные частички, и в конце концов его пронзительный крик смолк, когда они полностью закрыли лицо.

Он задергался в пляске — жуткой пляске невыносимой боли — и упал на источающую туман землю. Несколько долгих секунд еще подергивался, извивался и наконец затих.

Бенджамин Гиффорд наблюдал за происходящим и, хотя был полностью предан злу, увиденное не доставило ему удовольствия. Маг и некромант, он прекрасно понимал, что сейчас в дело вовлечены чрезвычайно могущественные силы зла. А на всякое Могущественное Зло всегда найдется Могущественное Добро. Баланс неизменно сохраняется.

Он перестал смеяться, медленно закрыл рот и почувствовал, как волосы на затылке встают дыбом. Принюхался, словно гончая, почувствовавшая подозрительный запах. Возникло ощущение, будто что-то пошло не так — и ему стало страшно. Его тело, сейчас полностью обнаженное и гораздо более стройное, чем когда его окутывал Черный, задрожало в волнах тумана.

Взять хотя бы этот туман. Гиффорд полагал, что его породило заклинание Арнольда, так сказать, любопытный побочный эффект. Однако сейчас для Арнольда все было кончено, и, тем не менее, курящийся, извивающийся туман продолжал подниматься над развалинами старого дома. Над развалинами дома Титуса Кроу…

И почему Черный не полетел над развалинами напрямую, а предпочел разделиться и обогнуть их? Разве что…

— Нет! — прохрипел Гиффорд; сейчас его голос утратил свою невероятную силу и мощь. — Нет, это невозможно!

Это и впрямь было невозможно. Или?..

Арнольд не подавал ни малейших признаков жизни. Черный поднялся над ним, оставив на земле деформированное, оцепеневшее тело. Сейчас он выглядел как рваная дыра в нормальном пространстве, зависшая у края Блоун-хауса. А потом облако живого зла снова трансформировалось в две «змеи», которые заскользили обратно, в обход развалин.

Они приближались медленно, угрожающе, явно имея определенный *умысел.* И Гиффорд наконец понял в чем дело. Кроу давно погиб, однако установленная им вокруг дома защита сохранялась до сих пор и будет сохраняться, пока само время не подойдет к концу, вместе с магией, что черной, что белой. Дом стал фокальной точкой Добра, genius loci всех огромных благих сил, которые человек на протяжении долгих веков называет Богом! И эти силы не ушли вместе с Кроу, но сохранились здесь и даже стали еще могущественнее.

Призвать Черного именно сюда, в это место, было богохульством, и призвавший его в полной

мере заплатил за это. Однако *принести* его сюда на себе, словно мантию, и быть при этом жрецом Йибб-Тстлла, было несравненно бóльшим богохульством. Эти развалины неприкосновенны, и останутся такими во веки веков.

— Нет! — в последний раз прохрипел Гиффорд, за мгновение до того, как Черный напал на него.

И поскольку он перестал быть жрецом, *этот* Черный был порождением…

* * *

Когда странный туман растаял, руины Блоунхауса выглядели как прежде, серебрясь в лунном свете. Вот только теперь в ночи лежали два трупа — жалкие, съежившиеся фигуры; когда их найдут утром, они будут холодными и закоченевшими, как земля, на которой они лежали.

Вот только у земли нет души…

Сон мага[58]

Если вы прочли мое вступление к «Возвращению Черного», то согласитесь, что здесь ситуация с публикацией та же самая. «Сон мага» — рассказ о древних временах; предыдущий рассказ того же типа, «Дом Ктулху», открывал первый номер журнала Стюарта Шиффа «Шепоты» за 1973 год. Итак, поскольку «Сон мага» должен был стать завершающим рассказом в будущей книге о древних временах, казалось правильным продать его Шиффу, опубликовавшему первый рассказ. До сих пор понятно? Как бы то ни было, он купил его и опубликовал в «Шепотах» № 13/14 (сдвоенный выпуск) в октябре 1979 года. Однако позвольте повторить: когда я писал «Сон» в феврале 1976-го, то ни в коей мере не планировал, что он станет последним рассказом о древних временах; нет, только что он станет заключительным рассказом в ожидаемой вышеупомянутой книге о древних временах… (Уф!) Что в точности и произошло: в последующие годы я написал еще

---

[58] notes: 58

"The Sorcerer's Dream", from Whispers 13/14, 1979.

Жужунава Б. М., наследники, перевод на русский язык, © 2018.

несколько рассказов о древних временах, которые, в итоге, мой добрый друг и издатель Поль Гэнли (вы, наверно, и сами догадались, что это сделал он?) включил в одну из книг издательства «Weirdbook Press» — «Вейрбук Пресс». А именно, в «“Дом Ктулху” и другие рассказы». В точности, как я и рассчитывал, «Сон» стал завершающим в сборнике — как и здесь. В самом конце о КОНЦЕ.

Переведено Тельредом Густаву
из «Легенд древних рун» Тех Атха.

Я, Тех Атхт, погрузился в мир снов. И сейчас, до того, как свет дня может погасить воспоминания об этом сне в моем старческом сознании — пока Глит, слепой бог Луны, правит в небесах над Клюном, и звезды ночи искоса смотрят с высоты — я запишу его в своей книге рун, где все древние руны изложены как легенды. Я немало размышлял над великими таинствами пространства и времени, отгадал многие загадки Древних, и все знания такого рода записаны в моей книге рун, чтобы впоследствии помочь магам, которые пока еще не появились на свет.

Что касается того, почему я погрузился в этот сон, исследующий зияющую бездну будущего времени до самого КОНЦА, где осталась лишь

мрачная, черная, пустая Гробница Вселенной, то причин тому много. Это и прах мумий, дошедший до меня через столетия, и записки магов древности, сохранившиеся с тех времен, когда мир был молод, и бесформенные иероглифы, высеченные на ныне Разрушенных колоннах Гефа, и да, мерзкие ночные кошмары безумцев, чьи видения и свели их с ума. И такого рода мотивы притягивали меня, как утреннее солнце и океанский туман на побережье Тим'хдры, поскольку по природе своей я стремлюсь разгадать любую тайну.

Тайна же в данном случае состояла вот в чем: на протяжении многих лет до меня доходили передаваемые шепотом слухи о чудовищном чужеземном боге, который проник сюда со звезд, когда наш мир только-только зарождался, и эти слухи чрезвычайно тревожили меня. Имя бога, Ктулху, было окутано легендами, полузабытыми мифами и смутными верованиями.

Интересуясь этим же Ктулху, мой коллега из древнего Кланги, маг Незор Таркву, побывал в храме Древних в Ултаре, в стране снов, и ознакомился там с «Пнакотическими рукописями». По возвращении из Ултара он стал практиковать чрезвычайно странную магию, а потом исчез навсегда из мира людей. С тех пор Кланги погиб,

отгороженный от мира пустыней Шеб, где ламия Орбиквита построила свой замок, и теперь люди страшатся этого региона и называют Кланги Проклятым городом, которого нужно остерегаться.

Я тоже побывал в Ултаре и считаю благом то, что после пробуждения не смог вспомнить, о чем прочел в «Пнакотических рукописях». В памяти остались только некоторые жуткие имена, которые в нем упоминаются — Ктулху, Тсатхоггуа и Уббо-Сатла. И еще там шла речь о Гхатанотхе, сыне Ктулху, чей мрачный храм даже сейчас возвышается в Тим'хдре, в месте, которого я не стану называть. Оно обречено, поскольку на храм и его жрецов наложено проклятие, и с тех пор они лишились своих имен, удаленных из всех записей.

Но даже несмотря на все это, я никогда не питал бы такого долгого, нездорового интереса к чудовищному богу Ктулху, если бы сам не слышал Его призыв в беспокойных снах, призыв, который сводит людей с ума, манит их служить мерзкому культу и совершать мерзкие дела. Такие сны стали посещать меня после разговора с Зар-тулом, варваром и грабителем, или, точнее, кем-то вроде невнятно бормочущего гриба, когда-то бывшего грабителем, запертым в глубокой темнице Клухна, обреченным гнить и бессвязно лепетать о

неземных ужасах. В свое время Зар-тул задумал ограбить Дом Ктулху на запретном острове Арльехе, в результате чего Арльех ушел под воду во время чудовищной бури. Однако перед этим Зар-тул успел разглядеть Ктулху и его сокровища, среди которых были гранаты цвета зеленой слизи, кроваво-красные рубины и лунные камни злобы и безумия.

И когда навеянные рассказом Зар-тула сны посещали меня, омрачая нежные объятия Шуш, Богини Спокойного Сна, я, дрожа, поднимался с дивана и расхаживал по хрустальным полам своих комнат над заливом Клухна. Эта загадка чрезвычайно беспокоила меня — даже я, Тех Атхт, которому в оккультных искусствах в Тим'хдре нет равных, испытывал мучительную тревогу.

Поэтому я отправился в горы Древних, окурил себя За-травой и попросил совета у своего предка, мага по имени Милахрион из Тарамуна, умершего одиннадцать сотен лет назад, который ответил, что нужно исследовать ИСТОКИ и ПОСЛЕДСТВИЯ, НАЧАЛО и КОНЕЦ. И той же ночью в своем тайном подвале я выпил необыкновенно горькую настойку мандрагоры и снова опустился в пучину снов, даже в сны тех, кто умер и был забыт задолго до того, как люди вообще научи-

лись проникать в сны. Итак, в поисках ИСТОКОВ я оказался в легендарном, смутном прошлом.

И увидел горячую, местами расплавленную Землю. Глиз еще даже не появился на свет, и, соответственно, ночами не плавал в вулканических облаках над землей. Потом, притянутый силой за пределами моих познаний, я оказался в изначальной пустоте, где увидел, летя сквозь бездонную тьму, совершенно безумные фигуры. И первым из них был Ктулху с шевелящимися вокруг рта щупальцами, и среди Его последователей были Йог-Сотот, Тсатхоггуа и многие другие, похожие на Ктулху, но меньше Него. И вот, Ктулху призвал Азатота, и звезды вспыхнули ярко, и все пространство восславило Его приход.

Когда-то давным-давно через необъятность космоса они летели, сходили на окутанную паром Землю, строили огромные города необычной архитектуры, в которых своеобразные углы смущали глаз и разум, и башни обрывались как пропасти, и внешне прочные стены служили «вратами»! И они жили в них на протяжении долгих эпох, в своих ужасных городах под свинцовыми небесами и странными звездами. Да, и они были могущественными магами, Ктулху и Его порождение, и замышляли ужасное зло про-

тив Других, когда-то бывших их братьями. Они ведь пришли на Землю не по собственной воле, а сбежали от Старших Богов, чей кодекс поведения нарушили самым недопустимым образом.

И так могущественны были их маги в огромных серых городах, что Старшие Боги ощутили вибрацию в самой ткани Существования, и поспешно, в ярости спустились на Землю, и запечатали Дома Ктулху, и Он, как и многие из Его рода, стали там пленниками за свои грехи. Однако некоторые из этих великих магов, такие как Йог-Сотот и Йибб-Тстлл, сбежали обратно на звезды. Но Старшие Боги преследовали их и там, сковывая всякий раз, когда находили. Потом, когда все это завершилось, Старшие Боги вернулись туда, откуда пришли. Эпохи проходили одна за другой, и звезды выстраивались в странную конфигурацию, неумолимо приближаясь к тому времени, когда Ктулху мог обрести свободу…

* * *

Вот как я увидел ИСТОКИ по совету своего предка Милахриона из Тарамуна. Пробудившись в тайном подвале, я содрогнулся и изумился тому, что этот омерзительный бог Ктулху пережил все эти эпохи, нимало не изменившись. Ведь я

знал, что Он до сих пор жив в своем затопленном морем городе; Его бессмертие вызывало недоумение. Стало ясно, что именно на последнем следует подробно остановиться — на бессмертии Ктулху — и выяснить, действительно ли Он и впрямь бессмертен… И это снова напомнило мне совет Милахриона: «Исследуй ИСТОКИ и ПОСЛЕДСТВИЯ, НАЧАЛО и КОНЕЦ».

Поэтому прошлой ночью я снова выпил настой мандрагоры и ушел в сон в поисках КОНЦА. И я нашел его…

В конце времен наступила вечная ночь, и вся вселенная превратилась в огромную пустую гробницу, где ничто не шевелилось. И я стоял на дне мертвого моря и смотрел вверх, туда, где когда-то Глит украшал собой небеса — старый Глит, давно распавшийся и прахом осыпавшийся на Землю. И я опустил опечаленный взгляд вниз, на мрачную, одинокую скалу, торчащую со дна песчаного моря.

И поскольку любопытство всегда было проклятием магов, у меня возник вопрос, почему, хотя это КОНЕЦ, само время продолжает существовать. И потом я понял, что раз время существует только благодаря пространству, своему брату, то *совсем* закончиться не может, как не может *совсем* угас-

нуть и жизнь. И едва у меня мелькнула эта мысль, как, будто бы ею и порожденный, послышался мощный грохот, и Земля содрогнулась. Весь мир сотрясался, и мертвое море открылось во многих местах, и возникли глубокие трещины, из которых поднялись ужасные порождения Ктулху!

И вот оно! Теперь я знал, что Ктулху действительно бессмертен, поскольку в последней, предсмертной судороге Земли Он возродился! Торчащий вверх искривленный кусок скалы — все, что осталось от Арльеха, Дома Ктулху — задрожал и развалился, и моему потрясенному взору открылась Его могила. И вслед за тем оттуда хлынула жуткая вонь, а потом и Он сам протиснулся в мертвую вселенную.

И тут все те, кто вырвался из своих древних темниц, затопали, зашлепали, поползли к Его ногам, чтобы выразить свое почтение. Он же, мигая огромными, злобными, круглыми, как у осьминога, глазами, удивленно оглядывался по сторонам, поскольку Его сон длился целую вечность, и Он не знал, что теперь вселенная мертва, и само время подошло к концу.

Его обуял *ужасный* гнев! Он метнул свое сознание в пустоту и увидел тлеющие угольки, оставшиеся от звезд; поискал в самых дальних

закоулках вселенной свет и тепло, но нашел лишь тьму и разложение; попытался обнаружить жизнь в огромных морях, но там были лишь могилы. И чем дольше это продолжалось, тем сильнее Он гневался!

Потом Он откинул назад голову с извивающимися вокруг рта щупальцами и проревел имя Азатота голосом, который заставил Его создания отползти назад, к трещинам, прежде служившим им могилами, и… Ничего не произошло! Пески времени иссякли, и даже величайшие маги утратили свое могущество.

И ярясь, бушуя и богохульствуя, как мог только Он один, Ктулху *внезапно увидел меня!*

Я всего лишь видел все это во сне, который перенес меня далеко, очень далеко от моего реального времени. Тем не менее Он ощутил мое присутствие и молниеносно повернулся ко мне, извиваясь щупальцами и пытаясь дотянуться ими до моего пребывающего во сне духа. И тогда — будь проклят этот миг! — прежде чем с криком броситься назад по коридорам времени и проснуться в холодном поту в своем тайном подвале, я заглянул в дьявольские глаза Ктулху.

* * *

Уже рассвет, и я почти закончил записывать свой рассказ. Вскоре я отложу в сторону книгу с рунами и обдумаю дела на предстоящий день. Прежде всего я позабочусь о том, чтобы покрыть хрустальный купол своей мастерской черным лаком, поскольку боюсь, что вид звезд станет для меня невыносим. Хоть и бесконечно далекие, раньше они дружески подмигивали мне, но теперь я знаю — они смотрят вниз враждебно, неумолимо приближаясь к месту следующего пробуждения Ктулху. Поскольку конечно же Он будет просыпаться много раз до своего последнего пробуждения в самом КОНЦЕ.

И если я, убегая от бога Арльеха во сне, думал, что и в самом деле спасся от Него, то я ошибался. Ктулху был, Он есть, и Он будет всегда — теперь-то я понимаю, что в этом и состоит сущность той великой тайны, которая так долго тревожила меня. Ктулху — Мастер хождения по снам, и теперь Он *знает* меня. И будет следовать за мной через все мои сны, и я вечно буду слышать Его призыв… даже в самом КОНЦЕ.